

Boxoft Image To PDF Demo. Purchase from www.Boxoft.com to remove the watermark.

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. В. Циммерлинг

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК - 811.16
ББК - 81
Ц 61

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 13-04-16002

Рекомендовано к печати Ученым советом Института языкознания РАН
и Ученым советом МГТУ им. М. А. Шолохова

Рецензенты:

Профессор, член-корреспондент РАН В. А. Плузьян
Профессор, доктор филологических наук Е. В. Падучева

Циммерлинг А. В.

Ц 61

Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. —
М.: Языки славянской культуры, 2013. — 544 с. — (Studia Philologica).

ISBN 978-5-9551-0686-1

Обоснована типологическая классификация систем порядка слов с клитиками уровня предложения, описаны все типы систем порядка слов с цепочками клитик, действующими в славянских языках древнего и нового времени. Рассматривается соотношение формально-синтаксических, коммуникативных и просодических факторов линеаризации предложения. Книга поделена на две части. В первой части, озаглавленной «От объяснения к описанию», излагается вариант отстаиваемого автором формализма, который можно охарактеризовать как модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимости. Данный аппарат используется также для описания коммуникативных составляющих — они трактуются как проекции элементов, т. е. группы, и для описания цепочек клитик, которые трактуются как группы особого рода. Во второй части, озаглавленной «От описания к объяснению», рассматриваются отдельные параметры славянских систем порядка слов с цепочками клитик. Ключевое значение для концепции книги имеет противопоставление двух групп правил, определяемых в работе как «глобальные» и «локальные» правила. Содержание данной пары терминов применительно к механизмам линеаризации полноударных элементов комментируется в главе 1. Содержание данной пары терминов применительно к механизмам линейно-акцентных преобразований, связывающих между собой высказывания с общим составом, но разным линейным порядком и разной коммуникативной перспективой, раскрывается в главе 7. Содержание данной пары терминов применительно к синтаксису клитик комментируется в главах 2, 3, 9 и 11.

ББК - 81

*В оформлении переплета использованы фрагменты Ивановских стихов
первой половины XIX в.*

*На задней стороне переплета фотография А. В. Циммерлинга,
сделанная Сергеем Савиным*

ISBN 978-5-9551-0686-1

© Циммерлинг А. В., 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТ ОБЪЯСНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ	
ГЛАВА 1. ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОРЯДКА СЛОВ.....	17
1.0. Локальные и глобальные правила в грамматике	17
1.1. Синтаксические группы	21
1.2. Гипотеза о базовом порядке и условия ветвления	25
1.3. Схема линеаризации предложения и глобальные правила.....	28
1.4. Схема линеаризации полных Именных Групп и перемещения	33
1.5. Упорядочивание цепочек клитик и смежных позиций	40
ГЛАВА 2. СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ С КЛИТИКАМИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	44
2.0. Синтаксические ограничения и системы порядка слов с клитиками	45
2.1. Типология порядка слов и синтаксис клитик	53
2.2. Разряды клитик и синтаксические ограничения.....	61
2.3. Закон Ваккернагеля и цепочки клитик	70
2.4. Цепочки клитик и глагольные формы: W-системы и W'-системы	71
2.4.1. W*-системы и V-системы.....	76
2.4.2. Общая характеристика языков с цепочками клитик.....	80
2.5. Клитики и фразовые аффиксы.....	81
2.5.1. Попытка выяснить соотношение фразовых аффиксов и клитик вне связи с выбором формальной доктрины	81
2.5.2. Попытка заменить понятие клитик понятием фразового аффикса в рамках конкретного формализма	82
2.5.3. Попытка совместить понятие клитик с понятием фразового аффикса в рамках единого формализма.....	83
2.6. Перспектива исследований систем порядка слов с клитиками.....	83
ГЛАВА 3. СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	86
3.1. Программа исследования	86
3.2. Цепочки клитик и типы языков.....	88
3.2.1. Определения типов	88
3.2.2. Разновидности W-систем.....	90
3.2.3. Разновидности W'-систем.....	92
3.3. Цепочки клитик в зависимых клаузах	93
3.4. Правила Рангов клитик	94
3.5. Правила Барьера	98
3.6. Копирование клитик	101
3.7. Рабочие гипотезы	102
3.8. Славянские языки	102
3.8.1. Местоименные клитики и кластеризация	103
3.8.2. Разряды кластеризуемых клитик	103
3.8.3. Кластеризация и синтаксическая область	104
3.8.3. Распределение славянских языков с цепочками по классам	106

3.9. Правила Начальной Составляющей	108
3.10. Правила Рангов.....	110
3.10.1. Ареальные типы Правила Рангов	110
3.10.2. Упорядочение клитик внутри блоков Правила Рангов	113
3.11. Правила Барьера	113
3.11.1. Барьеры Придаточного	113
3.11.2. Барьеры Главного Предложения и начальные ансамбли	114
3.11.3. Инверсия <i>ли</i> в болгарском языке	115
3.11.4. Копирование клитик в славянских языках	117
3.11.5. Клаузы с двумя начальными Барьерами	117
3.12. Начальные ансамбли и запрет на комбинации групп перед цепочкой	118
3.13. Парентетические вставки и типы клитик	119
3.14. С-системы	123
3.15. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале	124
3.16. Выводы к главе 3	126
ГЛАВА 4. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	128
4.1. Правила Рангов синтаксических элементов как эмпирические генерализации.....	128
4.1.1. Цепочки и клитики	128
4.1.2. Принципы организации цепочек.....	135
4.2. Правила Рангов как алгоритмы линеаризации	142
4.3. Корпуса текстов и верификация сценариев построения Правила Рангов	146
4.4. Выводы и перспективы.....	151
ГЛАВА 5. СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХОЗЯЕВА КЛИТИК	154
5.1. Сентенциальные составляющие и цепочки клитик в славянских языках	155
5.2. Сентенциальные составляющие как хозяева клитик в некоторых неиндоевропейских языках.....	160
5.2.1. Кавиненья.....	160
5.2.2. Кашибо-какатаибо	160
5.2.3. Юго-восточный тепехуан.....	161
5.3. Выводы.....	162
ГЛАВА 6. ФИКСИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ТАБЛИЧНЫЕ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКАХ МИРА.....	163
6.1. Табличные схемы предложения и ИГ в некоторых языках мира	163
6.2. Датский язык	164
6.2.1. Табличная схема предложения в датском языке.....	164
6.2.2. Табличная схема ИГ в датском языке	167
6.3. Немецкий язык	169
6.3.1. Табличная схема предложения в немецком языке	169
6.3.2. Место вопросительных слов в табличной схеме немецкого предложения	178
6.3.3. Табличная схема ИГ в немецком языке	180

6.4. Язык кашмири: синтаксические ограничения и локальные правила	181
6.4.1. Табличная схема ИГ в языке кашмири	182
6.4.2. Табличная схема предложения в языке кашмири	184
6.4.3. Ограничение V2 и картография предложения в языке кашмири: формально-грамматические и коммуникативные факторы	190
6.5. Лужицкие языки	196
6.5.1. Табличная схема предложения в лужицких языках	196
6.5.2. Табличная схема ИГ в верхнелужицком языке	200
6.6. Английский язык	204
6.6.1. Табличная и трансформационная запись английского порядка слов. Табличная схема ИГ в английском языке	204
6.6.2. Табличная схема английского предложения	206
6.6.3. Повествовательные предложения	208
6.6.3.1. Предикатная рамка	208
6.6.3.2. Препозиция подлежащего форме глагола	210
6.6.3.3. Auxiliary Support и табличная схема вопросительных предложений	217
6.6.4. Конструкции с инверсивным порядком слов и табличная схема английского предложения	222
6.6.5. Локативная Инверсия и табличная схема повествовательного предложения	230
6.6.6. Инверсивные конструкции в табличной схеме английского предложения	235
6.6.7. Выводы	237
6.7. Язык оне	239
6.7.1. Табличная схема предложения	241
6.7.2. ИГ языка оне	241
6.7.3. Выводы	243
6.8. Румынский язык	244
ГЛАВА 7. СВОБОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ВИДЫ СКРЭМБЛИНГА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	251
7.0. Понятие скрэмлинга	251
7.1. Скрэмлинг полноударных элементов предложения	252
7.1.1. Ближний & локальный скрэмлинг	253
7.1.2. Дальний & локальный скрэмлинг	253
7.1.3. Дальний & неограниченный скрэмлинг	254
7.1.4. Ближний & неограниченный скрэмлинг	258
7.2. Скрэмлинг клитик: параметры Clitic Climbing и Clitic Scrambling	259
7.2.1. Дальний локальный скрэмлинг клитик	259
7.2.2. Дальний неограниченный скрэмлинг клитик	261
7.3. Скрэмлинг, коммуникативная перспектива и интонация	262
7.4. Линейно-акцентные преобразования, скрэмлинг и перемещения	264
7.5. Линейно-акцентные преобразования и базовый порядок слов	267
7.6. Парадокс инвертируемости	283
7.5. Скрэмлинг и перемещения в Минималистской Программе Хомского	284

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТ ОПИСАНИЯ К ОБЪЯСНЕНИЮ

ГЛАВА 8. СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКОМ АРЕАЛЕ	291
8.0. Классификация славянских систем порядка слов	291
8.1. Кластеризуемые клитики в славянских языках	291
8.2. Разряды кластеризуемых клитик	293
8.3. Позиция кластеризуемых клитик в предложении	294
8.4. Синтаксические и просодические клитики	297
8.5. Ориентация клитик как фактор, ограничивающий число позиций	299
8.6. Основные типы систем порядка слов в славянских языках	305
8.6.1. Стандартные W-системы	305
8.6.2. W ⁺ -системы	306
8.6.3. W [*] -системы	309
8.6.4. V-системы	311
8.6.5. Начальная позиция в W-системах и W ⁺ -системах. Verb-Adjacent clitics и 2P clitics	312
8.6.6. Ограничение на число групп в начальной позиции предложения в W-системах и W ⁺ -системах	318
8.6.7. C-системы	320
8.7. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале	320
ГЛАВА 9. ПРАВИЛА РАНГОВ В СЛАВЯНСКИХ СИСТЕМАХ ПОРЯДКА СЛОВ	322
9.0. Правила Рангов в синхронии и диахронии	322
9.1. Синхронная типология	323
9.1.1. Область порождения клитик	324
9.1.2. Упорядочивание категорий клитик в Правилах Рангов	327
9.1.3. Место возвратной клитики в блоке местоимений	329
9.1.4. Иерархия Падежа-и-Лица	330
9.2. Диахроническая типология	332
9.2.1. Последовательность клитизации	332
9.2.2. Исторический и Категориальный Принципы формирования Правила Рангов	334
9.2.3. Первичное и вторичное упорядочение	335
9.3. Связочные клитики 3 л. и ареальные варианты Правила Рангов	336
9.3.1. Балканский тип Правила Рангов	337
9.3.2. Западнославянский тип Правила Рангов	338
9.3.3. Древнев Новгородский тип Правила Рангов	339
9.4. Датировка ареальных типов Правила Рангов и внутренняя реконструкция	344
9.4.1. Проницаемость/непроницаемость клеток Правила Рангов	345
9.5. Правила Рангов, некластеризуемые клитики и полуклитики	349
9.6. Эволюция возвратной клитики *sę в славянских языках	352
9.7. Математическое моделирование эволюции Правила Рангов	352
ГЛАВА 10. ПРАВИЛА НАЧАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ	355
10.1. Ограничение на состав начальной группы	355
10.2. Общая характеристика базисов клитик и группы Правил Начальной Составляющей	356

10.2.1. Универсальный базис <i>Comp/XP</i>	356
10.2.2. Просодические фильтры.....	358
10.2.3. Основной синтаксический фильтр.....	359
10.2.4. Вторичные просодические и синтаксические фильтры.....	360
10.2.5. Вторичные базисы клитик.....	361
10.3. ПСС, ПРС и основной просодический фильтр.....	362
10.4. ПСС, ПРС и коммуникативный фильтр.....	363
10.5. Оценка эффективности систем порядка слов с ПРС и ПСС.....	368
10.6. Ограничение на длину начальной составляющей.....	369
10.6.1. Новгородская система.....	369
10.6.2. Словацкая система.....	370
10.6.3. Сербохорватская система.....	372
10.6.4. Чешская система.....	373
10.6.5. Верхнелужицкая система.....	374
10.7. Ограничение на структуру начальной составляющей.....	374
10.7.1. Болгарский язык.....	375
10.7.2. Чешский язык.....	377
10.7.3. Ансамбли в XP и коммуникативные Барьеры.....	380
10.8. Клитики после сентенциальной составляющей.....	381
10.8.1. Словенский язык.....	381
10.8.2. Сербохорватский язык.....	383
10.9. Кластеризуемые клитики после начальных проклитик предложения.....	384
ГЛАВА 11. ПРАВИЛА БАРЬЕРА И ТИПОЛОГИЯ БАРЬЕРОВ.....	385
11.0. Производные порядки слов в языках с законом Ваккернагеля.....	385
11.1. Определение Барьера. Слепые и селективные Барьеры.....	387
11.2. Основные параметрические типы слепых и селективных Барьеров.....	389
11.3. Предложения с двумя и более Барьерами.....	391
11.4. Инверсия =ли как грамматикализованный селективный Барьер в болгарском языке.....	396
ГЛАВА 12. СЛАБЫЕ И СИЛЬНЫЕ КЛИТИКИ И РАЗРЫВ ЦЕПОЧЕК.....	402
12.0. Клитики и картография предложения.....	409
12.1. Селективные Барьеры и коммуникативно маркированные предложения с кластеризуемыми частицами.....	412
12.2. Селективные Барьеры и кластеризуемые частицы в диахронической перспективе.....	413
12.2.1. Сербохорватская/древнерусская система с ПРС, ПСС.....	417
12.2.2. Частица <i>ли</i> в современной болгарской W^+ -системе.....	421
12.2.3. Частица <i>ли</i> в македонской системе и «просодическая инверсия».....	426
12.2.4. Частица <i>ли</i> в древнехорватской церковнославянской системе.....	429
12.2.5. Частица <i>ли</i> в чешском языке.....	429
12.2.6. Частицы в поздней древнерусской системе XV–XVII вв.....	429
12.3. Выводы к главе 12.....	431
ГЛАВА 13. БАРЬЕРЫ ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	433
13.0. Правила Барьера и узел <i>Comp</i>	433
13.1. Сербохорватская система.....	434

13.2. Чешская система	435
13.3. Болгарская система	437
13.4. Новгородская система	439
13.5. Выводы к главе 13	443
ГЛАВА 14. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГЛАГОЛА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С БАРЬЕРОМ	445
14.1. Древнерусская система	445
14.1.1. Предложения с одиночным Барьером	452
14.2. Сербохорватская система	454
14.2.1. Предложения с одиночным Барьером	454
14.2.2. Предложения с двумя и более Барьерами	457
14.3. Выводы к главе 14	464
ГЛАВА 15. ФАКТОРЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ПЕРЕХОДНЫЕ СИСТЕМЫ XIV ВЕКА	465
15.1. Синхронная и диахроническая типология	465
15.2. Древнечешская система «Далимиловой Хроники»	468
15.2.1. Общая характеристика Правила Рангов	469
15.2.2. Блок частиц	471
15.2.2.1. Частицы <i>že</i> и <i>li</i>	471
15.2.2.2. Частица <i>ti</i>	473
15.2.3. Связки и местоимения	474
15.2.3.1. AUX1 и AUX2	474
15.2.3.2. Местоименные клитики	478
15.2.4. Правила начальной составляющей	481
15.2.5. Правила Барьера и перемещение глагола	484
15.2.6. Выводы	487
15.3. Древнерусская система духовных и договорных грамот Великих Князей XIII–XV вв.	489
15.3.1. Правило Рангов	489
15.3.2. Правила Начальной Составляющей	492
15.3.3. Правила Барьера	493
15.3.4. Копирование клитик	496
15.3.5. Дублирование клитик (местоименный повтор)	497
15.3.6. Выводы	500
15.4. Древнесербская система грамот XIV – начала XV в.	501
15.5. Выводы к главе 15	507
Заключение	510
Список сокращений	512
Сокращенные названия языков	513
Список литературы	514
Указатель	536

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга сформировалась в ходе исследовательских проектов автора и лекций и докладов, которые ему приходилось читать перед аудиторией, представляющей разные школы и традиции в лингвистике. Сразу обозначилась проблема метаязыка. Часть аудитории воспринимает данные языков мира и лингвистические модели только с позиций той теории и ее терминов, к которым они приучены, и неспособна изложить те же наблюдения и выдвинуть эквивалентные гипотезы в иной системе терминов и исходных понятий. Другая часть до определенной степени готова заниматься пересчетом научных идей из одной системы понятий в другую, но при этом требует, чтобы привычные им термины были употреблены именно в тех значениях, которые они имеют в отстаиваемых лично ими теориях.

Аппарат книги опирается на термины и понятия, выработанные в трех направлениях исследований – генеративной грамматике, структурной лингвистике и теории формальных грамматик. Именно в рамках трех названных направлений была разработана наиболее точная терминология в области синтаксиса естественного языка и корреляций между естественным языком и формальными языками, т. е. аксиоматическими системами правил вывода формул, сопоставимыми по мощности с естественными языками мира. Некоторые из терминов употребляются иначе, чем в популярных школах исследования, таких как Минималистская Программа Н. Хомского, и, тем самым, нарушают ожидания читателей, воспитанных на работах, выполненных с позиций данных школ. Расхождения в терминах объясняются тремя факторами. Во-первых, представители доктринальных школ в лингвистике не имеют приоритета на авторство многих важных терминов, таких как «грамматика», «синтаксис», «синтаксическая категория», «составляющая», «клитика» и т. п., но заимствуют их из предшествующей истории науки. Во-вторых, число релевантных для некоторой области категориальных различий обычно меньше числа предлагавшихся терминологических решений – лингвисты, принимающие разные исходные допущения и придерживающиеся разных взглядов на природу языка и устройство грамматики, нередко не осознают близости или эквивалентности предлагаемых ими подходов. В-третьих, с сожалением приходится отметить, что многие термины лингвистики в настоящий момент остаются неоднозначными и соотносятся более чем с одной традицией даже в пределах одной и той же научной парадигмы, ср. обзор употреблений терминов «локальный», «локальность» в формальном синтаксисе в гл. 1.

В основе книги лежит представление о том, что лингвистическая типология – не просто набор сведений о статистических тенденциях и не только каталог явлений, которые встретились в естественных языках и привлекли внимание того или иного лингвиста, их описавшего, но и объяснительная наука, имеющая предсказательную силу. Одним из наилучших объектов для предсказаний являются модели синтаксических структур и согласованные наборы параметров грамматики (морфологии и синтаксиса), касающиеся такого фундаментального аспекта существования языка, как линейная организация и упорядочение структуры предложений и синтаксических групп. Даже если научный идеал описания грамматики в духе популярной на

рубеже XX и XXI вв. теории принципов и параметров недостижим полностью, описание синтаксиса порядка слов в терминах макро- и микропараметров, принимающих разные значения в разных, часто неродственных и географически отдаленных друг от друга языках мира остается операциональным и перспективным направлением. Системы порядка слов естественно описывать в терминах ограничений на перестановку элементов и их дистрибуцию. В данной книге преимущественно изучаются ограничения, связанные с употреблением т. н. цепочек клитик – объектов, особенно характерных для языков славянской группы индоевропейской семьи, но представленных в гораздо более широком круге языков мира, который характеризуется в гл. 2 и 3, а также с феноменом т. н. скрэмблинга или нефиксированного порядка слов, который специально обсуждается в гл. 7. Кроме того, в книге изучаются возможности грамматикализации жестко фиксированного порядка слов на уровне предложения и на уровне групп предложения, а также возможности описания отношения фиксированного порядка слов при помощи т. н. табличных схем, представляющих собой формальные грамматики (А-грамматики), используемые для описания фрагментов предложения в естественных языках. Данной проблеме специально посвящена гл. 6. По-существу, тот же принцип описания/объяснения синтаксических объектов используется в книге для описания цепочек клитик, внутри которых перестановка клитик невозможна. В связи с этим, в гл. 4 специально рассматривается вопрос о статусе такого объекта, как цепочка, и показывается, что табличная схема цепочки соответствует стандартным математическим объектам, называемым упорядоченными множествами или кортежами (tuple). Соотношение понятий «цепочка» и «клитика» подробно обсуждается также в гл. 2, 3, 9, где отстаивается точка зрения о том, что клитики, способные образовывать цепочки (кластеризуемые клитики, в терминах настоящей книги) и некластеризуемые клитики являются единицами с разными категориальными свойствами. Позиции, которые цепочки могут занимать в синтаксической структуре, предсказуемы, а системы порядка слов с цепочками могут быть исчислены – данная задача решается в гл. 2 – и параметризованы, что демонстрируется во второй части книги (гл. 8–14), где более подробно рассматриваются факты славянских языков. Наконец, в гл. 5 в первой части книги приводятся аргументы в пользу того, что синтаксическая область цепочек и кластеризуемых клитик может быть шире элементарной монопредикатной клаузы. В гл. 15 анализируются три переходных системы упорядочения клитик и доказывается, что переход языка с цепочками клитик от одного стабильного состояния к другому не обязательно проходит через стадию хаотического варьирования.

Разделяемое нами представление о том, что синтаксические ограничения являются отражением фундаментально важной способности носителей естественных языков порождать и распознавать правильно построенные синтаксические структуры и отделять их от неправильно построенных, то есть, тем, что объединяет естественные и формальные языки, восходит к классической работе Дж. Росса (1967) и ранним работам Н. Хомского. Эволюция генеративных доктрин привела к тому, что в настоящее время многие сторонники Н. Хомского понимают разработанную

им Минималистскую Программу не как грамматику, т. е. не как аксиоматически заданную систему принципов и правил вывода предложений, а как лингвистический идеал и инструкцию, как надо описывать естественный язык, если он устроен 'оптимально' и 'экономно' с точки зрения создателей доктрины. При такой постановке вопроса понятие синтаксического ограничения в глазах отдельных теоретиков теряет свою привлекательность и низводится до уровня дескриптивных обобщений и наблюдений над узусом конкретных языков, в том время как подлинное объяснение якобы возможно только на уровне Универсальной Грамматики. Неудивительно, что подобное использование понятия 'универсальный' вызывает отторжение у значительной части современных типологов – см. известные работы [Evans, Levinson 2009], [Haspelmath 2010], которые не только отвергают телеологический подход к языку, но и отказываются от большей части аппарата современного синтаксиса, поскольку он некритически проецирует на один язык мира категории описания, заимствованные из других языков. Мы не разделяем призыв Н. Эванса и С. Левинсона описывать все явления языка 'только в категориях того же языка, каким он представляется наблюдателю' (at face value), поскольку, во-первых, считаем его нереализуемым, а во-вторых, не видим, как можно предсказать распределение тех или иных свойств в языке, если не сопоставлять его с некоторым типом (классом) языков. В связи с этим в книге предлагаются определения и перечисляются диагностические свойства пяти типов систем порядка слов, называемых в книге W-системами, W⁺-системами, W*-системами, V-системами и C-системами.

Книга поделена на две части. В первой части, озаглавленной «От объяснения к описанию», излагается вариант отстаиваемого автором формализма, который можно охарактеризовать как модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимости. Данный аппарат используется также для описания коммуникативных составляющих – они трактуются как проекции элементов, т. е. группы, в гл. 7, и для описания цепочек клитик, которые трактуются как группы особого рода. Во второй части, озаглавленной «От описания к объяснению» преимущественно рассматриваются отдельные параметры славянских систем порядка слов с цепочками клитик. Ключевое значение для концепции книги имеет противопоставление двух групп правил, определяемых в работе как «глобальные» и «локальные» правила. Содержание данной пары терминов применительно к механизмам линеаризации полноударных элементов предложения комментируется в гл. 1. Содержание данной пары терминов применительно к механизмам линейно-акцентных преобразований, связывающих между собой высказывания с общим составом, но разным линейным порядком и разной коммуникативной перспективой, раскрывается в гл. 7. Содержание данной пары терминов применительно к синтаксису клитик комментируется в гл. 2, 3, 9 и 11.

Я благодарю всех коллег, которые ознакомились с фрагментами данного исследования и высказали мне свои замечания, и в первую очередь, П. М. Аркадьева, А. В. Сидельцева, Е. Ю. Иванову, М. Н. Толстую, П. Косту. Вся ответственность за допущенные ошибки и огрехи лежит на авторе книги. Книга издается при поддержке гранта РФНФ № 13-04-16062.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:
ОТ ОБЪЯСНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ**

Глава 1

ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОРЯДКА СЛОВ

1.0. Локальные и глобальные правила в грамматике

При формализации естественных языков и при моделировании формальных грамматик часто возникает необходимость применения правил двух типов. Правила первого типа – назовем их *локальными* – порождают замкнутые языковые объекты, которые остаются непроницаемы или, по крайней мере, сохраняют приущие им категориальные свойства (categorical features) при включении их на дальнейшей стадии порождения языка в объекты большей длины или более высокого иерархического уровня. Правила второго типа – назовем их *глобальными* – применяются позже: они порождают сложные объекты, составные части которых уже заданы локальными правилами, одновременно регулируя те нетривиальные свойства элементарных объектов, которые зависят от конфигурации сложных объектов и не могут проявиться на начальной стадии порождения. Неформально это означает, что, например, правила построения словоформ языка L можно сформулировать так, что они не будут зависеть от правил построения словосочетаний в этом языке, но правила построения словосочетаний в языке L могут обращаться к нетривиальным свойствам словоформ, не являющихся общими для всех словоформ языка L. Сходным образом, правила линейного расположения главного (head) и зависимого (complement) компонента словосочетаний в языке L можно задать так, что они не будут зависеть от структуры предложения (clausal structure)¹, но правила построения предложения в этом языке будут влиять на перестановку или разрыв этих компонентов². Этот ряд можно продолжить, если представить порождение линейно упорядоченного дерева предложения в языке L и присваивание элементам предложения коммуникативных статусов темы и ремы как последовательные стадии порождения³. Бесконечно долго данный прием эксплуатировать нельзя по двум причинам. Во-первых, набор единиц и уровней в естественном языке ограничен. Во-вторых, построение особого модуля для каждой новой вводимой в рассмотрение группы факторов подрывает вычислительную эффективность (computational efficiency) лингвистического процессора, превращая его из работающего устройства в демонстрацию той или иной программы описания языка, ср. сходные соображения в [Gärtner, Michaelis 2007: 177].

¹ Это возможно при условии, что модуль языка L, ответственный за порождение предложений, получает на входе (input) уже упорядоченные словосочетания и не может работать с линейно неупорядоченными цепочками слов.

² Это возможно при условии, что грамматика языка L разрешает реструктуризацию уже порожденных и линейно упорядоченных структур. Адекватное описание порядка слов в естественных языках без этого условия, по-видимому, исключено.

³ Ср. пионерскую работу [Падучева 1984], где намечена идеология такого подхода.

Нет уверенности в том, что вся лингвистическая информация, полученная при порождении структурного объекта на выходе (output) n -уровня, будет релевантна на входе (input) следующего, $n+1$ уровня. Многие авторитетные ученые (Н. Хомский, И. А. Мельчук и т. п.) готовы дать положительный или отрицательный ответ на этот вопрос, ср. [Chomsky 2005: 11] но их мнение мотивировано либо избранным инженерным решением – как формализовать естественный язык, либо отстаиваемой лингвистической доктриной (если она не сводится целиком к последней задаче). В этих условиях обсуждение реально действующих механизмов, поддающихся описанию в терминах комбинации локальных и глобальных правил построения, может пролить свет на то, являются ли эти правила фантомом, поддерживаемым алгоритмическим уровневым подходом к языку, или же за ними стоит языковая реальность. Перед тем как перейти к непосредственному предмету нашей статьи – правилам выбора носителя главного фразового акцента и линейно-акцентным преобразованиям в современном русском языке – кратко рассмотрим употребление терминов «локальный» vs «глобальный» в лингвистической литературе. Подборка не претендует на полноту, а очередность цитат не соотносена с частотой тех или иных употреблений термина.

Д. Чавар и К. Вильдер [Čavar, Wilder 1999: 462–463], описывающие правила расстановки клитик и глагола в (сербо)-хорватском языке (данные правила и идеи Д. Чавара и К. Вильдера обсуждаются подробнее в гл. 11 и 14), квалифицируют часть этих правил как «локальные» в плане Минималистской Программы Хомского, так как они *применяются сразу, как только возникают условия/мишени* (targets) для их применения⁴. В данном употреблении «локальное правило» значит то же, что «циклическое» или «рекурсивное» правило⁵. Хотя вывод Чавара-Вильдера вызывает сомнения, *локальные*₁ = *циклические* правила линеаризации предложения в языках мира найти можно. В синтаксисе словенского языка правило постановки сентенциальных клитик на второе место действует циклически, снизу вверх по дереву предложения (down-top). Словенские клитики, в отличие от сербохорватских, могут присоединяться к сентенциальным составляющим, в составе которых уже могут быть другие клитики, упорядоченные при предыдущем применении того же правила. В примере (1) цепочка энклитик главного предложения *se* (1) = *je* = (2) = *že* = (3) примыкает справа к вынесенному в начало конструкции придаточному, в составе которого есть другая цепочка клитик = *sno* (1) = *se* (2), примыкающая справа к подчинительному союзу *ko* «когда». Еще более показателен пример (2), где клитика *je* в составе главного предложения примыкает справа к развернутой обстоятельственной группе вида [AdvP1 [CP 2]], куда вставлено придаточное времени [_{CP} *kjer =je komponiral*], внутри которой есть своя клитика. Тем самым, клитики главных предложений в примерах (1), (2), в точном

⁴ 'Pre-Spell-Out operations are local, in the sense that an operation must apply as soon as its target is created' – [Čavar, Wilder 1999: 462].

⁵ Термин «циклический», и в самом деле, присутствует на соседней странице статьи [Čavar, Wilder 1999: 463].

соответствии с данным выше определением «локального₁ правила», упорядочиваются, как только достраивается очередной фрагмент синтаксической структуры, содержащий подходящую «мишень» для клитик, т. е. полную начальную составляющую, к которой клитика может присоединиться⁶.

- (1) слов. #[[ko = *sto* (1) = *se* (2) vrnili] = *se* (1) = *je* (2) = *že* (3) stemnilo].
 букв. #[[когда = *мы* (1) = *ся* (2) вернули] = *ся* (1) = *есть* (2) = *уже* (3) смеркало]

XP = [[AdvP1 [CP 2]]	Cl	Sub	VP
[Po izgubi svojega domicila v Steinbachi am Attersee [kjer (1) = je (2) komponiral]	je	Gustav Mahler	<u>iskal</u> miren kraj
[После утраты своего пристанища в Стейнбахе на (озере) Аттерзее [где (1) = связка – 3 л. ед. ч. (2) он-сочинял музыку]	связка -3 л. ед. ч.	Густав Малер	<u>искал</u> тихое место

РИС. 1. Циклическое правило вставки клитик в словенском языке

Я. Г. Тестелец в статье [Testelecs 2003] критикуя гипотезу А. Кардиналетти и М. Штарке [Cardinaletti, Starke 1999] о предположительно универсальном различии т. н. сильных (постоянно ударных) и т. н. слабых (атонируемых) местоимений, замечает, что свойства, которые Кардиналетти и Штарке считают для слабых местоимений диагностическими, например, неспособность неодушевленных местоимений сочиняться в контекстах типа рус. <путеводитель₁ и брошюра₂ на столе>. * Возьми *его*₁ и *ее*₂, объясняются «нелокальным фактором», т. е. особенностями этих контекстов/общим прагматическим принципом, а не собственными структурными свойствами [гипотетических] слабых местоимений [Testelecs 2003: 521]. В данном отрывке «локальный» значит «присущий р по определению», «ингерентный», а антитеза к локальный₂ = ингерентный – передает значения «привходящий», «привносимый контекстом, в который включено р»: из комментариев Я. Г. Тестельца следует, что «нелокальными₂» будут правила, требующие обращения к несобственно синтаксическим характеристикам – подбору лексики и информационной структуре высказывания⁷.

Иначе использует термин «локальный» И. А. Мельчук в своей классификации поверхностно-синтаксических отношений в бинарных группах вершина (head) +

⁶ Как ни странно, сторонниками Хомского данная особенность словенского языка пока не освоена. С точки зрения хомскианца «мишенью» (target) для словенских клитик является не наличие внешне выраженной (spelled-out) начальной группы, а наличие пустой позиции C⁰, которая притягивает клитики. Поскольку, однако, эта позиция возникает тогда, когда заполняется начальная позиция (SpecCP/SpecTP), формулировка, данная выше, и ее реинтерпретация в хомскианских терминах экстенционально эквивалентны.

⁷ 'this must be a non-local factor, and not the structure of the pronoun itself, (выделение наше. – А. Ц.) – contrary to what Cardinaletti and Starke hypothesize.

зависимое (complement). Он выделяет три случая: (1) и положение лексической вершины, и положение зависимого слова фиксированы. Ср. группы «предлог → существительное» в русском языке: *на стол / на красивый стол / на стол брата*. (2) Задано направление развертывания зависимого слова, но не его место в группе. Ср. рус. *Автобус на Петербург фирмы «Финнорд» ~ Автобус фирмы «Финнорд» на Петербург*. (3) Направление развертывания не задано. Ср. группы «сказуемое → подлежащее» и «сказуемое → обстоятельство» в русском языке. Правила типа (1) локальные и бесконтекстные. Правила типа (2) – их И. А. Мельчук называет «квазилокальными» – требуют для упорядочения $A \rightarrow B$ рассмотрения всех других групп, которые могут зависеть от A, например $A \rightarrow Z$, $A \rightarrow W$, и определения порядка $B \dots Z$, $B \dots W$. Правила типа (3) по И. А. Мельчуку, «глобальные», поскольку они требуют для упорядочения $A \rightarrow B$ рассмотрения всей фразы [Мельчук 1995: 278]. В данной классификации термин «локальный» является синонимом «контекстно-свободный», а антитезой локальный₃ = контекстно-свободный будут разные типы контекстно-зависимых правил. По-видимому, «квазилокальные» правила И. А. Мельчука, предполагающие возможность вставки элементов между A и B, можно интерпретировать как Мягко Контекстно-Зависимые (Mildly Context-Sensitive) в смысле Джоши [Joshi 1985], а его «глобальные» правила являются сильно Контекстно-Зависимыми (Context-Sensitive). Для самого И. А. Мельчука «глобальность» означает необходимость просматривать всю синтаксическую область, в то время как «квазилокальность» относится к случаям, где для упорядочения фрагмента X достаточно ограничиться просмотром другого фрагмента Y. По нашему мнению, употребления локальный₃ = КС-свойство и локальный₂ = ингерентное свойство близки: если задать один из встречающихся вариантов (в данном примере, разновидность порядка слов) в качестве основного (default option), то правила типа (2) и (3) удастся свести друг к другу⁸.

Четвертое употребление термина «локальный» утвердилось в теории формальных языков [Stabler 1997; 1998] под влиянием ранних работ Д. Росса [Ross 1967] и Н. Хомского [Chomsky 1977]. Оно передает идею непроницаемости рабочего участка синтаксической структуры для операций, которые могут иметь место в пределах более широкого участка, его перекрывающего. Разные комбинации локальных ограничений (Locality Conditions) дают разные классы формальных грамматик, что показано в [Gärtner, Michaelis 2007: 171–176]. Пересечения локальный₄ = непроницаемый для последующих операций с рассмотренными ранее употреблениями термина, особенно с локальный₁ и локальный₃, очевидны, тем более что в списке локальных₄ ограничений есть запреты на дальнейшее перемещение элемента в позицию U при наличии ближайшего элемента x, способного переместиться

... the restriction on coordinating nonhuman pronouns may be due to a particular instance of a more general pragmatic principle'.

⁸ Это нельзя сделать внутри формализма И. А. Мельчука, так как он отвергает представление об изначально линейно-упорядоченном дереве предложения, см. обсуждение в [Циммерлинг 2002: 186–188].

в U (Short Move Condition), вынос элемента из группы, занимающей позицию подлежащего (Specifier Island Constraint) и вынос элемента из группы, занимающей позицию адьюнкта (Adjunct Island Constraint), т. е. на явления, нарушающие локальность₁ и локальность₃.

Значение	Интерпретация	Типичный контекст применения
Локальный ₁	Циклический	Алгоритмизация разных правил/актов применения одного правила
Локальный ₂	Ингерентный	Добавление новых факторов, влияющих на уже построенную структуру
Локальный ₃	Контекстно-свободный	Сужение/расширение синтаксической области
Локальный ₄	Непроницаемый для прочих операций	Оценка вычислительной эффективности языка

РИС. 2. Лингвистические традиции употребления термина 'локальный'

Все четыре употребления предполагают контраст локальных и нелокальных правил/факторов и формальный аппарат, позволяющий исследовать явления, лежащие за рамками Контекстно-Свободных грамматик. Поскольку данные четыре употребления в лингвистической литературе связаны между собой подобием семантической сети, а совместное применение локальных/нелокальных правил в любом из этих четырех употреблений возможно лишь на основе грамматик, мощность которых достаточна для описания любого естественного языка, мы будем считать, что термины «локальный» и «глобальный» покрывают все четыре области значения, и позволим себе в дальнейшей части главы использовать их как интуитивно ясные, не уточняя, которое из четырех значений более всего подходит в конкретном случае.

1.1. Синтаксические группы

Термин «порядок слов» является рабочим сокращением для «порядка значимых элементов предложения», что подчеркнуто в заголовке статьи Дж. Гринберга, заложившей фундамент современной типологии [Greenberg 1963]. Значимые элементы предложения (meaningful sentence elements), о которых говорит Гринберг – это категории, релевантные для развертывания предложения в конкретном языке: структурный минимум таких категорий – словоформа (включая просодически и синтаксически дефектные выражения, неспособные служить вершиной синтаксической группы – т. н. *клитики*), а максимум – предикативные составляющие (clauses), вставленные в качестве узла в другое предложение. Понятие «клитика» является обобщением традиционных понятий «энклитика» (безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе справа и «проклитика» (безударный элемент, при-

мыкающий к ударной словоформе слева). Оно утвердилось в современном теоретическом синтаксисе после работы Арнолда Звики [Zwicky 1977], который изучал общие синтаксические свойства, присущие клитикам с разными фонетическими свойствами. Записи $X = a$ и $a = X$ отражают конфигурации с энклизой и проклзой и читаются, соответственно, «клитика $=a$ присоединяется к категории X справа» и «клитика $a=$ присоединяется к категории X слева». Сами клитики в данной книге в записи примеров выделяются курсивом.

В стандартном и наиболее важном случае синтаксическая категория выражается группой, которая может свертываться до своей вершины, ср. [*Этот [известный [музыкант^o]] [виртуозно [играет^o] [на^o [барочной [валторне^o]]] → [Музыкант^o] [играет^o] [на^o [валторне^o]]]. Критерий свертываемости означает, что зависимые элементы группы можно в подходящем контексте опустить, не меняя структуры вышестоящего целого, но вершину группы нельзя опустить, если присутствуют зависимые элементы. В славянских языках имеются два отклонения от описанного стандартного случая. Во-первых, в предложных группах нельзя опускать не только предлог, но и управляемое им существительное. Эллипсис предлога при наличии существительного тоже запрещен. Возможное исключение представляет разговорный болгарский язык, где допускается эллипсис грамматикализованного предлога *на* (показатель косв. дополнения/дат. п.). Согласно И. Славкову [Slavkov 2008], опущение *на* возможно в том случае, если этот предлог не используется в своем пространственном значении, и только если в предложении есть местоименная клитика, кореферентная группе *на X*. Если же группа *на X* является единственным средством выражения категории косв. дополнения и другого падежного выражения в дат. п., имеющего роль реципиента действия, в предложении нет, возникает аномалия. Поэтому пример (2) грамматичен, а пример (3) аномален:*

- (2) болг. (На) него/Иван=*му дадох* книгите.
‘Я отдал ему/Ивану эти книги’, букв. ‘Иван(у), ему отдал-я книги-эти’.
- (3) болг. *На него/Иван *дадох* книгите.
‘то же’.

Болгарские местоименные и связочные клитики занимают контактную позицию с глагольными формами/вершиной именного сказуемого: на важность этого факта, по-видимому, первым обратил внимание И. Гылыбов [Gălăbov 1951]. В болгаристике существуют два взгляда на статус этих клитик. М. Димитрова-Вулчанова трактует их как синтаксические энклитики, примыкающие к предшествующей группе произвольной категории [Dimitrova-Vulchanova 1999], а Ч. Р. Хэуге [Rå Hauge 1976], А. Альперн [Halpern 1996] и Т. Х. Кинг и С. Фрэнкс [Franks, King 2000] трактуют их как синтаксические глагольные проклитики даже в том случае, когда глагол предшествует им. Вторая точка зрения преобладает в славистике, хотя ее обоснованность с точки зрения типологии порядка слов вызывает сомнения: данный вопрос подробнее обсуждается в гл. 2 и 3 настоящей книги.

Мы последовательно глоссировем болгарские местоименные и связочные формы как энклитики, а македонские – глоссировем как проклитики в глагольных клаузах: статус македонских клитик в неглагольных клаузах обсуждается в работе [Mišesca Tomić 2004] и в гл. 3 настоящей книги. Для болгарской и македонской систем порядка слов во всех случаях, а для прочих славянских систем порядка слов – во многих случаях, релевантно место глагольной вершины/вершины именного сказуемого. Мы отмечаем вершину сказуемого в примерах при помощи подчеркивания.

Второе отклонение от стандартной структуры группы показывают контактные последовательности слабоударных элементов – цепочки клитик (clitic clusters). Такие цепочки предпочтительно анализировать как группы, поскольку они подвержены действию механизмов синтаксиса и упорядочиваются по строгим правилам. Однако между клитиками внутри цепочки нет отношения вершин и зависимых, поэтому группа в подходящем контексте может быть свернута до любой клитики, имеющей в цепочке постоянное место. Так, единственная клитика дат. п. 3 л. ед. ч. м. р. =му в примере (1) стоит в той же позиции, которая может в других болгарских предложениях замещаться цепочками типа частица ли + связочная клитика + клитика дат. п. + клитика вин. п.

Заметим, что анализ цепочки клитик как синтаксической группы прямо не зависит от того, как в данной синтаксической теории решается вопрос о статусе *некластеризуемых клитик*, т. е. клитик, неспособных образовывать цепочки. В версиях Универсальной Грамматики, разрабатываемых сторонниками Н. Хомского, представлены два основных взгляда на статус клитик. Согласно одному из них, клитики всех типов по своей природе являются лексическими вершинами (X°), а не группами (XP), и должны упорядочиваться особыми механизмами, не действующими на группы, ср. [Franks 2008]. Согласно другому взгляду, поддержанному авторитетом самого Н. Хомского, а также Р. Кейна, клитики суть дефектные группы, синтаксическая структура которых урезана (syntactically deficient elements), употребляется также термин non-branching elements, т. е. «неветвящиеся элементы», ср. [Bošković 2001]. «Неветвящиеся элементы» определяются как элементы с переменным статусом (X° /XP), в одних контекстах ведущие себя как вершины, в других – как группы. Первая точка зрения проще. Она формализует интуицию о том, что клитики занимают места, недоступные для полноударных категорий предложения. Вторая точка зрения, в целом, ближе к традиционной грамматике, но ее формализация сопряжена с трудностями. Плюсом анализа клитик как элементов с переменным статусом X° /XP является стремление обосновать релевантность позиций клитик для синтаксических структур с участием полноударных категорий предложения. В типологии популярна точка зрения о том, что разные группы клитик могут иметь разные просодические и синтаксические свойства в пределах одного языка: часть клитик обнаруживает свойства, близкие к свойствам морфем, а другая часть клитик ведет себя аналогично словоформам [Aikhenvald 2002]. Подробнее природа различия некластеризуемых и кластеризуемых клитик обсуждается в гл. 4 настоя-

щей книги, где поднимается вопрос об общих принципах выделения цепочек синтаксических элементов в языках мира.

Итак, категории предложения можно рассматривать как группы, удовлетворяющие минимум двум из трех критериев: развертываемости (способности проецировать синтаксическую структуру), свертываемости до вершины, асимметричному отношению главное vs зависимое слово. Выражения, которые удовлетворяют менее чем двум из трех названных критериев, категориями предложения не являются.

	Именные Группы, Глагольные Группы, Группы прилагательного	Предложные/ последложные группы	Цепочки кластеризуемых клитик	Некластеризуемые клитики
Свертываемость	+	-	+	(-)
Развертываемость	+	+	+	-
Отношение главное vs зависимое слово	+	+	-	(-)

РИС. 3. Виды синтаксических групп

Согласно принятым в Минималистской Программе Н. Хомского [Chomsky 1993; 1995; 2001] соглашениям, любая полная составляющая, лексическая и нелексическая, состоит из трех компонентов – Вершины (Head), Зависимого (Complement) и располагающегося выше подгруппы [Вершина + Зависимое] узла Спецификатор (Specifier), в неформальном изложении – «подлежащего полной составляющей: [_{XP} Spec [X^o + Complement]]. Этот универсалистский постулат Р. Джэкендоффа, принятый Н. Хомским, утверждает, что все составляющие изоморфны. Математический смысл введения позиции Спецификатора (Spec) состоит в том, что эта позиция является основным узлом для перемещений синтаксических категорий (поддеревьев предложения), см. Минималистские грамматики Э. Стейблера [Stabler 1997], являющиеся строгой математической реализацией идей Н. Хомского. Механизмы расстановки клитик и собственно перемещения клитик обычно отделяют от перемещения стандартных полноударных категорий предложения (α -movement) и объясняют как перемещение вершин (Head movement). Следствием такого решения является то, что клитики анализируются как дефектные синтаксические элементы, которые являются не полными составляющими (они не могут иметь при себе зависимые слова), но лексическими вершинами, которые могут вставляться в вакантные позиции вершин вышестоящих синтаксических категорий. Содержательный смысл анализа механизмов расстановки клитик как перемещения вершин состоит в том, что клитики могут занимать позиции, недоступные для полноударных элементов. Спорный момент заключается в том, что цепочки клитик, которые в плане синтаксиса сходны с группами, анализируются так же, как одиночные не-

кластеризуемые клитики, т. е. как вершины. Тем самым, при стандартном анализе в рамках Минималистской Программы Н. Хомского, механизмы образования цепочек, Правила Рангов, и операции над цепочками, меняющие их окончательное место в предложении, остаются за пределами собственно синтаксиса. С нашей точки зрения, это не является безусловным плюсом.

1.2. Гипотеза о базовом порядке и условия ветвления

Порядок значимых категорий предложения можно изучать на разном уровне и разными методами. Есть три основные задачи – 1) установить порядок элементов; 2) установить порядок элементов в предикативных составляющих (clauses) или финитных предложениях (sentences); 3) выявить синтаксические запреты (constraints) на перестановку категорий предложения. Наиболее популярная типологическая школа, созданная Дж. Гринбергом [Greenberg 1963; Dryer 2005a], выводит общую формулу развертывания предложения (SVO, SOV, VSO etc.) из порядка ветвления групп типа глагол + дополнение, предлог/послеслог + существительное, главное предложение + придаточное относительное и т. д. Направление ветвления (branching condition) отражает асимметрию главного (head) и зависимого элементов (complement): правила развертывания, отражающие относительное расположение элементов подчинительных словосочетаний, можно назвать *локальными*. Подход Гринберга с выделением локальных правил ветвления развивается в более поздних работах [Hawkins 1983; Dryer 1996; Dryer 2005b]. Славянские языки древнего и нового времени в плане локальных правил ветвления схожи: главными параметрами являются наличие предлогов (Pr + N°), препозиция глагола своим дополнениям (V° + O)°, препозиция атрибутивного прилагательного (Adj Attr + N°), постпозиция придаточного относительного (matrix clause° + relative clause). Кроме того, нормой для большинства славянских языков является постпозиция приименного род. п. (N° + Gen). Ни один славянский язык не генерализовал обратный порядок с препозицией ИГ в род. п. (Gen + N°), что произошло в литовском языке. Частичное сближение с типом Gen + N° наблюдается в верхнелужицком языке. Здесь приименной род. п. при нейтральном порядке слов стоит в постпозиции именной вершине, ср. в.-луж. Spisy_{F.PL.} Handrija_{M.SG.GEN} Zeilera_{M.SG.GEN} «сочинения Андрия Зейлера», а притяжательное прилагательное – в препозиции, ср. Zeilerowe_{F.PL.} spisy_{F.PL.} букв. «Зейлеровы сочинения». В том случае, когда в препозицию вершине выносятся сочетание имя + фамилия, выбирается компромиссный вариант: имя стоит в генетиве и управляется, а фамилия согласуется. Ср. в.-луж. Handrija_{M.SG.GEN} Zeilerowe_{F.PL.} spisy_{F.PL.} букв. «Андрея Зейлеровы сочинения». Другие примеры, иллюстрирующие подобную модель, приводятся в кн. [Šewc-Schuster 1976: 100].

⁹ См., однако, ревизию этого положения в работе Р. Панчевой, которая постулирует для старославянского языка базовый порядок O + V [Pancheva 2006]. В большей степени тезис о базовом порядке O + V° применим к современным лужицким языкам, см. обсуждение ниже в гл. 5.

Как побуждают считать данные, собранные в работе А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1975: 73–76, 84], в славянских языках постпозиция/препозиция придаточного до некоторой степени связана со структурой придаточного и типом относительного союза (склоняемое вопросительно-относительное местоимение типа рус. *который* ~ несклоняемый союз типа рус. *что*). Ср. рус. *Бери*, [_{СР} *что* *поправилось*] ~ [_{СР} *что* *поправилось*], *бери*, но рус. *Бери замуж ту из девушек*, [_{СР} *у которой богатое приданое*], ~ рус. ?[_{СР} *У которой из девушек богатое приданое*], *бери замуж*. В древнерусском языке и русском языке XVI–XVII вв. был распространен структурный тип с препозицией придаточного, который А. А. Зализняк и Е. В. Падучева называют «архаическим», ср. др.-рус. [_{СР} *а которыхъ трехъ дворць въпросили ваша братья послы*], *а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли*, букв. «А которых трех дворов запросили ваши соотечественники послы, мы уступили по своей воле», др.-рус. [_{СР} *а что золото княгини моее оленино*], *а то есмь даль дщери моеи фетиньи* «Золото княгини моей Алёны я отдал дочери моей Фетинье» [Зализняк, Падучева 1975: 75]. В ряде типологических работ 1980-х и 1999-х высказывалась точка зрения о том, что правила развертывания т. н. функциональных категорий предложения – придаточных предложений, инфинитивных и герундивных оборотов, а также группы отрицательного слова (NegP), если таковая имеется, следует учитывать отдельно от правил развертывания обычных, т. н. лексических категорий, т. е. групп, возглавляемых существительным (Именная Группа, ИГ), глаголом или иной предикатной вершиной (Глагольная Группа, ГГ), прилагательным (Адъективная Группа, АГ), предлогом/послелогом (Предложная/Послеложная Группа, ПГ). Это различие не учитывается в изначальном варианте типологии локальных правил Гринберга, поскольку работа Гринберга, в основном, опирается на языки, где порядок развертывания придаточных относительным коррелирует с порядком развертывания ИГ. Однако известны языки, где направление ветвления внутри лексических и функциональных категорий различно. Так, например, немецкий, нидерландский языки [Heltoft 1992] и дардский язык кашмири [Bhatt 1999: 72] в плане ветвления лексических категорий являются языками с конечным расположением вершин (head-final languages): дополнения в них предшествуют лексической части сказуемого (O + V°), прилагательные предшествуют существительным (Adj + N°), наречие предшествует определяемому им прилагательному (Adv + Adj°), в языке кашмири также имеются послелог и отсутствуют предлоги (N + P°), а в немецком языке есть глагольные модификаторы, т. н. «отделяемые приставки», которые предшествуют лексической части сказуемого (PV + V°). В то же время придаточные предложения и инфинитивные группы в данных языках располагаются после главной предикации, а не предшествуют ей. Кроме того, в языке кашмири sentенциальное (т. е. общее) отрицание является не проклитикой, а энклитикой, присоединяющейся к глаголу справа (V° + NEG). Напротив, в чешском языке, который в плане ветвления групп лексических категорий является языком с начальным расположением вершин (head-initial language), sentенциальное отрицание является глагольной проклитикой, присоединяющейся к глаголу слева (NEG + V°). Такие факты побуждают отдельно уста-

навливать направление ветвления в группах лексических и функциональных категорий предложения.

Если бы ветвление синтаксических структур (branching condition) в языках мира всегда было бы последовательным, подход Гринберга давал бы абсолютно надежные результаты. Помимо возможного контраста между направлением ветвления в группах лексических и функциональных категорий предложения есть еще три фактора, из-за которых порядок слов в предложении не всегда выводится из правил ветвления групп:

- Диахронический фактор – непоследовательное ветвление может свидетельствовать о переходном состоянии языка на пути от набора признаков **A** к обратному ему значению **A**: в начале и конце пути ветвление стабильно, а в промежутке наблюдаются отклонения.
- Фактор синхронной вариативности – контактные/дистантные, прямые/инвертируемые варианты расположения элементов могут сосуществовать и выполнять разные грамматические функции (что не обязательно связано с диахроническим фактором).

Так, например, в польском языке в группе существительное + указательное местоимение стоит в постпозиции существительному, если оно неконтрастивно и неэмфатично – ср. польск. Dziewczyna (1) **ta** (2) jest studentką pierwszego roku «Эта (2) девушка (1) – студентка первого курса», но в препозиции, если логически выделено, ср. польск. **Ta** (1) Dziewczyna (2) jest studentką pierwszego roku, a **tamta** już kończy uniwersytet «ЭТА (1) девушка (2) – студентка первого курса, <а та уже окончила университет>».

- Грамматикализация топологических шаблонов – языки на определенной стадии своего развития обобщают топологические схемы для целого предложения, которые обретают собственную инерцию.

Для славянских языков топологической схемой такого рода является закон Вакернагеля, требующий постановки слабоударных элементов предложения после первого ударного слова/первой полной составляющей [Wackernagel 1892; Jakobson 1971]. Сходное ограничение действует в ряде германских языков, где перед финитной формой может стоять не более одного члена предложения – т. н. Verb Second Constraint (V2), см. [Delbrück 1911]. Данное определение ограничения V2, связывающее место финитного глагола с количеством стоящих перед ним групп предложения, является стандартным и вполне строгим. Оно принимается в большом числе работ по традиционной и генеративной грамматике, в том числе [Den Besten 1983; Holmberg 1986; Platzack 1986; Holmberg, Platzack 1995; Thráinsson 1986; Helfoft 1986; Циммерлинг 2008a]. В генеративной грамматике также распространено нестрогое, расширительное понимание механизма V2, когда язык относится к языкам V2, если в нем есть некоторые конструкции, где глагол стоит после начальной категории предложения, тип которой жестко задан. Так, например, Л. Рицци и П. Бенинча с А. Полетто относят современный английский язык к классу языков с «остаточным ограничением V2» (residual V2 languages) на том основании, что в специальных вопросах глагол располагается непосредственно за

вопросительным словом (wh-word), what did you read? «Что Вы прочли?», букв. «что сделали-вспом. гл. вы читать? [Rizzi 1989; Beninca, Poletto 2004]. Имеются основания отвергнуть расширенную трактовку Л. Рицци хотя бы на том основании, что в группы языков V2 и языков с «остаточным» V2 попадают совершенно разные классы языков с несходными параметрами. Подробнее см. в гл. 6.

На основные топологические ограничения германского и славянского типа могут налагаться ограничения на расстановку других категорий предложения (подлежащего, дополнений, сентенциального отрицания и т. д.), что, в перспективе, ведет к грамматикализации взаимосвязанных запретов на большом участке предложения или по длине всего предложения. Развитие в этом направлении демонстрируют такие языки, как болгарский (славянская группа) и датский (германская группа): перестановки членов предложения и отдельных словоформ здесь не запрещены, но говорящий вынужден считаться с тем, что набор перестановок изначально ограничен нормативной грамматикой. Системы слов подобного типа сложно описать в терминах Дж. Гринберга, так как они основаны не на локальных правилах расположения элементов относительно друг друга, а на *глобальных* правилах линеаризации предложения в целом. По предварительным данным, системы порядка слов, основанные на глобальных правилах, могут составлять меньшинство от общего числа описанных систем порядка слов – по крайней мере, описаний языков мира, эксплицитно опирающихся на глобальные правила, относительно немного. В то же время, для языков Европы глобальные правила линеаризации предложения весьма характерны.

1.3. Схема линеаризации предложения и глобальные правила

Определение схемы линеаризации предложения и выявление синтаксических ограничений – взаимосвязанные задачи. Схему предложения можно вывести, не вводя понятия ограничения на те или иные линейные порядки¹⁰: в этом случае просто регистрируется наиболее типичное место, занимаемое синтаксическими категориями – подлежащим, прямым дополнением, вершиной сказуемого, обстоятельством времени и т. п. Но такое описание уязвимо. Во-первых, если язык разрешает много линейных перестановок категорий, предсказательная сила схемы мала. Во-вторых, выявление соотношения минимальных и развернутых реализаций является нетривиальной задачей. Поясним это на примере. Все славянские языки относятся к типу SVO по Гринбергу: эта формула получается путем соединения порядков групп ($V^o + O$) & ($S + V^o$)¹¹ и позволяет описать предложения с переход-

¹⁰ Разумеется, имеются синтаксические ограничения, прямо не связанные с линейным порядком: таковы запреты на нарушение согласования и контроля, а также запреты на опущение или внешнее выражение подлежащего и других категорий предложения.

¹¹ Или, что то же самое, соединением двух правил: NP + VP ('подлежащее предшествует сказуемому') и V + NP ('глагол предшествует дополнению').

ным глаголом. Если мы хотим учесть предложения с двумя дополнениями, надо добавить правило о том, что дополнение в дат. п., выражающее роль адресата действия (O_{indir}), предшествует дополнению в вин. п., имеющему роль пациенса (O_{dir}): ($O_{indir} + O_{dir}$). Можно условиться, что последовательность дополнений стоит в том же месте, что одиночное дополнение, а различие между предложениями из 3 или 4 элементов целиком объясняется валентными свойствами употребленных в них глаголов: $SV [O_{indir} O_{dir}]$. Однако добавить другие категории предложения в схему тем же способом не удастся. Например, требуется учесть позицию наречия образа действия (Adv_{Mod}). Для всех литературных славянских языков стилистически нейтральным, т. е. базовым, является порядок, при котором наречие образа действия ставится между подлежащим и глаголом:

(i) $S Adv V O_{indir} O_{dir}$.

- (4) a. рус. Вася **быстро** сделал Кате предложение.
 б. болг. Топалов **небрежно** размени пешката на е4 и попадна под силна атака.
 ‘Топалов **неосторожно** разменял пешку е4 и попадал под сильную атаку’.
 в. болг. Иван **бързо** беше прочел книгата.
 ‘Иван **быстро** прочел книгу (ранее до этого)’.
 д. болг. ⁷⁹Иван беше **бързо** прочел книгата.
 е. слц. Všetci uvedení prozaici **skryto alebo zjavnejšie** polemizovali s oficiálnym názorom na dejiny, ako ich vykladali marxistickí historici a politici.
 «Все указанные прозаики **скрыто или явно** полемизировали с официальной трактовкой истории, как ее преподносили марксистские историки и политики»¹².
- (4) f. чеш. Profesor Alexandr Večtomov **přítom současně** vyučoval hře na violoncello na AMU.
 Профессор А. В. притом одновременно учил игре на виолончели в АМУ.
 «Профессор Александр Вечтомов **при этом одновременно** учил игре на виолончели в Академии Музыкального Искусства».
- g. блр. На Беларусі **добра ведалі і любілі** крылоўскія байкі.
 ‘В Белоруссии **хорошо** знали и любили басни Крылова’.
 h. блр. Гады **ж тым часам** вылезлі і распаўзліся ізноў па зямлі.
 ‘А змеи **тем временем** вылезли и снова расползлись по земле’.
 i. укр. Воля ваша, добродію, а ви **так з-письменна** говорите, що я того і не зрозумію (И. Котляревский).
 «Как Вам угодно, благодетель, но Вы **так по-письменному** говорите, что я не понимаю».

¹² Пример с сайта <http://www.litcentrum.sk/>.

Формуле (i) с теми или иными оговорками удовлетворяют все литературные славянские языки нового времени. Е. Ю. Иванова (устное сообщение) обратила наше внимание на то, что определение исходного места обстоятельства образа действия является предметом дискуссии в болгаристике. Академическая грамматика болгарского языка в разделе о порядке слов описывает как нейтральный порядок «глагол + обст. образа действия», а предложения с порядком S Adv V O трактует как коммуникативно ненейтральные и синтаксически производными. В то же время А. Градинарова [Градинарова 2008] указывает, что предложения с переходным глаголом вида S Adv V O могут быть коммуникативно нейтральными, ср. болг. *‘Доротeya огледа предпазливо обстановката Доротeya с опаской огледела комнату’*. Если последнее верно, данный порядок в болгарском языке является и синтаксически непроизводным (что не исключает наличия коммуникативно ненейтральных производных высказываний, имеющих иную историю порождения, но тот же конечный порядок элементов S Adv V O t_i, где обстоятельство образа действия подвергается перемещению слева направо). По-видимому, для болгарского языка имеет смысл уточнить списки и семантические типы обстоятельств, которые используются в тестовых предложениях для обоснования нейтрального порядка слов, см. [Савова 2012].

В ряде диалектов сербохорватского и словенского языков нейтральным порядком является (O_{dir} + O_{indir}), где прямое дополнение предшествует косвенному. Напомним, что утверждение о том, что порядок (i) для некоторого языка или класса языков является базовым, не означает, что в нем нет предложений с начальным глаголом, (ср. рус. *Сделал Вася Кате предложение быстро*) или со вставкой наречия между подлежащим и глаголом (ср. рус. *Вася сделал быстро предложение Кате*): оно означает лишь, что предложения с такими порядками, если они возможны, не базовые, а производные.

Сделаем еще один шаг и учтем группы с составным глагольным сказуемым вида финитный глагол + инфинитив смыслового глагола: (V_{fin} + V_{inf}). Это позволит расширить схему (i) до (ii).

- (ii) S *Adv [V_{fin} Adv V_{inf} O_{indir} O_{dir}].

(5a) рус. Вася ***быстро** хотел **быстро** сделать Кате предложение.

Переход от (i) и (ii) вынуждает уточнить позицию наречий класса *быстро* в примерах (3a) и (5a). Если в примере (4b) элемент *быстро* непосредственно предшествует финитному глаголу, то в примере (5a) он непосредственно предшествует инфинитиву смыслового глагола. Иными словами, позиция *быстро* интерпретируется по-разному в зависимости от состава предложения. Если в схема (i) элемент *быстро* (Adv) можно рассматривать как категорию одного уровня с S, V, O_{indir}, O_{dir} и абстрагироваться от вопроса о том, как предложение делится на составляющие, то схема (ii) лишает нас такой возможности: даже если предложение (5b) допустимо, оно не передает смысл «акт готовности X-а жениться на Y-е был быстрым». Тем самым, обстоятельство *быстро* однозначно определяется как член группы инфинитива смыслового глагола, а возможность извлечь его из этой группы и поместить

в вышестоящую группу финитного глагола нерелевантна для оценки исходной, базовой, позиции *быстро*.

(5b) ?рус. Вася [**быстро**, хотел [~~быстро~~, сделать Кате предложение]].

Итак, по мере расширения схемы, построенной на глобальных правилах, приходится все более подробно описывать структуру составляющих предложения и учитывать вложенные друг в друга группы, чего работа с минимальной схемой того же предложения делать не заставляет. Можно попытаться обойти эту проблему, взяв за основу не минимальные, а расширенные реализации, и пометать прочерками или нулями места отсутствующих категорий. Такая программа была предложена более полувека назад классиками структурализма Е. Куриловичем [Курилович 2000: 22], Ж. Фуркэ [Fourquet 1938] и П. Дидериксеном [Diderichsen 1946]. Наиболее успешное описание такого типа было разработано П. Дидериксеном на материале современного датского языка, где независимые повествовательные предложения, по Дидериксену, разворачиваются по формуле $XP V_{fin} S NEG V_{inf} O Adv$, или, словами: произвольная категория предложения – финитный глагол – подлежащее – общее отрицание – нефинитные формы глагола – дополнения – обстоятельство¹³. Эта формула (Дидериксен и его последователи называли ее «линейной схемой предложения»¹⁴) может быть представлена в виде таблицы.

произвольная категория	финитный глагол	подлежащее	общее отрицание или сен-тенциальное наречие	Нефинитные формы глагола	дополнения	обстоятельства
XP	V_{fin}	S	NEG	V_{inf}	O	Adv
så так	havde имел	han он	jo ведь	glemt забывши-перф.	paraplyen зонтик-опр.	igen опять
"Так что он опять забыл зонтик"						
I går вчера	glemte забыл	Jens Йенс	∅	∅	paraplyen зонтик-опр.	hjemme дома
«Вчера Йенс забыл зонтик дома»						

РИС. 4. Схема разворачивания независимого предложения в датском языке по П. Дидериксену

Будем называть формулы предложения или групп, представимые в виде таблиц, табличными схемами. Следуя Дидериксену, русское предложение (6) можно за-

¹³ Мы модифицировали нотацию Дидериксена, дабы приблизить ее к принятому в современных синтаксических описаниях стандарту.

¹⁴ Дат. sætningsskemaet.

писать в виде схемы из 7 позиций (6'), а более короткое предложение (7) описать схемой (7').

(6) рус. Вася не хотел быстро делать Кате предложение.

(6') S NEG V_{fin} Adv V_{inf} O_{indir} O_{dir}

(7) рус. Вася сделал Кате предложение.

(7')

S	NEG	V_{fin}	Adv	V_{inf}	O_{indir}	O_{dir}
Вася	∅	сделал	∅	∅	Кате	предложение

Такое описание имеет два важных плюса: оно приписывает общую схему предложениям разной длины и позволяет не рассматривать структуру составляющих. Но заплаченная за это цена слишком велика. Пустые клетки останутся фикцией до тех пор, пока не будет показано, как предложения разной длины и состава получаются друг из друга, а это можно показать, лишь вводя понятие направленных преобразований, трансформаций, и запретов на трансформации, т. е. того, что было названо выше синтаксическими ограничениями. Кроме того, проблему представляют линейные перестановки вроде *Вася быстро сделал Кате предложение* → *Вася сделал Кате предложение быстро*. Если их не анализировать в терминах направленных преобразований, для каждой категории, которая может стоять более чем в одном месте, придется постулировать столько клеток в таблице, сколько позиций она может занимать относительно других категорий. Здесь важно не столько общее число линейных перестановок, сколько число конечных позиций, куда могут попадать перемещенные категории. В германских языках нового времени, на которых Курилович и Дидериксен опробовали свою модель, число таких позиций обычно невелико. Напротив, в любом славянском языке древнего и нового времени число позиций, доступных для перемещенных подлежащих, дополнений, обстоятельств и компонентов сказуемого, столь значительно, что описание предложения схемами Куриловича-Дидериксена в этих языках неоперационально¹⁵. Лингвистический идеал, лежащий в основе теории Дидериксена, состоит в том, что каждый синтаксически релевантный для построения предложения или группы класс слов получает ровно одно собственное место (клетку) в таблице, в то время как другие позиции, куда могут попадать слова данного класса в высказываниях с производным порядком слов, являются общими для двух и более категорий предложения, т. е., используя структуралистскую терминологию, «позициями нейтрализации» разных синтаксических категорий. Однако требование единственности собственной линейной позиции

¹⁵ Единственная известная нам попытка описать синтаксис славянского языка методом табличных схем принадлежит Й.О. Аскедалю [Askedal 1986], который кратко обсуждает факты русского языка.

для каждой категории является слишком жестким для того, чтобы выдвигать его в качестве универсального критерия. Степень приближения отдельных языков мира к идеалу Дидериксена обсуждается ниже в гл. 6.

Мы видим что попытка вывести глобальную схему предложения, эксплицитно не формулируя синтаксические ограничения, не приводит к успеху – как из-за недостатков самого метода, так и из-за особенностей синтаксиса славянских языков. Тем не менее, есть области, где описание по Куриловичу-Дидериксену может быть продуктивно и в славянских языках – развертывание полных именных групп (см. § 1.4 ниже) и развертывание цепочек клитик (см. § 1.5 ниже).

1.4. Схема линеаризации полных Именных Групп и перемещения элементов

При описании базового порядка бинарных групп, состоящих ровно из двух элементов – главного и зависимого, учитывать другие порядки неправильно, даже если они не запрещены. Так, в русском языке группа (N°, Gen) предполагает препозицию притяжательного род. п. вершине-существительному, ср. *Катин отец* в (8a). Предложение (8b) с порядком *Отец Катин* в подходящем контексте тоже возможно: интуиция о том, что (8b) образовано от (8a), а не наоборот, отражена в записи (8b'), где добавлен символ *t* (trace, след), указывающий на то, что элемент *отец* в процессе порождения предложения (8b) переместился из исходной позиции в некоторую другую.

(8a) рус. Катин отец пришел.

(8b) рус. Отец Катин пришел.

(8b') рус. Отец Катин *t* пришел.

Полноценное объяснение (8a) и (8b) в терминах перемещений (movement), предполагает доказательство того, что подвижный (перемещающийся) элемент бинарной группы выбран правильно, обоснование цели перемещения и доказательство того, что исходное и производное предложение имеют одинаковую лексико-синтаксическую структуру, т. е. один и тот же набор синтаксических позиций и дерево подчинения, где все узлы заполнены идентичными элементами. Для целей нашего исследования подробное обоснование этих пунктов не нужно: мы допустим, что соответствующая процедура уже проделана и направление перемещения выбрано правильно. Для нас здесь принципиально важно, что преобразование (8a) ⇒ (8b) относится к уровню предложения, а не к уровню бинарной группы, и что добавлять пустые синтаксические позиции и следы перемещений в группу (N°, Gen) не нужно: запись вроде (*t*, *Катин отец*) только маскирует тот факт, что данная группа состоит из двух, а не из трех элементов. Столь же плоха табличная запись по Дидериксену, где два вхождения зависимого элемента – справа и слева от главного слова – отмечены двумя разными клетками:

(8c) Gen1	N°	Gen 2
Катин	Отец	∅

В то же время, для развернутых групп из трех и более (ненулевых) элементов табличная запись удобна, если имеется устойчивая связь между семантикой/функцией элемента и его местом в группе справа или слева от вершины. Такие условия имеются в польском языке, где прилагательные с классифицирующим значением стоят после существительного, а неклассифицирующие качественные прилагательные – перед ним. При этом неклассифицирующие прилагательные могут итерироваться, а классифицирующее прилагательное обычно бывает только одно. Это дало П. Рутковскому [Rutkowski 2002; Rutkowski 2008] основание представить польские именные группы с несколькими существительными схемой (9): D читается ‘детерминатив’, N – ‘существительное’, QualA – ‘неклассифицирующее качественное прилагательное’, ClassA – ‘классифицирующее прилагательное’.

(9) пол. $[_{DP} D \circ \dots [_{FP} QualA \dots [_{ClassP} N [_{NP} ClassA t_i]]]]$.

Для того, чтобы обосновать препозицию существительных классифицирующим прилагательным, Рутковский вводит представление о перемещении существительного влево из конечной позиции, где остается след t_i . Этот тезис, как и гипотеза о том, что развернутая именная группа порождается в польском языке в два этапа, причем вторым этапом является добавление группы $[N^\circ + ClassA]$, важны только в избранном им формализме, и нам нет нужды их критически оценивать здесь. Полученный результат удобно представить в табличной схеме Дидериксена, где принимается, что вершина группы (в данном случае, существительное) неподвижна. Табличная схема не учитывает структуры составляющих и не указывает алгоритм порождения полной группы: в остальном, трансформационная нотация (9) и ее табличное отображение (9') аналогичны.

(9)' пол.

D	QualA1	QualA2	N	ClassA
Ta	interesująca	nowa	gramatika	generatywna
'эта интересная новая генеративная грамматика'.				

В большей части славянских языков, включая русский, все адъективные определители существительного, независимо от своей семантики, развертываются в одном и том же направлении – влево. Для этой группы языков описание порядка слов в развернутой именной группе табличным способом менее продуктивно, поскольку в этих языках разрешены перестановки прилагательных – как в препозиции, так и в постпозиции вершине группы: рус. *новая интересная генеративная грамматика* \Rightarrow *новая интересная грамматика генеративная*; \Rightarrow *грамматика генеративная новая интересная* и т. п. Эти перестановки можно объяснить в терминах перемещений и следов, но как мы видели, следы и линейные альтернативы

в табличной нотации плохо формализуются. Для языков типа русского проще вообще не рассматривать цепочки из нескольких прилагательных при одном существительном как последовательности элементов одного уровня, но считать, что крайне левое прилагательное присоединяется к уже построенной группе (N°, Adj): [новая [интересная [генеративная грамматика°]]]. Собственно, так же можно трактовать и польский язык. Предпосылки к этому дает скобочная запись самого Рутковского в (8); еще более очевидно стремление разрушить линейную схему и заменить ее иерархическими структурами у его оппонентов, см. [Cetnarowska et al. 2008]. Но польские развернутые именные группы, бесспорно, можно анализировать как последовательности элементов одного уровня именно потому, что этот язык *з а п р е щ а е т* перемещение классифицирующих прилагательных влево от вершины, т. е. грамматикализует синтаксическое ограничение и перемещение неклассифицирующих прилагательных вправо от вершины.

Итак, табличная схема полной группы по Дидериксену отражает множество взаимосвязанных ограничений на перемещение элементов этой группы, а точность линейных схем табличного типа зависит от степени грамматикализации данных ограничений в конкретном языке. Преимущество табличных схем в том, что они позволяют не вводить синтаксические ограничения по отдельности и дают возможность абстрагироваться от структуры составляющих. Главный же недостаток табличных схем состоит в том, что грамматикализация запретов на перемещения соседних элементов редко достигает такого уровня, как в развернутых группах польского языка. Материал прочих славянских языков позволяет сделать еще одно эмпирическое обобщение:

- Свободный порядок слов на уровне предложения, т. е. отсутствие или малое число запретов на перемещения, связанные с выносом элемента за пределы его группы, может сочетаться с запретами на перемещения элементов в пределах (развернутой) группы предложения.

Такое соотношение, помимо польского, характерно также для артиклевых славянских языков – болгарского и македонского, а также для литовского языка балтийской группы, где можно усмотреть контактное развитие с польским языком. Обратное соотношение – фиксированный порядок слов на уровне предложения при свободном порядке слов на уровне групп – в славянских языках как будто не зафиксировано: ситуация в верхне- и нижнелужицком языках обсуждается ниже в разделе § 1.5. Соответствующие примеры в других языках мира крайне редки, хотя возможны. Согласно описанию М. Донохью, так устроен язык оне (One) семьи торричелли в Новой Гвинее [Donohue 2000]. Типологическая редкость системы порядка слов оне делает ее удачным объектом для сопоставления. В оне на уровне предложения каждому классу слов соответствует ровно одна клетка в табличной записи, что полностью отвечает идеалу Куриловича-Дидериксена. По М. Донохью, табличная схема предикатного предложения языка оне имеет следующий вид:

AdvTime	NP _{subj}	ADV2	V	NP _{obj}	NP _{ben}	NP _{instr}	NP _{loc}
nounkYε	i	εfε	εtε	mɔtu	∅	∅	waple
вчера	я	все еще	строить	дом	∅	∅	деревня
«Вчера я все еще строил (мой) дом в деревне»							

РИС. 5. Табличная схема предложения в языке оне¹⁶

Линейные варианты **I efe eri moru wapli nounke* (S+ADV2+O+Obl+ADVTime), **I efe eri moru nounke wapli* (S+ADV2+ADVTime+O+Obl), **Nounke I efe eri wapli moru* (ADVTime+S+ADV2+V+Obl+O), **I moru efe eri wapli* (S+O+ADV2+V+Obl) запрещены: это означает, что язык оне жестко ограничивает производные порядки слов, отклоняющиеся от базового порядка развертывания предикатного предложения, который описывается табличной схемой на рис. 5.

В то же время ИГ языка оне принципиально не может быть описано табличной схемой, так как ее элементы могут располагаться в произвольном порядке. Это проявляется, с одной стороны, в инвертируемости порядка именных вершин и их зависимых в элементарных бинарных группах существительное + прилагательное (N° + A ~ A + N°)¹⁷, существительное + детерминатив (N° + D ~ D + N°)¹⁸, существительное + числительное (N° + Q ~ Q + N°)¹⁹, так и в инвертируемости адъективных, квантитативных и посессивных зависимых существительного в неэлементарных (расширенных) группах, ср.

- (10) оне а. Moru° (1) I enu (2) firɪ (3) plana (4) nu (5)
 m tu i-enu feti plana nu
 дом 1Sg-Gen маленький два тот
 'те мои два маленьких дома'.
 б. Nu (5) firɪ (3) I enu (2) plana (4) moru° (1)
 nu i-enu feti plana m tu
 тот 1Sg-Gen маленький два дом
 'те мои два маленьких дома'.

¹⁶ По [Donohue 2000], со слегка модифицированной нотацией. М. Донохью не использует табличную запись, и соответственно, не пользуется знаком ∅, указывающим на незаполненную клетку. В таблице на рис. 5 мы воспроизводим фонетическую запись словоформ языка оне так, как она дана М. Донохью в цитированной статье. В тестовых примерах, иллюстрирующих невозможность нарушения базового порядка, М. Донохью использует фонологическую запись.

¹⁷ Например, *Kiru° nap ~ nap koro°* «большой валлаби° (вид кенгуру)».

¹⁸ Например, *onku° nu ~ nu onku°* «тот кускус° (древесное сумчатое)».

¹⁹ Например, *ponla° plana ~ plana ponla°* «два (стебля) сахарного тростника°».

В то же время, возможности расположения элементов ИГ языка оне регулируются ограничением, которое, по-видимому, не действует ни в одном славянском языке – *запретом на разрыв групп предложения элементами других групп*.

- (iii) ИГ языка оне не могут разрываться элементами других групп и подчиняются принципу контактного расположения элементов одной группы.

- (11) оне а. [_{NP} firí kupu°]wani í
feti koro wane=i
маленький валлаби увидел=1Sg
'[_{NP} маленький валлаби] увидел меня'.
b. *[[_{NP} kupu°... {wani í}... firí]
валлаби увидел=1Sg маленький

В славянских языках ограничение (iii) в полном объеме не действует ни в ИГ, ни, по-видимому, в каких-либо других группах предложения²⁰. См. русские примеры (12a-c), белорусские примеры (13a-b) и украинские примеры (14a-b).

- (12) рус. а. Он победил [_{NP} сильного соперника°].
b. [_{NP} сильного... {Он победил}... соперника°]!
c. [_{NP} соперника° {Он победил}.. сильного] <но ему надо больше работать над техникой защиты>.
- (13) блр. а. Каб ты мог раскінуць [_{NP} розумам {раскінуць мог} авечым]
'если бы ты мог раскинуть овечьим умом'
b. <Каб ты быў разумнейшы трешка>
Ды [_{NP} розумам {раскінуць мог} авечым], <То ўбачыў бы, што ганарыцца нечым> (К. Крапива)
'если бы ты был поумнее, и мог раскинуть своими овечьими мозгами, то увидел бы, что гордиться нечем».
- (14) укр. а. такий [_{NP} добрячий {був} чоловік]! (М. Вовчок)
'таким добрым человеком²¹ он был'
b. Єсть же люди, що і [_{NP} моїй {завидують} долі] (И. Котляревский)
'Есть же люди, которые завидуют даже моей судьбе'.

Разрыв группы в славянских языках (и, по-видимому, в прочих языках мира, где он представлен), всегда обусловлен коммуникативными механизмами – рематизацией, тематизацией, логическим выделением и эмфазой. Область действия этих

²⁰ Кроме постулированной в данной книге Группы Кластеризуемых Клитик (Clitic Phrase), поскольку цепочки кластеризуемых клитик непроницаемы для вставки других элементов.

²¹ В данном контексте рассказа М. Вовчок укр. *чоловік* употреблено в зн. «человек», а не в значении «муж кого-л.».

механизмов шире разрываемой группы и в нормальном случае совпадает с границами того элементарного предложения, где происходит разрыв группы. Вместе с тем, в теоретических описаниях синтаксиса и в моделях парсинга (распознавания синтаксических структур) необходимо вводить уточняющие пометы, указывающие, что группа данного типа в данном языке может быть разрывной и допускает дистантное размещение своих элементов по длине предложения.

Дополнительным фактором, ведущим к разрыву группы, может быть просодия фразы: в ряде славянских языков, например, в современном сербохорватском языке и в древненовгородском диалекте, начальная группа предложения, состоящая из двух и более фонетических слов, может или должна разрываться кластеризуемыми сентенциальными клитиками или цепочкой клитик. В примерах (15a-b) связочная клитика буд. вр. *će* и местоименная клитика *te* являются элементами предложения, поэтому их вставка в начальную ИГ должна трактоваться как пересечение групп независимо от того, как именно устанавливаются границы той группы, куда входят данные клитики и статус клитик (вершины vs зависимые vs иерархически однородные члены Группы Клитик).

- (15) срб.хрв. а. [_{NP} Milanov brat] =*će=te* pozvati na zabavu²².
 букв. Миланов брат буд.вр. 3л.ед.ч. тебя позвать на вечеринку
 'Брат Милана позовет тебя на вечеринку'.
- б. [_{NP} Milanov =*će=te* brat] pozvati na zabavu.
 букв. Миланов буд.вр. 3л.ед.ч. тебя брат позвать на вечеринку
 'Брат Милана позовет тебя на вечеринку'.

Если различие между клитикой и неклитикой игнорируется в синтаксисе и учитывается только синтаксическая категория клитик, местоименные аргументные клитики в косвенных падежах будут толковаться так же, как прочие дополнения, т. е. срб.-хрв. *te* «тебя» будет признано зависимым инфинитива *pozvati* «позвать». Связочная клитика *će* «будет», в зависимости от принимаемых в синтаксической теории соглашений, может быть интерпретирована либо как предикатная вершина предложения (поскольку выражает категорию финитности и управляет инфинитивом *pozvati*), либо как присоединенный к вершине элемент, т. е. зависимое (если принимается тезис о том, что предикатная вершина предложения не может быть клитикой). Наконец, если считать, что все элементы, образующие цепочку клитик, образуют группу независимо от формально-синтаксических связей, соединяющих отдельные клитики с другими элементами предложения, статус клитик как зависимых/вершинных элементов нерелевантен. При всех вариантах анализа клитики *će* и *te* должны трактоваться как элементы дерева предложения, не принадлежащие той группе, куда они вставлены.

Разрыв начальной группы предложения за счет вставки кластеризуемой клитики или цепочки клитик после первого фонетического слова группы может

²² Примеры Л. Проговац из [Progovac 1996].

быть в славянских языках обязательным, как, по данным А. А. Зализняка, обстоит дело в древненовгородском диалекте [Зализняк 1993], либо факультативным. В последнем случае разрыв группы всегда мотивирован коммуникативными факторами, хотя далеко не всегда целью коммуникативной операции является выделение начального слова группы, предшествующего клитикам. Материал славянских языков и других языков мира, где имеются цепочки клитик, разрывающие начальные группы предложения, показывает, что в них действуют следующие закономерности:

- (iv) Если в языке L начальные группы определенного типа могут разрываться цепочками клитик, группы того же типа могут также разрываться иными категориями предложения.

Импликативная гипотеза (iv) подтверждается сербохорватскими примерами типа (15): сербохорватские ИГ, допускающие вставку клитик – см. выше (14b), разрываются и другими категориями предложения:

- (16) Срб.-хрв. а. [_{NP} Anina /mladja/ova sestra°] dolazi.
Анина/младшая/эта сестра придет
'Сестра Ани/младшая сестра/эта сестра° придет'.
б. [_{NP} Anina /mladja/ova... {dolazi}... sestra°].
Анина/младшая/эта сестра придет

Обратное соотношение не выполняется: запрет на разрыв начальной группы цепочками клитик не свидетельствует о том, что данная группа является неразрывной. Так, например, словенский и чешский языки запрещают аналоги (15b), но при этом разрешают аналоги (16b). По-видимому, начало предложения (Left Periphery, в терминах Минималистской Программы Хомского) является той областью, где в славянских языках чаще всего происходит разрыв групп предложения: так как славянские сентенциальные клитики образуют цепочки в этой же области, естественно ожидать, что во многих случаях разрыв начальной группы объясняется именно вставкой клитик. Однако вставка клитик в начальную группу обставлена большим количеством ограничений, чем разрыв группы неклитическими категориями предложения, что обсуждается ниже в гл. 5.

В последнее десятилетие табличные схемы описания расположений категорий предложения неожиданно вновь обрели популярность и воспроизводятся в Минималистской Грамматике Н. Хомского под рубрикой «картография синтаксических структур» [Rizzi 2004b; Beninca', Poletto 2004], см. подробнее в гл. 10 настоящей книги. Естественным приложением «картографического подхода» к генеративному синтаксису служат механизмы упорядочения клитик, служебных слов, а так же принципы размещения позиций, где в конкретных языках осуществляется коммуникативное выделение Темы, Ремы и контрастных элементов. Как справедливо замечает Л. Рицци, принципиальные положения картографического подхода заимствованы из работ, написанных задолго до разработки минималистской доктрины

ны. Новаторский момент в картографических теориях Рицци состоит в том, что табличные схемы расположения категорий предложения, мотивированные материалом конкретных языков, претендуют не только на роль дескриптивных описаний порядка слов в соответствующих языках, но на роль типичных иерархий синтаксических категорий на уровне Универсальной Грамматики (УГ). Поскольку же реально «картография» предложения в разных языках мира, как и следует ожидать, различна, Рицци и его сторонникам приходится постулировать большое количество разрешенных принципами УГ вариантов табличных схем, или, что то же самое, большое число разных позиций, доступных тематическим, рематическим, контрастивным, вопросительным элементам, местоименным клитикам, глагольным связкам и т. п. в языках мира. Тем самым, те же самые проблемы, которые отмечались выше в связи с описанием конкретных языков методом табличных схем, загоняются на уровень УГ. Это не повышает точность табличных схем предложения и их объяснительную силу, поскольку в дополнение к перечисленным встает также вопрос, в какой мере табличные схемы, призванные объяснить материал нескольких языков, независимы от привлеченного материала: действительно ли они воплощают механизмы УГ или же они являются дескриптивными конструктами, призванными оправдать факты того небольшого числа языков, которые были учтены генеративистом-картографом.

1.5. Упорядочивание цепочек клитик и смежных позиций

Наиболее бесспорное приложение табличной нотации к синтаксису славянских языков связано с анализом цепочек сентенциальных клитик: цепочки или кластеры (англ. clusters) это контактные последовательности клитик, где для любых двух клитик а и b, если они способны употребляться совместно и составлять цепочку, устанавливается отношение «а предшествует b» [Зализняк 1993: 289]. Нарушение этого отношения не допускается. Цепочки клитик образуют одно фонетическое слово²³ с некоторым элементом предложения (словоформой или целой группой). Дистантное расположение клитик, способных составлять цепочку, т. е. клитизация элементов цепочки к разным элементам, при определенных условиях допускается. Однако вставка полноударных словоформ между клитиками цепочки запрещена. Таким образом, мы имеем дело с полностью грамматализованными ограничениями а) на перестановку клитик, б) на произвольное добавление элементов, не относящихся к цепочке. Как и следовало ожидать, в подобном случае табличная нотация эффективна. В зарубежной славистике схемы упорядочения цепочек клитик называются Clitic Templates [Franks, King 2000], а А. А. Зализняк использует термин Правило Рангов, подчеркивая, что каждая клитика имеет свой «ранг», т. е. клетку в линейной схеме. Подробнее о Правилах Рангов, клетках линейной схемы и стоящем за ними математическом формализме см. гл. 4 ниже.

²³ Тактовую группу, в терминах В. А. Дыбо и А. А. Зализняка.

Правила Рангов клитик действуют во всех славянских языках, кроме современного русского, украинского и белорусского. Проиллюстрируем болгарское Правило Рангов:

Начальная группа (XP/Comp)	Показатель отрицания (NEG)	Показатель буд. времени (FUT)	Энклитики, упорядочиваемые Правилем Рангов (CL)					Правая Часть предложения
			Вопросит. частица	1–2 л. связи «быть» в наст. вр.	Мест. в дат. п.	Мест. в вин. п.	3 л. связи «быть»	
Той	–	–	–	–	–	ви	е	търсил
«Он вас искал (требовал)»								
Той	–	–	ли	–	–	ви	е	търсил?
«Он ли вас искал (требовал)?»								
Дали	–	–	ли (1)	сте (2)	му (3)	го (4)?	–	
«Вы ему это дали?», букв. дали (2) ли (1) вы.связка-2 л. мн. ч. (2) ему (3) это (4) ?»								
–	не (0)	ще (1)	ли (2)	сте (3)	му (4)	го (5)	–	дали?
«не (0) буд. вр. (1) дали ли (2) вы.связка-2 л. мн. ч. (3) ему (4) это (5)?»								

РИС. 6. Правило Рангов в болгарском языке и табличная схема предложения

Крайне левая клетка табличной схемы зарезервирована за начальной группой произвольного типа (XP): в первом и втором примерах эта клетка заполнена местоименным подлежащим *той* «он» (которая, разумеется, может быть заменена развернутой ИГ, ср. *Д-р Стефан Сергеев*, без каких-либо изменений в табличной схеме). Болгарские клитики присоединяются в главном предложении справа либо непосредственно к начальной группе, либо к сентенциальному (общему) отрицанию *не*/показателю будущего времени *ще*; не располагается перед *ще* в тех редких случаях, когда они стоят контактно (см. четвертый пример). Это соответствует формуле XP – NEG – FUT – CL. В придаточных предложениях, вводимых подчинительным союзом типа *че* или *дали*, болгарские клитики стоят либо непосредственно после подчинительного союза (Comp), либо после общего отрицания *не*/показателя будущего времени *ще*. Поэтому если мы хотим выявить общую табличную схему для главного и придаточного предложения, мы должны обобщить начальную позицию болгарского предложения как XP/Comp, а левую часть болгарского предложения, предшествующую цепочке клитик, как XP/Comp – NEG – FUT. Рассмотрим теперь непосредственно Правило Рангов болгарских клитик (четвертая клетка табличной схемы). Если мы считаем, что с точки зрения синтаксиса одиночная клитика, имеющая место в цепочке, занимает ту же позицию, что вся цепочка, мы должны трактовать цепочку клитик как группу, что соответствует как принципам табличного описания синтаксиса по Дидериксену, так и подходу, избранному в данной книге. Однако если мы хотим расставить болгарские клитики в правильном порядке, мы все равно должны разбить клетку CL на несколько зон.

В первом примере – болг. *Той=ви=е търсил* цепочка состоит из двух клитик. При построении вопросительного предложения к ним добавляется частица *=ли*, которая стоит левее обеих клитик, что дает предложение *Той=ли=ви=е търсил?* Подбирая более сложные примеры с глаголом *давам*, у которого есть валентности на дополнения и в дат. п., и в вин. п., получаем предложение *дали=ли=сте=му=го?* Экспериментируя с формами местоимений вин. п. 2 л. мн. ч. *=ви* и вин. п. 3 л. м./ ср. р. *=го*, мы убеждаемся, что они занимают одну клетку и вместе в цепочке не встречаются. Кроме того, на примере *дали=ли=сте=му=го* мы видим также, что местоимение дат. п. *=му* стоит левее местоимения вин. п. *=го*: то, что такой принцип распространяется на формы остальных лиц и чисел, легко проверить. С другой стороны, из сопоставления примеров *дали=ли=сте=му=го* и *той=ли=ви=е търсил* вытекает, что связка 2 л. мн. ч. *=сте* занимает другую клетку по сравнению со связкой 3 л. ед. ч. *=е*. Проверка приведет нас к выводу о том, что местоимение 3 л. ед. ч. *=е*, единственное во всей парадигме, стоит в цепочке правее местоименных клитик, в то время как прочие связки стоят левее их: стало быть, для клитик-связок нужно ввести две разные клетки в таблице. Подобным образом устанавливаются Правила Рангов во всех других языках, имеющих цепочки клитик (не обязательно в точности того же типа, что и в болгарском).

Успех описания цепочек клитик табличным способом наводит на мысль, нельзя ли распространить ту же запись а) на целые предложения с клитиками, б) на позиции элементов, смежных с позициями цепочек клитик. На первый вопрос следует ответить отрицательно: короткие и длинные цепочки, и даже одиночные кластеризуемые клитики занимают одну и ту же позицию в предложении – позицию после начальной группы/подчинительного союза (XP/Comp – CL). Иными словами, цепочку клитик любой длины следует трактовать как группу, и одиночная кластеризуемая клитика тоже представляет группу; назовем эту группу Clitic Phrase (CliticP). Итак, наблюдение, что в примере болг. *дали* [_{CliticP} *=ли=сте=му=го*] клитика *=му* стоит на 4-м месте от начала предложения, будет лишено научной ценности.

На второй вопрос можно ответить положительно, но продуктивность такого подхода будет зависеть от конкретного языка, т. е. от степени закреплённости порядка слов. Для большинства языков с цепочками клитик во второй позиции можно сказать лишь, что цепочки клитик могут и должны стоять после первой группы предложения, а ее синтаксическая категория может быть любой: в этих случаях говорят о произвольной группе (XP). Данная квалификация приложима и к болгарскому синтаксису: в клетке XP в таблице на рис. 6 стоят подлежащее *той*, глагольная форма *дали*²⁴ и отрицание *не*. Однако применительно к болгарскому языку можно уточнить позицию еще одного элемента, способного стоять левее клитик. Оказывается, что в предложениях, где есть показатель буд. вр. *ще*, данный показатель ставится непосредственно перед цепочкой клитик. Кроме того,

²⁴ Глагольная форма 3 л. мн. ч. *дали*, использованная в третьем примере таблицы, является омонимом болгарского союза *дали*, использованного в четвертом примере таблицы.

позиция сентениального (общего) отрицания *не* в болгарском языке фиксирована: в предложении *не=ще=ли=го дали* болг. *не* предшествует *ще*. Это побуждает выделить показатель общего (сентениального) отрицания *не* из клетки XP и зарезервировать за ней отдельную клетку. Справедливость такого решения подтверждается примерами типа (17), где имеются и начальная группа, и сентениальное отрицание *не*: в этом примере связочная клитика 1 л. мн. ч. =*сме* клитизируется непосредственно к *не*.

- (17) болг. [_{XP} Ние обаче нито за миг] **не=сме** преставали да вярваме, че правотата=е на страната на В. Топалов.
 «Мы, со своей стороны, никогда не переставали верить, что правота на стороне В. Топалова».
 букв. '[Мы, однако, ни на миг] **не=быть-1Pl.** переставали верить, что правота..'

В предложении (17) видна еще одна нетривиальная особенность болгарского синтаксиса, не учтенная в таблице на рис. 6: цепочки болгарских клитик всегда находятся в непосредственной близости от глагольных форм/главного предиката предложения. Поэтому если в болгарском предложении присутствуют клитики, глагольные формы могут стоять либо непосредственно после клитик (пример (17)), либо непосредственно перед ними, как в примере *дали=ли=сте=му*. Это значит, что опираясь на позицию болгарских клитик, можно вывести частичную схему болгарского предложения.

- (v) болг. XP-NEG-FUT – CL – V ~ V-CL.

Схема (v) кажется бесспорной до тех пор, пока мы не добавим в нее еще один символ – символ левой границы предложения (#) и не захотим выяснить, на каком расстоянии от левой границы болгарского предложения находятся категории NEG, FUT, CL и V. При этом окажется, что твердо фиксированное место относительно начала предложения имеет только одна категория из перечисленных, а именно категория CL, которая не может занимать 1-е, 3-е, n-е место, но всегда занимает вторую позицию от начала: длина и сложность начальной группы XP при этом не играют роли. Другие категории либо могут занимать две и более разных позиций (болгарские глагольные формы при отсутствии клитик не имеют фиксированного места в предложении), либо их позиция определяется по отношению к позициям других категорий – клитик (V) и глагола (NEG, FUT).

- (vi) болг. # [_{XP} XP-NEG-FUT] – CL – V ~ [_{XP} V] -CL.

Схемы (v)–(vi) наглядно показывают уязвимость табличного метода описания предложения даже в том славянском языке, где порядок синтаксических категорий наиболее фиксированный. Для прочих славянских языков степени свободы порядка слов значительно выше. Даже в близкородственном македонском языке цепочки клитик имеют на одну позицию больше, а место общего отрицания не фиксировано.

Глава 2

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ С КЛИТИКАМИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

2.0. Синтаксические ограничения и системы порядка слов с клитиками

Предмет исследования данной главы находится на пересечении типологии порядка слов и типологии клитик как особого разряда просодически недостаточных и синтаксически дефектных элементов. Особенностью разряда клитик, который анализируется в данной главе, является способность образовывать цепочки, т. е. фиксированные последовательности элементов, исключающие перестановку в том случае, когда клитики стоят контактно друг с другом. Способность образовывать цепочку не исключает дистантного расположения клитик, когда они присоединяются к разным хозяевам. Данный механизм поддерживает самостоятельность клитик в качестве элементов предложения или группы. Кластеризация клитик происходит в определенной синтаксической позиции и не может осуществляться в других. Принципы размещения цепочек всегда влияют на расстановку других категорий предложения, представленных не-клитиками. Поэтому системы порядка слов с цепочками нужно анализировать в терминах синтаксических ограничений и параметров, регулирующих данные ограничения. Синтаксические ограничения понимаются нами не только как дескриптивные обобщения, касающиеся узуса конкретных языков, но и как проявление порождающей/распознающей способности естественного языка запрещать неправильно построенные структуры. Однотипные ограничения в области порядка слов свойственны значительному числу неродственных языков с цепочками клитик. Рассматриваются языки славянской группы, где представлены четыре типа систем порядка слов с цепочками: все четыре выделенных типа имеют соответствия в других ареалах. Точное соответствие болгарской системе порядка слов, где одновременно действуют ограничения на место цепочек и на место глагола, находится в центрально-филиппинском ареале.

Все известные системы порядка слов с клитиками, как доказывается в данной главе, могут быть отнесены к одному из четырех типов, которые в данной главе определяются как W-системами, W⁺-системами, W*-системами и V-системами. Кластеризуемые клитики обычно являются элементами уровня предложения: образование цепочки просходит в определенной синтаксической позиции. Выделяются Правила Барьера, порождающие порядки слов, где вся цепочка или часть клитик цепочки стоят вне канонической позиции кластеризации: такие порядки слов трактуются в работе как производные.

В отличие от предшествующих работ, системы порядка слов с клитиками классифицируются только на основе ограничительных условий, различия в синтаксисе не выводятся из собственно просодических свойств клитик. Общей чертой славянских языков, имеющих цепочки, является корреляция между кластеризацией и рангом синтаксической области: кластеризуются только клитики уровня предложения (clause-level clitics), но не клитики уровня группы (phrase-level clitics). Данная генерализация распространяется и на местоименные клитики вин. п. и дат. п., которые могут выступать и как предикатные клитики, и как клитики уровня ИГ/ПГ. Доказывается, что посессивная клитика в дат. п. не образует цепочек с другими элементами болгарских Определенных ИГ/Групп детерминатора (DP). Та же корреляция характерна для других языков мира, но есть и языки, где цепочки клитик представлены как на уровне предложения, так и на уровне ИГ.

2.1. Типология порядка слов и синтаксис клитик

Традиционно «порядок слов» понимается как сокращение для «порядка значимых элементов предложения», что подчеркнуто в заголовке классической статьи Дж. Гринберга [Greenberg 1963]. Мы понимаем ‘значимые элементы Гринберга’ как – категории, релевантные для развертывания предложения в конкретном языке: их структурный минимум – словоформа (включая дефектные выражения, неспособные служить вершиной группы – так называемые клитики), а максимум – предикативные составляющие (clauses), вставленные в качестве узла в другое предложение. Термин «категория предложения» здесь и ниже используется в техническом значении «имеющий ненулевое выражение элемент структуры предложения, представленный словоформой или блоком слов, имеющим некоторую общую маркировку и линейную позицию».

Порядок значимых категорий можно изучать на трех уровнях – 1) устанавливать направление развертывания бинарных групп вида главный + зависимый элемент; 2) изучать линеаризацию предикативных составляющих от левого до правого края синтаксической структуры; 3) выявлять запреты (constraints) на перестановку категорий предложения. В настоящей работе преимущественно решается третья задача и рассматриваются ограничения, связанные с расстановкой клитик. Как и большинство разделов лингвистики, теория синтаксических ограничений и типология клитик полностью не построены, поэтому полезно указать принимаемые конвенции: проблемы в данной области возникают не только в силу разного понимания терминов, но и потому, что догмы, кочующие из работы в работу, не получают критической оценки.

Понятие «клитика» (clitic), как отмечалось выше в гл. 1, обобщает понятия «энклитика», т. е. безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе справа, и «проклитика», т. е. безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе слева. Оно было введено в 70-е гг. прошлого века для того, чтобы изучать общие син-

таксические свойства, присущие проклитикам и энклитикам, см. [Zwicky 1977]. Записи $X=a$ и $a=X$ отражают энклизу и проклизу и читаются, соответственно, «клитика =а присоединяется к категории X справа» и «клитика а= присоединяется к категории X слева». В записи примеров клитики выделены курсивом, а форма глагола, где это релевантно, выделяется подчеркиванием. Как уже отмечалось выше, клитики обычно описываются либо как лексические вершины, неспособные разворачиваться в группы, ср. [Franks 2008], либо как урезанные группы [Bošković 2001]. Применительно к некластеризуемым клитикам, не образующим цепочек с фиксированным порядком элементов, оба описания равноценны. При первом подходе подчеркивается, что расстановка клитик регулируется правилами, не действующими на полноударные элементы. При втором подходе подчеркивается единство всех механизмов линейаризации. Кластеризуемые клитики по причинам, отмеченным в гл. 1, лучше трактовать как группы, поскольку одна и та же позиция синтаксической структуры может замещаться как цепочкой, так и одиночной клитикой, способной стоять в цепочке: это условие можно описать критериями свертываемости/развертываемости групп.

Цепочкой (cluster) мы будем считать любой сложный объект, состоящий из элементов $\{a, b, c, \dots, n\}$, сохраняющих свою самостоятельность и могущих употребляться вне комбинации друг с другом, но при контактной реализации упорядочиваемых единственным способом. Порядок элементов в цепочке предсказывается Правилем Рангов, указывающим относительное расположение двух любых кластеризуемых клитик a, b : $a > b$, когда они стоят контактно. Термин «Правило Рангов» принят в отечественной лингвистике, ср. [Зализняк 1993: 282; Циммерлинг 2002: 74]. В зарубежной литературе принят термин Clitic Template, ср. [Hock 1996; Browne 2007; Kosta, Zimmerling 2012]. Правила Рангов лингвоспецифичны, но принципы их организации могут иметь универсальную значимость.

Ниже приводятся Правила Рангов для двух языков – пашто и варльпири.

1	2	3	4	5	6	7	8
Частица	Пок. буд. вр.	Местомения					Частица
<i>ho</i>	<i>ba</i>	<i>am</i>	<i>am, mo</i>	<i>me</i>	<i>de</i>	<i>ye</i>	<i>no</i>
‘конечно’	‘будет’	1pl, 2pl	1pl, 2pl	1sg	2sg; ‘должен’	3sg, 3pl	‘тогда’

РИС. 1. Правило Рангов пашто¹

¹ По [Tegey 1977; Roberts 1997].

Модальные частицы	Связки	Местоимения			Наречия 1P/2P etc.
		Nom	Acc/Refl	Dat.-Prox.	
ja 'ассерт.' jala 'на самом деле' juku 'все же' kula 'но', 'хотя' lku 'ну', 'вот' nyu 'эмфат.' uyjala 'также' manu 'и', 'тоже' jara 'вопрос.' mayi 'видимо'	ka 'наст. вр.' lpa 'имперф.' kala 'узуальн.'	ma n(pa) rii rijarra n(pa)-pala pala rlipa ma-lu nku-lu lu	ju/ji '1Sg' ngku '2Sg' ngali (ngki) '1Incl. Du' jarrangku '1Excl.Du' ngku-pala '2Incl.Du' palangu '2Excl.Du' ngalpa '1Incl.Pl' nganpa '1Excl.Pl' nyarra '2Pl' jana '3Pl'	rfa rfa-jinta	kirli 'именно' karinganta 'индикативн.' kari 'ассерт.' jara 'вопросит.' nganta 'наверное' waja 'явно'

РИС. 2. Правило Рангов варльпири²

Цепочка клитик, как указано выше в гл. 1, – группа особого рода, где между смежными элементами нет отношения главного vs. зависимого слов, поэтому при подходящем составе высказывания цепочку можно свернуть до любой кластеризуемой клитики. В данной главе мы не формализуем обозначенное понимание цепочки клитик как группы, ср. шаги в этом направлении в гл. 1. и в работе [Zimmerling, Kosta 2013], и умышленно воздерживаемся от обсуждения гипотезы о том, возникает ли цепочка в результате передвижения вершин (head-to-head movement), так как не видим смысла обсуждать данную проблему за рамками конкретной версии формальной грамматики.

В западной, а отчасти и в русскоязычной лингвистике популярен иной подход, когда понятие цепочки определяется исходя из того, какое понимание одиночной клитики – как вершины (X°) или как урезанной группы (X°/XP) – взято за основу, ср. [Mišeska Tomić 2004: 217]. Однако мы не нашли в предыдущей литературе убедительного доказательства положения, которое большинство авторов, видимо, считают само собой разумеющимся – о том, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики вообще являются синтаксическими единицами одного и того же типа. Пока этот тезис не доказан или не опровергнут, мы будем придерживаться обозначенного выше понимания. Для дальнейшего анализа цепочек вопрос о синтаксическом статусе одиночных клитик не играет решающей роли. Задачей любой теории, учитывающей языки с цепочками и претендующей на эмпирическую адекватность, является решение трех проблем: а) объяснение порядка кластеризуемых клитик в Правиле Рангов, б) выявление позиции кластеризации, где образуется цепочка, с) определение позиции(й) цепочки клитик в синтаксической структуре.

Понятие синтаксического ограничения в некоторой степени стало жертвой полемики между приверженцами Универсальной Грамматики (УГ) и сторонниками т. н. недоктринальной типологии, отвергающими априорные постулаты, предшествующие описанию конкретных языков. Под синтаксическими ограничениями

² По [Nash 1986: 59–60, 186; Mushin, Simpson 2008: 570].

мы, в соответствии с одной из традиций употребления этого термина, отраженной в учебнике Э. Рэдфорда [Radford 1995: 32–42], понимаем любые запреты на состав и последовательность элементов предложения, которые можно объяснить собственно грамматическими факторами. В трансформационных моделях синтаксиса, ср. [Stabler 1997; Chomsky 2005], где строятся упорядоченные деревья предложения и используется понятие перемещения (movement), понятие синтаксического ограничения равнозначно контекстным условиям применения операций перемещения или вставки³ (merge) поддерева предложения, но возможны и иные подходы, когда строятся неполностью упорядоченные деревья, а механизмы их линеаризации признаются несобственно синтаксическими, как, например, в теориях GPSG [Gazdar et al. 1985], HPSG [Pollard, Sag 1994], структуралистских теориях позиционного синтаксиса⁴ и теории оптимальности [Vogel 2004; Vogel 2009]. Есть основания считать такие ограничения на развертывание синтаксических структур, как постановака финитного глагола после начальной группы независимого предложения в немецком языке (ограничение V2) отражением генеративной/распознающей способности, так как совокупность подобных ограничений позволяет носителям языка отделять правильно построенные структуры от неправильных, ср. правильные предложения нем. Karl kehrte zurück gestern ‘Карл вернулся обратно вчера’, Gestern kehrte Karl zurück gestern ‘Карл вернулся обратно вчера’ при неграмматичном *Karl gestern kehrte zurück. Ограничения наблюдаемы, но объяснение их в терминах операций перемещения или вставки зависит от алгоритма анализа. Р. Бхатт, разбирая аналогичные факты языка кашмири, где тоже действует ограничение V2 (# ...Vf), пришел к выводу, что в кашмири перемещению в предфинитную позицию подвергаются только элементы с коммуникативным значением ремы или фокуса контраста, в частности, дополнения (#O_i -Vf...t), в то время как элементы со значением темы, в частности, подлежащие (#S Vf...), не перемещаются, а порождаются в предфинитной позиции [Bhatt 1999: 109]. Какое бы эмпирическое обоснование гипотеза Бхатта ни имела, она непосредственно отражает конвенции о заполнении позиции подлежащего и типичных позициях элементов со значением темы и ремы. Пересмотр этих конвенций или смена доктрины повлечет иной анализ тех же ограничений. Еще одна трудность состоит в том, что ограничения на развертывание структур лингвоспецифичны. Имеется ограничения, повторяющиеся в большом числе языков, но условия их реализации не всегда совпадают. Так, в немецком ограничение V2 действует только в независимых повествовательных предложениях, а в кашмири оно характерно также для некоторых придаточных [Ibid.: 83]. В шведском и датском в предложениях V2 перед финитным глаголом не допускается более одной группы обстоятельственного слова, но в новоисландском и фарерском это возможно [Циммерлинг 2002: 291–292]. Варьирование подобного

³ Например, вставки формального подлежащего при постпозиции придаточного изъяснительного в английском языке, ср. [_{CP} that he came late] is ridiculous ‘[Что он опоздал] – возмутительно’ ~ *it* is ridiculous [_{CP} that he came late] ‘это возмутительно, [что он опоздал]’.

⁴ Ср. обзор подобных концепций в [Циммерлинг 2002: 125–135].

рода удовлетворительно описывается за счет введения дополнительных параметров, например, параметра, разрешающего/запрещающего перемещение нескольких обстоятельств в предфинитную позицию в классе языков с ограничением V2, но такое описание трудоемко и предполагает детальное изучение сопоставляемых языков. Грамматические системы при подобном подходе описываются в терминах набора параметров, при этом параметры грамматики могут иметь внутреннюю структуру и быть организованы в виде некоторой иерархии, аналогично тому, как представляются признаки фонем в структурной и некоторых версиях генеративной фонологии. Так, для языков, разрешающих вынос одиночного вопросительного слова влево, имеет смысл ввести параметр, разрешающий/запрещающий одновременный вынос нескольких вопросительных слов влево (*multiple wh-fronting*). Немецкий язык запрещает подобный вынос, ср. нем. *wer was hat gesagt? подр. зн. «Кто что сказал?», в то время как в болгарском такой порядок является основным. В кашмири [Bhatt 1999: 112] и русском одновременный вынос нескольких вопросительных слов возможен, но необязателен. Тем самым, для адекватного описания данных четырех языков элементарного бинарного параметра « \pm *multiple fronting*» недостаточно.

В последние десятилетия все больше лингвистов стремится обойти понятие синтаксического ограничения либо свести его к предположительно более базовым сущностям. Последователи Н. Хомского склонны сводить большое число явлений к малому числу относительно простых принципов. Классическим выражением подобного подхода служит формулировка, когда выделенные предшественниками категории или ограничения вроде закона Ваккернагеля (постановка клитик после начальной группы предложения) или ограничения V2 называют эпифеноменальными, то есть относящимися к стадии эмпирического наблюдения, предшествующей подлинному научному объяснению: подлинным объяснением считается ссылка на принципы УГ и состав категорий, признаваемых в той или иной версии УГ, даже если формулировка этих принципов носит предварительный характер. Исследователь клитик Д. Эверетт [Everett 1996] уверяет, что местоименные клитики, аргументные аффиксы и [неклитические] местоимения это не более чем фиктивные сущности, возникающие путем добавления согласовательных черт (*phi-features*) в разные синтаксические позиции⁵. С другой стороны, многие типологи отрицают релевантность любых категориальных различий, выделенных с опорой на дедуктивно замкнутые концепции (*frameworks*), например, понятия «подлежащего», «дерева предложения», «перемещения элемента предложения». М. Хаспелмат [Haspelmath 2010] отрицает существование категорий, выходящих за рамки описаний конкретных языков (*cross-linguistic categories*). Между двумя крайностями много общего: при произвольном сокращении набора категорий описания целые области исследования оказываются незатронуты, при том что уже выработаны методы их анализа.

⁵ «...pronominal clitics, argument affixes, and pronouns are epiphenomena, produced by the insertion of PHI-FEATURES into different syntactic positions».

Понятия клитики и цепочки клитик (clitic cluster) служат наглядной иллюстрацией. Первое из этих понятий определяется лишь внутри дедуктивно замкнутой теории, где уточняются критерии, по которым единицы языка противопоставлены друг другу. Ключевым вопросом является то, чему противопоставлены клитики – только словоформам, т. е. элементам предложений и словосочетаний [Мельчук 1997: 88, 188], или одновременно и словоформам, и морфемам [Плунгян 2000: 28; Aikhenvald 2002: 43]. В первом случае выделение клитик считается задачей синтаксической теории, где излагается акцентная классификация словоформ, см. определения фонетического слова, энклитик и проклитик в учебнике А. Я. Шайкевича [Шайкевич 2005: 35]. Во втором случае оно относится к компетенции морфологии, где можно строить акцентную классификацию морфем. Важно также, какой критерий определения клитик – фонетический или синтаксический – считается главным. Фонетические клитики это те элементы, которые не образуют фонетическое слово (в иных терминах – тактовую группу), будучи употреблены в изоляции [Дыбо 1975; Зализняк 1985: 112]⁶. Синтаксические клитики – те элементы, которые занимают линейные позиции, недоступные полноударным словоформам и необходимые для точного анализа некоторой области – предложения или группы. Вторая часть предложенной характеристики носит оценочный характер: критерием «точности» для нас служит правильное моделирование генеративной способности. Так, в примерах (1a-b) болг. синтаксическая клитика =я «ея» является обязательным элементом структуры предложения: ее опущение меняет смысл и указывает на то, что последовательность морфологически омонимичных элементов соответствует иному дереву подчинения:

- (1) болг. а. [_{NP-Sub} Мария] [_{VP} никой не целуна].
Мария никой не целуна.
 Мария-NOM.SG.F никто-ACC.SG. NEG целовать-PST.3SG
 ‘**Мария** никого не целовала’.
- б. [_{VP} Мария.. [_{NP-Sub} никой]... _{VP} не=я целуна].
Мария никой не=я целуна.
 Мария-ACC.SG.F никто-NOM.SG. NEG=ACC.3SG.F целовать-PST.3SG.
 ‘**Марию** никто не целовал’⁷.

В болгарском языке общее отрицание имеет фиксированную линейную позицию. Аналогичные тесты были ранее получены датскими структуралистами для датского языка, где место общего отрицания также фиксировано: здесь последовательность NP₁ – Vf – NEG – NP₂ свидетельствует о том, что первая ИГ является подлежащим, а вторая – дополнением, ср. дат. **Den mand gav ikke min broder pengene** ‘**Этот человек не дал** моему брату денег’, а последовательность

⁶ В редком, но теоретически важном случае фонетическое слово может состоять из комбинации проклитика + энклитика, см. [Зализняк 1993: 289].

⁷ Пример Т. Радевой-Борк из [Radeva-Bork 2011].

$NP_1 - Vf - NP_2 - NEG$ указывает на то, что первая ИГ является дополнением, а вторая ИГ – дополнением, ср. дат. **Den mand gav min broder ikke pengene** ‘Этому человеку мой брат не дал денег’. См. подробнее [Циммерлинг 2002: 130].

Множества фонетических и синтаксических клитик не всегда совпадают в пределах одного и того же языка, что отмечалось Дж. Сейдоком, М. Н. Толстой, А. Ю. Айхенвальд и другими исследователями: [Sadock 1995; Зализняк 2008: 8; Aikhenvald 2002: 70; Толстая 2000: 143; Циммерлинг 2009а: 81]. Разница между фонетически ориентированными описаниями клитик как сегментов речи и описаниями клитик как единиц грамматики состоит в том, что в работах, где изучаются свойства синтаксических клитик, принимается допущение, что клитики одного и того же грамматического типа (например, все местоименные клитики дат. п.) имеют общие просодические свойства, если они реализуются в одной и той же синтаксической позиции. Напротив, фонетические теории клитик обязаны учитывать, что тождество синтаксической позиции не гарантирует просодической однородности заполняющих ее форм. В настоящей главе мы исследуем синтаксические, а не фонетические клитики. Там, где это возможно, мы воздерживаемся в данной главе от обсуждения сегментного состава, алломорфии клитик и несинтаксических правил модификации клитик в контактных последовательностях вроде исп. *le + lo > se-lo*, бинукид *ku + ka > ku-ikaw, ta-ikaw* [Peng, Billings 2006: 21] и т. п.

Класс клитик определим на уровне УГ при условии, что все фонетически несамостоятельные (phonetically/prosodically deficient) единицы, не являющиеся аффиксами, синтаксически дефектны (syntactically deficient). Синтаксическая дефектность формализуется по-разному. Большая часть сторонников Минималистской Программы Н. Хомского отождествляет клитики с вершинами групп (X^0), неспособными развертываться в полную группу (XP): эта точка зрения представлена в работах С. Фрэнкса и О. Мишески-Томич [Mišeska Tomić 2004]. В то же время Н. Хомский и Ж. Бошкович трактуют клитики, как урезанные группы (left branching elements, X^0/XP), то есть как объекты с переменным статусом, в одних отношениях ведущие себя как вершины, а в других – как группы. Если точку зрения традиционной грамматики на клитики изложить последовательно, она сведется к тезису о том, что фонетическая дефектность словоформы не связана с особыми синтаксическими свойствами, и что в одну и ту же позицию можно подставить как ударную словоформу, так и клитику. Но трактовка клитик как безударных словоформ не проясняет тот факт, что некоторые клитики не занимают те же позиции, что полноударные слова тех же грамматических классов: таковы, например, местоименные клитики в косв. п. в современных романских языках [Cardinaletti 1999: 35], болгарском, македонском, сербохорватском и чешском [Dimitrova-Vulchanova 1999], древненовгородском диалекте [Зализняк 1993: 290], древнегреческом [Wackernagel 1892], пашто [Roberts 1997]. Структура предложения в этих языках открывает позиции, недоступные полноударным элементам: клитики данного типа обладают нетривиальным свойством образовывать цепочки, члены которых располагаются в строго заданном порядке [Зализняк 1993: 281; Dimitrova-Vulchanova 1999: 93]. Слабоударные местоимения не

всегда стоят в дополнительной дистрибуции к полноударным: так, позиция романских субъектных местоимений не меняется в зависимости от того, падает на них фразовое ударение или нет. Для подобных случаев А. Кардиналетти и М. Штарке [Cardinaletti, Starke 1999] модифицируют гипотезу Звики о клитиках как о выражениях, комбинирующих синтаксическую дефектность с фонетической: атонируемые словоформы, которые встречаются в той же позиции, что и ударные местоимения, квалифицируются как слабые формы (*weak forms*). Слабые местоимения отделяются от сильных (*strong forms*), имеющих тот же набор сегментов, как элементы, неспособные получать выделительный акцент и употребляться в контекстах перечисления, противопоставления и отрицания их референтов. В этом плане они ведут себя как стандартные клитики. Сильные формы принимают выделительный акцент, и в этом плане аналогичны существительным.

Отождествление клитик с безударными словами, принимаемое в [Klavans 1985] и многих других работах 1980-х – 2000-х гг., является значительным огрублением, поскольку некоторые клитики могут обладать постоянной ударностью или принимать ударение. Так, в древнерусском языке часть словоформ-неклитик всегда сохраняла ударение (т. н. *ортотонические слова*), а другая часть неклитик могла терять его (атонируемые слова, т. н. *энклиномены*). Согласно т. н. закону Васильева-Долобоко, часть проклитик и энклитик перенимала ударение у энклиноменов. В комбинации проклитики + энклиномен ударение падало на левый край тактовой группы, т. е. на первую из проклитик, ср. [в'оз], но [н'а воз], [н'е на воз], ['и не на воз]. В комбинации проклитики + энклиномен + энклитики ударение падало на правый край тактовой группы, ср. [на воз ж'е], [не на воз ж'е], [и не на воз ж'е]. В других просодических системах клитики могут перенимать ударение у любых словоформ. В новогреческом языке ударение должно падать на предпоследний слог тактовой группы. Если тактовая группа включает односложные энклитики, ударение автоматически падает на предпоследнюю энклитическую группу: ср. *d'ose* 'дай!', но *dose*=*M'U=to* «дай=*MHE=это*». Ни в древнерусском, ни в новогреческом принципы размещения ударения в тактовой группе не связаны с логическим выделением и носят автоматический характер.

В настоящей главе исследования ограничения на порядок элементов понимаются не только как дескриптивные обобщения, касающиеся узуса конкретных языков, но и как проявление порождающей/распознающей способности естественного языка запрещать неправильно построенные структуры. Сходное распределение параметров и однотипные ограничения свойственны большому числу неродственных языков с цепочками клитик, поэтому при правильном определении типа и характерного для него набора параметров можно делать предсказания, распространяющиеся на все языки, входящие в данный тип. Специальное внимание уделяется языкам славянской группы, где представлены четыре типа систем порядка слов с цепочками: все четыре выделенных типа, обозначенные в данной книге индексами W-система, W⁺-система, W*-система и V-система, имеют соответствия в других ареалах, в том числе, в языках, никогда не контактировавшими со славянскими.

2.2. Разряды клитик и синтаксические ограничения

Системы порядка слов имеет смысл классифицировать на основе того, как вставка клитик ограничивает размещение других элементов. Рассмотрим попытку предсказать конфигурации, создаваемые клитиками, на основе небольшого числа универсальных критериев, противопоставляющих разные разряды клитик. В работах 1980-х – 2000-х гг. регулярно воспроизводится точка зрения о том, что на уровне УГ имеется твердое, не зависящее от конкретного языка распределение клитик по непересекающимся классам единиц, такое что синтаксические параметры клитик, например, их способность стоять в начале или конце фразы, стоять дистантно или контактно со своей синтаксической вершиной и т. п. полностью выводимы из просодических и/или морфологических свойств, постулируемых для подклассов проклитик, энклитик...и-клитик w-клитик или «клитик, смежных с вершиной», «плавающих клитик» и т. п. (ср. [Aikhenvald 2002: 47]). Такой подход можно назвать лексикалистским, когда синтаксические конфигурации выводятся из совокупности несинтаксических свойств, присущих клитикам как единицам словаря. Сходное понимание терминов «лексикалистский», «лексически заданный» представлено в работе Л. Бэбби [Babby 2002: 14]. Для позднейших генеративных моделей релевантно, на какой стадии в них вводятся просодические и морфологические правила – до или после синтаксического модуля. У синтаксистов закрепилось узкое понимание термина «лексикализм» = «гипотеза, в соответствии с которой ни одно правило грамматики не может заменять одно слово на другое». К сожалению, многозначность терминологии проникает даже в исследования по формальным грамматикам, см. анализ употреблений терминов «локальный», «локальность» в работе [Циммерлинг 2008: 551–553]. Вопрос о том, определяемы ли клитики на уровне УГ, не является чисто догматическим. Наличие небольшого числа диагностических критериев облегчило бы описание, поскольку тип клитики и возможные для нее структуры можно было определять без проверки всех действующих в конкретном языке ограничений порядка слов. Однако неясно, реализуем ли этот идеал.

Первые определения клитик утверждали, что клитики не разрывают последовательность корень + аффикс(ы), а присоединяются к ней слева либо справа. Этот критерий является слишком жестким: на материале удинского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) описаны т. н. эндоклитики,рывающие корневую морфему [Harris 2002: 55]. Точных параллелей удинским эндоклитикам нет, при этом те же показатели согласования, которые предположительно могут разрывать корень удинского глагола, могут выступать в удинском языке и в качестве энклитик. Для теории грамматики желательно либо найти эндоклитики в других языках, либо доказать, что удинские показатели личного согласования, описанные Э. Хэррис как эндоклитики, подводятся под определение других разрядов клитик или аффиксов. В недавней работе [Ганенков и др. 2012] отстаивается точка зрения о том, что типичный контекст употребления предполагаемых удинских эндоклитик связан с разрывом не простого глагольного корня, но с разрывом сложного

глагольного комплекса, который по своей структуре (т. н. «легкий глагол» + смысловой глагол) ближе к словосочетанию чем к простому слову с единственной корневой морфемой. Так или иначе, от эндоклисиа стоит отделять примеры тмесиа в сложных глаголах, когда клитики вставляются между превербом и корнем, что засвидетельствовано в пашто [Tegey 1977: 89–92], осетинском, готском и варльшири [Nash 1986: 53].

- (2) осет. æрба-цай=*ta=naem=ÿu=цъд-ис*⁸.
 PV-PV= CNTRF=1PL.ENCL.ALL.=ITER=идти-PST.INTR.3SG.
 ‘(он), бывало, опять к нам направлялся’.
- (3) гот. ga=i=hwa=sehwi (Mc.8, 23).
 PV=Q.=что-ACC.SG.N.=видеть-PST.TR.COND.3SG.
 ‘видит ли что?’, букв. ‘у=ли=что=видит’.
- (4) варл. а. [kulu]_{PV} [jarri-ja]_V = *lu=nganpa*.
Kulu jarri-ja = *lu=nganpa*.
 Гнев.PV. INCH-PST.TR = 3PL.EXCL.=1PL.EXCL.
 ‘Они рассердились на нас’.
- б. [kulu]_{PV} = *lu=nganpa* = [jarri-ja]_V
kulu = *lu=nganpa* = *jarri-ja*.
 Гнев.PV.=3PL.EXCL=1PL.EXCL= INCH-PST.TR.
 ‘то же значение’.
- в. [jarri-ja]_V = *lu=nganpa* = [kulu]_{PV}
jarri-ja = *lu=nganpa* = *kulu*
 INCH-PST.TR=3PL.EXCL=1PL.EXCL= гнев.PV
 ‘то же значение’.

Такие примеры встречаются в языках, где глагольный преверб изначально был фразовым элементом, способным принимать энклитики, ср. инверсию преверба *kulu*- и глагола *jarri-ja* в примерах (4b-с). Кроме того, т. н. мезоклитики, т. е. клитики, вставляемые между корнем и аффиксом (PREFIX – CL – ROOT ~ ROOT – CL – SUFFIX), есть еще в нескольких языках, включая европейский португальский, ср. ele ver=*te=á* «он увидит тебя», букв. «он видит + тебя + буд. вр. 3. л. ед. ч.», comer=*vos=iam as moscas* «вас бы заели мухи», букв. «есть + тебя + сосл. накл. 3 л. мн. ч.» [Rouveret 1999: 642]. Но эндоклитики и мезоклитики редки, и основная масса конфигураций клитика + опорное слово может быть охарактеризована либо как проклизиса (CL – X), либо как энклиза (X – CL). Трудность состоит в том, что во многих языках одни и те же клитики в группах разного типа ведут себя по-разному: так, в аравакском языке варекена связанные местоимения 1–3 л. выступают в качестве а) именных проклитик, когда маркируют принадлежность

⁸ Цит. по [Ахвледиани 1969]. Тот же пример приводится в более ранней работе [Абаев 1949].

существительного, b) глагольных проклитик, когда маркируют Агенса переходного и единственный актанта активного непереходного глагола, с) глагольных энклитик, когда маркируют Пациенса переходного и единственный актанта неактивного непереходного глагола [Aikhenvald 1998: 357]. В 1 л. проклитики и энклитики варекена представлены разными алломорфами, ср. 1 л. ед. ч. *ni* ≠ *na*, 1 л. мн. ч. *wa* ≠ *wi*, но во 2 л. и 3 л. ж. р. их сегментный состав идентичен, ср. 2 л. ед. ч. *pi* ≠ *pi* [Ibid.: 293]. В осетинском языке краткие местоимения в род. п. (осет. *mæ*, *dæ*, *ÿæ/æÿ*, *næ*, *yæ*, *sæ*), указывающие на аргумент предиката, присоединяются к первой группе клаузы и являются энклитиками. Те же клитики (осет. *mæ*, *dæ*, *ÿæ⁹*, *næ*, *yæ*, *sæ*) используются как притяжательные местоимения и в этом случае являются проклитиками при существительном [Абаев 1959: 36]. Позиционный контраст личных и притяжательных местоимений необязателен: есть языки, где клитики этих разрядов развертываются в одном направлении. В отомангском языке гелавия сапотек местоименные клитики 1–3 л. выступают в качестве энклитик, когда указывают на аргументы предиката, и тогда, когда маркируют принадлежность, ср. *rzaab=nt=b* «мы любим *ego/ee*», букв. «любить + 1 л. мн. ч. + 3 л. ед. ч.» и *x=ml=b1* «*ego/ee* деньги», букв. «посс. + деньги + 1 л. мн. ч.» [Jones, Church 1985]. Аналогично, в болгарском местоименные клитики в дат. п. являются фонетическими энклитиками и в том случае, когда они указывают на предикатный аргумент, ср. болг. Андрей=*му* извика «Андрей крикнул на него», и в том случае, когда они указывают на принадлежность, ср. болг. Млада-та=*му* жена ‘молодая-DEF=3POSS.SG.M жена’ *ego* молодая жена’

Во французском языке местоименные клитики в неимперативных клаузах выступают как проклитики, а в императивных – как энклитики. В европейском португальском местоименные клитики в дат. п. и вин. п. могут выступать и как глагольные энклитики, и как глагольные проклитики в одном и том же типе финитных клауз [Rouveret 1999: 651]. В румынском местоименные клитики выступают в трех ипостасях. В независимых неимперативных клаузах они являются глагольными проклитиками, ср. рум. *L-am îndemnat* [_{IP} la mers] «Я заставил *ego* идти», букв. «*ego*=имею-связка_{1.ед.ч.} заставивши_{перф.} предл._{цел.}¹⁰ идти_{инф.}», в императиве они являются строгими энклитиками, присоединяющимися справа к глаголу или начальному отрицанию, ср. рум. *Dați-mi!* «дайте мне!», *Nu-mi dați!* «не давайте мне!», букв. «не мне давайте», а в зависимых клаузах с формой инфинитива или специальной финитной формой т. н. конъюнктива они располагаются между двумя синтаксическими вершинами – инфинитивной частицей *a*/конъюнктивной частицей *să* и инфинитивом/конъюнктивом [Свешникова 2003: 85], поэтому их статус как проклитик/энклитик без синтаксической процедуры неясен.

⁹ Алломорф *æÿ* используется в осетинском языке, когда предшествующее клитике слово оканчивается на согласный [Абаев 1959: 34]. При энклизе возможны оба варианта клитики 3 л. ед. ч. *ÿæ/æÿ*, при проклизе возможен лишь алломорф *ÿæ*.

¹⁰ Рум. *la* входит в класс грамматикализованных предлогов (*de, in, la, pentru, pînă, prin, spre*), способных управлять формой инфинитива/конъюнктива, ср. рус. *для [того], чтобы + инф.*

- (5) рум. *Imposibil* [_{CP} *s=* =*o* =*mai* *recunoască*].
 невозможно CONJ.CL =3SG.ACC.F =больше.ADV узнать.3SG.CONJ
 'Ее невозможно больше узнать'.

Дистрибуцию полифункциональных элементов подобного рода трудно объяснить без анализа синтаксических областей, т. е., например, ИГ в варекена или зависимых клауз в румынском. В 1990-е гг. была популярна гипотеза антисимметрии Р. Кейна, утверждавшая, что в группах местоимение в косв. п. + глагол исходным порядком всегда является проклита (CL–V), а конфигурации с энклизой (V–CL) возникают путем трансформаций [Кауне 1991]. Для гипотезы Кейна представляет проблему объединение местоименных и неместоименных клитик в цепочки и вставка цепочек и отдельных местоименных клитик внутрь начальной группы, ср. сrb.-хрв. [_{NP} *taj* ..]=*mi=je*] [_{NP}...*pesnik*] *čita* knjigu danas «тот поэт прочтет мне книгу сегодня», букв. «[_{NP} тот ..]=*мне=есть* [_{NP}...поэт] читает книгу сегодня».

Смежность клитик и аффиксов заставляет искать критерии, противопоставляющие два данных разряда морфем¹¹. Популярна точка зрения о том, что клитики отличаются от аффиксов 1) меньшей степенью обязательности и 2) большей линейной свободой. Первый признак, однако, не означает, что клитику всегда можно опустить или добавить: так, в македонском и болгарском языках есть конструкции с местоименным повтором, где клитика обязательна, ср. болг. *Отказахме*=*му*_i неговия_i чек на работника_i «мы отказались выдать работнику_i его_i чек», букв. «отказали-мы=*ему*_i его_i чек работнику_i», **Отказахме* неговия_i чек на работника_i [Slavkov 2008: 152]. Обязательность клитик в некоторых конструкциях дает повод считать, что клитики – это не полностью грамматикализовавшиеся аффиксы [Anderson 1993: 76]. Однако система порядка слов может поддерживать вычленимость клитик как элементов предложения в течение 1000 лет и более, что показывает история греческого и хеттского языков¹². Линейная свобода означает, что порядки, где одна и та же клитика присоединяется (в разных предложениях¹³) к разным вершинам, грамматичны: этот признак уместно считать дефиниционным для синтаксических клитик. Так, в инфинитивных группах испанского языка местоименные клитики могут стоять в постпозиции инфинитиву, но могут также перемещаться в главную клаузу в препозицию финитному глаголу¹⁴.

¹¹ Т. н. фразовые аффиксы, сочетающиеся не только с корнями, но и с фразами, обсуждаются ниже в 2.6.

¹² А. Айхенвальд полагает, что клитики с низкой селективностью диахронически более стабильны, чем клитики с высокой селективностью, но признает, что эта гипотеза не доказана строго [Aikhenvald 2002: 57].

¹³ Копирование клитики (clitic copying), т. е. ее буквальный повтор в одном и том же предложении, тоже является проявлением линейной свободы при условии, что сохраняются альтернативные порядки слов.

¹⁴ Соответствующий параметр называется термином Clitic Climbing, букв. «карабкание клитик».

- (6) исп. а. [_{VP} quiero [_{IP} decir=*te*]].
 'я хочу сказать тебе'.
 б. [_{VP} *te*₁=quiero [_{IP} decir *t*₁]].
 букв. 'тебе хочу-я сказать'.

Клитики с высокой селективностью (high selectivity) присоединяются к вершинам заданного типа, например, только к существительным (N^o) или только к глаголам (V^o). В этом случае линейная свобода проявляется в способности клитики присоединяться к разным вершинам, например, к разным существительным в составе сложной ИГ – N₁ (CL)...N₂^o (CL)...N₃^o(CL) – или к разным глаголам в составе полипредикатной структуры, ср. испанский пример выше, или возможности располагаться на разном расстоянии¹⁵ и/или направлении от вершины. Клитики с низкой селективностью (low selectivity) присоединяются к вершинам двух и более категорий: конфигурация ...X^o(CL)... Y^o(CL)... Z^o(CL)... характерна для монопредикатных предложений, поэтому данный разряд клитик обсуждается чаще всего. От свободных клитик, присоединяющихся к любым элементам с подходящей грамматической характеристикой, стоит отличать связанные клитики (bound clitics), которые комбинируются только с корнями заданного типа, ср. связанную лексикализованную клитику *-to* в русских неопределенных местоимениях, прилагательных и наречиях рус. *что-то, какой-то, когда-то*, присоединяющуюся к основам вопросительных слов, и свободную энклитику *то* в рус. *Иван-то пришел вовремя* ~ рус. *Пришел-то Иван вовремя, но не подготовился*¹⁶. В некоторых языках есть грамматикализованные связанные клитики, прикрепляющиеся исключительно или преимущественно к специальным служебным морфемам, т. н. базам. В дальнейшем клитики с высокой селективностью и лексикализованные связанные клитики учитываться не будут, а сочетания база + клитика будут приниматься во внимание, если те же клитики присоединяются к знаменательным словам. Так, в хеттском местоименные энклитики и частицы обычно присоединялись к начальным проклитикам, ср. хетт. *nu* в *n=aš=za āršikitta* «он моется», букв. «NU=он=ся моет», но те же клитики присоединялись к начальным глаголам, существительным и наречиям, ср. *Manikuwann=aš=mi ŪL=pat ūt* «он вообще не подходил ко мне близко», букв. «близко=он=мне не=вообще подошел»¹⁷.

Дж. Клаванс [Klavans 1985] классифицировала клитики на основе их синтаксической области и трех бинарных признаков – ориентации на левый/правый край области (Anchoring), пре- и постпозиции хозяину (Orientation) и сходства с аффиксом (Suffixal/Prefixal Polarity). Под рубрику «начальные клитики» (Initial clitics) в ее системе понятий подводятся не только начальные проклитики, ср. сочинительные

¹⁵ Ср. предлоги, являющиеся синтаксическими проклитиками: рус. *перед* [начальником^o] ~ *перед*... [новым... [начальником^o]].

¹⁶ Ср. также связанные энклитики – склоняемые формы определенного артикля *-m, -s*, которые присоединяются только к основам предлогов: нем. *vo-m* < *von dem*, *in-s* < *in das*.

¹⁷ Примеры цит. по [Garrett 1996: 96].

союзы *a*, *u* в русском языке, лит. *ar* «ли», но и энклитики, следующие за начальным элементом группы, ср. рус. *ли*, гот. *-u* в примере (2), цепочку *=ta=naem=iū* в осетинском примере (1). Примером «конечных энклитию» служит посессивная групповая клитика 's в английском языке, которая присоединяется к последнему элементу ИГ, ср. англ. [_{NP} the queen^o [_{PP} of England]]='s hat^o «шляпа королевы Англии» [Zwicky 1977: 7]. Признак пре- и постпозиции хозяину (orientation), по Клаванс, автономен по отношению к фонетическому параметру проклитизы/энклитизы, поскольку безударный элемент предположительно может энклитизироваться к предыдущему слову, но синтаксически относиться к последующему. Начальные (в смысле Клаванс) энклитики с такой характеристикой постулируются для вакашского языка кваквала, где определители имени присоединяются к предыдущему слову [Anderson 1993: 75]. Сходный анализ предлагался для болгарских местоименных и связочных энклитик, которые в [Franks, King 2000: 64] трактуются одновременно как «синтаксические глагольные проклитики», но при этом «фонетические энклитики», так они часто реализуются при порядке {XP – [_{VP} CL] – V}, клитизируясь к начальной группе произвольного типа, см., однако, возражения ниже. Конечные (в смысле Клаванс) энклитики, синтаксически примыкающие к конечному элементу предложения, постулировались для австралийского языка кугу-нганьчара [Klavans 1985: 104]. Третий признак – сходство с классом аффиксов – указывает на направление развертывания по отношению к корню: проклитики уподобляются приставкам, а энклитики – суффиксам. Новаторский момент подхода Клаванс состоит в попытке вывести фонетические конфигурации с энклитизой и проклитизой из грамматических (синтаксических и морфологических) классификационных признаков. Комбинирование признаков дает экзотические типы, такие как «препозитивные энклитики» и «постпозитивные проклитики», но они слабо документированы, а иллюстрирующие их примеры допускают альтернативную интерпретацию. Кроме того, в анализе Клаванс есть два изъяна: Клаванс не различает собственно фразовые элементы и клитики, смежные с синтаксической вершиной заданного типа (head-adjacent clitics), ср. выше приглагольные местоименные клитики в испанском языке в примере (4), и ошибочно считает все клитики безударными. В 1990-е гг. подход Клаванс подвергли критике, а выделенные ею конфигурации [X]=CL [Y] и [Y] CL =[X], где клитика синтаксически связана с категорией Y, но клитизируется к X, были объявлены эпифеноменальными и объяснимыми на основе более простых принципов [Embick, Noyer 1999: 291–299]¹⁸. Тем не менее, М. Сисоу [Cysouw 2005], опираясь на данные языков, где при порядке [X]=CL [Y] позиция Y-а закреплена за категорией какого-то одного типа – глагола, существительного и т. п., а позиция X-а может заполняться категориями двух и более типов, показал, что препозитивные энклитики, присоединяющихся к элементу, предшествующему их вершине, воз-

¹⁸ В свою очередь, М. Сисоу [Cysouw 2005: 21] отверг альтернативное объяснение Д. Эмбика и Р. Нойера, которое неверно предсказывает, что в обсуждавшихся Клаванс примерах вида [X]=CL [Y] и [Y] CL =[X] возможна подстановка полноударных форм в позиции, занимаемые клитиками.

можны. Хотя наличие препозитивных энклитик или постпозитивных проклитик может подтвердиться, пользоваться такими таксонами до анализа ограничений на перестановку элементов и проецировать их на неизученные языки нельзя. С. Андерсон объяснял позицию клитик алгоритмическим применением трех просодических принципов – Edgemoost (присоединяй элемент *e* к левому или правому краю области D), NonInitial (элемент *e* не является начальным в D), NonFinal (элемент *e* не является конечным в D). Однако границы областей могут устанавливаться по-разному, что размывает значение понятий *начальный vs неначальный* элемент. Сказанное вдвойне актуально для теории типа [Agbayani, Golston 2010], где допускается существование «начальных энклитик», поскольку к выводу о том, что предшествующая энклитике часть высказывания принадлежит к другой области, невозможно прийти без синтаксического анализа.

А. Ю. Айхенвальд учитывает 15 таксономических параметров, с дальнейшим подразделением [Aikhenvald 2002: 43–57]. Для синтаксических клитик этот список целесообразно сократить, опустив параметры, связанные с просодией и сегментным составом. Кроме того, при анализе линейной позиции обнаруживается избыточность. Так, параметр C в таксономии Айхенвальд делит клитики на имеющие фиксированную позицию (*fixed position*) и плавающие (*floating*). Первые подразделяются далее на клитики, безразличные к типу категории-хозяина, и клитики, чья позиция зависит от грамматического типа хозяина. В первую подгруппу попадают клитики 2-й позиции в хеттском, а также клитики, занимающие начальное и конечное место в предложениях других языков. Во вторую подгруппу попадают македонские связки и местоимения, которые квалифицируются как предвершинные клитики (*pre-head clitics*). Но македонский язык допускает не только порядки (XP) – CL–V° ~ CL–V°, где глагол стоит после клитик, но и порядки V°–CL, NEG°–V–CL, где глагол стоит перед клитикой.

- (7) мак. а. # *Му_i=я_j=дадов книга-та_j на Петар_i.*
Му =я =дадов книга-та.
 3SG.DAT.M=3SG.ACC.F *дать*-1SG.PST *книга*-SG.F-DEF.SG.F.
на Петар.
 DAT Петр-SG.M.
 ‘Я дал книгу Петру’.
- б. # *Дайте =му =я_j книга-та_j!*
Дать.2PL.IMP =3SG.DAT.M=3SG.ACC.F книга-SG.F-DEF.SG.F
 ‘Дайте ему эту книгу!’
- в. # *Не давай =му ништо!*
NEG дать.2PL.IMP =3SG.DAT.M ничто
 ‘Не давай ему ничего!’

Учет (7б-в) побуждает пересмотреть квалификацию македонских связок и местоимений только как предвершинных элементов: они одновременно ведут себя

как клитики 1-й/2-й позиции [Dimitrova-Vulchanova 1999: 103]. При описании македонского А. Айхенвальд встает на точку зрения, что клитики, смежные с вершиной (*head-adjacent clitics*), не имеют фиксированного места относительно границы клаузы. Но далее в том же разделе под рубрикой «предвосхищающие клитики» [Aikhenvald 2002: 46] дается ссылка на препозитивные энклитики в австралийских языках кугу-нганьчара и дьинанг, где клитики, смежные с глаголом, присоединяются справа к предыдущему слову при порядке [X]=CL [V°]: сходство с македонским почти полное, за вычетом того, что в македонском для уточнения позиции смежных с глаголом клитик релевантна левая граница клаузы, а для кугу-нганьчара – правая. Как македонский [Mišeska Tomić 2004: 219], так и дьинанг [Mushin, Simpson 2008: 584] характеризуются обязательным дублированием семантически определенных референтов местоименной клитикой. Пример (8а) из языка кугу-нганьчара тоже показывает дублирование полноударного местоимения в дат. п. *ngathu* клитикой *=thu* в том же падеже.

- (8) кугу-нганьчара а. *nhila pama-ng ngathu_i ku'a=thu_i waa.#*
 3SG.NOM мужчина-ERG. 1SG.DAT собака= 1SG давать-PST
 ‘Этот человек дал мне собаку’, букв. ‘... мне собака=мне дал’.
 б. *#waa=ngu!#*
 Давать=3SG.DAT
 ‘Дай [это] ему!’

Тем не менее для македонского позицию клитик А. Ю. Айхенвальд предлагает определять на основе единственного критерия, а для названных австралийских языков – на основе двух, что непоследовательно. А. Пенг и Л. Биллингс учли случай, когда предикатные клитики стоят контактно с глаголом и одновременно занимают 2-ю позицию от начала клаузы: XP – CL – [V°] ~ [V°] –CL. Они полагают, что системы подобного типа, засвидетельствованные в бинукид, тагальском и таусуг, воплощают переход от систем с клитиками 2-й позиции к системам с приглагольными клитиками, где место клитики по отношению к границе клаузы нерелевантно [Peng, Billings 2006: 13]. Это наблюдение правдоподобно – большинство описанных языков филиппинского ареала принадлежит именно к этому типу, но оно равнозначно признанию того, что таксоны «клитики 2-й позиции» (2P clitics) и «клитики, смежные с глаголом» (*verb-adjacent clitics*) не описывают синтаксические ограничения однозначно. Ярлык «2-я позиция» сеет иллюзию, будто перед клитиками всегда стоит ровно один элемент, и что число позиций, предшествующих клитикам, можно определить на глазок. Однако ‘количество синтаксических позиций’ – не предмет интуиции лингвистов, зависящей от их степени владения материалом, а вопрос процедуры анализа. История синтаксических исследований показывает, что у лингвистов часто нет общей интуиции о числе позиций, предшествующих цепочкам клитик, даже если они являются носителями соответствующих языков.

Болгарские местоименные и связочные клитики, а также частица *ли*, не стоят в начале клаузы и прикрепляются к первому ударному слову или первой полной

составляющей, ср. болг. книгата = съм=му_i върнал на Иван_i «я вернул книгу Ивану», *съм=му_i върнал на Иван_i книгата. Это можно считать наблюдаемым фактом, как и то, что цепочки вроде съм=му всегда стоят в контактной пре- или постпозиции глагольным формам вроде върнал. Но число позиций, предшествующих местоименным и связочным клитикам, уже не является наблюдаемым фактом, поскольку болгарский язык разрешает предложения с несколькими ударными словами перед цепочкой, ср. болг. На Иван_i книгата = съм=му_i върнал «Я вернул книгу Ивану», букв. «Ивану_i книгу-ту = есмь = ему_i вернул-я». Ч. Р. Хэуге [Rå Hauge 1976] и С. Фрэнке [Franks 2008: 93] полагают, что в подобных примерах перед цепочкой может стоять произвольное число групп и заключают, что болгарские клитики не имеют фиксированного места в клаузе. Напротив, М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 92] полагает, что требование единственности группы, предшествующей цепочке, в приведенном примере не нарушено, но в болгарском действуют правила, разрешающие объединение групп определенного типа перед цепочкой, при том что объединение групп другого типа запрещено, ср. запрет на одновременный вынос подлежащего и дополнения перед клитиками, *_{[XP_{NP} Петко] [_{NP} на Иван]]} = съм=му върнал книгата.

Подытожим итоги экскурсии в таксономию клитик. Непроблематичны те параметры, которые указывают на положение клитик в последовательности морфем, и выделяемые на этой основе разряды проклитик, энклитик, мезоклитик и эндоклитик. Разделение фонетического и нефонетического аспектов энклизы и проклизы, а также выделение разрядов клитик сообразно их месту в предложении возможны, но получаемые с помощью таких приемов разряды «начальных/конечных клитик», «клитик 2-й, 3-й... n-й позиции», «клитик, смежных с вершиной», «препозитивных энклитик» и т. п. оправданы, когда подкреплены анализом синтаксических ограничений в конкретных языках. Если же эти таксоны используются для объяснения порядка слов до синтаксического анализа, их применение чревато неточностями. В терминах М. Хаспельмата можно сказать, что синтаксические типы клитик больше похожи на межъязыковые категории, пригодные для описания языков с общими параметрами (comparative categories), чем на фиксированный набор категорий Универсальной Грамматики, который можно проецировать на все языки мира без дополнительной проверки (cross-linguistic categories).

- Синтаксические типы клитик определимы на множествах языков мира.
- Представление ограничений, связанных с линейной позицией клитик, как проекции лексических свойств клитик, не имеет явных преимуществ над эксплицитным выделением синтаксических ограничений.

2.3. Закон Ваккернагеля и цепочки клитик

Термин «клитики 2-й позиции» (2P clitics) восходит к работе выдающегося индоевропеиста Я. Ваккернагеля, который в 1892 г. показал, что безударные местоимения, а также ударные и безударные частицы древнегреческого языка занимают позицию после первого ударного слова клаузы и группируются в цепочки. Клити-

ки 2-й позиции характеризуются низкой селективностью: их хозяевами могут быть минимум две разные категории. Ваккернагель заметил, что энклитики в родственных древних индоевропейских языках, прежде всего, индоиранских [Wackernagel 1892: 402–405], подчиняются тому же принципу, позже названному законом Ваккернагеля, независимо от того, восходят ли они к общим праформам. Тем самым, он заложил основы типологии клитик. На то, что закон Ваккернагеля действует в живых языках, впервые указал в 1935 г. Р. О. Якобсон в работе о славянских энклитиках¹⁹: основное отличие от древних языков, рассмотренных Ваккернагелем, состояло в том, что в большинстве славянских языков клитики и цепочки стоят после первой полной составляющей, а не первого фонетического слова. Закон Ваккернагеля действует также в двух восточноиранских языках – пашто и осетинском, что отмечено в описательных грамматиках [Абаев 1959: 156]²⁰ и в работе [Tegey 1977]. В обоих языках цепочки стоят после первой полной составляющей, хотя после некоторых превербов допускается конфигурация с тмесисом и мезоклитиками, засвидетельствованная также в ряде древних индоевропейских языков [Wackernagel 1892: 406]. В 1990-е гг. А. А. Зализняк открыл закон Ваккернагеля в древненовгородском диалекте: клитики и цепочки стоят здесь после первого фонетического слова [Зализняк 1993: 281]. Параллельно в разных ареалах были описаны системы порядка слов с законом Ваккернагеля в неиндоевропейских языках – варльпири [Nash 1986], дьяру [Tsunoda 1988] и варумунгу [Mushin 2004] (все – семья пама-нюнга, Австралия), кабилском [Айхенвальд 1989], тамазигхт и тарифит [Quali 2010] (все – афроазиатская семья, Алжир и Марокко), кьявини сапотек (отомангская семья, Мексика) [Lee 2000], луисеньо [Kaisse 1981], майо [Freeze 1989] и юго-вост. тепехуан [Willett 1991] (все – юто-ацтекская семья, Мексика), люмми (салишская семья) [Jelinek 1996], мака, дитидахт, нуучалнултх (все – вакашская семья, тихоокеанское побережье США и Канады) [Werle 2002], кавиненья (таканская семья, Боливия) [Guillaume 2008], кашибо-какатаибо (семья пано, Перу) [Zariquey Biondi 2011]. Ср. также сопоставительные работы по языкам Австралии [Mushin, Simpson 2008] и Европы [Циммерлинг 2009а]. В большинстве языков цепочки размещаются после начальной составляющей, состоящей из более чем одного ударного слова: этот принцип господствует или является единственным в чешском, осетинском, пашто, кавиненья. В сербохорватском, древнерусском, варльпири, варумунгу, луисеньо и майо допускается постановка цепочек как после первой полной составляющей, так и после первого ударного слова. Есть языки, где цепочки присоединяются только к первому ударному слову начальной группы, что ведет к ее разрыву: такова ситуация в древнегреческом, древненовгородском и санскрите. В последовательных языках VSO, начальных ИГ, состоящих более чем из одного элемента, нет, либо они не принимают клитики: такова ситуация в люмми, кабилском, тамазигхт. В большом числе языков с цепочками после начального элемента

¹⁹ Перепечатана в [Jakobson 1971].

²⁰ Ср. заголовок параграфа 216 в кн. В. А. Абаева: «Энклитические местоимения и частицы занимают настолько заметное место в осетинской речи, что о них следует сказать особо».

кластеризуемые энклитики могут стоять не только после ударных слов и полных групп, но и после начальных проклитик. Наличие такой возможности не совпадает с делением языков на помещающие цепочки после первого ударного слова и помещающие их после первой полной группы: ряд языков, помещающих цепочки после полной группы, разрешает ставить их после начальных проклитик. Наконец, ряд языков, запрещающих разрыв начальных групп кластеризуемыми клитиками, одновременно разрешает разрыв тех же групп другими элементами. Цепочки клитик 2-й позиции засвидетельствованы в языках с разным направлением ветвления – SOV (хеттский), SVO (славянские языки, древнегреческий), VSO (кьявини сапотек, майо, берберские языки, люмми, вакашские языки, тагальский, бинукид).

	Клитики и цепочки после первой полной группы [x _p W ¹ W ² ...W ⁿ]-CL	Клитики и цепочки после первого фонетического слова [x W ¹]-CL	Клитики и цепочки после начальных проклитик [x _p [Pro]-CL]	Разрыв групп [x _p a .. { ... } x _p b]
сербохорватский	+	+	- ¹	+
древненовгородский	-	+	+	+
болгарский	+	-	+	+
хеттский	-	+	+	+
осетинский	+	-	+ ²	+
кабийский	-	+	+	(-)
кавиненья	+	-	- ³	(-)
люмми	-	+	-	(-) ⁴
варльпири	+	+	+	+

¹ Кроме безударного подчинительного союза *da* «что» [Progovac 1996: 417].

² Ср. превербы *арба-цаей, фа-цаей* [Ахведиани 1969: 230].

³ В кавиненья, согласно А. Гийому, имеется единственная начальная проклитика – частица *ni* «даже не», но она не принимает энклитики [Guillaume 2008: 104].

⁴ Значение данного параметра для люмми трудно проверить, так как в [Jelinek 1996] люмми описан как язык без составляющих и без частей речи. Тем не менее, клитики присоединяются к комплексу номинатизатор *ɛa* + знаменательное слово.

РИС. 3. Начальные элементы предложения в языках с законом Ваккернагеля

Отсутствие жесткой зависимости между направлением ветвления, свойствами групп (разрывные vs неразрывные), просодией хозяина (несколько фонетических слов/одно фонетическое слово/проклитика) и наличием клитик 2-й позиции, образующих цепочки после начального элемента клаузы, побуждает считать, что закон Ваккернагеля является макропараметром (пучком параметров) синтаксиса, относительно независимым от параметров, устанавливающих направление ветвления в группах предложения, возможность их разрыва, и от фразовой просодии. Реализацию закона Ваккернагеля в конкретном языке можно показать на примере пашто (см. выше на рис. 1 Правило Рангов клитик для этого языка). В пашто

цепочки клитик ставятся после первой полной группы – $[_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL$, разрыв начальных ИГ/ПГ запрещен – $*[_X W^1] - CL - [_X W^2]$, при том, что тмесис в сложных и приставочных глаголах возможен – $[_w [PV] - CL - [V]]$. В придаточных кластеризуемые клитики не присоединяются к начальному подчинительному союзу – $*[_{CP} Comp - CL]$, но присоединяются к первой полной группе придаточного – $[_{CP} Comp - [_{VP} Y] - CL]$. Такую дистрибуцию параметров трудно объяснить чисто фонетически, в терминах ударности/безударности выражений, принимающих клитики: имеются колебания ударения: преверб *a-* может принимать ударение в конфигурации с тмесисом, ср. $\acute{a} = me \ xistál\acute{a}$ ‘Я покупал их’, но $a-xistál\acute{a} = me$ ‘то же’ [Tegey 1977: 89]. Аналогичные колебания места ударения имеются в простых глаголах, но тмесиса при этом не возникает, ср. $r\acute{e}geb\acute{d}\acute{a} = me$ ‘Я бил его’ ~ $p\acute{r}egeb\acute{d}\acute{a} = me$ [Ibid.].

В теоретической лингвистике закон Ваккернагеля упоминается в разном ключе – от уважительного обсуждения, какая интерпретация, синтаксическая или просодическая, объясняет феномен клитик 2-й позиции лучше [Anderson 1993], [Halpern 1996], до третирования как дотеоретического наблюдения, маскирующего подлинное объяснение. В [Agbayani, Golston 2010] утверждается, что понятие 2-й позиции – фикция, так как элемент, предшествующий клитикам, принадлежит предшествующей области. Авторы исходят из допущения, что в структурах вида $[X] \& [Y]$, где конъюнкты X и Y соединены коннективной клитикой типа лат. $=que$ в $dies\ noctes = que$ ‘дни и ночи’, букв. ‘дни ночи = же’, конъюнкты принадлежат разным областям, так как такие структуры порождаются путем перемещения правого конъюнкта: $[_X dies] || que || [_Y noctes] \Rightarrow [_X dies] [_Y noctes] || que [_Y t_i]$. Трудно спорить с тем, что не все формулировки статьи 1892 г. эксплицитны, хотя полемисты, критикующие ее в пересказе, порой игнорируют наиболее современные идеи Я. Ваккернагеля – о сходстве систем с клитиками и систем с ограничением V2, о твердом порядке элементов цепочки, о дублировании (копировании) клитик как разновидности синтаксического перемещения²¹. В то же время у критиков Ваккернагеля повторяются два изъяна. Во-первых, не всегда проводится грань между одинокими и клитиками 2-й позиции (ср. частицу *ли* в русском языке) и цепочками клитик 2-й позиции, ср. др.-рус. $ako = же = ми = ся = еси$ самъ върекль «как ты сам мне сказал», др.рус а Давыдь = ти = ми не въдалъ «а ведь Давид мне не отдал <долг>». Гипотезу Б. Агбаяни–К. Голстона о том, что элементы слева от энклитики принадлежат предшествующей области, можно обсуждать применительно к одиночным коннекторам вроде лат. $-que$, греч. $τε$ «и», но она теряет смысл по отношению к случаям, где коннективные частицы объединяются в цепочки с местоимениями и показателями согласования (ср. $=же + =ми =ся =еси$ в древнерусском примере выше), а категория-хозяин может быть подлежащим, дополнением, вершиной предиката, ср. коннектор *manu* ‘и’, ‘тоже’ в цепочке $=manu = ka = lu$ в примере (9).

²¹ Аспекты концепции Я. Ваккернагеля обсуждаются в [Anderson 1993: 71] и [Циммерлинг 2002: 91–93].

- (i) В языках с цепочками клитик кластеризуются не все клитики, чей просодический тип (энклиза, проклиза) совпадает с просодическим типом кластеризуемых клитик.
- (ii) Если язык L имеет цепочки клитик, он также имеет некластеризуемые клитики, но не все языки, имеющие одиночные клитики, допускают грушировку клитик в цепочки.

Разницу в комбинаторике некластеризуемых клитик 2-й позиции и цепочек показывает болгарский язык, где цепочки предикатных клитик не разрывают начальную группу, ср. запрет на (10a-b), хотя группы того же типа разрываются непредикатными посессивными клитиками, ср. (10c).

- (10) болг. а. *_[DP] ръка-та=*ce* на девойка-та] подаваше над завивка-та.
 Рука-DEF=REFL.ACC. DAT девойка-DEF издавать.PST. PR покрывало-DEF
- б. *_[DP] ръка-та=*ce* подаваше ... на девойка-та] над завивка-та.
 Рука-DEF=REFL.ACC. издавала.PST DAT девойка-DEF PR покрывало-DEF
- с. [_[DP] една-та=*й* ръка] =*ce* подаваше над завивка-та.
 Один-DEF=3SG.DAT рука =REFL.ACC издавала.PST PR покрывало-DEF
 'Одна из ее рук лежала сверху покрывала'.

В (10a) нарушен не только запрет на вставку кластеризуемых клитик внутрь Определенной ИГ, но и требование контактной позиции клитик и глагола. В (10b) нарушен только первый запрет, а требование контактной позиции клитики =*ce* и глагола подаваше соблюдено.

Другой недочет, повторяющийся в работах, отрицающих релевантность закона Ваккернагеля, состоит в том, что их авторы полагают, будто в языке с базовым порядком XP/X^o-[_{сир}CL], т. е. начальная группа/первое фонетическое слово + кластеризуемые клитики, нет производных порядков слов. Отсюда формулировки «в языке S клитики, на самом деле, могут стоять где угодно» [Bošković 2004: 39] или «порядок X + X + цепочка клитик + глагол <где X – категория, потенциально способная принимать цепочки> однозначно является не-ваккернагелевским» [Peng, Billings 2006: 12]. А. Пенг и Л. Биллингс de facto учитывают производные порядки с цепочками в языке бинукид. Формулировки, подобные приведенной выше, могут интерпретироваться тройко: а) как констатация того, что при порядке [X] [Y] CL перед цепочкой стоят две разных категории, каждая из которых может принимать клитики, б) как гипотеза о том, что порядок [X] [Y] CL противоречит закону Ваккернагеля, с) как утверждение о том, что если язык L одновременно допускает порядки [X] CL ~ [X] [Y] CL, цепочки в данном языке подвергаются синтаксическому перемещению (тезис, проверяемый в дедуктивно замкнутых теориях).

Между тем, в большинстве языков с цепочками выявлены механизмы, порождающие порядки, где все или часть клитик оказываются вне позиции кластеризации. Если такие порядки возникают в особых контекстных условиях, есть основания считать их производными. Правила, модифицирующие исходный порядок

XP/X-CL, когда категория, предшествующая клитикам, имеет специфические свойства, выделены в [Зализняк 1993: 282] на материале древненовгородского диалекта под названием Правил Барьера. Барьером может быть категория предложения (группа или словоформа), влияющая на позицию всех или некоторых кластеризуемых клитик благодаря получаемому в конкретном высказывании коммуникативному статусу (тема, рема, контрастная тема и т. д.) или своим лексико-грамматическим характеристикам (отрицание, оператор будущего времени, показатель подчинения и т. п.), при том что просодия данной категории не исключает помещение клитик непосредственно после нее, ср. др.-новг. *не(1) =ли=исси (2) дать ~ [BARRIER ne] (1) дать (2)=ли=исси (3) «не дал ли ты?»*. Аналогичные правила под другими названиями выделены на материале сербохорватского [Ćavar, Wilder 1999; Browne 2007], австралийских языков группы нгумпин [McConvell 1996: 321–324], европейского португальского [Rouveret 1999: 651], центральнофилиппинских языков [Lee 2006: 8], словацкого, болгарского [Циммерлинг 2002: 74–82], древнерусского [Зализняк 2008], см. также обзор возможных подходов [Halpern 1996: x–xi]. Стронники несинтаксического объяснения феномена клитик 2-й позиции стремятся доказать, что постановка клитик невозможна после паузы, ср. [Radanović-Kocić 1996: 441]. Для подобного подхода представляет проблему возможность факультативной постановки цепочки после паузы, а также возможность разрыва цепочек [X] – CL₁ – Y – CL₂, когда гипотетически аномальная просодия категории [X] служит препятствием для одних клитик и не служит препятствием для других. В таких случаях исходные посылки «просодического» подхода можно сохранить ценой допущения о том, что клитики CL₁ CL₂ не образуют подлинной цепочки, но подобное допущение не всегда подтверждается независимо, см. подробнее гл. 4 о критериях проверки статуса цепочки.

Для языков, где цепочки клитик занимают 2-ю позицию в клаузе, Правила Барьера действуют по одному из двух сценариев – (iii) вся цепочка оказывается правее позиции кластеризации, (iv) часть кластеризуемых клитик оказывается правее позиции кластеризации, что приводит к разрыву цепочки. Обозначим начальную группу произвольного типа символом [XP], цепочку клитик a, b – символом [CLP ab]. Запись [BARRIER^{ab} [XP]] читается «группа XP является барьером для всех клитик в цепочке ab».

(iii) XP – [CLP ab] ⇒ [BARRIER^{ab} [XP]] – YP – [CLP ab].

Запись [BARRIER^a [XP]] читается «группа XP является Барьером для клитики a, входящей в цепочку ab». Если в предложении имеются клитики a и b, Барьер данного типа приводит к расщеплению цепочки.

(iv) XP – [CLP ab] ⇒ [BARRIER^a [XP]] – [CLP b] – YP – [CLP a].

В [Zimmerling, Kosta 2013] Барьеры типа (iii), сохраняющие цепочку, названы слепыми, а Барьеры типа (iv), вызывающие разрыв цепочки, – селективными. И слепые, и селективные Барьеры могут быть как факультативными, так и обязательными. Имеет смысл различать Коммуникативные и Грамматикализованные Барьеры. Эти признаки независимы: так, начальное обращение в древненовгородском

было обязательным Коммуникативным Барьером [Зализняк 1993: 286], а сентенциальное отрицание *haġi* в языке бинукид, судя по [Ping, Billings 2006: 13], является факультативным Грамматикализованным Барьером.

	Коммуникативные Барьеры	Грамматикализованные Барьеры
Слепые Барьеры	± обязательные	± обязательные
Селективные Барьеры	± обязательные	± обязательные

РИС. 4. Виды одиночных²⁵ Барьеров в языках с цепочками клитик

Примеры слепых Коммуникативных Барьеров приводятся в (11)–(14).

- (11) др.новг. [^{BARRIER} [_{pp} На молодогъ (1)]] далъ (2) = *исемь* (3) рубель (грамота 689).

‘Относительно солода: я дал на него рубль’.

букв. ‘на солод (1)» дал (2) = *есмь*_{1ЕД} (3) рубль’.

- (12) болг. [^{BARRIER} [_{pp} В [_{np} лрбовеѣ на умрелия]] (1) имало (2) = *ли=e* (3) вода?

‘Была ли вода в легких покойного?’

букв. ‘В легких умершего (1) имело (2) = *ли=есѣ*_{1ЕД} (3) вода?’.

- (13) ю-в.тепех. [^{BARRIER} [mɛjʃic]] (1) oi'ñ-ca-t (2) = *'am* (3) *gu vajt-cam gu o'dam*²⁶.

Méjʃic oi'ñ-ca-t = 'am gu vajt-cam gu o'dam.

Мехико(1) жить-NPS.PL-3PL(2) = 3PL(3) ART старый-один ART индеец

‘В Мехико-то какие-то индейцы когда-то жили <но говорили не так, как мы>.’

- (14) билинара [^{BARRIER} [_{np} kanamurru-rlu (1)]] payi-rni (2) = *yi* (3)²⁷.

kanamurru-rlu payi-rni =yi.

Москит-ERG (1) кусать-PST. (2) = 1SG.ACC (3).

‘<У меня зуд.> Москит укусил меня.’

В примерах (11)–(14) категорией, следующей непосредственно за слепым Коммуникативным Барьером, является глагол. То же самое имеет место в примерах

²⁵ В ряде языков с цепочками есть комбинации начальных Барьеров. В этом случае имеется два сценария: а) добавление второго Барьера не меняет порядок, созданный первым Барьером – так устроен древненовгородский диалект [Зализняк 1993: 286], б) второй Барьер отменяет эффект первого, восстанавливая исконный порядок – так устроен сербохорватский язык [Čavar, Wilder 1999: 453], словацкий язык [Циммерлинг 2002: 87–88], европейский португальский язык [Rouveret 1999: 663]. См. подробнее гл. 14 ниже.

²⁶ Пример из [Willet 1991: 192]. В ю-в. тепехуан кластеризуемые клитики могут присоединяться к начальному неглагольному элементу.

²⁷ Пример из [McConvell 1996: 324].

(15)–(16) с селективным Коммуникативным Барьером: клитика *ли*, плохо сочетающаяся с начальной топиальной группой, оказывается правее глагола при порядке [BARRIER^a [XP] – [CLP b] – V – [CLP a], а прочие кластеризуемые клитики остаются на месте.

- (15) др. рус. а. [BARRIER^a {_{Topic}[_{PP} оу королева=*еси*^b мужа]}] слышалъ=*ли*^c w томъ ч^тном кр^сте?
(Ипат., под 1152, л. 166 об.)
'разве ты не слышал о том честном кресте от человека короля?'
букв. 'а у королева=*еси*_{2.ед.} человека слышал=*ли* о том честном кресте?'

Болгарский пример (16) аналогичен древнерусскому примеру (15), с поправкой на то, что в болгарском кластеризуемые клитики не разрывают начальную группу.

- (16) болг. [BARRIER^a {_{Topic}[_{DP} Книгата на Иван]}] [BARRIER^a [ше]] =*си*^b=*я*^c прочел =*ли*^a до утре?
'Ты прочтешь эту книгу Ивана к завтрашнему дню?'
букв. '[BARRIER^a {_{Topic} [DP] книга.опр. Ивану}] [BARRIER^a [FUT]] =*си*_{2.ед.} ^b=*е*^c прочел=*ли*^a до завтра?'

В примере (17) из языка бинукид отрицание *hari* является факультативным Грамматикализованным Барьером для двусложной местоименной клитики *kandan*, но не для односложной местоименной клитики *ki*. В этом случае тоже возникает порядок [BARRIER^b [X] – [CLP a] – V – [CLP b], где глагол разделяет цепочку =*ki*=*kandan*.

- (17) бин. Ku [BARRIER^b [_{NEG} hari]] =*ki*^a buligan =*kandan*^b.²⁸
Если NEG = 1DU.INCL.NOM^a помогать = 3PL.GEN^b.
'<неважно>, даже если они нам не помогут.'

В берберском языке тамазигхт местоименные энклитики присоединяются к начальным видовременным проклитикам типа *la* = «наст. вр.», *da* = «буд. вр.», отрицанию *ir* =, частице *ay* и начальным глагольным основам [Quali 2010: 3]. Но в диалекте айт сегруши начальные проклитики выступают как факультативные Барьеры, что приводит к колебаниям порядка слов X – CL – V ~ [X] – V – CL, см. (18a-b):

- (18) там. диал. а. Lla =*t* issa.²⁹
PRS = это.ACC пить.3SG.IPFV
'он это пьет'.

²⁸ Пример из [Peng, Billings 2006: 8] (интерпретация наша. – А. И.). Союз *ku*, как и другие подчинительные союзы в языке бинукид, не присоединяет энклитики.

²⁹ Примеры (18a-b) из [Quali 2010: 22]. Х. Куали полагает, что диалект айт сегруши имеет клитики иного типа, чем стандартный тамазигхт. Поскольку вариант (18a) по-прежнему возможен, более вероятно, что отличаются не сами клитики, а параметры, разрешающие начальные Барьеры.

b.	[Lla]	<u>issa</u>	= <i>t</i> .
	PRS	пить.3SG.IPFV	это.ACC
		'он <u>пьет</u> это'.	

В каких-то случаях факультативные Барьеры и вызванные ими альтернации могут свидетельствовать об эволюции системы. Однако Барьеры характерны для большинства языков с цепочками, поэтому механизмы, поддерживающие подвижность кластеризуемых клитик за счет разрыва цепочек, следует считать не исключением, а нормой. Еще одним механизмом, поддерживающим вычленимость клитик вида *a, b, c, d, ... n*, упорядочиваемых Правил Рангов [_{CLP} a, b...n] с клетками от *a* до *n*, является реализация их в разных комбинациях вида *ac, bd... cn*, а также возможность употребления одиночных клитик в синтаксических позициях, где может употребляться цепочка. Появление модифицированных составных форм клитик (*portmanteaux*) в ряде случаев мотивировано Иерархией Лица, упорядочивающей последовательность личных местоимений в соответствии с их активностью. Так, в австралийском языке гаррва составные формы употребляются наряду с комбинациями пациентивное мест. 1 л. + агентивное мест. 2 л. и пациентивное мест. и 1–3 л. + агентивное мест. 3 л. дв./мн. ч. [Mushin, Simpson 2008: 580]. Этот параметр важен для языков, где частотные комбинации клитик могут реализоваться в модифицированной форме в пределах одного слога. Так, в языке кампанпанган есть кластеризуемые клитики 2-й позиции 1 л. ед. ч. эрг./абс. =*ku* и 3 л. ед. ч. абс. =*ya*, причем частотная комбинация местоимений 1 л. ед. ч. эргатива и 3 л. ед. ч. абсолютива =*ku=ya* может реализоваться не только как /*kya*/, но и как /*kc*/ [Kitano 2006: 2]. Поэтому важно, что клитика =*ku* может появиться в той же позиции, что и цепочка =*ku=ya*.

2.4. Цепочки клитик и глагольные формы

Накопленные данные позволяют считать, что Правила Рангов, упорядочивающие цепочки, Правила Барьера, порождающие производные порядки с кластеризуемыми клитиками, а также ограничения, накладываемые на структуру и просодию категории-хозяина клитик (полная группа *vs*, фонетическое слово, проклитика, подчинительный союз и т. д.) при базовом порядке слов, названные в [Циммерлинг 2009а: 49] Правилами Сложной Составляющей и Правилами Разрыва Составляющей, характерны для всех языков мира, где есть цепочки клитик фиксированной позиции. Этот тезис не доказывается нами строго. Мы полагаем, что его верификация носит вероятностный характер, а процедура фальсификации требует серьезной эмпирической и теоретической базы: в частности, потребуются доказать, что цепочек клитик не существует, соответствующий класс выделен неверно, а все явления, описываемые в терминах цепочек, Правил Рангов и Правил Барьеров, имеют альтернативное, более простое и точное объяснение.

2.4.1. W-системы и W⁺-системы

Если класс языков с цепочками клитик фиксированной позиции выделен верно, требуется обосновать его внутреннее подразделение. В работах [Billings, Kopopasky 2002; Franks 2008], посвященных, соответственно, языкам центральнофилиппинского и южнославянского ареалов, противопоставлены языки с «клитиками 2-й позиции» и языки «с приглагольными клитиками» (verb-adjacent clitics). Как показано выше, эти таксоны не исключают друг друга. Поэтому мы не будем ими пользоваться и вместо этого выделим в отдельный класс языки, где нет требования контактной позиции цепочек и глагола, и отделим их от языков, где такое требование есть. Вслед за [Циммерлинг 2002: 79] языки первого класса назовем W-системами или стандартными системами с законом Ваккернагеля (символ W читается: 'Word' или 'Wackernagel').

- Язык L является W-системой, если в нем нет более грамматикализованного ограничения, чем механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во 2-й позиции от начала предикативной группы/предложения.

Языки второго класса вслед за [Zimmerling 2006; Kosta, Zimmerling 2011], обозначим как W⁺-системы (символ W⁺ читается: 'расширенная W-система').

- Язык L является W⁺-системой, если наиболее грамматикализованными ограничениями в нем являются механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во 2-й/n-ой позиции от начала предикативной группы/предложения и механизм помещения глагольных форм в позиции, смежные с позицией клитик.

Разграничение W-систем и W⁺-систем не проблематично, так как эти классы не пересекаются. К W⁺-системам имеет смысл относить языки, где глагол может занимать разные места в клаузе. Строгие языки VS, VSO, где контактный порядок V-CL возникает из-за того, что категорией-хозяином в преобладающем случае является глагол, имеет смысл относить к W-системам. Поэтому люмми и тамазигхт отнесены нами к W-системам, а тагальский, себуано и болгарский – к W⁺-системам. Наиболее важное деление внутри W-систем касается возможности присоединения цепочек к начальным ИГ. Как указано выше, часть W-систем вообще не допускает клитик после начальных ИГ или их элементов: так устроены люмми, кабийский, тамазигхт. Обозначим этот подкласс как W₁-системы. Большая часть W-систем, включая нестрогие языки VS, VSO, допускают постановку цепочек после начальных ИГ или первого ударного слова начальной ИГ: так устроены пашто, ю-в. тепехуан, маори, чешский язык. Обозначим этот подкласс как W₂-системы. Противопоставление языков с клитиками после полных групп и после первого ударного слова релевантно только для W₂-систем, и эти возможности в некоторых W₂-системах (сербохорватский, варльпири, луисеньо) не исключают друг друга, поэтому таксономическое значение этого признака преувеличено.

Релевантное различие внутри W⁺-систем касается конечной позиции глагола и клитик. Для центральнофилиппинских языков – тагальского, себуано и бикола, а также для болгарского языка характерна ситуация, когда кластеризуемые клитики

стоят после начального элемента клаузы, а глагольные формы оказываются либо справа, либо слева от них [Kroeger 1993: 119–120]. При этом глагол обладает большей линейной свободой, чем клитики, поэтому правильнее говорить не о том, что клитики занимают позиции, смежные с позицией глагола, а о том, что глагол занимает позиции, смежные с константой предложения – фиксированной позицией клитик/цепочек.

(v) болг. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL]; #.... V...#

- цепочки сентенциальных клитик всегда стоят во 2-й позиции;
- при наличии клитик глагол занимает либо первую, либо третью позицию;
- при отсутствии клитик место глагола не фиксировано.

Примеры, иллюстрирующие контактное положение болгарских глаголов и клитик, уже приводились выше, см. (1b), (10c), (12), (15). См. пример из рассказа Й. Йовкова, где в предложении без клитик перед глаголом оказываются 4 группы: подлежащее, дополнение, обращение и обстоятельство:

(19) болг. [А нашите българи] (1), [бай Еньо] (2), [кога имат пари] (3), [къщи] (4) пъравят.
 ‘[А наши болгары] (1), [почтенный Еньо] (2), [когда у них есть деньги] (3), [жилица] (4) строят.’

Похожие системы действуют в австралийском языке ритхаррину семьи паманюнга [Mushin, Simpson 2008: 583], хотя в нем глагол обычно размещается ближе к концу клаузы. Македонский язык, а также австралийский язык дьянанг и дьянба (группа йолнгу семьи паманюнга) тоже являются W^+ -системами, но в них кластеризуемые клитики имеют на одну позицию больше и могут стоять в начале клаузы.

(vi) мак. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL] ~#[CL–V]; #.... V...#

(20) дьянанг a. nguli wal=*d-irr*= dirradji-la.
 Тот.LOC еда.ACC-?-1SG.ERG есть-PST.
 ‘там я продолжал есть пищу’.
 b. #bil =gir-ali.
 3DL.NOM. ийти-PST
 ‘Они <двое детей> ушли’.

Второй подтип W^+ -систем комбинирует ограничение на размещение кластеризуемых клитик с ограничением V2 или V2/V1 (финитный глагол не далее второго места от начала предложения). Образцом W^+ -систем такого рода являются древнеисландский [Циммерлинг 2002: 367–375] и средненорвежский языки [Там же: 465–471]. Основное ограничение в них описывается формулой (vii).

(vii) др.исл. # XP –[V – CL]~#[V – CL]

(21) др. исл. Hann biðr=*þá*=*nú* [_{IP} gera annat hvort at halda sættina eða rjúfa]. (Far 135)
 Hann *biðr* =*þá* =*nú* gera
 3SG.M просит.3SG.PRS =они.3PL.ACC.M =теперь.ADV сделать.INF

annat hvort at halda
одно.из.двух.SG.ACC.N.. PURP соблюдать.INF
sætt-ina eða rjúfa.
мировую-ACC.SG.F.- DEF.ACC.F.или рвать.INF.

‘Он просит их теперь либо соблюдать мировую, либо выйти из нее’.

(22) др. исл. #Vil=*ek=nú* [_{CP} at vit farim báðir til Noregs] (Far.93)

Vil =ek =nú at vit farim

Хотеть.1SG.PRS =1SG. =теперь.ADV PURP 1DU. ехать.1PL.PRS.COND

báð-ir til Noreg-s.

оба-NOM.PL.M PR Норвегия-GEN.

‘Я хочу теперь, чтобы мы оба отправились в Норвегию’.

Назовем две разновидности W^+ -систем системами филиппинского и германского типа. Первая разновидность встречается чаще: ограничения V2 и V2/V1 слабо представлены за пределами германской группы языков и дардского языка кашмири [Bhatt 1999]. Тем не менее, комбинация V2/V1 и германского типа, описываемая формулой (vii), постулировались для старофранцузского [Mathieu 2006] и старопортугальского языков [Galves 2001: 2]. Староиспанский описан как система филиппинского типа в [Nishida 1996]. Теперь мы можем обобщить данные:

W-системы				W'-системы	
W ₁ -системы	W ₂ -системы			Филиппинский тип	Германский тип
Начальных ИГ нет или они не принимают клитики	Клитки после начальных ИГ возможны			XP – [CL – V] ~ [V – CL] тагальский себуано бикол болгарский ритхларнгу староиспанский [Nishida 1996: 348]	XP – [V – CL] ~ [V – CL]
лвомми, кабийский тамазингхт	Клитки после первого фонетического слова	Клитки после первой полной группы	Клитки после первого фонетического слова или первой группы	XP – [CL – V] ~ [V – CL] ~[CL-V] македонский дыннанг дынба	древнеисландский средне-норвежский старофранцузский [Mathieu 2006] старопортугальский [Galves 2001:2]
	X-CL, *XP-CL	XP-CL, *X-CL	XP-CL, X-CL		
	хеттский древне- новгородский	пашто болгарский чешский кавиненья маори	сербохорватский варльпирри варумунгу луисеньо		

РИС. 5. Таксономия W-систем и W'-систем

В кабийском ИГ, стоящие левее глагола, возможны, но цепочки присоединяются не к ним, а к специальной топиализованной частице *au/i*, что дает порядок $[_{DP} XP]-au/i=CL - V$, ср. (23).

- (23) каб. $\{^{TOP}_{DP} D\ halti\}$ (1) = *i* (2) = *tt=id* (3) *irubban*.³⁰
D halti = i = tt = id irubban.
 DET тетка =PCL.TOP =оно-ACC =сюда воспитал.PST
 ‘ $\{[_{DP} \text{ моя тетка}]\}$ (1) вот кто (2) ее (3) воспитал’.

В маори тоже есть маркер топиализации – проклитика *ko*, но энклитики присоединяются не к ней, а к правому краю топиализованной ИГ, что дает порядок $[_{DP} ko\dots]=CL - V$, ср. (23). Поэтому кабийский имеет смысл описывать как W_1 -систему, а маори – как W_2 -систему.

- (24) маори $\{^{TOP}_{DP} Ko\ ana\ hoa\}$ = *ia i=wairangi\ noa\ iho\ ki\ te\ kotekeki\dots*³¹
Ko ana hoa = ia i= wairangi noa iho
 PCL.TOP его друг =однако T/A= возбужден свободно вниз
ki te kotekeki.
 к DET болтовня.
 ‘ $\{^{TOP}_{DP} \text{ его друзья}\}$ = *однако* возбужденно болтали...’.

W -системы и W^+ -системы – стабильные типы: Правила Рангов и Правила Барьера действуют в них одинаково регулярно, а кластеризуемые клитики имеют сходную дистрибуцию в главных и зависимых клаузах. Общей характеристикой W - и W^+ -систем является то, что все кластеризуемые клитики в них, независимо от представляемой категории, подвержены одним и тем же синтаксическим операциям. Возможны два сценария постановки цепочек в зависимых клаузах с подчинительным союзом (Comp). В одной группе языков подчинительный союз не принимает кластеризуемые клитики: в этом случае ассиметрии главных и зависимых клауз в плане постановки цепочек нет, и цепочки ставятся после первой группы/первого ударного слова первой группы клаузы, ср. (viii).

(viii) $XP/X^o - CL \sim <Comp> - YP - CL$.

- (25) пашто а. *aʔa ndʒalay* [CP tʃe [IP tor_ *ba_ ye* arawra cinema ta *bowa*] amirka ta *laʔa*.
 та девушка что TOP=будет=она ежедневно кино в брала Америка в уехала
 ‘Девушка, которая каждый день водила Тора в кино, уехала в Америку’.
 б. **aʔa ndʒalay* [CP tʃe_ *ba_ ye* [IP tor arawra cinema ta *bowa*] amirka ta *laʔa*.

Формуле (viii) соответствуют пашто [Tegey 1977: 127–128], тагальский, себуано, бинукид и большинство других центральнофилиппинских языков. В другой группе языков кластеризуемые клитики присоединяются непосредственно к под-

³⁰ Пример из [Айхенвальд 1989: 129]

³¹ Пример из [Herd 2003:76].

чинительному союзу, что дает повод подводить элементы XP/X^o и Comp, принимающие клитики в разных типах клауз, под общую категорию, отсюда обозначение клитик второй позиции как элементов, ориентированных на узел Comp (C-oriented clitics)³² в [Progovac 1996: 412].

(ix) XP/X^o – CL ~ Comp – CL

Формуле (ix) соответствуют сербохорватский, болгарский, чешский, ю-в.тепе-хуан [Willett 1991: 192], варумунгу.

(26) варумунгу [CP alapaŋ(a) =*arni* kiwari maanyjun=*ngini* nyiyŋa].
 Когда.COMP=1SG.NOM. дитя маленький=PCL сидеть.PST.
 ‘когда я был маленьким ребенком’³³.

Языки, имеющие (ix) в качестве основной стратегии, часто используют (viii) в качестве дополнительной, что отмечено для чешского [Hana 2008], масбате-ньо и таусуг [Lee 2006: 8], но языки, где широко используется стратегия (viii), обычно не используют стратегию (ix) в качестве дополнительной. Таким образом, характеристика кластеризуемых клитик 2-й позиции как элементов, ориентированных на узел Comp, непосредственно распространяется только на часть W- и W⁺-систем³⁴. Плюсом этого ярлыка является то, что он подчеркивает единство механизмов синтаксиса во всех клаузах с цепочками. Для языков, допускающих альтернативу Comp – CL ~ [Comp] – YP – CL в зависимых клаузах, имеет смысл объяснять ее в терминах Коммуникативных Барьеров, если порядок [Comp] – YP – CL является коммуникативно маркированным. Эта трактовка непосредственно приложима к разговорному чешскому языку, где, согласно Й. Хане, возможны высказывания типа (27):

(27) чеш. Helena řikala, že (1) {_{Contr. Topic} [BARRIER] [Petra] [do Francie]} (2)=*bych* (3) ještě poslal, ale Martina do Mařarska ani náhodou³⁵.
 ‘Хелена сказала, что Петра во Францию я, мол, бы еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что’.
 букв. ‘Хелена сказала, что (1) {[BARRIER] [Петра] [во Францию]} (2)=*бы.я* (3) еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что’.

³² Данная формулировка имеет смысл только по отношению к языкам, где подчинительный союз занимает начальное положение в придаточном. Примером языка с неначальным подчинительным союзом является варльпири [Nash 1986: 32–33].

³³ Пример из [Mushin, Simpson 2008: 586].

³⁴ Утверждение Ж. Бошковича [Bošković 2004: 74] о том, что македонский и болгарский не имеют клитик 2-й позиции «так как они допускают порядки вида Comp [YP] CL V», ср. мак. [CP дека [P Петко=*ми*=*го*=*даде* вчера]] ‘Что Петко *мне его дал* вчера’, основано на недоразумении. Допустимость порядка Comp – YP – CL в придаточном никак не диагностирует различие W- и W⁺- систем, ср. выше примеры (24a-b) из пашто.

³⁵ В чешском языке союз *že* «что» может принимать клитики.

В некоторых языках, использующих сценарий (viii), отсутствие цепочек после подчинительных союзов можно объяснить тем, что эти союзы являются проклитиками. Но полностью распределение (viii) и (ix) в просодических терминах обосновать нельзя, поскольку, во-первых, в ряде языков порядок Comp – CL блокируется и после ударных союзов и союзных слов, а во-вторых, порядок Comp – CL может допускаться и после безударных подчинительных союзов, ср. чеш. *že* «что» в примере (27).

2.4.2. W*-системы и V-системы

Имеются два класса языков с цепочками клитик уровня предложения, которые уместно рассматривать отдельно. В одном из них, к которому принадлежат современные романские языки, клитики локализируются в глагольной группе (VP либо vP), занимают контактное положение с глагольной вершиной и не имеют фиксированной позиции в клаузе. Клитики могут перемещаться в пределах глагольной группы и переходить из позиции энклизы в позицию проклитизы в разных типах клауз, ср. ит. *Leggi=lo!* «прочти это!», Gianni [_{VP} vuole [_{IP} legger=lo]] букв. «Джанни [_{VP} хотел [_{IP} прочеть =это]]» ⇒ Gianni [*lo*_i=vuole [_{IP} leggere t_i]] «Джанни *это*=хотел прочеть» или даже в одном и том же типе клауз, как в европейском португальском языке [Rouveret 1999]. Место глагола/ГТ с клитиками в языках этого типа не фиксировано. Системы подобного рода будем называть V-системами (V = 'Verb'): отсутствие запретов на перемещение глагола/ГТ в предложении, запрет на дистантное расположение клитик и глагольной вершины и запреты на вынос клитик из группы, возглавляемой финитным глаголом [Cardinaletti 1999: 38–41], являются важнейшими диагностическими признаками V-систем. Образцами V-систем служат французский, итальянский, испанский, европейский португальский, бразильский португальский [Galves 2001: 6], а также новогреческий и албанский языки. V-системы описаны в генеративном синтаксисе лучше других языков с цепочками, на них ориентированы универалистские доктрины, ср. [Кауне 1994]. Поэтому специфические свойства V-систем – контактный порядок цепочек и глагола, подвижность (movement) глагола в предложении и наличие среди кластеризуемых клитик объектных местоимений – кажутся сторонникам УГ само собой разумеющимися и проецируются ими на прочие языки.

В другом классе языков цепочки клитик уровня предложения могут стоять после начальной составляющей, но могут также занимать контактное положение с глаголом, причем ни одна из этих стратегий не является безусловно преобладающей. Будем называть языки, где закон Ваккернагеля действует в неполном объеме, но более грамматикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет, W*-системами (символ W* читается 'разрушенная W-система').

- Язык L является W*-системой, если механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во 2-й позиции от начала клаузы сочетается с альтернативными механизмами расстановки линеаризации, что приводит к тому, что разные кластеризуемые клитики упорядочиваются на разных основаниях.

Классические представители W*-систем – старославянский язык и древнерусский язык южных памятников. Здесь клитики-частицы занимают 2-ю позицию от начала клаузы, формы связок стоят контактно с глаголом, а формы местоименных клитик упорядочиваются либо так же, как частицы, либо так же, как связки [Зализняк 2008: 87–168]. Еще один представитель этого типа – польский язык. Здесь формы связки «быть» чаще выступают как глагольные энклитики, но могут составлять цепочки с местоимениями во 2-й позиции от начала главной клаузы, если в начало клаузы вынесен глагол. В этом случае связки предшествуют местоимениям. См. связку 2 л. ед. ч. =eś и местоименные клитики =go=jej в (28).

- (28) пол. Pozbawił =eś =go =jej.
 Избавил.PRF.SG.M =AUX.2SG. =ACC.SG.M. =DAT.SG.F
 ‘Ты избавил его от этого’.
 букв. ‘избавил=eśи=ego=eje’.

Если в начале главной клаузы стоит неглагольный элемент, связки и местоименные клитики могут стоять контактно, см. (29a), либо дистантно (29b-с), причем в последнем случае порядок связки и местоименной клитики не важен:

- (29) пол. а. Ты =ś =go widział często w parku.
 2SG =AUX.2SG =ACC.SG.M видеть.PRF.SG.M часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 букв. ‘Ты=eśи=ego видал часто в парке’.
- б. Ты =go widział =eś często w parku.
 2SG = ACC.SG.M видеть.PRF.SG.M =AUX.2SG часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 Букв. ‘Ты=ego видал=eśи часто в парке’.
- с. Ты =ś widział =go często w parku.
 2SG =AUX.2SG видеть.PRF.SG.M = ACC.SG.M часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 Букв. ‘Ты=eśи видал=ego часто в парке’.

В придаточных клитики чаще присоединяются к подчинительному союзу и образуют цепочки, но возможен и разрыв цепочки.

- (30) пол. Kiedy= śmy= go [wreszcie]=mu odebrali ...
 Kiedy= śmy = go wreszcie =mu odebrali.
 Когда =AUX.1PL =ACC.SG.M наконец = DAT.SG.M отобрать.PRF.PL.
 ‘Когда мы наконец забрали это у него’.
 букв. ‘когда=eśме_{имн.} =ego_{ед.вин.м.} [наконец]=emu_{ед.дат.м.} забрали_{мн.}’.

В W*-системах возможна ситуация, когда отдельные разряды клитик употребляются только в пределах какого-то одного типа предложений и/или сочетаются

с каким-то одним типом категорий-хозяев. Польский язык демонстрирует оба отклонения. Энклитика *by* встречается только в придаточном и почти всегда клитизируется к подчинительному союзу, ср. (31a–b).

(31) пол. а. *Gdy=by=m miał czas...*

Gdy =by =m miał czas.

Если =COND =AUX.1SG иметь-PRF.SG время-ACC.SG.

‘Если бы я имел время’.

букв. ‘если=**бы**=**есть** имел время’.

б. **Gdy miał=by=m czas.*

Букв. ‘если имел=**бы**=**есть** время’.

В (32)–(33) цепочка *=by=śmy* обнаруживает большую свободу и ставится либо после начального союза *że* «что», либо после глагольной группы [_{VP} *to zrobili*] «сделали это». С диахронической точки зрения соотношение (32) и (33) объясняется действием Правила Барьера, перемещающего цепочку вправо. Но к синхронному состоянию польского языка этот анализ неприменим, так как значения (32) и (33) нетождественны.

(32) пол. *Powiedział, [_{CP} że =by=śmy [_{VP} to zrobili]].*³⁶

Powiedział, że =by =śmy to zrobili.

Сказать.3SG что.COMP =COND =AUX.1PL это.ACC.SG делать.1PL.PFV

‘Он сказал/велел нам сделать это’, ‘он сказал, чтобы мы это сделали’.

букв. ‘сказал.он, что=**бы**_{соед.}=**есть**_{1мл.} [_{VP} это_{ед.вин.ср.} сделали_{мл.}].’

(33) пол. *Powiedział, [_{CP} że [_{VP} to zrobili]=by=śmy].*

Powiedział, że to zrobili =by =śmy.

Сказать.3SG что.COMP это-ACC.SG делать-1PL.PFV =COND =AUX.1PL

‘он сказал, что нам следовало бы это сделать’.

букв. ‘Он сказал, что [_{VP} это_{ед.вин.ср.} сделали_{мл.}]=**бы**_{соед.}=**есть**_{1мл.}’.

В швейцарских немецких диалектах Берна и Цюриха [Cooper 1999: 717–719] цепочки энклитик присоединяются к подчинительному союзу, создавая порядок *Comp–CL*, как в польских примерах (31a), (32), а в главных клаузах присоединяются либо к глаголу, что дает порядок *XP – [V – CL]*, как в *W*⁺-системах германского типа, либо к разным именным и глагольным вершинам, как в польских примерах (29b–c). Тем самым, кластеризация ограничена здесь зависимыми клаузами. В румынском цепочки встречаются как в главных, так и в зависимых клаузах, но набор кластеризуемых клитик в зависимых инфинитивных и конъюнктивных клаузах гораздо богаче, см. [Свешникова 2003: 84].

³⁶ Пример из [Migdalski 2007].

W*-системы встречаются в тех же ареалах и группах языков, что и стандартные W-системы, что наводит на мысль о том, что они являются плодом эволюции W-систем. Строго доказана эта гипотеза только для книжного древнерусского языка, система которого, как показал А. А. Зализняк [Зализняк 2008: 165–168, 264–267] получается из W-системы типа древненовгородской путем наложения на нее дополнительных Правил Барьера и реинтерпретации порядков типа [BARRIER^{ab} [XP]] – YP – [CLP^{ab}] и [BARRIER^a [XP] – [CLP^b] – YP – [CLP^a], которые в W-системе имели статус производных, в качестве основных. Правдоподобные результаты получены для позднего греческого койнэ [Кисилиер 2009; Борисова 2007a] и языка средневековых кипрских памятников [Борисова 2007b], демонстрирующих хронологически промежуточное состояние между древнегреческой W-системой и новогреческой V-системой. П. Мак-Конвелл описал W*-системы языков мудбурра и гуринди группы нгумпин семьи пама-нюнга; соседние языки той же группы – дьяру [Tsunoda 1988], варнман, билинара и вальмадьери являются W-системами. По П. Мак-Конвеллу, порядок XP-CL, который для W-систем следует считать основным, реализуется в мудбурра и гуринди в маркированном случае, когда начальный элемент клаузы коммуникативно выделен и является перемещенной влево ремой или фокусом контраста [McConvell 1996: 318–320]. Аналогично характеризует аравакские языки варекена [Aikhenvald 1998: 405] и тарьяна³⁷ А. Айхенвальд. Пример (34) показывает предположительно основной порядок XP – [V– CL] для языка гуринди. Пример (35) показывает предположительно производный порядок {_{CONTRASTIVE TOPIC} [XP]} – CL – V с начальной контрастной темой.

(34) гур. а. Karnti yayi-ngka =yi.
 дерево давать-IMP 1SG.ACC
 ‘Дай мне палку!’

б. *karnti=yi jayi-ngka, *karnti ngu=yi jayi-ngka.

(35) гур. {_{CONTRASTIVE TOPIC} **ngayi-ma**} =rna ka-ngana-mi.
 Ngayi-ma =rna ka-ngana-rni.
 1SG-PCL.CONTR =1SG.CL брать-PRF-PROX
 А. ‘Я забыл свою котомку в кустарнике’ > Б. ‘А я свою взял.’

Если эти описания правильны, мудбурра, гуринди, варекена и тарьяна являются переходным звеном между W*-системами и стандартными V-системами.

В стандартных V-системах подвижность клитик, смежных с глаголом, поддерживается за счет выноса клитик в вышестоящую предикацию (Clitic Climbing), а также чередования энклизы и проклизы в разных типах клауз. Если в языке вынос клитик в другую клаузу отсутствует и цепочки во всех типах клауз ставятся одинаково, установить, имеем ли мы дело с W*-системой или V-системой, трудно.

³⁷ Ср. «Tense-evidentiality enclitics [in Tariana. – А. Ц.] are floating... They can go onto any constituent in the clause, if it is in contrastive focus and preposed to the predicate» [Aikhenvald 2002: 64].

Если глагол занимает разные позиции в предложении, а кластеризуемые клитики стоят контактно с глаголом, язык является V-системой. Этой формуле удовлетворяют отомангский язык гелавиа сапотек [Jones, Church 1985] и австралийский язык кугу-нганьчара (группа вик, семья пама-нюнга), где возможны порядки #[V-CL] и #XP-Y-Z- [CL- V] с нефиксированным числом групп перед клитикой [Cysouw 2005: 22], а также, возможно, восточноберберский язык сива, для которого постулируются порядки #[V-CL], #NEG-[V-CL], #FUT-[V-CL], #NEG-FUT-[V-CL]: независимо от числа позиций перед глаголом, последовательность [V-CL] сохраняется [Quali 2010: 23].

W*-системы		V-системы	
XP-CL ~ XP... V-CL ~ XP... CL-V		...[V+CL]...	
старославянский южный древнерусский позднее койнэ кипрский диалект		французский испанский итальянский бразильский португальский каталанский гелавиа сапотек новогреческий албанский	
Comp-CL ~ XP-Y... CL..V бернский диалект цюрихский диалект	XP-CL ~ XP... [V-CL] гуринди, мудбурра, тарьяна, варекена X-CL-Y ~ [CL-V] румынский		[V-CL] ~ X [CL-V] европ. португальский
	Comp-CL ~ XP... [V-CL] польский	#..V-CL... сива	...CL-V..# кугу-нганьчара

РИС. 6. W*-системы и V-системы

2.5. Общая характеристика языков с цепочками клитик

Из четырех выделенных типов три – W-, W⁺-и V-системы – стабильны: Правило Рангов, устанавливающее контактный порядок кластеризуемых клитик, соблюдается во всех типах клауз. В стандартных W-системах место кластеризуемых клитик в клаузе фиксировано, а место глагола при базовом порядке X/XP-CL нефиксировано. В W⁺-системах фиксировано и место клитик, и место глагола, а в V-системах ни глагол, ни кластеризуемые клитики не имеют фиксированного места в клаузе. В W- и W⁺-системах действуют Правила Начальной Составляющей, устанавливающие набор категорий, принимающих цепочки при порядке X/XP-CL, и Правила Барьера, устанавливающие соотношение базового и производного порядков. В W*-системах соотношение порядка X/XP-CL и порядков, порождаемых Правилами Барьера, как базового, так и производных, нарушено, а кластеризуемые клитики могут упорядочиваться на разных основаниях в разных типах клауз. Для W-систем

ожидаемым просодическим типом кластеризуемых клитик являются энклитики, для W⁺-систем – энклитики либо универсальные клитики, т. е. элементы, способные выноситься в начало клаузы (что имеет место в македонском и ритхарингу), для V-систем возможны как проклитики, так и энклитики, для W*-систем – все типы клитик, кроме строгих проклитик.

	W-системы	W ⁺ -системы	W*-системы	V-системы
Позиция клитик в предложении при базовом порядке слов	фиксирована		фиксирована для части кластеризуемых клитик	нефиксирована
Позиция глагола в предложении при базовом порядке слов	нефиксирована	фиксирована	± фиксирована	нефиксирована
Правила Начальной Составляющей	релевантны для всех клауз		релевантны для отдельных типов клауз	релевантны для всех типов клауз
Ожидаемый тип кластеризуемых клитик	энклитики		проклитики	
		универсальные клитики	энклитики	

РИС. 7. Параметры языков с цепочками клитик

2.6. Клитики и фразовые аффиксы

В данной главе были рассмотрены некоторые особенности клитик, релевантные для систем порядка слов. Начиная с 1990-х гг. получили распространение теории, где проблему расстановки клитик предлагалось решать на уровне морфологии, ср. [Miller, Sag 1997]. Было выдвинуто понятие фразовых аффиксов, т. е. морфологических элементов, присоединяющихся не к корням, а к группам. Это понятие связано с представлением о поэтапном порождении языка: вставка аффиксов – до-синтаксическая операция, а расстановка клитик в большинстве генеративных моделей задается синтаксическими либо постсинтаксическими (просодическими) правилами [Anderson 2005]. Имеет смысл обсуждать три подхода.

2.6.1. Попытка выяснить соотношение фразовых аффиксов и клитик вне связи с выбором формальной доктрины

Х. Китано предлагает рассматривать ряд приставок в индонезийском и тагальском языках как проклитики, поскольку они могут присоединяться к фразам, ср. инд. [[_N bahasa] [_N Indonesia]] ‘индонезийский язык’ + ber- → [_V ber-[[_N bahasa] [_N Indo-

nesia]] ‘говорить по-индонезийски’, таг. [[_N boda] de [_N plata]] (< исп. boda de plata ‘серебряная свадьба’) + mag- {ACTOR} ⇒ [mag-[[_N boda] de [_N plata]] ‘праздновать серебряную свадьбу’ [Kitano 2006: 8]. Морфемы со сходной комбинаторикой есть и в других языках, в том числе в английском, ср. англ. [_{DP} the basketball [[_N Hall] of [_N Fame]] ‘баскетбольный Зал Славы’ + -er ⇒ разг. англ. [_{DP} the [_{DP} basketball]] [[_N Hall] of [_N Fame]]-r ‘Член баскетбольного Зала Славы’³⁸ и субнормативном русском, ср. [ничегонеделань]-е, [дольчефарниент]-ушки (< ит. dolce far niente), [никуданегоди]-ица и т. п. При применении программы исследования, где нет задачи свести классы клитик и фразовых аффиксов друг к другу, одни морфемы уместно описывать либо как клитики, либо как аффиксы, в то время как другие будут допускать двойное описание. Нет явных оснований сводить англ. -er и показатель принадлежности англ. -s к единой рубрике, несмотря на их конечное положение во фразе: суффикс имен деятеля -er селективен и присоединяется к строго определенным основам, в то время как показатель принадлежности =s может, по крайней мере, в разговорном языке, присоединяться к любому конечному элементу фразы, ср. англ. [_{NP} the woman^o [_{CP} I talked to]] = s arguments ‘доводы женщины, с которой я говорил’ [Zwicky 1977: 7]. В других случаях описания примерно равноценны. Показатель изафета =e в урду, ср. урд. [ye maal or daulat]=e_{ИЗАФ.} dunya ‘это достояние и богатство мира’ может рассматриваться и как аффикс, и как клитика [Butt, Bögel 2009], если верно, что ту же дистрибуцию имеет показатель вин. п., ср. урд. [maal or daulat]=ko_{ВИН.} kumaа-o_{ИМП.} ‘зарабатывай достояние и богатство’. В рамках данного подхода нет оснований сводить кластеризуемые клитики к аффиксам, если в языке нет цепочек аффиксов со сходной комбинаторикой.

2.6.2. Попытка заменить понятие клитик понятием фразового аффикса в рамках конкретного формализма

Авторы ряда работ, в основном написанных с позиций HPSG, объясняют все клитики, в том числе кластеризуемые, с помощью морфологических правил. Иногда при этом слово «клитика» употребляется как традиционный дескриптивный термин, а выражение «аффикс» как стоящее за ним теоретическое понятие, ср. [Tseng 2003: 179]. Если в анализе конкретного языкового материала почти ничего не меняется, кроме терминов, замена не играет роли. Тем не менее, сторонники HPSG считают отказ от теории клитик экономным решением в рамках уровневой модели языка, а их оппоненты ставят в себе заслугу отказ от уровневой модели и теории фразовых аффиксов, см. [Butt, Bögel 2009]. Для анализа цепочек такая позиция неудобна. Р. О’Коннор, анализирующий в рамках LFG цепочки сербохорватских клитик, утверждает, что «идиосинкратический порядок элементов» более характерен для аффиксальной морфологии, чем для единиц синтаксиса

³⁸ См. пример: англ. But the [Basketball Hall of Fame]-r will be trying out and coaching a team fielding exotic dancers from Headquarters Gentleman Club. http://sports.yahoo.com/nba/blog/ball_dont_lie/post/Of-course-Dennis-Rodman-is-going-to-coach-a-topl?urn=nba-wp12692.

[O'Konop 2002: 320]. Но твердый порядок клитик с равным успехом можно формализовать, признав цепочку группой (CliticP) и выведя для нее Правило Рангов, что предложено в данной главе исследования. Кроме того, упорядочение внутри цепочки не исключает дистантного расположения кластеризуемых клитик в силу действия Правил Барьера, которые могут порождать порядки, где клитика, занимающая место в начале Правила Рангов, оказывается правее остальных, ср. примеры (15), (16).

2.6.3. Попытка совместить понятие клитик с понятием фразового аффикса в рамках единого формализма

В некоторых работах признается существование как клитик, так и фразовых аффиксов, ср. [Werle 2007], либо категориальная неоднородность клитик/фразовых аффиксов, среди которых видят аналоги словоизменительных и деривационных морфем [Anderson 1993: 85]. Такая позиция оставляет больше возможностей для сопоставления языков: например, можно доказывать, что хотя безударные местоимения во французском и македонском являются словоизменительными аффиксами, сходные элементы в других языках имеют иной статус. Тем не менее остаются трудности. Поэтапное порождение цепочки на основании того, что она состоит из элементов с разным морфосинтаксическим статусом, ср. [Franks 2008: 104, 128], часто толкает к выводу о том, что цепочка вообще не является объектом грамматики. Особенно неудобны для поэтапного порождения случаи, где упорядочение цепочки не связано однозначно с морфологическим типом клитик. Так устроен тагальский язык, где все односложные местоименные клитики стоят в цепочке перед двусложными, а все наречия, независимо от числа слогов, стоят после односложных местоимений [Billings, Konopasky 2002]³⁹.

2.7. Перспектива исследований систем порядка слов с клитиками

Проведенный анализ показал, что объяснение структур с цепочками клитик в терминах синтаксических ограничений может быть не менее точным, чем лексикалистские объяснения, ссылающиеся на свойства, постулируемые для разных разрядов клитик в УГ. Признание Правил Барьера, связывающих базовый и производные порядки слов в языке с цепочками, позволяет предсказать выглядящее хаотичным распределение линейных порядков с клитиками на основе небольшого

³⁹ С. Андерсон предложил трехступенчатое порождение тагальского Правила Рангов: односложные местоимения на ритмических основаниях присоединяются не ко всему ударному слову, а к его части – стопе (foot), затем на них навешивается наречие, а двусложные местоимения присоединяются к уже имеющемуся просодическому комплексу [Anderson 2005: 170]. Л. Биллингс, однако, показал, что эти допущения противоречат ритмической структуре тагальского слова.

числа ограничительных условий, действующих в большом числе языков, определенных выше как W, W⁺, W* и V-системы. Эта часть анализа в настоящее время не имеет несинтаксической альтернативы. Плюсом и минусом нашего подхода является то, что требуется проверять, к какому именно типу относится конкретный язык с цепочками. Мы предвидим возражения сторонников иных концепций. Прежде всего потребуется доказать, что если использованное в данной главе определение цепочки как синтаксического объекта верно, кластеризуемые элементы являются именно клитиками, а не выражениями иного рода (например, аффиксами, слабыми формами Кардиналетти-Штарке). Пока не доказано обратное, будем считать, что кластеризуются только синтаксические клитики, при этом материально тождественные элементы с тем же сегментным составом могут быть некластеризуемыми в том же языке. Второе возможное возражение касается того, что Правила Рангов, упорядочивающие цепочки, могут быть диахронически нестабильны и отражать переходное состояние языка. Проверка этого вопроса носит статистический характер. Большинство известных языков с цепочками попадает в те три класса, где Правила Рангов действуют регулярно – W, W⁺, и V-системы, а системы четвертого класса (W*-системы) составляют меньшинство, что можно признать неплохим результатом, с учетом того, что на материале славянских, балканских, романских и австралийских языков описаны случаи смены типа и перехода языков с цепочками из одного класса в другой. В третьих, нужно выяснить, существуют ли помимо W, W⁺, W* и V-систем иные классы языков с цепочками, например, языки, где цепочки проклитик занимают начальную позицию в клаузе, или языки, где цепочки энклитик занимают конечную позицию в клаузе: это важно для ответа на вопрос, в какой мере кластеризация связана с позициями, предсказываемыми законом Ваккернагеля. Поскольку проклитики и энклитики, занимающие, соответственно, начальную и конечную позицию в группах разного типа заведомо существуют [Agee 1993], [Aikhenvald 2002: 54], мы допускаем, что языки с цепочками начальных и конечных клитик тоже существуют, но пока не располагаем их описанием.

Формализация изложенного в данной главе подхода возможна в рамках разных концепций и не требует принятия соглашений о существовании Универсальной Грамматики до начала анализа. Попытка совместить основные выводы со стандартными допущениями, делаемыми в генеративном синтаксисе, предпринята в [Kosta, Zimmerling 2013]. Критериями для нас служат точность модели и ее предсказательная сила. Представляется, что механизмы сборки цепочек и, особенно, Правила Барьера трудно формализовать без представления о перемещении клитик, а условия заполнения начальной позиции клаузы в W- и W⁺-системах группой или ансамблем логично анализировать в терминах простого и множественного перемещения в XP (SpecCP) или позицию, аналогичную XP. В заключение коснемся тенденции, наметившейся в литературе. Если Я. Ваккернагель стремился выделить черты общего типа в известных ему языках, то некоторые лингвисты, писавшие о законе Ваккернагеля, стали объяснять условия употребления клитик ссылками на специфические или даже уникальные черты языков. Так, Р. Якобсон в 1935 г. свя-

зал утрату кластеризуемых местоимений в истории русского языка с «развитием свободного силового ударения»: что бы ни стояло за этим ярлыком, он в равной мере приложим к болгарскому языку, который сохранил цепочки клитик. Д. Нэш, автор превосходной грамматики варльпири, утверждает, что в данном языке нет структуры составляющих [Nash 1986: 163], при том что в книге приведены примеры постановки цепочек после начальной ИГ из нескольких фонетических слов и даже примеры с эффектом Барьера [Ibid.: 196], которые без отсчета составляющих описать трудно. Наконец, Э. Джелинек, разбирая цепочки клитик в люмми, заявляет, что в языках с местоименными аргументами «информационная структура прямо отражает аргументную», поэтому порядок слов люмми лишен грамматической функции и маркирует информационную структуру [Jelinek 2000: 215]. Судя по описанию, цепочки местоимений и показателей времени в люмми выражают информацию, уже активированную в дискурсе. Но нет оснований думать, что цепочки сербохорватских или новгородских клитик тех же категорий имеют иной информационный статус, хотя эти языки не относятся к классу с местоименными аргументами. Кроме того, маловероятно, что такой сложный механизм как образование цепочки и ее помещение после начальной категории клаузы может реализовываться вне правил синтаксиса. Антиуниверсалистские лозунги непродуктивны, а будущее – за исследованиями, комбинирующими процедуру типологического описания с моделями, разработанными в современных синтаксических теориях.

Глава 3

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В славянском ареале имеется 5 типов систем порядка слов, определяемых в данной книге как W-системы, W⁺-системы, W^{*}-системы, V-системы и C-системы: в первых четырех типах имеются сложные объекты, называемые цепочками клитик. Как и в предыдущих главах, будем понимать под цепочкой элементов (cluster) последовательность элементов {a,b,c...n}, где устанавливается единственно возможный порядок для любых пар a,b, когда они стоят контактно друг с другом. Способность образовывать цепочку не исключает дистантного расположения клитик, когда они присоединяются к разным хозяевам. Данный механизм поддерживает самостоятельность клитик в качестве элементов синтаксиса. Принципы размещения цепочек влияют на расстановку других категорий предложения, представленных не-клитиками. Системы порядка слов с клитиками классифицируются только на основе ограничительных условий, различия в синтаксисе не выводятся из собственно просодических свойств клитик. Общей чертой славянских языков, имеющих цепочки, является корреляция между кластеризацией и рангом синтаксической области: кластеризуются только клитики уровня предложения (clause-level clitics), но не клитики уровня группы (phrase-level clitics). Данная генерализация распространяется и на местоименные клитики вин. п. и дат. п., которые могут выступать и как предикатные клитики, и как клитики уровня ИГ/ПГ. Посессивная клитика в дат. п. не образует цепочек с другими элементами болгарских Определенных ИГ. Та же корреляция характерна для других языков мира, но есть и языки с цепочками непредикатных клитик. Кластеризация происходит в определенной синтаксической позиции и не может осуществляться в других. Поэтому системы порядка слов с цепочками нужно анализировать в терминах синтаксических ограничений и параметров, регулирующих данные ограничения. Синтаксические ограничения понимаются в данной главе как проявление порождающей/распознающей способности естественного языка запрещать неправильно построенные структуры. Однотипные ограничения в области порядка слов свойственны значительному числу неродственных языков с цепочками клитик. Точное соответствие болгарской системе порядка слов, где одновременно действуют ограничения на место цепочек и на место глагола, находится в центрально-филиппинском ареале.

3.1. Программа исследования

Предмет исследования настоящей главы находится на пересечении типологии и теории синтаксических ограничений: обсуждаются релевантные для синтаксиса особенности дистрибуции цепочек клитик – объектов, имеющих в большом числе языков мира, см. [Aikhenvald 2002: 52]. Теоретической основой служит подход,

использованный в [Циммерлинг 2002: 69–98; Zimmerling 2006; Kosta, Zimmerling 2013; Циммерлинг 2012a] и изложенный выше в гл. 2. Многие из перечисляемых ниже положений, разумеется, выдвигались и другими лингвистами.

1. Ограничения на развертывание синтаксических структур (синтаксические ограничения) являются отражением генеративной способности и по возможности должны описываться в терминах грамматики, см. [Chomsky 1995; Radford 1995].
2. Тернарное различие словоформы – клитики – аффиксы продуктивно как в модулярных, так и в иерархических многоуровневых концепциях грамматики¹.
3. Кластеризуемые и некластеризуемые клитики, возможно, являются синтаксическими объектами разного типа, поэтому нет оснований трактовать цепочки кластеризуемых клитик просто как фиксированные последовательности обычных клитик.
4. Клитики вводятся специальными правилами, см. [Halpern 1996: xvi]. Множества синтаксических и просодических клитик не всегда совпадают в пределах одного языка, см. [Зализняк 2008: 8].
5. Клитики общего синтаксического типа могут иметь разные просодические свойства, клитики с общей просодической характеристикой могут иметь разные синтаксические свойства в пределах одного и того же языка, см. [Sadock 1995].
6. Цепочки клитик имеют признаки синтаксических групп особого типа, см. [Zimmerling, Kosta 2013].
7. Линеаризация цепочек связана с ограничениями на расстановку полноударных категорий предложения, представленных группами, см. [Zimmerling 2006].
8. В языках с цепочками клитик базовым порядком слов следует считать тот, при котором все клитики стоят контактно в позиции кластеризации. Клитики упорядочиваются Правилем Рангов, устанавливающей относительное расположение любых двух кластеризуемых клитик, когда они стоят контактно.
9. В языках с цепочками клитик имеются Правила Барьера, порождающие производные контекстно-обусловленные порядки слов с кластеризуемыми клитикам, см. [Rouveret 1999; Ćavar, Wilder 1999]. В результате Правил Барьера возникают порядки слов, где все или часть клитик стоят вне позиции кластеризации, см. [Зализняк 1993: 286].

Положения 1–9 не являются постулатами какой-либо формальной доктрины (Минималистской Программы Хомского, HPSG, LFG, Теории Оптимальности и т. п.) и в той или иной мере поддаются эмпирической проверке: детальный анализ материала может повлечь пересмотр или модификацию данных положений.

¹ Оценочные выражения вроде «по возможности должны» в п. 1 или «продуктивны» в п. 2 указывают на принимаемые предпочтения о том, что для принятия альтернативного взгляда, например, для отрицания категориального различия между клитиками и аффиксами, требуются более фундаментальные теоретические и эмпирические доводы, чем для сохранения этого различия.

3.2. Цепочки клитик и типы языков

Системы порядка слов с цепочками клитик исследуются в настоящей главе на примере языков славянской группы индоевропейской семьи, где языки с цепочками клитик составляют большинство от общего числа описанных в литературе синтаксических систем, ср. [Dimitrova-Vulchanova 1999; Franks, King 2000; Циммерлинг 2009а; Циммерлинг 2012b; Franks 2009; Kosta, Zimmerling 2013; Zimmerling, Kosta 2013].

Цепочкой (cluster) признается сложный синтаксический объект, состоящий из элементов $\{a, b, c, \dots, n\}$, таких, что они могут употребляться самостоятельно вне комбинации друг с другом, но при контактной реализации упорядочиваются единственным образом, так что для любых пар элементов a, b направление развертывания $a > b$ является заданным. Элементы, удовлетворяющие данному определению, называются далее кластеризуемыми. Эмпирическим путем установлено, что почти все найденные в естественных языках кластеризуемые элементы относятся к классу *клитик*, т. е. просодически и синтаксически дефектных выражений, линейнонеаризуемых при помощи правил, не действующих на полноударные категории предложения, см. [Zwicky 1977]. Вместе с тем, не доказано, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики имеют одни и те же синтаксические свойства. Теории, которые игнорируют различия между двумя данными разрядами клитик и трактуют цепочки просто как последовательности смежных безударных элементов, не привязанных к определенной синтаксической области, ср. [Agbayani, Golston 2010], имеют недостаточную объяснительную силу.

Описаны языки, где материально тождественные клитики в одних синтаксических областях являются кластеризуемыми, а в других – некластеризуемыми, см. [Kosta, Zimmerling 2013]. В славянских и ряде других языков кластеризуются только предикатные клитики уровня предложения (clause-level clitics), а клитики уровня непредикатных групп (phrase-level clitics) не кластеризуются [Циммерлинг 2012а]. Системы порядка слов с цепочками могут быть классифицированы, исходя из того, в какой позиции в них происходит кластеризация, и какие ограничения на развертывание предложения из этого проистекают. Такая программа исследования реализована в наших работах [Zimmerling 2006; Циммерлинг 2012а], где выделено четыре типа языков с клитиками – W-системы, W⁺-системы, W*-системы, V-системы.

3.2.1. Определения типов. W-системы

W-системами являются языки, где цепочки клитик (CL) в стандартном случае ставятся после начальной группы предложения (XP) или первого фонетического слова начальной группы (X) или синтаксического выражения, приравненного к XP/X, например, к подчинительному союзу (Comp), а требование контактной позиции цепочек клитик и постпозитивных глагольных форм (V) отсутствует. Знак # в записи (i) указывает на границу клаузы.

(i) #XP/X- CL [...] V.

Как указано в гл. 2, имеется большое число языков разных семей, удовлетворяющих формуле (i). Такие языки обнаруживаются в разных ареалах и языковых семьях, ср. пашто [Tegey 1997], варльпири [Nash 1986], тамазигхт [Quali 2010], люмми [Jelinek 2000], кьявини сапотек [Lee 2000], кавиненья [Guillaume 2008], маори [Herd 2003]. В некотором смысле проще указать регионы, где языки с цепочками, удовлетворяющими формуле (i) до сих пор не были открыты – это центральная и южная Африка, юго-восточная Азия, Сибирь и Арктика. Формуле (i) соответствует также ряд древних индоевропейских языков, ср. древнегреческий, древнеиндийский, авестийский [Wackernagel 1892], хеттский [Garrett 1996], древненовгородский диалект [Зализняк 1993].

W⁺-системами являются языки, где цепочки клитик (CL) имеют фиксированную позицию относительно границы клаузы (#) и одновременно действует требование контактной позиции цепочек и глагола (V). Есть несколько разновидностей W⁺-систем, различающихся тем, какая граница клаузы служит ориентиром для CL и V, и которая из этих двух категорий имеет меньше разрешенных линейных позиций. Наиболее распространены языки, где ориентиром для CL служит левая граница клаузы (#...), цепочки стоят после начальной группы/первого фонетического слова, а глагольные формы стоят непосредственно после цепочек или непосредственно перед ними.

(ii) # XP – [CL – V] ~ #[V – CL] ~ *#[CL – V]... ; #.... V....#

Формуле (ii) за пределами славянского ареала соответствуют, в основном, центральнофилиппинские языки. О других типах W⁺-систем см. ниже.

V-системами являются языки, где ни цепочки, ни глагол не имеют фиксированной позиции относительно границ клаузы, но цепочки клитик принадлежат глагольной группе (ГГ) и реализуются контактно с ее вершиной, что соответствует формуле (iii).

(iii) #.... [_{VP} CL + V°] ...#

Формуле (iii) соответствуют французский, испанский, итальянский [Cardinaletti 1999], новогреческий [Alexiadou, Anagnostopoulou 1998], албанский, вероятно, варакена и тарьяна [Aikhenvald 2002].

W*-системами являются языки переходного типа, которые в разных типах клауз и/или при разных типах клитик используют механизмы линеаризации, характерные для W-систем, W⁺-систем и V-систем. Примерами W*-систем являются цюрихский диалект немецкого языка [Cooper 1999], гуринди и мудбурра [McConvell 1996], позднее греческое койнэ [Кисилиер 2009], а также ряд славянских языков, упоминаемых в данной главе ниже.

3.2.2. Разновидности W-систем

В литературе обсуждалось не менее 20 славянских систем порядка слов с цепочками клитик уровня предложения, действующих в современных сербохорватском, словенском, болгарском, македонском, бургенландском хорватском [Browne 2007], русинском языке Воеводины [Browne 2008], украинском карпатском диалекте с. Синевир [Толстая 2000], чешском, словацком, польском, нижнелужицком и верхнелужицком, кашубском, славизано [Kosta 2009], а также в старославянском, древнечешском, старопольском, книжном южнодревнерусском [Зализняк 2008], древненовгородском диалекте. Чтобы оценить их место в рамках предложенной классификации, нужно рассмотреть подтипы W-систем и W⁺-систем.

W-системы, где цепочки ориентированы на границу клаузы, а требования контактной реализации клитик и глагола нет, делятся на два подкласса, в зависимости от того, есть ли в этих языках начальные ИГ (или любые группы иного типа, представленные двумя и более синтаксическими элементами), способные принимать цепочки. В части W-систем, обозначенных в [Циммерлинг 2012a] как W₁-системы, начальных ИГ либо нет (ср. люмми), либо они не принимают цепочки клитик (ср. кабилский). Все известные нам W₁-системы являются строгими языками VI: клитики в них присоединяются либо к начальному глаголу, либо к элементу, входящему в некоторый закрытый класс – видо-временному оператору (в афроазиатских языках) или кванторному слову (в люмми), ср. *māk*^w, ‘весь’, ‘все’ в (1a-b).

- (1) люмми а. $\eta a-t-\emptyset$ = sx^w ‘əw’ *māk*^w.
 есть-перех.-3л.абс. = CL_{2EDIM} связка весь
 ‘Ты съел это/их все’.
- б. *māk*^w = sx^w ‘əw’ $\eta a-t-\emptyset$.
 весь = CL_{2EDIM} связка есть-перех.-3л.абс.
 ‘то же зн.’.
- (2) люмми $lep-t-on\eta l$ = $yax^w = l\acute{a} = sx^w$.
 Видеть-перех.-1л.мн.вин. = $CL_{эвид}$ = $CL_{прш}$ = CL_{2EDIM} .
 ‘Ты, очевидно, увидел нас’.

В славянском ареале строгих языков VI нет, поэтому прогнозируемым результатом будет отсутствие W₁-систем. В другом подклассе, по номенклатуре [Циммерлинг 2012a] – W₂-системах, начальные ИГ, способные принимать цепочки, возможны. Имеются три сценария. В некоторых W₂-системах клитики присоединяются к первому фонетическому слову первой группы, разрывая ее: $[_X W^1] - CL - [_X W^2]$. Постановка кластеризуемых клитик после первой полной группы в этих языках исключена:

$$(iv) \quad [_{XP} [_X W^1] - CL - [_X W^2]] \sim *[_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL.$$

Формуле (iv) соответствуют хеттский и древнегреческий языки, ср. пример (3).

- (3) хетт. [_{NP} āššuš...] =aš [_{NP} halugaš] wemiškiddu mayantan ^PUTU=šummin
 Добрый_{ИМ.ЕД.} =ИХ_{ЗМН.ВИН.} весть_{ИМ.ЕД.} найти-имп._{3ЕД.} сильный_{ВИН.ЕД.} 'Бог.
 Солнце'=наш-посс._{ВИН.ЕД.}
 MUNUS¹tawanannan AN.BAR-aš ^{GIŠ}DAG-ti # MS (CTH 591.I.a.A) KBo
 20.67+ Rs. IV 20-27
 Тавананна_{ВИН.ЕД.} железный_{РОД.ЕД.} на тронный.помост=ЛОК.ЕД.
 Пусть 'добрая весть' найдет их, нашего сильного 'Бога-Солнце' (и) Тавананна
 на тронном помосте из железа².

В другой части W_2 -систем кластеризуемые клитики могут стоять как после первого фонетического слова, так и после первой полной группы.

- (v) [_{XP}[_X W¹] – CL – [_X W²]] ~ [_{XP} W¹, W²... Wⁿ] – CL.

Формуле (v) соответствуют варльпири, варумунгу, луисеньо, см. примеры (4a-c).

- (4) варл. a. [_{NP} **Kurdu-ngku wita-ngku**]=ka maliki wajlipi-nyi.
 Дитя-эрг. маленький-эрг CL_{СВЯЗК.ПРЗ.} пес дразнить-непрш.
 'Маленький ребенок дразнит собаку'.
 b. [_{NP} [**Kurdu-ngku...**]=ka]_{NP} ...wita-ngku] maliki wajlipi-nyi.
 Дитя-эрг. CL_{СВЯЗК.ПРЗ.} маленький-эрг пес дразнить-непрш.
 'То же зн.'
 c. [_{NP} **Kurdu-ngku...**]=ka maliki wajlipi-nyi [_{NP} wita-ngku].
 Дитя-эрг. CL_{СВЯЗК.ПРЗ.} пес дразнить-непрш. маленький-эрг
 'То же зн.'³

Для того чтобы уточнить позиции, которые могут занимать кластеризуемые клитики в W_2 -системах, введем понятие сочиненной группы (Coordinate Phrase), поскольку группы типа вида [_{CoP} X & Y] не всегда ведет себя идентично стандартной ИГ. Сочиненная группа вида [_{CoP} X & Y] в таких W_2 -системах может принимать клитики, ср. (5).

- (5) варл. [_{CoP} [_{NP} **Karnta-ngku**]=manu [_{NP} ngarrka]]=ngku=pala kurdu nya-ngu.
 женщина-эрг. и мужчина-эрг. = CL_{СВЯЗК.} =они_{ЗДВ.} дитя видеть-прш.
 'Женщина и мужчина увидели ребенка'.

² Порядок хетт. * [_{XP} āššuš halugaš] =aš wemiškiddu в текстах, где все слова первой группы выписаны по-хеттски, насколько нам известно, не встречается. Для унификации мы записали в примере (3) все выписанные по-хеттски слова (кроме клитик) и части слов без выделения курсивом.

³ Примеры из [Nash 1986: 159–160].

Наконец, существуют W_2 -системы, где клитики могут присоединяться к первой группе, но не вставляться внутрь нее.

(vi) $[_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL \sim *[_{XP} [_X W^1] - CL - [_X W^2]]$.

Формуле (vi) соответствуют пашто, см. (6a-b), осетинский и кавиненья, см. (7). В осетинском, по данным О. И. Беляева (устное сообщение), ИГ не разрывается клитиками, а сочиненная группа может разрываться: осет. $[_{CoP} \text{Зауыр æмæ Алан}] = \text{мам æрба-цъд-ысты}$ 'Ко мне пришли [Заур и Алан]' \sim $[_{CoP} \text{Зауыр æмæ} = \text{мам Алан}] \text{æрба-цъд-ысты}$ 'то же'.

(6) пашто а. $[_{NP} \text{ауа fel kalæna danga aw khaysta peyla}] _ \text{me} _ \text{нæп}$
 буа walida.

та 20 лет высокая и хорошенькая девушка я сегодня опять видел
 'Я снова увидел сегодня $[_{NP}$ ту высокую и хорошенькую девушку]'.

b. $[_{CoP} [_{NP} \text{xufal}] \text{aw} [_{Co} \text{patang}]] \text{ba} _ \text{ye} \text{dæg} \text{ta} \text{rawtj}$.
 Хушал и Патанг это ты к несут
 '[_{CoP} Хушал и Патанг] принесут это тебе'⁴.

(7) кав. $[_{CoP} [_{NP} \text{Мама Felicia}] [_{NP} \text{мама Мати}] \text{jadya}] = \text{etsekwe} = \text{ju ani-kware ekatse e-tiki jiruru}$.
 Мама Фелисия мама Мати и =снаружи=лок. сидеть_{ДАВНОПРШ} они_{ЗДВ} огонь у края
 '[Мадам Фелисия и мадам Мати] сидели во дворе поближе ко огню'⁵.

3.2.3. Разновидности W^+ -систем

В W^+ -системах цепочки имеют фиксированную позицию относительно границы клаузы и одновременно стоят контактно с глаголом. В W^+ -системах филиппинского подтипа позиция цепочек устанавливается по отношению к левой границе клаузы, а глагол занимает смежные позиции, что иллюстрируется выше формулой (ii), характеризующей тагальский [Kroeger 1993: 119], себуано, бикол, бинукид [Peng, Billings 2006] и масбатеньо [Lee 2006]. К филиппинскому подтипу относятся также языки, где комплекс [CL - V] может выноситься в начало клаузы, что характерно для языков дьинанг и дьинба.

(vii) # XP - [CL - V] \sim # [V - CL] \sim # [CL - V].

В германском подтипе позиция финитного глагола устанавливается по отношению к левой границе клаузы, а цепочки занимают позиции, смежные с глаголом. W^+ -системы такого типа действовали в древнеисландском, средненорвежском, а также, по некоторым описаниям, в старофранцузском [Mathieu 2006] и старопортугальском [Galves 2001].

(viii) # XP - [V - CL] \sim # [V - CL].

⁴ Примеры из [Tegey 1977: 83-84].

⁵ Цит. по [Guillaume 2008: 556].

Формула (viii) непосредственно характеризует древнеисландский и средненорвежский языки, где финитный глагол может стоять либо в начале независимого финитного предложения, ср. (8), либо после ее начальной группы, ср. (9).

(8) ср. норв. Ok befand =han=sig=da [ip megit suag at være] (PCI 17).

и находится он_{зед.им.м.} себя_{возвр.} тогда очень слабый чтобы быть

‘И почувствовал он себя тогда очень слабо’.

(9) ср. норв. Erling lod =sig_i=det=vel [ip befalde t_i] (PCI 23).⁶

Эрлинг позволить_{пришед.} себя_{возвр.} это_{зед.вин.ср.} хорошо понравить[ся]

‘Эрлингу это пришлось по душе’.

W*-системы и V-системы можно разбить на подтипы, исходя из того, как в них соотносятся конфигурации с проклизой [CL – V] и энклизой [V – CL], ср. [Cardinaletti 1999], но формат данной главы исследования не позволяет обсудить это подробнее. Таксономия W-систем и W⁺-систем суммируется на рис. 1.

W-системы			W ⁺ -системы		
W ₁ -системы	W ₂ -системы		Филиппинский тип	Германский тип	
Начальных ИГ нет или они не принимают клитики	Клитики после начальных ИГ возможны			XP – [CL – V] ~ [V – CL] тагальский себуано бикол ритхарригу	XP – [V – CL] – [V – CL]
люмми, кабийский тамазиг'хт	Клитики после первого фонетического слова	Клитики после первой полной группы	Клитики после первого фонетического слова или первой группы	XP – [CL – V] ~ [V – CL] – [CL – V] дынанг дымба	древнеисландский средненорвежский старофранцузский [Mathieu 2006] старопортугальский [Galves 2001: 2]
	X-CL, *XP-CL	XP-CL, *X-CL	XP-CL, X-CL		
	хеттский др.-греческий	панго кавиненья осетинский	варьльпири варумунгу луисенья		

РИС. 1. Таксономия W-систем и W⁺-систем

3.3. Цепочки клитик в зависимых клаузах

W- и W⁺-системы используют в главных и зависимых клаузах одинаковый набор кластеризуемых клитик. Возможны два сценария постановки цепочек в зависимых клаузах с начальным подчинительным союзом (Comp). В одной группе языков подчинительный союз не принимает кластеризуемые клитики: в этом случае ассиметрии главных и зависимых клауз в плане постановки цепочек нет, и цепочки ставятся после первой группы/первого ударного слова первой группы клаузы, ср. (ix).

⁶ Примеры из памятника конца XVI в., см. [Диммерлинг 2002: 389].

(ix) $XP/X^{\circ} - CL \sim \langle \text{Comp} \rangle - YP - CL$.

Формуле (x) соответствуют пашто [Tegey 1977: 127–128], тагальский, себуано, бинукид и большинство других центральнофилиппинских языков. В другой группе языков кластеризуемые клитики присоединяются непосредственно к подчинительному союзу:

(x) $XP/X^{\circ} - CL \sim \text{Comp} - CL$.

Формуле (x) соответствуют варумунгу, ю.-вост. тепехуан [Willet 1991: 192], осетинский, сербохорватский. Высказанное в [Bošković 2004: 74] мнение о том, что порядок $\text{Comp} [YP] CL V$ якобы возможен лишь в языках, где клитики всегда занимают позиции, смежные с глаголом, ни на чем не основано: формулы (ix) и (x), как показано в предыдущей главе, не диагностируют различие W - и W^+ -систем. Подведение элементов XP/X° и Comp , принимающие клитики в разных типах клауз, под общую категорию $XP/X^{\circ} / \text{Comp}$ и ярлыки ‘клитики 2-й позиции’, ‘клитик, ориентированные на узел Comp ’, ср. [Progovac 1996: 412], разумно понимать как дескриптивные обобщения, непосредственно касающиеся языков с формулой (x), а не как дефиниции какого-либо разряда клитик в универсальной грамматике.

3.4. Правила Рангов клитик

Один из доводов в пользу того, чтобы трактовать цепочку клитик $\{a, b, c, \dots, n\}$ как группу (Clitic Phrase, CLP), а не как просто как последовательность смежных безударных элементов, составляющих фонетическое слово, как было подчеркнуто в гл. 1 и 2 выше, состоит в том, что кластеризуемые клитики принадлежат единой синтаксической области – монопредикатному или полипредикатному предложению. Это значит, что внутри цепочки не должна пролегать граница между двумя клаузами или иными иерархически независимыми и не вложенными друг в друга группами X, Y , см. гипотезу (xi).

- (xi) Если клитики из множества $\{a, b, c, \dots, n\}$ упорядочиваются Правилем Рангов, устанавливающим порядок $a > b$ для любой пары контактно стоящих элементов (a, b) , внутри цепочки a, b, c, \dots, n не может проходить граница между какими либо двумя синтаксическими группами X и Y так, чтобы часть кластеризуемых клитик относилась к X , а другая к Y : $*[{}_X \dots ab] [{}_Y cd \dots]$.

Гипотезу (xi) имеет смысл применять к тем клитикам, которые могут употребляться вне комбинации друг с другом и присоединяться к разным словам-хозяевам⁷. Мы не можем доказать (xi) в сильной форме, т. е. представить доказательство, что относящиеся к разным синтаксическим областям смежные клитики a, b ,

⁷ В случае, если X и Y – фразовые категории, которые располагаются в фиксированном порядке $[X], [Y]$, клитика a может присоединяться к вершине X° только справа ($X^{\circ}=a$), а клитика b может присоединяться к вершине Y° только слева ($b=Y^{\circ}$), фиксированный порядок a, b возникает автоматически: $[{}_X X^{\circ}=a] [{}_Y b=Y^{\circ}]$. См. подробнее гл. 4 настоящей книги.

способные занимать более одной линейной позиции в предложении, *не могут* выстраиваться в твердом порядке $a > b$. Тем не менее, (xi), вероятно, можно доказать в слабой форме, т. е. представить доказательства, что во всех языках, имеющих цепочки предикатных клитик вида (a, b, c, \dots, n) , кластеризуемые клитики принадлежат одной (а не двум или более) синтаксическим областям. Более подробно данная проблема обсуждается в гл. 4 ниже.

Эмпирическим путем установлено, что даже в языках, где средняя длина цепочек клитик не превышает ($n = 2, 3$), общее число клитик, упорядочиваемых Правилем Рангов, гораздо больше. Так, в пашто, см. выше примеры (6a-b), согласно [Roberts 1997] Правило Рангов включает 8 клеток. Каждая клетка Правила Рангов, в зависимости от языка, может заполняться либо единичной кластеризуемой клитикой, либо классом клитик с общей грамматической характеристикой. Так, в варльшири, см. выше примеры (4)–(5), в общую клетку для местоименных клитик вин. п. попадает 10 форм личных местоимений и возвратная клитика *nyanu/nya* [Nash 1986: 59–60]. Обратной зависимости между грамматической маркировкой клитики и местом класса форм в Правиле Рангов нет: из того, что n форм, представляющих категорию C , попадают в Правило Рангов в клетку $\{C\}$, не следует, что $n+1$ -я форма попадет в ту же клетку или вообще будет трактоваться в данном языке как клитика. Так, в варльшири нет местоименных клитик 3 л. ед. ч. В древне-новгородском в клетку клитик дат. п. попадает 7 форм, клетку клитик вин. п. – 13 форм, клетку связок – 6 форм, но при этом нет личных местоименных клитик 3 л. и связочных клитик 3 л. [Зализняк 1993: 284–285].

Контактные последовательности клитик, не принадлежащих единой синтаксической области и не являющихся цепочками в указанном выше смысле, иногда возникают в языках, где цепочка клитик вышестоящего предложения может присоединяться непосредственно к правому краю вложенной сентенциальной составляющей, в составе которой могут быть свои клитики. Это относительно нечастый случай, но он засвидетельствован в кавиненья и словенском. В кавиненья есть энклитики класса *=tibu* ‘потому что’, которые занимают конечное положение в группе и служат аналогом подчинительных союзов [Guillaume 2008: 84]. В примере (10) сразу после *=tibu*, которое синтаксически относится к клаузе с глаголом *jipe-kware* ‘приблизился’, стоит цепочка *=pa=tu*, которая синтаксически относится к предикату *pude-da* ‘(быть) красным’.

(10) кав. [_{ср.} *Tu-ra=kamadya ijeti jipe-kware=tibu*]_# *=pa=tu pude-da*⁸.

*CL*_{ЗЕРГ} только солнце приблизиться_{ДАВНОПРОШ.} *CL*_{КЛУЗ.} #*CL*_{ЦИТАТ.} *CL*_{ЗЕД.} красный
‘Поскольку она (птица мухоловка) – единственная, кто [в давние времена] приблизился к солнцу, она – красная/коричневая’.

⁸ Пример из [Guillaume 2008: 574] (нотация наша. – А.Ц.). В своей грамматике А. Гийом ставит скобку и после глагольной клаузы с *=tibu*, и после неглагольной клаузы с *=tibu*, ср. [Ibid.: 577, 730].

В словенском языке подчинительный союз занимает начальное место в клаузе, ср. *ko* ‘когда’ в (11); в остальном расстановка цепочки главного предложения аналогична.

- (11) слов. [_{ср} *ko* = *smo* (1) = *se* (2) *vrnili*] # = *se* (1) = *je* = (2) = *že* (3) *stemnilo*.
 Букв. [когда *мы*_{имн.} (1) *ся*_{возвр.вин.} (2) *вернули*_{имн.прф.}] # *ся*_{возвр.вин.} (1) *есть*_{зед.прз.} (2) *уже* (3) *смеркало*_{зед.ср.прф.}.
 ‘Когда мы *вернули-сь*, *уже смеркало-сь*’.

Для структур типа (10), (11), где клитики зависимой и главной клаузы не образуют общей цепочки, но при этом принадлежат к одному и тому же типу, ср. клитику *se* в примере (11), можно предложить циклический алгоритм: вначале порождаются клитики зависимой клаузы, и лишь когда последняя полностью линейризована, к ней справа присоединяется цепочка клитик главной клаузы. В некоторых случаях, однако, Правило Рангов включает клетки для клитик, перемещенных из зависимых клауз. Ср. два примера из словацкого языка, где возвратная клитика *sa*, синтаксически соотнесенная с инфинитивом, вынесена в главную клаузу: символ *t* в (12) указывает на место порождения клитики.

- (12) слц. Rozmýšľal, [_{ср} *či*=*sa*, *má* poň [_{пр} *vrátiť* *t*]].
 Размышлять_{зед.м.прф.} алыт. *CL*_{возвр.вин.} иметь_{зед.прз.} хоть *вернуть*_{инф.}.
 ‘Он размышлял, не *стоит* ли ему *вернуть-ся* назад’, букв. ‘не=*ся* *стоит*. *вернуть...*’

В большинстве языков с цепочками, где есть параметр Clitic Climbing, разрешающий / требующий выноса клитик из зависимой предикации в главную, клитика, выносимая из нижестоящей клаузы, попадает в ту же клетку, что и клитики главной клаузы, имеющие сходную маркировку. Поскольку словацкое Правило Рангов требует, чтобы возвратная клитика *sa*_{возвр.вин.} стояла после частицы *by*_{сосл.} и связки *si* ‘быть’_{зед.прз.}, но до личных местоимений, следует ожидать, что при выносе *sa* в главную предложение последовательность *sa*_{возвр.вин.} + *by*_{сосл.} + *si*_{зед.прз.} выстраивалась бы =*by=si=sa*. Это предположение подтверждается примером (13).

Частица сосл. накл.	Презентные связки 1–2 л.	Местоимения				Дискурсивная частица
		Возвратные	Дат.	Вин. п.	Им.-вин. ср. р.ед. ч.	
<i>by</i>	<i>sem, si</i> _{зед.прз.} <i>sme, ste</i>	<i>sa, si</i> _{возврат.}	<i>mi, ti, mu, jej,</i> <i>nám, vám, im</i>	<i>ma, ťa, ho, ju,</i> <i>nás, vás, ich</i>	<i>to</i>	<i>už</i>

РИС. 2. Правило Рангов словацкого языка

(13) слц. [_{TP} A_j ty=*by*=*si*=*sa*₁ mal [_{IP} *zodvihnúť* t_i] z tej posteľe!]⁹

И ты_{ИМ.ЕД.} бы_{СОСЛ.} быть_{2ЕД.ПРЗ.} ся_{ВОЗВРВИН.} иметь_{3ЕД.М.ПРФ.} сдвинуть_{ИНФ.} с та_{ДАТ.ЕД.Ж.}
постель_{ДАТ.ЕД.Ж.}

‘Встал-ка бы ты лучше со своей постели!’

букв. ‘а ты бы еси ся имел сдвинуть...’

В цепочке =*by*=*si*=*sa* первые две клитики соотносятся с глаголом главной клаузы *mal*, а третья – с глаголом (инфинитивом) зависимой клаузы *zodvihnúť*, что соответствует схеме (13’), где верхние индексы указывают на синтаксическую вершину, с которой соотносится клитика, а нижний индекс – на место порождения передвинутой клитики.

(13’) [_{TP} ... a¹b¹c² V1⁰ [_{IP} ... V2 t_i⁰]].

Допустимость структур типа (13’) побуждает уточнить гипотезу (xi) в виде (xii).

- (xii) Цепочка клитик, определенная на множестве {a,b,c...n}, где для любой пары контактно стоящих элементов (a,b) устанавливается порядок a > b, а клитики a,b,c,d порождаются в разных клаузах полипредикатного комплекса [_X abc_id [_Y t_j t_j...]], синтаксически принадлежит верхней клаузе данного комплекса, если в Правиле Рангов есть клетки {_C ...}, {_D ...} куда попадают клитики c, d, перенесенные из вложенной клаузы [_Y ...].

В полипредикатных комплексах (12)–(13) главная клауза с цепочкой стоит перед зависимой, в то время как в примерах (10)–(11), напротив, цепочка клитик главной клаузы присоединяется к правой границе стоящей перед ней зависимой клаузы. Описаны случаи, когда последовательность элементов, не являющаяся цепочкой, возникает не из-за стыка клауз, а в силу других факторов, например, при добавлении свободных предикатных клитик к связанным клитикам, относящимся к группе опорного слова. Такую возможность отметил А. А. Зализняк, который разбирает пример др.-новг. [_{CP} [_{CompP} о-же=*то*] =*ми*=*еси* поведаль], где клитика =*то* входит в состав релятивизатора и не относится к тому уровню клитизации, что и цепочка =*ми*=*еси*¹⁰. Хотя отделение фонетически смежных клитик от цепочек в текстах малоизученных и древних языков может быть трудоемким, см. [Зализняк 2008: 29], в целом оно, по нашему мнению, – техническая, а не концептуальная проблема. При наличии достаточного корпуса текстов почти всегда находятся примеры, подтверждающие или опровергающие, является ли клитика *k* кластеризуемой, т. е. регулируется ли на синхронном уровне ее дистрибуция тем же Правилем Рангов, которое устанавливает порядок клитик a, b, c из множества {a,b,c...n}. Так, в варльпири встречаются последовательности вроде =*ku*=*ju* + =*ka*=*rna*, см. (14a). Но первые два элемента едва ли стоит включать в Правило Рангов предикатных клитик: клитика *ju*₂ является пока-

⁹ Примеры (12)–(13) из кн.: *Habaj I. Pribuzní z Ostrova*. Bratislava, 1978. P. 90–91.

¹⁰ Пример из [Зализняк 1993: 286], (нотация наша. – А. Ц.).

зателем топики¹¹ и присоединяется только к именам и полноударным местоимениям, ср. *nyuntu*_{2ед.} в (14a-b). Показатель *ku* глоссируется как ‘дат. п.’, но и он маркирует только ИГ, ср. (15), где он дублирован предикатным маркером дат. п. *rla*, располагающимся в цепочке после личных местоимений в им. п. и вин. п.

- (14) варл. а. [_{NP} Nuuntu=*ku*=*ju*₂]=*ka*=*rna* *wiri nyina* [_{NP} ngaju=*ju*₂].
 Ты *CL*_{ДАТ.} *CL*_{ТОП.} *CL*_{СВЗ.ПРЗ.} *CL*_{1ЕДНМ.} большой сидеть я *CL*_{ТОП.}
 ‘Я больше тебя’
 букв. ‘Ты=*тебе*=*то* большим я=*то*’.
- б. [_{NP} Ngaju]=*ka*=*rna*=*ngku* *nyina wiri* [_{NP} nyuntu=*ku*=*ju*₂]¹².
 Я *CL*_{СВЗ.ПРЗ.} *CL*_{1ЕДНМ.} *CL*_{2ЕД.ВИН.} сидеть большой ты *CL*_{ДАТ.} *CL*_{ТОП.}
 ‘Я больше, чем ты’, букв. ‘я=*есть*=я=*тебя* большим ты=*тебе*=*то*’.
- (15) варл. [_{NP} Kurdu-ngku]=*ka*=*ju*₁=*rla* [_{NP} ngaju=*ku*] *pa-ka-rni*¹³.
 Ребенок-эрг. *CL*_{СВЗ.ПРЗ.} *CL*_{1ЕД.ВИН.} *CL*_{АДР.} я *CL*_{ДАТ.} бить-непрш.
 ‘Ребенок бьет меня’, букв. ‘ребенок=*есть*=меня=*тому* я=*тому* бить’.

Логично признать варл. *ku* и топикальное *ju*₂ в (14a-b) клитиками уровня ИГ (NP-level clitics)¹⁴, которые стоят непосредственно перед цепочкой предикатных клитик (clause-level clitics) =*ka*=*rna* потому, что язык варльпири является W₂-системой, где цепочки присоединяются к первой полной группе клаузы, см. (4a) и/или к первому фонетическому слову первой группы, см. (4b-c), а в составе первой группы клаузы могут быть свои непредикатные клитики. Данный вывод не требует предварительных соглашений о структуре предложения варльпири, а подсказывается данными о линейной комбинаторике, допустимой или недопустимой для классов языков, имеющих цепочки клитик. Подробней вопрос о том, являются ли критерии выделения цепочек в языках мира, универсальными, обсуждается ниже в гл. 4.

3.5. Правила Барьера

В языках с цепочками имеются механизмы, меняющие линейную позицию клитик в определенных контекстных условиях. В [Зализняк 1993: 286–288] такие механизмы названы Правилами Барьера¹⁵; в [Циммерлинг 2002: 85–91; Zimmerling,

¹¹ На синхронном уровне данная клитика описывается как омоним кластеризуемой местоименной клитики вин. п. 1 л. ед. ч. =*ju*, ср. [Nash 1986: 56, 59]. Мы снабжаем омонимы =*ju*₁ и =*ju*₂ нижними индексами.

¹² Примеры из [Nash 1986: 209], (нотация наша. – А. Ц.).

¹³ Пример из [Nash 1986: 199], (нотация наша. – А. Ц.). Мы глоссируем =*rla* как ‘адресат’, а =*ku* как ‘дат. п.’.

¹⁴ Или, если не пользоваться нотацией составляющих для варльпири – *непредикатными* клитиками.

¹⁵ Понятие ‘барьера’ или ограничительного узла (bounding node) является термином теории формальных грамматик. Мы затрудняемся сказать, в какой момент оно попало в

Kosta 2013] предложена классификация Правил Барьера, см. также гл. 2 настоящей книги. В V-системах, где ни цепочки, ни глагол не имеют фиксированной позиции относительно границ клаузы, Правила Барьера могут менять направления развертывания цепочек по отношению к глаголу, т. е. менять конфигурации с проклизой на конфигурации с энклизой, и наоборот. Так, в европейском португальском, где нейтральным порядком является энклиза местоименных клитик (V–CL), порядок с проклизой (CL–V) возникает, если начальная позиция предложения заполнена категориями строго определенного типа – подчинительным союзом, вопросительным словом или рематизируемой группой [Rouveret 1999: 641].

- (16) евр.порт. а. A Maria (1) [_{VP} [deu-o] (2) ao José ontem.
'Мария (1) дала-это (2) Жозе вчера.'
- б. Disseram-me [_{CP} {**que**} (1) a Maria (2) [_{VP} [o=deu] (3) ao José ontem]].
'Они сказали мне, {**что**} (1) Мария (2) это дала (3) Жозе вчера'.
- в. {_{whP} **Que livro**} (1) a Maria (2) [_{VP} [*lhe*=deu] (3) ontem]?
'{**Какую книгу**} (1) а Мария (2) *ему/ей* дала (3) вчера?'
- д. {_{CompP} **ATE A MARIA**} (1) [_{VP} [o=apresentaram] (2) eles (3)].
'Они (3) его представили (3) {**даже Марии**} (1)'.

Аналогичный эффект на позицию местоимений в европейском португальском оказывают кванторные слова, относящиеся к группе подлежащего, см. (17а), и общее отрицание *não*, стоящее между подлежащим и финитным глаголом, см. (17б).

- (17) Евр.порт. а. [_{DP} **Ambos**_{QUANT} [_{NP} os cantores]] (1) [_{VP} [*lhe*=dedicaram] (2) uma canção].
'**Оба** певца (1) *ему/ей* посвятили (2) песню.'
- б. A Maria (1) [_{NegP} **não**] (2) [_{VP} [*lhe*=deu] (3) esse livro].
'Мария (1) **не** (2) *ему/ей* дала (3) эту книгу.'

Барьером в (16)–(17), является либо группа предложения (XP), влияющая на линейную позицию клитик в силу коммуникативного значения, выражаемого ей в конкретном высказывании, либо лексическая вершина (X°), влияющая на позицию клитик благодаря своей грамматической семантике. В [Циммерлинг 2002: 85] Барьеры первого типа названы коммуникативными, а Барьеры второго типа – грамматикализованными. И коммуникативные, и грамматикализованные Барьеры могут быть как обязательными, так и факультативными, при этом универсальных корреляций между семантикой категорий предложения, например, операторов отрицания или буд. вр., и их способностью выступать в роли Барьеров, нет. Коммуникативные Барьеры однотипы: в роли Барьера обычно выступают группы со статусом Темы, особенно – Контрастной Темы или Темы, впервые введенной в рассмотрение, ср. наблюдения за материалом разных языков в [McConvell 1996: 324; Зализняк 1993: 288]. Вместе с тем, группы со значением инвертированной или

лингвистику. В употреблении термина мы следуем за А. А. Зализняком, а не за Н. Хомским.

эмфатической Ремы тоже могут быть Барьерами. Общая схема Барьера португальского типа, меняющего конфигурации с энклизой на конфигурации с проклизой, дается в (xiii).

(xiii) Евр. порт. [V – CL] \Rightarrow {Barrier [XP/X]} ... [CL–V].

С позиций хомскианского синтаксиса схему (xiii) можно трактовать по-разному – либо как проявление того, что клитика перемещается в пределах ГТ, и уже упорядоченное поддерево предложения подверглось перестройке, либо как следствие того, что при наличии Барьера стандартный механизм деривации дает сбой, и нейтральный для евр. порт. порядок с энклизой не порождается, ср. обсуждение в [Rouveret 1999: 653–656]. Эта проблема касается способа задания ограничений: в плане формальных грамматик эффект Барьера в любом случае описывается в терминах контекстно-зависимых правил, которые современные минималистские грамматики, ср. [Stabler 1997; Chomsky 2005], в полном объеме формализовать не могут, см. [Perekrestenko 2007]. Барьеры из (xiii) имеют два нетривиальных для типологии свойства: а) Правило Барьера действует *справа налево*, сдвигая клитики к началу клаузы, б) Барьер находится за пределами области, где предположительно перемещаются клитики¹⁶. Похожие или идентичные Правила Барьера были выделены П. Макриджем для языка ранненовогреческого периода и П. Мак-Конвеллом для австралийских языков гуринди и мудбурра [McConvell 1996: 318–323]. Все эти языки в рамках нашей классификации являются V-системами или W*-системами.

В W-системах и тех W⁺-системах, где цепочки имеют фиксированное место относительно левой границы клаузы и при коммуникативно нейтральном порядке слов перед ними может стоять ровно одна группа предложения, Правила Барьера не смещают клитики ближе к началу клаузы и действуют *слева направо*. При этом нет независимого подтверждения тезису о том, что Барьер стоит за пределами той области, где перемещаются предикатные клитики¹⁷. Обозначим начальную группу символом [XP], цепочку клитик a, b – символом [_{CLP} ab]. Запись [BARRIER^{ab} [XP]] читается «группа XP является барьером для всех клитик в цепочке ab». Формула (xiv) обобщает наиболее распространенный в W- и W⁺-системах случай, когда все клитики цепочки под воздействием начального Барьера уходят на шаг вправо.

(xiv) XP – [_{CLP} ab] \Rightarrow [BARRIER^{ab} [XP]] – YP – [_{CLP} ab].

¹⁶ Т. е. имеются минимум две линейные позиции [_x...] ~ [_y...], которые клитика *k* может занимать в предложениях с разным составом элементов.

¹⁷ Такие подтверждения находятся только в теориях лингвистов, которые стремятся объяснить эффект Барьера несинтаксически, например, тем, что после начальной топиальной группы имеется пауза, [Radanović-Kocić 1996: 441], ср. [Herd 2003: 75] или тем, что начальный элемент клаузы не может принимать клитики в силу неподходящей просодии, ср. [Anderson 1993; Halpern 1996: x] или тем, что начальная группа клаузы является слишком длинной, ср. [Зализняк 2008: 48]. Ни одно из данных объяснений не покрывает всех имеющихся фактов.

Как впервые показал А. А. Зализняк [Зализняк 1993: 288], возможны Барьеры, действующие только на часть кластеризуемых клитик. Этот случай отражен формулой (xv). Запись [BARRIER^a [XP] читается «группа XP является Барьером для клитики а, входящую в цепочку ab». Если в предложении имеются клитики а и b, Барьер данного типа приводит к расщеплению цепочки.

(xv) $XP - [_{CLP} ab] \Rightarrow [BARRIER^a [XP] - [_{CLP} b] - YP - [_{CLP} a]$.

В [Zimmerling, Kosta 2013] Барьеры типа (xiv), сохраняющие цепочку, названы слепыми, а Барьеры типа (xv), вызывающие разрыв цепочки – селективными. И слепые, и селективные Барьеры могут быть как факультативными, так и обязательными. В большинстве описанных случаев, категорией предложения YP, отделяющей Барьер от цепочки в (xiv) или части клитик цепочки в (xv), является глагол, что отмечено в [Ćavar, Wilder 1999] для сербхорватского, в [McConvell 1996: 324] для билинара, в [Werle 2002] для вакашского языка мака, в [Циммерлинг 2002: 87] для словацкого, в [Зализняк 2008: 123] для древнерусского.

3.6. Копирование клитик

Разновидностью селективного Барьера является обнаруженный на 100 лет раньше механизм копирования клитики (clitic copying), когда идентичные клитики одновременно присоединяются к начальному элементу клаузы и к неначальному глаголу: $XP/X = a V = a$. Первым на факультативный повтор клитики указал (на древнегреческом материале) Я. Ваккернагель [Wackernagel 1892: 390], аналогичные факты были выявлены в древнерусском, древненовгородском, хеттском, новогреческом [Циммерлинг 2002: 92], мака, дитидат, цесхат [Werle 2002a]. Приведем пример из языка цесхат, где цепочка клитик присоединяется к начальному элементу, а часть кластеризуемых клитик, включая показатель пассива-инверсива = 'at, может также присоединяться к неначальному глаголу.

(18) Цесхат $\dot{y}uuq^aa = 'at = \lambda aa$?aha - čil = 'at.

Подобным образом $CL_{ПАСС.ИНВ}$ $CL_{ИТЕР}$ прогонять-прф. $CL_{ПАСС.ИНВ}$.
 'Его подобным же образом опять отогнали от меня'¹⁸.

Диахроническая тенденция, стоящая за примерами с копированием клитик, неясна: теоретически возможен как процесс отрыва клитики уровня предложения от цепочки и вовлечения ее в ГГ, так и обратный процесс отрыва приглагольного элемента от глагола и превращения ее в клитику уровня предложения. Для синхронного анализа решающее значение имеет, где находится позиция кластеризации и имеет ли копируемая клитика свою клетку в Правиле Рангов данного языка. Поскольку, по имеющимся описаниям, кластеризация клитик в цесхат происходит в позиции после начального элемента, а не в позиции после глагола, а клитика = 'at упорядочивается Правилем Рангов и имеет свою клетку, нет осно-

¹⁸ Пример из [Werle 2002a].

ваний отказываться от гипотезы, что примеры типа (18) порождаются Правилем Барьера типа (xv), с поправкой на то, что клитика не устранена в позиции базового порождения.

3.7. Рабочие гипотезы

Проверим, подтверждают ли славянские языки охарактеризованную в 3.1–3.6. типологию систем порядка слов с цепочками клитик и повторим ключевые гипотезы:

- Цепочки клитик, порождаемые Правилами Рангов, устанавливающими порядок $a > b$ для любой пары кластеризуемых клитик (a,b), состоят из синтаксических элементов одного уровня. Внутри цепочки не может проходить граница между невложенными друг в друга синтаксическими областями.
- Цепочка нетождественна последовательности смежных клитик. Такие последовательности могут возникать в силу того, что общее число клитик в языках, имеющих цепочки, больше общего числа кластеризуемых клитик. Цепочки предикатных клитик могут присоединяться к группе, в составе которой уже есть клитики того же самого или другого типа.
- Кластеризация происходит в строго определенной синтаксической позиции. Контекстно-зависимые Правила Барьера могут переносить цепочку или часть клитик цепочки в другие позиции.
- Правила Барьера типа (xiii), действующие справа налево, возможны лишь в языках, где цепочки предикатных клитик не имеют фиксированной позиции относительно левой границы клаузы, т. е. в V-системах и W*-системах.
- Правила Барьера типа (xiv) и (xv), действующие слева направо, характерны или являются диагностическими для языков, где цепочки предикатных клитик имеют фиксированную позицию относительно левой границы клаузы, т. е. в W-системах и W⁺-системах.
- Четырех типов – W-систем, W⁺-систем, W*-систем, V-систем, выделенных с помощью двух пар признаков – ‘± обязательное контактное положение цепочек и глагола’ и ‘± фиксированная позиция цепочек и глагола относительно границ клаузы’ – достаточно для описания всех языков с цепочками клитик.

3.8. Славянские языки

Славянский ареал, наряду с центральнофилиппинским [Peng, Billings 2006] и австралийским [Mushin, Simpson 2008], является одним из регионов, для которых системы с цепочками клитик наиболее характерны. В отличие от многих австралийских языков, находящихся в угрожаемом положении, славянские языки с цепочками представлены большим числом говорящих и большим числом памятников: во многих случаях ограничения, связанные с постановкой клитик, закреплены в литературной норме. Кроме того, славянские языки имеют длительную письменную историю: цепочки доступны для наблюдения на протяжении ок.

1000 лет. Системы порядка слов с цепочками действуют и в языках национальных меньшинств, таких как бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины и некоторых диалектах, ср. карпатский украинский диалект с. Синевир. Проверим, насколько точно выделенные выше типы – W-, W⁺-, W*- и V-системы характеризуют синтаксические ограничения. Классификация славянских систем порядка слов обсуждается в [Dimitrova-Vulchanova 1999; Franks, King 2000; Franks 2009; Zimmerling, Kosta 2013].

3.8.1. Местоименные клитики и кластеризация

Славянские системы порядка слов делятся на две группы. В одной, куда входят все южно- и западнославянские языки, есть грамматикализованные ограничения на употребление кластеризуемых клитик, а среди последних имеются специальные кластеризуемые формы местоимений в косвенном падеже – дат. п., вин. п., иногда – род. п. В другой группе, куда относятся современные восточнославянские языки – русский, белорусский, украинский, таких грамматикализованных ограничений нет. М. Димитрова-Вулчанова и А. Кардиналетти признают релевантным наличие/отсутствие местоименных кластеризуемых клитик, но правильнее брать в качестве диагностического признака наличие кластеризуемых клитик любых разрядов. Между параметрами «наличие местоименных клитик» и «наличие кластеризуемых клитик» в славянских языках есть прозрачная связь:

- Славянские языки, имеющие специальные формы местоименных клитик, имеют и неместоименные кластеризуемые клитики, а славянские языки, не имеющие местоименных клитик, не имеют кластеризуемых клитик вообще.

Древнейшие памятники восточнославянских диалектов – новгородского и южнорусских – демонстрируют состояние, когда кластеризуемые клитики были употребительны [Зализняк 2008: 24–66]. Утрата этого разряда клитик в восточнославянском ареале является вторичным процессом [Jakobson 1971]. Славянские кластеризуемые клитики, как правило, – слоговые элементы с вокалическим ядром: большинство из них односложны, но некоторые связки, представляющие поздние слои клитизации, могут быть двусложными, ср. слов. *boto* «мы будем», др.новг. *есме* «мы есть».

3.8.2. Разряды кластеризуемых клитик

Кластеризуемые клитики в славянских языках относятся к одному из четырех разрядов. 1) местоименные аргументные клитики в дат. п., вин. п., род. п.; 2) местоименные возвратные клитики в вин. п. и дат. п.; 3) связочные клитики – формы служебных глаголов «быть» и, реже, «хотеть»¹⁹; 4) частицы (показатели вопроса и дискурсивные маркеры). В большинстве языков засвидетельствованы цепочки из

¹⁹ Вспомогательный глагол буд. вр. в ряде балканских языков.

клитик всех четырех типов, но есть исключения. В польском связка «быть» обычно клитизируется к глаголу и редко образует общие цепочки с местоимениями, см., однако, примеры (28–33) из предыдущей главы. В болгарском, македонском и древненовгородском [Зализняк 2008: 35–36] возвратные клитики попадают в те же клетки, что аргументные местоимения. Местоименные клитики представлены особой серией форм: все или большинство этих форм морфологически отличны от полноударных местоимений, представляющих те же грамматические значения. Ср. в древненовгородском диалекте пары клитика vs полноударное местоимение (клитики указаны первыми).

Аргументные клитики в дат. п.: 1–2 л. ед. ч. *ми* -*мнѣ*, *ти* – *тобѣ*; 1–2 л. мн. ч. *ны*-*намъ*, *вы* – *вамъ*; 1–2 л. дв. ч. *на-нама*; *ва-вама*;

Аргументные клитики в вин. п.: 1–2 л. ед. ч. *ма* – *мене*, *та* – *тебе*; 1–2 л. мн. ч. *ны-нас*, *вы* – *васъ*; 1–2 л. дв. ч. *на-наю*, *ва-ваю*. 3 л. ед. ч. *и* – *юго*, *ю* – *юсъ*, *ѣ* – *ихъ*, *ѡ* – *ихъ*.

Возвратные клитики: *Си* – *собѣ* (дат. п.); *са* – *себе* (вин. п.)²⁰.

Древненовгородские серии полноударных местоимений и клитик асимметричны: клитик 3 л. дат. п., морфологически отличных от полноударных форм, нет. В современных языках серии полноударных местоимений и клитик дат. п., вин. п., род. п. обычно симметричны. Местоименные клитики почти всегда короче парных им форм ударных местоимений. Сегментный состав славянских местоименных клитик на синхронном уровне нельзя объяснить редукцией полноударных форм: уже морфология этих элементов указывает на их статус клитик. Связки и частицы либо не имеют полноударных соответствий, либо различие клитика vs ударная словоформа не манифестируется на письме. Поэтому вопрос о том, является ли та или иная связка клитикой или нет, решается для древних славянских языков с опорой на позиции, которые этот элемент занимает, а в новых – еще и с учетом просодии фразы.

3.8.3. Кластеризация и синтаксическая область

В славянских языках клитики уровня предложения образуют цепочки, а клитики уровня непредикативных групп – нет. Этот принцип распространяется и на морфемы, которые могут выступать и как сентенциальные, и как групповые клитики. Таковы местоименные клитики дат. п. Если они употреблены как аргументы предиката, они образуют цепочки с местоимениями в вин. п. и прочими клитиками. Если же они выступают в качестве притяжательных маркеров в ИГ, что имеет место в болгарском и македонском языках и в древнерусском языке, они некластеризуемы. См. болгарские примеры (19а-с). В (19а) клитика *ми*_{1ДАТ.ЕД.} «мне» / «мой», «моя», «мое» относится к уровню ИГ, в (19б) клитика *им*_{3ДАТ.МН.} является аргументом предиката *ясно* и образует цепочку со связочной клитикой *е*_{ЕД.ПРЗ.}

²⁰ Подробнее см. [Зализняк 1993: 290].

- (19) болг. а. Естественно, [_{ДР} основната=**ми** задача] бе добре да=**се** натренирам²¹.
 ‘Конечно, [_{ДР} **моя** основная задача] была хорошо потренироваться’.
 букв. ‘конечно, [_{ДР} основная=**мне** задача] была хорошо да=**ся** потренирую’.
- б. [_{ДР} На хората в шаха]₁=**им**₁=**е** ясно кой кандидат с какво може да допринесе.
 ‘Людам в шахматах ясно, кто из кандидатов что может привнести’.
 букв. ‘[_{ДР} людям в шахматах]₁ =**им**₁=**есть** ясно, который кандидат что может да привнесет’.

Вторым разрядом форм, которые в зависимости от ранга группы могут быть как кластеризуемыми, так и некластеризуемыми, являются клитики вин. п. Если они употребляются как аргументы предиката, то образуют цепочки. Если же местоимения вин. п. клитизируются к предлогу, что возможно в старославянском, древнерусском и сербохорватском, они теряют кластеризуемые свойства. В [Ćavar, Wilder 1999: 445] указано еще одно отличие форм вин. п. в составе ПГ от аргументных форм вин. п.: формы вин. п., находящиеся в составе ПГ, не выносятся из своей группы.

- (20) Срб.-хрв. а. da=**je** Ivan računao [_{РР} na=**me**].
 ‘Что Иван рассчитывал на меня’.
 букв. ‘что=**есть**_{ЗЕД.ПРЗ.} Иван рассчитывал [_{РР} na=**меня**_{1ВИН.ЕД.}]’.
- б. *срб.-хрв. da=**me**=**je** Ivan računao [_{РР} na ____].
 букв. ‘что=**меня**=**есть** Иван рассчитывал [_{РР} na ____]’.

Материально тождественные сербохорватские клитики *me*_{1ВИН.ЕД.} *te*_{2ВИН.ЕД.} относящиеся к предикатной вершине, могут перемещаться в вышестоящую клаузу.

В новгородском диалекте частица *же* является некластеризуемой, если она употребляется в отождествительном и присоединительном значениях, ср. *тотъ же, а то даль Иванъ же, съ Гюрьгемъ же съ Лукою*, и кластеризуемой в прочих случаях [Зализняк 1993: 282]. Названные употребления новг. *же* можно отнести к непредикатным, а кластеризуемое *же* считать предикатной клитикой. При определении Правил Рангов не должны учитываться связанные употребления частиц, присоединяющихся к начальным союзам и вопросительным местоимениям типа др.чеш. *jest-li-že*, хотя в диахронической перспективе такие сочетания отражают ранее существовавшие цепочки. Такие сочетания реально могут быть найдены в текстах. Ср. древнечешский пример, где свободные клитики =*by*=*se* присоединяются к союзу *jest-li-že*, в составе которого уже есть связанные клитики *-li-že*: др.-чеш.

²¹ В (19а) клитика =*ми* стоит после к опр. формы прилагательного *основна-та*. Артикль *-та* – клитика, присоединяющаяся к первому ударному слову Определенной ИГ: *основна-та задача ~ задача-та основна*. В [_{ДР} [*основна-та*]=*ми* задача] нет цепочки =*та*=*ми*: клитизация *-та* относится к морфологическому уровню (ср., с другим показателем, болг. *кой-то* «который» при *кой* «кто»), а вставки =*ми*- к синтаксису.

A trestati=*ho* budu na každy den, jest-li-že=*by=se* mému protivil učení, aby mne ve všem poslušen byl «...в том случае, если он станет противиться моему учению».

3.8.4. Распределение славянских языков с цепочками по классам

Диагностическими признаками W-систем являются фиксированная позиция цепочек в клаузе, отсутствие ограничений на место глагола при базовом порядке X/XP – CL и Правила Начальной Составляющей, определяющие возможного хозяина клитик. Правила Рангов должны упорядочивать кластеризуемые клитики одинаково во всех клаузах. Этим критериям удовлетворяют сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий [Šewc-Schuster 1976: 122–124], нижнелужицкий языки, бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины, украинский диалект с. Синевир [Толстая 2000], древненовгородский диалект. Все перечисленные языки являются W₂-системами и допускают постановку цепочек клитик после начальных ИГ. W₁-систем в славянском ареале нет.

Диагностическим для W⁺-систем является то, что в них одновременно фиксируются позиции цепочек и глагола. В них должны соблюдаться Правила Рангов и Правила Начальной Составляющей. Этим критериям удовлетворяют болгарский и македонский. Оба языка относятся к W⁺-системам филиппинского типа: (XP) – [CL – V] ~ [V – CL]. Болгарский язык непосредственно описывается формулой (vii), а македонские клитики имеют на одну позицию больше, см. (xvi).

(xvi) мак. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL] ~#[CL–V]; #..... V....#

В болгарском требование контактной позиции цепочек и глагола выдерживается одинаково строго для глагольного и неглагольного сказуемого, поэтому символ 'V' в формуле (vi) для болгарского языка можно интерпретировать просто как 'предикат'. В македонском порядок #[V – CL] в повествовательных и вопросительных клаузах с финитным глаголом невозможен, вместо него используется порядок #[CL – V], запрещенный в болгарском. В славистике принято глоссировать македонские кластеризуемые местоимения и связки как проклитики, хотя это не совсем точно, см. примеры (22), (23), (24b).

(21) мак. а. #*Си=му=ги* показвала.

$CL_{\text{3ЕД.ПРЗ.}}$ $CL_{\text{3ДАТ.ЕДМ.}}$ $CL_{\text{3ВИН.МН.}}$ показывать_{3ЕД.Ж.ПРО.}
'Ты ему их показывала'.

б. *показвала =*си=му=ги*.

В императивных и деепричастных клаузах, напротив, порядок с энклизой #[V – CL] является в македонском основным или единственным.

(22) мак. # $[_{\text{пр}} \text{оставајќи} = \text{ја}$ противничка-та далеку на основна-та линија].

оставлять_{ДЕП.} $CL_{\text{3ЕД.Ж.ВИН.}}$ соперница_{Ж.}-опр._{Ж.} далеко на основная_{Ж.}-опр._{Ж.} линия_{Ж.}
'Оставляя свою соперницу далеко от основной линии <корта>'.

В именных/связочных клаузах в македонском порядок с начальными проклитиками исключен, цепочки присоединяются к начальному элементу [Mišeska-Tomić 2004: 226].

- (23) мак. а. #Утре=му=е роденден.
завтра $CL_{\text{ЗЕД,ДАТМ}}$ $CL_{\text{ЗЕД,ПРЗ}}$ день рождения.
'Завтра у него день рождения'.
- б. #роденден=му=е утре.
день рождения $CL_{\text{ЗЕД,ДАТМ}}$ $CL_{\text{ЗЕД,ПРЗ}}$ завтра.
'Его день рождения завтра'.
- с. *#=му=е роденден утре.

Наконец, клаузы с согласуемым пассивным причастием допускают оба порядка, т. е. могут линеаризоваться и по глагольному, и по неглагольному типу [Ibid.].

- (24) мак. а. #Му=е дојден во посета.
 $CL_{\text{ЗЕД,ДАТМ}}$ $CL_{\text{ЗЕД,ПРЗ}}$ прийти_{ПАСС.ПРИЧ.ЗЕДМ} в гости
'Он пришел к нему, в гости'.
- б. Дојден=му=е во посета.
прийти_{ПАСС.ПРИЧ.ЗЕДМ} $CL_{\text{ЗЕД,ДАТМ}}$ $CL_{\text{ЗЕД,ПРЗ}}$ в гости
'то же зн.'

Тем самым, в македонском нет генерализованного распределения порядков с начальным vs начальным предикатом в клаузах, где возможны клитики. В остальном, болгарская и македонская W⁺-системы похожи и могут быть заданы общей системой правил, с минимальными модификациями, что отмечалось в [Dimitrova-Vulchanova 1999: 105], [Franks 2008: 104; Zimmerling, Kosta 2013].

W⁺-систем германского типа XP-[V-CL] ~ [V-CL] в славянском ареале нет.

Диагностическими признаками W*-систем служат нарушение пропорции базового порядка и порядков, порождаемых Правилами Барьера, окказиональные нарушения Правила Рангов, разные механизмы постановки кластеризуемых клитик в разных типах клауз. Этим критериям соответствуют старославянский язык, язык книжных древнерусских памятников, польский язык, и, возможно, кашубский язык. Старопольский язык XVI–XVII вв., скорее, был W-системой, ср. цепочки связочных и местоименных клитик, выстраиваемые по схеме $CL_{\text{AUX}} - CL_{\text{REFL}} - CL_{\text{ARG}}$ в ст.-пол. *Y nález ięzyk PolŃki rychłoby uroŃ, gdyby=*fmy=fie=go* rozmiłowali* 'И наш польский язык быстро бы вырос, если бы мы к нему хорошо относились' (L. Górnicki, 1566), но порядок возвратных и аргументных клитик не был вполне жестким, ср. в том же памятнике порядок $CL_{\text{ARG}} - CL_{\text{REFL}}$ *Ábo že=*mu=fie* przyrodzony ięzyk prawdziwie gruby widzi*²², и *Pokłonił=*sie=mu* tóniąc*. Такие колебания характерны

²² Цит. по [Taszycki 1955: 63, 68].

именно для W*-систем. Судя по описанию М. Н. Толстой [Толстая 2012а], украинские карпатские диалекты на территории Словакии (ок. г. Колбасова) по своему состоянию близки к старопольскому языку: основные колебания здесь также касаются относительного расположения возвратных и аргументных клитик. Гуцульские диалекты (например, говор с. Головы), по данным М. Н. Толстой, в целом отличаются более жестко выдерживаемыми Правилами Рангов, что в терминах нашей книги позволяет отнести их к W-системам. Однако колебания в расположении возвратных клитик касаются и этих диалектов.

Диагностическим признаком V-систем является нефиксированная позиция и глагола, и кластеризуемых клитик при локализации цепочек в ГГ. В славянском ареале V-систем практически нет, несмотря на многовековые контакты южнославянских языков с балканскими V-системами – новогреческим, албанским, румынским. Единственным диалектом, для которого гипотеза о том, что он является V-системой, уместна, является славизано или молизеслав – бесписьменный язык, на котором говорят потомки хорватских переселенцев в Молизе, провинция Кампобассо, Италия. Носители языка двуязычны. В финитных клаузах употребляются местоименные проклитики, которые могут стоять в начале клаузы. Структуры предложений с клитиками в доступных нам примерах повторяют итальянские.

- (25) а. ит. *Mi=capisci?* || б. молиз. *Ma=kapiš?* или *Ma=gazumiš?*
 ‘ты меня понимаешь?’
 букв. ‘меня=понимаешь. 2 ед. ч.’
- (26) молиз. *Ta=hočam dobra* || (калька с ит. *tì=voglio bene*)
 ‘я тебя люблю’
 букв. ‘тебе=хочу.1Sg добра’
- (27а) ит. *La=disturbo, professore?* || б. молиз. *Ta=dišturbam, profeso?*
 ‘я вам мешаю, профессор?’
 букв. ‘этим=мешаю_{1ЕД}, профессор’.

Вопреки периодически высказываемому мнению, македонский язык не является V-системой. Это видно из того, что македонский язык сохраняет ограничение на перемещение блока [V – CL] вправо дальше 2-й позиции клаузы: эволюция македонского языка в сторону V-систем возможна только в том случае, если это ограничение исчезнет и порядки #XP – [...] – [V – CL] станут грамматичны.

3.9. Правила Начальной Составляющей

W- и W⁺-системы налагают ограничения на длину и структуру начальной группы, но лишь в том случае, если в предложении есть кластеризуемые клитики. Тем самым, присутствие кластеризуемых клитик уменьшает число допустимых порядков слов. В 10 славянских W-системах и 2 славянских W⁺-системах выделяется 6 базисов кластеризуемых клитик: (А) Первая ударная словоформа, (В) Первая пол-

ная составляющая, (С) Начальная проклитика, (D) Подчинительный союз, (E) Фраза-цитата, (F) Сентенциальная составляющая. Словенский язык использует все 6 базисов²³, но большинство языков использует 3–4. Все славянские языки помещают цепочки после подчинительного союза и используют в главной клаузе опции (A) и/или (B), что соответствует формуле (ix): $XP/X^{\circ} - CL \sim \text{Comp} - CL$. Это дает право подвести три основных базиса клитик под общую категорию $XP/X^{\circ}/\text{Comp}$ [Čavar, Wilder 1999: 435].

(xvii) Панслав. $XP/X^{\circ}/\text{Comp} - CL$

Как указано выше, генерализация (xvii) не годится на роль типологического обобщения, поскольку существуют W-системы и W⁺-системы (ср. папшто, тагальский, бинукид), где цепочки клитик пропускают подчинительный союз. Во всех славянских языках порядки [Comp] – Y – CL являются производными и порождаются Правилами Барьера, при этом сам подчинительный союз может быть как ударным, так и безударным, ср. *že* в чешском. Поэтому формула (xvii) удачно описывает факты славянских языков.

Три базиса – начальные проклитики не из числа подчинительных союзов (С), фразы-цитаты (E) и сентенциальные составляющие (F) являются дополнительными. Опции (E) и (F) сходны в плане просодии – клитики помещаются после фразы с несколькими ударными словами, но требуют разного синтаксического анализа: фразу-цитату из прямой речи в контексте ‘{«...»} – CL – сказал X’ можно отнести к предшествующей области, а сентенциальную составляющую в контексте ‘{что P} – CL – видел X’ отнести к ней нельзя. Параметр, разрешающий опцию (E) независимо от типа клаузы, есть только в словенском²⁴. В этом языке действует параметр Clitic Climbing, разрешающий вынос клитик в вышестоящую клаузу. Ср. выше пример (11), где клитики главной клаузы =*se*=*je*=*že* присоединяются к придаточному, уже имеющему в своем составе порожденные внутри него другие кластеризуемые клитики =*smo*=*se*. Такая возможность реализуется в результате сочетания двух факторов. Один собственно синтаксический: алгоритм расстановки кластеризуемых клитик в словенском, в отличие от других славянских языков, носит последовательно циклический характер. Он действует «снизу вверх», начиная с самой нижней клаузы, и может повторяться несколько раз, пока не дойдет до матричной клаузы. Второй фактор несинтаксический: словенские кластеризуемые клитики, в отличие от болгарских и сербохорватских, не являются строгими энклитиками, употребляются после паузы и в определенных контекстах выносятся в начало предложения. Поэтому позиция после сентенциальной составляющей, длина которой не фиксирована, может приравниваться к позиции после паузы.

²³ За исключением случая, когда постановка цепочки клитик после первой ударной словоформы сопряжена с разрывом начальной группы предложения.

²⁴ Болгарский язык разрешает постановку кластеризуемых клитик после условного и временного придаточного, ср. болг. [_{ср} *Докато*=*се чудеше* как да *постъпи*], =*се върна жена*=*му*. На примеры данного типа наше внимание обратила Е. Ю. Иванова.

3.10. Правила Рангов

Правила Рангов славянских языков строятся по Категориальному Принципу [Zimmerling, Kosta 2013], когда блоки клитик, представляющих общую синтаксическую категорию, не пересекаются. Блок старых частиц индоевропейского происхождения (ср. др.-новг. =же, =ли, =бо, =ти, =бы) везде стоит левее блока местоимений.

3.10.1. Ареальные типы Правила Рангов

Правила Рангов славянских языков делятся на три ареальных типа, куда относятся как новые, так и древние языки. Ареальные типы отличаются местом презентных форм индикатива связки «быть». Обозначим позицию связок перед блоком местоимений как AUX1, а позицию после блока местоимений как AUX2. В Новгородском Типе презентные клитики 1–2 л. индикатива попадают в AUX2, а связочные клитики 3 л. отсутствуют [Зализняк 1993: 285]. Это позволяет описать древненовгородский/восточнославянский тип формулой (xi).

(xviii)др.-новг. – вост.-слав. [_{CLP} Particles [_{CLP} Pronouns: Dat – Acc] [_{CLP} AUX2]]

Частицы					Местоимения		Связка «быть» в наст. времени индикатива
1	2	3	4	5	6	7	
Affirm	Quest	Cause	Evid	Opt	Dative	Accusative	1-2 Sg. Pl. Du.
ЖЕ	ЛИ	БО	ТИ	БЫ	МН, ТИ СИ, НЫ, ВЫ, НА, ВА	МА, ТА, СА, НЫ, ВЫ, НА, ВА, И, Ю, К, Ю, ТА	КСМЬ, КСИ, КСМЕ, КСТЕ, КСВЪ, КСТА

РИС. 3. Правило Рангов в древненовгородском диалекте, по [Зализняк 2008: 28]²⁵

Формуле (xviii) соответствуют древнерусский язык XIII–XVI вв., и, оговорками, диалект с. Синевир, где презентных связок индикатива 3 л. нет. В западнославянском типе презентные связки индикатива попадают в AUX1, вместе с полной парадигмой оптативных клитик (*бух, *bys, *by и т. д.), если таковые имеются.

²⁵ А. А. Зализняк использует Правило Рангов на рис. 3 как для описания древненовгородского диалекта, так и для описания диалогических фрагментов языка древнерусских летописей, синтаксическая система которых идентична или близка [Зализняк 1993: 280–285]. Применимость Правила Рангов на рис. 3 непосредственно к корпусу новгородских грамот требует двух оговорок, которые делает А. А. Зализняк в книге 2008 г. [Зализняк 2008: 31–32]. Во-первых, частица бо (ранг 3) в берестяных грамотах не представлена. Во-вторых, в корпусе грамот нет бесспорных примеров, где контактная последовательность частиц =ти₁=бы трактуется как цепочка: грамоты 389 и 413 допускают альтернативное толкование.

(xix) зап. сл. [_{CLP} Particles [_{CLP} AUX1] [_{CLP} Pronouns: Refl – Dat – Acc]].

В каноническом виде формулу (xix) показывает чешский язык, где клетка AUX1 объединяет кластеризуемые формы связок в индикативе и конъюнктиве.

Частицы	Связки	Местоимения			Частицы	
Particle1	AUX1 * <i>byti</i>	REFL	DAT	ACC	Particle 2	Particle3
1	2	3	4	5	6	7
=li	Формы индикатива 1–2 Sg = <i>jsem</i> , = <i>jsi</i> , 1–2 Pl = <i>j sme</i> , = <i>j ste</i>	= <i>se</i> , = <i>si</i>	I. неомонимичные: = <i>mí</i> , = <i>tí</i> , = <i>mu</i> , = <i>ji</i>	I. неомонимичные: = <i>mě</i> ; = <i>te</i> , = <i>ji</i> , = <i>to</i>	= <i>tu</i> ‘здесь’, = <i>nž</i> ‘уже’ = <i>prý</i> ‘мол’	= <i>asi</i> ‘наверное’
	Формы конъюнктива 1–3 Sg = <i>bych</i> , = <i>bys</i> , = <i>by</i> , 1–3 Pl = <i>bychom</i> , = <i>byste</i> , = <i>by</i>		II омонимичные: = <i>nám</i> , = <i>vám</i> , = <i>jim</i>	II омонимичные: = <i>nás</i> , = <i>vás</i> , = <i>jich</i>		

РИС. 4. Правило Рангов чешского языка, по [Hana 2008]

Формуле (iii) соответствуют чешский, древнечешский, верхне- и нижнелужицкие языки, старопольский, и, с оговорками, словацкий и польский. Словацкое Правило Рангов, показанное выше на рис. 2, отклоняется от западнославянского типа прежде всего в том отношении, что связки 3 л. в ней полностью отсутствуют, а кластеризуемый показатель конъюнктива =*by* остается в блоке частиц и может употребляться одновременно с формами индикатива связки «быть», см. выше пример (13).

В балканском типе презентные формы связки «быть», кроме 3 л. ед. ч. *je*, попадают в AUX1, а 3 л. ед. ч. *je* в. AUX2.

(xx) Балк. сл. [_{CLP} Particles [_{CLP} AUX1] [_{CLP} Pronouns: Refl + Dat + Acc + Gen] [_{CLP} AUX2]]

Формуле (xx) точно соответствуют сербохорватский, словенский, болгарский, македонский, бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины. При этом позиция AUX1 может пополняться связками конъюнктива и формами служебного глагола буд. вр. **xotěti*, а позиция AUX2 в словенском языке пополняется за счет клитизации служебного глагола буд. вр. **byti* (слов. *bodo*, *bomo*, *bosta* и т. д.).

Частица	Связка 1	Местоимения			Связка 2
		3	4	5	
1	2	3	4	5	6
да-нет вопрос	связки наст. вр. глагола «быть», кроме формы 3 л. ед.ч. связки 1-3 л. оптатива глагола «быть». Связки 1-3 л. буд.вр	местоимения в дат. п.; Возвратное местоимение в дат. п. (если используется)	Местоимения в вин.п. и род. п.	Возвр. Местоимение в вин. п.	3 л. ед. ч. связки наст. вр. глагола «быть»
=li	1-2 Sg. =sam, =si ₁ ; 1-3 Pl. =smo, =ste, =su	1-3. Sg. =mi, =ti, =mu _{3MN} , =joj _{3P} 1-3 Pl. =nam, =vam, =im	1-3 Sg.: =me, =te, =ga _{3MN} , =je _{3P} (~ju _{3P}); 1-3 pl.: =nas, =vas, =ih.	=se	=je
	Sg. =ću, =ćeš, =će; pl. =ćemo, =ćete, =će	Refl. =si ₂			
	Sg. =bih, =bi, =bi; Pl. =Bismo, =biste, =bi				

РИС. 5. Правило Рангов в сербохорватском языке, по [Browne 2007]

Прочие параметры, такие как порядок возвратного и аргументных местоимений, имеют меньшее классификационное значение. В крупных славянских языках генерализован порядок Dat > Acc и используется Иерархия Падежа (Case Hierarchy), когда все клитики дат. п. предшествуют всем клитикам вин. п. Есть диалекты, где генерализован обратный порядок Acc > Dat или используется Иерархия Лица-и-Падежа (Case-and-Person hierarchy), когда местоимения разных лиц попадают в разные клетки Правила Рангов. Нетривиально устроены два Правила Рангов, выделенные У. Брауном в малых балканских языках – в бургенландском хорватском [Browne 2007] и в русинском [Browne 2008]. В этих языках формы разных лиц местоимений вин. п. и дат. п. занимают разные клетки. Это означает, что в данных языках блок местоименных клитик упорядочивается Иерархией Падежа-и-Лица. В бургенландском хорватском эта Иерархия имеет следующий вид:

(xxi) бург. хорв. Dat > Acc 1-2. Sg-Pl. > Acc 3 Sg-Pl.

Такое соотношение возникает из-за того, что форма возвратного местоимения бург. хрв. =se (учитываемого Правилем Рангов ввиду параметра Clitic Climbing), вклинивается между личными местоимениями вин. п. 1–2 л. и личными местоимениями 3 л. В русинском языке Воеводины Иерархия Падежа-и-Лица имеет вид:

(xxii) русин. Dat 2Sg. > Dat 1,3Sg & 1-3 Pl. > Acc.

Такое соотношение возникает из-за вставки формы возвратного местоимения русин. =*ше* между личными местоимения 2 л. ед. ч. русин. =*ци* и прочими формами дат. п.

Действие иерархии Падежа-и-Лица, скорее всего, является причиной отклонений от порядка дат. п. > вин. п. в некоторых хорватских диалектах и региональных вариантах сербохорватского языка, отмеченных Д. Чаваром [Čavar, Wilder 1999]. В то же время, в некоторых диалектах словенского языка порядок вин. п. > дат. п. обобщен²⁶.

3.10.2. Упорядочение клитик внутри блоков Правила Рангов

Исторический Принцип, когда элементы, представляющие поздние слои клитизации, помещаются правее уже существующих клеток, носит в славянских языках вспомогательный характер и используется при построении блоков кластеризуемых частиц, и, возможно, местоимений [Циммерлинг 2002: 82], но нигде не является общим принципом формирования Правил Рангов²⁷. Гипотеза о том, что в паре смежных клитик a° , b° , входящих в блоки разных категорий $_{CLP} \dots a^\circ$ [$_{CLP} b^\circ \dots a^\circ$] всегда представляет более ранний слой клитизации, чем b° , фальсифицируется материалом: так, частица *бы*, стоящая последней в блоке новгородских частиц, была вовлечена в Правило Рангов заведомо позднее непосредственно следующих за ней местоименных клитик в дат. п. [Циммерлинг 2009а: 273]. Описанный на материале филиппинских языков Просодический Принцип, когда односложная клитика, независимо от ее категории, ставится перед двусложной [Billings, Konopasky 2002], в славянских языках не используется: нет свидетельств, что число слогов может служить фактором, перекрывающим действие Категориального и Исторического Принципов.

3.11. Правила Барьера

Определения Барьеров были даны выше в разделе 3.5. и в гл. 2. Здесь отдельно рассматриваются Барьеры придаточных и Барьеры главных клауз.

3.11.1. Барьеры Придаточного

Барьеры Придаточного, порождающие производный порядок [Comp] – Y – CL, встречаются в W-системах, ср. чешский пример (28), W*-системах, ср. польский пример (29) и W⁻-системах, ср. болгарские примеры (30а-б).

²⁶ Такой же разброс систем с порядком клитик дат. п. > вин. п. и систем с порядком клитик вин. п. > дат. п. наблюдается в западнонорвежских диалектах, при том что в древне-норвежских памятниках был унифицирован порядок дат. п. > вин. п., см. [Циммерлинг 2002: 474].

²⁷ Согласно М. Н. Толстой [Толстая 1991: 202], тезис о том, что Правило Рангов в древне-сербском языке строится в соответствии с Историческим Принципом, когда более старые по происхождению энклитики предшествуют более новым, в свое время отстаивал И. Грицкат [Грицкат 1972: 95].

- (28) чеш. Helena řikala, že (1) {_{Contr. Topic} [BARRIER] [Petra] [do Francie]} (2)=*bych* (3) ještě poslal, ale Martina do Mařarska ani náhodou²⁸.
 ‘Хелена сказала, что Петра во Францию я, мол, бы еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что.’
 букв. ‘Хелена сказала, что (1) {[BARRIER] [Петра] [во Францию]} (2)=*бы.я* (3) еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что’.
- (29) пол. Powiedział, [_{CP} że [_{VP} to zrobili]=*by=śmy*].
Powiedział, że to zrobili = by =śmy.
 Сказать.3SG что.COMP это-ACC.SG делать-1PL.PFV =COND =AUX.1PL
 ‘он сказал, что нам следовало бы это сделать’.
 букв. ‘Он сказал, что [_{VP} это _{ЕД.ВИН.СР.} сделали]_{МН.}=*бы* _{СОСЛ.}=*есме* _{ИМН.}’.
- (30) болг. а. Той каза, [_{CP} че (1)=*съм=му=я* (2) бил дал книгата].
 ‘Он сказал, что, я мол, уже отдал ему эту книгу’.
 букв. «Он сказал, [_{CP} что (1)=*есъм=ему=ее*(2) отдал.ранее книга-опр.]».
- б. Той каза, [_{CP} че (1) {_{Topic}[_{NP} книгата]} (2)=*съм=му=я* (3) бил дал].
 букв. «Он сказал, [_{CP} что(1) {_{Topic}[_{DP} книгата]} (2)=*есъм.=ему=ее* (3) отдал.ранее].».

3.11.2. Барьеры Главного Предложения и начальные ансамбли

Барьеры Главного Предложения, порождают порядок [BARRIER [XP]] – V – CL в производных, часто коммуникативно маркированных, высказываниях с контактным положением глагола и кластеризуемых клитик. Чаще всего начальная группа, выступающая в качестве Коммуникативного Барьера, имеет статус темы или контрастной темы, см. (31) и (32).

- (31) др.-новг. [BARRIER {_{Topic} [_{PP} **В недоборехъ**]}] || плати=*ми=ся* животиною
 (Грамота 463, к. XIIIв. – н. XIV в.).
 ‘В случае недоборов расплачивайся со мной скотом’.
- (32) болг. [BARRIER {_{Topic} [_{PP} **В чекмеджито**]}] || имало =*ли=е* пари?
 ‘Были ли деньги в ящике?’
 букв. ‘[BARRIER[**В ящике.опр.**]] || имело=*ли=есть*3Sg деньги?’

Последовательность [BARRIER [XP]] – V – CL, при которой возникает порядок V2, возможна в болгарском только в вопросах. В повествовательных клаузах болгарский язык запрещает порядок V2 при наличии клитик:

²⁸ В чешском языке союз *že* «что» может принимать клитики. Порядок слов в (28) является коммуникативно маркированным.

- (33) болг. *[BARRIER {_{TopicP} [_{PP} **В чекмеджито**]}] || имало=е пари.
Подр. зн. 'в ящичке были деньги'.
- (34) болг. *[BARRIER {_{TopicP} [_{PP} **На Иван**] [_{DP} **книгата**]}] върнал=съм=му=я.
Подр. зн. 'Я вернул эту книгу Ивану'.

Запрет на Барьеры Главного Предложения и порядок V2 в примерах (32)–(33) можно было бы объяснить тем, что контактная последовательность клитик и глагола возникает в болгарском уже на уровне базового порядка слов XP– [CL–V]: болгарский является W⁺-системой, соответственно, начальные топикальные Барьеры не могут сдвинуть кластеризуемые клитики с их канонического места и создать инвертированный порядок XP– [V–CL]. Однако некоторые W-системы, как чешский язык, в коммуникативно маркированных высказываниях с вынесенной в начало клаузы топикальной группой тоже не используют Правило Барьера. Более того, отсутствие Барьеров Главного Предложения в невопросительных клаузах скоррелировано в болгарском и чешском с возможностью объединения нескольких групп в рамках коммуникативной составляющей при базовом порядке XP – CL. Группы вида {_{TopicP} [_{XP} [XP1] [XP2]]}, вынесенные перед цепочкой клитик, мы вслед за [Kosta, Zimmerling 2012] назовем ансамблями. Примером начальных ансамблей служит чешское предложение (35) и болгарское предложение (36).

- (35) чеш. {_{Contr. Topic} [_{XP} [**Petra**] [**do Francie**]]}=*bych* ještě poslal, ale Martina do Maďarska ani náhodou.
'Я бы послал Петра во Францию, но никогда Мартина в Венгрию'.
букв. «[_{XP}[Петра] [во Францию]]=*бы.я* еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что».
- (36) болг. {_{TopicP} [_{PP} **На Иван**] [_{DP} **книгата**]} =съм=му=я върнал.
'Я вернул эту книгу Ивану'.

Итак, эффект Коммуникативного Барьера не связан с типом клитик: клитики 2-й позиции в чешской W-системе, где нет запрета на дистантное расположение глагола и клитик, и предполагаемые приглагольные клитики в болгарской W⁺-системе, где такой запрет есть, ведут себя в данном отношении одинаково.

3.11.3. Инверсия *ли* в болгарском языке

В болгарском есть один тип Грамматикализованного Селективного Барьера, отсутствующий в других славянских языках – т. н. «инверсия *ли*». Во всех славянских языках, включая болгарский, механизм селективного Барьера обычно разрывает цепочку, перемещая те клитики, на которые он действует, в следующее фонетическое слово, см. формулу (xxiii). В болгарском, кроме того, в случае, когда в предложении одновременно имеются кластеризуемая частица *ли* и базы *не* «отрицание» или *ще* «буд. вр», используется механизм (xxiv), когда цепочка не разрывается, а *ли* уходит на один шаг правее своего обычного места: болг. **не=ли=си=му* ⇒ *не=си=ли=му*.

- (xxiii) панслав. $*[\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = a^{\circ} b^{\circ} c^{\circ} \Rightarrow [\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = b^{\circ} c^{\circ} [\text{YP} Y] = a^{\circ}$
 (xxiv) болг. $*[\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = a^{\circ} b^{\circ} c^{\circ} \Rightarrow [\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = b^{\circ} a^{\circ} c^{\circ}$

С. Фрэнкс видит в «инверсии *ли*» подтверждение того, что болг. *ли* не является кластеризуемой клитикой и объединяется с болгарскими связками и местоимениями на поверхностно-фонетическом уровне [Franks 2008: 98]. Есть основания отвергнуть этот вывод и трактовать отход болг. *ли* вправо в терминах Барьеров, поскольку параллельно болгарский язык сохранил панславянский механизм с выносом *ли* в следующее фонетическое слово. Пример (37с), соответствующий панславянской формуле (xxiii), возможен в специальном прагматическом контексте эхо-вопроса, в то время как пример (37b), соответствующий (xxiv), имеет иллюкативную силу подлинного вопроса. Запрет на исходную последовательность (37a) показывает, что Грамматикализованный Барьер при наличии нежелательной последовательности *не + ли* обязателен, а (37b-с) показывают, что болг. *не* не служит Барьером для связочных и местоименных клитик.

- (37) болг. а. *Ти не=[_{CLP} ли=си=му] дал пари?
 Подр. зн. 'Дал ли ты ему деньги?'
 б. Ти [^{BARRIER}_a [_{NEG} не]] ___a =си^b=ли^a=му^c дал пари?
 'Дал ли ты ему деньги?'
 с. ?Ти [^{BARRIER}_a [_{NEG} не]] ___a =си^b =му^c дал=ли^a пари?
 '(Ты на самом деле говоришь), что ты дал ему деньги?!'

Слависты склонны представлять инверсию *ли* как уникальное явление. В действительности, специфика болгарской системы состоит не в комбинаторике *ли*, а в статусе операторов общего отрицания *не*, и буд. вр. *ще*, которые имеют фиксированную позицию в клаузе [Dimitrova-Vulchanova 1999: 91] и притягивают к себе цепочки при порядках XP – *не/ще* – CL – V ~ *не/ще* – CL – V. Тем самым, болг. *не*, и буд. вр. *ще* выступают как базы, притягивающие цепочки энклитик, при этом сами элементы *не/ще* могут выступать в роли начальных проклитик, либо стоять в после начальной группы в XP. В других славянских языках баз кластеризуемых клитик нет. В близкородственном македонском языке место общего отрицания не фиксировано, а оператор буд. вр. *ќе* сам является кластеризуемой клитикой, ср. [Mišeska-Tomić 2004: 205]. В то же время, базы кластеризуемых клитик есть в других языках, например, в хеттском, варьальпир и дьяру [Mushin 2004]. База *nga* в дьяру имеет ту же дистрибуцию и просодическую характеристику, что и болг. *не/ще* и при этом является селективным Барьером для некоторых кластеризуемых клитик [Tsunoda 1988: 130]. Если цепочки клитик в дьяру и болгарском присоединяются не к базе, а к другой категории предложения, перестановок внутри цепочки нет. То же самое отмечает для языка мудбурра (W*-система) П. Мак-Конвелл [McConvell 1996: 304]. Здесь база *pa* (презентная связка) может стоять как в начале клаузы, так и внутри нее, см. (38a-b).

- (38) мудб. а. *jalkaji* *ра=гпа* *lap* *warnta*
 бумеранг *связка=л.им.п.* брать получать.буд.
 ‘Я пойду захвачу бумеранг’.
- б. #*ра=гпа* *lap warnta* *jalkaji*.
связка=л.им.п. брать получать бумеранг
 ‘то же’.

Тем самым, болгарский механизм (xxiv) имеет внешнее соответствие и может не рассматриваться как отступление от Правила Рангов. В целом, Правила Барьера действуют в славянских W-системах и W⁺-системах одинаково. Инверсия *ли* в болгарском не имеет параллелей в славянском ареале потому, что в других славянских языках нет сопоставимой синтаксической категории – баз клитик.

3.11.4. Копирование клитик в славянских языках

Ни в одном славянском языке копирование клитик не генерализовано. Спорадические примеры копирования местоименных клитик встречаются в древних и новых языках, ср. др.-новг. *мнѣ=ся* не *может=ся* (Грамота 124, к. XIV в.) ‘а мне нездоровится’. Для данного примера копирование возвратной клитики *=ся* может интерпретироваться как проявление тенденции к закреплению *=ся* в позиции к неначальному глаголу клаузы. Примеры копирования клитик в древнерусских текстах более подробно обсуждаются в гл. 15 во второй части книги. С копированием клитик (Clitic Copying) не следует смешивать механизм местоименного повтора (Clitic Doubling), т. е. одновременного употребления аргументной клитики и кореферентной ей ИГ/ударного местоимения в одной и той же клаузе [Борисова 2006; Иванова и др. 2011: 183], см. пример (2) в гл. 1 и пример (1) в гл. 2 выше. Копирование клитик не связано с каким-то одним разрядом клитик и не обязательно ограничено рамками одной клаузы. Между копированием клитик и Clitic Doubling имеются и иные фундаментальные различия.

3.11.5. Клаузы с двумя начальными Барьерами

Для клауз более чем с одним Барьером вводится различие кумулятивных vs привативных Барьеров. *Кумулятивным Барьером* является любой Барьер, добавление которого в предложение, где уже есть Барьер, не привносит нового синтаксического эффекта. В W-системах и W⁺-системах добавление второго, n-го Барьера, просто отодвигает клитику/цепочку от начала клаузы на соответствующее число шагов.

- (39) др.рус. [^{BARRIER1}_{voc} КНАЖС]] (1), [^{BARRIER2}_{Contr/Topic} мы не на та.]] (2) *восталъ*(3) =*есмы*
 (4), <но не хочем кланати=са попадь> (Ипат., под 1188 г., л. 299 об.).
 ‘Князь, мы восстали не против тебя, <но мы не хотим кланяться попаде>’.

В этом древнерусском примере в начало предложения вынесено обращение²⁹, которое само по себе является в этом языке обязательным слепым коммуникативным Барьером. Непосредственно за обращением стоит контрастная тема {*ContrTopic* мы не на та}, уточняющая, что говорящие воювали против Y-а, а не против X-а. Такого рода группы в древнерусской системе были факультативным коммуникативным Барьером [Зализняк 1993: 287], но это в данном случае не так важно, так как перед ней уже стоит обязательный барьер. Поэтому клитика =*есмы*, присоединяется к следующему за последним Барьером слову, глаголу *восталѣ*.

Аналогичные примеры нетрудно найти в современном болгарском языке, ср. (40).

(40) болг. [^{BARRIER1} [На нас]] (1), [^{BARRIER2} [пoмeждy нaм]] (2), [^{BARRIER3} [условнeтo]] (3) знaеш
(4)=*ли* (5) как=*е?*

‘Знаешь, какой между нами уговор?’

букв. ‘У нас (1), между нами (2), условие (3), знаешь (4)=*ли* (5) каково=*есть?*’

Комбинации из нескольких Коммуникативных Барьеров обычно ведут себя так же, как одиночные коммуникативные Барьеры, т. е. имеют кумулятивные свойства. Комбинации из нескольких грамматикализованных Барьеров и комбинации грамматикализованных и коммуникативных Барьеров, как правило, некумулятивны.

Привативным является тот Барьер, при добавлении которого в предложение с другим Барьером отменяется эффект первого Барьера, и восстанавливается базовый порядок слов (как если бы в предложении с клитиками вообще не было Барьеров). Этот эффект отмечен А. Рувре на материале европейского португальского [Rouveret 1999: 641], Д. Чаваром и К. Вилдером для сербохорватского [Čavar, Wilder 1999: 452] и нами для словацкого языка [Циммерлинг 2002: 87]. Тем самым, механизм привативного Барьера засвидетельствован в V-системах (евр. порт.), и в W-системах (сербохорватский, словацкий), где есть одиночные Барьеры. Вероятно, более точный анализ W⁺-систем и W*-систем покажет, что привативные Барьеры имеются и в них, так как в W⁺-и W*-системах заведомо есть одиночные Барьеры. Более подробно привативные Барьеры рассматриваются в гл. 14 во второй части настоящей книги.

3.12. Начальные ансамбли и запрет на комбинации групп перед цепочкой

В славянских языках критерии замкнутости синтаксической группы варьируют из-за способности отдельных языков образовывать ансамбли в начальной позиции XP. Чешский язык обычно разрешает постановку перед клитиками одной группы обстоятельства, но в коммуникативно маркированных высказываниях допускаются ансамбли из нескольких обстоятельств [Avgustinova, Oliva 1997: 45–46]. Чешский пример (35) указывает на возможность ансамбля из двух дополнений в высказы-

²⁹ Мы используем здесь помету VocP, т. е. «группа обращения».

вании с контрастивной Темой, а болгарский пример (36) демонстрирует ансамбль из двух дополнений, являющихся частью Темы. Возможность/невозможность образовывать ансамбли подобного рода противопоставляет славянские W-системы друг другу. В важном случае все славянские W-системы и W⁺-системы исключают начальные ансамбли из двух и более групп членов предложения в XP. Полностью запрещены ансамбли четырех типов:

- Финитный глагол + дополнение *[V_{fin} + O],
- Подлежащее + финитный глагол *[S + Vf_{fin}],
- Финитный глагол + обстоятельство *[V_{fin} + Adv],
- Подлежащее + дополнение *[S+O].

Это позволяет считать, что требование единственности начальной группы, предшествующей клитикам в непроединных структурах вида XP – CL в славянских языках не размывается: появление цепочек запрещенного типа является основанием для исключения языка из класса W-систем и W⁺-систем. Возможность образования ансамблей разрешенного типа в болгарском и чешском позволяет вставлять более длинные группы в начальную позицию клаузы с клитиками при базовом порядке XP – CL, не прибегая к производному порядку с Барьером [BARRIER [XP]] – V – CL.

Наличие ансамблей перед цепочкой клитик является достаточно редким, но не уникальным явлением. Так, язык варльпири, согласно описанию Д. Нэша [Nash 1986: 196], не разрешает ансамбли чешского или болгарского типа, но при этом разрешает ансамбли вида глагол + внутренний объект (V+O), которые во всех славянских языках запрещены.

- (41) варл. а. Warlpiri =ka =rna ngajulu wangka-mi
 Варльпири =связка.прз. =я.им.п. я говорить-непрш.
 'Я говорю на языке варльпири'.
 б. Warlpiri-wangka-mi =ka=rna ngajulu
 варльпири-говорить.непрш. =связка.прз.=я.им.п. я.
 'то же'.

Более подробно вопрос о структуре начальных ансамблей в славянских языках разбирается во второй части настоящей книги.

3.13. Парентетические вставки и типы клитик

По ориентации на фонетическое слово славянские кластеризуемые клитики делятся на три группы – строгие энклитики, нестрогие энклитики и универсальные клитики. Эта классификация носит смешанный характер и в первую очередь отражает набор позиций, а во вторую – просодию клитик.

А. Строгие энклитики. Элемент является строгой энклитикой, если он не может начинать клаузу и порядок *#CL ... # запрещен. Такие свойства имеют кластеризу-

емые клитики в сербохорватском, болгарском, чешском, словацком языках и древненовгородском диалекте: для этих языков цепочка/одиночная кластеризуемая клитика может быть вставлена, только если начальная позиция главной клаузы занята некоторой группой: #XP – CL...#.

В большинстве языков с энклитиками возможно несоответствие фонетического и синтаксического аспекта строгой энклизы. Сербохорватский запрещает постановку энклитик после паузы и вставленной парентетической группы [Radanović-Kocić 1996: 439–441]. Болгарский [Mišeska Tomić 2004: 214; Franks 2008: 100] и чешский [Avgustinova, Oliva 1997: 32–33] спорадически допускают такую постановку. Т. Августинова и К. Олива, которые анализируют факты чешского языка, предлагают считать чешские кластеризуемые клитики не строгими энклитиками, а универсальными клитиками, в их терминологии – просодически автономными клитиками (*prosodically autonomous clitics*). В таком случае окажется, что строгие энклитики есть только в сербохорватском и возможно, в древненовгородском. Такое решение терминологически неудобно, поскольку постановка клитик после паузы и вставленной парентетической группы в перечисленных языках встречается спорадически, нигде не является обязательной и не связана с выполнением какого-либо коммуникативного задания. В этих условиях фонетические отступления от принципа строгой энклизы проще отнести к уровню речи, чем считать их системной характеристикой.

В. Нестрогие энклитики. Элемент является нестрогой энклитикой, если он при базовом порядке слов стоит во 2-й позиции, но при производном порядке слов и выражении строго определенного коммуникативного задания может перемещаться в начало клаузы: #XP – CL...# ⇒ #CL ... #, ср. слов. *rekla=sem da pridem* «Я сказала, что приду» ⇒ #*sem=rekla da pridem* «я же сказала, что приду», букв. «*есмь=сказала*, что приду». Параметр, разрешающий данное преобразование в языке с нестрогими энклитиками, мы предлагаем назвать термином *Clitic Fronting*.

Нестрогими энклитиками следует признать местоименные и связочные клитики в словенском языке, а также местоименные и связочные клитики в некоторых диалектах болгарского языка [Котова, Янакиев 2001: 589]. Возможно, сюда же следует поместить верхнелужицкие клитики [Šewc-Schuster 1976: 122], но условия их выноса в начало клаузы недостаточно хорошо изучены.

С. Универсальные клитики. Элемент является универсальной клитикой, если для него позиция энклизы и проклизы одинаково приемлемы, и порядки #XP – CL...~ #CL ... # в равной мере базовые. Такому определению удовлетворяют местоименные и связочные клитики в македонском языке, где порядок #CL ... # с начальными клитиками, в отличие от словенского языка, не связан с выражением особой коммуникативной семантики. Тот факт, что в македонском проклиза и энклиза закреплены за разными типами клауз (см. раздел 2.4 выше) сам по себе не свидетельствует о том, что данный язык является W⁺-системой. В языке кашибо-какатаибо, который является W-системой, кластеризуемые элементы являются нестрогими энклитиками в большинстве типов клауз, кроме императивных клауз, где они выступают в каче-

стве строгих проклитик [Zariquey Biondi 2011]. Тем самым, распределение энклизы и проклизы в данном языке зеркально отражает ситуацию в македонском.

Кластеризуемые строгие проклитики, видимо, есть только в моллизе-славяне, см. примеры (19)–(21).

Запрет на вынос клитик на левый край клаузы часто называют законом Тоблера-Мусафии (Tobler-Mussafia law). Речь реально идет не об особом законе, а о попытке объяснить отдельные аспекты закона Ваккернагеля тем, что кластеризуемые клитики являются строгими энклитиками. Македонская система отличается от болгарской тем, что болгарский использует строгие энклитики, а македонский – универсальные клитики. Если считать запрет выносить клитики в начало клаузы несинтаксическим, македонская W^+ -система – вариант болгарской. Трудность представляет тот факт, что не все македонские клитики фонетически однородны. Частица *ли* является в македонском строгой энклитикой, а связки и краткие местоимения – универсальными клитиками. В силу этого предложение мак. $\#Ci=му=зи \underline{дал}$ парите = болг. $\underline{дал}=ci=му=зи$ пари(те) «Ты дал ему деньги», букв. «*еси=ему=это дал* деньги.опр.» грамматично, а предложение мак. $\#*ли=си=му=зи \underline{дал}$ парите? «дал ли ты ему деньги?», букв. «*ли=еси=ему=это дал* деньги.опр.» неграмматично. В то же время, наличие начальной группы (XP) ни в системах со строгими энклитиками, ни в македонской системе с универсальными клитиками нельзя объяснить несинтаксически. Механизм, позволяющий преодолеть нежелательный порядок слов, в обоих языках общий – это разрыв цепочки с выносом частицы *ли* вправо, т. е. Правило Барьера: мак. $\#ci=му=зи \underline{дал}=ли$ парите? «дал ли ты ему деньги», букв. «*еси=ему=их дал=ли* деньги.опр.».

В большинстве славянских языков нет ограничения на постановку клитик на правом краю неимперативной клаузы. Такое ограничение, по указанию В. Раданович-Коцич, действует лишь в сербохорватском [Radanović-Kocić 1996: 438]. Предложенная классификация с выделением строгих, нестрогих энклитик и универсальных клитик и ее аналоги у наших предшественников обычно интерпретируются фонетически. О. Томич и С. Фрэнкс, однако, обратили внимание на то, что болгарские местоимения и связки, которые выгодно описывать как строгие энклитики, все же могут стоять после паузы.

(42) болг. Няколко $\#казва\# =ci=му \underline{дал}$ ³⁰.

‘Он сказал, что ты дал ему несколько штук’.

букв. ‘Несколько, _{говоритъ} =еси-2л.едч. =ему дал’.

В этом примере О. Томич глагол главной клаузы *казва* парентически вставлен внутрь придаточного с глагольной вершиной *дал*, к которой относятся клитики $=ci=му$. Все примеры С. Фрэнкса тоже включают парентические вставки.

³⁰ Пример из [Mišeska Tomić 2004: 214]. В данном предложении имеет место эллипсис союза *че* «что», парентетическая вставка глагола главного предложения *казва* «он сказал» в состав придаточного и экстрация *няколко* из состава придаточного с перемещением *няколко* левее *казва*.

- (43) болг. Петко, #един мой приятел#=му=го даде.
 ‘Петко, один мой приятель, дал мне это’.
 букв. ‘Петко #один мой приятель#=ему=это дал’.

Примеры типа (42)–(43) указывают на то, что синтаксическая структура, где строгие энклитики помещены во 2-ю позицию от начала клаузы, не меняется от парентетического внесения, хотя парентеза меняет просодическую структуру фразы. Собранный нами материал подтверждает, что вводные слова и уточняющие причастные обороты трактуются носителями болгарского языка как парентезы, накладывающиеся на уже построенную синтаксическую структуру с расставленными местоименными клитиками. Ср. примеры из рассказа Т. Цанковой (44–45), где клитика =се произносится после паузы.

- (44) болг. А реалността беше, че тя, #без съмнение#, =се беше шегувала.
 ‘а реальность заключалась в том, что <эта девушка>, несомненно, шутила’.
 букв. ‘а реальность была, что та, #без сомнения#, =ся была потешала’.
- (45) болг. Сянката, #останала от гнева=му,#=се беше изгубила измежду многото други нощни сенки.
 ‘тень, оставшаяся от его гнева, исчезла среди многих других ночных теней’.
 букв. «тень, #оставшаяся от его гнева,#=ся растворила среди многих других ночных теней».

В примере (46) парентетический оборот *преди да си легне* «прежде чем лечь/ прежде чем она легла» вставлен между подчинительным союзом *че* «что» и энклитикой =я «се»:

- (46) болг. <Тя стана, за да я=затвори>. Беше сигурна, че #[преди да=си легне].# =я беше затворила добре.
 «<Она встала чтобы закрыть [окно]> Она была уверена, что, прежде чем лечь, она его закрыла как следует».
 букв. «<Она встала чтобы его закрыть> Была уверена, что, #[прежде чем ся=удечь].#, =его закрыла как следует».

Такие примеры показывают, что строгая энклитичность – в большей мере системная, нежели фонетическая характеристика. В сербохорватском просодические и синтаксические признаки строгой энклизы совпадают, поэтому аналоги предложений (42–46), по-видимому, невозможны, если отмеченные В. Раданович-Коцич ограничения действительно распространяются на все идиолекты сербохорватского языка. Словенский, чешский и словацкий языки ведут себя аналогично болгарскому, ср. пример из словацкого текста, где парентетическое предложение из 22 слов вставлено в распространяющий оборот *jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov* «один из главных поэтических талантов», тоже имеющий статус парентезы:

- (47) слц. Miroslav Válek (1927–1991), #**[jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov]** # **[(jeho básnické zbierky Dotyky, 1959; Príťažlivosť, 1961; Nepokoj, 1963; Milovanie v husej koži, 1965 znamenali jednoznačnú obrodu poézie a boli doslova literárnymi udalosťami)]**, =*sa stal* ministrom kultúry a *obhajoval* normalizačnú politiku, hoci s veľkou rezervou pre literárne hodnoty;
 букв. 'Мирослав Валек (1927–1991), #**[один из главных талантов в поэзии и лидер шестидесятых годов]** # **(его поэтические сборники «Прикосновения» (1959), «Притяжение» (1961), «Тревога» (1963), «Любовь с гусиной кожей» (1965) одно-значно знаменовали собой победы поэзии и в буквальном смысле стали литературными событиями]** = *ся сделал* министром культуры и *поддерживал* политику нормализации, хотя и с большим резервом для литературного качества'³¹.

Допустимость синтаксических энклитик после парентетических вставок коррелирует с параметром, разрешающим постановку клитик после «тяжелых» начальных групп, состоящих из большого числа фонетических слов. Письменный словацкий язык разрешает постановку клитик после тяжелых групп, состоящих из 5 и более фонетических слов, поэтому появление примеров типа (46), где между начальной ИГ из четырех фонетических слов и возвратной энклитикой =*sa* вставлены две парентетические группы, закономерно. К данной проблеме мы вернемся во второй части книги. Кроме того, специальный аспект, связанный с параметрами, разрешающими постановку кластеризуемых клитик после парентез, по своей структуре являющихся сентенциальными составляющими, обсуждается в гл. 5.

3.14. С-системы

Ограничения на размещение цепочек могут комбинироваться как с ограничениями на размещение других категорий предложения (болгарский, македонский язык и прочие W^+ -системы), так и с отсутствием таковых (прочие славянские языки, отнесенные выше к W -системам и W^* -системам). Но отсутствие ограничений на размещение цепочек клитик не означает, что в языке есть какие-то другие грамматикализованные ограничения на расстановку категорий предложения. Доказательством служат русский, белорусский и украинский языки, где кластеризуемых клитик нет вообще³², как нет и ограничений германского или болгарского типа на место глагола. Языки данного типа мы назовем С-системами ($C =$ 'communicative').

³¹ Пример с сайта <http://www.litcentrum.sk/31661>.

³² Нам указали на то, что в Национальном корпусе русского языка 'обнаруживаются сочетания *бы ли* и *ли бы* в вакернагелевской позиции'. Согласно принятому нами подходу, уже само наличие альтернирующих порядков *бы ли* ~ *ли бы* доказывает, что свободные клитики *бы* и *ли* не являются кластеризуемыми элементами в современном русском языке. Кроме того, в ряде примеров, где рус. *ли* и рус. *бы* оказываются в контактной позиции, одна из этих клитик может быть связанной, ср. *ли* в рус. [*едва=ли*] *бы он вообще выжил*, **едва бы ли он вообще выжил*.

- Язык *L* является *C*-системой, если в нем нет грамматикализованных ограничений на расстановку категорий предложений, реализующихся автоматически независимо от выражаемых коммуникативных значений.

Слависты предлагали разные ответы на вопрос о том, как такая система порядка слов функционирует. Непревзойденное по точности описание *C*-системы выполнено И. И. Ковтуновой, которая объяснила русскую *C*-систему в терминах трансформационных правил, одновременно меняющих линейную позицию и коммуникативный статус элементов предложения [Ковтунова 1976]. В более поздних работах такие правила были названы Линейно-Акцентными преобразованиями (ЛА-преобразованиями), ср. [Янко 2001: 126]. Выдвинем имплицитивную гипотезу:

- Если язык *L* является *C*-системой, линейные и акцентные варианты предложений с общей лексико-синтаксической структурой порождаются направленными преобразованиями, одновременно меняющими место и коммуникативный статус элементов – ЛА-преобразования. ЛА-преобразования действуют на коммуникативные составляющие, границы которых могут не совпадать с границами синтаксических групп.

По отношению к восточнославянским *C*-системам эта гипотеза уточняется так:

- Славянские *C*-системы относятся к языкам с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих. В языках с прямым интонационным маркированием имеется тональный алфавит из ограниченного числа синтаксически релевантных просодий, соотносенных со значениями темы, ремы и других базовых коммуникативных статусов.

Классы *C*-систем и языков с прямым интонационным маркированием не совпадают: интонационное маркирование может сочетаться с фиксированным порядком слов. Вместе с тем, вероятно, что большинство *C*-систем имеет интонационное маркирование. ЛА-преобразования могут действовать и в языках с цепочками клитик и прочих системах порядка слов, а часть Правил Барьера связана с коммуникативной перспективой высказывания. Однако в *W*-, *W*⁺ и *V*-системах большая часть ограничений, связанных с цепочками, полностью грамматикализована и не зависит от коммуникативных факторов. Поэтому выделение *C*-систем в особый тип уместно. Более подробно вопрос о свойствах *C*-систем и особенностях славянских языков со свободным порядком не-клитических элементов предложения рассматривается ниже в гл. 7.

3.15. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале

Праславянский язык с высокой вероятностью был стандартной *W*-системой. А. А. Зализняк показал, что книжная древнерусская *W*^{*}-система выводима из древненовгородской [Зализняк 2008], в то время как деривация в обратном направлении невозможна, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2009а]. Й. Гылыбов [Gäläbov 1950] был первым славистом, который интерпретировал болгарскую *W*⁺-систему

как систему с законом Ваккернагеля с наложенным на нее ограничением на место глагола. Напротив, Р. Якобсон [Jakobson 1971] пытался объяснить исчезновение W-систем в восточнославянском ареале фонетически – изменением характера словесного ударения. Эта гипотеза не верифицирована. В общем случае, синтаксические ограничения обладают определенной инерцией и не всегда коррелируют с просодическими условиями, действующими в синхронии. Так, болгарский язык имеет фонологическое разноместное ударение и фонетические механизмы выделения ударного слога, а македонский язык имеет фиксированное ударение на третьем слоге от конца, при этом ударный слог фонетически выделен гораздо слабее, чем в болгарском. При этом синтаксические системы болгарского и македонского языков очень близки.

Наличие однотипных W-систем с разным составом клитик в разных частях славянского ареала не может объясняться параллельным развитием. Становление W⁺-систем – инновация болгарского и македонского языков. Утрата цепочек клитик в истории русского языка тоже является инновацией: еще в XV в. живой древнерусский язык (сев.-зап. диалект) был стандартной W-системой. Три ареальных типа славянских Правил Рангов определяются с опорой на место наиболее поздних слов клитик, получивших место в цепочках уже после распада праславянской общности [Циммерлинг 2009а: 270]. Отдельные диалекты украинского языка (Закарпатье) в плане синтаксиса клитик близки древнерусскому языку. Древнечешский язык XV–XVI вв. квалифицируется как W-система западнославянского типа, хотя набор кластеризуемых клитик в древне- и новочешском не совпадает. Старопольский язык в большей мере соответствует характеристике W-систем, чем современный польский. Наиболее древней засвидетельствованной W*-системой является книжная церковнославянская. Отход от стандартной W-системы в этом языке и в языке древнерусских книжных памятников можно связать с ориентацией на письменную речь и переводным или подражательным характером памятников [Зализняк 2008: 166]. Множественностей путей развития показывают описанные в недавней работе [Толстая 2012а] карпатоукраинские системы с клитиками, исторически восходящие к южным диалектам древнерусского языка. Если центральнокарпатская система села Синевир является стандартной W-системой – Правило Рангов выдерживается жестко, кластеризации подвергаются некоторые новые разряды местоименных и связочных клитик [ук. соч., 200], то ужанские и особенно гуцульские диалекты, судя по описанию М. Н. Толстой, не дают однозначного упорядочения цепочек, состоящих из рефлексивного и личных местоимений [ук. соч., 207]³³ и, вероятно, могут быть охарактеризованы и как W*-системы. Наконец, буковинские украинские говоры на территории Румынии, как следует из описания М. Н. Толстой [Толстая 2012b], обнаруживают черты W⁺-систем болгарского типа – релевантная контактная позиция глагола клитик, отрицание имеет фиксированную позицию в клаузе, местоименные клитики присоединяются отрицанию справа.

³³ Ср. «место возвратного *су* в блоке по отношению к энклитическим формам личных местоимений не определяется правилом рангов» [Толстая 2012: 207].

Итак, восстанавливаются следующие направления эволюции:

- 1) W-система → W-система (консервация исходного типа): сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, закарпатский украинский (диалект с. Синевир), русинский.
- 2) W-система → W⁺-система: болгарский, македонский языки.
- 3) W-система → W*-система: польский язык.
- 4) W-система → C-система: русский язык.

3.16. Выводы к главе 3

В славянском ареале представлено четыре типа систем с цепочками клитик, три из них – W, W⁺, W*-системы являются результатом самостоятельного развития, в то время как V-система в моллизеславе возникла в результате контактов с итальянским языком. Языки, где есть цепочки, но не фиксировано ни место глагола, ни место цепочек в клаузе, для славянского ареала нехарактерны, но в восточнославянском установились C-системы, где нет ни кластеризуемых клитик, ни грамматикализованных ограничений на место глагола. Порядок #[V – CL] частотен, но ограничение V2/V1 ни в одном славянском языке не развилось. Контактная последовательность XP – [V – CL] возникает в предложениях с производным порядком слов в результате перемещений глагола и клитик, вызываемых Правилами Барьера. В болгарской и македонской W⁺-системах смежность позиций цепочки клитик и глагола закреплена на уровне базового порядка слов. Критерий единственности начальной группы, предшествующей цепочке, в славянских W- и W⁺-системах соблюдается в полном объеме: утверждения об обратном объясняются неразличением базового и производного порядков слов и игнорированием Правил Барьера. Два языка – болгарский и чешский – допускают объединение нескольких групп обстоятельств или дополнений в ансамбль т. е. единую коммуникативную составляющую, выносимую целиком перед цепочкой клитик. Использование ансамблей в болгарском и чешском служит ресурсом, расширяющим сферу употребления базового порядка XP–CL за счет производных порядков с Коммуникативным Барьером. Все славянские языки присоединяют цепочки к узлу Comp в зависимых клаузах и к первой полной группе/первому ударному слову в главных клаузах. Для славянских W- и W-систем, которые используют один и тот же набор кластеризуемых клитик в главных и зависимых клаузах, это позволяет подвести три основных базиса клитик под единую категорию XP/X^o/Comp. Дополнительные базисы клитик, используемые отдельными славянскими языками – начальные проклитики не из числа подчинительных союзов, фразы-цитаты и сентенциальные составляющие – расширяют возможности использования базового порядка XP–CL при разной просодии начального элемента главных клауз. Для W*-систем характерно нарушение пропорции между базовым порядком и порядками с Барьером, что проявляется в отступлениях от Правила Рангов. Используемые в славистике ярлыки «клитики 2-й позиции» и «клитики, смежные с глаголом» могут пониматься как сокращения,

соответственно, для «кластеризуемых клитик в славянских W -системах» и «кластеризуемых клитик в славянских W^+ -системах», но тезис о том, что эти ярлыки указывают на разные разряды клитик с разными свойствами, ошибочен. Больше оснований постулировать особую синтактику для болгарских и македонских глаголов, стоящих контактно с цепочками клитик, и для болгарских баз клитик *не* и *ще*, имеющих фиксированную позицию в клаузе и притягивающие к себе цепочки. В большинстве славянских языков кластеризуемые элементы являются строгими энклитиками (в стандартной терминологии, клитиками, подчиняющимися закону Тоблера-Мусафии) или нестрогими энклитиками, способными стоять в начале клаузы. Синтаксические и фонетические аспекты энклизы не совпадают, большинство славянских языков допускают парентетические вставки в уже построенную структуру с клитиками, в результате чего цепочки клитик произносятся после паузы. Последовательное описание славянских систем с цепочками в просодических терминах проблематично как по данной причине, так и потому, что в славянском кластеризуются клитики уровня предложения и не кластеризуются непредикатные клитики уровня ИГ/ПГ. Кроме того, Правила Рангов, порождающие цепочки, подчиняются в славянских языках Категориальному Принципу, когда блоки клитик разных категорий не пересекаются.

Глава 4

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК

4.0. Базовые определения

В данной главе излагаются общие принципы анализа сложных синтаксических объектов, определенных в предыдущих главах как цепочки клитик. Определим *цепочку* (cluster) как последовательность элементов $\{a, b, c, \dots, n\}$, каждый из которых способен употребляться самостоятельно, не соединяясь с другими элементами того же множества, и которые располагаются в твердо фиксированном порядке, когда они стоят контактно, так что для любой пары (a, b) линейный порядок $a > b$, т. е. 'а предшествует b' является заданным. Элементы, удовлетворяющие данному определению, назовем *кластеризуемыми* (clusterizing). Правила, упорядочивающие единицы языка в составе цепочек, назовем *Правилами Рангов* (Template Rules). В первом разделе данной главы Правила Рангов анализируются как эмпирические обобщения, сделанные на основе некоторых корпусов текста, представляющих нормативное употребление языков мира, относящихся к классу языков, имеющих цепочки клитик уровня предложения (clusterizing clause-level elements) – см. подробнее гл. 1 выше. Во втором разделе Правила Рангов рассматриваются как алгоритмы линейаризации. Общий вывод из данного фрагмента исследования состоит в том, что цепочки, упорядочиваемые Правилами Рангов, в стандартном случае не являются однородными (гомогенными) в плане присущих им морфосинтаксических и просодических характеристик. Кроме того, мы доказываем, что общая теория цепочек может быть успешно построена без рассмотрения собственно просодических свойств клитик, или, по крайней мере, информация о таковых свойствах отдельных клитик имеет для теории цепочек относительно небольшое значение.

4.1. Правила Рангов синтаксических элементов как эмпирические генерализации

4.1.1. Цепочки и клитики

Сложные объекты, состоящие из кластеризуемых синтаксических элементов предложения, засвидетельствованы в большом классе языков мира, см. [Зализняк 1993; Anderson 1993] и гл. 1 данной книги. Эмпирически ориентированные исследования показали, что почти все кластеризуемые элементы, засвидетельствованные в естественных языках, относятся к классу *клитик*, т. е. просодически дефектных элементов, линейаризуемых при помощи особых правил, предположительно не действующих на элементы предложения, не являющиеся клитиками – согласно ставшему ныне стандартным благодаря работам А. Звики [Zwicky 1977] и Дж. Сейдока

[Sadock 1995] подходу. В то же время, как отмечено в гл. 2 настоящей книги, отнюдь не все клитики являются кластеризуемыми, т. е. способными образовывать цепочки. Авторы теоретически-ориентированных работ, выполненных с позиций тех или иных аксиоматически заданных теорий грамматики, в 2000-е гг., как правило, стремились обосновать различие клитики vs не-клитики в терминах грамматик составляющих, или комбинированных грамматик составляющих, включающих элементы грамматики зависимостей. К этому классу грамматических теорий, как известно, относится Минималистская Программа Н. Хомского. В тех версиях Минималистской Грамматики, которые сохраняют тезис проверки синтаксических признаков (feature checking) как организующем принципе построения дерева предложения¹, стандартные элементы – не-клитики (кроме *pro*) трактуются как ‘максимальные проекции’, т. е. синтаксические группы (XP), в то время как клитки обычно трактуются как синтаксические вершины (X°), ср. [Franks 2008] или как т. н. неветвящиеся элементы (XP/X°), т. е. как урезанные группы – данный подход отстаивает, например, Ж. Бошкович [Bošković 2001], развивающий некоторые идеи Н. Хомского. Соответственно, обсуждение цепочек в Минималистской Программе и близких к ней генеративных доктринах обычно начинается с указания на кредо исследователя – верит ли он(а) в то, что клитки являются X° -ами или же в то, что они имеют статус XP/X° -ов, после чего обосновывается выбор той или иной глобальной концепции языковой структуры (в англоязычной традиции последняя часто называется выражением ‘architecture of language’). В итоге, анализ цепочек в исследованиях, выполненных с позиций дедуктивно замкнутых доктрин синтаксиса (frameworks) существенно зависит от ответа на вопросы, прямо не связанные с поверхностным порядком элементов – например, ответа на вопрос, ‘являются ли синтаксис и морфология одним и тем же модулем грамматики или же двумя различными модулями’, от желания лингвиста принимать в расчет просодию кластеризуемых элементов и от его готовности признавать существование цепочек, состоящих из просодически и морфологически гетерогенных выражений и т. д. и т. п. Так, если автор работы, выполненной с позиций той или иной аксиоматически заданной доктрины, примет спорное определение клитик как ‘безударных элементов’² и столкнется с цепочками, часть членов которых являются безударными, а часть – ударными, он (а), вероятнее всего, придет к выводу о том, что это не настоящие цепочки, а некоторые случайно возникшие последовательности смежных гетерогенных элементов. Итак, популярные в настоящий момент синтаксические доктрины

а) существенно опираются на допущение о том, что кластеризуемые элементы являются именно клитиками, а не чем-то еще;

¹ От данного принципа отказываются авторы т. н. Радикального Минимализма, ср. [Kosta, Krivoščen 2011], однако их теории, с нашей точки зрения, пока не имеют ясной математической формализации.

² Данное сомнительное допущение принимается, например, в известной работе Дж. Клаванс [Klavans 1985].

- b) объясняют фиксированные последовательности смежных синтаксических элементов особыми свойствами, постулируемыми для клитик и не постулируют при этом особые свойства для цепочек;
- c) накладывают пока не верифицированные эмпирически ограничения, согласно которым кластеризуемые элементы должны быть гомогенными во всех или нескольких отношениях в плане просодии, морфологии и синтаксиса.

Назовем ограничения последнего типа **Условием Гомогенности** и сформулируем его эксплицитно:

- (i) Условие Гомогенности (Homogeneity Condition, HC).

Цепочки клитик должны состоять из клитик, у которых все релевантные просодические и морфосинтаксические свойства клитик одинаковы в данном языке.

Главный изъян подхода, охарактеризованного выше, состоит в том, что никто, насколько нам известно, до сих пор не взял на себя труд доказать, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики обладают в точности одними и теми же свойствами. Более того, неясно, представляют ли два данных разряда клитик пересекающиеся множества или нет. Определим некластеризуемые клитики эксплицитно.

- (ii) Некластеризуемая клитика есть синтаксический элемент уровня группы (phrase-level element) или уровня предложения (clause-level element), который не образует цепочек с другими элементами того же уровня.

Заметим, что согласно предложенному определению отдельно взятая клитика *c* трактуется как кластеризуемая, если вместо нее можно подставить цепочку $[_{CLP} abc]$, содержащую элемент *c* в других группах или клаузах, имеющих идентичный фрагмент синтаксической структуры, где происходит вставка клитик. Например, если в некотором языке одновременно имеются рефлексивные клитики (CL_{Ref}), употребляемые вместе с рефлексивными глаголами, и связочные клитики (CL_{Aux}) и они неизменно упорядочиваются как $[_{CLP} CL_{Ref} CL_{Aux}]$, одиночная связочная клитика трактуется как кластеризуемая в том случае, если она встречается в предложении без рефлексивного глагола.

Аналогично, если в некотором языке есть только связочные клитики 1–2 л., которые образуют цепочки с рефлексивными клитиками, но нет связочных клитик 3 л., одиночная рефлексивная клитика трактуется как кластеризуемая, если она употреблена в предложении с глаголом в форме 3 л., где внешне выраженная связочная клитика невозможна. Такая ситуация реально засвидетельствована, например, в древненовгородском диалекте [Зализняк 1993]. В языке кашибо-какатайбо (семья пано, Перу) показатели личного согласования 1–2 л. образуют цепочки с дискурсивной клитикой *ka*, но в 3 л. внешне выраженных маркеров согласования нет, в то время как *ka* по-прежнему возможна [Zariquiey Biondi 2011].

Аналогично, если в некотором языке имеется вопросительный показатель, который в да-нет-вопросах образует цепочки из множества местоименных клитик, отсутствие данного показателя в невопросительных клаузах, где употребляется то же самое множество местоименных клитик, не фальсифицирует гипотезу о том,

что данный показатель и местоименная клитика кластеризуется в том случае, когда оба элемента употреблены в одной и той же клаузе. Можно заключить, что ни факультативность клитик, ни селективные ограничения, налагаемые в конкретных языках на разрешенные комбинации клитик, ни корреляции между подмножествами клитик и типами речевых актов сами по себе не являются достаточным основанием для отрицания кластеризуемых свойств клитик.

Вместе с тем, имеются и бесспорные примеры некластеризуемых клитик, удовлетворяющие определению (ii). Таковы элементы, которые либо а) вообще не употребляются в линейных позициях, смежных с позициями любых других клитик того же самого просодического типа и синтаксического уровня (phrase level), либо б) не образуют общих цепочек с ними. Условие а) необходимо, если мы хотим разделить возможные сочетания вида проклитика + энклитика, где проклитика служит элементом-хозяином для энклитики, а одиночная энклитика присоединяется к ней, см. пример (1b) ниже, от цепочек, состоящих из двух и более проклитик или двух и более энклитик. Например, в сербохорватском языке имеется подмножество энклитических местоимений в вин. п., которые могут присоединяться к предлогам, ср. (1a): данные сербохорватские энклитики не комбинируются с какими-либо другими сербохорватскими энклитиками и должны быть описаны как синтаксические элементы уровня предложных групп (PP-level elements). Они, как указано К. Вилдером и Д. Чаваром, не могут быть извлечены из состава своих ПГ, т. е. не разрешают операцию Clitic Climbing, ср. неграмматичность примера (1b).

- (1) срб.-хрв. а. Да =je Ivan računao [pp na=me].
 что_{COMP} быть_{CL.AUX.3SG} Иван полагаться_{PST.3SG.M} на я_{CL.ACC.1SG}
 'что Иван положился на меня.'
 б. *_{CP}[da=**me**_i =je Ivan računao [pp na ____i]].

В сербохорватском языке также имеются сегментно идентичные энклитикам уровня ПГ энклитики уровня предложения *me*_{ACC.1SG}, *te*_{ACC.2SG}, стоящие в вин. п. и кодирующие аргументы предиката. Парадигмы сербохорватских энклитик вин. п., относящихся к уровню предложения, и сербохорватских энклитик вин. п., относящихся к уровню ПГ, сходны, но не идентичны, поскольку энклитика уровня ПГ =*nj*_{3SG.ACC} имеет форму, отличающуюся от формы энклитик =*ga*_{3SG.ACC.M} and =*ju*_{3SG.ACC.F} относящихся к уровню предложения [Čavar, Wilder 1999: 445]. Сербохорватские энклитики в вин. п., относящиеся к уровню предложения, кластеризуются с другими энклитиками и подвержены операции Clitic Climbing, т. е. могут быть извлечены в вышестоящую клаузу³. А priori неясно, следует ли анализировать некластеризуемую сербохорватскую энклитику вин. п. 1 л. ед. ч. *me*_{ACC.1SG} и кластеризуемую сербохорватскую клитику вин. п. 1 л. ед. ч. *me*_{ACC.1SG} как два разных элемента или же как один общий: у них одинаковая фонетическая форма и морфологическая

³ Ср. обзор основных случаев извлечения сербохорватских клитик из состава инфинитивных клауз в [Čavar, Wilder 1999: 447–451].

маркировка, но совершенно несходные синтаксические свойства. Поскольку синтаксис сербохорватского $me_{ACC,1SG}$ существенно зависит от синтаксической области данного элемента/ов – предложение либо группу, как представляется, лучше анализировать кластеризуемую сербохорватскую клитику уровня предложения me_1 и некластеризуемую сербохорватскую клитику уровня ПГ me_2 как два омонима, а не как один и тот же синтаксический элемент.

Другая эмпирическая трудность, встающая при попытке доказать гипотезу о том, что множества кластеризуемых и некластеризуемых клитик пересекаются, связана с дистрибуцией клитических частиц. В ряде языков мира неизменяемые клитики-частицы, судя по предварительным наблюдениям, выражают **разные значения** в тех конфигурациях, где они кластеризуются, и где они некластеризуемы. Так, например, в древненовгородском диалекте энклитическая частица $=же$ была некластеризуемой, когда она выражала идентифицирующее значение, ср. др.-новг. *тотъ=же* ‘тот же самый’, или присоединительное значение, ср. *съ Горьгемъ=же съ Лукою* ‘с X-ом и с Y-м’, а во всех прочих значениях была кластеризуемой [Зализняк 1993: 282]. Здесь, как представляется, идентифицирующее и присоединительное значения некластеризуемой частицы $=же_2$ наиболее разумно соотносить с несентенциальными употреблениями, где частица не соотносится со сказуемым предложения, и отделить их от кластеризуемой др.-новг. частицы $же_1$, которая относится к сказуемому предложения. Достаточно ожидаемо, что древненовгородская клитика уровня предложения $же_1$ кластеризуется с другими древненовгородскими клитиками уровня предложения, поскольку она тоже является логическим оператором уровня предложения, в то время как древненовгородская клитика уровня Именной Группы (NP-level) $же_2$ не кластеризуется, поскольку она является элементом уровня ИГ, используемым для подчеркивания и отождествления тех или иных референтов, упоминаемых в дискурсе. В данном случае, разный синтаксический статус некластеризуемой клитики уровня ИГ $же_2$ vs и кластеризуемой клитики уровня предложения $же_1$, соответствует различию в их операторной семантике, в то время как их просодические характеристики одинаковы: как $=же_1$, так и $=же_2$ являются строгими энклитиками и не могут занимать начальное положение в своих (синтаксической и просодической) областях.

Известны также языки, где кластеризуемые клитики и их некластеризуемые корреляты с тем же сегментным составом различаются **по своему просодическому типу**. Так, например, в современном словацком языке частица $=už_1$ ‘уже’, ‘еще’ является кластеризуемой, в том случае, когда она является энклитикой, ср. пример (2a) ниже, но некластеризуемой если она является проклитикой $už_2=$, ср. пример (2b) ниже. Кластеризуемая словацкая энклитика $=už_1$ не может занимать начальное положение в своей клаузе и всегда занимает внутри цепочки клитик место после кластеризуемых местоименных энклитик вроде $=im_{DAT,3PL}$ в (2a), в то время как некластеризуемая проклитика $už_2=$ может занимать начальное положение в клаузе и спорадически предшествует местименным энклитикам, как в примере (2b). Если мы будем трактовать энклитику $=už_1$ и проклитику $už_2=$ как один и тот же синтак-

сический элемент (same underlying syntactic element), а не как пару омонимов, мы придем к неверному выводу о том, что энклитическая частица $=u\check{z}_1$ не является частью словацкого Правила Рангов и лишена твердого места в цепочке клитик, ведь относительное расположение $\{u\check{z}_1\} \cup \{u\check{z}_2\}$ и словацких местоименных энклитик явным образом является обратимым. Этот дефект анализа будет преодолен, если признать $u\check{z}_1$ и $u\check{z}_2$ различными элементами, имеющими разные категориальные свойства. Соответственно, последовательности вида проклитика + энклитика вроде комбинации $\#u\check{z} =ju$ in (2b) не должны трактоваться как цепочки.

- (2) слц. a. Ale [_{pp} v hĺbke duše] sa =im =už tešil.
 Но в глубине души CL_{REFL} = CL_{DAT.3PL} уже утешать_{PST.3SG.M}
 ‘Но в глубине души он все **еще** тешил себя надеждой <на то, что P>.’
- b. #Už =ju_i aj začínajú [_{ip} robit’ ___]_i.⁴
 уже CL_{ACC.3SG.F} и начинать_{PRS.3PL} работать_{INF}
 ‘Уже начали строить ее <дорогу>.’

Наконец, в ряде языков мира часть кластеризуемых клитик имеет корреляты с тем же сегментным составом среди **выражений, не являющихся клитиками**. Так, например, в современном чешском языке кластеризуемые энклитические местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. ($=ji_{ACC.3SG.F}$ $=ji_{GEN.3SG.F}$ $=ji_{DAT.3SG.F}$) омонимичны не-клитичным ударным местоимениям с теми же самыми морфологическими характеристиками – падежом, числом и родом [Dimitrova-Vulchanova 1999: 111]. В австралийском языке варумунгу (семья пама-нюнга) данная корреляция, судя по имеющимся описаниям, распространяется вообще на всю систему личных местоимений: последние описываются в варумунгу как клитики, если они занимают не-начальное положение в клаузе, но как ударные не-клитические формы, если они выносятся в начало клаузы [Mushin, Simpson 2008: 585]. В древнеисландском языке были дейктические дискурсивные частицы *nú* ‘теперь’ и *þá* ‘сейчас’, которые образовывали цепочки с местоименными и адвербиальными клитиками, что показано нами в работе [Циммерлинг 2002: 368]. Неспособные занимать начальное положение в клаузе древнеисландские кластеризуемые энклитики *nú_i* и *þá_i* имели некластеризуемые корреляты *nú₂* и *þá₂*, которые встречались в начальной позиции клаузы, и судя по косвенным данным, могли принимать фразовое ударение [Ibid.]. Та же самая проблема разграничения кластеризуемых клитик и коррелятивных им некластеризуемых элементов, не являющихся клитиками, встает при анализе древнерусских форм 1–2 л. связки *быть* в настоящем времени изъявительного наклонения – они отличаются от своих не-клитических коррелятов главным образом на основе занимаемой ими синтаксической позиции, ср. [Зализняк 2008: 37, 221–228].

Подобные факты сами по себе автоматически не доказывают, что кластеризуемые клитики и их некластеризуемые корреляты с тем же сегментным составом не-

⁴ Словацкие примеры (2a-b) и (4) взяты из кн: *Habaj I. Príbuzní z Ostrova*. Bratislava, 1978. 88–133.

избежно являются омонимами. Однако они очевидным образом ставят под сомнение представление от том, что цепочки клитик являются не более чем случайными последовательностями просодически однородных некластеризуемых клитик. По данным причинам мы считаем необходимым отвергнуть Условие Гомогенности (i) как априорный принцип анализа цепочек и заключаем, что параметры ‘± clitic’ и ‘± clusterizing’ являются независимыми друг от друга. Кроме того, накопленные факты дают основания полагать, что каждая из 4 клеток квадратной матрицы на рис. 1 может иметь непустое заполнение.

	A. ‘+Clitic’.	B. ‘-Clitic’.
1. ‘-Cluster’.	+	+
2. ‘+Cluster’.	+	КЛИТИКОИДЫ

РИС. 1. Клитики и цепочки в языках мира

Существование одиночных некластеризуемых (клетка A1 на рис. 1) и одиночных некластеризуемых не-клитических элементов (B2) является непосредственно наблюдаемым фактом. Существование кластеризуемых клитик (A2) можно формально доказать в том случае, если а) язык одновременно имеет не совпадающее множество некластеризуемых клитик и б) все клитики, задействованные в цепочках, удовлетворяют критериям, которым удовлетворяют некластеризуемые клитики в том же языке. Наконец, наиболее проблематичный случай – непустое заполнение клетки (B2) в языке может быть доказан, если все или некоторые кластеризуемые элементы этого языка не удовлетворяют критериям, которым удовлетворяют некластеризуемые клитики в том же языке. Если таковые элементы образуют общие цепочки со стандартными клитиками (какое бы определение клитик ни было взято за основу), **параметрическое значение ‘+clitic’ перестает быть наиболее общим свойством кластеризуемых элементов** в данном языке. На рис. 1 мы помечаем цепочки, состоящие из элементов, нарушающих Условие Гомогенности, ярлыком ‘клитикоиды’. Неформально, клитикоиды представляют собой множество кластеризуемых элементов, у которых есть некоторый общий признак, область распространения которого накладывается, но не совпадает полностью, с областью распространения признака ‘+clitic’. Таким признаком или параметризуемым значением может быть, например, свойство вроде ‘+function word’ (= ‘быть функциональным словом’), или ‘+discourse-activated element’ (= ‘быть элементом, активированным в дискурсе’) или свойства ‘+yīn’ (= ‘относиться к категории Инь’), ‘+yáng’ (= ‘относиться к категории Янь’) и т. д.

Как правило, лингвист не знает заранее, являются множества B2 и A2 пересекающимися в том или ином языке, или же A2 есть собственное подмножество B2. Эмпирически ориентированные исследования показали, что языки мира с кластеризуемыми элементами обычно разрешают цепочки, складывающиеся из элемен-

тов, представляющих два, три или более разных типа категорий предложения (см. гл. 1 настоящей книги): среди них могут быть, например, показатели согласования, падежные маркеры, рефлексивные показатели, операторные слова дискурса и т. д. Поэтому наиболее общей характеристикой, ассоциируемой с клитикоидами, если брать не отдельный язык, а все языки мира, имеющие цепочки, скорее будет не один из морфосинтаксических признаков, а один из признаков из множества коммуникативных или просодических признаков.

4.1.2. Принципы организации цепочек

Для того чтобы установить диагностические свойства кластеризуемых клитик/клитикоидов, необходимо найти корреляции между цепочками и теми синтаксическими структурами, где цепочки возможны. Мы полагаем, что такие корреляции существуют и что условия воспроизводства цепочек в языках мира дают необходимую информацию о тех синтаксических областях (domains), где цепочки представлены. Мы также утверждаем, что перечень диагностических свойств цепочек может быть установлен без допущения о том, что все кластеризуемые элементы обязательно являются клитиками, иными словами, без принятия Условия Гомогенности цепочки. Более того, мы намерены показать в этом разделе, что **не все последовательности смежных клитик являются цепочками** даже при условии, что порядок элементов таких последовательностей является заданным и Условие Гомогенности для них соблюдается.

Наиболее явный контрпример касается случаев, где смежные клитики a , b принадлежат разным синтаксическим областям X и Y , а фиксированный порядок $a > b$ непосредственно выводится из фиксированного порядка $X > Y$. Если X и Y – синтаксические категории, которые располагаются в фиксированном порядке $[X] > [Y]$, так что клитика a может присоединяться к вершине X° только справа (запись $X^\circ = a$, где знак '=' указывает на клитизацию элемента a), клитика b может присоединяться к вершине Y° только слева ($b = Y^\circ$), фиксированный порядок $a > b$ порождается автоматически: $[_X X^\circ = a] [_Y b = Y^\circ]$.

Для того чтобы элиминировать такие последовательности смежных клитик и отличать их от цепочек, элементы которых принадлежат одной и той же синтаксической области $[_X X^\circ = ab]$ или $[_Y ab = Y^\circ]$, нам понадобится принцип типа (iii).

(iii) Принцип Независимости Правила Рангов (The Independent Templatic Principle, ИТР).

Если элементы множества $\{a, b, c, \dots, n\}$ формируют цепочку, фиксированный порядок $a > b$ для любой пары смежных элементов (a, b) предсказывается независимым Правилом Рангов, которое не может быть выведено из других правил, предсказывающих расположения каких-либо пар синтаксических категорий X , Y , $X \notin \{a, b, c, \dots, n\}$, $Y \notin \{a, b, c, \dots, n\}$.

Уместно ввести еще одно ограничение на возможную структуру цепочек и потребовать, чтобы кластеризуемые элементы всегда представляли одну и ту же синтаксическую область.

- (iv) Принцип Единственности Синтаксической Области (The One Domain Principle, ODP).

Если клитики из множества $\{a, b, c, \dots, n\}$ упорядочиваются Правилем Рангов, предсказывающим порядок $a > b$ для любой пары смежных элементов (a, b) , цепочка $/a, b, c, \dots, n/$ не может быть разделена никакими граничными символами, указывающими на границу между какими-либо двумя синтаксическими категориями X и Y , так, чтобы одна часть цепочки относилась к X , а другая – к Y :
 $*[{}_x \dots ab]{}_y cd \dots]$.

Мы не располагаем доказательством Принципа Единственности Синтаксической Области (iv) в *сильном смысле*, т. е. мы не можем доказать, что смежные клитики a , b , способные занимать две или более разных линейных позиции в клаузе, **не могут быть упорядочены** в единственно возможном порядке $a > b$, если они принадлежат разным синтаксическим областям X и Y . В то же время Принцип Единственности Синтаксической Области, вероятно, может быть доказан в *слабом смысле*: для любого языка мира, в котором имеются цепочки элементов уровня предложения $/a, b, c, \dots, n/$, можно показать, что кластеризуемые элементы принадлежат к одной области (а не двум или более независимым друг от друга областям).

Последовательности смежных клитик, принадлежащих разным синтаксическим областям, могут напоминать цепочки, но не будут признаны таковыми на основе Принципа Единственности Синтаксической Области. Такого рода последовательности иногда возникают в тех языках мира, где кластеризуемые клитики матричного предложения присоединяются непосредственно к правому краю подчиненной или вставленной клаузы (embedded clause), в составе которой могут быть собственные клитики. Этот относительно нечастый случай засвидетельствован, например, в кавиненья (язык таканской семьи, Боливия) и словенском языке. В языке кавиненья имеются энклитики вроде $=tibu$ ‘поэтому’, занимающие конечное положение по группе (phrase-final enclitics), которые выступают в функции конечных подчинительных союзов (complementizers), см. [Guillaume 2008: 84]. В примере (3) энклитика $=tibu$, принадлежащая подчиненной клаузе с глаголом *jipe-kware* ‘приблизиться’, оказывается непосредственно перед цепочкой клитик главного предложения $=pa=tu$, относящейся к предикату главной клаузы *pude-da* ‘быть красным’.

- (3) кав. $[{}_{CP} Tu-ra=kamadya \text{ ijeti } \underline{jipe-kware=tibu}] \# =pa=tu \quad \underline{pude-da}^5$.
 CL_{ZERG} только солнце приближаться $_{\text{PLPRF}}$ CL_{COMP} # CL_{REF} CL_{JSG} красный
 ‘Поскольку она <птица мухоловка – единственная, кто смог приблизиться к солнцу в прежние времена, она красного/коричневого цвета’.

Принцип Единственности Синтаксической Области (iv) необходимо слегка видоизменить применительно к языкам, разрешающим операцию Clitic Climbing, т. е. извлечение кластеризуемых клитик из подчиненных клауз (embedded

⁵ Пример (3) цит. по [Guillaume 2008: 574].

clauses) в матричную клаузу (matrix clause). Пример извлечения клитик из подчиненной инфинитивной клаузы приводился выше в (2b), где словацкая энклитика *=ju* порождается в подчиненной инфинитивной клаузе, но перемещается в главное предложение. Более сложный случай демонстрирует другой пример из того же языка, см. (4).

- (4) svk. [_{TP} A_j ty =by =si =sa_i mal [_{IP} zodvihnúť t_i] z tej posteľe!].
 и ты_{NOM.SG.} CL_{COND.} CL_{BE.2SG.PRS} CL_{REFL.ACC} иметь_{PST.3SG.M.} двигать_{INF} с та_{DAT.SG.F}
 постель_{DAT.SG.F}
 'Было бы лучше, если бы ты встал со своей постели!'

В цепочке *=by=si=sa* первые две клитики соотносятся с глаголом главной клаузы *mal*, в то время как третья клитика соотносится с глаголом (инфинитивом) подчиненной клаузы *zodvihnúť*. Эта конфигурация схематично показана ниже в виде (4'): верхние индексы $b^1c_i^2$ указывают на синтаксические вершины V1 и V2, а нижний индекс (_i) указывает место базового порождения перемещенной (climbed) клитики.

- (4') [_{TP} ...a¹ b¹c_i² V1° [_{IP} ... V2° t_i]].

Грамматичность структур типа (4') указывает на то, что Принцип Единственности Синтаксической Области необходимо дополнить условием, разрешающим извлечение и вставку клитик из подчиненной клаузы в главную.

- (v) Условие Встроенных Областей (The Condition on Embedded Domains, CED).
 Цепочка, определенная на множестве элементов $\{a, b, c, \dots, n\}$, где для любой пары смежных элементов (a, b) может быть задан фиксированный порядок $a > b$ и элементы a, b, c, d порождаются в разных клаузах полипредикатного комплекса [_X abc_j [_Y t_i t_j...]], синтаксически относится к иерархически высшей клаузе данного комплекса при условии, что Правило Рангов имеет клетки $\{\{c \dots\}, \{d \dots\}\}$ для клитик c, d, извлекаемых из состава вставленной клаузы [_Y ...].

Если Условие Встроенных Областей (v) соблюдается, структуры вроде (4'), порождаемые за счет операции Clitic Climbing, не должны рассматриваться как нарушение Принципа Единственности Синтаксической Области (iv). Накопленные наблюдения за языками мира свидетельствуют о том, что извлечение местоименных клитик из подчиненных клауз (climbing of pronominal clitics) является более распространенным явлением, чем извлечение энклитических частиц. Тем не менее, извлечение энклитических частиц в вышестоящую клаузу засвидетельствовано в нескольких языках мира с цепочками клитик, в том числе в румынском языке, ср. приводимые в [Свешникова 2003] данные об употреблении частицы *mai*, которая может переноситься из инфинитивной или конъюнктивной клаузы в главную клаузу, и, вероятно, в языке кашибо-какатайбо, см. гл. 5 ниже.

Некоторые последовательности смежных клитик, принадлежащих к разным синтаксическим областям и, тем самым, нарушающих Принцип Единственности Синтаксической Области, возникают не на стыке двух клауз, как в примере (3)

выше, но в структурах, где клитики уровня предложения (clause-level clitics) присоединяются к правому краю предшествующей составляющей, которая может содержать клитики уровня группы (phrase-level clitics). Такая возможность упоминается А. А. Зализняком, который разбирает примеры типа (5), где связанная клитика *=to* является частью релятивного маркера *о-же=to* и не принадлежит к тому же уровню синтаксической репрезентации, что свободные клитики уровня предложения *=ми_{DAT.1SG}* *=еци_{AUX.2SG}*.⁶

(5) др.-новг. [_{TP} [_{Comp} о-же=*to*] =*ми* =*еци* поведалъ].
 Comp=*CL_{REL}* *CL_{DAT.1SG}* *CL_{BE.AUX.2SG}* tell_{PST.SG.M}
 ‘о котором ты мне рассказал’.

Для того, чтобы отделить последовательности фонетически смежных клитик разного синтаксического уровня от цепочек элементов одного и того же уровня, мы добавляем условие (vi).

(vi) Условие Одного Уровня (The One-Level Condition, OLC).

Кластеризуемые элементы должны принадлежать одному и тому же уровню синтаксической репрезентации. Клитики уровня групп (Phrase-level clitics) не кластеризуются с клитиками уровня предложения (clause-level clitics).

Различение фонетически смежных клитик и цепочек в текстах труднотупных для изучения языков и в древних языках может быть трудоемкой задачей, но мы видим здесь техническую, а не концептуальную проблему. Если в распоряжении лингвиста имеется достаточный корпус, например, новгородских берестяных грамот или текстов на языке варльпири, Условие Одного Уровня (vi) обычно позволяет подтвердить либо опровергнуть гипотезу о том что элемент *k* является кластеризуемым, т. е. является элементом, упорядочиваемым тем же Правилем Рангов, которое предсказывает порядок *a, b, c* из некоторого множества $\{a, b, c, \dots, n\}$, где *a, b, c, \dots, n* – синтаксические элементы одного и того же уровня. Например, в клаузах языка варльпири (семья пама-нюнга), возможны последовательности типа [*=ku=ju*] + [*=ka=rna*] в примере (6a), где энклитики *=ka* и *=rna* являются кластеризуемыми клитиками уровня предложения. В то же время, первые две энклитики едва ли являются элементами уровня предложения: элемент *ju₂* является маркером темы⁷ и присоединяется только к существительным и ударным местоимениям, ср. *nyuntu_{2SG}* в (6a-b). Маркер *=ku* обычно глоссируется как ‘дат. п.’, но он опять-таки присоединяется только к существительным и ИГ, ср. пример (7), где употребление маркера *=ku* поддерживается падежной энклитикой дат. п. *=rla*, которая является элементом уровня предложения и занимает место в цепочках после энклитик в имен. п. и вин. п., согласно Правилу Рангов варльпири.

⁶ Пример (5) взят из [Зализняк 1993: 286] (нотация наша. – А. Ц.).

⁷ На синхронном уровне варл. *=ju* описывается как пара омонимов: кластеризуемое местоимение 1 л. в вин. п. *=ju*, и топикальное *=ju* [Nash 1986: 56, 59]. Мы снабжаем омонимы *=ju₁* и *=ju₂* нижними индексами.

- (6) варл. а. [_{NP} Nuyntu=**ku=ju₂**]=ka =rna wiri nyina [_{NP} ngaju=ju₂].
ты CL_{DAT} CL_{TOP} CL_{AUX.PRS} CL_{1SG.NOM} большой сидеть я CL_{TOP}
'Я больше, чем ты'.
- б. [_{NP} Ngaju] =ka=rna=ngku nyina wiri [_{NP} nyuntu=**ku=ju₂**].⁸
я CL_{AUX.PRS} CL_{1SG.NOM} CL_{2SG.ACC} сидеть большой ты CL_{DAT} CL_{TOP}
'то же'.
- (7) варл. [_{NP} Kurdu-ngku]=ka =ju₁ =rta [_{NP} ngaju=**ku**] paka-rni.⁹
ребенок-ERG CL_{AUX.PRS} CL_{1SG.ACC} CL_{DAT} я CL_{DAT} бить-NPast
'Ребенок бьет меня'.

Варл. =ku_{DAT} и топиальный элемент варл. =ju₂ в (6-b) по всем признакам ведут себя как клитики уровня ИГ (NP-level clitics). Они могут непосредственно предшествовать кластеризуемым клитикам уровня предложения =ka_{AUX.PRS} =rna_{1SG.NOM} благодаря специфическому распределению синтаксических параметров в системе порядка слов варльпири: данный язык разрешает постановку клитик уровня предложения после первой полной составляющей. В терминологии работы [Циммерлинг 2012a], см. также гл. 1 настоящей книги, варльпири является W₂-системой, близкие соответствия которой обнаруживаются в системах порядка слов таких языков, как сербохорватский и луисеньо. Все перечисленные языки разрешают постановку цепочек/кластеризуемых клитик как после первого фонетического слова, так и после первой полной составляющей предложения, но сербохорватский язык, в отличие от варльпири, не имеет механизма вставки клитик уровня группы (phrase-level clitics) в начальную составляющую предложения. Аналогичный механизм вставки клитик уровня групп возможен в языке кавиненья, но данный язык, в отличие от варльпири и сербохорватского, не разрешает разрыва начальной составляющей, состоящую более чем из одного фонетического слова. Древненовгородский диалект, напротив, генерализовал разрыв начальной составляющей, в то время как словацкий и кавиненья генерализовали постановку цепочек/кластеризуемых клитик после начальной составляющей предложения, состоящей из нескольких фонетических слов.

Следует подчеркнуть, что сделанный выше вывод о том, что варл. =ku_{DAT} и варл. =ju₂ не опираются на какие-либо предварительно принимаемые соглашения о синтаксисе языка варльпири – они подсказываются уже самой комбинаторикой, оцениваемой как допустимая или недопустимая для класса языков, имеющих цепочки. Иными словами, если Принцип Независимости Правила Рангов (iii), Принцип Единственности Синтаксической Области (iv), Условие Встроенных Областей (v) и Условие Одного Уровня (vi) действительно являются универсальными принципами, действующими во всех языках или, по крайней мере, в классе языков мира, имеющих цепочки элементов уровня предложения, к которому, как было показано, в числе прочих языков должны быть отнесены сербохорватский, древненовгородский диалект, словацкий, кавиненья и варльпири, для решения вопроса об

⁸ Примеры (6ab) взяты из кн. [Nash 1986: 209] (нотация наша. – А. Ц.).

⁹ Пример (7) цит по [Nash 1986: 199] (нотация наша. – А. Ц.).

отделении последовательностей фонетически смежных клитик от цепочек клитик одного и того же уровня, представляющих одну и ту же синтаксическую область, **необязательно досконально знать каждый из языков данного класса**, будь то варльпири, лунисеньо или словацкий язык – достаточно знать релевантный фрагмент синтаксиса этих языков, касающийся дистрибуции цепочек и предположительно регулируемый универсальными принципами.

Технические трудности с отделением последовательностей фонетически смежных клитик от цепочек наиболее наглядно видны по примерам типа (3), (5), (6), (7), где клитики, формирующие цепочку, имеют ту же просодическую характеристику, что и смежные с ними элементы другого синтаксического уровня. Вместе с тем, как было показано выше, кластеризуемые элементы, представляющие одну и ту же синтаксическую область и один и тот же уровень репрезентации, нередко нарушают Условие Гомогенности (i). Некоторые из них имеют корреляты в виде не-клитических выражений с тем же самым сегментным составом и той же самой морфологической маркировкой, ср. др.-новг. клитику $=eci_{BE.AUX.2SG} \sim$ др.-новг. не-клитическую форму связки ЕСИ_{BE.AUX.2SG}}. Другие имеют корреляты во множестве некластеризуемых клитик, ср. серб.-хорв. Клитику уровня предложения $=me_{ACC.1SG}$ и серб.-хорв. клитику уровня ПГ $=me_{ACC.1SG}$, либо корреляты, отличающиеся по своему просодическому типу, ср. слц. кластеризуемую энклитику $=u\check{z}_1$ с слц. некластеризуемой проклитикой $=u\check{z}_2$. Такого рода отклонения никоим образом не являются характерными для *всех* кластеризуемых элементов в соответствующих языках. Тем самым, ни наличие, ни отсутствие некластеризуемых коррелятов не может считаться необходимым условием кластеризации и образования цепочек.

Имеется и много других свидетельств того, что цепочки, состоящие из элементов одного уровня и представляющих одну и ту же синтаксическую область, тем не менее, могут быть гетерогенными в плане просодии и морфологии. Так, цепочки клитик уровня предложения в ведическом санскрите, согласно анализу Х. Х. Хока, представляли собой упорядоченные альтернации ударных и безударных элементов [Hock 1996: 215]. Правила Рангов в древненовгородском диалекте, сербохорватском, словацком, кавиненья, варльпири, тагальском и многих других языках мира объединяют элементы уровня предложения, имеющие разное число слогов и порождают цепочки, состоящие как из односложных, так и из многосложных элементов. Наконец, во многих языках внутренний порядок размещения клитик в цепочке нарушает т. н. Категориальный Принцип, что показано в работе [Zimmerling, Kosta 2013]. Данный принцип, который также обсуждался выше в гл. 1 и 2 настоящей книги, предсказывает, что все кластеризуемые клитики группируются в т. н. **блоки** по своей таксономической морфосинтаксической категории, например, Частица (Particle), или Местоимение (Pronoun), или Связка (Auxiliary), таким образом, что блоки частиц, местоимений и связок не пересекаются внутри Правила Рангов: последовательности из двух и более частиц не должны прерываться никакими связочными клитиками, и наоборот. Это ограничение эксплицитно сформулировано ниже в (vii): заглавные буквы А, В, С указывают на разные категории кластеризуе-

мых клитик, строчные буквы с индексами a^1, b^1, c^n указывают на отдельные клитики, представляющие категории A, B, C.

- (vii) **Категориальный Принцип (The Categorical Principle)**: кластеризуемые элементы группируются соответственно своей таксономической морфосинтаксической категории. Порядок непересекающихся блоков в Правиле Рангов воплощает некоторую иерархию категорий предложения.

$$[_{\text{ClicicPhrase}} [_{\text{A}} a^1, a^2 \dots a^n] [_{\text{B}} b^1, b^2 \dots b^n] [_{\text{C}} c^1, c^2 \dots c^n]].$$

Принцип (vii) соблюдается в Правилах Рангов ряда языков, включая древне-новгородский диалект, где все кластеризуемые частицы предшествуют всем кластеризуемым местоимениям, а все кластеризуемые местоимения предшествуют всем кластеризуемым связкам. Категориальный Принцип радикально нарушается в тагальском языке, где односложные кластеризуемые клитики вставляются внутрь последовательности из двух и более кластеризуемых местоименных клитик [Billings, Konopasky 2002]. Категориальный Принцип в мягкой форме нарушается (is mildly violated) в словацком Правиле Рангов, где кластеризуемые связки и местоимения размещаются между двумя клетками для кластеризуемых частиц: крайне левая клетка заполняется условной частицей =by, а клетки с правого края Правила Рангов заполняются пространственными частицами =tu, =tam и дискурсивной частицей =už¹⁰. Воспроизведем таблицу словацкого Правила Рангов, уже приводившуюся в предыдущей главе.

Particle1	Auxiliaries 1–2 p.	Pronouns				Particle2	
		Reflexive	Dative	Accusative	Nom.- Acc. Sg.n.		
by	sem, si _{2SG.PRS} sme, ste	sa, si _{REFL} DAT	mi, ti, mu, jej, nám, vám, im	ma, ťa, ho, ju, nás, vás, ich	to	tu, tam	už
1	2	3	4	5	6	7	8

РИС. 2. Правило Рангов словацкого языка

Рис. 2 показывает, что 8 клеток Правила Рангов вмещают 25 кластеризуемых элементов, представляющих три главные таксономические категории – Связка (Auxiliary), Местоимение (Pronoun) и Частица (Particle). Клетки 1, 6, 7, 8 заполняются единственным элементом каждая, в то время как клетки 2, 3, 4, 5 заполняются множествами элементов, каждый из которых обладает по меньшей

¹⁰ Следует подчеркнуть, что в словацком языке имеется две омографичные и омофонные кластеризуемые клитики, занимающие разные клетки в Правиле Рангов: связочная клитика 2 л. ед. ч. =si_{2SG.PRS} и форма дат. п. рефлексивной клитики =si_{REFL.DAT}

мере двумя свойствами – а) они не встречаются в предложении одновременно; б) они упорядочиваются одинаково по отношению ко всем другим элементам, заполняющим все другие клетки Правила Рангов. Данное дистрибутивное ограничение характерно для всех Правил Рангов всех языков. Вместе с тем, порядок клеток в каждом правиле Рангов является *идиосинкратическим* в терминах работы [O’Connell 2002]. Данный термин, использованный Р. О’Коннором, передает двоякую информацию. Во-первых, он констатирует, что порядок клеток Правила Рангов устанавливается на уровне отдельного языка (*language-specific*) и не определяется универсальными правилами. Во-вторых, он напоминает о том, что порядок клеток Правила Рангов не выводится из каких-либо иных правил и принципов, кроме тех, которые касаются исключительно самих кластеризуемых элементов, ср. условие (iv), введенное выше под названием Принципа Независимости Правила Рангов. С учетом возможности заполнения клеток Правила Рангов не только единичными элементами, но и множествами элементов, данный принцип воспроизводится ниже в расширенном виде (viii)

(viii) Принцип Столбца Правила Рангов The Template-and-Slots-Principle, TSP.

1. Число клеток Правила Рангов равно числу непересекающихся подмножеств $A, B, C \dots N$, таких, что каждое подмножество состоит из элементов $\{a_1, a_2 \dots a_n\}$ $\{b_1, b_2 \dots b_n\}$, находящихся в дополнительной дистрибуции друг к другу и упорядочиваемых одинаково по отношению к любым другим кластеризуемым элементам, входящим в другие подмножества.
2. Порядок клеток идиосинкратичен и не может быть выведен на основе других принципов, кроме Принципа Независимого Правила Рангов.

4.2. Правила Рангов как алгоритмы линеаризации

Попробуем теперь рассмотреть Правила Рангов типа словацкого Правила Рангов, представленного на рис. 2, и Правил Рангов других языков мира, материал которых обсуждался в начальных главах настоящей книги, не только как эмпирические обобщения, опирающиеся на некоторые корпуса текстов данных языков, но и как **динамические системы**, чьей основной функцией является предсказание порядка двух любых элементов $\langle x, y \rangle$ из строго ограниченного и сравнительно небольшого множества кластеризуемых элементов $\{a, b, c \dots n\}$. Имеются два сценария.

Если x, y занимают одну и ту же клетку, они находятся в дополнительной дистрибуции и не употребляются совместно. Если x, y занимают разные клетки и могут быть употреблены совместно¹¹, они упорядочиваются единственно возможным образом $x > y$ во всех случаях, когда они стоят контактно. Если кластеризуемые

¹¹ Импликация о том, что элементы, замещающие одну и ту же клетку Правила Рангов, никогда не употребляются совместно, истинна. Импликация о том, что элементы, замещающие разные клетки Правила Рангов, всегда употребляются совместно, ложна, ср. контр-примеры, приведенные в начале главы.

элементы стоят дистантно и не образуют контактной последовательности, данное требование может не соблюдаться. Так, если a° , b° , c° есть элементы, принадлежащие к цепочке $[\text{CliticP} \langle a^\circ, b^\circ, c^\circ \dots n^\circ \rangle]$, последовательности вроде $*X=b^\circ (2)=c^\circ (3)=a^\circ (1)$ исключены в том случае, если все эти элементы присоединяются к одной и той же категории предложения X. Но если b° , c° присоединяются к X, в то время как a° присоединяется к Y, последовательности вроде $X=b^\circ (2)=c^\circ (3) Y=a^\circ (1)$ возможны¹². Вопреки утверждениям Ж. Бошковича [Bošković 2001:21], дистантное размещение кластеризуемых клитик само по себе не опровергает гипотезу о существовании цепочки, при условии, что Принцип Клетки Правила Рангов (vii) не нарушен, а синтаксические конфигурации с разрывом цепочек могут быть квалифицированы как производные (в терминах трансформационных грамматик) от конфигураций без разрыва. Правила, регулирующие разрыв цепочек, в научной традиции, основанной на [Зализняк 1993: 288], ср. также [Циммерлинг 2009а], называются Правилами Барьера. Весьма вероятно, что тот же механизм – Правила Барьера – также порождает конфигурации с т. н. поздним появлением клитик (late clitic placement), где вся цепочка присоединяется не к начальной категории предложения X, но к некоторой категории Y, стоящей правее X-а: $[X] \dots Y = a^\circ (1) = b^\circ (2) = c^\circ (3)$. Типология Барьеров намечена в работе [Циммерлинг 2002: 84] и развита в работах [Kosta, Zimmerling 2012] и [Циммерлинг 2012а], ср. также материал начальных глав настоящей книги и гл. 11–13 второй части книги.

С точки зрения комбинаторного анализа, различие между языками мира с Барьерами и без Барьера эквивалентно различию между системами, для которых релевантен параметр, требующий контактного расположения кластеризуемых элементов и исключающий иные порядки, и системами, где такой параметр не действует. Эмпирически ориентированные исследования показали, что большинство, если не все ранее описанные системы с цепочками клитик имеют Правила Барьера. Если данный факт не является случайным отражением нашей (и наших современников) неполноты знаний о языках мира, он указывает на то, что Барьеры являются механизмом, поддерживающим синтаксическую самостоятельность кластеризуемых элементов в естественных языках, поскольку они расширяют число доступных для них позиций.

Попробуем теперь интерпретировать внутреннее упорядочение цепочек, порождаемых Правилами Рангов, не в терминах клеток, а в терминах блоков, т. н. множеств клеток, имеющих общую таксономическую маркировку (например, Auxiliary vs Particle vs Pronoun или Monosyllables vs Disyllables и т. п.). Становится очевидным, что цепочки, состоящие из двух и более блоков, имеют тенденцию к гетерогенности в смысле Условия Гомогенности (i). Действительно, поскольку главной функцией Правила Рангов по определению является предсказание порядка двух любых кластеризуемых элементов, x , y , и оба они могут представлять одну и ту же таксономическую категорию C, ясно, что система нуждается в дополнительных

¹² Здесь и далее символ '=' используется как маркер присоединения клитики, а не как знак равенства. Запись $X=b$ читается 'энклитика =b присоединяется справа к категории X'.

параметрах для того, чтобы породить твердый порядок $x > y$. Мы не рассматриваем здесь вполне возможные в реальной языковой практике ситуации, когда система порядка слов дает сбой и *не может* решить задачу однозначного упорядочения в паре кластеризуемых элементов, разрешая альтернатию $x > y \sim y > x$, поскольку подобные ситуации несовместимы с принятой нами за основу дефиницией цепочек. Если лингвист-теоретик по-прежнему хочет объяснить спорадические отклонения от Правила Рангов в языковой практике, можно трактовать их как неустойчивые переходные состояния системы порядка слов (и алгоритма линеаризации клитик). В главах 1 и 2 приводились примеры подобных сбоев, и делался вывод, что отклонения от Правил Рангов особенно характерны для т. н. W^* -систем, т. е. деградирующих систем порядка слов с цепочками клитик, причем многие W^* -системы вторичны по сравнению с системами порядка слов, где алгоритм линеаризации цепочек выдерживается строго.

Вернемся к случаям, показывающим стандартную модель, где алгоритм линеаризации цепочки действует без сбоев, но нуждается в дополнительных параметрах. Так, в центрально-филиппинских языках себуано и бикол, где цепочки могут состоять из частиц и местоимений, главный принцип внутреннего упорядочения цепочек, согласно Л. Биллингсу и Э. Конопаски [Billings, Konopasky 2002], связан с правилом числа слогов: односложные элементы предшествуют двусложным независимо от представляемой ими синтаксической категории. Но если две односложных частицы или два односложных местоимения образуют цепочку, язык все равно нуждается в дополнительных принципах их упорядочения. Тем самым механизм линеаризации кластеризуемых элементов реально можно и нужно задавать в качестве **иерархии разных принципов**. Нам известны принципы трех типов, используемые для упорядочения цепочек клитик и клитикоидов. Эти принципы показаны на рис. 3 ниже.

	В. Просодический Принцип	С. Исторический Принцип
А. Категориальный Принцип См. (vii) выше.	В1. Правило Числа Слогов: односложные элементы предшествуют более длинным двусложным элементам ¹³	С1. Правила Правого Края (Right-Edge Rules): новые клитики и клитикоиды добавляются к правой границе уже существующей цепочки.
	В2. Альтернатию ударных и безударных элементов внутри цепочки ¹⁴	С2. Правила Левого Края (Left-Edge Rules): новые клитики и клитикоиды добавляются к левой границе уже существующей цепочки ¹⁵

РИС 3. Принципы линеаризации цепочек клитик и клитикоидов

¹³ Засвидетельствовано в себуано и бикол, см. [Billings, Konopasky 2012].

¹⁴ Предположительно засвидетельствовано в ведическом санскрите [Носк 1996].

¹⁵ Постулировано для осетинского языка в [Belyaev 2010].

Реализация Диахронического Принципа, основанная на Правилах Правого Края, по-видимому, впервые была постулирована для языка с цепочками клитик в нашей работе [Циммерлинг 2002: 82], где рассматривалась предыстория древненовгородского Правила Рангов. См. также работы [Зализняк 2008; Zimmerling 2008a] и [Циммерлинг 2009b], где предлагаются сходные решения. В работе О. И. Беляева [Belyaev 2010] рассматривалось Правило Рангов осетинского языка и в осторожной форме была выдвинута гипотеза о том, что в истории данного языка Правило Рангов расширилось с левого края.

Алгоритмы линеаризации, порождающие цепочки, могут также быть рассмотрены в диахронии, то есть в динамике своего развития. Стандартная для современного генеративного синтаксиса модель, с обсуждения которой мы начали данную главу, берет за основу ситуацию, где Правило Рангов стабильно, граница между кластеризуемыми и некластеризуемыми элементами ясна, а новые кластеризуемые элементы не возникают. В таких условиях Правило Рангов в каждый отдельно взятый момент времени сигнализирует о том, что множества кластеризуемых и некластеризуемых элементов не пересекаются. Тем не менее, уместно рассмотреть и более широкий класс ситуаций, где могут возникнуть новые кластеризуемые элементы. Если пытаться реконструировать эволюцию Правил Рангов, теоретически возможными выглядят три сценария.

- A. Чистые клитики группируются вместе и начинают кластеризоваться. Такой сценарий предполагает, что цепочки всегда состоят из клитик и подчиняются Условию Гомогенности (i). Первоначально, все клитики принадлежали множеству $\{-Cluster\}$, но в некоторый момент времени t_0 часть из них перешла во множество $\{+Cluster\}$.
- B. Чистые клитики привлекают другие элементы, которые начинают кластеризоваться вместе с ними. Такой сценарий предполагает, что существовавшие ранее цепочки были расширены новыми элементами, которые до момента t_0 не принадлежали множеству $\{+Clitic\}$. Такой переход мог повлечь нарушение Условия Гомогенности.
- C. Не-клитические элементы группируются вместе и начинают кластеризоваться. Такой сценарий предполагает, что некоторые элементы из подмножества $\{-Clitic\} \cup \{-Cluster\}$ в некоторый момент времени t_0 одновременно перешли в подмножество $\{+Cluster\}$. Такой переход мог повлечь нарушение Условия Гомогенности, если некоторые элементы из подмножества $\{+Cluster\}$ принадлежат к подмножеству $\{-Clitic\}$, а другие элементы из множества $\{+Cluster\}$ принадлежат к подмножеству $\{+Clitic\}$.

В общей форме, Сценарий А представляется наименее вероятным. Тем не менее, он принимается в качестве дефолтного варианта в Минималистской Программе и в сходных теориях, сохраняющих условие Гомогенности для клитик. Мы отдаем себе отчет в том, что эволюция Правил Рангов нечасто упоминается в генеративном синтаксисе, но должны подчеркнуть, что Сценарий А остается единственно возможным, если цепочки клитик в синхронии анализируются на осно-

ве постулатов, аналогичных Условию Гомогенности. Сказанное относится как к концепции Ж. Бошковича [Bošković 2001], так и к концепции С. Фрэнкса [Franks 2008]: оба автора эксплицитно утверждают, что цепочки должны состоять из гомогенных клитик, и хотя С. Фрэнкс трактует клитики как синтаксические вершины (X°), а Ж. Бошкович – как урезанные группы (non-branching elements, XP/X°), данные тонкости, важные внутри самого формализма Минималистской Программы, не могут изменить их базовый подход¹⁶. Сценарии В и С можно формализовать только в том случае, если теория цепочек отказывается от Условия Гомогенности и эквивалентных ему постулатов.

4.3. Корпуса текстов и верификация сценариев построения Правила Рангов

В данном разделе приводятся аргументы в пользу точки зрения о том, что статистические профили кластеризуемых элементов в корпусах текстов дают ключевую информацию о сценариях эволюции Правил Рангов, порождающих цепочки таких элементов. Выбор в пользу сценариев А vs В или С может показаться спекулятивной проблемой с учетом того, что об эволюции синтаксиса большинства языков мира современная наука имеет лишь фрагментарные сведения. Тем не менее, косвенное свидетельство об условиях формирования цепочек и Правил Рангов может, как мы полагаем, быть извлечено из частотности кластеризуемых элементов в корпусе текста, если последний удовлетворяет двум критериям – а) клаузы с цепочками высокочастотны (далее оценочное выражение ‘высокочастотный’ будет уточнено); б) представлены все кластеризуемые элементы, или, по крайней мере, элементы всех клеток Правила Рангов.

Ниже мы предлагаем следующую процедуру анализа:

- 1) Клаузы, содержащие кластеризуемые элементы, делятся на два подкорпуса – клаузы с собственно цепочками из 2-х и более элементов (CLUSTER) и клаузы с одиночным кластеризуемым элементом (SINGLE). Подкорпусы CLUSTER и SINGLE имеют одно и то же множество кластеризуемых элементов $\langle a, b, c \dots n \rangle$, где $a, b, c \dots$ – обозначения клеток в Правиле Рангов.
- 2) В клаузах с цепочками частота употребления подсчитывается для каждого кластеризуемого элемента отдельно.
- 3) Для обоих подкорпусов коэффициент частотности подсчитывается по формуле m/n , где m – общее число кластеризуемых элементов в подкорпусе, а n – общее число клеток в Правиле Рангов, которое может быть заполнено одновременно в одном и том же типе клауз, например, в глагольных клаузах. Коэффициент m/n предсказывает среднюю частоту употребления для каждого кластеризуемого элемента при условии (которое в реальности может не соблюдаться), что все кластеризуемые элементы представлены в подкорпусе равномерно.

¹⁶ С почти тем же эффектом можно анализировать кластеризуемые клитики как до-синтаксические элементы, так называемые фразовые аффиксы, что сделано в работе [O'Connor 2002]. См. краткое обсуждение данной концепции в гл. 2.

- 4) Вероятность кластеризации измеряется по формуле $C/S = k_{CL}$, где C есть общее число кластеризуемых элементов в подкорпусе CLUSTER, S есть общее число кластеризуемых элементов в подкорпусе SINGLE, а k_{CL} есть ожидаемый коэффициент кластеризации, выводимый на основе гипотезы о том, что все элементы представлены в подкорпусе CLUSTER равномерно.
- 5) Для каждого кластеризуемого элемента отдельно подсчитываются коэффициенты $C_a/S_a = k_a, C_b/S_b = k_b \dots C_n/S_n = k_n$ и замеряются отклонения от k_{CL} .
- 6) Те кластеризуемые элементы, для которых разница $k_i > k_{CL}$ является положительной, определяются как **ядерные** (CORE elements), при условии, что их показатели частотности в обоих подкорпусах – как в CLUSTER, так и в SINGLE – существенно превышают средние значения m_i/n_i .
- 7) Те кластеризуемые элементы, для которых выявляется соотношение $k_j < k_{CL}$, определяются как **привлеченные** (ATTRACTED elements), при условии, что их показатели частотности в обоих подкорпусах – как в CLUSTER, так и в SINGLE – меньше средних значений m_j/n_j , и общее число их вхождений в CLUSTER и SINGLE сопоставимо.

Рабочая гипотеза заключается в том, что элементы из CORE с большей вероятностью должны иметь **более высокую частотность в подкорпусе SINGLE**, поскольку они не нуждаются в поддержке других элементов для того, чтобы реализоваться в предложении.

Рабочая гипотеза относительно элементов из ATTRACTED состоит в том, что они с большей вероятностью будут иметь **более высокую частотность в подкорпусе CLUSTER**, поскольку их употребление поддерживается комбинациями с другими элементами – либо из CORE, либо из числа неядерных элементов.

Группа CORE интуитивно ясна и легкодоступна для измерения. Группа ATTRACTED тоже интуитивно ясна, но с трудом определяется в общей форме. Неформально, ATTRACTED – это новые элементы, добавленные к уже существующей цепочке; предполагается, что они более редко встречаются и с большей вероятностью имеют более высокую частотность в CLUSTER, чем в SINGLE, поскольку в первом подкорпусе их употребление поддерживается комбинациями с другими элементами. Предварительные результаты показывают, что если взять корпус, где $k_{CL} = 0,5$, т. е. средняя частота употребления кластеризуемого элемента в подкорпусе SINGLE в два раза выше соответствующего показателя в подкорпусе CLUSTER, коэффициент частотности неядерного элемента k_j может приближаться к 1,0, в то время как коэффициент частотности ядерного элемента k_i будет ниже k_{CL} и может приближаться к 0,2.

На данной стадии исследования мы пока не готовы тестировать предложенную процедуру на больших корпусах текстов, кроме того, для многих языков мира с цепочками синтаксических элемента такие корпуса просто отсутствуют, поэтому потребовалось оценить операциональность процедуры на подготовленных небольших корпусах, где статистика, касающаяся цепочек и кластеризуемых клитик, используется в качестве экспертной оценки для проверки тех или иных

лингвистических гипотез. У нас имеются предварительные результаты для 5 языков – сербохорватского, словацкого, македонского, древненовгородского диалекта и кашибо-какатаибо. Во всех изученных случаях контраст между группами CORE и ATTRACTED был весьма наглядным, несмотря на то что каждый язык выбирал элементы разных морфосинтаксических категорий в качестве CORE: в сербохорватском таковыми, по результатам исследования, следует признать связочные клитики, в словацком – рефлексивные маркеры, в македонском и древненовгородском диалекте – местоименные клитики в вин. п., в кашибо-какатаибо – дискурсивные маркеры, указывающие на т. н. регистр текста – диалог vs нарратив.

Продемонстрируем результаты исследования подготовленного корпуса словацких клауз с кластеризуемыми элементами. За основу был взят современный словацкий прозаический художественный текст¹⁷, где встретилось 826 клауз с кластеризуемыми элементами. 298 кластеризуемых элементов пришлось на 135 клауз из подкорпуса CLUSTER, 691 элемент встретился в подкорпусе SINGLE. Словацкое Правило Рангов уже было показано выше на рис. 2: напомним, что оно включает 8 столбцов (slots), вмещающих 25 элементов.

Максимальная длина цепочки в тексте (измеряемая по числу элементов) в корпусе составила 4, а средняя длина – 2. Клитики из всех клеток Правила Рангов свободно сочетаются друг с другом в вербальных клаузах.

Коэффициент K_{CL} для всех элементов = 0,431. Ожидаемое среднее значение для элементов из подкорпуса CLUSTER: $298: 8 = 37,25$. Ожидаемое среднее значение для элементов из подкорпуса SINGLE: $691: 8 = 86,375$.

Для того, чтобы получить более точные результаты для столбца 3 (рефлексивные маркеры), элементы которого чаще всего встречались в подкорпусах CLUSTER и SINGLE, коэффициенты частотности подсчитывались отдельно для рефлексивной клитики вин. п. =sa и рефлексивной клитики дат. п. =si₂, которые находятся в дополнительной дистрибуции. Такие подсчеты не проводились для других столбцов, где элементы также находятся в отношении дополнительной дистрибуции по отношению к другим элементам того же столбца: элементы такого рода имеются также в столбцах 2 (связки), 4 (местоимения в дат. п.), 5 (местоимения в вин. п.) и 7 (пространственные частицы), см. выше рис. 2.

	1	2	3	4	5	6	7	8
CLUSTER 298	34	27	80:11 _{si} +69 _{sa}	70	44	14	10	19
SINGLE 691	5	21	441:99 _{si} +342 _{sa}	84	102	12	8	18
$K_{CL}=0,431$	$K_{ty}=6,8$	$K_{Acc1}=1,285$	$K_{refl}=0,181$ $K_{si}=0,111$ $K_{sa}=0,201$	$K_{dat}=0,833$	$K_{acc}=0,431$	$K_{to}=1,166$	$K_7=1,25$	$K_8=1,055$

РИС. 4. Коэффициенты кластеризуемости для словацких клитик

¹⁷ Habaj I. Stopy v snehu // Habaj I. Príbuzní z Ostrova. Bratislava, 1978. 88–133.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что элементы CORE, а именно – рефлексивный маркер вин. п. =sa находятся в столбце 3: имеется 342 вхождения =sa в подкорпусе SINGLE, что почти в четыре раза больше ожидаемой средней величины, и 69 вхождений =sa в подкорпусе CLUSTER, что в 1,85 раза больше ожидаемой средней величины для данного подкорпуса. Низкий коэффициент кластеризации $69/242 = 0,201$ подтверждает, что =sa является элементом CORE: его частотность в подкорпусе CLUSTER убывает сравнительно с его частотностью в SINGLE.

Клитики в вин.п из столбца 5 также являются элементами CORE: профиль похож, хотя абсолютные значения здесь более скромные и коэффициент кластеризации выше: $44/102 = 0,431$. Любопытно, что коэффициент кластеризации K_{acc} для местоименных клитик вин. п. совпал с общим коэффициентом кластеризации K_{cl} , рассчитываемым для всех кластеризуемых элементов.

Элементы из столбцов 1 (условная частица =by), 2 (связки), 6 (форма имен. вин. п. местоимения 3 л. ср. р.), 7 (пространственные частицы) и 8 (дискурсивная частица =už) – явные представители группы ATTRACTED: все они имеют частотность в подкорпусе CLUSTER выше ожидаемого среднего значения (37,25), в то время как их частотность в подкорпусе SINGLE существенно ниже. Это ведет к большим значениям коэффициента кластеризации, находящимся в диапазоне от $K_{uz} = 1,055$ (для частицы =už) до $K_{by} = 6,8$ (для частицы =bey). Аномально низкая частотность =by в подкорпусе SINGLE (всего 5 примеров) вполне может объясняться особенностями избранного для анализа корпуса, либо быть особой характеристикой словацкого синтаксиса. В то же время, сам резкий контраст между значениями коэффициентов кластеризации для элементов группы CORE (0,201–0,431) и элементов группы ATTRACTED из столбцов 2, 6, 7, 8 (1,055–1,285), весьма вероятно, является общей характеристикой всех цепочек, состоящих как из ядерных элементов группы CORE, так и из неядерных элементов группы ATTRACTED.

Элементы из столбца 4 (местоимения в дат. п.) с коэффициентом 0,833 занимают промежуточное положение. С одной стороны, они частотны в подкорпусе CLUSTER (70 примеров, что в 1,879 раза больше ожидаемой средней величины). С другой стороны, их частотность в подкорпусе SINGLE (84 примера) близка к ожидаемому среднему значению. Тем самым, местоимения в дат. п. из столбца 4 имеют повышенную частотность в подкорпусе CLUSTER, что характерно именно для неядерных элементов из группы ATTRACTED.

Полученные нами статистические результаты не противоречат выводам, полученным в результате лингвистического анализа фактов словацкого языка.

Весьма вероятно, что элементы группы ATTRACTED из столбцов 6, 7, 8 представляют наиболее поздние слои кластеризуемых элементов. Условный маркер =by (клетка 1) получил особый столбец в Правиле Рангов позже местоимений в дат. п. и вин. п., которые стали кластеризуемыми клитиками в праславянский период, если не ранее, ср. обсуждение вопроса [Zimmerling, Kosta 2013].

Связочные клитики из столбца 2 имеют более длительную историю кластеризации, чем условная частица *=by* из столбца 1, но они получили свое место в Правиле Рангов уже после распада праславянского языка¹⁸. Лингвистические соображения подсказывают, что местоименные формы в дат. п. (столбец 4) и вин. п. (столбец 5) являются кластеризуемыми клитиками с большим стажем и должны быть признаны элементами группы CORE. Отклоняющиеся черты местоименных клитик в дат. п. в избранном для анализа корпусе текста, а именно их высокий коэффициент кластеризации (0,833), могут объясняться тем, что местоименные клитики в дат. п. регулярно используют при двухвалентных глаголах типа *давать*, которые одновременно сохраняют валентность на дополнение в вин. п., в то время как глаголы, управляющие единственным дополнением в вин. п. (102 примера) более частотны, чем предикаты, имеющие единственную валентность на аргумент в дат. п. (84 примера).

Необычно высокая частотность рефлексивных маркеров (столбец 3) в подкорпусе SINGLE прямо не связана с периодом кластеризации этих элементов, поскольку рефлексивные маркеры получают особый столбец в славянских Правилах Рангов позже местоименных клитик¹⁹. В то же время, она может объясняться комбинацией трех разных факторов:

- 1) класс словацких рефлексивных предикатов велик;
- 2) словацкий язык разрешает извлечение клитик (*climbing*) из вставленных предложений, ср. выше примеры (2b), (4a);

¹⁸ Формы презенса индикатива связки БЫТЬ занимают разные позиции в Правилах Рангов восточнославянского, западнославянского и балканско-славянского типа, что показано выше в гл. 2. В западнославянском ареале формы презенса индикатива 1–3 л. связки БЫТЬ предшествуют блоку местоименных клитик. В записи, принятой в работе [Zimmerling, Kosta 2013], данная позиция получает маркировку AUX1: [_{СП}...AUX 1 [PRON]...]. В древненовгородском/восточнославянском ареале формы презенса индикатива 1–2 л. связки БЫТЬ ставятся после блока местоименных клитик. Эта позиция в [Zimmerling, Kosta 2013] получает помету AUX2: [_{СП}... [PRON] AUX2]. В балканско-славянском ареальном типе все формы презенса индикатива связки БЫТЬ, за вычетом формы 3 л. ед.ч. *=je*, занимают позицию AUX1, в то время как *=je* занимает позицию AUX2: [_{СП}...AUX1 [PRON] AUX2]. Словацкий язык относится к западнославянскому ареальному типу Правила Рангов за одним исключением: в нем нет внешне выраженных связок 3 л. презенса индикатива в глагольных клаузах. Эта особенность является восточнославянской чертой, общей для словацкого и польского языков, в то время как чешский, верхне- и нижнелужицкий языки демонстрируют западнославянский ареальный тип в канонической форме, поскольку они сохраняют ненулевую связку презенса индикатива 3 л. во всех типах клауз.

¹⁹ В западнославянском ареальном типе Правила Рангов рефлексивные маркеры предшествуют блоку местоимений в дат. п. и вин. п.: [_{СП}... [_{ПРОН} Refl [_{АРГ} Dat + Acc]]...]. В балканском славянском ареальном типе рефлексивы обычно стоят после блока местоимений в дат. п. и вин. п.: [_{СП}... [_{ПРОН} [_{АРГ} Dat + Acc] Refl]]...]. Восточнославянские языки не демонстрируют единого типа. Обсуждение см. в гл. 9 настоящей книги.

- 3) В отсутствие внешне выраженных форм презенса индикатива 3 л. связки БЫТЬ слц. $=sa$ и $=si_2$ часто оказываются первым функциональным словом в цепочке и частично перенимают функции маркеров личного согласования, поскольку комбинация нулевой связки и ненулевого рефлексивного маркера $\emptyset_{\text{BE}} + sa/si_2$ сигнализирует о том, что предикат клаузы стоит в 3 л.²⁰

4.4. Выводы и перспективы.

В данной главе была предложена синтаксически-ориентированная модель цепочек элементов и объяснение процессов кластеризации, которая не использует или использует лишь в минимальной степени информацию об особых просодических/фонетических свойствах, якобы присущих кластеризуемым элементам в естественных языках. Были отвергнуты априористские допущения о том, что все кластеризуемые элементы являются клитиками, и о том, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики представляют одно и то же множество единиц языка.

Цепочки порождаются Правилами Рангов, которые независимы от прочих правил и принципов линейаризации и собирают элементы в идиосинкратическом порядке. Это условие было эксплицитно введено в главе под названием Принцип Независимости Правила Рангов. Кластеризуемые элементы должны принадлежать к одной и той же синтаксической области и уровню репрезентации и не могут принадлежать двум или более иерархически независимым друг от друга синтаксическим областям. Эти условия были эксплицитно введены в данной главе под названием Принцип Единственности Синтаксической Области, Условие Встроенных Областей и Принцип Одного Уровня.

Структура Правила Рангов может анализироваться в терминах клеток и в терминах блоков столбцов, представляющих общую таксономическую категорию. Принцип Столбца Правила Рангов предсказывает, что число столбцов равняется числу пересекающихся подмножеств $A, B, C \dots N$, таких, что каждое подмножество состоит из элементов $a_1, a_2 \dots a_n$, находящихся в дополнительной дистрибуции друг к другу и упорядочиваемых одинаково по отношению ко всем другим элементам из других подмножеств.

Цепочки, удовлетворяющие Принципу Независимости Правила Рангов, Принципу Единственности Синтаксической Области, Условию Встроенных Областей и Принципу Одного Уровня и Принципу Столбца Правила Рангов, могут состоять из гетерогенных элементов, некоторые из которых имеют корреляты с тем же сегментным составом среди не-клитик. В то же время, последовательности фонетически смежных клитик, нарушающих Принцип Независимости Правила Рангов, Принцип Единственности Синтаксической Области, Условие Встроенных Обла-

²⁰ Словацкая условная частица $=by$, которая занимает крайне левое положение в Правиле Рангов, не может выступать в качестве маркера согласования, поскольку она свободно сочетается с формами презенса индикатива всех лиц связки БЫТЬ.

стей, Принцип Одного Уровня, Принцип Столбца Правила Рангов, могут удовлетворять Условию Гомогенности.

Условие Гомогенности несовместимо с анализом Правил Рангов в терминах блоков клеток, поскольку алгоритмы линеаризации, упорядочивающие цепочки, опираются на иерархию параметров, а не на единый параметр.

Правила Рангов могут также изучаться в динамике своего развития. Предварительные результаты показывают, что цепочки обычно состоят из элементов групп CORE и ATTRACTED: обе группы имеют свои характерные статистические профили, которые можно установить путем синхронного анализа. Элементы группы CORE старше и/или функционально важнее, их показатели частотности существенно выше средних значений, они имеют более высокую частотность в подкорпусе SINGLE (одинокые кластеризуемые элементы). Группа ATTRACTED состоит из более новых элементов, которые имеют показатели частотности ниже средних значений и более высокую частотность в подкорпусе CLUSTER (цепочки из двух и более элементов). Предложенная в данной главе процедура определения элементов групп CORE и ATTRACTED на основе их статистических профилей в корпусе текста дополняет лингвистический анализ цепочки и позволяет верифицировать применяемые при этом лингвистические гипотезы.

Принцип Независимости Правила Рангов, Принцип Единственности Синтаксической Области, Условие Встроенных Областей, Принцип Одного Уровня, Принцип Столбца Правила Рангов могут быть встроены в лингвистический процессор: в этом случае распознавание (парсинг) цепочек будет происходить автоматически. Гипотеза о том, что последовательность $\langle x, y, u, w \rangle$ является цепочкой, влечет за собой гипотезы о возможных синтаксических областях элементов x, y, u, w . Данные гипотезы легко проверить, используя фильтры, основанные на Принципе Одной Области, Условии Встроенных Областей, Принципе Одного Уровня, в то время как Принцип Независимости Правила Рангов и Принцип столбца Правила Рангов помогают проверить внутренний порядок элементов цепочки.

Модель Правил Рангов цепочек, формализованная в данной главе, поддерживается эмпирически данными большого класса языков мира с кластеризуемыми элементами уровня предложения (clusterizing clause-level elements). Вместе с тем, реальная языковая практика может отклоняться от описанной модели и показывать флуктуацию $a, b \sim b, a$ там, где модель предсказывает твердый порядок. Здесь лингвисту-теоретику стоит различать три разные вещи:

- a) плохое, т. н. порицаемое нормой, употребление
- b) возможность некачественного описания системы порядка слов конкретного языка
- c) переходные состояния системы порядка слов.

Плохое употребление (и плохая интроспекция лингвистов – носителей языков с цепочками элементов) допустимо игнорировать, если оно, как это иногда случа-

ется, не защищено именами авторитетов и не отражено в *плохих описаниях*, получивших некоторое распространение.

Переходные состояния систем порядка слов могут быть поделены на две группы: с1) незначительные колебания в отдельных парах элементов $\{a, b\}$, с некоторой вероятности отражают переход от Правила Рангов 1 к Правилу Рангов 2, причем эти два Правила Рангов могут отличаться числом и порядком столбцов; с2) регулярные колебания в большинстве пар $\{a, b\}$ могут отражать *смену синтаксического типа*, см. [Циммерлинг 2012а] и гл. 2–3 настоящей книги.

Глава 5

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХОЗЯЕВА КЛАСТЕРИЗУЕМЫХ КЛИТИК

В данной главе кратко рассматривается специальная, но теоретически важная для оценки механизмов расстановки клитик проблема: может ли категория-хозяин клитик быть сентенциальной составляющей – гипотеза, которая была принята нами в гл. 1, 2, 3, 4, либо отношение непосредственного предшествования сентенциальных составляющих (клауз) и клитик является несинтаксическим фактом, который должен интерпретироваться в терминах фонетических и просодических теорий. Нас будут интересовать не все клитики, но лишь кластеризуемые клитики и цепочки клитик и клитикоидов. Выше уже были приведены аргументы в пользу той точки зрения, что кластеризация, т. е. образование цепочек синтаксических элементов, приурочена к определенным синтаксическим позициям и не может происходить в произвольном месте. В настоящий момент мы не видим никаких эмпирических и теоретических оснований отказываться от данной гипотезы, по крайней мере, применительно к цепочкам элементов уровня предложения, и вставать на обратную точку зрения. Тем не менее, важно установить, действительно ли сентенциальная составляющая является подлинным хозяином цепочки клитик, присоединяющимся к ней непосредственно справа, или же такое впечатление является фикцией описания. В гл. 2 упоминалась недавно выдвинутая концепция Б. Агбаяни и К. Голстона [Agbayani, Golston 2010], одним из главных достоинств которой является ее теоретическая последовательность: Б. Агбаяни и К. Голстон отрицают релевантность понятия ‘2-я позиция предложения’ в синтаксисе, т. е. возможность ориентации клитик на левый край синтаксической структуры, и утверждают, что те категории, которые являются просодическими хозяевами энклитик, в действительности принадлежат предшествующей синтаксической области (are extracausal), т. е. вообще не относятся к той же самой области, к которой принадлежит клитика. Концепция Б. Агбаяни и К. Голстон в известной мере пересекается с популярной в славистике концепцией С. Фрэнкса, согласно которой одни и те же элементы в W^* -системах (болгарский язык и т. п.) могут с фонетической точки зрения вести себя как строгие энклитики (см. гл. 3 выше), но синтаксически вести себя как проклитики и ориентироваться на глагольные формы как на категорию-хозяина.

Концепция Б. Агбаяни–К. Голстона, как было отмечено в гл. 2, не очень хорошо объясняет поведение цепочек, в составе которых имеются аргументные слова и показатели согласования – неправдоподобно, чтобы элементы такого рода были исключены из синтаксической области, к которой принадлежит главный предикат клаузы. Кроме того, лежащее в основе их анализа допущение о том, что

синтаксической областью клитик может быть только элементарная монопредикатная клауза, но не предикатный комплекс, явно ложно ввиду наличия такого механизма, как извлечение клитик в вышестоящую клаузу (*Clitic Climbing*¹). Однако имеет смысл проверить, действительно ли сентенциальная составляющая может быть категорией-хозяином клитик, или же в случаях смежности таковой составляющей (CP, IP, в генеративной нотации), лучше применять альтернативные объяснения, например, объяснять постановку клитик параметром, разрешающим клитики после паузы, постулировать нулевые синтаксические категории в качестве хозяев клитик и т. д. Возможность проверки этих гипотез связана с изучением возможных комбинаций параметров, регулирующих постановку клитик после начальных категорий-хозяев разного просодического типа, а также с сопоставлением W-систем, где смежность глагола и цепочек клитик не играет роли, и W'-систем, где она релевантна.

Нами отстаивается следующая точка зрения.

- В некоторых славянских языках и ряде других языков мира действительно имеется параметр, разрешающий ставить клитики уровня предложения (*clause-level clitics*) после начальной сентенциальной составляющей (IP или CP) полипредикатного комплекса.
- Категории – просодические хозяева кластеризуемых клитик лежат в той же синтаксической области, что и сами клитики, вопреки утверждениям в [Agbayani, Golston 2010].
- Представление о сентенциальных составляющих как хозяевах клитик может быть формализовано в теориях синтаксиса.

5.1. Сентенциальные составляющие и цепочки клитик в славянских языках

Кратко изложим основные факты. В словенском (1) и болгарском (2) языках кластеризуемые клитики уровня предложения присоединяются к вынесенным в начало сложного предложения темпоральным и условным придаточным. Знак # указывает на границу клаузы: в обоих примерах здесь возможна пауза.

(1) слов. [_{CP} ko = smo = se vrnili] # = se = je = že stemnilo.
'вернулись, когда уже стемнело'.

(2) болг. [_{CP} докато = ce = чудеше как да постъпи], # = ce = върна жена = му.
'Пока он думал, как поступить, вернулась его жена.'

Словенские примеры типа (1) можно было бы объяснить иначе, не постулируя сентенциальных хозяев для клитик главного предложения =se=je=že, поскольку словенский язык, как отмечалось в гл. 3, допускает вынос клитик в начало главной

¹ Разумеется, встав на точку зрения Агбаяни и Голстона, можно считать, что извлечение клитик из зависимых клауз тоже является фикцией описания, но такое решение мы считаем контрпродуктивным.

клаузы (clitic fronting). Данный язык явно не соблюдает т. н. закон Тоблера-Мусафии, о котором шла речь выше в гл. 3.

(3) слов. а. #Videl=sem=ga.

‘Я его видел.’ (нейтральный вариант)

а. #Sem=ga=videl.

‘Да видел я его’ (маркированный вариант).

Однако это объяснение ложно, поскольку в примерах типа (1) нет никакого коммуникативного выделения, стало быть, нет мотивации для выноса клитик влево как синтаксического перемещения. Поэтому, даже если принять правила игры Минималистской Программы о поэтапном порождении синтаксической структуры снизу вверх и допустить, что разные перемещения осуществляются на разных стадиях деривации предложения, нет никакого независимого подтверждения гипотезы о том, что вынесенное влево придаточное перемещается или вставляется (добавляется) в начальную позицию (is merged) после того, как словенские клитики главного предложения предположительно переместились на левый край своей клаузы.

Альтернативное объяснение болгарских примеров типа (2) состоит в том, что болгарские кластеризуемые клитики типа рефлексивного маркера *се* в (2) на самом деле являются глагольными проклитиками, а число составляющих, им предшествующих, не важно, см. [Franks 2008]. Однако в главных клаузах болгарского языка, как известно, структуры типа **се=върна жена=му* не допускаются, поскольку данный язык подчиняется закону Тоблера-Мусафии. Напротив, структуры с вынесенным влево придаточным типа (2) грамматичны.

(4) болг. #**се=върна жена=му*.

Таким образом, ни ссылка на закон Тоблера-Мусафии, ни просодические особенности словенских клитик не помогают объяснить примеры (1) и (2). Поскольку данные языки относятся к разным типам, неясно также, какое отношение параметр смежности глагола и кластеризуемых клитик имеет к возможности ставить клитики после вынесенных в начало сложного предложения придаточных.

Сентенциальные хозяева (CP, IP) представлены также в ряде западнославянских языков, включая чешский и верхнелужицкий [Šewc-Schuster 1976: 122–124]. В этих языках также имеются параметры, разрешающие ставить клитики после фразы-цитаты и после паузы: в богемистике в последнем случае иногда используют метафору ‘нулевого хозяина’ (silent or ‘null’ host), т. е. фактически предполагают эллипсис категории-хозяина в речи. Для чешской идиомы *se ví* со значением ‘конечно’ порядок #CL- V in (5a) является твердо заданным, обратный порядок компонент *ví se* в (5b) сигнализирует уже другое значение. Сходным образом, верхнелужицкие устойчивые выражения вроде ответных реплик *so kula, so čini* в (6a) тоже являются связанными. В то же время, порядок с начальной клитикой в чешском примере #*Jme=se domnívali* в (6c) не является лексикализованным: это

просто разговорный вариант стандартного для чешской W-системы порядка с клистикой на втором месте, с опущенным референтным выражением типа *Petr u ja*.

- (5) чеш. а. # *Se=ví*.
 Refl-cl. знает
 ‘конечно’.
- б. *ví = se*.
 знаетRefl-cl.
 ‘Известно, что P’.
- в. # *Jsme=se domnívali*, že je kompletní.
 IPl-cl refl-cl сомневаться.PRF что AUX полный
 ‘Мы сомневаемся в том, что он полный.’
- (6) в.-луж. а. A. *Kak=so dže?* / *Kak so wjedže?* B. # *So=kula.* / *So=čini*.
 A. ‘Как дела?’ B. ‘Нормально’.
- б. # *So=minje* nos.

Верхнелужицкие кластеризуемые клитки вроде рефлексивного маркера *so* в (7a-b) спорадически присоединяются к вынесенным в начало полипредикатного комплекса фразам-цитатам, ср. (7a), но вариант с Правилем Барьера [CP] – V – CL, где глагол вставляется между начальной сентенциальной составляющей и клитками, остается возможным, ср. (7b).

- (7) в.-луж. а. [‘Što mać čini?’] # =*so* jeje *woprašā*.
 б. [‘Čehodla=*so* tak pyriće?’] # =*woprašā*=*so* Jurij Kejžor.
 (Барьер, порядок XP – V – CL).

Гипотеза о ‘нулевых хозяевах’, т. е. кластеризуемых клитках после опущенной (элидированной) начальной составляющей, подходит к фактам чешского языка лучше, чем к фактам верхнелужицкого. Ни один из этих языков не соблюдает закон Тоблера-Мусафии в главных клаузах, но только верхнелужицкий язык разрешает постановку клитик после начальной сентенциальной составляющей, являющейся цитатой.

Ситуация в западно-славянских языках почти зеркально отражает распределение параметров в сербохорватском языке, где клитики уровня предложения, непосредственно присоединяющиеся к правому краю вынесенной левее их сентенциальной составляющей, возможны только в рестриктивных относительных предложениях, согласно В. Раданович-Коцич, произносимых **без паузы** [Radanović-Kocić 1996: 438]. Раданович-Коцич утверждает, что рестриктивные относительные придаточные могут присоединять клитики главного предложения, как в примере (8a), поскольку в нормальном произнесении там нет паузы, в то время как их размещение после нерестриктивных придаточных невозможно, так как последние ‘представляют собой особую просодическую область’ (form a separate prosodic unit

within the utterance), ср. пример (8с). Порядок в примере (8b), где глагол вставляется между начальной составляющей из нескольких фонетических слов и кластеризуемыми клитиками, порождается *Правилом Барьера*, которое вытягивает глагол в позицию перед клитиками:

- (8) срб.-хрв. а. [_{DP} Она moja sestra [_{CP} koja je u Sarajevu]] =vas =se sjeća.
 Та моя сестра которая AUX в Сараево вы-CL refl=cl помнит
 ‘Моя сестра, живущая в Сараево, помнит Вас’
 б. moja sestra # [_{CP} koja je u Sarajevu]]# sjeća =vas =se.
 (*Правило Барьера*, порядок XP – V – CL)
 в. *Moja sestra # [_{CP} koja je u Sarajevu]]# =vas =se sjeća.

Некоторые носители сербохорватского языка, впрочем, допускают вариант (8с) или, по крайней мере, не признают его полностью неграмматичным. Это значит, что в их идиолекте разрешены клитики после паузы. Хотя дистрибуция, постулированная Раданович-Коцич, распространяется не на все идиолекты сербохорватского языка, она примечательна, поскольку запрет ставить кластеризуемые клитики после паузы, не является общей характеристикой славянского языкового типа. Вместе с тем, Раданович-Коцич, делает ряд неверных утверждений теоретического плана. Она полагает, что синтаксические подходы к линеаризации клитик не могут объяснить тот факт, что лежащий за пределами клаузы материал (something which is extracausal) с просодической точки зрения релевантен для расстановки клитик [Ibid.: 317]. В действительности, Раданович-Коцич без должных оснований принимает допущение о том, что синтаксической областью клитик может быть только монопредикатная клауза, что вызывает некоторое удивление, поскольку в сербохорватском языке есть параметр *Clitic Climbing*. Далее, она выдвигает сомнительный тезис о том, что ‘с просодической точки зрения... совершенно предсказуемо, что вставка приложений или парентетических фраз влияет на постановку клитик, поскольку она влечет за собой просодическую реорганизацию всего высказывания’. Этот тезис опровергается уже тем, что в большинстве других славянских языков, как было показано выше в гл. 3, и ряде предшествующих работ, включая труды С. Фрэнкса и О. Мишески-Томич, парентетические вставки сами по себе не влияют на допустимость/недопустимость структур с клитиками уровня предложения [Циммерлинг 2012b]. Повторим ранее уже приводившиеся примеры (9), (10), (11).

Парентетические вставки в W⁺-системе:

- (9) болг. А реалността беше, че тя, #без съмнение#, =се беше шегувала.
 ‘но реальность-DEF. быть-PST что она несомненно Cl.REFL быть-PST шутить-PRF’.
 ‘но действительность была такова, что она <двушка> **несомненно**, пошутила’.

- (10) болг. <Тя стана, за да я=затвори>. Беше сигурна, че #[преди да си=легне]#, я=беше затворила добре.
'она встала, чтобы закрыть его (окно) >. Она была уверена, что закрывала его, **прежде чем лечь в постель.**'

Парентические вставки в W-системах:

- (11) слц. а. [_{NP} Miroslav Válek] =*sa* stal ministrom kultúry.
Мирослав Валек Cl-Refl статья-ИПФ министр-INSTR. культура-GEN
'Мирослав Валек стал министром культуры'.
b. Miroslav Válek (1927–1991), #[jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov] # #[jeho básnické zbierky Dotyky, 1959; Príťažlivosť, 1961; Nepokoj, 1963; Milovanie v husej koži, 1965 znamenali jednoznačnú obrodu poézie a boli doslova literárnymi udalosťami]#, =*sa* stal ministrom kultúry a obhajoval normalizačnú politiku, hoci s veľkou rezervou pre literárne hodnoty;
букв. 'Мирослав Валек (1927–1991), #[один из главных талантов в поэзии и лидер шестидесятых годов]# (его поэтические сборники «Прикосновения» (1959), «Притяжение» (1961), «Тревога» (1963), «Любовь с гусиной кожей» (1965) однозначно знаменовали собой победы поэзии и в буквальном смысле стали литературными событиями)# = *ся* сделал министром культуры и поддерживал политику нормализации, хотя и с большим резервом для литературного качества'

Пример (11) имеет в контексте данной главы особое значение, поскольку словацкий язык, в отличие от чешского и верхнелужицкого, соблюдает закон Тоблера-Мусафии и запрещает выносить клитики вроде =*se* в начало клаузы. Приведем аналогичный пример из чешского языка.

- (12) чеш. [_{AdvP} Za šest let], #které strávil na této škole#, =*se* stal vynikajícím klavíristou,
[_{AdvP} За шесть лет] #которые провел в той школе#=*ся* сделал искусным пианистом
'За шесть лет, которые он провел в этой школе, он стал искусным пианистом'.

Подведем предварительные итоги.

- Параметр, разрешающий синтаксис кластеризуемых клитик, независим от параметров, разрешающих клитики после паузы, клитики на левой границе клаузы и вынос клитик как коммуникативно мотивированное перемещение.
- Смежность клитик и глагола не является релевантным фактором для постановки клитик после синтаксических хозяев. Как славянские W-системы, так и славянские W⁺-системы могут иметь данный тип категорий-хозяев.

- Признание сентенциальных хозяев является экономным решением для описания славянских языков, так как устранение данной категории из описания невозможно на базе какой-то одной альтернативной гипотезы.
- Материал славянских языков фальсифицирует тезис [Agbayani, Golston 2010] о том, что категории, принимающие клитики с фиксированной позицией, всегда лежат за пределами синтаксической области самих клитик.
- Парентетические вставки обычно не меняют условия грамматичности высказываний с клитиками уровня предложения в славянских языках.

5.2. Сентенциальные составляющие как хозяева клитик в некоторых неиндоевропейских языках

Суммируем ранее упоминавшиеся в гл. 2 и 4 факты языков кавиненья, кашибо-какатаибо и дополним их данными из еще одного языка – юго-восточный тепехуан (юто-ацтекская семья, Мексика).

5.2.1. Кавиненья

Данный язык является W_2 -системой и соблюдает закон Тоблера-Мусафии. Он представляет в интересующем нас плане структурно точную параллель к словенскому языку, за вычетом того факта, что средства подчинения (комплементаризеры) кавиненья занимают в своей клаузе не начальное, а конечное положение и сами являются энклитиками [Guillaume 2008: 84]. В примере (12) энклитика *=tibu*, принадлежащая вставленной клаузе с глаголом *jipe-kware* ‘приблизиться’, оказывается непосредственно левее цепочки клитик главной клаузы *=pa=tu*, относящейся к предикату *pude-da* ‘(быть) красным’.

- (13) кав. [_{CP} *Tu-ra=kamadya ijeti jipe-kware=tibu*]# *=pa=tu pude-da*.
 $CL_{\text{ЗЕРГ}}$ только солнце приблизиться $CL_{\text{ДАВНОПРОШ}}$ $CL_{\text{КЛАУЗ}}$ # $CL_{\text{ЦИТАТ}}$ $CL_{\text{ЗЕЛ}}$ красный
 ‘Поскольку она (птица мухоловка) – единственная, кто [в давние времена] приблизился к солнцу, она – красная/коричневая’.

В предыдущей главе было показано, что последовательность фонетически смежных клитик, судя по нотации А. Гийома, произносимых без паузы, не является цепочкой, так как внутри нее проходит синтаксическая граница:... *=tibu*]#*=pa=tu*.

5.2.2. Кашибо-какатаибо

Данный язык является W_2 -системой, но не подчиняется закону Тоблера-Мусафии, так как кластеризуемые клитики являются нестрогими клитиками, способными выноситься на левый край своей клаузы (1P/2P-клитики). Разрыв первой несентенциальной составляющей клитиками уровня предложения, видимо, невозможен. Имеются и сентенциальные составляющие в качестве хозяев клитик, см. пример (14).

- (14) каш.-как. [_{CP} nukën chaiti-nën no=kama 'a-a anu] =ka Emilio kwan-a-x-a.
 1pl.GEN предок-ERG враг=PL убивать-NOM там NARR.3P Эмилио идти
 PERF.-3p.-non.prox.
 'Эмилио пошел к месту, где наши предки убили своих врагов'.

В данном языке имеются структуры, напоминающие извлечение клитик (эвиденциальных кластеризуемых частиц $=is=a$) в матричную клаузу, что похоже на параметр Clitic Climbing.

- (15) каш.-как. [_{CP} nukën chaiti-nën_i no=kama 'a-a anu] =ka={is_i=a}
 1pl.GEN предок-ERG враг=PL убивать-NOM там NARR.REP.3P
 Emilio kwan-a-x-a.
 Эмилио идти-PERF.-3p.-non.prox.
 '<Рассказывают, что> Эмилио пошел к месту, где наши предки убили своих врагов'.

Засвидетельствованы также структуры с буквальным повтором клитик в подчиненной и главной клаузе полипредикатного комплекса – параметр Clitic Copying.

- (16) каш.-как. [_{CP} [_{NP} nukën chaiti-nën] =is=a no=kama 'a-a anu] =ka=is=a
 1pl.GEN предок-ERG враг=PL REP.3p убивать-NOM там NARR.REP.3P
 Emilio kwan-a-x-a
 Эмилио идти PERF.-3p.-non.prox.
 '<Рассказывают, что> Эмилио пошел к месту, где (как рассказывают) наши предки убили своих врагов'.

5.2.3. Юго-восточный тепехуан

Данный язык, по-видимому, является W2-системой, где преобладает постановка кластеризуемых клитик после первого фонетического слова. Кластеризуемые клитки представлены показателями личного согласования, связками и маркерами давнопрошедшего времени. Язык соблюдает закон Тоблера-Мусафии и запрещает кластеризуемые клитики на левом крае главной клаузы. Кроме того, кластеризуемые клитики всегда стоят после начальных подчинительных союзов в зависимых клаузах (Comp – CL, *Comp – YP – CL).

В то же время, имеются примеры, где кластеризуемые клитики зависимых клауз спорадически присоединяются в потоке речи к предыдущей **сентенциальной составляющей**, если подчинительный союз опущен. Эллипсис подчинительного союза трактуется Т. Виллетом как проявление дискурсивной стратегии к повышению связности сообщения. Такое описание явно исключает наличие паузы на границе между клаузами. Нас интересует формальный аспект: в примерах вроде (17) кластеризуемые клитики $=ach$ должны присоединяться к правому краю предыдущей (независимой) клаузы, поскольку подчинительный союз типа *na* или *no* опущен.

- (17) ю.-в. тепех. [Bai'gor sap xi-jim]# [ср_ =ach. Xi=ch=mamtuda-y. Va-r óras].
 TWD-2p REU IMP-идти =1p INT=1p=молиться-CON RLX-EXS часы.
 'Идите сюда, пришло время помолиться вместе!'²

Нетрудно заметить, что данная ситуация напоминает ситуацию с гипотетическими «нулевыми синтаксическими хозяевами клитик» в западно-славянских языках, только сентенциальная составляющая имеет здесь статус независимой клаузы, а не зависимой клаузы, как в славянских языках. Очевидно, что постулирование «нулевых союзов» или «нулевых местоимений» или «нулевых именных групп» и т. п. для объяснения ненулевых цепочек кластеризуемых клитик является фикцией описания, поэтому есть все основания постулировать сентенциальные категории-хозяева как для юго-восточного тепехуан, так и для соответствующих славянских языков.

5.3. Выводы

Было показано, что параметр, разрешающий постановку цепочек/кластеризуемых клитик после сентенциальной составляющей как категории предложения независит от параметров, разрешающих или запрещающих постановку цепочек на левой границе клаузы (= Закон Тоблера-Мусафии) и постановку цепочек после первой полной составляющей предложения.

² Цит. по [Willet 1992: 192].

Глава 6

ФИКСИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ТАБЛИЧНЫЕ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКАХ МИРА

6.1. Табличные схемы предложения и ИГ в некоторых языках мира

В данном разделе рассматриваются возможные комбинации параметров, ограничивающих развертывание предикативного предложения (clause) и ИГ. Как показано выше в гл. 1, наличие большого числа взаимосвязанных ограничений на перестановку элементов предложения или группы предложения, позволяет не рассматривать эти ограничения по отдельности и использовать табличные схемы Дидериксена для линейаризации предложения или группы. В большинстве языков мира аргументы предиката – подлежащее и дополнения – могут быть выражены развернутыми ИГ, состоящими из трех и более элементов: в типичном случае это сама именная вершина (N°), одна или несколько адъективных зависимостей (A) и детерминативы – артикли или указательные местоимения (D) либо посессивные определители имени (Poss), ср. англ. *my big fat Greek cat*¹ «моя большая толстая греческая кошка» (Poss QualA RelA N°)¹, пол. *Ta Interesująca nowa gramatika*² *generatywna* «эта новая интересная генеративная грамматика» (Poss QualA N° RelA), рум. *lingura*² *mea mara de lemn* «моя большая деревянная ложка» (N° Poss QualA RelA).

N	Poss	QualA	RelA
lingura	mea	mara	de lemn
ложка	моя	большая	из дерева
«Моя большая деревянная ложка»			

РИС. 1. Табличная схема развернутой ИГ в румынском языке²

Применимость табличной схемы на уровне предикативного предложения и на уровне ИГ отражает степень фиксированности порядка слов в этих синтаксических областях. При этом возможны все четыре комбинации параметров. Язык с фиксированным порядком слов на уровне ИГ может иметь нефиксированный порядок на уровне предложения – так устроены польский и литовский языки. Обратное сочетание – нефиксированный порядок на уровне ИГ при фиксированном порядке на уровне предложения – встречается реже. Тем не менее, оно представлено в языке оне

¹ Сокращение QualA указывает на качественное прилагательное, RelA – на относительное прилагательное, ClassA – на классифицирующее прилагательное, Poss – на посессивный определитель имени, выраженный местоимением, притяжательным прилагательным или иным способом.

² Пример из [Настасенко 1997: 33].

[Donohue 2000]. Описано большое число языков, где фиксированный порядок слов представлен как на уровне предложения, так и на уровне ИГ. Таковы современные датский, шведский и норвежский языки [Diderichsen 1946; Heltoft 1986; Faarlund et al. ii 1997; Ekerot 1995; Platzack 1986; Циммерлинг 2002], а также английский [Quirk et al. 1972] и немецкий языки [Abraham 1995]. Зеркальным отражением системы порядка слов такого типа является русский язык, где ни на уровне предложения, ни на уровне ИГ порядок слов не допускает описания с помощью табличной нотации. Введем еще один параметр – возможность разрыва (развернутой) ИГ и дистантного расположения ее элементов: по этому параметру системы типа В (оше) и С (датский) противопоставляются системам типа А (польский) и D (русский).

	Табличная схема на уровне предложения	Табличная схема на уровне ИГ	Разрывные ИГ
А. Польский	–	+	+
В. Оше	+	–	–
С. Датский	+	+	–
Д. Русский	–	–	+

РИС. 2. Системы порядка слов, интерпретируемые табличными схемами

6.2. Датский язык

6.2.1. Табличная схема предложения в датском языке

Кратко рассмотрим табличную схему предложения в языках типа 3 на примере современных континентальных скандинавских языков. В датском, шведском и норвежском языках в главном предложении имеется общая позиция для всех перемещенных категорий – позиция произвольной категории (XP) в начале повествовательного предложения, непосредственно предшествующая позиции финитной формы глагола: в вопросительных (пример 6) и побудительных предложениях (пример 4) клетка XP остается свободной, но в повествовательных предложениях она должна быть заполнена подлежащим (примеры 5, 7, 8), дополнением (9) или обстоятельством. Позиция финитного глагола (V_{fin}) фиксирована – в повествовательном предложении перед ней стоит ровно один член предложения (т. е. одна группа), категориальная принадлежность которого не играет роли. Такое ограничение, как было указано выше, называется термином Verb-Second Constraint, V2. В датском языке все прочие категории предложения, включая подлежащее, дополнения, сентенциальное отрицание, нефинитные формы глагола (инфинитивы и причастия), разные типы наречий и модификаторов глагола занимают в таблице строго определенные места: их перестановка невозможна или крайне затруднена. Табличное описание датского предложения имеет альтернативы, но для языков типа датского оно удобно и легко поддается проверке. На рис. 3 ниже табличная схема развертывания датского предложения приводится не в оригинальном варианте

П. Дидерихсена [Diderichsen 1946], а с учетом уточнений Л. Хельтофта [Heltoft 1995] и С. Н. Кузнецова [Кузнецов 1984: 138]. Оставляя за скобками эмпирические и теоретические проблемы, связанные с процедурой определения числа клеток и маркировкой клеток таблицы, констатируем, что каждая клетка, кроме клетки финитного глагола, которая в силу особенностей датского синтаксиса может быть заполнена только одной словоформой, заполняется группами предложения, которые могут свертываться до вершинной словоформы (ср. существительное *Odisseus*° «Одиссей» в примере 7) либо быть представлены в расширенном виде, ср. ИГ *den tykke pige*° *med fregner* «Толстая девушка с веснушками» в примере 9. Правда, между группами, включенными в иерархию составляющих предложения, и группами, заполняющими клетки табличной схемы, нет однозначного соответствия. Так, цепочка контактно стоящих нефинитных форм глагола *glemt at give* «забывши дать» в примере 1 в математическом смысле, безусловно, является группой, но при категориальной разметке дерева составляющих ее уместно признать внутренней частью ГГ «забыл дать мне книгу», возглавляемой финитным глаголом-связкой *havde* [_{VP} *havde*° [_{IP} *glemt*° [_{IP} *at give*° [_{NP} *mig bogen*]]]]: при этом датский синтаксис запрещает помещать в общую клетку с нефинитными формами глагола финитную вершину сказуемого.

Если внимательно изучить таблицу на рис. 3, будет видно, что клетки для подлежащего и дополнений заполняются в датском языке полными ИГ: все относящиеся к группе подлежащего элементы, независимо от их количества, попадают в одну клетку. То же касается групп прямого и косвенного дополнений. Это наводит на предположение, что разрыв ИГ элементами других групп в датском языке невозможен. Действительно, при разрешенных в датском языке линейных перемещениях ИГ должны перемещаться в начальную позицию XP целиком, предложения типа дат. *[[_{NP} *den tykke...*] *så vi ikke* [_{NP...} *pige*]] букв. «Толстую **мы не видели** девушку» и дат. *[[_{NP} *pige...*] *så vi ikke* [_{NP...} *den tykke*]], букв. «Девушку **мы не видели** толстую» будут неграмматичны. В то же время, финитный и нефинитный компоненты составного глагольного сказуемого стоят дистантно и занимают разные клетки, что дает т. н. рамочную конструкцию $V_{fin}...V_{inf}...Post$. При этом подлежащие ИГ, общее отрицание и сентенциальные наречия стоят между $V_{fin}...V_{inf}$, а дополнения и обстоятельства – между V_{inf} и $Post$, ср. примеры с адресатной конструкцией *få + Part II*, букв. «получить ...сделавши что-либо»:

- (1) дат. *Trællen har ikke fået hånden hugget af.*
 Раб.-опр. Имеет не получивши-перф. Рука-опр. Рублен-прич. от
 'Рабу не отрубили руку'.

(1') $XP - V_{fin} - \emptyset - NEG - V_{inf} \emptyset - O_{dir} \emptyset Post \emptyset$

- (2) дат. *Så har pigen ikke fået håret klippet.*
 Так что имеет девушка-опр. не получивши волосы-опр. пострижен-прич.
 'Так что девушке не постригли волосы/девушка не постригла волосы'.

Позиция	начальная группа произвольной категории	Финитный глагол	Подлежащее	Семантичное наречие / частица	Нефинитная форма/глагола	Косвенное дополнение	Прямое дополнение	Наречие	Постверб и или причастие II	Наречие	
Символ	XP	V _{fin}	NP _{subj}	AdvSent	V _{inf}	NP _{adv}	NP _{adv}	Adv2	Post	Adv3	
1	sD	havde	han	jo	glemt at give	mig	bogen	Ø	tilbage	igen	
	так что	имел-связка	он	ведь	забыл дать	мне	книгу-опр.	Ø	назад	снова	
				«И ведь он снова забыл вернуть мне книгу назад.»							
2	sD	havde	vores ven	jo	glemt	Ø	paraplyen	Ø	Ø	igen	
	так что	имел-связка	наш друг	ведь	забыл-перф.	Ø	зонтик-опр.	Ø	Ø	снова	
				«И ведь наш друг Иенс снова забыл зонтик.»							
3	sD	havde	hun	Ø	bragt	Ø	den nye	hurtigt	tilbage	igen	
	так что	имел-связка	она	Ø	взял-перф.	Ø	новый зонтик	быстро	назад	снова	
				«Так что она быстро снова принесла новый зонтик назад.»							
4	Ø	vil	du	godt	sD	Ø	Ø	tidligt	op ?	Ø	
	Ø	будешь	ты	вполне	встать	Ø	Ø	рано	вверх	Ø	
				«Не мог бы ты встать рано утром?.»							
5	hun	skulle	Ø	Ø	blive	Ø	Ø	frst	student	i Dr	
	она	должен.был	Ø	Ø	сделаться	Ø	Ø	впервые	студент	в этом году	
				«Она должна была стать студентом только в этом году.»							
6	Ø	skal	vi	Ø	Ø	Ø	Ø	pD cykel	hjem?	Ø	
	Ø	должен	мы	Ø	Ø	Ø	Ø	на велосипед	домой	Ø	
				«Поедем на велосипеде домой?.»							
7	Odys-seus	var	Ø	Ø	vendt	Ø	Ø	levende	hjem	Ø	
	Одиссей	был-связка	Ø	Ø	вернулся-перф.	Ø	Ø	живой	домой	Ø	
				«Одиссей вернулся домой живым.»							
8	TrF Ilen	havde	Ø	Ø	fDet	Ø	hDnden	Ø	hugget af	Ø	
	раб-опр.	был	Ø	Ø	получил-перф.	Ø	рука-опр.	Ø	отрублен	Ø	
				«Рабу отрубили руку.»							
9	Den tykke pige med frægter	har	vi	ikke	set	Ø	Ø	pD gaden	Ø	igen	
	толстая девушка с веснушками	имеет-связка	мы	не	видел-перф.	Ø	Ø	на улице	Ø	снова	
10				«Мы больше не видели толстой девушки с веснушками на улице.»							

РИС. 3. Табличная схема предложения в датском языке

(2') $XP - V_{fin} - S - NEG - V_{inf} \emptyset - O_{dir} \emptyset Post \emptyset$

Датский язык в терминах локальных правил Гринберга может быть охарактеризован как язык с непоследовательным правым ветвлением: глагол предшествует дополнениям ($V^{\circ} + O$), предлог предшествует существительному ($P^{\circ} + N$), существительное предшествует притяжательному род. п. ($N^{\circ} + N_{Gen}$), финитный компонент глагольной конструкции предшествует нефинитному ($V_{fin}^{\circ} + V_{inf}$), придаточное относительное следует за главным предложением ($RelP + S^{\circ}$). Кроме того, модификатор глагола – постверб следует за лексической частью сказуемого ($V + PV$). Однако атрибутивное прилагательное предшествует существительному ($Adj + N^{\circ}$), а наречие предшествует определяемому прилагательному ($Adv + Adj^{\circ}$).

Место подлежащего по отношению к глаголу невозможно определить, не рассматривая табличную схему датского предложения. Если принять за основу позицию финитного глагола (клетку V_{fin}° табличной схемы), то для датского языка следует постулировать порядок ($V_{fin}^{\circ} + NP_{sub}$), поскольку собственная позиция, специфичная для категории подлежащего и не доступная другим категориям предложения, находится правее клетки финитного глагола. С другой стороны, в большом числе случаев начальная позиция XP, доступная в датском языке разным категориям предложений, заполняется подлежащими ИГ, поэтому у некоторых лингвистов возникает стремление описать датский язык как язык SVO, постулировав порядок ($V_{fin}^{\circ} + NP_{sub}$). Н. О. Нильсен [Nielsen 1975] с этой целью разбил клетку XP на две позиции – предфинитного подлежащего и предфинитного второстепенного члена. Такое решение очевидно несовместимо со стандартными конвенциями построения табличных схем, так как в датском XP одновременно может стоять только одна группа предложения. Отразить представление о датском языке как языке с порядком SV методом табличных схем нельзя, соответствующая попытка фактически является смешением локальных правил развертывания групп по Гринбергу и нелокальных правил развертывания предложения по Дидериксену, что отмечено в [Braunmüller 1986: 88] и [Циммерлинг 2002: 131].

6.2.2. Табличная схема ИГ в датском языке

Датские ИГ не могут разрываться элементами других групп. Порядок элементов в тернарных ИГ с позициями детерминатива и атрибутивного элемента фиксирован: D A N^o (детерминатив – артикль, прилагательное, существительное).

	D	A	N ^o
(3)	дат. De-n	tykk-e	pige
	Опр.арт.-общ.р.ед.ч.	толстый-прил.опр.	девушка-общ.р.ед.ч.
	‘толстая девушка’.		

	D	A	N ^o
(4)	дат. Mi-n	kær-e	ven
	Нап.-общ.р.ед.ч.	дорогой-прил.опр	друг-общ.р.ед.ч.
	‘Мой хороший друг’.		

	D	A	N°
(5)	дат. То Два 'Две интересные книги'.	interessant-e интересный-мн.ч.	bøger книга-мн.ч.

В примерах (3)–(5) символ D (детерминатив) использован для выражений трех типов – определенного артикля (3), притяжательного местоимения (4) и количественного числительного/количественного слова (5). Притяжательное местоимение (Poss) и числительное (Q) могут сочетаться друг с другом, в то время как определенный артикль исключает в датском языке другие типы детерминативов. В отличие, например, от нормативного английского языка, где генерализован порядок Poss Q, ср. англ. *my three books* «три мои книги», а при препозиции числительного требуется партитивная конструкция Q P Poss, англ. *three of my books*, букв. «три из моих книг», **three my books*, датский язык допускает оба порядка Poss – Q ~ Q – Poss *mine tre bøger* «мои три книги» ~ *tre mine bøger* «три мои книги» и не требует партитивной конструкции с предлогом *af* при препозиции числительного притяжательному местоимению – дат. *tre af mine bøger* «три из моих книг». Целесообразно учесть также относительную позицию качественных (QualA) и относительных прилагательных (RelA): первые предшествуют в датском языке вторым. Наконец, количественным словам может предшествовать указательное местоимение (Pron). Тем самым, полная схема развернутой ИГ датского языка имеет вид Pron (Q + Poss) QualA RelA N° (местоименный детерминатив – (числительное + посессивный определитель имени) – качественное прилагательное – количественное прилагательное – существительное). Клетка QualA, как и в польском языке, допускает итерацию качественных прилагательных, порядок которых строго не фиксирован: ср. дат. *dejlige nye bøger* «чудесные новые книги» ~ *nye dejlige bøger* «новые чудесные книги»³.

D			QualA	RelA	N
1. Pron	Q	Poss			
disse	to	mine	dejlige nye	danske	grammatiker
эти	две	мои	чудесные новые	датские	грамматики
2. Pron	Poss	Q	QualA	RelA	N
disse	mine	to	dejlige nye	danske	grammatiker
эти	мои	две	чудесные новые	датские	грамматики

РИС. 4. Табличная схема развернутой ИГ в датском языке

Тем самым, в датском языке как предложение, так и развернутая ИГ могут быть успешно записаны при помощи табличной нотации, хотя табличная схема ИГ яв-

³ Не вполне ясно, запрещает ли в датском языке клетка RelA итерацию относительных прилагательных, как в польском языке, но их комбинация звучит неестественно: дат. [?] *disse to mine dejlige nye metalliske danske stole* «эти два моих чудесных новых металлических датских стула».

ляется несколько менее рестриктивной (ср. колебания $Q + \text{Poss} \sim \text{Poss} + Q$), чем табличная схема развертывания предложения.

Синтаксические системы того же типа, что и в датском языке, действуют в современном шведском и норвежском языках [Ekerot 1995; Циммерлинг 2002: 221–280]. Во всех этих языках, а также в современных немецком и нидерландском языках и в языке кашмири [Bhatt 1999], имеется рамочная конструкция: $V_{\text{fin}} \dots V_{\text{inf}}$. В отличие от скандинавских языков внутри рамки $V_{\text{fin}} \dots V_{\text{inf}}$ в немецком и нидерландском языках попадают не только подлежащее и общее отрицание, но и дополнения и обстоятельства (S, O, Adv, NEG), однако их порядок не фиксирован в той же степени, что в скандинавских языках⁴. Все перечисленные языки являются языками с ограничением V2 (финитный глагол на втором месте от начала предложения).

6.3. Немецкий язык

6.3.1. Табличная схема предложения в немецком языке

Синтаксис немецкого предложения описывается в терминах табличных схем, начиная с 1920-х гг., ср. работы Э. Драха и Ж. Фуркэ [Fourquet 1938] и их краткое обсуждение в [Циммерлинг 2002: 126–128]. Современные работы, где используется язык табличных схем, см. [Abraham 1985; 1995; Engel 1994; Hoffmann 1994], ср. также контрастивное исследование Ф. А. Григорьева, где сравниваются табличные схемы предложения в немецком и датском языках [Григорьев 1999]. В современных работах немецких германистов зоны, на которые делится табличная схема предложения, принято называть полями (Felder). Как и в датском языке, финитный глагол стоит в независимом повествовательном предложении на втором месте (ограничение V2). Клетка, предшествующая клетке финитного глагола, в немецкой синтаксической традиции называется Vorfeld, букв. «переднее поле»: в стандартной англоязычной нотации она может быть обозначена символом XP как «позиция/клетка произвольной категории предложения». Как и в датском языке, клетка XP может заполняться только одним членом предложения⁵. Компоненты составного глагольного сказуемого образуют рамку $V_{\text{fin}} \dots V_{\text{inf}}$ ⁶, внутри которой

⁴ За исключением позиции общего отрицания, которая фиксируется непосредственно перед позицией нефинитных форм сказуемого: XP $V_{\text{fin}} \{S+ O + \text{Adv}\} \text{NEG} V_{\text{inf}}$. Ср. нем. Gestern wollte sie ihn ihm nicht geben lassen «она не хотела отдавать его ему вчера», букв. «вчера хотела она его ему не давать позволять».

⁵ Между категорией предложения, занимающей XP, и финитным глаголом в немецком языке могут помещаться только парентетические вставки, ср. пример из разговорного языка. Нем. <Das ist neuer Rekord, oder?> [Der alte] // **glaube ich** // **lag** bei ca 40m. «<Это новый рекорд, так ведь?> Старый //я думаю// составлял порядка 40 метров» <http://www.youtube.com/watch?v=WhxX4NuvSNU>.

⁶ Компоненты рамки в немецкой синтаксической традиции называются linke Satzklammer букв. «левая скобка предложения» и rechte Satzklammer букв. «правая скобка предложения».

могут помещаться подлежащее, все виды дополнений и обстоятельство. В качестве правого компонента рамки в немецком языке могут выступать также элементы, называемые в немецкой традиции отделяемыми приставками. Синтаксические элементы данного класса не могут занимать клетку V_{fin} вместе с основой глагола, который они модифицируют. Ср. нем. Er wollte seine Mutter anschreiben «Он хотел написать своей матери», где клетку для финитного глагола занимает финитная форма *wollte* «хотел», а элемент *an-* стоит контактно с инфинитивом глагола *schreiben* и выступает в роли приставки, но нем. Er schrieb seine Mutter an «Он написал (письмо) своей матери», букв. «Он писал своей матери на», *Er anschrieb seine Mutter. С синтаксической точки зрения во втором случае элементы класса *an* являются поствербами, как их принято называть в скандинавской лингвистической традиции или «фразовыми частицами» (*phrasal particles*), как их принято называть в контрастивных и типологических работах⁷. Вводить особую клетку для немецких поствербов/отделяемых приставок при анализе методом табличных схем не требуется, поскольку в немецком языке отделяемые приставки занимают ту же клетку, что и нефинитные формы глагола⁸.

Зона между $V_{fin} \dots V_{inf}$ в немецкой синтаксической традиции называется термином *Mittelfeld*, букв. «среднее поле». Порядок подлежащего (S), дополнений (O) и обстоятельств (Adv) в «среднем поле» твердо нефиксирован, однако существенно, что между $V_{fin} \dots V_{inf}$ могут помещаться вообще любые категории предложений, выраженные несентенциальными составляющими. Сентенциальные составляющие – придаточные и инфинитивные группы – должны помещаться правее нефинитных форм глагола в зоне таблицы, которая в немецкой синтаксической традиции называется термином *Nachfeld* «конечное поле». Из германистических работ термины *Vorfeld*, *Mittelfeld*, *Nachfeld* перекочевали в работы по общему синтаксису, где они используются для описания похожих синтаксических систем, ср. [Bhatt 1999: 84].

	V_{fin}		V_{inf}				
(6) нем. а.	Peter	<u>hat</u>	seiner Mutter	<u>versprochen</u> .	[<u>heute zu kommen</u>] ⁹		
	Петер	<u>имеет</u>	своей матери	<u>обещавши</u> -перф.	сегодня прийти		
			*Петер обещал своей матери прийти сегодня *.				

⁷ В англистике также используются термины *prepositional adverb* и *adverb particle*, ср. [Close 1979: 27].

⁸ Напротив, в континентальных скандинавских языках – датском, шведском, норвежском, поствербы могут стоять дистантно, поэтому при табличном описании предложения для них может понадобиться особая клетка, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2002: 241–246]. В английском языке поствербы/фразовые частицы, как правило, стоят в контактной позиции глагольным формам, ср. He gave up «Он сдался», букв. «Он дал вверх», He did not want to give up «Он не хотел сдаваться», букв. «он не хотел давать вверх». Поэтому вводить для них особую клетку не нужно.

⁹ Примеры (6а) и (7а) взяты из: http://www.uni-bielefeld.de/lili/personen/ssahel/syntax_des_deutschen/topologisches_feldermodell.pdf.

- V_{fin} V_{inf}
 b. *Peter hat seiner Mutter [_{IP} heute zu kommen] versprochen.
 Петер имеет своей матери обещавши-перф. сегодня прийти

- (7) нем. a. Das Rennen in Imola hat eindrucksvoll bewiesen, [_{CP} **dass Ferrari zurück ist**].
 Гонка в Имоле имеет впечатляюще показавши-перф., что Феррари позади есть
 ‘Гонка в Имоле убедительно показала, **что команда Феррари отстает**’.

- V_{fin} V_{inf}
 b. *Das Rennen in Imola hat eindrucksvoll [_{CP} **dass Ferrari zurück ist**] bewiesen.
 Гонка в Имоле имеет впечатляюще **что Феррари позади есть** показавши-
 перф.

В некоторых случаях вне рамки, в «конечном поле», оказываются несентенциальные элементы, в состав которых вложено придаточное, ср. (8b), а также длинные конъюнкции, ср. (9b). Попытка вставить такие элементы в «среднее поле» ведет к аномалии, ср. (8c) и (9c), хотя те же синтаксические категории, если они не осложнены сентенциальными вложениями или длинным рядом конъюнктов, должны стоять в «среднем поле», ср. (8a), (9a).

- V_{fin} V_{inf}
 (8) нем. a. Er war **mit einer emanzipierten Anwältin** verheiratet.¹⁰
 Он был на эмансипированной адвокатше женившись-перф.
 ‘Он был женат **на эмансипированной адвокатше**’.

- V_{fin} V_{inf}
 b. Er war verheiratet [_{PP} **mit** [_{CP} **einer emanzipierten Anwältin**, [_{CP} **die mehr verdiente als er**]]]
 он был женившись-перф. на эмансипированной адвокатше, что больше зарабатывала чем он
 «Он был женат на эмансипированной адвокатше, **которая зарабатывала больше, чем он**».

- V_{fin} V_{inf}
 c. *Er war [_{PP} **mit** [_{CP} **einer em. Anwältin**, [_{CP} **die mehr verdiente als er**]]] verheiratet
 он был на эмансипированной адвокатше, что больше зарабатывала чем он
женившись-перф.

- V_{fin} V_{inf}
 (9) нем. a. Solche Werbemateriale sind **vor allem im Internet** reichlich anzutreffen.
 Такие рекламные материалы суть прежде всего в Интернете обильно
представлены
 ‘Подобные рекламные материалы широко представлены **прежде всего в Интернете**’.

¹⁰ Примеры (8)–(9) цит. по работы [Григорьев 1999].

- b. Solche Werbemateriale V_{fin} sind reichlich V_{inf} anzutreffen vor allem im Internet,
 Подобные рекламные материалы суть обильно представлены прежде всего в
Интернете,
in den Zeitungen, auf Hausmauern, auf Litfaßsäulen und sogar in Treppenaufgä-
ngen.
В газетах, на стенах домов, на столбах для афиш и даже на лестницах
 ‘Подобные рекламные материалы широко представлены **прежде всего в**
Интернете, в газетах, на стенах домов, на столбах для афиш и даже на
лестницах’.
- c. *Solche Werbemateriale V_{fin} sind reichlich vor allem im Internet, in den Zeitungen,
 V_{inf}
auf Hausmauern, auf Litfaßsäulen und sogar in Treppenaufgängen anzutreffen

Случаи типа (6–9) не могут считаться альтернативами порядка слов, поскольку сама синтаксическая характеристика категории предложения в подобных примерах *исключает* ее помещение внутри рамки, в «среднем поле», ср. аномальные примеры (6b), (7b), (8c), (9c). Однако в немецком языке все же есть подлинные альтернативы порядка категорий предложений, способных попадать в разные поля: одни и те же категории предложений иногда могут стоять как внутри рамки, так и вне ее, т. е. попадать как в «среднее», так и в «конечное» поле, см. (10a-b), (11a-b). Вынос сравнительных оборотов за пределы рамки, видимо, связан с их рематическим выделением, но этот вопрос мало изучен.

- (10) нем. a. V_{fin} Er ist V_{inf} [AdvP] schnell [wie der Wind] gelaufen¹¹.
 Он есть быстро как ветер бежавши-перф.
 ‘Он (у)бежал **быстро как ветер**’.
- b. V_{fin} Er ist gelaufen V_{inf} [AdvP] schell [wie der Wind].
 Он есть бежавши-перф. быстро, как ветер.
 ‘Он (у)бежал **быстро как ветер**’.
- c. V_{fin} Er ist schnell gelaufen. V_{inf}
 Он есть быстро бежавши
 «Он **быстро** (у)бежал.
- d. *Er ist gelaufen schnell. V_{fin} V_{inf}
 Он есть бежавши быстро

¹¹ Примеры (10)–(11) взяты из работы [Григорьев 1999].

- (11) нем. a. Die Mieten $\overset{V_{fin}}{\text{sind}}$ [AdvP schneller [ComparP **als Lebensmittelpreise**]] $\overset{V_{inf}}{\text{gestiegen}}$.
 Зарплаты суть быстрее чем цены на продукты выросши-перф.
 ‘Зарплаты выросли быстрее, **чем цены на продукты**’.
- b. Die Mieten $\overset{V_{fin}}{\text{sind}}$ [AdvP schneller t] $\overset{V_{inf}}{\text{gestiegen}}$ [ComparP **als Lebensmittelpreise**].¹²
 Зарплаты суть быстрее чем цены на продукты выросши-перф.
 ‘Зарплаты выросли быстрее, **чем цены на продукты**’.

В целом, альтернативы типа (10–11) для немецкого синтаксиса нехарактерны: основные альтернативы внутри немецкого касаются не колебаний в категоризации элементов (если сравнительный оборот трактуется как несентенциальная составляющая, он попадает в «среднее поле», если он трактуется как аналог предложения, то попадает в «конечное поле» и т. п.), но *порядка несентенциальных элементов внутри рамки*, в «среднем поле». Германисты обнаруживают редкое единодушие, отрицая наличие фиксированного порядка аргументов и адьюнктов глагола в среднем поле, при этом относительное расположение подлежащего и второстепенных членов в «среднем поле» может быть любым. Подлежащее статистически чаще предшествует дополнению, однако обычны и обратные порядки, особенно в том случае, когда подлежащее является ремой или частью ремы. Ф. А. Григорьев приводит примеры, где подлежащее стоит после двух или даже трех дополнений/обстоятельств¹³.

- (12) нем. Am 3. Oktober $\overset{XP}{\text{wird}}$ in prominenten CSU-Haushalten $\overset{V_{fin}}{\text{früh}}$ $\overset{AdvLoc}{\text{der Wecker}}$ $\overset{AdvTemp}{\text{klingen}}$.
 3-го октября станет в видных хозяйствах ХСС рано будильник звенеть
 ‘3-го Октября в видных хозяйствах ХСС рано зазвонит **будильник**’.

- (13) нем. Dort $\overset{XP}{\text{gelten}}$ $\overset{V_{fin}}{\text{für}}$ $\overset{O_{indir}}{\text{Lehrer}}$ $\overset{Adv}{\text{ab sofort}}$ $\overset{Adv}{\text{wieder}}$ $\overset{S}{\text{die alten Testbedingungen}}$.
 Там действуют для учителей сразу опять старые условия тестов
 ‘Там на учителей сразу вновь распространяются **старые условия тестов**’.

Разбиение немецкого предложения на табличные зоны с выделением «среднего поля» – более общий принцип немецкого синтаксиса, нежели ограничение V2. Ограничение V2 действует только в независимых повествовательных предложениях, в то время как в придаточных предложениях финитный глагол помещается в конце предложения, непосредственно после нефинитных форм. Поэтому (14a) является предложением V2, а (14b) – нет.

¹² В нотации примера (11b) мы отметили внутрирамочную позицию оборота *als Lebensmittelpreise* «чем цены на продукты» в среднем поле как исконную, а внерамочную позицию этого же оборота в «конечном поле» как результат синтаксического перемещения. Символ *t* указывает на то, что данный оборот является зависимым наречия *schneller* «быстрее», которое остается внутри рамки в «среднем поле».

¹³ Примеры (12)–(13) цит. по работе [Григорьев 1999].

ков, включая немецкий, нидерландский, датский, шведский и норвежский, данная гипотеза дает верные предсказания.

В других германских языках, где действует ограничение V2 (глагол всегда стоит после начальной группы предложения) или ограничение V1/V2 (глагол стоит не далее второй позиции от начала предложения), конечная позиция глагола не зависит от того, заполнен ли узел *Comp* внешне выраженным подчинительным союзом. Придаточные, вводимые внешне выраженными союзами, и имеющие при этом порядок V2, имеются также в языке идиш [Diesing 1990], новоисландском языке [Thráinsson 1986], фарерском языке и древнескандинавских языках [Циммерлинг 2002: 305, 339]. Тем самым, гипотеза о перемещении глагола в узел *Comp*, претендующая на выявление механизма Универсальной Грамматики, в действительности является эмпирическим обобщением достаточно специфического распределения параметров в ограниченном круге современных германских языков.

Для табличной схемы немецкого предложения вопрос о правильности гипотезы о перемещении глагола в узел *Comp* нерелевантен: во-первых, табличные схемы всегда отражают множество синтаксических ограничений, присущих конкретному языку, а во-вторых, в немецком языке внешне выраженный подчинительный союз и финитный глагол на втором месте от начала предложения всегда находятся в дополнительном распределении. В отличие от табличной схемы датского предложения, в «среднем поле» немецкого предложения у подлежащих, дополнений и обстоятельств нет твердо закрепленных за ними клеток: это обобщение справедливо как по отношению к случаю, когда аргументные слова представлены ИГ или ударными местоимениями, так и по отношению к случаю, когда подлежащее и дополнения представлены слабоударными дополнениями [Abraham 1995]¹⁴. Единственной категорией, которая имеет постоянное место в «среднем поле» немецкого языка, является сентенциальное (общее) отрицание *nicht* «нет», которое располагается непосредственно перед нефинитной частью сказуемого. В примере (15) таковой являются вложенные друг в друга инфинитивы [_{IP} lassen [_{IP} geben] «позволять давать».

XP	V _{fin}	S	O _{dir}	O _{ind}	Neg	V _{inf}
(15) нем. Gestern	<u>wollte</u> sie	ihn	ihm		nicht	<u>lassen geben</u> .
	Вчера	хотела	она	его	ему	не позволять давать
	‘вчера она не хотела отдавать его ему’.					

В примере (16), являющимся результатом вложения предложения (15) в структуру с подчинительным союзом *daß* «что» и придаточным, общее отрицание *nicht* занимает ту же самую позицию перед правой частью рамки, но компоненты сказуемого [_{VP} [_{IP} geben [_{IP} lassen]] *wollte*^o] «хотела позволить отдать» стоят контактно в

¹⁴ Известно единственное исключение – местоименная клитика ср. р. им-вин. п. *es* «оно, это», которое всегда предшествует другим местоимениям, если они стоят контактно. Ср. нем. Er hat **ihm** (1) **das Buch** (2) gegeben «он дал **ему** (1) **книгу** (2)» ~ нем. Er hat **das Buch** (1) **ihm** (2) gegeben «Он дал **книгу** (1) **ему** (3)», но нем. Er hat **es** (1) **ihm** (2) gegeben «он дал **ее** (букв. “это”) **ему**», *Er hat ihm es gegeben.

обратном порядке, где синтаксические зависимые предшествуют вершинам, букв. [_{VP} [_{IP} отдать [_{IP} позвoлить]] хотела°].

- (16) нем. Comp S Adv O_{dir} O_{ind} Neg V_{inf} V_{fin}
 daß sie gestern ihn ihm **nicht** geben lassen wollte
 что она вчера его ему **не** давать позволять
 'что она вчера она **не** хотела отдавать его ему'.

Таким образом, развертывание немецкого предложения, учитывающее как линейную независимость, так и линейную зависимость, соответствует формуле (i). Нижний индекс MITTELFELD характеризует область, где немецкий язык разрешает переставлять подлежащее, дополнения и обстоятельства, т. е. «среднее поле».

- (i) нем. XP V_{fin} [_{MITTELFELD} {S+ O + Adv} NEG] V_{inf} ~ Comp [_{MITTELFELD} {S+ O + Adv} NEG] V_{inf} V_{fin}

Формулу (i) легко представить в виде табличной схемы. Чтобы учесть порядки слов (10a-b), (11a-b), добавим еще одну клетку для элементов, которые могут стоять вне рамки V_{fin} ... V_{inf}. Обозначим ее символом YP и параллельно укажем ее обычное германистическое обозначение «конечное поле».

XP	#	S + O + ADV	NEG	#	YP
«Vorfeld»	Comp/ V _{fin}	«Mittelfeld»		V _{inf} /V _{inf} + V _{fin}	«Nachfeld»
Peter	hat	seiner Mutter	nicht	versprochen	[IP heute zu kommen]
Петер	имеет- связка	своей матери	не	обещавши- перф.	сегодня прийти
«Петер не обещал своей матери прийти сегодня».					
∅	daß	Peter seiner Mutter	nicht	versprochen hat	[IP heute zu kommen]
∅	что	Петер своей матери	не	обещавши- перф имеет- связка	сегодня прийти
«что Петер не обещал своей матери прийти сегодня».					
Er	war	mit einer emanizierten Anwältin	∅	verheiratet	∅
он	был	на неопр.арт. эмансипированной адвокатше	∅	женившись- перф.	∅
«Он был женат на эмансипированной адвокатше».					
daß	er	mit einer emanizierten Anwältin	∅	verheiratet war	∅
что	он	на неопр.арт. эмансипированной адвокатше	∅	женившись- перф.	∅
«что он был женат на эмансипированной адвокатше».					

Er	war	∅	∅	verheiratet	[PP mit [NP einer emanzipierten Anwältin [CP die mehr verdiente als er]]]
он	был	∅	∅	женившись	на неопр.арт. эмансипированной адвокатше, которая больше зарабатывала, чем он
«Он был женат на эмансипированной адвокатше, которая зарабатывала больше, чем он».					
Die Mieten	sind	schneller als die Lebensmittelpreise		gestiegen	∅
Оклады	суть	быстрее чем цены на продукты		выросши-перф.	∅
«Оклады выросли быстрее, чем цены на продукты».					
Die Mieten	sind	schneller	∅	gestiegen	[ComparP als die Lebensmittelpreise]
оклады	суть	быстрее	∅	выросши-перф	чем цены на продукты питания
«Оклады выросли быстрее, чем цены на продукты».					
∅	daß	die Mieten schneller als die Lebensmittelpreise	∅	gestiegen sind	∅
∅	что	оклады быстрее чем цены на продукты	∅	выросши-перф суть	∅
«что оклады выросли быстрее, чем цены на продукты».					
Vielleicht	liegt	auch beim Lauchheimer Kamm ursprhnglich ein Name mit dem zweiten Glied -dag	∅	vor	∅
возможно	лежит	также у Лауххаймского Гребня первоначально имя со вторым компонентом -dag	∅	пред-постверб	∅
«Возможно, в надписи на гребне из Лауххайма тоже первоначально стояло личное имя со вторым компонентом -dag».					
∅	daß	vielleicht auch beim Lauchheimer Kamm ursprhnglich ein Name mit dem zweiten Glied -dag	∅	darliegt	∅
∅	что	возможно также у Лауххаймского Гребня первоначально имя со вторым компонентом -dag	∅	пред-лежит	∅
«что в надписи на гребне из Лауххайма, возможно, тоже первоначально стояло личное имя со вторым компонентом -dag».					

РИС. 5. Табличная схема немецкого предложения

Немецкий язык в ограниченном объеме допускает разрыв составляющих, в основном – за счет альтернатив типа (10)–(11), когда группа предложения с вложенной в нее синтаксической составляющей разрывается так, что часть ее оказывается внутри рамки $V_{fin} \dots V_{inf}$, а часть – вне ее. Однако немецкие ИГ разрываться элементами других групп не могут. В целом, хотя структура немецкого предложения благоприятствует описанию методом табличных схем, порядок слов в немецком предложении значительно более свободный, чем в современном датском и прочих континентальных скандинавских языках. Ограничение V2 требует заполнения начальной позиции независимого повествовательного предложения (XP) ровно одной группой предложения, а предикатная рамка $V_{fin} \dots V_{inf}$ налагает жесткие ограничения на расположение компонентов сказуемого и требует помещения несинтаксических аргументов и адъюнктов глагола внутри рамки, а синтаксических составляющих – правее нее. Однако данные ограничения никак не регулируют порядок несинтаксических аргументов и адъюнктов, когда они стоят внутри рамки в «среднем поле». Фиксированной является лишь позиция общего отрицания, что сближает немецкую систему порядка слов с датской.

В терминах локальных правил Гринберга немецкий язык может быть охарактеризован как язык с непоследовательным левым ветвлением [Heltoft 1992], если принять за основу позицию нефинитного, а не финитного глагола: дополнение предшествует лексической части сказуемого (${}^{\circ}V + O$), существительное предшествует притяжательному род. п. ($N^{\circ} + N_{Gen}$), финитный компонент глагольной конструкции предшествует нефинитному ($V_{fin}^{\circ} + V_{inf}$), постверб/отделяемая приставка предшествует нефинитному глаголу ($PV^{\circ} + V_{inf}$). Обратное направление ветвления имеет место в следующих группах: предлог предшествует существительному ($P^{\circ} + N$), атрибутивное прилагательное предшествует существительному ($Adj + N^{\circ}$), наречие предшествует определяемому прилагательному ($Adv + Adj^{\circ}$), придаточное относительное следует за главным предложением ($RelP + S^{\circ}$). Похожее распределение параметров локальных правил наблюдается в нидерландском языке и языке кашмири: первый из названных языков развивался в условиях тесного контакта с немецким языком, в то время как какие-либо контакты между немецким языком и кашмири на стадии формирования их синтаксических систем отсутствовали.

6.3.2. Место вопросительных слов в табличной схеме немецкого предложения

Табличная схема немецкого предложения в варианте, представленном на рис. 5, как отмечено выше, непосредственно описывает синтаксис независимых повествовательных предложений, которые являются в немецком языке предложениями V2, и придаточных предложений, которые являются предложениями с конечным положением глагола: в предложениях, не являющихся предложениями V2, «начальное поле», т. е. клетка XP, не заполняется. Кроме того, табличная схема (17) непосредственно описывает также специальные вопросы с внешне выраженным вопросительным словом, которые тоже являются предложениями

V2 в немецком языке. Это условие не является тривиальным, так как имеются языки V2 типа кашмири (см. ниже раздел 2.4), где вопросительные слова трактуются иначе, чем ИГ и неаргументные слова, занимающие XP. В немецком языке особой клетки для вопросительных слов не требуется, так как в предфинитную позицию XP в специальных вопросах перемещается одна и только одна группа вопросительного слова.

XP-WH V_{fin} V_{inf}
 (17) нем. а. **Wer** hat **was** gesagt?
Кто имеет что сказать-перф.
 ‘Кто что кому сказал?’.

XP-WH V_{fin} V_{inf}
 б. ***wer was** hat gesagt?
Кто что имеет сказать-перф.

XP-WH V_{fin} V_{inf}
 в. ***Gestern** sagte **wer was**?
 Вчера сказал **кто что**
 Подразумеваемое зн. ‘Кто вчера что сказал?’.

Запрет на (17b) подтверждает, что в т. н. множественных вопросах с несколькими вопросительными словами в позицию XP может переместиться только одна группа вопросительного слова. Запрет на (17c) свидетельствует о том, что перемещение группы вопросительного слова в позицию XP является обязательным в правильно построенном специальном вопросе немецкого языка. Двух данных условий достаточно, чтобы признать позиционную эквивалентность группы вопросительного слова и группы другой категории предложений в XP в немецком языке.

- (ii) В немецком языке и синтаксических системах типа немецкой в повествовательных независимых предложениях и в специальных вопросах с внешне выраженным вопросительным словом имеется позиция XP, которая должна заполняться единственной синтаксической группой.

Обобщение (ii) носит эмпирический характер и касается рестриктивных свойств позиции XP в синтаксических системах типа немецкой. С нашей точки зрения, оно само по себе не свидетельствует о том, что вопросительные слова со значением *wer* «кто?», *was* «что?», *wem* «кому?», *wo* «куда», «когда» и т. п. выражают категорию того же самого типа, что невопросительные выражения *Der Professor* «профессор – -им. п.», *den Vortrag* «доклад – -вин. п.», *der Studentin* «студентке – дат. п.», *nach Paris* «в Париж», *gestern* «вчера». Соответственно, выводы о том, что вопросительные слова трактуются как предикатные актаны или как выражения, отличные от них, является ли позиция XP, если в нее перемещаются вопросительные слова в специальных вопросах, «аргументной» (A-position, в терминах Минималистской Программы) или «неаргументной» (A-bar

position), невозможно извлечь из самой табличной схемы и обобщения (ii) – они имеют смысл лишь в рамках формальных синтаксических концепций, где принимаются дополнительные конвенции о номенклатуре синтаксических позиций и свойствах перемещений.

6.3.3. Табличная схема ИГ в немецком языке

Как указано выше, немецкие ИГ являются неразрывными. Их развертывание следует схеме D A N° (детерминатив – артикль, прилагательное, существительное). В примерах (18)–(20) символ D (детерминатив) использован для выражений трех типов – определенного артикля (18), притяжательного местоимения (19) и количественного числительного/количественного слова (20).

	D	A	N°
(18) нем.	Das	hübsh-e	Mädchen
	Опр.арт.-ср.р.ед.ч.	красивый-прил.опр.	девушка-ср.р.ед.ч.
	'красивая девушка'.		

	D	A	N°
(19) нем.	Mein	lieb-er	Freund
	Мой-м.р.ед.ч.	дорогой-м.р.	друг-м.р.ед.ч.
	'Мой дорогой друг'.		

	D	A	N°
(20) дат.	Zwei	toll-e	Büch-er
	Два	шикарный-мн.ч.	книга-мн.ч.
	'Две шикарные книги'.		

Полная схема развернутой ИГ немецкого языка имеет вид Pron Poss Q QualA RelA N° (местоименный детерминатив – посессивный определитель имени – числительное – качественное прилагательное – количественное прилагательное – существительное). Клетка QualA, как и в польском и датском языках, допускает итерацию качественных прилагательных, порядок которых строго не фиксирован: ср. нем. *die alten bösen Lieder*° «эти старые злые песни» ~ *die bösen alten Lieder*° «эти злые старые песни».

D			QualA	RelA	N
1.Pron	Poss	Q			
diese	meine	zwei	schwierigen langen	dreistimmigen	Fugen
эти	мои	две	трудные длинные	трехголосные	фуги

РИС. 6: Табличная схема развернутой ИГ в немецком языке

Тем самым, в немецком языке как предложение, так и развернутая ИГ могут быть успешно записаны при помощи табличной нотации, но табличная схема ИГ более рестриктивна, чем табличная схема развертывания предложения, которая имеет зону, внутри которой категории предложения могут располагаться в почти нефиксированном порядке.

6.4. Язык кашмири: синтаксические ограничения и локальные правила

Язык кашмири дардской группы индоевропейской языковой семьи служит ярким примером конвергенции синтаксических систем. Данный язык имеет ограничение V2, что давно отмечено в работах по типологии и универсальной грамматике. Кроме того, в кашмири имеются предикатная рамка $V_{fin} \dots V_{inf}$ и точно такая же структура из трех «полей», как в немецком языке: при нейтральном порядке слов подлежащее, дополнения и обстоятельства стоят внутри рамки [Bhatt 1999: 69]. Эти черты делают табличное описание финитного предложения в кашмири уместным и удобным: при этом также возникает шанс оценить и проверить ранее высказывавшиеся с позиций разных синтаксических теорий утверждения о структуре предложения в европейских языках с ограничением V2 и рамочной конструкцией $V_{fin} \dots V_{inf}$. Сходство немецкого синтаксиса и синтаксиса кашмири тем более примечательно, что кашмири никогда не контактировал с германскими языками с ограничением V2: мнение о том, что современный английский язык, контакты с которым могли повлиять на становление синтаксической системы кашмири, может быть причислен к языкам V2, несмотря на то, что оно поддержано авторитетом Л. Рицци [Rizzi 1989; 1990; Benincà, Poletto 2004], неверно. В отличие от немецкого языка, кашмири – *последовательный язык с левым ветвлением* (head-final language, complement-head language), где почти все группы развертываются по типу Зависимое – Вершина. Имеются послелого (N...P°), но не предлоги, прилагательные и притяжательный род. п. предшествуют именной вершине (Adj.. N°; N_{Gen}...N°), дополнения предшествуют лексической части составного сказуемого (...O...V_{inf}), обстоятельство предшествует прилагательному или глаголу (Adv... Adj°; Adv...V°), см. [Bhatt 1999: 65–71]. Придаточные относительные, придаточные изъяснительные с союзом ki «что» и инфинитивные обороты следуют после вершинного элемента, что можно объяснить контрастом между принципами размещения групп лексических и нелексических категорий: все группы лексических категорий имеют левое ветвление, а группы нелексических категорий следуют после главной предикации¹⁵ [Ibid.: 72, 83, 98]. С нашей точки зрения, данный тезис Р. Бхатта вступает в некоторое противоречие с его собственными данными о том, что инфинитивные обороты (IPs) в кашмири ведут себя «аналогично ИГ» и могут иметь при себе показатели род. п. и послелого [Ibid.: 126]. Кроме того, упорядоче-

¹⁵ Инфинитивные обороты могут также вставляться в главную предикацию, занимая место между позициями финитного и нефинитного глагола, см. примеры (21) и (32) ниже.

ние элементов внутри инфинитивных оборотов кашмири подчиняется принципу конечного расположения предикатных вершин, что является частным случаем левого ветвления в группах лексических категорий.

- (21) кашм. а. su chu-u [_{IP} me haar **d-i-n**] yetshaan¹⁶.
Он-эрг. Связка-м.р.ед.ч. я-дат.м.р. деньги-им.ж.р. дать-инф. хотеть-перф.
'Он хочет **дать** мне деньги'.
- б. *su chu-u [_{IP} **d-i-n** me haar] yetshaan.
Он-эрг. Связка-м.р.ед.ч. дать-инф. я-дат.м.р. деньги-им.ж.р. хотеть-перф.
- в. *su chu-u [_{IP} me **d-i-n** haar] yetshaan.
Он-эрг. Связка-м.р.ед.ч. я-дат.м.р. дать-инф. деньги-им.ж.р. хотеть-перф.

6.4.1. Табличная схема ИГ в языке кашмири

Порядок компонентов D + A + °N. Числительные предшествуют прилагательным, итерация прилагательных возможна [Bhatt 1999: 65].

- (22) кашм. Akh baD thod katur laRk.
один очень высокий светловолосый мальчик
'Один очень высокий светловолосый мальчик'.

В случае, если в позиции определяющего стоит притяжательная группа, внутри которой, в свою очередь, имеется отношение определяющее / определяемое, грамматический маркер притяжательности / род. п. ставится после меньшей из групп и имеет фиксированную позицию. Маркер притяжательности присоединяется справа к зависимому элементу. Перестановка маркеров притяжательности (23с) и/или опущение одного из маркеров (23д) ведет к аномалии [Ibid.: 50]

- (23) кашм. а. Myon booy
Мой брат
'мой брат'.
- б. [_{NP} [_{NP} [_{NP} 'myan-is booy] sund] makaan]
мой-его брат его дом
'дом моего брата'
- в. *myan-is sund booy makaan
мой-его его брат дом
- д. *sund myon booy makaan
его мой брат дом

¹⁶ Примеры (21а-с) из [Bhatt 1999: 126]. Мы не глоссировали нулевое подлежащее инфинитива (PRO), поскольку вопрос о его наличии/отсутствии не важен для оценки ветвления элементов группы.

В кашмири нет полного запрета на разрыв составляющих: согласно Р. Бхатту, ИГ с притяжательным родительным падежом ($N_{Gen} \dots N^{\circ}$), см. (25) и послеложные группы, см. (24), могут разрываться элементами других групп [Ibid.: 49–50]. Критерием для проверки является возможность помещения элемента группы в позицию перед финитным глаголом. В примере (24) ПГ bhoganas **pyaTh** «на сковородку», букв. «сковородку **на**» разрывается подлежащим *me* и глаголом *thos* «положил». В примере (25) ИГ *tem-sund makaan* «его дом», букв. «он-его дом», разрывается местоимением *asyi* «нам» и связкой *chu*.

- (24) кашм. [_{PP} Bhoganas... {**thos me**} ... pyaTh] Thaanl¹⁷.
сковородка положил я-эрг. на крышка-им.п.
'Я положил крышку на сковородку'.
- (25) кашм. [_{NP} Tem-sund... {**chu asyi**} ... makaan] baDi pasand.
Он-его связка нам-дат. дом-им. очень нравится
'Нам очень нравится его дом'.

ИГ, состоящие из прилагательного/указательного местоимения и именной вершины, согласно Р. Бхатту, разрываться не могут [Ibid. 1999: 50, 95].

- (26) кашм. * [_{NP} su... {**dyut shilayi me**} ... kalam].
Ты дал Шейла-эрг. Я-дат. ручка
'Шейла дала мне ту ручку'.
- (27) кашм. * [_{NP} gariib ... {**dits me**} ... laRkas] haar.
Бедный-дат. дал я-эрг. Мальчик-дат. деньги-им.
'Я дал деньги бедному мальчику'.

Разрываются также ИГ, содержащие в своем составе кванторное слово, однако именная вершина может выноситься в предфинитную позицию, ср. (28a), а кванторное слово не может (28b). Эту ассиметрию следует объяснять не собственными свойствами групп, содержащих квантор, но ограничениями на перемещение элементов в предфинитную позицию XP: за вычетом случая, иллюстрированного примерами (24)–(25), позицию XP в языке кашмири занимают полные группы (maximal projections), а не их фрагменты, что является типичным признаком языков с ограничением V2.

- (28) кашм. а. LaRkav khyva saaryivi batl.
Мальчики-эрг. Ел все-эрг. Еда-им.
'все мальчики ели еду'.
- б. *saaryivi khyva laRkav batl.
Все-эрг. ел Мальчики-эрг. еда-им.

¹⁷ Примеры (22)–(24) из [Bhatt 1999: 50], нотация наша.

Можно сделать вывод, что ИГ языка кашмири имеют как черты, сближающие их с германскими системами порядка слов типа датской и немецкой – наличие фиксированного порядка компонентов и запретов на их перестановки, так и отдельные черты, сближающие их со славянскими системами порядка слов типа русской или польской – возможность разрыва ИГ с род. п., а также ПГ с послелогом¹⁸.

6.4.2. Табличная схема предложения в языке кашмири

Выделяются клетка начальной произвольной категории (XP), замещаемая полной группой, возглавляемой аргументным либо неаргументным словом, клетка финитного глагола (V_{fin}), замещаемая финитной формой глагола или связкой, и клетка нефинитного глагола (V_{inf}), замещаемая лексической частью глагольного сказуемого¹⁹. В предложениях с простым глагольным сказуемым клетка V_{fin} заполняется финитной формой лексического глагола, в предложениях с составным сказуемым клетка заполняется глаголом «быть» в именном сказуемом, связкой *ch*-или служебным глаголом *karun* «совершать», «делать», «заставлять» в глагольном сказуемом. Если лексическая часть сказуемого представлена отыменным глаголом, реализующимся в виде сочетания именной части речи со служебным глаголом, ср. кашм. *saaf karun* «чистить», букв. «чисто делать-перф.», *khatam karun* «заканчивать», букв. «конец делать», форма служебного глагола типа *karun*, в соответствии с принципом конечного положения вершин групп, ставится в конце сочетания, стоящего в клетке V_{inf} , ср. пример (29).

	XP	V_{fin}	O	Adv	Refl	O	Adv	V_{inf}
(29) кашм.	<i>huun-ti</i>	<u><i>chu</i></u>	<i>behna</i>	<i>bronH</i>	<i>panin</i>	<i>jaau</i>	<i>goD</i>	<u><i>saaf kaaran</i></u> . ²⁰
		Собака-даже	<u>связка</u>	сидение	перед	свое место	сперва	чисто <u>делать</u> -перф. _
		‘Даже собака чистит свое место перед тем как усесться’.						

Компоненты глагольного сказуемого $V_{fin} \dots V_{inf}$ образуют рамочную конструкцию, как и в немецком языке. Подлежащее (S), дополнения (O) и обстоятельства (Adv) стоят в нефиксированном порядке. Предложение с набором S, O, Adv, V_{inf} может иметь 6 линейных вариантов, но финитный глагол должен оставаться на

¹⁸ Параллель касается только самой возможности разрыва составляющих. Характерно, что в славянских языках ПГ с предлогом не разрываются элементами глагольной группы ни в одном языке ср., рус. **на поехал свою дачу*.

¹⁹ Нефинитные компоненты составного сказуемого, заполняющие клетку V_{inf} в кашмири, по-видимому, в одних случаях являются именными формами глагола, по своей характеристике близкими немецким причастиям в составе аналитической формы перфекта, в других – модификаторами глагола, близкими немецким отделяемым приставкам. В любом случае, в кашмири, как и в немецком языке, нет особой клетки для модификаторов глагола, отдельной от клетки для нефинитных глагольных форм, поэтому элементы обеих групп попадают в одну и ту же клетку как в кашмири, та и в немецком языке.

²⁰ Пример из [Bhatt 1999: 88]. Р. Бхатт подчеркивает, что на начальную группу *huun-ti* «даже собака» падает рematicкий акцент.

своем месте [Bhatt 1999: 47–48]. Следуя интерпретации Р. Бхатта, мы присваиваем Агенсу переходного глагола, маркируемому эргативным падежом, индекс подлежащего (S), а Пациенсу переходного глагола, маркируемому именительным падежом, индекс дополнения (S), хотя как раз в ситуации, где актанты глагола не имеют фиксированного места в постфинитной части предложения, где Агенс и Пациенс переходного глагола могут появляться одновременно, эта квалификация не играет особой роли для уточнения табличной схемы предложения.

- (30) кашм. а. XP V_{fin} S O
 gaath khyav tem batI.
 Вчера он-эрг. ел пища-им.
 ‘вчера он ел пищу’.
- XP V_{fin} O S
 b. gaath khyav batI tem.
 вчера ел пища-им. он
- XP V_{fin} Adv O
 c. tem khyav raath batI.
 Он-эрг. Ел вчера пища-им.
- XP V_{fin} O Adv
 d. tem khyav batI raath
 он-эрг. ел пища-им. вчера
- XP V_{fin} S Adv
 e. batI khyav tem raath
 пища-им. ел он-эрг. вчера
- XP V_{fin} Adv S
 f. batI khyav raath tem
 пища-им. ел вчера он

Сентенциальное отрицание *-na* является глагольной энклитикой, которая присоединяется к финитному глаголу справа и не может стоять с ним дистантно, поэтому выделять особую клетку для него, в отличие, например, от табличных схем датского и немецкого языка, необязательно. Принцип постановки сентенциального отрицания сближает кашмири с английским языком, где действует точно такой же принцип.

- XP V_{fin}-NEG S
 (31) кашм. yī kor-na tem-is khosh [_{CP} ki ba byuuThus-na]²¹.
 Это делал-не ее-дат. счастливый что я сидел-не
 ‘Ее огорчило (букв. не порадовало), что я не сидел’.

²¹ Пример из [Bhatt 1999: 49].

Рамочное расположение компонентов составного глагольного сказуемого является обязательным для всех коммуникативно нейтральных высказываний с ограничением V2 и финитным глаголом во второй позиции от начала предложения. В отличие от немецкого и датского языков, в коммуникативно маркированных предложениях с V2 порядок XP V_{fin} V_{inf} {S + O + Adv} с контактным положением финитного и нефинитного глагола не исключен полностью, но он, согласно Р. Бхатту, возможен лишь тогда, когда на лексической части сказуемого стоит выделительный акцент (focal stress).

	XP	V _{fin}	S	O	V _{inf}
(32) кашм. а.	ba	<u>chu-s</u>	laRk-as	kitaab	<u>div-aan</u> .
	Я-им.	связка-м.р.ед.ч.	мальчик-дат.	книга-им.	давать-перф.
		'Я дал книгу мальчику'.			
	XP	V _{fin}	V _{inf}	S	O
b.	ba	chu-s	div-aan	laRkas	kitaab
	я-им.	связка-м.р.ед.ч.	давать-перф.	мальчик-дат.	книга-вин.
		'Я действительно дал книгу мальчику'.			

Начальная предфинитная позиция XP, как и в германских языках с ограничением V2, может заполняться полными группами (maximal projections) несентенциальных элементов, придаточными и инфинитивными оборотами, а в определенных случаях, иллюстрированных выше примерами (24), (25) и (28a) – также элементами разрывных несентенциальных групп. Как и в немецком языке, в языке кашмири действуют ограничения на состав компонентов, способных стоять внутри рамки V_{fin} ... V_{inf}: как и в немецком языке внутри рамки попадают все типы несентенциальных составляющих, а придаточные с финитной формой глагола помещаются правее клетки нефинитного глагола, см. (33a-b). Вместе с тем, инфинитивные обороты, в отличие от того, что представлено в немецкой системе порядка слов, могут стоять как вне, так и внутри рамки V_{fin} ... V_{inf}, см. (33a-b). Нижеследующие примеры взяты из [Bhatt 1999: 75].

	XP	V _{fin}	V _{inf}	#
(33) кашм. а.	laRk	<u>chu</u>	<u>yetshaan</u>	[_{CP} ki su kheyi-hee batl].
	Мальчик	связка	хочет	что он ел-бы пища
		'Мальчик хочет, чтобы он ел пищу'.		
	XP	V _{fin}		V _{inf}
b.	*laRk	<u>chu</u>	[_{CP} ki su kheyi-hee batl]	<u>yetshaan</u> .
	Мальчик	связка	что он ел-бы пища	хочет
	XP	V _{fin}		V _{inf}
(34) кашм. а.	laRk	<u>chu</u>	[_{IP} batl khy-on]	<u>yetshaan</u> .
	Мальчик	связка	пища есть-инф.	Хочет
		'Мальчик хочет есть пищу'.		

	XP	V _{fin}	V _{inf}	
b.	laRk	<u>chu</u>	<u>yetshaan</u>	[_{ip} batl khy-on].
	Мальчик	связка	хочет	пища есть-инф.
	‘Мальчик хочет есть пищу’.			

Наличие альтернатив типа (34) подтверждает существование категорий предложения кашмири, которые могут стоять как правее, так и левее клетки нефинитного глагола, и доказывает, что в табличной схеме предложения языка кашмири уместно вводить те же три зоны, что и в табличной схеме немецкого языка – «начальное поле» (= предфинитную позицию XP), среднее поле (= зона между компонентами рамки V_{fin} ... V_{inf}) и «конечное поля». Это означает, что в табличной схеме предложения нужно выделять минимум пять клеток – XP, V_{fin}, Mittelfeld, V_{inf}, Nachfeld, т. е. клетки начальной произвольной категории, финитного глагола, «среднего поля», нефинитного глагола, «конечного поля». К этому набору, как следует из анализа Р. Бхатта, нужно добавить еще одну, факультативную позицию топикализованного элемента (группы предложения), предшествующую клетке XP [Bhatt 1999: 102–110]. Обозначим эту клетку символом TOP. В типичном случае элемент, стоящий в позиции XP перед глаголом, имеет коммуникативный статус Ремы или контрастной Темы, а не обычной Темы, поэтому объединение элементов, занимающих клетки TOP и XP, в рамках единой позиции непродуктивно как по формально-синтаксическим основаниям (две замкнутых группы предложения вместо одной перед финитным глаголом), так по коммуникативно-синтаксическим основаниям (коммуникативно-разнородные элементы в одной позиции).

	TOP	XP	V _{fin}	S	O	V _{inf}	
(35)	кашм.	Su laRk _i	Ramesh-an	<u>yuch</u>	temis _i	tsuur	<u>karaan</u> .
		Тот мальчик-им.	Рамеш-эрг.	Видел	он-дат.	кража	делать-перф.
		‘что касается того мальчика, то это Рамеш видел, как тот совершал кражу’.					

Возможна конструкция с местоименным повтором, где ИГ, стоящая в TOP, повторяется кореферентным местоимением в основной части предложения:

	TOP	XP	V _{fin}	O	O	
(36)	кашм. а.	con calam _i	Ramesh-an	<u>dyut</u>	shiilayi	su _i .
		Твоя ручка	Рамеш-эрг.	Дал	Шейла-дат.	ту
		‘что касается твоей ручки, то это Рамеш дал ее Шейле’.				
	TOP	XP	V _{fin}	S	O	
	b.	con calam _i	su _i	<u>dyut</u>	Ramesh-an	shiilayi.
		Твоя ручка	ту	Дал	Рамеш-эрг.	Шейла-дат.
		‘что касается твоей ручки, то это Рамеш дал ее Шейле’.				

Если позиция TOP занята дискурсивным или модальным словом типа kodraty_i «конечно», moksarkarith «в конце концов», между ним и последующей частью предложения всегда ставится пауза [Ibid.: 104]. Это подтверждает, что элементы,

занимающие TOP, не относятся к той же самой синтаксической области, где стоит финитный глагол.

	TOP	XP	V _{fin}	Refl	O	Adv
(37) кашм.	kodratyi	me	moklaav	paniny	kaam	godI.
	Конечно	я-эрг.	кончил	свой	работа	вначале
	‘Я, конечно , сперва закончил свою работу’.					

Р. Бхатт, в духе германистической традиции, трактует все позиции, предшествующие финитному глаголу, как единый комплекс. Он обозначает его термином *Vorfeld*, т. е. «начальное поле», а примеры типа (35)–(37) в дескриптивном плане описывает как предложения с «третьим местом глагола» (V3), ср. [Ibid.: 102–109]. Представляется, что это неточность, которую нужно исправить как в генеративно-трансформационной, так и в табличной нотации. Ярлык «V3» по отношению к синтаксису кашмири лишен теоретического содержания, структуры типа (34)–(36) в действительности являются теми же предложениями V2 с дополнительной позицией TOP, не учитываемой при отсчете групп от начала основной части предложения. Особая позиция TOP для топикализованных элементов имеется и в ряде германских языков с ограничением V2: для современных немецкого и датского языков конструкции с вынесенным топикализованным элементом менее характерны, но в шведском языке [Källgren, Prince 1989: 52], древнескандинавских языках и скандинавских памятниках переходного периода они употребляются регулярно [Циммерлинг 2002: 287–289, 376–379, 445–447]. Поэтому «картографическая» гипотеза Р. Бхатта о том, что внутри «начального поля» кашмири на уровне Универсальной Грамматики выделяются следующие одна за другой позиции Темы и Ремы [Bhatt 1999: 109] избыточна. Об этом свидетельствует приводимый самим Бхаттом пример, где между TOP и главной частью предложения вставлена парентетическая фраза: вставка парентезы между позицией XP и финитным глаголом в языках V2 по определению невозможна, если парентетические элементы организованы как синтаксическая составляющая.

	TOP	XP	V _{inf}	O	O	V _{inf}
(38) кашм.	su laRk,	[_{CP} yi	ch-aa	poz]	Rameshan	<u>yuch</u> temis, tsuur <u>karaan</u> .
	Тот мальчик	это	есть-вопр.	верно	Рамеш-эрг.	Видел он-дат. кража совершать
	‘Что касается того мальчика, то верно, что это Рамеш видел, как тот крад’.					

Таким образом, устанавливается табличная схема предложения из шести позиций.

TOP	XP	Vfin	{S + O + Adv}	Vinf	YP
Vorfeld		#	Mittelfeld	#	Nachfeld
∅	laRk	chu	∅	yetshaan	[IP batI khy-on]
∅	мальчик	связка	∅	хочет	пища есть-инф.
«Мальчик хочет есть пищу».					
∅	laRk	chu	[IP batI khy-on]	yetshaan	∅
∅	мальчик	связка	пища есть-инф.	хочет	∅
«Мальчик хочет есть пищу».					
∅	kamras manz	dits	laRk-an koor-yi kitaab	∅	∅
∅	комната в	дает-ж.р.ед.ч.	мальчик-эрг. Девочка-дат. книга-им.ж.р.ед.ч.	∅	∅
«Мальчик дал девочке книгу в комнате».					
∅	[IP tem-sund ran-un]	kor-na	myanyi baayi	pasand	∅
∅	ее готовить. еду-инф.	делает-не	мой-эрг. брат-эрг.	нравиться	∅
«Моему брату не нравится, как она готовит еду».					
∅	gyan-aan	oos	su dohay	jaan	∅
∅	петь-перф.	был-м.р.ед.ч.	он всегда	хорош	∅
«В пении он всегда был хорош».					
∅	ba	chu-s	laRk-as kitaab	div-aan	∅
∅	Я	связка-м.р.ед.ч.	мальчик книга	давать-перф.	∅
«Я дал мальчику книгу».					
∅	batI	khyav	raath tem	∅	∅
∅	пищу	ел	вчера он	∅	∅
«Он вчера принимал пищу».					
Su laRki	Ramesh-an	vuch	temisi tsuur	karaan	∅
тот мальчик	Рамеш-эрг.	видел	его-дат. кража-вин.	совершать	∅
«Рамеш видел, как тот мальчик совершал кражу».					
moksarkarith	ba	goos	temund gar	∅	[ta onun panun buuTh vaapas]
в конце концов	я-эрг	пошел	его дома	∅	и взял свои сапоги назад
«В конце концов, я отправился к нему домой и забрал свои сапоги».					
∅	huun-ti	chu	behna broNh panin jaay goD	saaf karaan	∅
∅	собака-даже	есть	сидение перед свой место сперва	чисто делать-перф.	∅
«Даже собака чистит себе место перед тем, как усесться».					

РИС. 7: Табличная схема предложения в языке кашмири

6.4.3. Ограничение V2 и картография предложения в языке кашмири: формально-грамматические и коммуникативные факторы

В реализации ограничения V2 в языке кашмири есть один спорный аспект, который может интерпретироваться по-разному, в том числе в терминах табличных схем. С одной стороны, количество групп, предшествующих финитному глаголу, в повествовательных предложениях ограничено единственной группой, независимо от ее состава. Это говорит о том, что квалификация позиции, предшествующей позиции/клетке V_{fin} , как *позиции произвольной категории предложения (XP)*, правильна. В любой генеративной доктрине, пользующейся понятиями базового порождения и перемещения категорий предложения, это является доводом в пользу того, что *ни одна из категорий предложения языка с ограничением V2 непосредственно в XP порождаться не может* и переносится туда в результате операции синтаксического перемещения (XP-fronting). С другой стороны, имеются указания на то, что порядки слов с разными синтаксическими категориями, вынесенными в позицию XP, имеют в кашмири *разное коммуникативное значение*. Подлежащие²², вынесенные в XP, могут не нести на себе фразового ударения и выражать как коммуникативный статус Темы, так и коммуникативный статус Ремы, в то время как дополнения, вынесенные в XP, согласно Р. Бхатту, всегда несут на себе фразовое ударение и получают коммуникативный статус Ремы [Bhatt 1999: 89]. Предложения с начальной Ремой не могут быть коммуникативно исходными, в то время как предложения с начальной Темой реализуют исходную коммуникативную структуру Тема > Рема. Тем самым, порядок $S V_{fin} \dots O \dots V_{inf}$ *может быть* как коммуникативно нейтральным или ненейтральным в зависимости от намерений говорящего и избранной им стратегии, а порядок $O V_{fin} \dots S \dots V_{inf}$ *всегда* является коммуникативно ненейтральным. Наречия, вынесенные в XP, ведут себя так же, как подлежащие, т. е. порядок $Adv S V_{fin} \dots O \dots V_{inf}$ *может быть* коммуникативно нейтральным, а группы, возглавляемые нефинитными формами глагола ведут себя как дополнения и всегда создают коммуникативно маркированный порядок. Термин focal stress, который употребляет Р. Бхатт, неоднозначен: в англоязычной традиции систематически не различаются коммуникативные статусы Ремы и Контрастной Темы, см. об этом [Янко 2001]²³. Однако при любой интерпретации коммуникативного статуса

²² Под понятие «подлежащего» в данном случае подводятся 1) Агнс двухместного переходного предиката, выражаемый ИГ в эрг. п., 2) единственный актант одноместного предиката, выражаемый ИГ в им. п.

²³ Так, для предложения кашм. **gyaav-aan oos su dohay jaan** букв. «**Петь-перф. Был он всегда хорош**», переводимого Р. Бхаттом как «It was **singing** that he always did a good job of» и как «He **always sang well**» [Bhatt 1999: 93], судя по всему, возможны обе интерпретации, поскольку два английских предложения, приводимые Р. Бхаттом, имеют разную коммуникативную интерпретацию. Первое из них, т. н. расщепленное предложение (cleft construction) с формальным подлежащим it, англ. It was **singing** that he always did a good job of является ответом на предшествующую реплику о том, что X был хорош в чем-то, и

начальных дополнений и групп нефинитного глагола в кашмири соответствующие порядки слов будут коммуникативно ненейтральными.

Категория предложения в XP	Линейный порядок	Коммуникативный статус начального элемента	Коммуникативный статус порядка слов
Подлежащее	S V _{fin} ... (O + Adv) V _{inf}	Тема, Рема/Фокус Контраста	Нейтральный или маркированный
Наречие	Adv V _{fin} (S+ O) V _{inf}		
Дополнение	O V _{fin} (S+ Adv) V _{inf}	Рема/Фокус контраста	Маркированный
Группа нефинитного глагола	[_{CP} V _{inf}] V _{fin} (S+ O)		

РИС. 8: Заполнение позиции XP и коммуникативный статус порядка V2 в языке кашмири

Р. Бхатт, принимая картографический подход в духе Л. Рицци, фактически делит клетку XP на две позиции – Темы (Topic) и Ремы (Focus), ради того, чтобы постулировать одну и ту же последовательность Topic – Focus в финитных предложениях разных типов – стандартных предложениях V2, повествовательных структурах с дополнительной позицией TOP и порядком TOP || XP – V_{fin}, ср. примеры (36)–(38), а также в специальных вопросах, где вопросительное слово (wh-word) выносится в предфинитную позицию (XP), которой может предшествовать топикализованный элемент, ср. примеры (39)–(41) ниже. На вопросительные слова, стоящие в XP, по утверждению Р. Бхатта, падает рематический акцент (focal stress), при этом во множественных вопросах в XP могут перемещаться не все вопросительные слова [Ibid. 1999: 112]. Строго говоря, отождествление вопросительных слов с носителем рематического акцента не совсем верно в плане коммуникативного синтаксиса, так как вопросительное слово в составе специального вопроса может быть частью как Ремы, так и Темы. Последнее имеет место в таких высказываниях как рус. {_{Topic} *Какое оборудование* завод «Продмаш» производит {_{FocusP} **серийно**}?²⁴. Поэтому модель Универсальной Грамматики, где вопросительное слово и Рема считаются выражением одних и тех же коммуникативных категорий, трудно признать точной.

примерно соответствует русскому предложению рус. [_{TopicP} он был ↗хорош] [_{FocusP} **именно в \ пении**]. В этом предложении ПГ *в пении* является верификативной Ремой. Второе предложение, без формального подлежащего и с порядком SVO, примерно соответствует русскому предложению рус. «[_{TopicP} ↗Пел он] [_{FocusP} всегда \хорошо]», где глагол *пел* является Контрастной Темой. Без дополнительных сведений об акцентном выделении Темы, Ремы и Контраста в языке кашмири невозможно установить, которое из двух толкований соответствует ярлыку focal stress, использованному Р. Бхаттом.

²⁴ О несовпадении вопросительного слова и Ремы см. [Янко 2001: 42].

Однако гипотезу Р. Бхатта о том, что в «начальном поле» кашмири, т. е. перед финитным глаголом кашмири имеются следующие друг за другом позиции Темы и Ремы, имеет смысл обсудить, несмотря на неточный анализ тема-рематических отношений. Критерием ее правильности для нас будет возможность/невозможность использовать *единственную клетку XP* для размещения вопросительных слов, тематических и рематических невопросительных элементов и их комбинаторика в «начальном поле» кашмири. Кашмири не допускает построения специальных вопросов без перемещения *хотя бы одного* из вопросительных слов в предфинитную позицию: при этом требования, чтобы вопросительное слово стояло в абсолютном начале предложения, нет.

- (39) кашм. а. $\text{XP-WH} \quad \text{V}_{\text{fin}}$
kus kemyis kyaa dij?²⁵
 Кто кому что дал
 'Кто кому что дал?'
- б. $\text{XP-WH} \quad \text{V}_{\text{fin}} \quad \text{Wh}$
kus kyaa dij kemyis?
 Кто что дал кому
 'то же'.
- в. $\text{XP-WH} \quad \text{V}_{\text{fin}} \quad \text{Wh}$
kus dij kemyis kyaa?
 Кто дал кому что
 'то же'.
- (40) кашм. а. $\text{TOP} \quad \text{XP-WH} \quad \text{V}_{\text{fin}} \quad \text{Wh}$
 Ramesh-an **kyaa duy?** kemyis?
 Рамеш-эрг что дал кому
 'Кому и что дал Рамеш?'
- б. $\text{TOP} \quad \text{XP-WH} \quad \text{V}_{\text{fin}}$
 Ramesh-an **kyaa kemyis duy?**
 Рамеш-эрг что кому дал
 'то же'
- (41) кашм. tse $\text{TOP} \quad \text{XP-Wh} \quad \text{V}_{\text{fin}} \quad \text{ADV}$
kyaa-kyaa khyo atyi?
 ты что-что ел там
 'Так что именно ты там ел?'

В специальных вопросах позиция XP в обязательном порядке заполняется вопросительным словом, поэтому предложение (42a) грамматично, а предложение (42b), где единственное вопросительное слово не перемещается в XP и остается в постглагольной позиции, неграмматично.

²⁵ Примеры (39)–(41) цит по [Bhatt 1999: 111–113].

- (42) кашм. а. TOP XP-WH V_{fin} O
 Ramesh-an **kyaa** duyt shiilaayi?
 Рамеш-эрг что дал Шейле
 'Что Рамеш дал Шейле?'
- XP V_{fin} O WH
 б. *Ramesh-an duyt shiilaayi **kyaa**?
 Рамеш-эрг дал Шейле что

Примеры (39)–(42) подтверждают, что вопросительные слова и дополнения языка кашмири действительно попадают в предфинитную позицию (XP) в результате перемещения рематических/контрастивных элементов, но они не могут служить независимым подтверждением гипотезы о том, что элементы с коммуникативным статусом Темы (т. е. подлежащие и наречия языка кашмири) порождаются в предфинитной позиции языка кашмири. Тезис о базовом порождении топикальных подлежащих в предфинитной позиции можно было бы принять, если бы а) статус Темы выражался бы в XP *только подлежащими* б) *все* подлежащие языка кашмири, стоящие в предфинитной позиции перед клеткой V_{fin}, имели бы статус неконтрастной Темы. Ни а), ни б) не выполняются. Тем самым, во-первых, подлежащие языка кашмири не имеют уникальной для них позиции даже в предфинитной позиции, где они альтернируют с наречиями, дополнениями и прочими категориями предложения, во-вторых, коммуникативная роль Темы неспецифична для подлежащих и может сигнализироваться другими элементами в предфинитной позиции. Поэтому нет оснований отказываться от традиционной гипотезы о единой позиции XP, которая в языках V2 заполняется разными категориями предложения в результате синтаксического перемещения (XP-fronting) ради эфемерных иерархий коммуникативных категорий, предположительно реализующихся в левой части предложения на уровне Универсальной Грамматики. Полностью грамматикализованные синтаксические ограничения в языках мира имеют приоритет перед коммуникативными и ритмико-просодическими факторами, следствием чего являются выполняемые в кашмири условия (iii-iv).

- (iii) В языках с грамматикализованным ограничением V2 и обязательным перемещением категорий предложения в позицию XP формально-грамматические ограничения на вынос групп предложения в позицию XP имеют приоритет над коммуникативными операциями, состоящими в приписывании статуса Темы и Ремы подлежащим и дополнениям.
- (iv) В языках с грамматикализованным ограничением V2 и обязательным перемещением категорий предложения в позицию XP все или часть линейных порядков вида XP – V_{fin} коммуникативно непрозрачны и могут быть соотнесены с разной тема-рематической структурой.

Коммуникативная непрозрачность, о которой говорит условие (i) – понятие градуальное, допускающее разные степени сближения/расхождения формально-синтаксической и тема-рематической структуры. В языке кашмири, если анализ Бхат-

та верен, две из четырех синтаксических категорий, попадающих в XP, порождают коммуникативно непрозрачные линейные порядки. В немецком языке, имеющем тот же диагностический набор из четырех категорий в XP, все четыре типа категорий, попадающих в XP, порождают коммуникативно непрозрачные линейные порядки, что отражено на рис. 9.

Категория предложения в XP	Линейный порядок	Коммуникативный статус начального элемента	Коммуникативный статус порядка слов
Подлежащее	$S V_{fin} \dots (O + Adv) V_{inf}$	Тема, Рема/Фокус Контраста	Нейтральный или маркированный
Наречие	$Adv V_{fin} (S+O) V_{inf}$		
Дополнение	$OV_{fin} (S+Adv) V_{inf}$		
Группа нефинитного глагола	$[_{IP} V_{inf}] V_{fin} (S+O)$		

РИС. 9. Заполнение позиции XP и коммуникативный статус порядка V2 в немецком языке

Система порядка слов кашмири получается из системы порядка слов типа немецкой путем наложения коммуникативных ограничений на порядки с начальным дополнением и сужения набора категорий, попадающих в XP. Равным образом, немецкая система порядка слов получается из системы порядка слов кашмири за счет снятия соответствующих ограничений и расширения набора категорий, попадающих в XP.

Язык кашмири отличается от немецкого и датского языка еще и тем, что ограничение V2 реализуется независимо от того, является ли предложение независимым или придаточным, есть ли в его составе внешне выраженный подчинительный союз или нет. При этом прослеживается зависимость от типа придаточного: придаточные изъяснительные, вводимые союзом *ki* «что», имеют порядок V2, см. (43a-b), а в относительных придаточных и временных обстоятельственных придаточных, порядок V2 запрещен, и финитный глагол стоит в конце, см. (44)–(45) [Bhatt 1999: 83–84]. Это значит, что позиция XP (или ее аналог) имеется также и в придаточных изъяснительных.

- (43) кашм. а. XP V_{fin} S O V_{inf}
 gaath **dyut** laRk-an tswaTh **daar-yith.**
 вчера дал мальчик-эрг. Мусор-им. выбросить
 'Вчера мальчик выбросил мусор'.

XP V_{fin} Comp XP V_{fin} S O V_{inf}

- b. tem dop [_{CP} **ki** raath **duyt** laRk-an tswaTh daar-yith].
Он сказал что вчера дал мальчик-эрг. Мусор-им. выбросить
'Он сказал, что вчера мальчик выбросил мусор'.

Wh Adv O V_{inf} V_{fin}

- (44) кашм. а. **yus laRk** raath batI khyv-aan **oos**.
Который мальчик вчера еда ел-перф. был
'Мальчик, который вчера ел пищу'.

XP-Wh V_{fin} Adv O V_{inf}

- b. *yus laRk **oos** raath batI khyv-aan .
Который мальчик был вчера еда ел-перф.

Comp S O V_{inf} V_{fin}

- (45) кашм. а. **yelyi** ba paRhaaii khatam **kar**.
Когда я-эрг. Учеба кончить делать-перф.
'когда я закончу учебу'.

Comp V_{fin} S O V_{inf}

- b. *yelyi **kar** ba paRhaaii khatam.
Когда я-эрг. Учеба кончить делать-перф.

Специальные вопросы с вопросительным словом тоже являются предложениями V2 в кашмири. От германских языков с ограничением V2 они отличаются в двух отношениях. Во-первых, как видно из примеров (40)–(41), специальный вопрос допускает помещение топикализованного элемента перед вопросительным словом, т. е. специальный вопрос в кашмири может строиться по схеме TOP – XP – V_{fin}, в то время как, например, в табличной схеме немецкого предложения позиции TOP нет. Во-вторых, германские языки с ограничением V2 налагают на комбинаторику вопросительных слов более жесткие ограничения, чем кашмири. Кашмири, как видно из примеров (39а-с), требует выносить в XP минимум одно вопросительное слово, но не требует, хотя и не запрещает, выносить в XP все вопросительные слова во множественных вопросах типа кашм. [_{whp} **kus kemyis kyaa**] **dii**? «Кто кому что дал?» ~ [_{whp} **kus kemyis**] **dii kyaa**? «Кто кому дал что? Отсюда следует, во-первых, что последовательность вопросительных слов может трактоваться в кашмири как единая группа и что эта группа может быть разрывной, во-вторых, что группы вопросительных слов трактуются в кашмири иначе, чем ИГ, поскольку последовательность из двух ИГ в XP кашмири исключена. В немецком языке распределение параметров иное: запрет на постановку двух и более групп в XP распространяется и на вопросительные слова: предложения типа нем. ***Wer wem was hat** gesagt? Букв. «Кто кому что имеет сказал-перф.» > нем. **Wer hat wem was** gesagt? «Кто кому что сказал?», букв. «Кто имеет кому что сказал-перф.». Это говорит о том, что в немецком языке несколько вопросительных слов не составляют единую группу, или, по крайней мере, не претерпевают множественного перемещения в XP (multiple fronting). Зеркальное отражение ситуации в немецком представляет бол-

гарский язык, где имеется ограничение CL2, типологически сходное с ограничением V2, и где во множественных вопросах перемещение всех вопросительных слов в XP является обязательным, ср. болг. [_{whP} **На кого какво кога**] = *са=му* показали? «Кому что когда показали и когда?», букв. «[кому что когда] = *суть=ему* показали» [Dimitrova-Vulchanova 1999: 92]. Система порядка слов кашмири находится в промежуточном положении между системами порядка слов типа немецкой и системами порядка слов типа болгарской, поскольку множественное перемещение всех вопросительных слов в XP является в кашмири факультативным. В данном отношении кашмири близок к системам порядка слов тех славянских языков, где нет цепочек сентенциальных клитик типа болг. *са му*, занимающих фиксированное место от начала предложения, и, соответственно, нет независимых оснований постулировать позицию XP, если нет поверхностно-синтаксических ограничений, оправдывающих ее существование. Альтернативный подход, принятый в Минималистской Программе Н. Хомского, предполагает наличие на уровне Универсальной Грамматики общей иерархии синтаксических позиций для всех языков мира, в том числе позиции XP (= SpecCP, в минималистской нотации). При таком подходе синтаксис специальных вопросов в русском языке и кашмири оказывается близким, если не идентичным.

6.5. Лужицкие языки

6.5.1. Табличная схема предложения в лужицких языках

В славянском ареале систем порядка слов с ограничением V2 нет, однако системы порядка слов, напоминающие немецкую и кашмири, представлены. Рамочная конструкция $V_{fin} \dots V_{inf}$ есть в двух западнославянских языках – верхнелужицком и нижнелужицком. Это можно считать прямым следствием немецкого влияния, так как данные языки в течение многих веков развиваются в немецкоязычном окружении, и все их носители владеют литературным немецким языком. Вместе с тем, в лужицких языках те категории предложения, которые могут стоять между компонентами рамки, могут также располагаться вне ее: так, в примере (46) прямое дополнение находится внутри рамки, а косвенное дополнение – вне ее. Кроме того, лужицкие языки не являются языками V2, и место финитного глагола в повествовательном предложении нефиксировано, так, в примере (46) финитный глагол стоит после подлежащего, дополнения и наречия *tež* «также», т. е. на третьем-четвертом месте от начала предложения, в то время как в примере (47) глагол вынесен в начало предложения.

S	O_{indir}	V_{fin}	O_{dir}	V_{inf}	
(46) в.-луж.	Wón Michalej tež	<u>pomhaše</u>	<u>próstawu</u>	zestajeć	(J. Kubaš) ²⁶
	Он Михалу также	помогал	прощение	составить	
	‘Он также <u>помог</u> Михалу написать прощение ’.				

²⁶ Примеры (46)–(47) цит. по [Мудра, Петр 1983: 205–206].

- (47) в.-луж. V_{fin} $CL.REFL$ O_{indir} V_{inf}
Chcu so na mišterske pruwowanje přihotować (J.Kubaš)
 Хочу ся к магистрскому экзамену подгото^{вить}
 ‘Я хочу подгото^{виться} к экзамену на магистра’.

Тем самым, рамочное расположение $V_{fin} \dots V_{inf}$ характеризует в лужицких языках дистантное расположение компонентов сказуемого как принцип развертывания Глагольной Группы (ГГ), но не устанавливает окончательно место самой ГГ в предложении. Напротив, в немецком языке позиция финитного глагола – после начальной группы произвольной категории – является константной синтаксиса, поэтому структура ГГ одновременно воспроизводит табличную схему всего финитного предложения.

- (48) нем. a. S V_{fin} O_{indir} O_{dir} V_{inf}
 Er half Michael auch **die Bitte** zu stellen.
 Он помог Михаэлю также ^{опр.арт.}прошение ^{част.}подать
 ‘Он также помог Михаэлю написать **прошение**’.

- b. S O_{indir} V_{fin} O_{dir} V_{inf}
 *Er Michael half auch die Bitte zu stellen.

- (49) нем. a. S V_{fin} $CL.REFL$ O_{indir} V_{inf}
 Ich will mich **zur Magisterprüfung** vorbereiten
 Я хочу меня к магистрскому экзамену подгото^{вить}
 ‘Я хочу подгото^{виться} к экзамену на магистра’.

- b. V_{fin} $CL.REFL$ O_{indir} V_{inf}
 *Will mich **zur Magisterprüfung** vorbereiten.²⁷

Наибольшее сходство рамочных конструкций немецкого и лужицкого типа прослеживается в тех предложениях, где финитный глагол является кластеризуемой клитикой. Поскольку кластеризуемые клитики лужицких языков имеют фиксированное место в финитном предложении – второе от начала, в предложениях со вспомогательным глаголом «быть» и формой аналитического перфекта возникает иллюзия тождества славянских систем порядка слов с ограничением V2 (глагол на втором месте от начала предложения) и славянских систем порядка слов с ограничением CL2 (кластеризуемые клитики на втором месте от начала предложения).

²⁷ Пример (49b) допустим в разговорном немецком языке, но будет трактоваться как эллипсис начального местоименного подлежащего 1 л. Напротив, верхнелужицкий пример (40b) является полным предложением.

- (50) н.-луж. XP (S) CL.AUX O_{dir} V_{inf}
 Michał Hornik jo **wobej serbskej rěcy derje** znał. (J.Cyž)²⁸
 Михал Хорник быть-3л.ед.ч оба лужицких языка хорошо знал-перф.
 ‘Михал Хорник **хорошо** знал **оба лужицких языка**’.

- (51) нем. XP (S) V_{fin} O_{dir} V_{inf}
 Michał Hornik hat **die beiden sorbischen Sprachen gut gekannt.**
 Михал Хорник иметь-3л.ед.ч. оба лужицких языка хорошо знал-перф.
 ‘Михал Хорник **хорошо** знал **оба лужицких языка**’.

Полного тождества между рамочными конструкциями лужицкого и немецкого типа нет и в предложениях с формой аналитического перфекта. Во-первых, позиция CL.AUX неспецифична в лужицких языках для глагольных клитик – ее могут занимать также местоименные клитики либо цепочки связочных и местоименных клитик. Во-вторых, ограничение V2 действует в немецком и других германских языках только в независимых предложениях, в то время как ограничение CL2 распространяется как на независимые, так и на придаточные предложения, ср. (52).

- (52) н.-луж. Jogo aktiwnosć poznawamy teke z togo, [CP až z 58 dolnoserbskich kniglow,
 [CP kenž=su=se **wot založenja 1880 až do lěta 1905 wudali**] =jo Jordan 16 sam
spisał a psi žewješ dalšnych=jo sobu želał] (J. Cyž).
 «Его активность мы распознаем из того, [CP что из 58 нижнелужицких
 книжечек [CP которые выходили с начала серии в 1880 г. вплоть до 1905 г.,
 Йордан сам записал 16 и...]».

- Comp CL. AUX. CL.REFL Adv V_{inf}
 (52') н.-луж. [CP kenž =su =se **wot založenja 1880 až do lěta 1905 wudali**]
 Которые суть ся от основания в 1880 вплоть до 1905 г. издали
 ‘<книги>, которые издавались с основания серии в 1880 г. вплоть до 1905 г.’

- Comp Adv
 (53) нем. a. Bücher [CP die **von der Begründungszeit in 1880 bis zum Jahre 1905**
 V_{inf} V_{fin}
herausgegeben wurden]
 Comp V_{fin} Adv
 b. *Bücher [CP die wurden **von der Begründungszeit in 1880 bis zum Jahre 1905**
 V_{inf}
herausgegeben].

В третьих, как уже было показано на примере (46), в лужицких языках нет запрета на помещение дополнений и обстоятельств за пределами рамки, т. е. правее

²⁸ Примеры (50) и (52) цит. по [Мудра, Петр 1983: 163].

нефинитных глагольных форм. Точные условия данной альтернативы не описаны, но имеющиеся факты свидетельствуют о том, что помещение элемента ГГ правее нефинитной глагольной формы может быть связано с длиной перемещаемой группы и объясняться преимущественно потребностями оптимальной ритмизации предложения, ср. (54), но также может быть и не связано с длиной и объясняться преимущественно коммуникативными факторами, ср. (55b).

	XP		CL.AUX		V _{inf}	AdvTime	AdvLoc
(54)	н.-луж.	[Prědny zešywk "Nejrědnejše ludowe bajki"]	≡jo		wujšel	w	lěše 1860

pla šišćarja Wencla we Worjehah. (J.Cyž)²⁹
 '1-й выпуск «Лучших народных сказок» вышел в 1860 г. у издателя **Венцла в В.**».

	XP	CL.AUX	O	V _{inf}	
(55)	в.-луж.	a. Ja	sym	knjigu	čytał.
		Я	есмь	книгу	читал-перф.
		'Я читал книгу '.			
	XP	CL.AUX		V _{inf}	O
	b. Ja	sym		čytał	knjigu.
	Я	есмь		читал-перф.	Книгу
	'Я читал книгу '.				

В официальных письменных текстах верхнелужицкого языка используется вариант (55a). Для разговорного верхнелужицкого языка, по свидетельству Б. Вимера, вариант (55b) вполне естествен, но является стилистически маркированным. Это дает право считать его производным от (55a), где реализуется рамочная конструкция V_{fin} ... O ... V_{inf} и описывать альтернативу позиций дополнения как направленную трансформацию. Запись (55b') предполагает, что дополнение knjigu перемещается из рамочной позиции O1 вправо во внерамочную позицию O2. Такая трактовка соответствует интуиции о том, что коммуникативно маркированные линейные варианты предложения являются и синтаксически производными. В Минималистской Программе Хомского и других генеративных теориях, разрешающих синтаксические перемещения только в одном направлении – справа налево – альтернативу (55a) ~ (55b) удобно объяснять тем, что позиция O1 заполняется в результате перемещения дополнения, а в верхнелужицком примере (55b) это перемещение по тем или иным причинам (например, в силу необходимости поставить выделительный акцент на глаголе или дополнении) блокируется, в силу чего дополнение остается в исходной позиции порождения O2. При любом решении анализ в терминах направленных перемещений и их следов подрывает принцип табличной схемы, поскольку одна и та же категория предложения может попадать в разные клетки, причем одна из клеток локализуется внутри рамки Cl.Aux... V_{inf}, а другая правее нее.

²⁹ Пример (54) цит. по [Мудра, Петр 1983: 162].

	XP	CL. AUX	O1	V _{inf}	O2
(55b')	Ja	<u>sym</u>	t _i	<u>čytał</u>	knjigu _i .

В целом, можно сделать вывод о том, что несмотря на бесспорное сближение лужицких систем порядка слов с германскими системами порядка слов с ограничением V2 и рамочным расположением компонентов составного глагольного сказуемого, лужицкие языки к настоящему моменту еще не стали классическими представителями языков типа С. Это подтверждается тем, что группы предложения в лужицких языках, как и в прочих славянских языках, являются разрывными.

6.5.2. Табличная схема ИГ в верхнелужицком языке

Мы не располагаем детальным описанием ситуации в нижнелужицком языке; детальное описание структуры развернутой ИГ в верхнелужицком языке содержится в монографии Х. Шевц-Шустера [Šewc-Schuster 1976: 68–69, 97–103], автор которой приводит перечень разрешенных перестановок компонентов ИГ. Коммуникативно нейтральными являются препозиция прилагательных (A + N^o), посессивных определителей (Poss + N^o) и указательных местоимений (D + N^o), ср. в.-луж. **luba** maćerka «милая мамочка», **mój** synko «мой сынок», **tón** rachol «тот...», но в эмфазе («emotionalnje motivirovana inwersija») допустимы обратные порядки вида N^o + A, ср. maćerka **luba** «мамочка **милая**», Poss + N^o synko **mój** «**мой** сынок», и реже, N^o + D rachol **tón** «...**тот**» (Op. cit.: 98). Эти альтернативы проще всего интерпретировать как свидетельство подвижности именной вершины, ее способности занимать разные позиции в пределах (контактно расположенной) ИГ. Нотация, выбранная в (56), предполагает возможность перемещения существительного правее своего зависимого: при желании нетрудно предложить альтернативный анализ. В записи (56) символ «Complement» указывает на любой тип зависимых именной вершины, их детализация в данном случае не важна.

(56) в.-луж. [_{NP} ...N_i^o ...Complement t_i].

Относительное расположение зависимых в развернутых ИГ верхнелужицкого языка требует несколько иной интерпретации. Нормой для коммуникативно нейтральных высказываний с составом D/Poss, A, N^o является препозиция всех атрибутивных прилагательных, как качественных (QualA), так и классифицирующих (ClassA)³⁰, однако в эмфатических контекстах прилагательные могут выноситься в начало группы, ср. в.-луж. Mój **serbski** lud «мой **лужицкий** народ» ⇒ **serbski**_i mój t_i lud «**лужицкий** мой народ». Это явление естественно интерпретировать как перемещение самого прилагательного в левый край ИГ: если считать, что последовательность [A N^o] составляет минимальную группу, вложенную в расширенную группу [Poss [A N^o]], в примерах типа (57) имеет место разрыв меньшей группы посессивным определителем.

(57) в.-луж. [_{NP} A_i Poss [t_i N_i^o]].

³⁰ «Zakladne (neutralne, njemarkěrowane) městno atributa je antepozicija (městno před determinowanym slowom)» [Šewc-Schuster 1976: 69].

В отличие от польского языка, где классифицирующие прилагательные (ClassA) стоят правее именной вершины – ср. обсуждение примера (8) выше в первой главе, § 1.2, в лужицком классифицирующие прилагательные стоят перед ней, но после качественных прилагательных (QualA). На синхронном уровне в верхнелужицком языке нет убедительных свидетельств порядка D QualA N° ClassA в коммуникативно нейтральных вариантах свободных сочетаний относительное прил. + существительное. Правда, Х. Шевц-Шустер приводит две конструкции, которые могут отражать более ранние синтаксические нормы славянских языков и верхнелужицкого языка в частности. Одна из них связана с постпозицией относительного прилагательного в тавтологических сочетаниях вроде в.-луж. *Maslak maslaty* «масло **масляное**», *zezadkar zezadkarski*, букв. «ретроград **петроградный**». Вторая из них связана с употреблением относительных прилагательных в двойных фамилиях или прозвищах, указывающих на места жительства или происхождения, ср. имена лужицких деятелей культуры *Měrcin Nowak-Njechorński* «Мерчин Новак-Нехорньский (фамилия, первоначально – «человек по фамилии Новак из Нехорня)», *Kubaš-Worklečanski* «Кубаш-Ворклевчанский» (человек по фамилии Кубаш, родом из Ворклевчан)³¹. Согласно Х. Шевц-Шустеру (Op. cit.: 101), в четырехчастных ИГ, расширенных посессивным элементом, коммуникативно нейтральным является порядок Poss QualA ClassA °N³², а порядок QualA Poss ClassA °N является производным, ср. приводимые им примеры (58a-b), которые мы позволили себе интерпретировать в терминах перемещений и следов.

	Poss	QualA	ClassA	N°
(58) в.-луж. а.	<i>Zejlerowe</i>	<i>krasne</i>	<i>ludowe</i>	<i>pesnje.</i>

Зейлеровы красивые народные песни

Красивые народные песни Зейлера <т. е. собранные Зейлером>.

³¹ Следует заметить, что аналогичные конструкции встречаются в других славянских языках, где нормой является препозиция относительных прилагательных, поэтому сам факт их наличия не доказывает, что лужицкие языки когда-либо грамматикализовали порядок N° ClassA, аналогично польскому языку. Кроме того, славянские постпозитивные прозвища и титулатуры часто не соответствуют таксону классифицирующих или относительных прилагательных. Так, рус. отлокативное прозвище *Андрей Боголюбский* является идентификатором конкретного исторического лица и одновременно передает информацию «Андрей, владетель Боголюбова», но другие аппозитивные прозвища, ср. *Иван Грозный*, *Карл Великий* являются только идентификаторами, не передавая информации «князь Иван из множества грозных князей», «король Карл из множества великих королей». Тем самым, между постпозицией славянских прилагательных имени собственному и семантикой прилагательного нет однозначного соответствия.

³² Опираясь на примеры и анализ Х. Шевц-Шустера, мы сочли необходимым отступить от его терминологии, поскольку предложенные им термины *diferenzowany atribut* (для качественных прилагательных) и *kwalifikowacy atribut* (для относительных прилагательных) прямо противоречат принятой в современных синтаксических исследованиях номенклатуре.

...	Poss	QualA	ClassA	N°
b. krasne _i	Zeijlerowe	t _i	ludowe	pesnje.
	красивые Зейлеровы	народные	песни	

‘Красивые народные песни Зейлера <т. е. собранные Зейлером>’.

Явный случай перемещения всей последовательности [QualA ClassA] правее именной вершины приводится Х. Шевцем-Шустером на стр. 98.

	Poss	N°	QualA	Class A
(59) в.-луж. Serbowki	[_{PP} w	[_{NP} swojej t _i	drasće	[krasnej narodnej] _i].
лужичанки	[_{PP} в	[_{NP} своей t _i	одежде	[красивой народной] _i].

‘Лужичанки в своей **красивой народной** одежде’.

Пример (59) теоретически можно интерпретировать иначе, допустив, что подвижным элементом является не блок прилагательных [QualA ClassA], а сама именная вершина, которая перемещается левее прилагательных. Однако такое описание контринтуитивно, поскольку оно не позволяет понять, почему одни определители существительного в (59) остаются слева от него, как в высказываниях с нейтральным порядком слов, а другие оказываются справа от него: проще предположить, что в верхнелужицком, как языке со свободным порядком слов, перемещению подвергаются сами коммуникативно выделенные элементы, в данном случае – прилагательные [**krasnej narodnej**]³³. В любом случае, в верхнелужицком языке как именны вершины ИГ, так их адъективные зависимые имеют минимум две-три разные доступные для них позиции. Подвижными являются и количественные определители имени (Q): согласно Шевц-Шустеру (Op. cit.: 102), их можно вставлять между местоименным детерминативом (Pron) и посессивным определителем (Poss), что дает линейный вариант (60a), между посессивным определителем (Poss) и прилагательным (A), что дает вариант (60b) и, наконец, между прилагательным (A) и именной вершиной (N°), что дает вариант (60c). Все эти варианты признаются одинаково базовыми для количественных числительных от «1» до «4».

	Pron	Q	Poss	QualA	N°
(60) в.-луж. а. tej		dwaj	mojej	nowej	woblekaj
	Те-дв.ч.	две-дв.ч.	мои-дв.ч.	новые-дв.ч.	костюмы-дв.ч.

‘те два моих новых костюма’.

³³ Заметим, гипотеза о подвижности прилагательного в ИГ прямо не зависит от спекулятивных постулатов о свойствах синтаксических перемещений. Ее легко адаптировать к генеративным теориям, отрицающим существование передвижений слева направо. В этом случае удобно допустить, что в ИГ языков с базовым порядком развертывания A N°, основной порядок возникает за счет перемещения коммуникативно немаркированных прилагательных из гипотетической позиции базового порождения (N° A) влево: A N° t_i. Если же прилагательные имеют особый ненейтральный коммуникативный статус, передвижение блокируется. Преимуществом избранного нами решения является то, что базовый для данного языка порядок компонентов признается непроемким и не выводится из других порядков.

	Pron	Poss	Q	QualA	N°
b.	tej	mojej	dwaj	nowej	woblekaj
	Те-дв.ч. мой-дв.ч. две-дв.ч. новые-дв.ч. костюмы-дв.ч.				
	‘те два моих новых костюма’.				

	Pron	Poss	QualA	Q	N°
c.	tej	mojej	nowej	dwaj	woblekaj
	Те-дв.ч. мой-дв.ч. новые-дв.ч. две-дв.ч. костюмы-дв.ч.				
	‘те два моих новых костюма’.				

Очевидно, что при таком обилии альтернативных расположений для каждого компонента развернутой ИГ табличное описание последней абсолютно неоперационально. Для простоты примем, что possessивные определители Poss имеют только одну позицию, и попытаемся свести альтернирующие порядки, иллюстрированные выше примерами (58)–(60), воедино в таблицу на рис. 10. Выделим полужирным шрифтом те клетки, которые предположительно являются для соответствующих категорий основными в коммуникативно нейтральных высказываниях при предположительно базовом для верхнелужицких ИГ порядке Pron Poss QualA ClassA N°. Даже при таких, весьма значительных, упрощениях, мы вынуждены вводить дополнительную клетку для всех примеров, где компоненты ИГ занимают не свое каноническое место, а некоторое другое. Мы также должны учесть все три позиции плавающего компонента ИГ – количественных числительных (Q), относительно которых нет выраженной интуиции о том, являются ли они каноническими или нет.

N°	Pron	Q	QualA	Poss	Q	QualA	ClassA	Q	N°	A
∅	tej	dwaj	∅	mojej	∅	nowej	∅	∅	woblekaj	∅
∅	tej	∅	∅	moej	dwaj	nowej	∅	∅	woblekaj	∅
∅	tej	∅	∅	moej	∅	nowej	∅	dwaj	woblekaj	∅
∅	∅	∅	∅	swojej	∅	krasnej	narodnej	∅	drasće	∅
∅	∅	∅	∅	swojej	∅	∅	∅	∅	drasće	krasnej narodnej
∅	∅	∅	∅	Zeilerowe	∅	krasne	ludowe	∅	pesnje	∅
∅	∅	∅	krasne	Zeilerowe	∅	∅	ludowe	∅	pesnje	∅
∅	∅	∅	∅	moj	∅	∅	∅	∅	synko	∅
synko	∅	∅	∅	moj	∅	∅	∅	∅	∅	∅

РИС. 10. Попытка табличного описания верхнелужицкой ИГ

Схема на рис. 10 подрывает сам принцип табличного анализа, согласно которому каждый синтаксически значимый класс слов получает ровно одну клетку. Альтернативой для табличного описания групп предложения в языках типа верхнелужицкого, где все или почти все компоненты ИГ подвижны, служит анализ пар предложений в терминах синтаксических перемещений. Он достаточно трудоемок, поскольку заставляет учитывать разные типы и даже направления перемещений и разные коммуникативные факторы, порождающие производные порядки слов. Но обойтись без такого анализа нельзя, если мы не хотим игнорировать производные порядки.

Приведенных фактов лужицких языков, как представляется, достаточно, для того, чтобы сделать вывод о том, что в данных двух славянских языках степень свободы порядка слов на уровне ИГ выше, чем степень свободы порядка слов на уровне предикативного предложения. Если на уровне предложения в обоих лужицких языках может быть выделена рамочная конструкция $XP - CL.AUX \dots V_{inf}$, что с некоторыми оговорками позволяет использовать табличное описание предложения, использование табличных схем для линейаризации развернутых ИГ принципиально невозможно, по крайней мере, в верхнелужицком языке. Некоторый парадокс состоит в том, что лужицкие языки в интересующих нас синтаксических областях – ИГ и элементарном предложении – характеризуются относительно последовательным ветвлением в терминах локальных правил Гринберга: при базовом, коммуникативно нейтральном порядке слов дополнения предшествуют управляющей ими нефинитной части сказуемого и помещаются внутрь рамки ($O + V_{inf}^{\circ}$), а детерминативы и прилагательные предшествуют именной вершине ($D + A + N^{\circ}$). Однако лужицкие системы порядка слов мало рестриктивны, что приводит к сосуществованию большого числа грамматически правильных линейных вариантов.

6.6. Английский язык

6.6.1. Табличная и трансформационная запись английского порядка слов.

Табличная схема ИГ в английском языке

Хорошо изученной системой порядка слов типа *S*, где и предикативное предложение, и ИГ можно описать методом табличных схем, является современный английский язык. ИГ разворачивается по схеме DAN (детерминатив(ы) – прилагательное – именная вершина), в более дробной нотации D-PossQ-QualA-RelA-N (детерминатив – притяжательное местоимение – количественное слово – качественное прилагательное – относительное прилагательное – именная вершина), см. (61a). Изменение порядка компонентов развернутой ИГ приводит к аномалии (61b), которую можно преодолеть, лишь модифицировав исходную структуру: так Q и Poss можно поменять местами, лишь использовав партитивную конструкцию с предлогом *of* «из», ср. *three* [_{PP} *of* [_{NP} *my bags*]], «три [_{PP} *из* [_{NP} *моих сумок*]]».

- (61) англ. a. These my three new plastic bags.
 Эти мои три новые пластиковые сумки
 'эти три моих новых пластиковых пакета'.
- D Poss Q QualA RelA N
- b. *These three my new plastic bags.
- D Q Poss QualA RelA N
- c. three of my new plastic bags.
 три из мои новые пластиковые сумки
 'Три из моих новых пластиковых пакета'.
- Q | P | Poss QualA RelA N

Наличие ровно одного порядка развертывания ИГ позволяет представить структуру именной группы в виде иерархии вложенных друг в друга бинарных групп $[_{DP} D [_{PossP} Poss [_{QP} Q [_{NP} QualA [_{NP} RelA N^{\circ}]]]]]$. Непосредственно очевидно, что такая запись равнозначна табличной нотации (62): если запреты на перестановку элементов группы приводят к тому, что каждый класс элементов получает одно и только одно место в таблице, эксплицировать структуру составляющих или структуру зависимостей группы необязательно.

(62) англ.

D	Poss	Q	QualA	RelA	N
---	------	---	-------	------	---

В английском языке клетки QualA и RelA рекурсивны и могут заполняться более чем одним прилагательным. Ср. два прилагательных в QualA: англ. a $[_{QualA} \text{small round}] [_{RelA} \text{oak}] \text{table}$ «Маленький круглый деревянный стол». Ср. два прилагательных в RelA: англ. a $[_{QualA} \text{famous}] [_{RelA} \text{German medical}] \text{school}$ «знаменитая немецкая медицинская школа». Р. Клоуз, из книги которого мы взяли эти два примера [Close 1979: 159], утверждает, что препозитивные прилагательные развертываются в следующем порядке сообразно своей семантике и форме: Эпитет (Epithet) – Величина (Size) – Форма (Shape) – Возраст (Age) – Цвет (Colour) – Происхождение (Origin) – Материал – (Substance) – Герундий и проч. (Gerund etc). Такое описание не имеет большой объяснительной силы, поскольку оно не указывает, что первые пять разрядов прилагательных выделяются внутри клетки QualA, а последние три – внутри клетки RelA; кроме того, последняя клетка («Герундий и прочее») определена на основе компромисса между формой (отглагольные прилагательные), позицией (место в конце последовательности) и семантикой (все семантические разряды прилагательных, не укладывающиеся в определения предыдущих семи разрядов). Таксоны QualA, RelA и т. п., однако, не являются непосредственным результатом наблюдения над английскими прилагательными – они являются частью лингвистической модели, утверждающей, что деление класса прилагательных на категории QualA и RelA в некотором роде более важно, чем прочие деления внутри того же класса, а такое знание, в свою очередь, мотивировано представлением о

том, что ИГ, включающие прилагательные, имеют свою внутреннюю структуру (скорее всего, не только в английском языке). Это заставляет внимательней оценить соотношение между табличной записью и структурой подчинения.

Для табличной записи иерархические отношения между элементами предложения или группы нерелевантны, поскольку принимается, что все клетки таблицы заполнены однородными в определенном отношении элементами (даже если это столь различные категории, как, например, отрицательная частица, финитная форма глагола и подлежащая ИГ). Предполагается, что мы каким-то образом знаем, что дерево подчинения для предложения или группы уже построено, и что классы слов, имеющих свое место в таблице, одновременно учтены в дереве подчинения. Тем самым, линейзация предложения/группы и построения дерева подчинения при построении табличных схем трактуются как две разные операции. Наоборот, при записи упорядоченного дерева составляющих в виде $[_{DP} D [_{PossP} Poss [_{QP} Q [_{NP} QualA [_{NP} RelA N^o]]]]]$ табличное представление линейного порядка избыточно, если составляющие расположены контактно и проективно вложены друг в друга. Принципиально важно, что при *достижении определенного порога фиксации порядка слов внутри группы* анализ в терминах табличных схем и анализ в терминах упорядоченного дерева одинаково формализуют синтаксические ограничения и дают эквивалентные результаты. При этом нет ничего само собой разумеющегося в том, что дерево предложения должно строиться именно как упорядоченное бинарное дерево составляющих, как это принято, например, в Минималистской Программе Хомского [Chomsky 1995; 2005; Stabler 1997] и предшествующих ей генеративных теориях, а не как линейно неупорядоченное дерево зависимостей, что принято, например в генеративной теории GPSG [Gazdar et al. 1985]. Равным образом, выбор в пользу табличного представления элементов предложения или группы не зависит от того, каким способом представляется дерево подчинения – в виде ли дерева зависимостей, в виде дерева составляющих или в виде комбинированного дерева зависимостей с элементами дерева составляющих, к чему склонялись основоположники метода табличных схем Е. Курилович и П. Дидериксен.

6.6.2. Табличная схема английского предложения

Стандартной описательной грамматикой нормативного английского языка является работа [Quirk et al. 1972], ср. также [Close 1979]. Последовательное описание английского синтаксиса с позиций грамматики зависимостей дается в работе [Mel'cuk, Pertsov 1987]. Последовательное описание английского синтаксиса с позиций Контекстно-Свободной грамматики составляющих и наложенных на нее трансформационных правил Контекстно-Зависимого типа содержится в работе [Partee 1979]. Важные наблюдения о корреляции между семантикой глагола и порядком слов в английском языке содержатся в работе [Postal 1977], выводы которой позже получили статус догмы в Минималистской Программе Н. Хомского, ср. их развитие в [Hoekstra, Mulder 1990; Levin 1991]. Во «Введении в Трансформационный Синтаксис» А. Рэдфорда принципы Универсальной Грамматики иллюстриру-

ются преимущественно конструкциями английского языка [Radford 1995]. Ср. также специальные работы [Aissen 1975; Reinhart 1983; Birner 1992; Bresnan 1994; Arts 1992], посвященные отдельным аспектам английского порядка слов: большинство этих работ выполнены с позиций Теории Управления и Связывания и Минималистской Программе Н. Хомского, которые непосредственно воплощают не модель грамматики, но некоторый лингвистический идеал, но по элементам своего формализма могут быть охарактеризованы как комбинированная грамматика составляющих с элементами грамматики зависимых, ср. математическое строгое выражение принципов Минималистского синтаксиса Э. Стейблером [Stabler 1997].

В англистике табличные схемы предложения непопулярны. Встречающиеся в обучающих грамматиках формулировки типа «Adverbials can be found in three main positions – at the end, at the beginning or in the middle of a clause» [Close 1979: 31] относятся к уровню предтеоретических рассуждений. Проверить, в какой степени английский синтаксис поддается описанию методом табличных схем, полезно еще потому, что в работах по универсальной грамматике и формальной типологии принято описывать славянские языки и другие языки мира, явно или неявно проецируя на них синтаксические ограничения и категории английского синтаксиса, ср. описание моделей инверсии в славянских языках в [Babyonyshev 1996; Bailyn 2004]. При табличном описании фиксированных словопорядков дополнительные клетки для синтаксических категорий постулируются там, где это строго необходимо. Если же избежать введения дополнительных клеток там, где синтаксическая категория X может занимать две разных клетки A1 и A2, нельзя, например, в случае если клетки A1 и A2 располагаются между клетками категорий B, C <...A1 B C A2...>, следует предпочитать такое описание, при котором для упорядочивания категорий A, B, C используется наименьшее количество клеток. При описании синтаксических ограничений в терминах обязательных трансформаций используется прямо противоположная идеология. Например, для английского языка постулируется базовый порядок S V (подлежащее – глагол), а для вопросительных предложений постулируется обязательная трансформация с расщеплением простой глагольной формы на сочетание финитной формы служебного глагола и нефинитной формы лексического глагола, с обязательным перемещением служебного глагола в препозицию подлежащему, ср. англ. **He** went away «Он ушел» (SV), но Did he go away? «Он ушел?», букв. «сделал он уйти?» (AuxSV). Перемещение глагола из клетки V (справа от подлежащего) в клетку AUX (слева от подлежащего), легко формализуется и методом табличных схем. Однако расщепление простой глагольной формы на сочетание служебного глагола с нефинитной формой лексического глагола происходит в английском языке и в отрицательных предложениях при порядке S V, ср. англ. **He** did not go away «Он не ушел», букв. «**Он** сделал не уйти». Если английский порядок слов объяснять с опорой на трансформации, такие как расщепление простой глагольной формы и перемещение глагола, мы должны признать факт перемещения глагола из V в AUX. Но поскольку для приверженца трансформационного подхода порядок слов в предложении с перемещением гла-

гола по определению не может быть исходным, несмотря на то, что в отрицательном предложении **He did not t_j go** away подлежащее **he** стоит слева от служебного глагола **did**, трансформационалист, который постулирует перемещение глагола из **V** в **AUX**, вынужден постулировать дополнительное перемещение подлежащего из позиции базового порождения **S** в позицию левее **AUX**, что соответствует записи **He_j did_i not t_j t_i go** away. Кроме того, если верить в перемещение глагола из **V** в **AUX**, потребуются две клетки для общего отрицания **not** – клетку **NEG2** для тех случаев, когда **not** стоит после глагола, занимающего **V** (в неотрицательном предложении), и **NEG1** для тех случаев, когда **not** стоит после глагола, занимающего **AUX** (в отрицательных и вопросительных предложениях). Такой анализ нетрудно перевести в табличный вид **S1 AUX NEG1 S2 V NEG2**, где каждой из категорий соответствуют по две клетки – **S** (**S1**, **S2**), **V** (**AUX**, **V**), **NEG** (**NEG1**, **NEG2**), но с точки зрения принципов табличной схемы введение двух клеток для подлежащего избыточно. Соответственно, приверженцы линейных схем критикуют сторонников трансформационного подхода за введение в описание фиктивных сущностей (вроде двух позиций подлежащего в примере-иллюстрации) и большое число априорных допущений о структуре предложения и базовом порядке слов, ср. [Heltoft 1986]. Наоборот, приверженцы трансформационного анализа критикуют табличные схемы и прочие структуралистские приемы описания порядка слов как сугубо описательные обобщения, предшествующие подлинному объяснению [Radford 1995: 28–30]. Представляется, что непримиримая позиция обеих сторон непродуктивна, так как для языка с фиксированным порядком слов корректно построенная табличная схема предложения и корректно проведенный анализ в терминах синтаксических ограничений должны дать изоморфные результаты. Материал английского языка дает возможность проверить эту гипотезу.

6.6.3. Повествовательные предложения

6.6.3.1. Предикатная рамка

В невопросительных предложениях рамочная конструкция скандинавского или западно-германского типа отсутствует: английский язык грамматикализировал принцип контактного расположения компонентов сложных глагольных форм и конструкций, который выдерживается везде все, кроме конструкций со вторичной предикацией (т. н. *small clauses*) вроде англ. **She has [sc it/this work done]** букв. «она имеет [sc это/эту работу сделанн-ым/-ой]», англ. **I heard [sc him play on a Steinway grand]** «я слышал, как он играет на рояле фирмы Стейнвей», букв. «Я слышал [sc его играть на Стейнвее]»³⁴. Между финитным и нефинитным компонентом сложной глагольной формы или конструкции в невопросительных предложениях не могут располагаться аргументные слова – подлежащие и дополнения. Нефинитный

³⁴ О понятии *small clause* см. [Arts 1992]. Обзор английских конструкций со вторичной предикацией сопоставительно со сходными литовскими конструкциями содержится в работе [Giparaite 2008].

компонент сказуемого следует за финитным ($V_{fin} + V_{inf}$), инверсия невозможна ($*V_{inf} + V_{fin}$). В то же время, порядок $V_{fin} + V_{inf}$ не является непроницаемым для вставки некоторых неаргументных слов. Как и в датском, шведском и норвежском языках, в английском языке между $V_{fin} \dots V_{inf}$ размещается общее отрицание *not* и его стяженная форма, энклитика $=n't$ и некоторые типы обстоятельств. Ср. предложения с формой перфекта, где обстоятельства могут вставляться между служебным глаголом *have* (отмечен подчеркиванием) и нефинитной формой лексического глагола (выраженной причастием *prsh.* *vr.*):

- (63) англ. а. $S V_{fin} V_{inf} O$
 I have found a good candidate.
 'Я нашел хорошего кандидата'.
- б. $S V_{fin} NEG V_{inf} O$
 I have **not** found a good candidate.
 'Я **не** нашел хорошего кандидата'.
- в. $S V_{fin} NEG ADV V_{inf} O$
 I have **not** **yet** found a good candidate.
 'я **еще не** нашел хорошего кандидата'.
- д. $S V_{fin} ADV V_{inf} O$
 I have **finally** found a good candidate
 'Я **наконец** нашел хорошего кандидата'.

В отличие от общего отрицания *not*, которое может стоять только между $V_{fin} \dots V_{inf}$ и позволяет точно предсказать, что предшествующая ей категория – финитная глагольная форма, наречные формы, попадающие между $V_{fin} \dots V_{inf}$ могут стоять и в других местах: англ. I have **not** found a good candidate **yet**, букв. «Я **не** нашел хорошего кандидата **еще**», **Finally**, I have found a good candidate «**Наконец**, я нашел хорошего кандидата», I have found a good candidate, finally «Я нашел хорошего кандидата, **наконец**». Ср. также предложение с простой глагольной формой, где наречие *finally* «наконец, под конец» вставляется между подлежащим и финитным глаголом: I **finally** found a good candidate «я, наконец, нашел хорошего кандидата»³⁵.

³⁵ Мы опираемся прежде всего на нередкие для английского языка случаи, где изменение местоположения не меняет *синтаксический тип наречия*, но может менять его коммуникативный статус (Тема, собственно Рема, элемент рематической составляющей). В английском языке также есть случаи, когда изменение местоположения влечет за собой не только смену коммуникативного статуса, но и смену синтаксического типа [Close 1979:283]. Так, рематичные наречия образа действия типа *foolishly, kindly*, попадая в ADV3Foc, выражают сентенциальное значение, ср. англ. George wrote to Mary **foolishly**, «Джордж написал Мэри **глупое** письмо/написал Мэри **письмо как дурак**», букв. «Джордж написал Мэри **глупо**». Попадая в ADV2 и NEG, те же наречия выражают несентенциальные значения, ср. англ. George **foolishly** wrote her a letter «Со стороны Джорджа, писать Мэри

По данным причинам позиция наречий, попадающих между $V_{fin} \dots V_{inf}$ не может считаться диагностической для определения смежных с ними категорий – она не позволяет предсказать, является ли категория, предшествующая или следующая за finally подлежащим, финитным глаголом или чем-то еще. В этой связи мы пока воздержимся от введения особой клетки для наречий, вклинивающихся между $V_{fin} \dots V_{inf}$ и представим предикатную рамку в виде последовательности $V_{fin} \{NEG\} V_{inf}$. Дополнительным доводом в пользу того, чтобы при описании предикатной рамки ограничиться введением клетки NEG и не вводить дополнительную клетку ADV0 является то, что в отрицательных предложениях типа (63c) отрицание not и следующие за ним сентенциальные наречия вроде yet «еще», «уже», always «всегда» образуют контактную последовательность³⁶. В неотрицательных предложениях типа (63d) отрицание not отсутствует, поэтому можно считать, что наречия вроде yet, finally в (63c-d) не открывают особой позиции, но попадают в клетку NEG³⁷.

6.6.3.2. Препозиция подлежащего форме глагола

Константой всех английских предикативных предложений (clauses), как финитных, так и нефинитных, является относительное расположение S, V и O по формуле SVO: последовательность ИГ + форма предиката всегда трактуется как SV, а последовательность форма предиката + ИГ трактуется как VO или как V + предикативный атрибут (Pred), ср. We are the champions букв. «Мы есть чемпионы». Тот же принцип распространяется на полипредикатные предложения с придаточными, поэтому англ. The girl (1) met (2) Pete (3) букв. «Девушка (1) встретил-прш. вр. (2) Пит (3)» будет интерпретирована как «Девушка встретила Пита», а англ. I do not know the girl met the girl Pete букв. «Я не знаю опр. арт. девушка Пит встретил-прш. вр.» будет интерпретирована как «Я не знаю девушку, которую Пит встретил» и идентифицирована как структура с бессоюзным придаточным относительным = I do not know the girl [_{CP} that Pete met]. Требование, что ближайшая из предшествующих предикатной форме ИГ является ее подлежащим, тесно связано с другим

было глупым поступком», букв. «Джордж глупо написал ей письмо», англ. George has foolishly written her a letter «Со стороны Джорджа, писать Мэри было глупым поступком», букв. «Джордж имеет-связка глупо написавши-перф. ей письмо».

³⁶ Временные наречия, указывающие на повторяемость, не носящую характера закона, ср. sometimes «иногда», often «часто», usually «обычно», generally «как правило», трактуются в английском языке иначе и помещаются не в NEG, а в ADV2: ср. примеры It sometimes doesn't stop at every station «<Поезд> порой не останавливается на каждой станции» [Close 1979: 287]. В датском языке наречия данной семантики помещаются в ту же клетку, что наречия, выражающие значение квантора всеобщности.

³⁷ Решение уравнивать в табличной схеме одиночную форму отрицания not (n't), цепочку not yet «еще не» и наречие finally «наконец», «под конец» может показаться англистам экстравагантным, хотя оно точно соответствует принятой в скандинавистике традиции, где постулируется единая клетка NEG ("a" в оригинальной нотации П. Дидериксена для всех неаргументных и неглагольных слов, вклинивающихся между финитной и нефинитной формой глагола в утвердительных и отрицательных предложениях.

принципом английской грамматики – требованием, чтобы позиция подлежащего была заполнена в любой полной предикативной составляющей (clause). Соединив данные два требования, получаем условие (iii).

- (iii) англ. Позиция подлежащего полной предикативной составляющей находится слева от предиката и должна быть заполнена внешне выраженным синтаксическим элементом.

В доктрине Хомского аналог (iii) признан принципом Универсальной Грамматики (УГ) и в разных формулировках повторяется в разных версиях УГ по Хомскому: в Минималистской Программе он называется Принципом Расширенной Проекции (Extended Projection Principle, EPP). Не обсуждая здесь плюсы и минусы, происходящие от введения EPP в УГ³⁸, подчеркнем, что для английского синтаксиса данный принцип полностью оправдан и, вместе с требованием (iii), дает верные предсказания о расположении элементов предложения. Частным следствием EPP и (iii) является вставка т. н. формальных подлежащих (expletive subjects, dummies) *it* и *there* в тех структурах, где семантически выраженное подлежащее отсутствует, например, при метеорологических предикатах вроде *to rain*, *to snow* и в сложно-подчиненных предложениях, где придаточное следует за главным предложением, сказуемое которого не имеет при себе подлежащего, ср. *___ is interesting* «интересно», *___ is amazing* «поразительно»³⁹. Комбинация EPP и (iii) предсказывает, что при препозиции придаточного в предложении с таким составом позицию подлежащего занимает само придаточное, стоящее левее глагола *is*, см. (64a), поэтому вставка *it* невозможна: у одного глагола не может быть двух разных подлежащих в одной и той же позиции. При постпозиции придаточного вставка *it* необходима, см. (64b).

³⁸ Полноценная критика EPP возможна лишь в пределах тех формальных доктрин, в рамках которых он предложен. В статье Л. Бэбби [Babby 2002] обсуждается более ранняя версия EPP, использовавшаяся сторонниками Хомского в 1970-е гг. Л. Бэбби фактически предлагает считать, что в предложениях, называемых в славянской грамматической традиции двусоставными, принцип типа EPP действует, а в предложениях, называемых в славянской грамматической традиции односоставными – нет. Л. Бэбби утверждает также, что свойство «проецировать» двусоставную структуру с позицией грамматического подлежащего зависит в славянских языках от конкретного глагола или предикатива типа рус. *стыдно, тошно*: одни предикатные слова проецируют позицию подлежащего, а другие нет. В связи с этим, Бэбби отрицает существование нулевых подлежащих и подлежащегopodobных актантов (семантических субъектов односоставных предложений). Для славянских языков, вопреки Л. Бэбби, отстаиваемая им программа исследования неудобна, так как способность употребляться в конструкции с подлежащим в им. п. не всегда является собственно лексическим свойством предикатного слова и может определяться синтаксическим окружением, ср. рус. *Он_{NOM.M.SG} протащил_{PRT.3SG.M} лежак_{NOM.M.SG} по пляжу* и *Лежак_{ACC.M.SG} протащил-о_{PRT.3SG.N} по пляжу (приливной волной)*. Теоретические возражения против точки зрения Бэбби кратко обсуждаются в статье [Циммерлинг 2012с].

³⁹ Пробел «*___*» в нотации указывает на место подлежащего, не заполненное внешне выраженным элементом.

- (64) англ. а. [_{TR}[_{CP} **That Brahms finally wrote a Clarinet Quintet**] is amazing]].
 [_{TR}[_{CP} **что Брамс под конец написал кларнетный квинтет**] есть
 поразительно]]
 ‘Поразительно, что Брамс в конце концов написал кларнетный квинтет’.
- б. [_{TR} **It is** amazing] [_{CP} that Brahms finally wrote a Clarinet Quintet]].
 [_{TR} **Это есть** поразительно] [_{CP} что Брамс ...написал кларнетный квинтет]]
 ‘Поразительно, что Брамс в конце концов написал кларнетный квинтет’.

Тот факт, что в английских предложениях типа (64b) грамматическим подлежащим является именно формальное местоимение *it*, убедительно доказано в классической работе Б. Х. Парти «Подлежащее и Дополнение в английском языке» [Partee 1979]. За прошедшее с момента ее опубликования время кардинально новых оценок английского порядка слов не возникло, правда в современных работах генеративистов принято считать, что в структурах с постпозицией придаточного вроде (64a) подлинным подлежащим является не сентенциальная составляющая (придаточное), а некий внешне невыраженный аналог *it* из примера (64b), т. н. нулевое формальное подлежащее (null expletive). Для определения табличной схемы английского предложения это уточнение нерелевантно, так как гипотетическое нулевое формальное подлежащее *it* появляется в данном языке лишь при препозиции придаточного. Вопрос о том, может ли придаточное быть полноценным подлежащим сложноподчиненного предложения, более важен для тех славянских языков, где формальное местоимение типа *it* (ср. рус. *это*, чеш. *to*, в.-луж. *wono*), коррелятивное придаточному, во всех или некоторых предложениях факультативно, а также для шведского языка, где в структурах, соответствующих (64a-b), формальное местоимение (шв. *det*) употребляется как при постпозиции, так и при препозиции придаточного, ср. обсуждение в [Ekerot 1979: 99]; Циммерлинг 2002: 738].

Работа [Pollock 1989], где сопоставлялся порядок слов в английском и французском языках, привлекла внимание к тому факту, что английский язык запрещает вставку обстоятельств между глаголом и дополнением при порядке *SVAdvO, ср. англ. *John kisses often Mary «Джон целует часто Машу» но разрешает вставку обстоятельств между подлежащим и глаголом при порядке SVAdvO, ср. англ. John often kisses Mary «Джон часто целует Машу», в то время как французский язык ведет себя ровно наоборот, разрешая порядок SVAdvO, ср. фр. Jean embrasse souvent Marie «Жан часто обнимает Машу», но запрещая порядок *SVAdvO, ср. фр. Jean souvent embrasse Marie. Тем самым, хотя оба языка описываются в терминах Гринберга одинаково, формулой SVO, они реально имеют разные линейные схемы предложения: SAdvVO (английский) vs SVAdvO (французский). Поллок и его последователи интерпретировали это систематическое расхождение в терминах синтаксических перемещений (movement): в языках типа английского, имеющих формулу SAdvVO, финитный глагол якобы перемещается влево в

проекцию функциональной категории Согласования (Agr), в то время как в языках типа французского, имеющих формулу $SVAdvO$, перемещения глагола влево якобы не происходит. Наличие перемещения в одном языке и его отсутствие в другом, в свою очередь, объясняется тем, реализуемое на уровне поверхностного синтаксиса перемещение (*overt movement*) является необходимым в том случае, когда синтаксическая категория не может выразить согласовательную морфологию (в минималистских терминах – *check Agr features*) в предположительной позиции базового порождения: французский глагол имеет богатую согласовательную морфологию и может не перемещаться, в то время как английский глагол имеет бедную согласовательную морфологию и должен перемещаться⁴⁰. Если не рассматривать вопросы порождения предложения и ограничиться проблемой линейаризации английского предложения, и позицию глагола, и внутреннюю позицию наречия в ГТ следует признать фиксированной. Обозначим эту позицию как ADV2, чтобы отделить ее от начальной позиции топиального (тематического наречия) ADV1, расположенной перед позицией подлежащего (S), и от позиции конечного (рематического) наречия ADV3, присоединенной к ГТ справа. Так как компоненты сложных глагольных форм стоят в английском языке контактно, все их следует поместить в одну общую клетку. Между финитным глаголом (V_{fin}) и прочими глагольными компонентами (V_{inf}) может стоять только одна категория – общее (сентенциальное) отрицание *not (=n't)*. С учетом этих фактов мы можем построить предварительный вариант табличной схемы английского предложения, упорядочив клетки ADV1, S, V_{fin} , NEG, V_{inf} , ADV2, O, ADV3.

⁴⁰ В Минималистской Программе Хомского тезис о том, что синтаксическое перемещение (*overt movement, internal Merge*) обязательно и происходит только в том случае, когда другие ресурсы грамматики исчерпаны (перемещение является т. н. *Last Resource mechanism*, букв. «последним ресурсом»), является одним из центральных. Он комбинируется с идеей о том, что построение дерева предложения происходит снизу вверх, путем сборки групп и установления иерархических отношений между ними. Присоединение поддеревьев (*external Merge*) как метод построения предложения обладает приоритетом над перемещением категорий т. е. преобразованием уже порожденного поддерева (*Move, internal Merge*). И присоединение поддеревьев, и перемещение категорий мотивируется необходимостью проверять значения функциональных категорий, таких как время (*Tense*), финитность (*Inflection*), падеж (*Case*), согласование (*Agreement*), определенность (*Determination*) и т. п. Каждой синтаксической области соответствует определенное число постулированных для нее категорий, порождение считается законченным тогда, когда все их значения проверены. Порождение предложения разбивается на фазы (*phases*) подобно иерархии составляющих (поддеревьев): при этом фазами считаются не все поддерева, но лишь те из них, которые остаются непроницаемыми на дальнейших стадиях порождения. Учение о фазах не имеет независимого математического и лингвистического подтверждения, но принимается сторонниками Хомского на веру как часть лингвистического идеала, согласно которому язык устроен оптимальным образом для того, чтобы соединять грамматическое значение и звуковую форму. Данный лингвистический идеал известен как Сильный Минималистский Тезис (*Strong Minimalist Thesis, SMT*).

ADV1Top	S	ADV2	V _{fin}	NEG	V _{inf}	O/Pred	ADV3Foc
(1) Often,	John	∅	kisses	∅	∅	Mary	∅
часто	Джон	∅	целует	∅	∅	Машу	∅
«Джон часто целует Машу»							
(2) Obviously,	John	often	kisses	∅	∅	Mary	∅
явно	Джон	часто	целует	∅	∅	Машу	∅
«Джон, конечно, часто целует Машу».							
(3) Strangely,	John	finally	did	not	damp	his exams	badly
странным образом	Джон	в конце концов	сделал-прш.	не	провалить	его экзамены	плохо
«Джон странным образом в конце концов сумел не провалить свои экзамены полностью».							
(4) Yesterday,	John	strangely	did	not	want to kiss	Mary	often
вчера	Джон	странным образом	сделал-прш.	не	хотеть целовать	Машу	часто
«Джон вчера странным образом не хотел часто целовать Машу».							

РИС. 11. Табличная схема невопросительного предложения в английском языке

Позиционная асимметрия клеток подлежащего (= ближайшая ИГ к форме глагола) и неподлежащих ИГ английского языка проявляется также в специальных вопросах с вопросительным словом (*wh*-questions). В вопросах, где вопросительное слово занимает позицию подлежащего (WH_S), вспомогательные глаголы (V_{AUX}) не употребляются, см. (65a-d), но вопросы, где вопросительное слово занимает позицию дополнения, строятся только с вспомогательным глаголом, см. (66a-d). При этом подлежащее вопросительное слово всегда оказывается *слева* от основного глагола ($WH_S + V$), а неподлежащее вопросительное слово (WH_{NonS}) *справа* от вспомогательного глагола ($V_{AUX} - WH_{NonS}$). Иными словами, подлежащее вопросительное слово стоит в клетке подлежащих S, а для прочих вопросительных слов данная клетка в английском языке недоступна.

- S V_{fin} O
- (65) англ. а. **Who** proved this theorem?
 Кто доказал-прш. эта теорема
 'Кто доказал эту теорему?'

	S	AUX V _{inf}	O
b.	*Who did	prove	this theorem?
	Кто	сделал-прш. доказать-инф.	эта теорема

	S	V _{fin}	
c.	Whose book got	lost?	
	Чья книга	получил-прш. Потерян-прич. II	
	‘Чья книга была потеряна?’		

	S	V _{fin}	V _{inf}	
d.	*Whose book did	get	lost?	
	Чья книга	сделал-прш. получить-инф.	потерян-прич. II	

	WH	AUX		S	V _{inf}
(66) англ. a.	What did			he	understand?
	Что	сделал-прш.	он	понимать-инф.	
	‘Что он понял?’				

	WH	V _{fin}		S
b.	*What understood	he?		
	Что	понял-прш.	Он	

	WH	AUX		S	V _{inf}
c.	When did			you	arrive?
	Когда	сделал-прш.	ты	прибывать-инф.	
	‘Когда ты прибыл?’.				

	WH	V _{fin}		S
d.	*When arrived	you		
	когда	прибыл-прш.	Ты	

Из примеров (65)–(66) непосредственно вытекает, что специальные вопросы с вопросительным словом в позиции подлежащего строятся по схеме SVO/SV, а специальные вопросы с вопросительным словом в позиции дополнения (66a) и обстоятельства (66c) строятся по схеме WH-AUX-S-V_{inf}, где вставка вспомогательного глагола (AUX) является техническим ресурсом английской грамматики, позволяющим сохранить базовый порядок слов S-V, где подлежащее предшествует лексической части сказуемого, и условие (vii). В вопросах с вопросительным словом в позиции подлежащего условие (vii) и порядок S-V не нарушается, поэтому вставка вспомогательного глагола в этом случае не нужна, что подтверждается неграмматичностью примеров (65b), (65d). Тем самым, подлежащие вопросы можно непосредственно описать схемой на рис. 11, в то время как для неподлежащих во-

просов требуется расширить табличную схему еще двумя клетками – WH и AUX. Статус этих клеток рассматривается в следующем разделе.

Поскольку английское предложение разворачивается по схеме (ADV1Top) S ADV2 V_{fin} NEG V_{inf} NEG O (ADV3Foc), где перед финитным глаголом могут стоять две разные категории предложения, не считая начального топикального элемента – подлежащее и обстоятельство – английский язык с точки зрения типологии синтаксических систем не является языком V2. Нет прямых оснований настаивать на том, что начальная топикальная позиция ADV1 находится за рамками основной части предложения: такая интерпретация может быть оправдана в перспективе анализа дерева предложения, но для построения табличной схемы она не имеет принципиального значения. В англистике обсуждались две конструкции или механизма, напоминающие ограничение V2 в немецком языке или скандинавских языках.

Первый из этих механизмов касается места вспомогательных глаголов BE, HAVE, DO и модальных глаголов (CAN, MUST, MAY, SHALL, WILL, COULD, MIGHT, SHOULD, WOULD, OUGHT) в вопросительных и отрицательных предложениях и известен как Auxiliary Support, т. е. «вставка (букв. Поддержка) вспомогательного глагола»⁴¹. Суть явления состоит в том, что в современном литературном английском языке простое глагольное сказуемое в обязательном порядке расщепляется при образовании вопросов на служебный (auxiliary) или модальный глагол (modal auxiliary) из приведенного выше списка и нефинитную форму основного глагола: не расщепляется только простое глагольное сказуемое, сформированное самими глаголами BE, HAVE и модальными глаголами из приведенного выше списка. Второй из этих механизмов касается возможности инвертировать подлежащее в предложениях с непереходным глаголом и обстоятельством места или направления, ср. A child pram was rolling down the hill «детская коляска катилась с горы» ~

⁴¹ Термин Auxiliary Support мотивирован тем, что построение вопроса требует в литературном английском языке вставки служебного вспомогательного глагола в позицию, предшествующую позиции подлежащего: англ. Do you understand the text? «Ты понимаешь текст?», букв. «Делашь ты понимать текст?», Have you got a book? «Ты достал книгу?», букв. «Имеешь ты доставши книгу?» Те случаи, когда глагольное сказуемое не разлагается на служебный глагол и нефинитную форму основного лексического глагола и в позицию, предшествующую позиции подлежащего, перемещается финитная форма лексического глагола, приходится на употребление BE, HAVE и прочих глаголов из списка (кроме DO): англ. Is she really that stupid? «Она действительно столь тупая?», букв. «Есть она действительно так тупа?», Have you a book? «У тебя есть книга?», букв. «Имеешь ты книгу?». Всем этим глаголам приписывается системный статус Auxiliary (служебный глагол), хотя в техническом смысле не все примеры употребления BE, HAVE и т. д. приходится на сочетания служебного глагола с нефинитной формой другого глагола. В отрицательных предложениях тоже имеет место Auxiliary Support, но инверсии подлежащего и финитного глагола не происходит, поэтому для английского языка термин «вставка служебного глагола» характеризует более широкий круг явлений, чем термин «инверсия финитной формы глагола».

down the hill was rolling a child gram «с горы катилась детская коляска». Соответствующая альтернатива носит название Локативной Инверсии (Locative Inversion), ср. [Hoekstra, Mulder 1990], [Levin 1991], [Bresnan 1994], [Babyonyshev 1996].

6.6.3.3. Auxiliary Support и табличная схема вопросительных предложений

В невопросительных предложениях без эмфазы удобнее всего считать, что вспомогательные глаголы стоят в постпозиции подлежащему в клетке V_{fin} , т. е. занимают ту же позицию, что и простые глагольные сказуемые⁴², ср. англ. He came late «Он пришел поздно», «Он опоздал», He did not come late «Он не опоздал», букв. «Он сделал не прийти поздно». Тот же принцип распространяется на эмфатические утвердительные высказывания, ср. He did come «Он действительно пришел», «он-таки пришел», букв. «Он сделал прийти». Расщепление простой глагольной формы на сочетание финитной формы служебного глагола с нефинитной формой лексического глагола, с постановкой финитного компонента в ту же клетку, которую занимают простые глагольные формы английского языка в том же типе высказываний, называется общим термином Auxiliary Support (в конкретном случае говорят о «вставке BE, DO, HAVE» – BE support, DO support, HAVE support). В вопросительных предложениях, как известно, Auxiliary Support тоже имеет место, но финитная форма глагола всегда оказывается перед подлежащим, независимо от того, является ли сказуемое простым или составным: ср. общие вопросы типа англ. Are we the champions? «Мы – чемпионы?», букв. «Есть мы чемпионы?», May I? «Можно мне?», англ. Have you found the book? «Ты нашел эту книгу?», букв. «Имеешь ты нашелши эту книгу?», англ. Did he come late? «Он пришел поздно?», букв. «Сделал он прийти поздно?». В альтернативных вопросах между начальным вспомогательным глаголом и постпозитивным подлежащим оказывается еще клетка общего отрицания, что дает порядок AUX NEG S: англ. Did not he come late? «Разве он не пришел поздно?», «Не пришел ли он поздно?», букв. «Сделал не он прийти поздно?». Глагол оказывается в начале фразы и в побудительных предложениях, которые являются бесподлежащими структурами: общее отрицание в таких структурах оказывается между компонентами глагольной формы: англ. Do not come! «Не приходи», букв. «Сделай не приходить!». Эти факты трудно объяснить иначе, чем в терминах перемещения глагола влево из той позиции, которую мы выше в таблице (40) предварительно обозначили как позицию финитного глагола (V_{fin}), в некоторую особую позицию, заполняемую только в вопросительных предложениях: обозначим эту клетку AUX. Непосредственно очевидно, что клетка AUX может заполняться только финитными формами, а формы причастий и

⁴² Как указано выше, имеется альтернативный анализ: можно считать, что добавление служебного глагола в схему английского предложения всегда сопряжено с перемещением глагола из V в AUX. Но такое решение влечет необходимость постулировать дополнительную клетку для подлежащего, что с точки зрения принципов табличной схемы является немотивированным шагом.

инфинитивов туда не перемещаются, поэтому если мы хотим построить единую табличную схему для английских вопросительных и невопросительных предложений, мы должны учесть в ней все три позиции для глагольных компонентов сказуемого – AUX (только для вопросительных предложений), V_{fin} и V_{inf} (для всех типов предложений). Клетка V_{inf} стоит в таблице левее клетки NEG, имеющей непустое наполнение в отрицательных предложениях: если V_{inf} имеет непустое наполнение, в том же предложении одновременно заполняется одна из клеток V_{inf} или AUX, но клетки V_{inf} и AUX не могут быть заполнены одновременно. В альтернативных вопросах одновременно имеет место перемещение/вставка вспомогательного глагола влево в клетку AUX и изменение относительного расположения S и NEG: это объясняется тем, что англ. общее отрицание *not* с синтаксической точки зрения является глагольной энклитикой, которая должна клитизироваться справа к финитной глагольной форме⁴³. При перемещении вспомогательного глагола влево в AUX отрицание *not* должно перемещаться вслед за глаголом, поскольку оно не может клитизироваться к подлежащему:

		S	V_{fin}	NEG	V_{inf}		
(67)	англ. a.	He		did	not	come	late.
		Он		сделал	не	прийти	поздно
		‘Он не опоздал’.					
		AUX	NEG	S	V_{inf}		
	b.	Did		not	he	come	late?
		Сделал		не	он	прийти	поздно
		‘Разве он не <u>опоздал</u> ?’», «Не <u>опоздал</u> ли он?»					
		AUX	S	NEG	V_{inf}		
	c.	*Did	he	not		come	late?

В духе табличной нотации можно ввести для общего отрицания две разные клетки NEG1 (слева от подлежащего) и NEG2 (справа от подлежащего), но такое решение имеет разумную альтернативу – считать, что общее отрицание в предложениях с Auxiliary Support вообще не занимает самостоятельной позиции, но попадает в ту же клетку AUX, что и перемещенный глагол. Доводом в пользу такой трактовки служат стяженные отрицательные формы глагола – *doesn't, don't, didn't, hasn't, haven't, hadn't, isn't, aren't, can't, couldn't, won't, wouldn't* и т. п. В дальнейшем изложении будем считать, что общее отрицание *not* притягивается финитным глаголом и перемещается вслед за ним в клетку AUX, пересекая по пути узлы S и

⁴³ Напротив, частное отрицание помещается в английском языке перед отрицаемым элементом и с синтаксической точки зрения ведет себя как проклитика: ср. англ. *He obviously copied the file [NegP not [yesterday]]* «Он явно скопировал файл [NegP не [вчера]]» vs. *He obviously [VP did=[NegP n't [IP copy the file yesterday]]* «Он явно не скопировал вчера файл», букв. «Он явно [VP сделал]=[NegP не [IP копировать файл вчера]]».

V_{fin} : соответствующее явление в англистике и Универсальной Грамматике называется термином Negation Raising, букв. «Подъем Отрицания» [Kosta 2008]. Примем гипотезу о Negation Raising и пометим в таблице на рис. 12 символом t истинное место отрицания в табличной схеме.

ADV1Top	AUX	S	ADV2	Vfin	NEG	Vinf	O	ADV3Foc
(1) Finally	∅	(1) He	∅	copied	∅	∅	the file	yesterday
наконец	∅	он	∅	скопировал	∅	∅	файл-опр	вчера
«Он, наконец, скопировал файл вчера.»								
∅	∅	(2) he	obviously	did	not	copy	the file	yesterday
∅	∅	он	явно	сделал	не	копировать	файл-опр	вчера
«Он явно не скопировал файл вчера.»								
∅	(3)Did	he	finally	∅	∅	manage to copy	the file	yesterday?
∅	сделал	он	наконец	∅	∅	суметь копировать	файл-опр	∅
«Сумел ли он наконец сумел копировать файл?»								
∅	(4)Did=n'ti	he	finally	∅	ti	manage to copy	the file	yesterday?
∅	сделал=не	он	наконец	∅	ti	суметь копироват	файл-опр	вчера
«Разве он в конце концов не сумел копировать файл вчера?»								

РИС. 12. Единая табличная схема для английских утвердительных, отрицательных предложений, общих и альтернативных вопросов

Схема на рис. 12 не учитывает позиции группы вопросительного слова (Wh-phrase) в специальных вопросах. Такие группы выносятся в литературном английском языке в начало фразы: в специальных вопросах английского языка, используя метаязык генеративной грамматики, имеет место обязательная операция Wh-fronting. В разговорном английском языке специальный вопрос можно построить и иным способом, когда вопросительное слово остается в конце предложения (в генеративной нотации, *in situ*, т. е. в предполагаемой позиции базового порождения), ср. (66a), но в этом случае сохраняется обычный порядок слов SVO, а операция Auxiliary Support с выносом вспомогательного глагола в позицию AUX не происходит. Если же имеет место Wh-fronting, то всегда имеет место и Auxiliary Support, в силу чего вспомогательный глагол оказывается непосредственно после группы вопросительного слова, но перед подлежащим, что дает порядок WH AUX S, ср. (68b-c)

	WH	AUX	S	V _{fin}	O	WH
(68) англ. а.	∅	∅	He	<u>copied</u>	the file	when/why?
	∅	∅	Он скопировал	файл-опр	когда/why	
	‘Когда/почему он скопировал этот файл?’					

	WH	AUX	S	V _{inf}	O
b. When did			he	copy	the file?
Когда сделал			он	копировать	файл-опр.
	‘Когда он скопировал этот файл?’				

	WH	AUX	S	NEG	V _{inf}	O
c. Why did=n`ti			he	ti	copy	the file?
Почему сделал=неi			он	ti	копировать	файл-опр.
	‘Почему он не скопировал этот файл?’					

Особая клетка WH, располагающаяся в табличной схеме непосредственно левее клетки AUX, необходима только для *неподлежащих вопросительных групп* (non-subject wh-phrases), поскольку подлежащие вопросительные группы (subject wh-phrases) не сочетаются в английских вопросительных предложениях со вспомогательным глаголом. Тем самым, полная табличная схема английского предложения, учитывающая структурные особенности специальных вопросов, должна иметь минимум 10 клеток, включая клетку WH для неподлежащих вопросительных групп.

ADV1Top	WH	AUX	S	ADV2	Vfin	NEG	Vinf	O	ADV3Foc
(1)Finally,	∅	∅	he	∅	did	not	hesitate to copy	the file	in the library
наконец	∅	∅	он	∅	сделал	не	колебаться копировать	файл-опр	в библиотеке
«В конце концов, он без колебаний скопировал файл в библиотеке».									
∅	(2) Which filei	did	he	finally	∅	∅	manage to copy	ti	in the library?
∅	который файли	сделал	он	наконец	∅	∅	суметь копировать	ti	в библиотеке
«Какой файл он в конце концов сумел скопировать в библиотеке?»									
∅	(3) Why	did=n`ti	he	finally	∅	ti	manage to copy	the file	yesterday?
∅	почему	сделал=неi	он	наконец	∅	ti	суметь копировать	файл-опр	вчера
«Почему в конце концов не сумел скопировать файл вчера?»									

РИС. 13. Единая табличная схема для английских утвердительных, отрицательных и вопросительных предложений.

Таблица на рис. 13 знаменует предел расширения схемы английского предложения влево. В т. н. косвенных вопросах, использующих *wh*-слова, восстанавливается порядок слов, свойственный невопросительным предложениям.

- WH S V_{fin} NEG ADV2 V_{inf} O ADV3Foc
- (69) англ. The girl wondered [_{CP} **why** he didn't finally manage to copy the file yesterday].
 Девушка недоумевала, почему он сделал=не наконец суметь копировать файл вчера
 'Девушка недоумевала, [_{CP} почему он в конце концов не сумел скопировать файл вчера]'.
 (69')

ADV1Top	WH	AUX	S	ADV2	V _{fin}	NEG	V _{inf}	O	ADV3Foc
<The girl wondered>	why	∅	he	∅	did	not finally	manage to copy	the file	yesterday
девушка недоумевала	почему	∅	он	∅	сделал	не наконец	суметь копировать	файл-опр.	вчера
«Девушка недоумевала, почему он в конце концов не сумел скопировать файл вчера».									

Статус начальной позиции, обозначенной в схеме символом ADV1Top с учетом тестов Т. Райнхарт [Reinhart 1983: 68–72] может быть уточнен как «клетка начального топикального элемента, не являющегося аргументом глагола». Тесты Райнхарт, показывают, в частности, что в ADV1Top не могут выноситься Предложные Группы, заполняющие валентность «Место/Направление» при непереходных инактивных глаголах типа *be, sit, stand, hang*, но могут выноситься внешне аналогичные Предложные Группы, являющиеся факультативными адьюнктами других глаголов [Bresnan 1994: 82].

- WH-S V_{fin} ADV3Foc
- (70) англ. a. **Who** stood [_{PP} On the corner]?
 'Кто стоял в углу?'.
 ADV1Top WH-S V_{fin}

- b. [_{PP} On the corner] **Who** stood?
 'В углу **кто** стоял?'.
 WH-S V_{fin} ADV3Foc

- (71) англ. a. **Who** drank [_{PP} On the corner]?
 'Кто пил в углу?'.
 WH-S V_{fin} ADV3Foc

- b. * [_{PP} On the corner], **Who** drank?
 Подразумеваемое зн. 'В углу **кто** пил?'.
 WH-S V_{fin} ADV3Foc

В примерах типа (72) тема-рематическое членение высказывания, требующего помещения Ремы после начальной Контрастной Темы, получает приоритет над формально-синтаксической структурой английского предложения, запрещающей вынос (неконтрастивных) дополнений перед подлежащим. С точки зрения табличной схемы, наиболее экономным решением является помещение инвертированного контрастивного дополнения в клетку Adv1Top, которую в обычном случае занимают начальные обстоятельства со статусом Темы. Поскольку относительное расположение подлежащего и финитного глагола в примерах типа (72) не меняется, нет оснований считать, что эти категории покидают канонические для них клетки S и V_{fin}.

(72')

ADV1Top	WH	AUX	S	ADV2	Vfin	NEG	Vinf	O	ADV3Foc
[The last two movements]i	∅	∅	i	certainly	prefer	∅	∅	t i	in the older version
[Две последние части]i	∅	∅	я	явно	предпочитаю	∅	∅	t i	в старой версии
«Две последние части <симфонии> я решительно предпочитаю в прежнем варианте <исполнения>».									

Подтип (b) тоже связан с нестандартным соотношением тема-рематической и формально-синтаксической структур. Различаются т. н. локативная инверсия, где в предфинитную позицию выносятся обстоятельства места или направления, ср. англ. **Back to the village** came the tax collector «Назад в деревню вернулся сборщик налогов», англ. **Here is** John Johnson «Перед вами Джон Джонсон», букв.: «здесь есть Д. Д.», и нелокативная инверсия, где в предфинитную позицию выносятся иная категория предложения. Дж. Брезнан [Bresnan 1994: 78] приводит следующие примеры «не-локативной» инверсии типа (b) при непереходных глаголах come «приходить», stand «стоять», lay «лежать».

(73) англ. [_{IP} Crashing through the woods] came a wild boar.
 Ломясь через чащу пришел дикий кабан-неопр.

(74) англ. [_{IP} Gathered pointlessly in the yard] stood three women.
 Бесцельно собравшись во дворе стояли три женщины.

(75) англ. [_{IP} Spilled all over the floor] lay pinto beans.
 Разбросанные по всему полу, лежали фасолины пинто.

В примерах типа (73)–(75) в предфинитную позицию вынесено предикативное определение, выраженное причастной группой (IP), которая в нормальном случае стоит после глагола, ср. a wild boar came [_{IP} crashing through the woods] «Дикий

кабан пришел, [_{CP} ломясь сквозь чашу]» → [_{CP} crashing through the woods]_i t_j **came a wild boar**_j t_i. «[_i Ломясь сквозь чашу], пришел дикий кабан». Механизм инверсии проявляется в том, что предикативное определение, не являющееся аргументом непереходного глагола, перемещается в предфинитную позицию, когда подлежащее непереходного глагола, ср. ИГ a wild boar «дикий кабан» в примере (73), three women «три женщины» в примере (74) и pinto beans «фасолины пинто» в примере (75) является Ремой высказывания. Сформулируем связь между формальным синтаксисом и тема-рематической структурой английского предложения эксплицитно.

- (iv) Перемещение предикативного атрибута в предфинитную позицию в английских инверсивных конструкциях является средством рематизации подлежащего непереходного глагола.

Типологическая особенность английского предложения на фоне других языков мира, где рематическое подлежащее регулярно оказывается правее своего обычного места в том случае, когда оно имеет статус Темы, состоит в том, что порядок слов закреплён в английском языке в такой степени, что рематизация подлежащего с его синтаксическим перемещением его в постфинитную позицию (или *отсутствием его перемещения в предфинитную позицию S*, чего требуют базовый порядок SVO/SV и табличная схема предложения на рис. 13), возможны только при узком круге непереходных предикатов и при подходящем составе предложения: не всякая категория предложения, способная получить роль (неконтрастной) Темы, может занимать в повествовательном предложении предфинитную позицию.

В формально-синтаксическом плане альтернации порядка слов в структурах из трех ядерных элементов типа SV + X ~ X + VS, где подлежащее и некоторая другая категория X меняют свое относительное расположение, интересны тем, что их нельзя объяснить за счет единственного перемещения категории X или подлежащего. В трансформационной нотации тезис о перемещении категории X (в примерах (73)–(75) X = предикативное определение, группа причастия) в предфинитную позицию требуется дополнить тезисом о параллельно осуществляющемся *перемещении подлежащего в постфинитную позицию*, ср. интерпретацию (76) или *перемещении финитного глагола левее подлежащего* в позицию вспомогательного глагола, ср. интерпретацию (77).

- (76) англ. **a wild boar came** [_{CP} crashing through the woods]
 ‘Дикий кабан пришел, [_{CP} ломясь сквозь чашу]’
 → [_{CP} crashing through the woods]_i t_j **came a wild boar**_j t_i.
 ‘[_i Ломясь сквозь чашу], пришел **дикий кабан**’.
- (77) англ. **a wild boar came** [_{CP} crashing through the woods].
 ‘Дикий кабан пришел, [_{CP} ломясь сквозь чашу]’.
 → [_{CP} crashing through the woods]_i **came**_j **a wild boar**_j t_i.
 ‘[_i Ломясь сквозь чашу], пришел **дикий кабан**’.

Для трансформационного анализа альтернирующих словоупорядков интерпретации (76) и (77) примерно равнозначны, хотя сторонники Минималистской Программы вправе отвергнуть вариант (77) как содержащий синтаксическое перемещение слева направо⁴⁵. Для табличного анализа следует явно предпочесть вариант (77), так как предпочтительно считать, что во всех рассмотренных ранее конструкциях и типах предложений подлежащее не покидает клетки S, а для вопросительных предложений, как было показано выше, введение клетки AUX, является технической необходимостью. Поэтому есть основание считать, что в инверсивных конструкциях типа b), где предфинитную позицию занимает перемещенное дополнение, также имеет место перемещение глагола в AUX: введем в таблицу стандартную запись t_j для того, чтобы указать на исходное место глагола. Тем самым, трансформационная нотация и табличная нотация в данном случае указывают на один и тот же предпочтительный вариант анализа. Перемещенную группу предикативного определения удобно поместить в ту же клетку ADV1Top, пометив ее исходное место символом t_j .

(73')

ADV1Top	WH	AUX	S	ADV2	V _{fin}	NEG	V _{inf}	O	ADV3Foc
[Crashing through the woods] _j	∅	came _j	a wild boar	∅	t_j	∅	∅	∅	t_i
[Ломясь сквозь чащу] _j	∅	пришел _j	дикий кабан	∅	t_j	∅	∅	∅	t_i
«Ломясь сквозь чащу, пришел дикий кабан».									

Перемещение предикативного определения в предфинитную глаголу с сопутствующей ей перестановкой подлежащего и финитного глагола характерно также для некоторых эмфатических предложений, где вынесенную в начало предложения группу уместно трактовать не как Тему, а как Рему. Подлежащее и непереходный глагол в таких предложениях вместе образуют Тему.

(78) {_{FocusP} [_{AP} **Conspiciously absent**]} {_{TopicP} was Mary⁴⁶.
 Подозрительно отсутствующей была Мэри
 'Мэри что-то **подозрительно отсутствовала**'.

Такого рода предложения более проблематичны для табличного анализа, так как клетка ADV1Top по своей характеристике не подходит для перемещенных рематических элементов. Из имеющихся в табличной схеме на рис. 13 клеток наиболее близкие характеристики имеет клетка WH: с натяжкой можно признать, что редкие в английском языке инверсивные эмфатические предложения с начальной

⁴⁵ В Минималистской Программе принимается постулат Р. Фиенго о том, что любые перемещения осуществляются вверх по дереву составляющих, справа налево.

⁴⁶ Пример Дж. Брезнан [Bresnan 1994: 75] (нотация наша. – А. Ц.)

Ремой имеют структуру стандартных вопросительных предложений. Та же самая натяжка характерна для тех вариантов трансформационного картографического анализа, где принимается отождествление позиции Wh-слов и позиции рematicких элементов, ср. обсуждение тезиса Р. Бхатта выше в разделе 2.4. Разумеется, такой анализ предполагает одновременное перемещение финитного глагола в AUX, поскольку, как было показано, образование специальных вопросов без перемещения глагола в AUX и/или вставки вспомогательного глагола (Auxiliary Support) в английском языке невозможно.

(78')

ADV1Top	WH	AUX	S	ADV2	V _{in}	NEG	V _{inf}	O	ADV3Foc
∅	[conspicuously absent] _i	was _j	Mary	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
∅	подозрительно отсутствовала	был _j	Мэри	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
«Мэри (что-то) подозрительно отсутствовала».									

Прочие разновидности инверсии типа (b), с изменением относительного положения финитного глагола и подлежащего и выносом некоторой неподлежащей категории в предфинитную позицию, теоретически не проблематичны. В конструкциях с прямой речью, отрывающихся цитатой, инверсия подлежащего носит факультативный характер. Ср. два примера с одинаковым лексико-синтаксическим составом из одного и того же текста, романа Х. Лори «The Gun Seller».

(79) англ. а. 'Bullshit' – says Latifa eventually. (H. Laurie)

'Дерьмо' говорит Латифа в конце концов

"Дерьмо" – говорит, наконец, Латифа'.

b. 'Good' – he said eventually. (H. Laurie)

'Хорошо' – он сказал в конце концов.

"Хорошо" – наконец, сказал он'.

Пример (79a) проще всего анализируется как структура типа (78') с перемещением глагола речи в AUX, а пример (79b) – как структура типа (72') без перемещения глагола. Все разновидности нелокативной инверсии чаще встречаются в независимых предложениях, хотя запретов на их использование в придаточном нет, ср. пример инверсии глагола в придаточном относительном, приводимый в [Close 1979: 55]: англ. He is a man, [_{CP} **on whose shoulders falls** a heavy responsibility] "Он – человек, [_{CP} **на чьи плечи падает** тяжкая ответственность]".

Подводя промежуточные итоги, можно сделать вывод о том, что рассмотренные типы конструкции с инверсивным порядком слов хорошо описываются табличной схемой английского предложения. Инверсия типа (a), представленная в примерах (72) и (79b), анализируется как перемещение элементов с нетипичной коммуника-

тивной характеристикой (контраст, эмфаза) в AdvTop1, а инверсия типа (b), представленная в примерах (73)–(78), (79a), анализируется как структура с перемещением финитного глагола в AUX и перемещением неподлежащей категории в одну из клеток левее AUX – AdvTop1 либо WH.

Нам осталось рассмотреть еще одну инвертированную конструкцию, при которой в предфинитную позицию инвертируется обстоятельство места или направления, а подлежащая ИГ (точнее, единственная ИГ при непереходном глаголе) и финитный глагол меняют относительное расположение. Как было указано, такого рода структуры в англистике и Универсальной Грамматике принято называть Локативной Инверсией (Locative Inversion). Конструкции с Локативной Инверсией расцениваются британскими и американскими информантами как грамматически правильные и встречаются как в устной, так и в письменной речи, хотя не все информанты одобряют примеры с Локативной Инверсией и глаголом в форме Continuous⁴⁷. Условимся пометить Локативную/Директивную Группу общим символом LocP, а клетку табличной схемы, куда попадает инвертированная Локативная/Директивная Группа предварительно обозначим как Loc, до уточнения ее расположения по отношению к другим клеткам таблицы. Условимся также пометить клетку, которую занимает постфинитная ИГ, как Sub, пока не выяснено, действительно эта ИГ является подлежащим. Границы коммуникативных составляющих TopicP («Тема») и FocusP («Рема») будем, как и раньше, записывать фигурными скобками.

	Loc		V _{fin}		Sub
(80) англ.	{TopicP [LocP Back to the village]}		{FocusP <u>came</u>		a tax collector }.
	Назад в деревню		пришел сборщик налогов		
	‘ В деревню вернулись сборщик налогов ’.				

		Loc		V _{fin}		Sub
(81) англ.	{TopicP And [LocP here]}					is {FocusP Alexei Lubimov with the Keller Quartet, playing Schnittke’s Piano Quintet ⁴⁸
						И здесь <u>есть</u> Алексей Любимов с Келлер-квartetом, играющие Фортепианный Квintет Шниттке
						«Перед Вами Алексей Любимов и Келлер-квartet, которые исполняют Фортепианный Квintет Шниттке».

Сразу отметим, что Локативная Инверсия имеет в английском языке оба конституирующих признака, выделенных нами на материале нелокативных инверсий типа b). Во-первых, в предложениях с Локативной Инверсией обстоятельство Me-

⁴⁷ Ср. характерный комментарий к предложениям с Директивной Группой **In walked** the headmaster. **Here comes** the train. There **goes** my bus. в справочнике по нормативному английскому языку: «This variation requires an intransitive verb of motion, and does not occur in the progressive» [Close 1979: 35].

⁴⁸ Пример из радиопередачи BBC, John Tusa, BBC 2001-01-13.

ста/Направления типа *Back to the village* «назад в деревню» в примере (80), here «здесь» в примере (81) является Темой, а постфинитная ИГ (предполагаемое подлежащее непереходного глагола) является Ремой или частью Ремы, ср. ИГ *tax collector* «сборщик налогов» в примере (80), ИГ *Alexei Lubimov with the Keller Quartet* «Алексей Любимов с Келлер-квartetом» в примере (81). Во-вторых, Локативная Инверсия предполагает одновременное перемещение двух элементов – Локативной/Директивной Группы и некоторой другой категории предложения – глагола либо подлежащего. В англистике Локативную Инверсию принято рассматривать отдельно, поскольку аргументная структура предиката при локативной и нелокативной инверсии предположительно различна [Levin 1991; Bresnan 1994: 89]. В качестве типологического утверждения этот тезис вызывает серьезные сомнения, но применительно к самому английскому языку он правдоподобен. Локативная Инверсия, как показал П. Постал [Postal 1977: 147] представлена в английском языке прежде всего при ряде непереходных инактивных глаголов (*unaccusative verbs*)⁴⁹, для которых Локативную Группу можно считать аргументом, синтаксической валентностью предиката, а не адьюнктом, факультативным обстоятельством расширения. В работах [Hoekstra, Mulder 1990; Levin 1991; Bresnan 1994] приводятся несколько тестов, подтверждающих релевантность различия между аргументами и адьюнктами для английского порядка слов. Например, Локативная/Директивная Группа *toward me* «в мою сторону» может вызывать инверсию подлежащего и глагола при глаголе *to lurch* «крениться», «шататься», по отношению к которому она предположительно является аргументом, но не может вызывать инверсию подлежащего и глагола при глаголе *to look* «смотреть», по отношению к которому она является адьюнктом.

	S	V	Loc
(82) англ. а.	A drunk	<u>lurched</u>	[_{LocP} toward me].
	Пьяный-неопр.	крениться-прш.	В сторону меня
	‘ Пьяный <u>накренился</u> в мою сторону’.		

	Loc	V	Sub
b.	[_{LocP} Toward me]	<u>lurched</u>	a drunk.
	В сторону меня	крениться-прш.	Пьяный-неопр.
	‘ В мою сторону <u>накренился</u> пьяный’.		

	S	V	Loc
(83) англ. а.	A drunk	<u>looked</u>	[_{LocP} toward me].
	Пьяный-неопр.	смотреть-прш.	В сторону меня
	‘ Пьяный <u>посмотрел</u> в мою сторону’.		

⁴⁹ При этом Локативная Инверсия реально возможна в английском языке не при всех непереходных глаголах, а лишь у тех из них, которые имеют синтаксическую валентность на актант со значением Места/Направления. Так, едва ли возможна Локативная Инверсия при глаголе *die* «умирать», **In Paris died James Bradford*.

Loc	V	Sub
b. * _[LocP] Toward me	<u>looked</u>	a drunk.

В сторону меня крениться-прш. Пьяный-неопр.

Гипотезу, которую связывает допустимость Локативной Инверсии с одним семантическим классом непереходных предикатов и их аргументной структурой, можно назвать лексикалистской. Хотя доводы, обосновывающие статус аргументов/адьюнктов для (82)–(83) отчасти являются циркулярными – Локативная Группа, которая может вызывать инверсию в (82b) признается аргументом, а Локативная Группа, которая не может вызывать инверсию в (83b), признается адьюнктом, [Bresnan 1994: 81–82], – имеет смысл принять это различие⁵⁰ и обсудить последствия принятия лексикалистской гипотезы Локативной Инверсии для табличного описания английского предложения. В англистике предлагались и другие тесты для различения аргументов и адьюнктов. Т. Райнхарт показала, что топиальные адьюнкты могут помещаться перед вопросительным подлежащим местоимением, а топиальные аргументы – нет, ср. англ. [_{pp} On the corner], **who drank?** «В углу, кто пил?», но * [_{pp} On the corner], **who stood?**, подразумеваемое значение «В углу, кто стоял?» [Reinhart 1983: 68–72]. Тем самым, допустимость начальных топиальных адьюнктов в вопросах с подлежащим вопросительным словом, и допустимость начальных топиальных аргументов в невопросительных предложениях с Локативной Инверсией находится в обратной пропорции: ср. англ. [_{pp} On the corner] stood a woman «В углу стояла женщина», но не * [_{pp} On the corner] drank a woman «в углу пила женщина».

Сформулируем два положения лексикалистской гипотезы более эксплицитно.

- (v) Локативная Инверсия обусловлена принадлежностью непереходного предиката к семантическому подклассу неактивных непереходных глаголов (unaccusatives), имеющих синтаксическую валентность на группу со значением Места/Направления и специфическую аргументную структуру, не присущую предикатам других классов.
- (vi) При неактивных непереходных глаголах, допускающих Локативную Инверсию, группа со значением Места/Направления является аргументом, а не адьюнктом, и в определенных отношениях эквивалентна дополнениям переходных глаголов.

Принятие положений (v)–(vi) делает невозможным применить к предложениям с Локативной Инверсией анализ, предложенный выше для нелокативной инверсии типа b), ср. [_{pp} Crashing through the woods] came a wild boar, поскольку при Локативной Инверсии в предфинитной позиции оказывается аргументное выражение,

⁵⁰ Главная проблема для лексикалистского объяснения Локативной Инверсии состоит в том, что группа глаголов, допускающих Локативную Инверсию, не совпадает с классом неактивных непереходных глаголов (unaccusatives): отдельные активные непереходные глаголы движения, такие как walk in «входить», run in «вбежать», lurch «свалиться», «накрениться», допускают Локативную Инверсию, а некоторые неактивные непереходные глаголы, такие как die «умирать», ее не допускают.

что подрывает принцип (vii), согласно которому аргумент, стоящий слева от финитного глагола, должен иметь свойства подлежащего. В связи с этим в англистике и теоретическом синтаксисе предлагались разные решения, которые детально обсуждает в своей статье Дж. Брезнан:

- Признать в предложениях с Локативной Инверсией типа англ. [_{LocP} Back to the village] came a tax collector «Назад в деревню вернулся сборщик налогов» начальную Локативную Группу подлежащим или аналогом подлежащего.
- Признать существование постфинитных подлежащих ИГ типа a tax collector в английских предложениях с Локативной Инверсией.
- Постулировать позиционную эквивалентность единственной ИГ и Локативной Группы в предложениях с глаголами, допускающими Локативную Инверсию, и постулировать нетождественные свойства для подлежащих непереходных инактивных глаголов и прочих типов английских подлежащих⁵¹.

Все эти решения при желании можно отразить в табличной нотации, например, постулировав специальные клетки для подлежащих непереходных инактивных глаголов, для инвертированных Локативных Групп и т. д. Поскольку, однако, задачей табличного анализа является выбор *оптимального* описания для некоторого числа разных конструкций, правильно предсказывающих порядок слов в разных типах предложений, а не формализация разных моделей Универсальной Грамматики, не все из предложенных решений одинаково продуктивны. Вводить специальные клетки для всех ядерных компонентов конструкции с Локативной Инверсией, что, по нашему мнению, крайне нежелательно как с точки зрения частной грамматики английского языка, так и в плане Универсальной Грамматики, поскольку компоненты предложений с Локативной Инверсией могут линеаризоваться в английском языке не только по схеме Loc V S, ср. (80b), но и по схеме S V Loc, ср. (80a). Поэтому важно определить, которая из категорий – LocP или подлежащая ИГ – попадает в клетку S, и которую из клеток – V_{fin} или AUX – занимает финитный глагол.

6.6.5. Локативная Инверсия и табличная схема повествовательного предложения

В литературном английском языке Локативная Инверсия возможна только в непереходных неотрицательных предложениях: она блокируется при наличии дополнения и при наличии сентенциального отрицания, см. (84a), в то время как частное отрицание не служит для нее препятствием, см. (84b)

⁵¹ Дж. Брезнан [Bresnan 1994: 98–103] также обсуждает и отвергает гипотезу о том, что в английских предложениях с Локативной Инверсией предфинитную позицию занимает нулевое формальное подлежащее (null expletive). Для табличного анализа эта гипотеза не представляет ценности. Кроме того, гипотеза о нулевом формальном подлежащем плохо объясняет дистрибуцию ненулевых подлежащих в английском языке. В частности, в предложениях с Локативной Инверсией вставка формального подлежащего there невозможна: англ. [_{LocP} Into the room] (*there) ran Mother «В комнату вбежала Мать», [_{LocP} Home] (*there) came John «Домой вернулся Джон» [Levine 1989].

- (84) англ. а. Loc Neg V_{fin} Sub
 *On the wall **never** hang a portrait of Maria Callas.
 На стене никогда висел портрет Марии Каллас
 Подр. Зн. 'На стене никогда не висело портрета Марии Каллас'.
- б. Loc V_{fin} Sub
 On the wall hang [_{NegP} **not** [_{NP} a portrait of Maria Callas]] but the one of Jenny Lind.
 На стене висел не портрет Марии Каллас но тот Дженни Линд
 'На стене висел не портрет Марии Каллас, а портрет Дженни Линд'.

Это ограничение проще всего объяснить коммуникативными факторами: функция Локативной Инверсии состоит во введении рематического Подлежащего в рассмотрение (presentation), а отрицание вводимого в рассмотрение предмета плохо согласуется с установкой на введение его в рассмотрение. В табличной нотации запрет на сентенциальное отрицание формализовать сложнее. Эмпирическое наблюдение состоит в том, что сентенциальное отрицание ставится в английском языке перед глаголом только в том случае, когда перед ним имеется подлежащее, выраженное ИГ, ср. англ. [_{NP} A portrait of Maria Callas] **never** hang on the wall «Портрет Марии Каллас **никогда не висел** на стене». Но это наблюдение не доказывает, что стоящая перед глаголом Локативная Группа *не является подлежащим*: непосредственно видно лишь, что она не является именным подлежащим, но это ясно и без табличной схемы. Запрет на употребление сентенциального отрицания после начальной инвертированной группы, по-видимому, распространяется и на все разновидности нелокативных инверсий типа а) и типа б), рассмотренных в предыдущем разделе⁵².

Конструкция с Локативной Инверсией в функции введения рематической ИГ в рассмотрении в некоторых контекстах синонимична конструкции с формальным подлежащим *there*, однако при начальной Локативной Группе вставка формального *there* невозможна, ср. (85). Запрет на вставку *there* подтверждает, что предложение с Локативной Инверсией уже является подлежащей структурой с внешне выраженным подлежащим (ИГ или Локативная Группа), поэтому формальное подлежащее не нужно.

⁵² В предложениях вроде [_{NegP} **Not only**] are its two colossal movements hard-thought to the uttermost, but no post-Beethoven symphony has surpassed them in dramatic power (R. Simpson), «Дело не только в том, что ее две колоссальные части строго продуманы до мелочей: ни одна симфония, написанная после Бетховена, не превосходит их по драматической силе», букв. «**Не только есть** ее две колоссальных части строго продуманы до крайности, но ни одна пост-Бетховенская симфония не превосходит их по драматической силе», группа *Not only* «не только» сама является инвертированной: кроме того, отрицание *not* в данном употреблении следует признать частным (отрицается операторное слово *only* «только»), а не сентенциальным.

	Loc		V _{fin}		Sub
(85)	англ.	Out of it	(*there) <u>steps</u>		Archie Campbell ⁵³ .
		Вне из этого	шагает		Арчи Кэмпбелл,
					‘Оттуда <u>выходит</u> Арчи Кэмпбелл’.

Кроме того, формальное подлежащее *there* не может использоваться как средство рематизации подлежащей ИГ при глаголах движения. Пример (86a) показывает исходную структуру, где подлежащая ИГ *an old man* «пожилой человек» стоит перед глаголом *lurched* «ввалился» и является Темой. Неграмматичный пример (86b) показывает невозможность вставки формального подлежащего *there* в предфинитную позицию при наличии ИГ *an old man* и Локативной Группы *into the room* после глагола. Тем самым, конструкция с Локативной Инверсией (86c) при данном составе предложения остается единственным доступным ресурсом сделать ИГ *an old man* Ремой, поменяв порядок слов.

		S		V _{fin}		Loc
(86)	англ.	a.	{ _{Topic} [_{NP} An old man]}	<u>lurched</u>		into the room.
			Старый человек-неопр.	качаться-прш.		в комнату-опр.
			‘Пожилой человек <u>ввалился</u> в комнату’			
			THERE	V _{fin}	Sub	Loc
		b.	*There { _{FocusP} <u>lurched</u> [_{NP} an old man] [_{LocP} into the room]}.			
			There	качаться-прш.	старый человек-неопр.	В комнату-опр.
			Loc	V _{fin}	Sub	
		c.	{ _{Topic} [Into the room]} { _{FocusP} <u>lurched</u> [_{NP} an old man]}.			
			В комнату-опр.	качаться-прш.	старый человек-неопр.	
			‘В комнату <u>ввалился</u> пожилой человек’.			

Некоторые носители литературного английского языка не одобряют примеры типа (86c), хотя и признают их грамматически правильными. Все носители литературного английского языка забраковывают пример (86b), поэтому мы не будем подвергать контраст в степени приемлемости (86b) и (86c) сомнению. Если (86a) и (86c) являются правильно построенными структурами английского языка, а (86b) – нет, это означает, что в предложениях с глаголами, допускающими Локативную Инверсию, в предфинитную позицию *обязательно должен переместиться один из их аргументов* – либо ИГ, либо Локативная Группа. В Минималистской Программе Н. Хомского позиционная эквивалентность обоих аргументов глагола, допускающего Локативную Инверсию, интерпретируется как их «равноудаленность» (equidistance) от предфинитной позиции подлежащего, ср. развернутое обоснование данного подхода в диссертации [Babyonyshev 1996]. С нашей точки зрения, чисто лексикалистское описание Локативной Инверсии в английском языке подрывается тем, что Локативная Инверсия, согласно Дж. Брезнан, допускается в пассивных предложениях: при этом первичные интранзитивы (глаголы с валентностью на одну ИГ) и вторичные интранзитивы (пас-

⁵³ Пример Дж. Бирнер из [Birner 1992:43] (нотация наша. – А. Ц.).

сивные формы множественных глаголов, в активном залоге требующие двух и более ИГ) в плане порядка слов как будто ведут себя одинаково, ср. (87a) и (87b).

	Loc	V _{fin}	Sub
(87) англ. a.	Among the guests	<u>was sitting</u>	my friend Rose ⁵⁴ .
	Среди гостей	была сидящая	мой друг Роуз
	‘Среди гостей сидела моя подруга Роуз’.		
	Loc	V _{fin}	Sub
b.	Among the guests	<u>was seated</u>	my friend Rose
	Среди гостей	была сидящая	мой друг Роуз
	‘Среди гостей была посажена моя подруга Роуз’.		

Глагольный компонент предложений с Локативной Инверсией может быть представлен не только сложными глагольными формами, состоящими из финитного и нефинитного элементов, как в (87b), но и целой глагольной конструкцией, состоящей из финитной формы глаголов *seem* и арреар «казаться», «представляться», инфинитива основного лексического глагола и ИГ, играющей роль подлежащего основного глагола. Такая структура с нефинитной формой глагола трактуется как аналог придаточного предложения: соответственно, вынос ИГ в предфинитную позицию главного предложения, где такая ИГ согласуется в роде и числе с глаголами *seem* и арреар, трактуется как извлечение подлежащего из вставленной предикации (т. н. структура с Подъемом подлежащего *subject-raising construction*), ср. (88a), (89a). Поскольку Локативная Инверсия оказывается возможна и при сочетании глаголов *seem* и арреар с непереходными глаголами, имеющими валентность на Локативную Группу со значением Места/Направления, логично вслед за Дж. Брезнан признать, что английский язык разрешает извлечение Локативных Групп в структурах с подъемом. Тем самым, Локативная Группа и подлежащая ИГ обнаруживают сходные свойства как в главной, так и в зависимой предикации, ср. исходную структуру без подъем англ. [_{LocP} Over the hill] was located a cathedral «На холме был расположен собор» и структуру с подъемом [_{LocP} Over the hill] appears [_{IP} to be located a cathedral] «На холме, как будто, расположен собор», букв. «На холме представляется быть расположенным собор».

	S	V _{fin}	V _{inf}	Loc
(88) англ. a.	[_{NP} The cathedral] _i	<u>appears</u>	[_{IP} t _i <u>to be located</u> [_{LocP} over the hill]].	
	Собор-опр.	представляется-3л.ед.ч.	быть расположенным на холме-опр.	
	‘Собор, как будто, расположен на холме’.			
	Loc	V _{fin}	V _{inf}	Sub
b.	[_{LocP} over the hill]	<u>appears</u>	[_{IP} to be located [_{NP} a cathedral] t _i]	
	на холме-опр.	представляется-3л.ед.ч.	быть расположенным собор	
	‘На холме, как будто, расположен собор’.			

⁵⁴ Пример Дж. Брезнан.

Перемещение Локативной Группы из вставленной предикации в главном предложении в позицию перед глаголом *appears* в примере (88b) теоретически можно оспорить, приняв тезис Р. Бхатта о том, что топикальные наречия могут порождаться в предфинитной позиции (в данном случае – ADV1Top), а не перемещаться туда. Но подобная интерпретация не решает другой проблемы английского синтаксиса – постановки предполагаемого подлежащего вставленного предложения (ИГ *a cathedral «собор»*) после глагола *to be located*. По этим причинам мы считаем анализ Дж. Брезнан с объяснением примеров типа (88b) как структур с подъемом Локативной Группы [Bresnan 1994: 95] убедительным.

Трансформационный анализ показывает, что для английских предложений с Локативной Инверсией скорее не нужно, чем нужно постулировать перемещение глагола из клетки V_{fin} в клетку AUX (Verb Raising): обратная точка зрения, представленная в работе [Babyonyshev 1996], строится на спорных презумпциях о том, что все языки, имеющие Локативную Инверсию, в том числе, английский и русский, являются языками с Verb Raising, а сама конструкция с Локативной Инверсией на некотором уровне рассмотрения в Универсальной Грамматике является аналогом ограничения V2, требующего заполнения предфинитной позиции одной и только одной группой. Если бы передвижение английского глагола в AUX при Локативной Инверсии действительно имело место, отрицательные и вопросительные предложения с Локативной Инверсией были бы возможны в английском языке, что опровергается материалом.

Нам осталось решить последнюю дилемму, встающую при описании Локативной Инверсии табличным способом: нужно ли признать существование постфинитных подлежащих в английском языке и вводить особую клетку для подлежащих справа от клеток V_{fin} и V_{inf} ? Для рассмотренных ранее типов нелокативных инверсий дополнительная клетка подлежащего была не нужна. С другой стороны, инвертированные группы в предложениях с нелокативной инверсией оказались возможно поместить в существующие клетки основной табличной схемы английского предложения – ADV1Top и WH. Поэтому оптимальным для табличного анализа решением является

- а) помещение инвертированной Локативной Группы в клетку Подлежащего (S),
- б) помещение постфинитной ИГ в предложении с Локативной Инверсией в клетку Дополнений (O).

При таком подходе конструкция с Локативной Инверсией вообще не требует модификации табличной схемы английского предложения: требуется лишь перемаркировка позиций, которые с опорой на материал переходных английских предложений были помечены символами S (Подлежащее) и O (дополнения или цепочка дополнений). Поскольку переходные и непереходные предложения являются непесекающимися классами предложений английского языка, а в переходном предложении английский язык запрещает Локативную Инверсию, Подлежащее переходного глагола и Локативная Группа, заполняющая валентность непереходного глагола, находятся в дизъюнктивном отношении: $S \vee Loc$. Точно так же, в дизъюнктивном отношении находятся занимающие постфинитную позицию дополнение(я) переходного глагола и единственная ИГ непереходного глагола: $O \vee S_{inf}$.

(88')

ADV1Top	WH	AUX	S ∨ Loc	ADV2	V _{da}	NEG	V _{inf}	O ∨ S _{intr}	ADV3Foc
∅	∅	∅	The cathedral	∅	appears	∅	to be located	∅	over the hill
∅	∅	∅	собор-опр.	∅	представляется	∅	быть расположенным	∅	на холме-опр.
«Собор, как будто, расположен на холме».									
∅	∅	∅	Over the hill	∅	appears	∅	to be located	a cathedral	∅
∅	∅	∅	На холме-опр.	∅	представляется	∅	быть расположенным	собор-неопр.	∅
«На холме, как будто, расположен собор».									

Непосредственно очевидно, что табличная схема (88') дает результат, эквивалентный трансформационному анализу на основе лексикалистской гипотезы Локативной Инверсии в духе [Postal 1977; Babyonyshev 1996]. При этом непосредственно для обоснования табличной схемы лексикалистская гипотеза о выводимости синтаксиса непереходных и неактивных глаголов (unaccusatives) из их семантики не использовалась. Было использовано лишь представление о том, что Локативная Группа для группы непереходных глаголов английского языка, не полностью совпадающего с классом unaccusatives, ср. такие активные непереходные глаголы, допускающие Локативную Инверсию, как walk in «войти», come back «вернуться», ran in «вбежать», lurch in «ввалиться», является аргументом, а не адьюнктом.

6.6.6. Инверсивные конструкции в табличной схеме английского предложения

Суммируем предложенную выше табличную интерпретацию малых конструкций предложения, сведя воедино (72'), (73'), (78'), (88') и уточнив дизъюнктивную маркировку двух аргументных позиций – S ∨ Loc и O ∨ S_{intr} – и двух неаргументных позиций — ADV1Top ∨ Contr (начальный топикальный элемент или начальный контрастивный топикальный элемент) и WH ∨ Foc (неподлежащее вопросительное слово или вынесенный в начало предложения рематический элемент). Сохраним указания на синтаксическое перемещение вида (X₁...t) для тех случаев, где категория предложения стоит не на своем каноническом месте и ее исконное место определяется однозначно. Для Локативной Инверсии такая запись использована не будет, поскольку клетки S ∨ Loc и O ∨ S_{intr} считаются каноническими для тех аргументов двухместного непереходного предиката, которые могут их занимать⁵⁵.

⁵⁵ Можно указать, что Локативная Группа попадает в S ∨ Loc в результате перемещения из ADV3Foc, клетки, где помещаются рематические элементы. Указывать, что постфинитное подлежащее попадает в O ∨ S_{intr} в результате перемещения, бессмысленно.

ADV1Top ∨ ContrX	WH ∨ Foc	AUX	S ∨ Loc	ADV2	V _{fin}	NEG	V _{inf}	O ∨ S _{inv}	ADV3Foc
∅	∅	∅	The cathedral	∅	appears	∅	to be located	∅	over the hill
∅	∅	∅	собор-опр.	∅	представ- ляется	∅	быть рас- положен- ным	∅	на холме- опр.
«Собор, как будто, расположен на холме».									
∅	∅	∅	Over the hill	∅	appears	∅	to be located	a cathedral	∅
∅	∅	∅	На холме- опр.	∅	представ- ляется	∅	быть рас- положен- ным	собор- неопр.	∅
«На холме, как будто, расположен собор».									
∅	[conspicuously absent] _i	was _j	Mary	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
∅	подозри- тельно от- сутство- вала	был _j	Мэри	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
«Мэри (что-то) подозрительно отсутствовала».									
[Crashing through the woods] _i	∅	came _j	a wild boar	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
[Ломясь сквозь чащу] _i	∅	пришел _j	дикий кабан	∅	t _j	∅	∅	∅	t _i
«Ломясь сквозь чащу, пришел дикий кабан».									
[The last two movements] _i	∅	∅	I	certainly	prefer	∅	∅	t _i	in the older version
[Две последние части] _i	∅	∅	я	явно	предпочи- таю	∅	∅	t _i	в старой версии
«Две последние части <симфонии> я решительно предпочитаю в прежнем варианте <исполнения>».									
[Heavy trunks] _i	∅	∅	I		can'=	=n't	take	t _i	∅
[Тяжелые стволы] _i	∅	∅	я		могу=	=не	взять	t _i	∅
«<Я могу нести твой чемодан>. Тяжелые стволы я нести не могу».									

РИС. 14. Единая табличная схема для английских инверсивных предложений

6.6.7. Выводы

Порядок слов в английском языке может быть описан табличным способом как на уровне предложения, так и на уровне ИГ. Константой предложения является препозиция подлежащего (S) финитному глаголу (V_{fin}) и постпозиция дополнений (O) финитному и нефинитному глаголу, а также возможность вставки наречий перед подлежащим (клетка ADV1Top), между подлежащим и финитной формой глагола (клетка ADV2), после дополнений (клетка ADV3Foc). Элементы, попадающие в ADV1Top, имеют коммуникативный статус Темы, элементы, попадающие в ADV3Foc – коммуникативный статус Ремы. Сентенциальное наречие имеет фиксированное место: клетка NEG локализуется между клетками финитного глагола (V_{fin}) и нефинитных форм глагола (V_{inf}). В клетку NEG могут также попадать сентенциальные наречия, которые могут образовывать последовательности неаргументных слов вместе с оператором отрицания. Вставка других категорий предложения между компонентами глагольного предиката не допускается. Повествовательное предложения без отрицания и инверсий строится по 8-частной схеме ADV1Top – S – ADV2 – V_{fin} – NEG – V_{inf} – O – ADV3Foc. В вопросительных предложениях с вопросительным неподлежащим словом (специальных вопросах) заполняются еще две позиции – расположенная непосредственно левее клетки подлежащего (S) клетка AUX, куда добавляется вспомогательный глагол (операция Auxiliary support) или перемещается финитный глагол (операция Verb raising), и клетка самого неподлежащего вопросительного слова (WH). Таким образом, в неподлежащих специальных вопросах реализуется порядок WH AUX S, где подлежащее оказывается в постфинитной позиции. Подлежащие вопросительные вопросы строятся по базовой схеме SV заполнения клеток WH и AUX. В отрицательных предложениях тоже осуществляется вставка вспомогательного глагола, что приводит к расщеплению простого глагольного сказуемого на две формы, занимающие, соответственно, клетки V_{fin} и V_{inf} , но учитывать эту операцию в табличной схеме необязательно, так как относительное расположение подлежащего и финитного глагола не меняется.

10-частная табличная схема

ADV1Top – WH – AUX – S – ADV2 – V_{fin} – NEG – V_{inf} – O – ADV3Foc

необходима и достаточна для полного описания всех повествовательных, вопросительных и отрицательных предложений английского языка. Главным оправданием добавления позиции вопросительного слова WH в описание повествовательных предложений состоит в том, что данная позиция предположительно является мишенью перемещений релативных элементов в некоторых малых, т. н. инверсивных, моделях предложения, где нарушается стандартный для английского языка порядок категорий S V_{fin} O. Некоторые из этих малых инверсивных моделей предложения в формальном плане объясняются перемещением контрастных дополнений из O в ADV1Top, релативных элементов в WH. Позиции S и O являются аргументными, позиции ADV1Top и WH неаргументными. Все модели

инверсии, где финитный глагол предшествует подлежащему, а перед финитным глаголом имеется заполненная неаргументная позиция ADV1Top или WH, занятая второстепенным членом, в формальном плане должны описываться как случай перемещения глагола V_{fin} в AUX, то есть как преобразование искомого порядка SVO в результате операции Verb Raising. Особый статус имеет т. н. Локативная Инверсия, т. е. перемещение в постфинитную позицию Локативной/Директивной Группы, являющейся аргументом двухместного непереходного глагола типа be, sit, stand, hang, come back, walk in. Есть основания считать, что инвертированная Локативная/Директивная Группа занимает аргументную позицию. В таком случае ее необходимо поместить в клетку S (подлежащее), а постфинитную ИГ – в клетку O (дополнение). При трансформационном анализе, в зависимости от принимаемых априорных постулатов о направлении и последовательности перемещений, может понадобиться представление о том, что при Локативной Инверсии финитный глагол перемещается из V_{fin} в AUX, однако при табличном анализе проще считать, что перемещения глагола в AUX не происходит и при Локативной Инверсии операция Verb Raising не имеет места.

10-частная табличная схема может быть непосредственно использована для описания инверсивных моделей предложения без введения дополнительных клеток, однако требуется уточнение маркировки четырех позиций с учетом их заполнения в разных типах предложений с переходным/непереходным глаголом, с инверсией/без нее.

- (iv) ADV1Top \vee ContrT – WH \vee Foc – AUX – S \vee Loc – ADV2 – V_{fin} – NEG – V_{inf} – O
 \vee S_{int} – ADV3Foc

Все малые инверсивные модели английского предложения коммуникативно обусловлены: инверсия служит техническим средством изменить типичное соотношение формально-синтаксического и тема-рематического членения высказывания с данным составом элементов при порядке SVO. Наиболее обычна рематизация подлежащего с помещением его после глагола, с одновременной топикализацией одного из второстепенных членов. Реже встречается вынесение рематического или контрастивного элемента в предглагольную позицию. Большинство типов инверсии ограничены лексически и возможны при узком круге предикатов: эта особенность английской системы порядка слов противопоставляет ее менее рестриктивным системам с большим числом альтернатив, в том числе, системам таких языков V2, как немецкий и кашмири, и таких языков CL2, как верхне- и нижнелужицкие, описанные выше. В то же время по степени жесткости порядка слов английский язык уступает такому языку V2, как датский. С одной стороны, датский язык, в отличие от английского, разрешает вынесение широкого круга категорий предложения в позицию XP, в том числе перемещение дополнений и групп нефинитного глагола левее финитного глагола и подлежащего в коммуникативно нейтральных высказываниях. С другой стороны, датский язык запрещает перестановки категорий предложения, стоящих правее

финитного глагола: каждая из данных категорий, включая разные типы обстоятельственных слов, имеет свою клетку, в то время как английский язык сохраняет относительную свободу расположения наречий – один и тот же материальный элемент порой может занимать минимум три разных клетки, что невозможно в датском языке.

Предпринятый анализ показывает, что правильно построенная табличная схема не является непосредственным объектом наблюдения: она эквивалентна гармонизированному набору трансформаций, связывающих разрешенные в данном языке словопорядки друг с другом и устанавливающих запрещенные словопорядки. Табличная схема может учитывать также направление трансформации, что актуально для тех случаев, когда исходное место перемещенной категории устанавливается однозначно. Табличный анализ языка с фиксированным порядком слов имеет большую объяснительную силу, чем алгоритмическое применение трансформационных правил, порождающих разные словопорядки в ранних версиях доктрины Хомского (Стандартная Теория, Расширенная Стандартная Теория), поскольку алгоритм применения таких правил зависит от последовательности рассмотрения разных конструкций одного и того же языка [ФНСАЛ 1997: 23–24]. Табличная схема предложения эквивалентна рекурсивному заданию правил или принципов, отделяющих правильно построенные и линеаризованные структуры от неправильных. В этом плане она сходна с заданием принципов и параметров Универсальной Грамматики (УГ) в Минималистской Программе Хомского, но табличное описание не содержит претензии на *непосредственное* соотнесение ограничений, действующих в частной грамматике (системе порядка слов конкретного языка) с принципами УГ. Для того чтобы такое соотнесение стало возможным хотя бы в перспективе, необходимо сопоставлять разные системы порядка слов, имеющих некоторое количество общих или сходных ограничений. Именно этого стремятся избежать многие сторонники Минималистской Программы, постулирующие один и тот же универсальный набор ограничений для всех языков и, соответственно, вводящие единые структурные определения для всех категорий предложения, учтенных в их номенклатуре – финитного глагола, нефинитных форм глагола, подлежащего переходного глагола, подлежащего непереходного и неактивного глагола, подлежащего непереходного активного глагола и т. п.

6.7. Язык оне

Рассмотрим заново данные языка оне на фоне полученных сведений о табличных схемах предложения и ИГ в датском, немецком, английском, верхне- и нижнелужицких языках и языке кашмири. Языки типа В, единственным документированным представителем которых является язык оне семьи торричелли в Новой Гвинее, отличаются от языков типа С (датский, шведский, норвежский, английский, кашмири) тем, что элементы ИГ не располагаются в фиксированном порядке, соответственно, табличное описание для ИГ языка оне невозможно.

6.7.1. Табличная схема предложения

Так как других языков, полностью соответствующих типу В, до сих пор не описано, мы можем теперь оценить табличную схему.

1	2	3	4	5	6	7	8
AdvTime	NP _{subj}	ADV2	V	NP _{obj}	NP _{ben}	NP _{instr}	NP _{loc}
pounkYε	i	εfε	εtε	mɔtu	∅	∅	waple
вчера	я	все еще	строить	дом	∅	∅	деревня
«Вчера я все еще строил (мой) дом в деревне».							

РИС. 15. Табличная схема предложения в языке оне⁵⁶

Восьмичастная схема на рис. 15 ближе всего к табличной схеме английского языка. Развертывание предложения языка оне соответствует формуле ADV1Top – S – ADV2 – V_{fin} – O – ADV3Foc в английском языке, с той разницей, что начальная позиция топикального наречного слова, если верить описанию М. Донохью, зарезервирована за наречием времени, а конечная позиция рематического наречного слова зарезервирована за наречием места. Английский язык допускает большую свободу расположения наречных слов и имеет такие разрешенные альтернативы как Локативную Инверсию, чего язык оне, судя по всему, не имеет. В то же время, английский язык и оне сходны тем, что вставка наречий между глаголом и дополнениями (клетками V и O) запрещена, а вставка наречий между подлежащим и глаголом (клетками S и V) разрешена. Та же тенденция, как указано в гл. 1, прослеживается в менее рестриктивных системах порядка слов славянских языков. Данных о расположении компонентов составного глагольного сказуемого в оне у нас недостаточно, соответственно, мы не можем провести сопоставление оне с теми языками, где имеется рамочная конструкция V_{fin}...V_{inf}. Клетки табличной схемы предложения языка оне могут заполняться как одиночными словоформами, так и полными группами. М. Донохью приводит следующий пример, где имеется ИГ [_{NP} Efere aula meli] «очень юные дети» и предикатная конструкция из трех компонентов [_{VP} tame pofu ne], глоссируемая М. Донохью как «walkin about playin», показатели субъектного согласования имеются у второго и третьего компонентов. В линейных вариантах (89a-b) меняется порядок компонентов ИГ, но порядок компонентов ГГ остается неизменным, при этом конечное положение занимает согласуемая форма глагола «быть», по-видимому, – функциональная вершина сказуемого.

⁵⁶ По [Donohue 2000], со слегка модифицированной нотацией. М. Донохью не использует табличную запись, и соответственно, не пользуется знаком ∅, указывающим на незаполненную клетку. В таблице 15 мы воспроизводим фонетическую запись словоформ языка оне, так как она дана М. Донохью в цитированной статье. В тестовых примерах, иллюстрирующих невозможность нарушения табличного порядка, М. Донохью использует фонологическую запись.

- (89) one a. [_{NP} Efefe aula meli] [_{VP} tame nofu ne].
 efefe aula meli tame n- fu n-ε
 юный очень дети ходить 3л.мн.ч.-играть 3л.мн.ч. быть
 'Очень юные дети ходят, собираясь играть'⁵⁷.

- b. [_{NP} Aula efefe meli] [_{VP} tame nofu ne].
 aula efefe meli tame n- fu n-ε
 очень юный дети ходить 3л.мн.ч.-играть 3л.мн.ч. быть
 'то же'.

6.7.2. ИГ языка one

В то же время, ИГ языка one принципиально не может быть описана табличной схемой, так как ее элементы могут располагаться в произвольном порядке. Это проявляется, с одной стороны, в инвертируемости порядка именных вершин и их зависимых в элементарных бинарных группах существительное + прилагательное ($N^{\circ} + A \sim A + N^{\circ}$), ср. *Kiri^o para ~ para koro^o* «большой валлаби^o (вид кенгуру), существительное + детерминатив ($N^{\circ} + D \sim D + N^{\circ}$), ср. *onku^o ni ~ ni onku^o* «тот кускус^o (древесное сумчатое), существительное + числительное ($N^{\circ} + Q \sim Q + N^{\circ}$), ср. *noula^o plana ~ plana noula^o* «два (стебля) сахарного тростника^o», так и в инвертируемости адъективных, квантитативных и посессивных зависимых существительного в неэлементарных (расширенных) группах, ср. (90a-b):

- (90) a. *Moru^o (1) I enu (2) firi (3) plana (4) nu (5)*
 mɔtu i-enu feti plana nu
 дом 1Sg-Gen маленький два тот
 'те мои два маленьких дома'.
- b. *Nu (5) firi (3) I enu (2) plana (4) moru^o (1)*
 nu i-enu feti plana m tu
 тот 1Sg-Gen маленький два дом
 'те мои два маленьких дома'.

Эти данные можно интерпретировать как доказательство того, что в языке one отсутствуют запреты на перестановку лексических вершин ИГ и их зависимых. Тем самым, синтаксис ИГ one близок синтаксису верхнелужицких ИГ: в обоих языках развертывание ИГ не может быть описано табличной схемой. В то же время, one отличается от лужицких языков в том плане, что существительное-классификатор всегда ставится в конце ИГ: так ИГ *aula para oli poli^o* «очень большая

⁵⁷ Перевод. М. Донохью «The very young children are walking about playing». Все примеры языка one даются с фонетической транскрипцией Донохью, его глоссами и переводом, но в нашей собственной синтаксической нотации. – А. Ц.

черная свинья» допускает перестановку именной вершины, существительного poli «свинья» и ее зависимых ~ poli° aula para oli, но ИГ с тем же составом, дополненная классификатором moa «мать», требует постановки классификатора в конце группы: aula para poli oli moa° ~ * aula moa° poli para oli. С нашей точки зрения, это, во-первых, свидетельствует о том, что она является языком с конечным расположением функциональных вершин ИГ и ГГ (см. пример (89) выше), а во-вторых, указывает на то, что функциональные вершины вроде классификатора moa синтаксически относятся не к отдельному слову ИГ, а к собранной полной ИГ:

- (91) one a. [_{NP} [_{NP} Aula para oli poli°] moa°].
 Очень большой черный свинья мать
 'очень большая черная свиноматка'.
 b. [_{NP} [_{NP} poli° aula para oli] moa°].
 свинья очень большой черный мать
 'то же'.
 c. * [_{NP} moa° [_{NP} poli° aula para oli]].

Предложенный анализ и нотация (91), с двумя вложенными друг в друга уровнями сборки ИГ, подтверждаются ключевым ограничением системы порядка слов one – запретом на разрыв ИГ элементами других групп, ср. (92)⁵⁸.

	S	V	O
(92) one a.	[_{NP} firi kupu]	wani i	
	feti koro	wane=i	
	маленький валлаби увидел=1л.ед.ч.		
	'Маленький валлаби увидел меня'.		
b.	* [_{NP} kupu... {wani i }... firi]		
	маленький увидел=1л.ед.ч. валлаби		

Для такого языка, как one, довольно трудно установить направления ветвления (т. е. локальные правила) в таких бинарных группах, как упомянутые выше группы существительное + прилагательное (N° + A ~ A + N°), существительное + детерминатив (N° + D ~ D + N°), существительное + числительное (N° + Q ~ Q + N°), а также группы существительное + possessивный определитель (N° + Poss ~ Poss + N°). Possessor может оформляться минимум четырьмя разными способами – 1) падежно не охарактеризованной ИГ; 2) связанной местоименной possessивной формой; 3) несвязанным местоимением; 4) специальным показателем род. п. Случай 1) – комбинация двух существительных, в соответствии с ожиданиями, может разворачиваться в любом порядке, с препозицией или постпозицией possessора. Выделим в записи примеров (93)–(97) possessor полужирным шрифтом.

⁵⁸ Возможно, запрет на разрыв групп распространяется и на ГГ языка one, но в нашем распоряжении недостаточно данных, чтобы утверждать это категорично.

- (93) one a. Imfla **Malesia** b. **Malesia** imfla
 Imfla malesYa MalesYa imfla
 Муж Малесия Малесия муж
 'Муж **Малесии** (имя собственное)'

Связанная местоименная possessивная форма, судя по примерам М. Донохью, ведет себя как фонетическое слово, т. е. как стандартная лексическая категория языка one. В соответствии с ожиданием, комбинация двух лексических категорий, принадлежащих одной и той же ИГ, может разворачиваться в любом порядке. В примерах (94a-b) связанная форма состоит из местоимения 1 л. ед. ч. I и показателя род. п. enu. В примерах (95a-b) связанная форма состоит из местоимения 1 л. ед. ч. I и possessивного показателя e.

- (94) one. a. Aimo **I-enu** b. **I-enu** aimo
 aimə i-enu i-enu aim
 Нож 1л.ед.ч.-род.п. 1л.ед.ч.-род.п. нож
 'Мой нож'.

- (95) one. a. Aimo **ie** b. **ie** aimo
 aimə i-e i-e aimə
 Нож 1л.ед.ч.-посс. 1л.ед.ч.-посс. нож
 'мой нож'.

Несвязанное possessивное местоимение, судя по примерам М. Донохью, является именной проклитикой. Этим можно непосредственно объяснить запрет на порядок $N^{\circ} + \text{PronPoss}$, при котором possessивное местоимение должно было выступать в функции именной энклитики.

- (96) one a. **I** aimo b. *Aimo **i**
 I aim aim i
 я нож нож я
 'мой нож'.

Показатель род. п. enu, судя по примерам М. Донохью, напротив, клитизируется к possessору справа, то есть является именной энклитикой. Запрет на порядок $*N^{\circ} + \text{enu} + \text{NPoss}$ проще всего объяснить тем, что элемент enu должен клитизироваться к possessору и не может клитизироваться к объекту обладания⁵⁹.

- (97) one a. Imfla Malesia **enu** b. *Malesia **enu** imfla
 Imfla malesYa-enu MalesYa-enu imfla
 Муж Малесия-род.п. Малесия-род.п. муж
 'Муж **Малесии**'.

⁵⁹ Альтернативное объяснение может состоять в том, что показатель род.п. enu является функциональной вершиной Possessивной Группы, и потому должен занимать конечное положение в группе. Однако для этого нужно доказать, что в ИГ языка one действительно имеет место иерархия нескольких групп.

В работе Донохью также имеется пример, где цепочка из двух существительных может быть интерпретирована как сочетание имени с послелогом (N+ °P). Поскольку предлог/послелог является вершиной ПГ, такой порядок вполне укладывается в имеющиеся представления об *оне* как языке с конечным расположением вершин.

	S	V	O
(98) <i>оне</i>	[_{NP} Aula poli firi oli]	wai	[_{PP} teu tiri]
	Aula p li feti ɔli	w-ae	teu titi
	Очень свинья маленький черный свинья 2–3л.-сидеть нога верх		
	‘Очень маленькая черная свинья сидит на ее ногах’.		

В целом, имеющиеся данные говорят о том, что *оне* является непоследовательным языком с конечным расположением вершин (head-final language), однако направление ветвления в некоторых группах трудно проверяемо из-за отсутствия рестриктивных ограничений на развертывание элементов ИГ.

6.7.3. Выводы

Система порядка слов языка *оне* обнаруживает наибольшее сходство с системами порядка лужицких языков и английского языка. Как и верхнелужицком и нижнелужицком языке, в языке *оне* табличная схема может быть выделена только на уровне предложения, но не на уровне ИГ. При этом язык *оне* является последовательным представителем языков типа В, поскольку табличная схема в нем рестриктивна, а лужицкие языки – непоследовательными представителями того же типа. С английским языком, относящимся к типу А, допускающему табличное описание как на уровне предложения, так и на уровне ИГ, язык *оне* сближает, во-первых, запрет на разрыв групп предложения элементами других групп, а во-вторых, топология табличной схемы ADV1Top – S – ADV2 – V – O – ADV3Foc, построенной на неизблемости порядка SVO. С датским языком язык *оне* сближает наличие рестриктивных ограничений на положение наречных слов: каждый класс наречий попадает в свою клетку. Типологическое своеобразие синтаксиса *оне* состоит в том, что жесткость табличной схемы предложения в сочетании в запретом на разрыв групп создает благоприятные условия для идентификации роли ИГ, исходя из ее места в предложении, при этом порядок компонентов внутри ИГ оказывается менее релевантным и слабо грамматикализованным.

6.8. Румынский язык

Румынский язык типологически интересен тем, что описанию методом табличных схем в нем поддается только один фрагмент синтаксической структуры, в полной мере не совпадающий ни с уровнем глагольной группы, ни с уровнем предложения. Румынский язык, как и другие языки романской семьи, является системой порядка слов с глагольными клитиками: эта формулировка означает, что местоименные клитики в косв.п. (дат. п. и вин. п.) и формы связочного глагола *a avea*

“иметь” клитизируются к глаголу и не имеют собственного места в предложении, перемещаясь вместе с глаголом [Cardinaletti 1999]. Системы порядка слов романского типа нерестриктивны в плане относительного расположения подлежащего, дополнений, глагола и обстоятельств; это значит, что построить табличную схему для категорий предложения, выраженных фонетически самостоятельными выражениями (не-клитиками) в румынском языке нельзя. Местоименные и связочные клитики в независимом финитном предложении и в придаточном предложении образуют в контактной препозиции глаголу⁶⁰ цепочку, которую можно описать табличной схемой из трех клеток CL.AUX – CL.DAT – CL.ACC, но у клитик нет фиксированного места в предложении, табличную схему, предсказывающую расположение клитик относительно друг друга, нельзя использовать для вывода табличной схемы всего предложения. В то же время в *зависимой* предикации, а именно в инфинитивных предложениях и в предложениях со специальной финитной формой, эквивалентной целевому инфинитиву – т. н. конъюнктивом (*conjunctiv*), порядок слов в румынском языке жестко фиксирован и наиболее эффективно описывается именно табличной схемой, что показано в специальном исследовании Т. Н. Свешниковой [Свешникова 2003: 82–89]. Все безударные местоимения и функциональные элементы (операторы отрицания, грамматикализованные предлоги, управляющие инфинитивом/конъюнктивом, модальные и дискурсивные части, которые размещаются между началом инфинитивных и конъюнктивных предложений и глагольной вершиной этих предложений (т. е. глаголом в форме инфинитива или конъюнктива)), Т. Н. Свешникова трактует как клитики, поскольку они образуют цепочки, упорядочиваемые единственно возможным способом и не допускающие перестановок. Формы инфинитива и конъюнктива в зависимых предложениях всегда имеют при себе функциональные вершины⁶¹ – частицу *a* (при инфинитиве), и частицу *să* (при конъюнктиве). В инфинитивных и конъюнктивных предложениях местоименные клитики и безударные модальные частицы помещаются между клеткой частиц *a/să* и формой глагола. Перед местоименными клитиками имеется клетка частного отрицания *nu*, сфера действия которого распространяется только на глагол зависимой предикации. Клетка частного отрицания имеется в инфинитивных предложениях, ср. рум. *Începe a=nu=mai ieși singură* «Она перестает выходить из дому одна», букв. «Начинает чтобы=не=больше выходить одна», так и в конъюнктивных предложениях, ср. рум. *Convinge să=nu=mai scrie* «Убеди его больше не писать», букв. «Убеди чтобы=не=больше он(а)писал(а)».

⁶⁰ Исключение составляет клитика вин. п. ед. ч. ж. р. о «ее», которая стоит в препозиции финитному глаголу в том случае, когда перед ней имеется другое фонетическое слово, ср. *El o=așteaptă* «Он ее ждет», но не может выноситься в абсолютное начало предложения: в этом случае она стоит в контактной постпозиции глаголу, ср. рум. *A=ajutat-o la îmbrăcat* «помогла ей одеться».

⁶¹ Показатель инфинитива отсутствует лишь в конструкции с модальным глаголом *a putea* «мочь» + Inf и является факультативным в конструкции с глаголом *a ști* «уметь» + Inf [Свешникова 2003: 25], при которых субъект зависимой предикации всегда совпадает с подлежащим матричного глагола.

Схемы двух данных примеров показаны в (99) и (100) соответственно: мы помечаем инфинитивные предложения индексом IP (нефинитная предикация), конъюнктивные предложения индексом CP (финитная предикация) и вводим обозначение NegP для синтаксической области, на которую распространяется частное отрицание nu. Эксплицируем тот факт, что частицы a/să являются функциональными вершинами групп инфинитива и конъюнктива и пометим их символом ($^{\circ}$). По записи (99) и (100) видно, что интересующий нас разряд румынских клитик – частное отрицание, местоимения и модальные слова – помещается между функциональной вершиной $a^{\circ}/să^{\circ}$ и лексической вершиной зависимой предикации – глаголом в форме инфинитива/конъюнктива (V°).

(99) рум. [_{IP} ... a° [_{NegP} nu [_{CL_{Pro}} CL_{Part}] V°]]

(100) рум. [_{CP} ... $să^{\circ}$ [_{NegP} nu [_{CL_{Pro}} CL_{Part}] V°]]

Функциональные вершины $a/să$ не всегда являются начальными элементами инфинитивных/конъюнктивных предложений: перед ними располагается клетка для грамматикализованных предлогов (P), управляющих инфинитивом/конъюнктивом. Наконец, перед клеткой грамматикализованных предлогов имеется клетка общего отрицания nu, сфера действия которого распространяется всю зависимую предикацию, ср. пример (101).

(101) рум. Ne=*am despărțit nu=fără=de=a stabili* o altă oră.

Мы=*имеем расставши не=без=того=чтобы назначить* другой час

‘Мы *расстались* не без того, чтобы *назначить* другой час’.

В инфинитивных предложениях румынский язык разрешает комбинацию из двух грамматикализованных предлогов, первым из которых (P1) является предлог с отрицательным значением *fără* «без», а вторым (P2) – один из десемантизированных предлогов *de, în, la, pentru, pînă, prin, spre*, которые используются как в отрицательных, так и в неотрицательных предложениях. В конъюнктивных предложениях употребляется только *fără*, а в неотрицательных предложениях грамматикализованные предлоги не используются. В остальной схеме расстановки румынских клитик в зависимых предложениях идентичны [Свешникова 2003: 86]. Запишем этот результат в общей форме в грамматике составляющих, указав вложенные друг в друга группы IP/CP (зависимая нефинитная/финитная предикация), NegP1 (группа общего отрицания), IP'/CP' (группа управляемого инфинитива/конъюнктива), NegP2 (группа частного отрицания), CliticP (группа местоименных и наречных клитик).

(102) рум. [_{IP} [_{NegP1} nu [_{IP'} *fără* P2 a° [_{NegP2} nu [_{CliticP} CL_{Pro} CL_{Part}] V°]]]]].

(103) рум. [_{CP} [_{NegP1} nu [_{CP'} *fără* $să^{\circ}$ [_{NegP2} nu [_{CliticP} CL_{Pro} CL_{Part}] V°]]]]].

Попробуем теперь записать (102) и (103) табличным способом. Для того чтобы построить единую таблицу для обоих типов зависимой предикации, мы должны ввести в нее клетку P2 на основе реализаций инфинитивных структур в (102),

так как там заполняется максимально возможное в румынском языке число клеток функциональных слов. В остальном набор клитик и их последовательность в (102) и (103) одинаковы. Табличная схема сама по себе не показывает ни структуры дерева подчинения, ни просодического статуса элементов, но эту информацию можно из нее *вывести* при наличии дополнительных данных об устройстве румынского предложения и свойствах румынских клитик. С другой стороны, запись в терминах составляющих типа (102) и (103), указывающая синтаксическую иерархию, не эксплицирует тот нетривиальный факт, что все элементы, начиная с общего отрицания *nu* и кончая наречными клитиками, *в отношении порядка слов однородны* и комбинируются друг с другом единственно возможным способом, исключая перестановку: эта информация не выводится из сведений о том, образуют ли смежные элементы в цепочке одну общую синтаксическую группу или нет. Упорядочение румынских функциональных слов в зависимых предложениях с формой инфинитива или конъюнктива можно было бы попытаться объяснить фонетически на основе предположения, что все просодически несамостоятельные слова должны образовать цепочку и присоединиться к глаголу. Однако такое объяснение уязвимо, поскольку в зависимой предикации в румынском языке всегда имеется две дистантно расположенные вершины $a^{\circ}/s\check{a}^{\circ}$ и V° . Ту часть клитик, которая размещается *между* $a^{\circ}/s\check{a}^{\circ}$ и V° – частное отрицание, местоимения и модальные слова, правильнее охарактеризовать как *интраклитики*, не являющиеся ни чистыми проклитиками, ни чистыми энклитиками. Напротив, ту часть клитик, которая размещается *перед* $a^{\circ}/s\check{a}^{\circ}$ – общее отрицание и грамматикализованные предлоги, управляющие инфинитивом, являются чистыми проклитиками. Сами функциональные вершины $a^{\circ}/s\check{a}^{\circ}$, делящие табличную схему на две зоны, скорее, являются универсальными клитиками, в зависимости от состава цепочки играющими роль то энклитик, то проклитик, ср. рум. *Se=temea de=a=se pronunța* «Он боялся высказаться», букв. «Ся=боял *предл.* =**чтобы**=ся высказать», где слева от вершины $a^{\circ}/s\check{a}^{\circ}$ находится проклитика *de* (десемантизированный предлог), а справа – возвратная интраклитика *=se*, которая в главном финитном предложении способна выступать в роли начальной проклитики, ср. *se=temea* «боялся» в том же примере, а в императивных предложениях является строгой энклитикой, которая присоединяется к начальному элементу – форме глагола, ср. *Așteptați-l!* «Ждите *ego!*», либо отрицанию *nu*, ср. *Nu-l așteptați!* «Не *ждите ego!*», букв. «Не=*ego* *ждите!*», но не может открывать предложение – **l-așteptați!*, букв. «его ждите!». Тем самым, полностью вывести табличную схему расположения румынских функциональных слов из предположительно более простых принципов устройства дерева подчинения или несинтаксических свойств функциональных слов не удастся⁶².

⁶² Гипотезы о том, что функциональные слова, располагающиеся в румынских инфинитивных и конъюнктивных предложениях между $\langle V_{\text{fin}} \rangle$ и $\langle V_{\text{inf/comp}} \rangle$, едины в просодическом отношении, образуют либо не образуют единой синтаксической группы, вероятно, могут быть доказаны в той или иной формальной теории, с введением дополнительных оговорок. Однако эти гипотезы не делают табличное описание ни более простым, ни более ясным.

Табличную схему расположения румынских функциональных слов можно изучать на разных уровнях абстракции – как эмпирические наблюдения над конкретными типами предложения в румынском языке, и как картографическую модель, оперирующую категориями синтаксиса, приложимыми не только к материалу румынского языка. Первый подход избран в книге Т. Н. Свешниковой, которая приводит две разные табличные схемы для румынских инфинитивных и конъюнктивных предложений: Т. Н. Свешникова называет эти схемы «Правилами Рангов», исходя из презумпции, что все вовлеченные к ним элементы являются клитиками. Для инфинитивных предложений устанавливается схема из 8 клеток: клетке показателя инфинитива (рум. А) Т. Н. Свешникова присваивает индекс '0', соответственно клеткам левее показателя инфинитива присваиваются индексы '-1' '-2' и т. д., а клеткам правее показателя инфинитива – индексы '+1', '+2' и т. д. Сохраним нумерацию по Т. Н. Свешниковой с одним очевидным изменением: клетки местоименных клитик в дат. п. и вин. п. не следует разбивать на «два подпорядка» для личных и возвратных местоимений. Хотя парадигмы личных и возвратных местоимений в румынском языке различны, личное и возвратное местоимение в одном и том же падеже не сочетаются друг с другом. Для наглядности введем также категориальные пометы для клитик, отсутствующие в книге Т. Н. Свешниковой.

-3	-2	-1	0	1	2	3	4
Общее отрицание	Предлог с отриц.	Предлог	Показатель инфинитива	Частное отрицание	Местоимение в дат. п.	Местоимение в вин. п.	Частицы
Neg1	Prep1	Prep2	InfPtel	Neg2	Dat Refl	Acc Refl	Part
nu	fără 'без'	de în la pentru pînă prin spre	a	nu	îmi îți îi ne vă le	mă te îl ero o ce ne vă îi le	sam 'немного, чуть-чуть' mai 'еще, больше' prea 'слишком' și 'как раз, именно, тогда же' tot 'и сейчас, еще, постоянно'
					îmi îți își ne vă își	mă te se ne vă se	

РИС. 16. Правило Рангов функциональных слов в инфинитивных предложениях румынского языка⁶³

Для конъюнктивных предложений Т. Н. Свешникова предлагает табличную схему из 7 клеток, поскольку в неотрицательных предложениях с глаголом в конъюнктиве грамматикализованный предлог не употребляется. Воспроизведем нумерацию Т. Н. Свешниковой и ее нотацию, с минимальной модификацией, оговоренной выше.

⁶³ Адаптировано по [Свешникова 2003: 83–84].

-2	-1	0	1	2	3	4
Общее отрицание	Предлог с отриц.	Показатель конъюнктива	Частное отрицание	Местоимение в дат. п.	Местоимение в вин. п.	Частицы
Neg1	Prep1	ConjPtc1	Neg2	Dat Refl	Acc Refl	Part
nu	fără 'без'	Să	nu	îmi îți îi ne vă le	mă te îl ero o ee ne vă îi le	cam 'немного, чуть-чуть' mai 'еще, больше' prea 'слишком' și 'как раз, именно, тотчас же' tot 'и сейчас, еще, постоянно'
				îmi îți își ne vă își	mă te se ne vă se	

РИС. 17. Правило Рангов функциональных слов в конъюнктивных предложениях румынского языка⁶⁴

Схемы на рис. 16 и 17 целесообразно объединить. Во-первых, как указывает сама Т. Н. Свешникова, набор клитик в инфинитивных и конъюнктивных предложениях идентичен, за вычетом грамматикализованных предлогов *de, în, la, pentru, pînă, pîn, spre*, которые в конъюнктивных предложениях не используются. Одинаково и относительное расположение общих классов инфинитивных и конъюнктивных клитик [Свешникова 2003: 86]. Во-вторых, в тех диалектах и региональных вариантах румынского языка, где имеются и инфинитивные, и конъюнктивные конструкции, данные конструкции синонимичны и соединяются регулярными парафразами, ср. рум. *Architectul nu îndrăzni a=mai cere_{inf} lămuriri* «Архитектор не осмелился просить разъяснений» ~ *Architectul nu îndrăzni să=mai ceară_{conj} lămuriri*, рум. *Intenția mea de=a=o însoți_{inf}* «Мое намерение ее проводить» ~ *Intenția mea de=a=o însoțesc_{conj}*, рум. *Posibilitatea d=a=mi tipăci_{inf} cele două volume* ~ *posibilitatea să=mi tipăresc_{conj} cele două volume* «возможность напечатать эти два тома»⁶⁵. В третьих, линеаризация функциональных категорий предложения в зависимых предикациях румынского языка может представлять интерес для других языков, где есть те же категории и сходные Правила Рангов. По образцу табличной схемы предложения в немецком языке и кашмири поделим линеаризуемое пространство на два «поля», где в качестве ограничителей выступают: а) глагол главного предложения или именная предикатная вершина; б) функциональная вершина зависимой предикации – показатели инфинитива/конъюнктива *a/să*; в) лексическая вершина зависимой предикации – глагол в форме инфинитива или конъюнктива. Будем считать, что показатели инфинитива/конъюнктива *a/să* и занимают одну и ту же клетку, и сделаем аналогичное допущение о лексических вершинах зависимой предикации. Отличительной особенностью трех ограничительных позиций состоит в том, что

⁶⁴ Адаптировано по [Свешникова 2003: 85].

⁶⁵ Все примеры из [Свешникова 2003].

они *всегда* заполняются в инфинитивных и конъюнктивных структурах, в то время как общее и частное отрицание, грамматикализованные предлоги, местоименные клитики и модальные частицы могут отсутствовать в конкретном высказывании.

#	«Начальное поле»			#	«Среднее поле»				#
V_{inf}/N_{pred}	NEG1 Sent	Prep1NEG	Prep2	Inf/Conj Heads °a/°să	NEG2	Pronominal & Reflexive Clitics		PART	V_{inf}/V_{Comp}
						DAT	ACC		
<i>Am=veniți</i>	∅	∅	<i>pentru</i>	<i>a</i>	∅	<i>mi</i>	∅	∅	<i>verifica</i> o veche idee
Имено=пришедши	∅	∅	для того	чтобы	∅	мне	∅	∅	проверить одну старую идею
«Я пришел, чтобы проверить одну свою давнюю мысль».									
<i>Se=considera nedreptăjit</i>	<i>ni</i>	<i>fără</i>	∅	<i>a</i>	∅	<i>și</i>	∅	∅	<i>tergoza</i> impridențele
Ся=считал обиженным	не	без	∅	чтобы	∅	себе	∅	∅	пенять неосторожностью
«Он считал себя несправедливо обиженным, упрекая при этом себя за неосторожность».									
<i>Nu treceți</i>	∅	<i>fără</i>	∅	<i>a</i>	∅	∅	<i>mă</i>	∅	<i>vedea</i>
Не уходите	∅	без	∅	чтобы	∅	∅	меня	∅	повидать
«Не уходите, не повидавшись со мной».									
<i>Mă=gîndesc</i>	∅	∅	∅	<i>să</i>	<i>ni</i>	∅	<i>se</i>	∅	<i>prăbușească</i> prăpastia
Меня=думает	∅	∅	∅	чтобы	не	∅	ся	∅	разверзнет пропасть
«Я думаю о том, чтобы не разверзлась пропасть».									
<i>Imposibil</i>	∅	∅	∅	<i>s-</i>	∅	∅	<i>-o</i>	<i>mai</i>	<i>gescupoască</i>
Невозможно	∅	∅	∅	чтобы	∅	∅	ее	еще	узнает
«Ее невозможно больше узнать».									
<i>Socrate ni=se=rezuma</i>	∅	∅	<i>l=</i>	<i>=a</i>	∅	∅	∅	∅	<i> pune</i> întrebări
Сократ не=ся=ограничивал	∅	∅	тем	чтобы	∅	∅	∅	∅	вопросы задавать
«Сократ не ограничивался тем, что задавал вопросы».									
<i>A început</i>	∅	∅	∅	<i>a</i>	∅	∅	<i>se</i>	<i>cat</i>	<i>lăa</i> el pe gînduri
И начал	∅	∅	∅	чтобы	∅	∅	ся	чуть-чуть	задумываться
«Начал и он призадумываться».									
<i>Tristetia</i>	∅	∅	<i>de</i>	<i>a</i>	<i>ni</i>	∅	<i>le</i>	<i>mai</i>	<i> afla</i>
грусть	∅	∅	тем	чтобы	не	∅	их	еще	найти
«Грусть не найти их больше».									
<i>Șansele</i>	∅	∅	<i>de</i>	<i>a</i>	<i>ni</i>	∅	<i>se</i>	<i>mai</i>	<i> repeta</i> niciodată
шансы	∅	∅	тем	чтобы	не	∅	ся	еще	повторить никогда
«Шансы, что никогда больше не повторятся».									

РИС. 18. Единая табличная схема для зависимых предикаций румынского языка

Глава 7

СВОБОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ВИДЫ СКРЭМБЛИНГА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

7.0. Понятие скрэмлинга

Порядок развертывания предложения в описаниях славянских языков характеризуют как «свободный», хотя языка с полностью непредсказуемым порядком слов (т. е. языка, где возможны любые перемещения элементов предложения), равно как и языка с полностью фиксированным порядком слов (т. е. языка, где запрещены какие бы то ни было перемещения) не бывает. Поэтому содержательное описание того языка, для которого выдвигается гипотеза о свободном порядке, скрэмлинге (*scrambling*), предполагает анализ условий, при которых перемещение определенного типа в этом языке возможно. Как было показано выше в гл. 1, при определении базового порядка в элементарных бинарных группах по Гринбергу, перемещения и нулевые синтаксические категории вводить не надо, а обоснованность выделения развернутых небинарных групп как промежуточного уровня между уровнем элементарных бинарных групп и уровнем предложения зависит от грамматикализации запретов на перемещения в пределах развернутых групп в конкретном языке. Поэтому есть основания отнести все линейные перестановки, независимо от длины, именно к уровню предложения. Термин 'скрэмлинг', принятый в формальных грамматиках и хомскианской лингвистике, неоднозначен¹. С одной стороны, скрэмлингом называют отношение, при котором зависимые элементы одной или разных вершин стоят в произвольном порядке, см. [Rambow 1994]. При этом различают локальный ограниченный (*bounded*) скрэмлинг, когда переставляемые аргументы принадлежат одной и той же вершине, и неограниченный скрэмлинг (*unbounded scrambling*), когда переставляемые аргументы могут принадлежать разным вершинам [Perekrestenko 2008]. Если перестановки элементов объяснять как поверхно-синтаксические перемещения (*overt PF-movement*), различие локального и неограниченного скрэмлинга определяется отношениями, возникающими между элементами в конечной позиции перемещения, а не в тех позициях, которые они занимали изначально². С другой стороны, под скрэмлингом понимают неединственность порядка элементов в исходной области, т. е.

¹ Впервые термин *scrambling*, букв. «перемешивание», был, по-видимому, употреблен в работе Дж. Росса, положившей начало теории синтаксических ограничений [Ross 1967].

² При альтернативном подходе к скрэмлингу как к скрытым перемещениям (*covert LF-movement*), см. [Bayer, Kornfilt 1994: 314; Kosta 2006: 314], все равно приходится *de facto* учитывать конечные области перемещения, если различают перестановки элементов в пределах предложения (ближний скрэмлинг) и вынос элемента в вышестоящее предложение (дальний скрэмлинг).

ситуации, где например, дополнение глагола может стоять как правее, так и левее подлежащего, см. [Bailyn 2004] и [Kosta 2006: 307]. Однако Дж. Бейлин и П. Коста при этом различают ближний скрэмблинг (short scrambling), когда элемент перемещается в другую позицию в составе того же предложения, и дальний скрэмблинг (long-distance scrambling), когда элемент выносится в вышестоящее предложение. Такое различие оправдано, только если релевантны исходные позиции перемещенных элементов. Причина терминологической путаницы в том, что в наиболее типичном случае, при ближнем скрэмблинге, исходная и конечная области перемещения совпадают. Для целей математической лингвистики было бы лучше оставить термин «скрэмблинг» только в первом значении, где берутся характеристики конечных областей, а во втором употреблении, где характеризуются исходные области, говорить о ближних и дальних перемещениях. К сожалению, это противоречит сложившейся в славистике традиции, где скрэмблингом чаще всего называют либо изменения базового порядка слов, порождающие в языках SOV и SVO линейные порядки, где дополнение предшествует подлежащему, либо выносы элемента за пределы финитного предложения, т. е. именно случаи, подпадающие под определение ближнего/дальнего скрэмблинга, ср. работы [Kosta 2006; Kosta, Schürcks 2009]³, см. также обзор Н. Кондрашовой в [ФНСАЛ 1997: 110–141].

7.1. Скрэмблинг полноударных элементов предложения

Несводимость двух признаков – локальный/неограниченный скрэмблинг vs ближний /дальний скрэмблинг – можно использовать в типологии. Два признака дают матрицу из четырех клеток. Наш анализ подтверждает, что в славянских языках представлены все комбинации признаков квадратной матрицы:

	А. Локальный скрэмблинг	В. Неограниченный скрэмблинг
1. Ближний скрэмблинг	+	(+)
2. Дальний скрэмблинг	+	+

РИС. 1. Скрэмблинг полноударных элементов предложения

³ См. характерную формулировку П. Косты: «скрэмблинг как синтаксическое явление ...предполагает базовое порождение перемешанных (scrambling) элементов в занимаемых ими поверхностных позициях и их LF-перемещение [перемещение на уровне Логической Формы. – А. Ц.] в позиции, где они получают theta-роли [семантические роли – А. Ц.]» [Kosta 2006: 307]. Это означает, в частности, что для таких языков с базовым порядком SVO и скрэмблингом, как русский и чешский, порядки типа OVS, OSV, где дополнение предшествует подлежащему, предлагается не выводить из порядка SVO путем поверхностно-синтаксического преобразования типа $SVO \Rightarrow O_i V S t$, но считать, что базовый порядок SVO реализуется на уровне Логической Формы всегда, так как в правильном синтаксическом представлении подлежащее всегда должно переместиться в предглагольную позицию.

7.1.1. Ближний & локальный скрэмблинг

Это стандартный случай, когда перемещение элемента не связано с выносом в вышестоящую группу и не приводит к непроективному пересечению групп предложения:

- (1) Рус. Профессор Иванов посетил нашу лабораторию в июне (S+V+O+Adv_{Temp}) ⇒ [Нашу лабораторию]_i профессор Иванов посетил t_i в июне (O+V+S+Adv_{Temp})⁴.

То же самое отношение в составе придаточного:

- (2) Рус. Анализ подтверждает, что каждая комбинация признаков представлена в славянских языках (Comp+ S+V+Adv_{Loc}) ⇒ Анализ подтверждает, что [в славянских языках] представлена_j t_j каждая комбинация признаков t_j (Comp+ Adv_{Loc}+V+ S)⁵.

То же отношение возникает при перемещении обстоятельств, если подвижный элемент может попадать более чем в одну позицию в составе того же предложения.

- (3) чеш. а. ... že Marie profesora_i [v jeho_i bytě] už několikrát navštívila.
 '...что Мария уже несколько раз навещала профессора_i [в его_i квартире]'.
 б. ⇒ чеш. ... že [v jeho_i bytě] Marie profesora_i t_i už několikrát navštívila.
 '...что [в его_i квартире] Мария профессора_i t_i уже несколько раз навещала'.
 в. ⇒ чеш. že Marie [v jeho_i bytě] profesora_i t_i už několikrát navštívila⁶.
 '...что Мария [в его_i квартире] профессора_i t_i уже несколько раз навещала'.

7.1.2. Дальний & локальный скрэмблинг

Это тоже нередкий случай, когда вынос элемента за пределы своей группы не создает альтернирующих порядков в новой области. Это возможно, если вынесенный элемент может занимать одно и только одно место в вышестоящем предложении. Тем, самым, в исходной области скрэмблинг есть (ср. порядки с выносом и без выноса элемента), а в конечной – нет.

⁴ Пример И. И. Ковтуновой. Запись с введением следов принадлежит нам.

⁵ Преобразование S+V+Adv_{Loc} ⇒ Adv_{Loc}+V+ S, представленное в примере (10), называется локативной инверсией [Bresnan 1994], [Babyonyshev 1996]. Его особенность в том, что подлежащее и локативный элемент меняются местами, а положение глагола остается неизменным. Это отражено в записи примера (10) при помощи двух следов, хотя выражались сомнения в том, что перемещение глагола при локативной инверсии реально происходит [Циммерлинг 2008].

⁶ Слегка модифицированные примеры П. Косты [Kosta 2006: 311].

- (4) рус. а. Мы бы хотели, чтобы министерство назначило профессора И. куратором нашей лаборатории.
 б. \Rightarrow [[Профессора И.], [мы бы хотели, [чтобы министерство назначило t_i куратором нашей лаборатории]]]⁷.

К тому же типу можно отнести вынос из состава ИГ, куда вставлено придаточное относительное:

- (5) болг. а. Ще=бъдат [две тоалетните, [като всеки от състезателите ще=може да ползва [която пожелас]].
 ‘Будет две туалетных комнаты, [которыми сможет воспользоваться любой из спортсменов, кто захочет]’.
 б. \Rightarrow [[Тоалетните]_i ще бъдат [две t_i, като всеки от състезателите ще=може да ползва [която пожелас]]]⁸.

7.1.3. Дальний & неограниченный скрэмблинг

В языках со скрэмблингом это сравнительно обычная комбинация, когда вынесенный из своей группы элемент может занимать более одного места в вышестоящем предложении. В наиболее чистом случае, выделенном О. Рэмбоу на материале немецкого языка [Rambow 1994], между альтернирующими элементами может не быть никаких других категорий. Немецкий язык имеет порядок (O + V^o) и так называемый рамочный принцип, согласно которому группы развертываются соответственно иерархии вершин. Поэтому предложение с тремя ИГ A¹, B², C³, относящимися к трем разным глагольным вершинам v¹, v², v³, в нормальном случае развертывается [A¹ [B² [C³ v³] v²], v¹]. Этой схеме точно соответствует пример (6а), а оператор скрэмблинга порождает порядки ABC, CAB, BAC, CBA, CBA, каждый из которых соответствует грамматичному немецкому предложению (6б-ф):

- (6) нем. а. daß niemand [[dem Kunden²] [[den Kühlschrank³] zu reparieren³] zu versprechen²] versucht¹ hat;
 ‘что никто¹ [клиенту²] [[холодильник³] починить³] обещать²] не пытался¹’
 б. daß niemand [den Kühlschrank], [[dem Kunden] [t_i zu reparieren] zu versprechen] versucht hat;
 в. daß [den Kühlschrank]_i niemand [[dem Kunden] [t_i zu reparieren] zu versprechen] versucht hat;

⁷ Данный вид преобразований называют экстракцией подлежащего из состава финитного предложения. Часть языков, включая все описанные славянские, разрешают подобную операцию, другая часть – нет.

⁸ В этом болгарском примере есть еще и случай локального скрэмблинга, возникающего вследствие разрыва группы [всеки от състезателите [която пожелас]] [ще=може да ползва] ~ [всеки от състезателите ___] ще=може да ползва [която пожелас]].

- d. daß [dem Kunden]_i niemand [t_j [[den Kühlschrank] zu reparieren] zu versprechen] versucht hat;
- e. daß [den Kühlschrank]_i [dem Kunden]_j niemand [t_j [t_i zu reparieren] zu versprechen] versucht hat;
- f. нем. daß [dem Kunden]_j [den Kühlschrank]_i niemand [t_j [t_i zu reparieren] zu versprechen] versucht hat.

Глагольные вершины v^1 , v^2 , v^3 в примерах (6a-f) не меняют своего положения друг к другу, поэтому скрэмблинг Именных групп в немецком языке реально локализуется на небольшом участке матричного предложения (высшего в иерархии), между подчинительным союзом *daß* «что» и левой частью сказуемого:

(6') нем. [_{CP} Comp {_{SCRAMBLING DOMAIN} A¹+B²+C³} [VP [v^3 , [v^2 , [v^1]]] AUX]

Ни в одном славянском языке, кроме, возможно, верхнелужицкого⁹, рамочный принцип развертывания глагольной группы не грамматикализован, а в группе ($V^0 + O$) при базовом порядке глагол предшествует сказуемому¹⁰. Поэтому предложения со скрэмблингом трех ИГ A¹, B², C³, относящихся к трем вершинам разного уровня, ср. (15e-f), в части славянских языков выглядят менее естественно, чем немецкие примеры (14a-f). Предложения со скрэмблингом двух ИГ A^m, Bⁿ, относящихся к вершинам разного уровня, более обычны, ср. (7a-d).

- (7) рус. а. Что никто¹ даже не сделал попытки¹ [обещать² [клиенту²] [заказать³ [машину³]]]¹¹.
- b. что [машину]_i [клиенту]_j никто даже не сделал попытки [обещать t_j] [заказать t_j].
- c. что [клиенту]_j [машину]_i никто даже не сделал попытки [обещать t_j] [заказать t_j].
- d. что [машину]_i [клиенту]_j никто даже не сделал попытки [обещать t_j] [заказать t_j].
- e. что [машину]_i [никто]_k [клиенту]_j t_k даже не сделал попытки [обещать t_j] [заказать t_j].
- f. что [клиенту]_j [никто]_k [машину]_i t_k даже не сделал попытки [обещать t_j] [заказать t_j].

⁹ Верхнелужицкий язык развивался в тесном контакте с немецким, и все его носители знают немецкий язык. В верхнелужицком порядок S CL_{Aux} O V_{fin} (в.-луж. *Ja=sym tu knihu čital* «Я читал эту книгу», букв. «я=есмь ту книгу читал», ср. нем. 'Ich habe das Buch gelesen') предпочитается порядку S CL_{Aux} V_{fin} O, в.-луж. *Ja=sym čital tu knihu*. На группы V_{fin} + V_{inf} рамочный принцип, повидимому, в этом языке не распространяется.

¹⁰ Колебания $V^0 + O \sim O + V^0$ свойственны древнечешским текстам XV–XVI вв., но мнение о том, что порядок SOV для древнечешского языка – базовый, не соответствует фактам, см. [Zikánová 2006].

¹¹ Блок [не сделал попытки] для простоты трактуется нами как одна глагольная вершина, а *никто* – как ее аргумент.

Наиболее распространенный в славянских языках случай дальнего неограниченного скрэмлинга связан с непроективным вложением составляющей или ее элемента в вышестоящее предложение. Пусть $A^\circ B^\circ C^\circ D^\circ E$ – базовый порядок предложения, $A^\circ B^\circ C^\circ D^\circ$ – лексические вершины, и каждая следующая вершина является зависимой предыдущей; крайне правый элемент E тоже потенциально является вершиной, но в составе предложения нет его зависимого. Таким образом, получаем проективную структуру (8), где блоки DE , CDE , $BCDE$, $ABCDE$ – вложенные друг в друга составляющие.

(8) $[A^\circ [B^\circ [C^\circ [D^\circ E]]]]$.

Перемещения блоков DE , CDE и вставка вершин A° , B° в нижестоящие составляющие дают порядки вида $[CDE]_i A^\circ B^\circ t_i$, $[[DE]_j C^\circ t_j]_i A^\circ B^\circ t_i$, $[[DE]_j \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i$, $\dots A^\circ_k \dots [[DE]_j C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i$, где $t_{i,j,k}$ – следы перемещений вершин или блоков. Этот механизм скрэмлинга точно иллюстрируется русскими примерами (17a-e)

	Схема	Пример
Базовый порядок	$[A^\circ [B^\circ [C^\circ [D^\circ E]]]]$	(9a) рус. <i>Арбитры¹ не имели права¹ [пр фиксировать² [победу² «Триумфа»]]</i> .
Производные порядки	$[CDE]_i A^\circ B^\circ t_i$	(9b) \Rightarrow [пр Фиксировать победу «Триумфа»] _i арбитры не имели права t_i .
	$[[DE]_j C^\circ t_j]_i A^\circ B^\circ t_i$	(9c) \Rightarrow [Победу «Триумфа»] _j [пр фиксировать t_j] _i арбитры не имели права t_i .
	$[[DE]_j \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i$	(9d) \Rightarrow [Победу «Триумфа»] _j арбитры _k [пр фиксировать t_j] _i t_k не имели права t_i .
	$\dots A^\circ_k \dots [DE]_j C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i$	(9e) \Rightarrow Арбитры _k [победу «Триумфа»] _j [пр фиксировать t_j] _i t_k не имели права t_i .

РИС. 2. Дальний неограниченный скрэмлилинг с вложением в русском языке

Нетрудно заметить, что представленный в (9b-с) механизм скрэмлинга связан с перемещением блоков типа DE , CDE влево, причем на своем пути блоки пересекают одну или несколько вышестоящих вершин, зависимыми которых являются. Перемещение зависимых «через голову» вершин – рекурсивный процесс, который может повторяться несколько раз. Так, переместив группу [пр Фиксировать^о победу «Триумфа»] в начало предложения (9b), можно затем пере-

местить группу [*Победу «Триумфа»*] левее ее вершины *фиксировать*^o, что даст вариант (9с)¹². Можно еще раз повторить ту же операцию и переместить элемент «Триумфа» левее его вершины *победа*^o, что даст неучтенный в таблице вариант: рус. ³«Триумфа» *победу фиксировать арбитры не имели права*. Этот вариант не запрещен, но имеет малую коммуникативную ценность – на практике рекурсивный скрэмблинг в трех и более вложенных друг в друга группах встречается в славянских языках редко. Другой механизм скрэмблинга, демонстрируемый (9d-e), состоит во вставке вышестоящей вершины типа А^o, В^o в нижестоящую группу. В (9d) подлежащее *арбитры*^o (аргумент главного предиката) вставлено в уже перемещенную группу [_{ГР} *фиксировать*^o *победу «Триумфа»*] и вклинивается между перемещенной подгруппой [_{НР} *победу*^o «Триумфа»] и ее вершиной *фиксировать*^o. Выражения *арбитры* и *победа Триумфа* – группы одного типа (Именные Группы), соотношенные с разными глаголами. Вариант (9е) подтверждает, что они могут стоять и в другом порядке, где элемент *арбитры* предшествует *победу «Триумфа»*. Следовательно, мы имеем дело с дальним неограниченным скрэмблингом Именных Групп в левой части матричного предложения, а всем ИГ в предложении необходимо приписать свойство подвижности, т. е. способности подвергаться воздействию оператора скрэмблинга¹³.

¹² Теоретически можно считать и так, что более «короткий» скрэмблинг внутри меньшей группы DE предшествует более «длинному» скрэмблингу, связанному с перемещением большей группы CDE, куда вложена первая группа. В контексте данного раздела исследования это не важно.

¹³ Встает вопрос, нужно ли в примерах вроде (9е) *Арбитры*_k [*победу «Триумфа»*]_j [_{ГР} *фиксировать*_i _{t_k} *не имели права* _{t_i}] считать, что подлежащее или любая другая вышестоящая вершина меняет свое положение и перемещается (что предполагает избранная нами запись), если оно не вставлено в нижестоящую группу, но сама нижестоящая группа – в данном примере [[*победу «Триумфа»*]_j [_{ГР} *фиксировать*_i _{t_k}]] – при этом вставляется между подлежащим и теми категориями, которые непосредственно следуют за ним при базовом порядке слов. Этот вопрос может решаться по-разному в зависимости от лингвистической идеологии и цели исследования. Для оптимального описания скрэмблинга в русском языке лучше считать, что вариант (9е) не получается непосредственно из базового порядка (17а) и что порождению (17е) предшествуют по крайней мере две стадии – (17b), т. е. вынос инфинитивной группы влево в начало предложения, и (17с), т. е. перемещение ИГ [_{НР} *победу «Триумфа»*] внутри вынесенной влево инфинитивной группы. Подлежащее *арбитры* оказывается в непосредственной близости от перемещенной ИГ [_{НР} *победу «Триумфа»*] лишь после двух этих операций (в какой бы последовательности они ни происходили). Кроме того, параллельно существующий вариант (17d), со вставкой подлежащего внутрь нижестоящей группы, подтверждает, что подлежащее обладает свойством подвижности. Поэтому есть основания заключить, что варианты (17d) и (17е), в каких бы деривационных отношениях они ни находились друг с другом, порождаются за счет передвижения подлежащего левее элементов вынесенной в начало предложения группы, см. (17е), или вставки подлежащего внутрь этой группы, см. (17d).

7.1.4. Ближний & неограниченный скрэмблинг

Это наиболее проблематичный случай. Если понимать ближний скрэмблинг как характеристику исходной области, где нет вставленных предложений, комбинация признаков ближний & неограниченный скрэмблинг может реализоваться только за счет непроективных пересечений групп, не находящихся в отношениях непосредственного подчинения.

$$(10) \quad [{}_x AB] \dots [{}_y CD] \Rightarrow [{}_x A [{}_y C \dots V] \dots {}_y D].$$

Непроективное пересечение представляет собой значительно более редкое явление, чем разрыв группы с вложением в нее другой группы целиком: русский пример (11b) с вложением группы выглядит значительно лучше, чем пример (11c) с пересечением групп.

(11a) рус. [_x Жители° столицы] [любят° [_y пивную продукцию° Клина]].

(11b) рус. [_y Клина]_i [_x жители° столицы] [любят° [_y пивную продукцию° t_j].

(11c) рус. *[[_y Клина]_i [_x столицы]_j [любят° [_y пивную продукцию° t_j] [_x жители° t_j].

Возможно, такие критерии ближнего скрэмблинга для славянских языков слишком строги. Если снять требования о том, что а) подверженные скрэмблингу элементы должны представлять ту же категорию (например, быть Именными Группами) и б) относиться к тому же уровню, или хотя бы одно из этих требований, примеры типа (11b), где фрагмент ИГ (*Клина*) и развернутая ИГ [*жители столицы*] размещаются в произвольном порядке, можно будет отнести к рубрике «ближний неограниченный скрэмблинг».

Важнейшая предпосылка ближнего неограниченного скрэмблинга в строгом понимании термина связана с действием закона Ваккернагеля и т. н. Правил Разрыва Составляющих, где энклитика или цепочка энклитик, занимающих второе место от начала предложения, разрывает начальную составляющую и ставится после первого фонетического слова. Такое правило, как показал А. А. Зализняк [Зализняк 1993: 291], действовало в новгородском диалекте древнерусского языка без исключений, что регулярно давало предложения типа (12):

(12) др.-рус. а и-Суздальской {_{Scrambling} =ти земле} Новагорода не рядити (ГВНП, № 1, 1264 г.).

‘а из суздальской земли, тебе не следует управлять Новгородом’.

В новгородском диалекте этого периода постановка клитик после полной ПГ *а [*и-Суздальской земле*] =ти невозможна. Поэтому, если первая из этих групп выносится в начало предложения, возникнет пересечение групп [_{pp} из [_{np} суздальской земле]] и [*ти рядити Новагорода*]. Отношение скрэмблинга между *земле* и *ти* «тебе» подтверждается возможностью линейного порядка *а из-земле = ти суздальской...*, а неограниченным скрэмблинг является потому, что эти элементы относятся к разным вершинам.

В современных славянских языках с законом Ваккернагеля примеры типа (12) возможны, но менее частотны, чем в новгородском диалекте, так как Правило Разрыва Составляющих на начальные группы либо не действует, либо факультативно.

7.2. Скрэмблинг клитик. Параметры Clitic Climbing и Clitic Scrambling

Пример (19) показывает, что может иметь место скрэмблинг двух категорий, одна из которых является клитикой, а другая нет, но скрэмблинг двух и более клитик встречается гораздо реже. Нетривиальный случай представляет употребление одного подкласса клитик – кластеризуемых клитик, образующих упорядоченные цепочки¹⁴. Ранее считалось, что скрэмблинг клитик вообще исключен, но недавно установили, что это явление есть по крайней мере в одном славянском языке – словенском.

	А. Локальный скрэмблинг	В. Неограниченный скрэмблинг
1. Ближний скрэмблинг	–	–
2. Дальний скрэмблинг	Clitic Climbing (+)	Clitic Scrambling +

РИС. 3. Скрэмблинг кластеризуемых клитик в славянских языках

Ближний скрэмблинг кластеризуемых клитик запрещен во всех славянских языках (и, по-видимому, во всех языках мира вообще). Само понятие цепочки клитик предполагает, что контактный порядок клитик является твердым, а альтернативы запрещены¹⁵. При этом принцип упорядочивания клитик в цепочки – т. н. Правило Рангов (см. ниже) – не исключает наличия в цепочке клитик, перемещенных из подчиненных инфинитивных оборотов. Такой параметр называется Clitic Climbing, т. е. перенос клитик в вышестоящую предикацию, букв. «карабкание клитик».

7.2.1. Дальний локальный скрэмблинг клитик

Параметр Clitic Climbing присущ всем современным славянским языкам, кроме болгарского и македонского, где Правило Рангов учитывает лишь клитики, синтаксические вершины которых находятся в матричном, верхнем в иерархии, предложении. В остальных языках Правило Рангов имеет клетки для клитик, син-

¹⁴ Скрэмблинг некластеризуемых клитик, не имеющих фиксированного места в предложении и способных занимать разные позиции относительно друг друга, мало отличается от скрэмблинга полноударных элементов, за вычетом того, что клитики неспособны иметь при себе зависимые слова.

¹⁵ Литературные славянские языки и древненовгородский диалект полностью соответствуют этому предсказанию. Отдельные колебания зафиксированы в зоне контакта диалектов разных славянских языков, например, русинского с сербохорватским.

таксические вершины которых находятся в подчиненном предложении. В частном случае это означает, что возвратная клитика, вершиной которой является инфинитив, должна переместиться в главное предложение, если в составе цепочки клитик есть клетка, подходящая для этой категории клитик: в записи (13) клитики *a*, *b*, *d* синтаксически принадлежат вершине v^{1^0} , находящейся в составе главного предложения, а клитика c^2 , образующая с a^1 , b^1 , d^1 общую цепочку, синтаксически принадлежит вершине v^{2^0} , находящейся в составе вставленного предложения – инфинитивного оборота.

(13) $[_{TP} \dots [_{CliticP} a^1 b^1 c_i^2 d^1] v^{1^0}] [_{TP} v^{2^0} t_i]$.

Схеме (13) почти полностью соответствует русинский пример (14), где элементы *=ше* и *=му* синтаксически относятся к инфинитиву *поклонїц*, а клитика *=би* относится к главному предложению.

(14) Русин. *же=би*' = $\{=ше^2=му^2\}_i$ и я *пошол*⁰¹ $[_{TP} \text{поклонїц}^{02} t_i]$. (Mat. 2.8)¹⁶.
букв. 'что=*бы*' = $\{=ся^2=ему^2\}$ и я *пошел*⁰¹ поклонить⁰² [*ся*]'.

Структура (13) соответствует данному выше определению дальнего локального скрэмблинга (скрэмблинг в исходной области перемещения вследствие выноса элемента, отсутствие скрэмблинга в конечной области в силу единственности позиции перемещенного элемента). Однако в большинстве славянских языков Clitic Climbing не приводит к скрэмблингу, поскольку исходный (с точки зрения гипотетических стадий порождения) линейный порядок, где клитики остаются во вставленном предложении или не получают места в цепочке, здесь запрещен: так, русинские предложения русин. **же=би*_i и я *пошол поклонїц=ше=му*, **же=би* и я *пошол=ше=му поклонїц* неграмматичны. Точно так же, хорватская региональная норма сербохорватского языка, согласно Д. Чавару и К. Вилдеру, требует Clitic Climbing в предложениях типа срб.-хрв. *Marjia=ju*_i = *mu*_j = *je htjela* [*dati* _{-i} _{-j}] «Мария хотела дать ему это», букв. «Мария=*это*=*ему*=*есть-3Sg.* хотела дать», но запрещает вариант без выноса местоименных клитик в главное предложение, **Marjia=∅*_i = *∅*_j = *je htjela* [*dati* *ju*_i = *mu*_j] – см. [Čavar, Wilder 1999: 447]¹⁷. Наличие в вышестоящем предложении позиции-мишени (в примере выше такие позиции обозначены символами \emptyset_i и \emptyset_j), в сербохорватском, как и в русинском, служит необходимым и достаточным условием для выноса местоименных клитик к главную предикацию. Таким образом, Clitic Climbing в стандартной для славянских языков ситуации выступает как обязательное перемещение, что исключает скрэмблинг.

¹⁶ Цит. по работе [Browne 2008].

¹⁷ С другой стороны, извлечение клитик из сербохорватских придаточных предложений, вводимых подчинительных союзом, невозможно, так как на них параметр Clitic Climbing в этом языке не распространяется: ср. срб.-хрв. *Želim* [_{CP} *da=mu=ga dam*] «я хочу это дать ему», букв. «*хочу.я*, [_{CP} что(бы)=*ему*=*это дам*]», * срб.-хрв. *Želim=mu*_i = *ga*, [_{CP} *da* \emptyset_i и \emptyset_j *dam*]. См. [Dimitrova-Vulchanova 1999: 108].

Имеющиеся исключения можно отнести к переходным состояниям языка. Так, например, в новгородском диалекте XIV–XV вв. нормой было отсутствие Clitic Climbing для возвратной клитики =ся, которая обычно не отрывалась от своей глагольной вершины [Зализняк 1993: 295–296]. Поэтому порядок новг. *а холоп и роба не оучноут* [_{IP} *тягать=ся*] был ожидаемым, но в памятниках зафиксирован и вариант с Clitic Climbing:

- (15) др.-новг. *а холоп и роба не оучноу¹ = с_A, [_{IP} тяга¹ t_i]* (ДДП, № 15; список XV в. с грамоты 1396 г.)¹⁸.

7.2.2. Дальний неограниченный скрэмблинг клитик

Этот тип скрэмблинга предполагает два нетривиальных условия – 1) факультивность перемещения Clitic Climbing и 2) неединственность конечной позиции перемещаемых клитик. Оба эти условия, как показал Ф. Марушич [Marušić 2007], выполняются в словенском языке. При этом любая глагольная вершина между глаголом главного предложения и вершиной вставленной инфинитивной группы может принимать перемещенные клитики: в (16a–f) это местоименная клитика =jo «её».

- (16) слов. а. {_{SCRAMBLING} On=**jo**² =**je**¹ hotel⁰ nehati⁰ hoteti⁰ [videvati⁰ t_i vsak dan]}¹⁹.
 ‘Он хотел перестать хотеть видеть её каждый день’.
 букв. ‘он=**е**=**есть**.AUX хотел перестать видеть каждый день’.
- б. {_{SCRAMBLING} On=**je**¹#=**jo**² hotel⁰ nehati⁰ hoteti⁰ [videvati⁰ t_i vsak dan]}²⁰.
 букв. ‘он =**есть**.AUX.=**е**е хотел перестать хотеть видеть каждый день’.
- в. {_{SCRAMBLING} On=**je**¹ hotel⁰# =**jo**² nehati⁰ hoteti⁰ [videvati⁰ t_i vsak dan]}.
 букв. ‘он=**есть**.AUX хотел=**е**е перестать хотеть видеть каждый день’.
- г. {_{SCRAMBLING} On=**je**¹ hotel⁰ nehati#=**jo**² hoteti⁰ [videvati⁰ t_i vsak dan]}.
 букв. ‘он =**есть**.AUX хотел перестать=**е**е хотеть видеть каждый день’.
- е. {_{SCRAMBLING} On=**je**¹ hotel⁰ nehati⁰ hoteti⁰#=**jo**² [videvati⁰ t_i vsak dan]}.
 букв. ‘он =**есть**.AUX=**е**е хотел перестать хотеть видеть каждый день’.

¹⁸ Пример указаны А. А.Зализняком [Зализняк 1993: 296], интерпретация в терминах Clitic Climbing наша.

¹⁹ Вариант (16a) в плане типологии порядка слов будет считаться исходным, так как при нем все сентенциальные клитики, имеющиеся в синтаксической области (полипредикатном предложении), занимают контактное положение и образуют цепочку (см. ниже). С точки зрения формального синтаксиса, где принимается постулат о базовом порождении клитик в монопредикатном предложении, исходным будет вариант (16f), где каждая из клитик стоит в контактной постпозиции к своему глаголу-хозяину.

²⁰ Символ # указывает левую границу области, к которой присоединяется перемещенная из вставленного предложения клитика =jo. Вариант (16b), где местоименная клитика =jo оказывается правее связочной клитики =je, не нарушает Правила Рангов словенского языка, поскольку последовательность =je =jo, по-видимому не является подлинной цепочкой: в синтаксисе словенского языка есть параметр, который разрешает присоединять клитики к другой группе, где уже имеются другие клитики.

- f. {_{SCRAMBLING} On=**je**¹ hotel^o nehati^o hoteti^o [videvati^o=**jo**² vsak dan]}.
 букв. 'он =**есть**.AUX хотел перестать хотеть видеть=**е**е каждый день'.

Искусственность сконструированного Ф. Марушичем примера не должна затемнять того факта, что словенский язык в силу соединения двух указанных выше нетривиальных условий разрешает редкий тип скрэмлинга. В (16b-e) извлеченная из инфинитивной группы клитика не добирается до своего канонического места в цепочке клитик главного предложения – см. вариант (16a), но присоединяется справа либо к первому фонетическому слову, в составе которого уже есть клитика =*je* – вариант (16b), либо к глагольным вершинам hotel^{1o}, nehati^o, hoteti^o – варианты (16c-e). В близкородственном сербохорватском языке, где имеется Clitic Climbing, предложения типа (16b-e), где извлеченная из инфинитивной группы клитика не добирается до своего канонического места в цепочке клитик главного предложения и занимает промежуточные позиции в составе главного предложения, невозможны. Таким образом, параметр Clitic Scrambling всегда предполагает параметр Clitic Climbing, но обратное неверно.

Хотя сам факт скрэмлинга клитик в славянских языках можно считать доказанным, ясно, что этот механизм используется редко и является отклонением от стандартных принципов упорядочения цепочек клитик. Напротив, скрэмлинг полноударных элементов предложения – нормальное состояние славянских систем порядка слов.

7.3. Скрэмлинг, коммуникативная перспектива и интонация

Можно сделать предварительный вывод, что описание скрэмлинга просто как множества разрешенных комбинаций линейных порядков, без учета отношения вершин и зависимых, структуры составляющих и механизма синтаксических перемещений, обедняет понимание этого явления. Наивное представление о скрэмлинге, свободном порядке слов, как о хаосе, непредсказуемом распределении линейных порядков, является одной из причин отношения к порядку слов в славянских языках как области, не поддающейся анализу точными методами.

Конструкции со скрэмлином полноударных категорий предложения в славянских языках сходны, хотя нельзя быть вполне уверенным в том, что буквальный перевод примера со скрэмлином на другой славянский язык будет иметь равную степень приемлемости. Формально-синтаксические условия скрэмлинга, связанные с характеристиками исходных и конечных областей перемещения элементов, ограничениями на непроективное вложение и непроективное пересечение групп, рекурсивное перемещение зависимых и перестановку вершин уже обсуждались выше. Однако для полноценного описания порядка слов необходимо понять, какова цель, коммуникативное предназначение механизмов скрэмлинга и почему они используются в славянских языках столь часто. На этот вопрос ответили слависты пражской лингвистической школы, в основном исследовавшие материал чешского и русского языков. Высшее

достижение этой школы – книга И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1976], где фактически было предложено исчисление продуктивных типов русских предложений с уже размеченными коммуникативными составляющими и выражающей их просодией. В дальнейшем ту же проблематику разрабатывали Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, Ширяев 1983: 53–83], Е. В. Падучева [Падучева 1985], Т. М. Николаева, С. В. Кодзасов, Т. Е. Янко [Янко 2001; 2001а; 2008]. Многие предлагавшиеся ими решения непосредственно касаются статуса базового порядка слов, перемещений и скрэмблинга.

По И. И. Ковтуновой, подвижный порядок слов в русском языке непосредственно выражает коммуникативную перспективу высказывания [Ковтунова 1976: 9]. Это общее утверждение доказывается следующей процедурой анализа: все производные высказывания выводятся из базовых при помощи небольшого числа правил, одновременно меняющих линейный порядок и коммуникативный статус элементов [Там же: 15]. Правила такого рода были впервые выделены И. И. Ковтуновой [Там же: 146–194]. Е. В. Падучева предложила для них удобный термин «линейно-акцентные преобразования», подразумевающий что русский язык прямо маркирует коммуникативный статус составляющих с помощью фразовой просодии – тональных акцентов. Набор тональных акцентов русского языка был впервые выделен Е. А. Брызгуновой, ср. [Грамматика 1970]. Он остается предметом полемики фонетистов, однако практически доказанным можно считать тот факт, что число синтаксически релевантных фразовых акцентов, т. е. акцентов, регулярно используемых в линейно-акцентных преобразованиях, очень невелико: для русского языка оно не превышает 5–6 [Янко 2008]. Синтаксически релевантные акценты многофункциональны: неправильно думать, будто восходящее движение тона с последующим падением само по себе, в отрыве от типа высказывания, «означает» тему. Однако при наложении структуры высказывания и фразовой просодии выбор соответствующего акцента действительно будет сигнализировать, что его носитель является темой. Поэтому представление о русском языке как о языке с прямым просодическим маркированием коммуникативных составляющих правомерно. Подход И. И. Ковтуновой предполагает преимущественное внимание к устной форме языка, акцентуированным предложениям в контексте их употребления. Реконструкция просодии в письменном тексте возможна в той мере, в которой читатель способен восстановить коммуникативные намерения автора: если текст однозначен и коммуникативные намерения автора поняты правильно, соотношение между коммуникативной перспективой и соответствующей ей фразовой просодией литературного русского языка однозначно [Иванова-Лукьянова 2004: 25]. Этот вывод принципиально важен. Во-первых, он позволяет распространить анализ в терминах линейно-акцентных преобразований на все тексты языков со скрэмблингом, устные и письменные. Во-вторых, он дает право частично экстраполировать данные, полученные путем анализа звучащих текстов русского языка, на материал других славянских языков со скрэмблингом, если они имеют те же самые линейно-акцентные преобразования, что и русский язык. Придадим второй гипотезе более общий вид.

- Если несколько языков имеют одни и те же типы скрэмблинга, линейные порядки со скрэмблингом порождаются в них одними и теми же линейно-акцентными преобразованиями.

Эмпирическое значение данной гипотезы для славистики состоит прежде всего в том, что для большинства славянских языков анализ устных текстов на предмет выявления в них линейно-акцентных преобразований не проводился столь же детально, как на материале русского языка. Кроме того, сами тональные акценты, т. е. двусторонние единицы, связывающие движение тона внутри ударного слога и/или в пределах большего отрезка, включающего ударный слог, с заданным коммуникативным статусом элемента предложения, могут не повторяться буквально в русском и других славянских языках. Выдвинутая гипотеза позволяет обойти эти проблемы, постулируя для линейно-акцентных преобразований, действующих в двух и более языках, некоторые положительные акцентные маркировки тем и рем: коммуникативное значение этих маркировок полагается известным, но их точная фонетическая манифестация должна определяться для каждого языка со скрэмблингом отдельно.

7.4. Линейно-акцентные преобразования, скрэмблинг и перемещения

Понятие линейно-акцентных преобразований (ЛА-преобразований) непосредственно пересекается с понятиями синтаксического перемещения и скрэмблинга. ЛА-преобразования действуют на множестве предложений с общей лексико-синтаксической структурой и набором синтаксических позиций. Множество предложений с общей лексико-синтаксической структурой и разными линейными порядками/акцентной маркировкой составляющих называется коммуникативной парадигмой предложения, *k*-парадигмой [Ковтунова 1976: 35]. Тем самым, ЛА-преобразование является аналогом понятия синтаксического перемещения, за вычетом двух основных моментов: 1) ЛА-преобразование может менять акцентуацию составляющей, не меняя ее места в предложении, а синтаксическое перемещение не может²¹; 2) ЛА-преобразование действует на коммуникативные, а не формально-синтаксические составляющие. Коммуникативные составляющие уместно анализировать как группы: вершиной группы считается элемент, являющийся непосредственным носителем акцента темы (метка *TopicProper*) или ремы (метка *FocusProper*). Запись (17a) дает общую структуру базового предложения, порождаемого без ЛА-преобразований. Запись (17b) демонстрирует конкретный русский пример, соответствующей этой структуре, а запись (17c) показывает тот же пример с уже проставленными вершинными акцентами собственно темы ('↗') и собственно ремы ('↘'): точное значение маркировок '↗' и '↘' для иллюстрации

²¹ В вариантах генеративной грамматики, использующей понятие скрытого перемещения (LF movement), мену акцентуации без изменения линейного порядка можно трактовать как скрытое перемещение.

не важно, но предполагается, что они выбраны по специфическим для конкретного языка правилам.

- (17) рус. а. [_{TopicP} ... [_{TopicProper} A°]]... [_{FocusP} ... [_{FocusProper} B°]].
 б. [_{TopicP} известный [_{TopicProper} славист°]]... [_{FocusP} произнес [блестящий доклад [_{FocusProper} на конгрессе°]]].
 в. [_{TopicP} известный [_{TopicProper} ↗ славист°]]... [_{FocusP} произнес [блестящий доклад [_{FocusProper} на ↘ конгрессе°]]]²².

Границы коммуникативных и формально-синтаксических составляющих могут не совпадать. Более того, границы темы и ремы (тематической и рематической) в исходном и производном (т. е. получаемым посредством ЛА-Преобразовании) предложения тоже могут не совпадать. Тем самым, ЛА-преобразования не являются синонимическими преобразованиями. Например, при ЛА-преобразовании, известном как «Рематизация глагола» (Verb Focalization), глагол, который в исходном предложении является частью рематической составляющей (Focus Phrase, F), но не собственно ремой, при выносе в начало предложения получает акцент собственно ремы (Focus Proper, FP) и становится единственным рематическим элементом производного предложения [Янко 2001].

- (18) рус. а. [_{TopicP} [_{TPProper} ↗ Вася]] [_F обманул [_{FP} ↘ девушку]].
 б. ⇒ <Девушка доверилась Васе> # [_{Focus} [_{FP} ↘ Обманул]_i ₀ Вася t_i ₀ девушку <что уж тут скрывают>].

Такого рода преобразования удобно записать в терминах следов: запись t_i в (18b) указывает на первоначальное место глагола *обманул* в (18a). Для описания ЛА-преобразования, однако, указать только на изменение линейного порядка недостаточно: вторым, столь же важным компонентом ЛА-преобразования «Рематизация глагола» является дезакцентуация, снятие тонального акцента со всех элементов, располагающихся после перемещенного влево рематического глагола. В (18a) элементы *Вася* и *девушку* несут тональные акценты, в то время как в (18b) они безударны, что отражает метка ' ₀ ' перед соответствующим элементом.

Сходство между ЛА-преобразованиями и элементарными линейными перемещениями, которые можно рассматривать, абстрагируясь от их коммуникативной функции, велико. Механизмы обоих типов чувствительны к структуре составляющих и отношению вершина-зависимое. Для всех ЛА-преобразований релевантно отношение между коммуникативными составляющими, их вершинами и зависимыми, но для некоторых ЛА-преобразований, кроме того, важно отношение между

²² С формально-синтаксической точки зрения вершиной Предложной Группы является предлог. Если ПГ выбирается в качестве собственно темы или собственно ремы, вершиной коммуникативной группы следует считать существительное, так как именно оно принимает фразовый акцент.

формально-синтаксической вершиной и ее зависимыми. В славянских языках таково правило сдвига собственно ремы влево (Left Focus Movement). Для Left Focus Movement существенно два момента: 1) носитель релативического акцента перемещается левее своей синтаксической вершины, глагола; 2) при перемещении собственно ремы влево элемент получает усиленный релативический акцент, свидетельствующий о том, что место левее глагола не является для него исконным. Для русского языка усиленный релативический акцент помечается символом ‘\ \ \’, в то время как стандартный релативический акцент в послеглагольной позиции помечается символом ‘\ \’²³. Предложение (19а) является исходным для (19b), где имеет место два элементарных перемещения – постановка ИГ [*своему мужу*] перед глаголом *родила* и вынос собственно ремы [_{FR} \ \ *мальчика*] левее глагольной вершины, в начало глагольной группы. Структура этого примера раскрыта в записи (19b’)

(19) рус. а. [_T / *Катя*] [_F *родила*^o *своему мужу* [_{FR} \ \ *мальчика*]].

b. ⇒ [_T / *Катя*] [_F [_{FR} \ \ \ *мальчика*]_j [*своему мужу*]_i *родила*^o *t_j t_i*].

(19b’) [_T / NP] [_F [_{FR} CLAUSAL LEFT FOCUS \ \ \ NP]_j [NP]_i v^o RIGHT FOCUS \ *t_j t_i*].

В русском языке ЛА-преобразование Left Focus Movement является фактором, способствующим скрэмблингу, поскольку носитель релативического акцента при перемещении влево может занимать разные позиции. Так, в (20) [_{FR} \ \ *мальчика*] попадает в начало предложения, минуя на своем пути подлежащее *Катя*. Главное отличие вариантов (19b) и (20с) в терминах ЛА-преобразований состоит в том, что в первом случае подлежащее *Катя* сохраняет акцент темы ‘/’, а во втором случае, когда подлежащее производного предложения оказывается правее вынесенной в начало предложения ремы, подлежащее атонируется²⁴.

(20) рус. [_{FR} \ \ \ *Мальчика*]_j *Катя* [*своему мужу*]_i *родила t_j t_i*.

(20’) [_F [_{FR} CLAUSAL LEFT FOCUS \ \ \ NP]_j NP [_F [NP]_i v^o RIGHT FOCUS \ *t_j t_i*].

Left Focus Movement, т. е. сдвиг собственно ремы влево – рекурсивный механизм, который действует не только по длине всего предложения, но в пределах группы предложения. Не исключено, что часть разобранных выше примеров скрэмблинга с рекурсивным перемещением зависимых левее своих вершин вида

²³ Пометы Акценты ‘\ \’ и ‘\ \ \’ символизируют два типа акцентов с нисходящим тоном на ударном слоге в русском языке. Точная фонетическая интерпретация этих акцентов для целей нашего исследования не важна, тем более, что в других славянских языках просодические маркеры Left Focus Movement могут быть иными.

²⁴ Атонирование элементов в производных предложениях русского языка вытекает из принципа, согласно которому в русских предложениях после акцента собственно ремы не может быть никаких других тональных акцентов, кроме интонационного показателя незавершенности текста [Янко 2001].

$[A^\circ [B^\circ [C^\circ [D^\circ E]]]] \Rightarrow [CDE]_i A^\circ B^\circ t_i \Rightarrow [[DE]_j C^\circ t_j]_i A^\circ B^\circ t_i, [[DE]_j \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i \Rightarrow [[D^\circ]_j] E t_j]_i \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_j]_i t_k B^\circ t_i$ объясняются Left Focus Movement или другими рекурсивными ЛА-преобразованиями.

7.5. Линейно-акцентные преобразования и базовый порядок слов

Вопрос о базовом порядке категорий предложения в концепции ЛА-преобразований не имеет тривиального решения. И. И. Ковтунова и ее последователи не рассматривали порядок слов в отрыве от коммуникативной функции. Имеется постулат о том, что в базовых предложениях группа Темы предшествует группе Ремы и разрывы коммуникативных составляющих отсутствует. Другой постулат утверждает, что стандартное соотношение синтаксической и коммуникативной структуры заключается в том, что подлежащее находится в группе Темы, а сказуемое – в группе Ремы [Ковтунова 1976: 14–15]. Однако эти два постулата модерируются третьим, гласящим, что в *k*-парадигме нейтральным [т. е. базовым. – А. Ц.] вариантом является тот, где вклад линейной и акцентной структуры в семантику предложения минимален [Ковтунова 1976: 149; Янко 2001: 137]. Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, в *k*-парадигме может оказаться более одного нейтрального варианта. Во-вторых, такая процедура определения нейтрального варианта может дать разные результаты для разных конструкций, сосуществующих в одном и том же языке. Так, например, для предложений типа (9), с подлежащим и переходным сказуемым, постулируется два нейтральных порядка – SVO и OSV:

(21a) рус. [_T[_{TR} ↗ Профессор]] [_F посетил [_F нашу [_{FR} ↘ лабораторию]]] ~

(21b) [_T Нашу [_{TR} ↗ лабораторию]] [_F посетил [_{FR} ↘ профессор]]²⁵.

В отличие от Дж. Бейлина [Bailyn 2004], в существенной степени опирающегося на результаты И. И. Ковтуновой, она не выводит порядок OVS из порядка SVO, признавая их равноправными для высказываний с данным составом элементов [Ковтунова 1976: 182]. В примерах типа (10), которые в англоязычной славистике подводятся под рубрику «Локативная инверсия» и анализируются как направленное преобразование $S+V+Adv_{Loc} \Rightarrow Adv_{Loc} +V+ S$, Н. Д. Арутюнова выбирает в качестве нейтрального порядка препозицию локатива (22a), а вариант (22b) с постпозицией локатива и препозицией подлежащего трактует как производный [Арутюнова, Ширяев 1983: 53–68].

(22) рус. а. [_T[_{TR} ↗ В лесу]] [_F родилась [_{FR} ↘ елочка]]

б. [_T[_{TR} ↗ елочка]] [_F родилась [_{FR} ↘ d лесу]].

²⁵ При записи с разметкой коммуникативных составляющих, с бинарным разбиением на группу Темы и группу Ремы, становится очевидным, что в преобразовании (21a)–(21b) глагол *посетил* не меняет акцентуации и остается в составе группы Ремы, в то время как ИГ *Нашу лабораторию*, которая в (21a) была частью ремы, становится темой (21b).

Для переходных русских предложений исходными признаются варианты со средним положением глагола (SVO ~ OVS), а варианты с начальным положением глагола (VSO, VOS) считаются производными. Напротив, для непереходных предложений из двух элементов базовыми признаются предложения с начальным глаголом (VS), поскольку это наиболее частотный порядок для т. н. нерасчлененных высказываний без членения на тему и ремю (thetic sentences). Нерасчлененные высказывания отвечают на вопрос «Что произошло?», «Что случилось?». В русском языке предложения такого типа не имеют акцентно выраженной темы [Ковтунова 1976: 153].

(23) рус. ${}_0$ Цвела [_F [_{FP} ↘ черемуха]], ${}_0$ Светили [_F [_{FP} ↘ звезды]]²⁶.

Подход И. И. Ковтуновой, Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко и прочих лингвистов, признающих неединственность нейтрального (базового) порядка, формализует интуицию о свободном порядке слов, скрэмблинге, как о плане выражения коммуникативных различий. С другой стороны, подход Дж. Бейлина и прочих лингвистов, сохраняющих постулат о едином «гринберговском» базовом порядке категорий предложения SVO, формализует интуицию о выводимости разных линейных порядков и ЛА-вариантов друг из друга. Оба подхода имеют преимущества и минусы, но с нашей точки зрения неправильно оценивать их только в плане верности той или иной научной школе или программной идее. Принципиально важно, позволяет ли данная программа исследования построить полное исчисление порядка слов, т. е. правильно предсказать все разрешенные варианты со скрэмблингом для русского и других славянских языков. Концепция Бейлина, основанная на постулатах Минималистской Грамматики Хомского, этого сделать не позволяет, поскольку она запрещает значительную часть разрешенных в русском языке порядков. Концепция ЛА-преобразований, как кажется, позволяет это сделать, но в существующей форме это проблематично. Ключевым является не столько вопрос о единственности/неединственности исходного порядка, сколько вопрос о упорядоченности множества ЛА-вариантов предложения. По Ковтуновой, Янко и их единомышленникам получается, что все ЛА-варианты, или, по крайней мере, все производные ЛА-варианты, достижимы непосредственно друг из друга. Такое представление неоперационально, если стоит задача оценить варианты со скрэмблингом в терминах «разрешено» vs «запрещено», а не в терминах «нейтральный» vs «экспрессивный вариант». Поэтому представляется необходимым дополнить концепцию ЛА-преобразований постулатом о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого – S+V или, в другой записи, [NP] + [VP]. Кроме того, нужен постулат о том, что в базовом ЛА-варианте и тема, и рема должны маркироваться акцентно²⁷. Это, в

²⁶ Примеры И. И. Ковтуновой, нотация с коммуникативными составляющими и акцентными пометами наша. – А. Ц.

²⁷ Предложений без ремы или с безударной ремой в русском языке не бывает. Крайне сомнительно, чтобы они обнаружили в других славянских языках

частности, позволит считать, что все высказывания типа (30), с порядком VS и безударным подлежащим ($\searrow V \text{ }_0 S$), являются не базовыми, но производными от некоторых предложений с порядком SV и ударным подлежащим ($\nearrow S \searrow V$)²⁸. При соблюдении двух этих условий уже можно предложить полное исчисление множества ЛА-вариантов для русского языка, что сделано в нашей работе [Циммерлинг 2008]. Плюсом такого подхода является то, что для каждого производного ЛА-варианта можно указать его источник: это может быть как базовое предложение в *к*-парадигме, так и другое производное предложение. В общей форме это отношение описывается гипотезой:

- Множество ЛА-вариантов в языке со скрэмблингом имеет древесную структуру: имеется корень дерева (базовое предложение) и направленные переходы из узла в узел (базовое предложение \Rightarrow производное предложение_к \Rightarrow производное предложение₁ \Rightarrow ... производное предложение_п). Замыканий, т. е. возврата в пройденный узел, нет.

В рамках данного обзора нельзя доказать, оптимален такой подход или нет, однако мы вправе констатировать, что ЛА-преобразования в славянских языках могут быть описаны на тех же принципах, что и скрэмблинг категорий предложения. Рассмотрим опыт применения нашего подхода к русскому языку.

Современный русский язык оставляет говорящему богатые возможности расположить элементы предложения в разном порядке и выбрать слово-носитель главного фразового акцента [Ковтунова 1976: 6–10; Иванова-Лукиянова 2004: 16–17]. Это особенно заметно при сопоставлении с такими языками, как немецкий, английский или датский, где многие линейные порядки исключены из-за нормативных запретов, а выбор носителя акцента в группах типа прилагательное + существительное или глагол + дополнение предопределяется структурой самой фразы, т. е. локально. Возникает соблазн заключить, что в языках типа русского порядок слов и размещение фразового акцента целиком зависят от произвола говорящего, т. е., в терминах данной статьи, определяются глобальными правилами в отсутствие локальных. При этом, однако, остается загадкой, как носители русского языка общаются, дешифруя намерения друг друга: если же за комбинаторикой линейных порядков и интонационных схем не стоит коммуникативно значимой информации, непонятно, зачем язык допускает это многообразие.

Мы полагаем, что естественный язык не может функционировать подобным образом, и что локальные правила размещения фразового акцента и порядка слов

²⁸ Минусом такого решения является то, что предложения типа рус. \nearrow Черемуха \searrow цвела, \nearrow Звезды \searrow светили и т. п. менее частотны и требуют особого контекста, в то время как нерасчлененные варианты типа рус. $_0$ Цвела \searrow черемуха, $_0$ Светили \searrow звезды более частотны и естественны для высказывания с данным составом лексем. Однако синтаксическая теория не должна при решении вопроса о производности/непроизводности предложения опираться на частотность употребления грамматически правильных комбинаций и на лексическую семантику слов, в них встречающихся.

существуют, несмотря на то что (или благодаря тому что. – *А. Ц.*) они слабо рефлектируются говорящими. Ориентиром для нас будет комбинаторная модель фразовой просодии, опирающаяся на книгу И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1976] и разработанная в трудах Н. Д. Светозаровой, С. Д. Кодзасова и Т. Е. Янко [Светозарова 1993; Кодзасов 1996; 1996а; Янко 1991; 2001; 2007]. Возьмем за основу перцептивный, а не экспериментально-фонетический подход к интонационным явлениям и примем без доказательств, что носители русского языка способны однозначно определить место акцента в любой фразе: в противном случае нам пришлось бы исследовать фонетические механизмы, стоящие за фразовыми акцентами, и, в частности, решать вопрос, можно ли описывать их локально, выявляя уникальные черты ударного слога/слова и абстрагируясь от окружения, ср. подход Дж. Пьерхамберта [Pierrehumbert 1980], или же необходимо прибегать к глобальным правилам приписывания акцентов и просматривать всю просодическую область, на чем основан подход Н. Грённума [Grønnum 1992: 48–50]. Примем также без доказательства, что просодически значимые фразовые акценты в русском языке всегда имеют тональный компонент, независимо от наличия других составляющих (амплитуды, специальных гортанных настроек и т. д.). Для процедуры определения слова-акцентоносителя сделанное допущение о (преимущественно) тональном характере русского ударения избыточно, но оно полезно на дальнейшей стадии анализа, если исследуются трансформационные отношения, связывающие между собой предложения с уже приписанными фразовыми акцентами.

В наиболее детализованной форме алгоритм выбора акцентоносителя описан в [Янко 2007]. Согласно Т. Е. Янко, в русском языке, если не действуют возмущающие факторы, о которых ниже, соблюдается иерархия акцентоносителей, зеркально отражающая иерархию членов предложения. Чем ниже грамматический статус актанта многоместного предиката, тем выше вероятность, что именно этот актант получит фразовый акцент²⁹:

²⁹ Выведенная Т. Е. Янко формулировка алгоритма учитывает 9 факторов: (а) синтаксическая структура (NP, VP, S, две или более группы); (b) активация (имя референта, названного в предтексте, исключается из списка претендентов на роль акцентоносителя ремы); (с) актанта структура предиката; (d) набор сирконстантов; (е) синтаксическая структура в терминах членов предложения; (g) структурная схема предложения; (h) идиоматичность заполнения валентностей; (i) активность актантов; (j) внутренняя структура именных, глагольных и некусных групп, которые могут представлять собой атрибутивные и сочиненные группы и в которых действуют внутренние правила выбора акцентоносителя [Янко 2007]. Но такое количество факторов нужно только в том случае, если синтаксический анализ производится одновременно с выбором акцентоносителя. Если же модуль, отвечающий за расстановку акцентоносителя, получает на входе уже готовую синтаксическую структуру, факторы (а), (с-г), (i-j) удобно рассматривать вместе. Фактор (h) – идиоматичность актантов – возможно задать в словаре, в зоне «модель управления предиката». Проблемным выглядит только фактор (b) – активированности/неактивированности референта в предтексте, так как он, в отличие от всех предыдущих, требует обращения к контексту шире отдельного предложения.

- (i) *Предикат (P) > сирконстанты (C) > -актанты (A)*, в порядке, заданном актантной структурой предиката (- A1, A2, A3...A_n).

Тестом для проверки служат предложения с т. н. неингерентной темой, где ни один из элементов не выделяется семантически:

(24а) рус. <Что случилось? Чем ты так взволнован?> Вася Марго \ МАНТО подарил³⁰.

(24б) рус. <Что случилось? Чем ты так взволнован?> Вася \ \ МАНТО Марго подарил.

Иерархия (i) полезна тем, что позволяет проверить грамматический статус выражения как актанта/сирконстанта, прямого/косвенного дополнения там, где это интуитивно неочевидно. Примеры (24аб) показывают, в частности, что у русских глаголов класса «давать», «дарить», именно актант в дат. п., имеющий семантику адресата действия, следует считать прямым дополнением, т. е. акцентным приоритетом обладает не он, а актант в вин. п., с семантикой пациенса, см. обсуждение в [Циммерлинг 2007].

Высказывания (24в) и (24г), где носителем фразового акцента будет дополнение в дат. п., возможны, но они, в отличие от (24аб), не нейтральны семантически, и выделенный элемент в них получает значение контрастной ремы:

(24в) рус. Вася манто \ МАРГО подарил.

(24г) рус. Вася \ \ МАРГО манто подарил.

Варианты (24вг) будут оправданы либо в ситуации, где говорящий подчеркивает, что подарил манто именно X-у, а не Y-у, либо в ситуации, где о манто уже шла речь. Последний случай подпадает под правило, которое Т. Е. Янко интерпретирует как часть базового алгоритма расстановки фразового акцента.

- (ii) актант исключается из списка кандидатов, если его референт уже активирован в дискурсе.

По нашему мнению, (ii) можно задать и как контрправило к (i), и как частный случай последнего. В любом случае, (ii) заставляет лингвистический процессор просматривать фрагмент больше элементарного предложения, в то время как для других пунктов алгоритма Янко этого можно избежать. Если разрешить алгоритму

³⁰ Здесь и далее маркировки тональных акцентов записываются слева от словоформы. Запись ‘\’ символизирует нисходящий акцент ИК-1, который в повествовательном предложении маркирует Рему. Запись ‘ı’ символизирует восходящий акцент ИК-3, который в повествовательном предложении маркирует Тему. Запись ‘\ \’ символизирует нисходящий акцент, сопровождающийся динамическим усилением (ИК-2): в повествовательном предложении данный акцент маркирует эмфатическую Рему. Запись ‘₀X’ символизирует отсутствие тонального акцента, что отражает понижение статуса элемента в коммуникативной иерархии. О прочих акцентных маркировках см. выше в тексте.

Янко просматривать/конструировать левый контекст в парах предложений (не обязательно смежных в тексте), размещение акцента на глаголе в примере (25) можно будет предсказать.

(25) рус. <Вася утром ходил к врачу>... \ Осмотрел ₀врач ₀Васю и <не нашел у него плеврита>.

Если (ii) не считается составной частью (i), (i) будет локальным правилом. Если же (ii) считать составной частью (i), то статус (i) зависит от того, разрешим ли мы алгоритму Янко просматривать фрагменты текста больше одного предложения. Других препятствий для определения акцентной иерархии (i) как локального правила нет: она автоматически реализуется как в предложениях с неингерентной темой, так и в предложениях с внешне выраженной темой. Точно так же, для локуса акцента нерелевантно, является ли он нисходящим (запись ‘\’, ‘\ \’, как в (24аб) и (25), или же восходящим (‘/’), как в вопросительных предложениях (26аб) и (27).

(26а) рус. <Что случилось? Чем ты так взволнован?> Вася Марго / МАНТО подарил?

(26б) рус. <Что случилось? Чем ты так взволнован?> Вася / МАНТО Марго подарил?

(27) рус. <Вася утром ходил к врачу>... / Осмотрел ₀врач ₀Васю?

На базовое локальное/квазилокальное₂ правило выбора акцентоносителя в русском языке наслаиваются два контрправила, нарушающие иерархию (i). Одно из них, впервые описанное Н. Д. Светозаровой, состоит в том, что в некоторых речевых ситуациях или мини-жанрах текста (ср. обращение, перечисление, зачитывание объявления) акцент смещается на край атрибутивной или сочиненной составляющей (обычно – на левый край). Тем же можно объяснить контраст между предложениями (28) и (29), произнесенными одним и тем же информантом.

(28) рус. Мою подругу зовут Полина \ Игоревна. (базовое правило).

(29) рус. \ Полина Игоревна, ну как же так! (обращение с упреком).

Правило, заставляющее смещать акцент на левый край составляющей в примере (29), носит глобальный характер, его нельзя задать как локальное: говорящий/лингвистический процессор должен уметь распознать, что пример (29) произнесен в контексте обращения с упреком.

Второе контрправило, несводимое к (i), описано в [Янко 2007]. Оно состоит в том, что при некоторых маркированных иллокутивных актах (настойчивые просьбы, заискивающие просьбы, мечты, воспоминания, недоумения, идентификация), акцент внутри составляющей смещается. Ср. контраст между (30) и (31).

(30) рус. Дайте мне [бланки на \ визу] (нейтральная просьба посетителя, соблюдающего дистанцию с адресатом).

(31) рус. Мне бы [\ бланки на визу] (говорящий заискивает перед адресатом).

С утверждением (32а), где содержится утверждение о незнании некоторого положения дел, контрастируют примеры (32бв), где говорящий выражает свои эмоции.

(32а) рус. Не знаю, [куда запропалились мои очки]. (нейтральное утверждение о незнании р).

(32б) рус. Не знаю, [→куда-а запропалились мои очки]. (выражение эмоций).

(32в) рус. [→Куда-а мои очки запропалились? (то же)]³¹.

Глобальные контрправила, связанные со смещением акцентоносителя на край составляющей или с действием особых иллокутивных сил, изучены в деталях хуже, чем базовые правила (i-ii), хотя отклонения от стандартного принципа размещения фразового акцента бросаются в глаза: некоторые фонетисты даже говорят в этой связи о новых тенденциях в развитии русской разговорной речи [Светозарова 1993: 197]. По нашему мнению, здесь нет парадокса, так как для точного описания упомянутых контрправил требуется сопоставление с базовым правилом, которое осознается говорящими слабо. Это тоже не кажется нам парадоксальным. Главная причина именно в высокой степени формализации базового правила: как указано выше, иерархия (i) зеркально отображает грамматическую иерархию ИГ, изучение которой нельзя отнести к главным достижениям академической русистики³². Немаловажно и то, что локальное правило (i), как и его расширение, квазилокальное₂ правило (ii), не действует изолированно: в соответствии с предсказаниями, сделанными в первой части статьи, на него наслаиваются глобальные контрправила, нарушающие стройность исходного распределения.

Примем без доказательства тезис о том, что основным средством выражения актуального членения в русском языке являются порядок слов и интонация, точнее – комбинации линейных порядков с комбинацией фразовых акцентов [Ковтунова 1976: 8–10]. В таком случае, для того, чтобы создать требуемое исчисление, нам нужны три вещи: а) модуль, строящий дерево предложения³³; б) алгоритм выбора акцентоносителя в составляющих (мы уже знаем, что для русского языка он задается локальным правилом (i); в) тональный алфавит, т. е. список релевантных тональных акцентов. Последние названы в работах Г. Н. Ивановой-Лукияновой и О. Йокоямы «интонемами» или «тонемами» [Иванова-Лукиянова 2004: 6–13; Yokoyama 2001: 4] и анализируются как двусторонние сущности,

³¹ Примеры Т. Е. Янко.

³² В русистике со времен А. М. Пешковского существует традиция сводить понятие дополнения к предположительно более ясным понятиям «управляемого второстепенного члена» и «переходности» [Пешковский 1938: 267–269]. В русле этой же традиции написана последняя академическая грамматика русского языка, где понятие «дополнение» не упомянуто вовсе: в предметном указателе к тому «Синтаксис», а также в названиях разделов этого тома данный термин не встретился ни разу [Грамматика 1980, II: 663–709].

³³ Является ли оно линейно упорядоченным заранее, или нет, не влияет на дальнейшие рассуждения.

т. е. интонационные контуры, соотнесенные с некоторым характерным для них коммуникативным содержанием, ср. [Николаева 1982]. Из семи интонационных контуров, выделяемых в русском языке Е. А. Брызгуновой [Грамматика 1980, I: 97–122] и ее последователями, синтаксически релевантны, по нашему убеждению, четыре: ИК-1, ИК-2, ИК-3 и ИК-6. Прочие – ИК-4, ИК-5 и ИК-7 – принадлежат «акцентному словарю», а не «акцентной грамматике», так как они соотнесены со специальными типами речевых актов и не задействованы в преобразованиях порядка слов. Синтаксически релевантные акценты отличаются от прочих русских «тоном» еще тем, что у каждого из них обнаруживается ровно две разных коммуникативных функции, в зависимости от того, в высказывании какого типа они представлены: ИК-1 и ИК-2 в повествовательном предложении маркируют ремю, а в вопросах – несобственно вопросительный компонент³⁴, ИК-3 в повествовательном предложении является маркером ремы, а в вопросах – маркером вопросительного компонента, ИК-6 может маркировать как элемент со статусом акцентно ослабленной ремы, так и актант со статусом дислоцированного компонента ремы. Ничего подобного в употреблении «словарных» тоном ИК-4, ИК-5 и ИК-7 не прослеживается. Поскольку мы трактуем русские ИК как двусторонние знаки, а не просто как контурные просодии, мы отвергаем тезис о существовании каких-либо промежуточных форм вроде *ИК¹⁻⁴, *ИК¹⁻², *ИК²⁻³ и т. п.³⁵ Промежуточных форм между ИК-1 и ИК-4, ИК-2 и ИК-3 ни в нашем формализме, ни, как мы полагаем, в системе русского языка, быть не может, поскольку соответствующие интонационные контуры выражают разное коммуникативное содержание. Что касается двух синтаксически релевантных и с х о д я щ и х акцентов, ИК-1 и ИК-2, то они соотносятся между собой как нейтральный vs усиленный варианты акцента ремы/несобственно вопросительного компонента, противопоставление их поддерживается регулярными линейно-акцентными преобразованиями. Все исследователи признают, что ИК-2 характеризуется повышением интенсивности (динамическим акцентом в терминах С. В. Кодзасова) на ударном слоге, но мы хотели бы подчеркнуть и наличие тональной составляющей, а именно, опережающего движения тона (р а н н е г о

³⁴ 'Несобственно вопросительный компонент' (= 'неконституирующий компонент вопроса') – составляющая, не являющаяся носителем иллокутивного значения вопроса и получающая положительную акцентную маркировку, отличную от акцентной маркировки вопросительного компонента [Янко 2001: 50]. Так, в вопросе *Статью «Вася ↗ вчера одал?»* собственно вопросительный компонент *Вася* маркируется восходящим акцентом '↗', а несобственно вопросительный компонент *статью* маркируется нисходящим акцентом '↘'.

³⁵ Ср. утверждение о наличии гибридных форм ИК в [Иванова-Лукиянова 2004: 10]. Явно ошибочно утверждение О. Йокоямы, будто у ИК-1 «есть аллофон с легким подъемом на заударных слогах», т. е. ИК-4 [Yokoama 2001: 4]. В действительности, отдельные носители русского языка м о г у т п р о и з н е с т и ИК-4 в позиции, где нормативной интонацией является ИК-1, ср. рус. *Мне это ↘ ↗ известно* вместо рус. *Мне это ↘ известно*, но отсюда не еще следует, что даже в некодифицированной речи тех лиц, которые позволяют себе такую замену, ИК-1 и ИК-4 смешиваются.

т а й м и н г а) при ИК-1 сравнительно с ИК-2. Сходным образом, два синтаксически релевантных восходящих акцента, ИК-3 и ИК-6, фонетически отличаются не только наличием/отсутствием спада на ударных и разной амплитудой подъема на ударном слоге, но и разным таймингом – п о з д н и м для ИК-6 и ранним для ИК-3.

Интонационный Контур	Символическая запись	Автосегментная транскрипция	Коммуникативные Функции
ИК-3	↗	LN*L- (восходящий акцент с ранним таймингом)	1) Тема. 2) Вопросительный компонент вопроса.
ИК-6	↗↘	L*NN- (восходящий акцент с поздним таймингом)	1) 2-я, Акцентно подавленная тема. 2) Левый компонент дислоцированной ремы.
ИК-1	↘	NL*L- (нисходящий акцент с ранним таймингом)	1) Рема. 2) Невопросительный компонент вопроса.
ИК-2	↘↘	N*LL- (нисходящий акцент с поздним таймингом)	1) Рема 2) Невопросительный компонент вопроса.

РИС. 4. Инвентарь релевантных тональных акцентов для ЛА-преобразований в русском языке

Вторая колонка таблицы содержит символическую акцентную маркировку, которая в настоящей статье записывается не справа (как у ряда наших предшественников), а слева от слова-акцентоносителя. Для того чтобы построить исчисление линейно акцентных преобразований, к приведенному списку необходимо добавить еще одну маркировку, которой не соответствует фонологически значимая контурная просодия. Данная маркировка записывается в виде нижнего индекса '0' слева от коммуникативной составляющей, которая понижается в коммуникативной иерархии в ходе линейно-акцентных преобразований и атонируется: ср. ↗ Дед посадил ↘репку. ⇒ ↗Посадил₀ дед ↘репку.

Интонационный Контур	Символическая запись	Автосегментная транскрипция	Коммуникативные Функции	Аллофоны
–	₀ X	– (ровный тон/отсутствие акцента)	Снятый фонологический акцент	–

РИС. 5. Дополнительная акцентная маркировка для атонируемых элементов

Поскольку мы предлагаем не просодическую транскрипцию как таковую, а набор маркировок для регулярных синтаксически значимых преобразований, влияющих на акцентуацию составляющих, представляется неправильным включать в него избыточную для синтаксического процессора информацию о просодии фразы, например, сведения об уровне входящего тона (*entering tone*), амплитуде и глубине падения на заударных, наличии гортанной смычки или преаспирации и т. д.³⁶

Линейные комбинации синтаксически релевантных акцентных маркировок несут в себе информацию, достаточную если не для реконструкции всей структуры составляющих, то для установления векторных связей между парами или *n*-ками предложений с общей лексико-синтаксической структурой, т. е. набором синтаксических позиций (*same numeration*) и их лексическим наполнением. В работе И. И. Ковтуновой множество ЛА-акцентных преобразований было названо *K* (оммуникативной)-парадигмой предложения [Ковтунова 1976: 34–58].

Определение

- Линейно-акцентные преобразования (ЛА-преобразования) определяются как трансформационные правила, одновременно меняющие порядок слов и акцентуацию минимум одной коммуникативной составляющей во фразе.

ЛА-преобразования не создают новых синтаксических позиций. Инвариантом ЛА-преобразований является лексико-синтаксическая структура предложения, остающаяся неизменной. ЛА-преобразования, в отличие первоначальных представлений об их природе в [Падучева 1984]), являются не синонимическими в том плане, что они способны менять границы коммуникативных составляющих.

- Смена акцентной маркировки с $\nearrow X \sim \searrow X \sim \searrow \searrow X$ на $\circ X$ трактуется как преобразование.

ЛА-преобразования являются КЗ-правилами. Возможность представить их в виде Мягко-Контекстно-Зависимых (*Mildly Context-Sensitive*) зависит от избранного формализма и от состава правил в конкретном языке. Модель ЛА-преобразований была впервые формализована Е. В. Падучевой [Падучева 1984], ср. [Падучева 2008: 107–119] и детально исследована применительно к русскому языку в [Янко 2001: 117–229]. Опыт применения аппарата ЛА-преобразований к другим языкам см. в [Циммерлинг 2002: 190–208; 353–367]. В [Zimmerling 2007; 2008] сделана попытка совместить идею ЛА-преобразований с моделью формально-синтаксического перемещения (*Movement*).

Как и наши предшественники, мы выделяем на множестве ЛА-преобразований предложения исходный нейтральный член, у которого вклад коммуникативной

³⁶ Все эти параметры, разумеется, важны для анализа языкового сигнала как такового и правомерно учитываются в современных работах по просодии фразы, ср. труды С. Оде и С. В. Кодзасова [Кодзасов 1996; Оде 1995; Оде 2003].

структуры в семантическую минимален³⁷. Исходный вариант множества ЛА-преобразований повествовательного предложения имеет бинарную структуру (iii).

- (iii) Topic + Focus (тема целиком предшествует реме, разрывы коммуникативных составляющих отсутствуют³⁸).

И. И. Ковтунова, Е. В. Падучева, Т. Е. Янко исходят из того, что коммуникативное и формально-синтаксическое членение фразы автономны друг от друга, и что сказуемое или его часть не всегда являются ремой. Это положение безусловно верно (и даже тривиально) в качестве общетеоретического постулата, но отсюда не следует, что оно оправдывает себя при формализации ЛА-преобразований. Главными минусами такого подхода является то, что у многих предложений в языках со свободным порядком слов будет более одного исходного ЛА-варианта, ср. уже приводившиеся примеры (33а) и (33б)

(33а) рус. [_TПрофессор [_FИванов]] [_Fв июне посетил [_Tнашу \ лабораторию]].

(33б) рус. [_TНашу [_Fлабораторию]] [_Fв июне посетил [_Tпрофессор \ Иванов]].

Кроме того, если не вводить постулат о базовом порядке слов и не выбирать исходный ЛА-вариант по тому или иному формальному критерию, все ЛА-варианты могут оказаться непосредственно выводимы друг из друга, что явно неприемлемо. Если же добавить такой постулат и выводить (32б) из (32а) или наоборот, есть надежда, что алгоритм линеаризации будет работать эффективно, а множество ЛА-преобразований одного предложения удастся представить в виде конечной цепочки без замыканий и возвращений в исходную точку, т. е. в виде (несинтаксического) дерева.

Дополнительные плюсы привязки коммуникативной структуры к субъектно-предикатному членению в исходной последовательности видятся нам в том, что при таком подходе можно применять модель синтаксических перемещений и разграничить активно передвигающиеся элементы и сопутствующие изменения линейного порядка и акцентуации, которые в теории формальных грамматик могут быть сведены к рубрике «остаточное перемещение» (Remnant Movement)³⁹. Так, в производном предложении рус. \rightarrow Посади₁ ₀дед₁ ₁\ пенку активно перемещающимся элементом следует считать глагол *посади*, который смещается в начало фразы и получает положительную акцентную маркировку ' \rightarrow ', сообразно изменению своего коммуникативного статуса по сравнению с исходным предложением: \rightarrow X / \rightarrow X'. Напротив, атонирование ИГ *дед*, которая попадает в поствербальную позицию в силу перемещения глагола влево, в начало предложения, интерпретируется нами как сопутствующее остаточное перемещение: \rightarrow X / \rightarrow X.

³⁷ Та же идея используется в [Янко 2001: 137].

³⁸ Данное положение традиционно, см. [Ковтунова 1976: 15].

³⁹ В древо-присоединяющих грамматиках Remnant Movement понимается как перемещение (под)дерева, в составе которого уже произошло перемещение. Remnant Movement описывается Мягко-контекстно-зависимыми языками [Stabler 1999; Gärtner, Michaelis 2007]).

Мы принимаем критерий (iv), по которому в базовом ЛА-варианте коммуникативное членение должно гармонизироваться с бинарным членением на подлежащее⁴⁰ и сказуемое.

- (iv) В базовом ЛА-варианте повествовательного предложения границы тематической составляющей и группы подлежащего совпадают. Группа сказуемого в базовом ЛА-варианте всегда рематична, в ее составе выделяется синтаксическая группа носителя рематического акцента (Focus Proper) и переходная зона между собственно темой и носителем рематического акцента (Transition).

	<u>TOPIC</u>	<u>FOCUS</u>	
<u>COMMUNICATIVE STRUCTURE</u>	<u>TOPIC PROPER</u>	<u>TRANSITION</u>	<u>FOCUS PROPER</u>
<u>SYNTACTIC STRUCTURE</u>	<u>GRAMMATICAL SUBJECT</u>		<u>GRAMMATICAL PREDICATE</u>
	<u>EXTERNAL ARGUMENT</u>	<u>VERBAL HEAD</u>	COMPLEMENTS (INTERNAL ARGUMENTS & ADJUNCTS)

РИС. 6. Прототипическое соотношение коммуникативной и синтаксической структуры для глагола с внутренними фразовыми зависимыми

При необходимости установить не тернарное, а бинарное коммуникативное членение переходная зона (Transition) учитывается в составе ремы, а не темы⁴¹. В отличие от отечественных русистов мы анализируем носитель главного акцента (Focus Proper) не как отдельную словоформу-акцентоноситель, но как группу, которая целиком подвергается перемещениям и прочим синтаксическим операциям. В отличие от подхода в [Янко 2001: 180, 198] мы отказываемся интерпретировать атонирование, т. е. помещение составляющих, не являющихся клитиками, в слабую фразовую позицию, как движущий фактор, создающий те или иные синтаксические конфигурации, и видим в атонировании сопутствующий феномен (Remnant Movement), вызванный перемещением других элементов. В этой связи мы принимаем постулат (v):

- (v) В ЛА-преобразованиях русского языка возможно выделить основное (Active Movement) и сопутствующее (Remnant Movement) преобразование. Основное

⁴⁰ В первом приближении можно ограничиться случаями со стандартным ненулевым подлежащим в им. п. Нулевые подлежащие и случаи эллипсиса подлежащего в данном контексте следует безусловно исключить из рассмотрения, а статус т. н. косвенных подлежащих в дат. п/вин. п. в рамках ЛА-преобразований требует дополнительной проверки.

⁴¹ В исходном ЛА-варианте коммуникативно переходный элемент (Transition) в русском языке по определению имеет нулевую акцентную маркировку, однако он может перемещаться в конечные позиции с положительной маркировкой. Для других языков, где глаголы и связки не атонируются автоматически, требуется иное описание.

преобразование связано с перемещением коммуникативных составляющих в конечные позиции, где они получают положительную акцентную маркировку ('↗X', или '↘X', или '↘↘X', или '↗X'). Преобразования, при которых составляющие попадают в конечные позиции с нулевой акцентной маркировкой $_0X$, всегда являются сопутствующими. Возможны также сопутствующие преобразования, при которых составляющие попадают в конечные позиции, где они получают положительную акцентную маркировку.

Для облегчения выбора исходного ЛА-варианта необходимо принять еще два постулата, идущие вразрез с практикой лингвистического описания.

- (vi) ЛА-варианты повествовательных предложений, предполагающие коммуникативную расчлененность на тему и ремю, обладают приоритетом над коммуникативно нерасчлененными (thetic) предложениями. Последние в формальном плане всегда являются производными от первых, но не наоборот⁴².
- (vii) ЛА-варианты повествовательных предложений, где некоторая составляющая имеет положительную акцентную маркировку, при прочих равных условиях обладают приоритетом над ЛА-вариантами, где та же составляющая имеет нулевую маркировку⁴³.

Минусом постулатов (vi) и (vii) является то, что они в некоторых случаях автоматически вынуждают признать в качестве исходных такие ЛА-варианты, которые являются более редкими и менее естественными, чем ЛА-варианты, сигнализирующие коммуникативно нерасчлененные значения, ср. (34а) и (34бв), (35а) и (35б).

(34а) рус. [[_T↗Весна] [_F ↘пришла]] ⇒ (34б) [_F _t ₀Пришла [_F ↘весна]] ⇒ (34в) [_F _t [_F ↘↘весна] ₀пришла [_F ↘_t]].

(35а) рус. [[_T↗ Скамейки] [_F ↘установят]]. (ответ чиновника на запрос о скамейках)

⁴² Ср. например, теории Т. Л. Кинг и М. Бабёнышев: оба автора полагают, что нейтральным порядком слов (unmarked word order) является, такой, где нет ни «топикализации», ни «фокализации» (no Topic and Focus Movement takes place), что возможно лишь в «дискурсивно-нейтральных» высказываниях (discourse-neutral sentences), отвечающих на вопрос «что случилось» [King 1995; Babyonyshev 1996: 18]. При этом Т. Л. Кинг постулирует для русского языка базовый порядок #VSO, так как якобы только такие высказывания могут быть коммуникативно нерасчлененными; порядки SVO, OVS она признает коммуникативно расчлененными, возникающими в результате перемещения в предфинитную позицию элементов со статусом темы либо ремы. Такое описание идейно, но неправильно: в русском языке коммуникативная нерасчлененность может быть соотнесена как с порядком VS, так и с порядком SV. М. Бабёнышев исходит из того, что предфинитная позиция в русском языке всегда должна быть заполнена, причем ровно одной синтаксической категорией (т. н. параметр EPP): эта категория, с известными оговорками, интерпретируется им как 'Подлежащее' (Ibid.: 34–50). Такое описание тоже нельзя считать удовлетворительным.

⁴³ Постулат (vii) равнозначен требованию о том, что положительная акцентная маркировка Тем и Рем является встроенной характеристикой предложения и не может добавляться или меняться ad hoc, в то время как атонирование является результатом ЛА-преобразований.

(35б) рус. [₀Установят [₀ \ скамейки]], <и сквер обретет прежний вид>. (нерасчлененное сообщение о событии *p*).

(35в) рус. [_F t₀ Установят [_F \ скамейки]].

Плюсом избранного формализма является то, что он, как отмечено выше, позволяет задать ориентированный граф из ЛА-вариантов, без замыканий, и не выводить варианты друг из друга в хаотичном порядке. Из записи примеров (34ав) видно, в частности, что (34в) \ \ весна₀ пришла нельзя получить непосредственно из (34а) / Весна \ пришла: вначале нужно инвертировать ИГ весна, переместив ее правее глагола пришла, который в результате данного перемещения подвергается сопутствующему преобразованию – атонируется. И лишь потом можно прибегнуть к ‘обратному’ перемещению – в конечную позицию левее глагольного элемента, где она получает усиленный рематический акцент ‘\ \’ (ИК-2). Этот этап деривации вполне соответствует интуитивному ощущению, поскольку ИК-2 в русском языке регулярно возникает именно при регрессивном перемещении элемента в пределах глагольной группы. Однако интуитивное (не теоретическое) оправдание первичности (34а) / Весна \ пришла по сравнению с (34б) / Пришла_F \ весна, столь легко подыскать не удастся.

Полный список ЛА-преобразований, выделенных нами в русском языке, составляет 7–8 операций⁴⁴. Ограничимся их перечислением и представим символическую запись. Используются четыре основных символа для коммуникативной составляющей – F (Рема), T (Тема) и Tr (Переход), SF (Дислоцированный компонент Ремы); дополнительные символы вводятся, если данное преобразование селективно может реализоваться лишь при строго определенной синтаксической характеристике элемента, см., например, запись Head (Вершина Группы) ниже в п. 7. Знак ‘→’ означает ‘перемещение элемента правее исходной позиции’, знак ‘←’ – ‘перемещение элемента левее исходной позиции’, знак ‘⊥’ – ‘атонирование элемента’. Запись вида ‘X/F →’ читается ‘перемещение элемента X вправо в конечную позицию Ремы’, запись вида ‘← X/T’ читается ‘перемещение элемента X влево в конечную позицию Темы’, запись вида ‘← Tr/T’ читается ‘перемещение элемента из исходной позиции Tr (Переход) влево в конечную позицию Темы’ и т. д. Связка ‘&’ ставится между записью основного и сопутствующего преобразования (ср. X/T & Y/F), выражая детерминистскую связь между ними, в типичном случае – вследствие того, что активно перемещающийся элемент X пересекает на своем пути элемент Y, подвергающийся сопутствующему преобразованию. Таким образом, запись X/F → & ⊥ T, соответствующая ЛА-преобразованию Right Focus Movement, полностью читается так: ‘Продвижение элемента X вправо в конечную позицию Ремы, пересекающего на своем пути узел T, который вследствие этого атонируется’.

⁴⁴ Подробнее см. работы [Zimmerling 2007f; 2008].

	Название	Операция	Основное (активное) перемещение	Сопутствующее изменение
1.	Right Focus Movement	X/F → & ⊥ T	X/F →	⊥ T
2.	Left Focus Movement	↘ F / ↘ ↘ F ← & Tr	↘ F / ↘ ↘ F ←	Tr
3.	Verb Topicalization	Tr/T ← & ⊥ T	Tr/T ←	⊥ T
4.	Dislocation	Tr/SF ← & ⊥ T	Tr/SF ←	⊥ T
5.	Verb Focalization	Tr/F ← & ⊥ T, ⊥ F	Tr/F ←	⊥ T, ⊥ F
6.	Topic-Focus Inversion	F/T ← & T/F →	F/T ←	T/F →
7.	Head Extraction	← Head / F ~ T ~ SF & ⊥ T	← Head / F ~ T ~ SF	⊥ T
8.	Focus Superposition	X/F →, ↘ F / ↘ ↘ F	X/F →, ↘ F / ↘ ↘ F	**

РИС. 7. Линейно-акцентные преобразования в русском языке

Right Focus Movement (Перемещение элемента вправо в позицию конечной ремы).

(36) рус. [_T ↗ Моцарт] [_F [_{FP} ↘ играет]], <a ↗ скрипка ↘ поет> ⇒ [_F t₁ играет [_{FP} ↘ Моцарт]].

См. также примеры (34б) и (35б). В других случаях Right Focus Movement может быть не основным, а сопутствующим перемещением (см. ниже).

Left Focus Movement (Перемещение элемента влево из позиции конечной ремы, в позицию в начале группы сказуемого, предшествующую вершине глагольной группы).

(37) рус. [_F t₁ играет [_F ↘ Моцарт]] ⇒ [_F [_{FP} ↘ ↘ МОЦАРТ]_j t₁ играет t₁].

Left Focus Movement действует только на предложения, которые порождаются при помощи Right Focus Movement. В русском языке это преобразование может применяться циклически, что формально доказывается в [Zimmerling 2008]. Наличие/отсутствие перед группой сказуемого акцентно выраженной темы не играет роли, ср. (38б) и (38в).

(38а) рус. [_T ↗ Катя] [_F родила своему мужу [_{FP} ↘ мальчика]].

(38б) рус. [_T ↗ Катя] [_F [_{FP} ↘ ↘ МАЛЬЧИКА]_j [своему мужу]_i родила t_j t_i].

(38в) рус. [_F [_{FP} ↘ ↘ МАЛЬЧИКА]_j Катя [своему мужу]_i родила t_j t_i].

Verb Topicalization (Перемещение глагола влево в начало фразы в позицию основной Темы).

- (39а) рус. [_T / Вася] [_F хорошо [_{FR} \ объясняет]] ⇒ (39б) # [_T / Объясняет]_i _oВася t_i [_F [_{FR} \ хорошо]].

Dislocation (Дислокация ремы, с перемещением глагола влево в начало фразы в позицию Дислоцированного компонента).

- (40а) рус. [_T / Вася] [_F обманул [_{FR} \ покупателей]] ⇒ (40б) # [_F [_{SR} ↗ Обманул]_i _oВася t_i [_{FR} \ покупателей]] <и радуется>.

Verb Focalization (Перемещение глагола влево в начало фразы в позицию основной Ремы).

От двух предыдущих данное ЛА-преобразование отличается тем, что глагол попадает в позицию основной ремы, а все глагольные актанты атонируются.

- (41а) рус. [_T / Вася] [_F обманул [_{FR} \ девушку]].
 (41б) рус. <Девушка доверилась Васе> # [[_{FR} \ Обманул]_i _oВася t_i _oдевушку <что уж тут скрывать>].

Topic-Focus Inversion (Инверсия темы и ремы).

Данное ЛА-преобразование является одним из важнейших и включает два разнонаправленных перемещения в позиции, где они сохраняют положительную акцентную маркировку. Главной операцией является перемещение бывшей Ремы в позицию начальной Темы (в иных терминах – смена Темы). Выдвижение бывшей Темы в позицию конечной Ремы мы считаем сопутствующим процессом: так как предложение без ремы будет дефектным, выдвижение элементов в оказавшуюся вакантной позицию Ремы (Remnant Right Focus Movement) носит сугубо компенсаторный характер.

- (42) рус. [_T / Моцарт] [_{FR} \ играет]] ⇒ [[_T / играет]_i t_i] [_F [_{FR} \ Моцарт]_i t_i].
 (43) рус. [_T Гуси и [_{TR} / лебеди]] [_F опротивели [_{FR} \ Марусе]] ⇒ [[_T опротивели [_{TR} / Марусе]_i t_i] [_F Гуси и [_{FR} \ лебеди] t_i].
 (44) рус. [_T / Котенок] [_F сидит [_{FR} \ на шкафу]] ⇒ [[_T / на шкафу]_i t_i] [_F сидит [_{FR} \ Котенок] t_i].

Примеры (42–44) сильно отличаются по своей длине и синтаксическому составу. Это не должно затемнять их фундаментальную близость в плане ЛА-преобразования.

Head Extraction (Вынос синтаксической вершины группы и перемещение ее влево, в начало вышестоящей группы)⁴⁵.

⁴⁵ О специфике операции Head Extraction с точки зрения формальной грамматики см. [Stabler 2001].

Данное преобразование изучено пока недостаточно. Известно, что при выносе элемента в состав вышестоящей группы синтаксические вершины обнаруживают большую подвижность, чем зависимые элементы.

(45а) рус. (/) Я₀ тебе [зашила [синюю \ кофточку]].

(45б) рус. # [[\ \ Кофточку]₁ я₀ тебе зашила [t₁ синюю].

(45в) *# [[\ \ Синюю]₁ я₀ тебе зашила [кофточку t₁].

(45г) ?# [[\ \ Синюю]₁ я₀ тебе зашила [кофточку t₁].

При Head Extraction элементы, пересекаемые на своем пути перемещающейся влево вершиной, атонируются, что заставляет считать Head Extraction подлинным ЛА-преобразованием. Вместе с тем, в конечной позиции извлеченная синтаксическая вершина может иметь разные акцентные маркировки и получать разный коммуникативный статус. Возможно, имеет смысл выделять не одно, а несколько видов Head Extraction, аналогично тому, что предложено выше для перемещения глагола в начальную позицию.

Focus superposition (Суперпозиция ремы⁴⁶, порождение структуры, где одновременно имеются начальная и конечная рема).

Данное преобразование невозможно в живой речи – оно используется дикторами при зачитывании письменного текста, а также русскими журналистами, которые научились порождать аномальные письменные тексты, как бы рассчитанные на зачитывание вслух в программе новостей. Ср. пример (46)

(46) рус. [_FСильный [_{FR} \ \ взрыв]] прогремел сегодня в многоквартирном доме
[_Fна севере британской [_{FR} \ \ столицы]].

В формальном плане подобные примеры-монстры представляют собой ошибку деривации, когда автор текста одновременно прибегает к двум взаимоисключающим ЛА-преобразованиям – Right Focus Movement и Left Focus Movement.

7.6. Парадокс инвертируемости

Для славянских языков со скрэмблингом применим предложенный в [Циммерлинг 2002: 350–352] критерий, связывающий локальные правила с глобальными правилами развертывания предложения.

- (i) Язык L имеет *неограниченную инвертируемость* элементов, если он разрешает обращение относительного порядка в любой бинарной группе, состоящей из двух произвольных категорий предложения X и Y (например, прямого дополнения и подлежащего, финитного глагола и инфинитива, инфинитива и подлежащего и т. п.): [X > Y] ⇒ [Y > X].

Как было указано, все славянские языки являются языками с неограниченным скрэмблингом. Повторим определение:

⁴⁶ О термине см. [Янко 2001: 145].

- (ii) Язык L имеет *неограниченный скрэмблинг*, если переставляемые аргументы могут принадлежать разным вершинам:

$$[A_1 + A_2 + A_3 + A_4 \dots v_1^o [v_2^o t_2 [v_3^o t_3] v_4^o t_4] \dots t_1].$$

Хотя этот тезис не был доказан математически, весьма вероятно, что критерии (i) и (ii) слабо эквивалентны в том смысле, что они порождают одно и то же множество правильно построенных выражений языка L . Так или иначе, имеющиеся описания позволяют считать, что все или большинство славянских языков удовлетворяют как (i), так и (ii), и одновременно являются языками с неограниченной инвертируемостью и неограниченным скрэмблингом. Предпосылкой скрэмблинга является наличие разрывных составляющих (см. § 2.1.), а предпосылкой инвертируемости, как будто, является отсутствие грамматикализованных шаблонов развернутых групп (см. § 1.3.).

Парадоксальным образом, языки с неограниченной инвертируемостью могут иметь грамматикализованные ограничения на порядок слов, если позиция той или иной категории предложения определяется по отношению к левому или правому краю предложения (*clausal left or right edge*). Так, древнеисландский язык, который имеет ограничение V2/V1 (финитный глагол стоит не дальше второй позиции от начала независимого повествовательного предложения), демонстрирует неограниченную инвертируемость [Циммерлинг 2002]. То же самое касается современного чешского языка, где сентенциальные клитики занимают второе место от начала предложения [Циммерлинг 2006]. Из этих данных можно извлечь вывод, что наличие грамматических запретов на перемещение какой-то одной категории предложения само по себе не является препятствием для инвертируемости, хотя может сократить область скрэмблинга.

Неясно, распространяются ли те же отношения на языки с двумя и более грамматикализованными ограничениями на место категорий предложения, или нет. Среди славянских языков интерес в этом плане представляет болгарский, где помимо ограничения на место сентенциальных клитик (второе место от начала предложения), имеются еще два ограничения – на место глагола (должен располагаться непосредственно перед клитиками, т. е. в начале предложения, либо непосредственно после клитик, т. е. в третьей позиции от начала предложения) и на место сентенциального отрицания (предшествует цепочке клитик). Болгарский язык имеет меньшее число типов скрэмблинга, в частности, в нем нет параметра *Clitic Climbing* и затруднен перенос элементов из зависимой предикации в главную. Однако полномасштабного изучения скрэмблинга и инвертируемости на болгарском материале пока не проводилось.

7.5. Скрэмблинг и перемещения в Минималистской Программе Хомского

Впервые термин *scrambling*, букв. «перемешивание», был, по-видимому, употреблен в важной работе Дж. Росса [Ross 1967], положившей начало теории синтаксических ограничений, см. обзор К. И. Казенина и Я. Г. Тестельца в [ФНСАЛ

1997: 64–66]. Однако в дальнейшем использование термина «скрэмблинг» в математической лингвистике и в Минималистской Грамматике Хомского разошлись. Для математической лингвистики (теории формальных грамматик), как было показано выше, релевантно различие локального и неограниченного скрэмблинга, т. е. принадлежат ли стоящие в нефиксированном порядке элементы одной либо разным глагольным вершинам. Интуитивно важным следствием применения теории формальных грамматик с оператором скрэмблинга к естественным языкам является обнаружение и осознание того факта, что языки с неограниченным скрэмблингом реально существуют и что в большинстве случаев неограниченный скрэмблинг возникает при извлечении элемента из нижестоящей вложенной группы (embedded clause/phrase) в вышестоящую [Rambow 1994]. К языкам с неограниченным скрэмблингом, вероятно, относятся и все славянские языки, ср. [Kosta 2006; Kosta, Schürcks 2009], хотя для ряда славянских языков этот результат не доказан. Если в основе всех видов скрэмблинга лежит один и тот же механизм, ясно, что скрэмблинг является разновидностью перемещения: иным способом объяснить перенос элемента из одной группы в другую невозможно. Однако среди ученых, работающих в русле Минималистской Программы, такое понимание, как ни странно, не является общепринятым. Так, само название программного сборника 1994 г. серии «Исследования по генеративному синтаксису», посвященного проблеме скрэмблинга, приглашает к дискуссии о том, следует ли описывать скрэмблинг как перемещение, или нет: сторонниками второй точки зрения являются, например Й. Байер и Дж. Корнфилт [Baeyer, Kornfilt 1994]. Разумеется, обсуждать в этом плане имеет смысл только локальный скрэмблинг, однако именно этот случай изначально оказался в центре внимания традиции, начало которой в 1967 г. положила работа Дж. Росса: исторически сложилось так, что первыми синтаксическими ограничениями, которые выделил Дж. Росс, были т. н. островные ограничения (island constraints), которые запрещают извлечение элементов из групп определенного типа, см. [Vogel 2009].

В Минималистской Программе, как известно, принимается соглашение о том, что все полные составляющие изоморфны и состоят из трех компонентов – Вершины (Head), Зависимого (Complement) и располагающегося выше подгруппы [Вершина + Зависимое] узла Спецификатор (Specifier) [X_{sp} Spec [X° + Complement]]. Математический смысл введения позиции Спецификатора (Spec) состоит в том, что эта позиция является основным узлом для перемещений синтаксических категорий (поддеревьев предложения), см. Минималистские грамматики Э. Стейблера, являющиеся строгой математической реализацией идеи Н. Хомского [Stabler 1997]. При этом само передвижение в узел Spec, согласно стандартным представлениям, мотивируется необходимостью проверки синтаксических признаков (feature checking): соответственно, сторонник Хомского или Стейблера признает только те передвижения, которые необходимы для проверки признаков. В ряде работ последних лет, выполненных с позиций т. н. *радикального минимализма* [Kosta, Krivochen 2011], предпринята попытка отказаться от идеи проверки признаков и,

соответственно, от самого представления о перемещении элементов как об одном из главных факторов построения дерева предложения. По-видимому, такой подход технически реализуем за счет принятия большого числа дополнительных универсалистских постулатов, утверждающих, что структура языка и его грамматика, в частности, устроены оптимальным образом, а нереализуемые в конкретном языке конфигурации и линейные порядки оптимальными не являются. Пока что преимущества подхода для изучения сложных механизмов линеаризации в языках со свободным порядком слов неясны, поэтому имеет смысл вернуться к более ранним работам сторонников Минималистской Программы, где понятие перемещения и поиск коммуникативной и формальной мотивации для разных типов перемещений играет существенную роль.

Механизмы расстановки клитик и собственно перемещения клитик обычно отделяют от перемещения стандартных полноударных категорий предложения (α -movement) и обычно объясняют как перемещение вершин (Head movement). Как указано в первой части книги, минус такого анализа состоит в том, что цепочки клитик и клитикоидов, которые в плане синтаксиса сходны с группами, анализируются так же, как одиночные некластеризуемые клитики, т. е. как вершины. Тем самым, при стандартном анализе в рамках Минималистской Программы Н. Хомского, механизмы образования цепочек, Правила Рангов, и операции над цепочками, меняющие их окончательное место в предложении, остаются за пределами собственно синтаксиса.

В работах Д. Лавайна и Р. Фрейдина [Lavine 1998; Lavine, Freidin 2001; Bailyn 2004], посвященных русскому порядку слов (или модели языка со скрэмлиномгом вообще, разбираемого на материале современного русского языка), скрэмлиномгом рассматривается как перемещение. Фактически данные авторы предлагают формализацию концепции И. И. Ковтуновой с существенной поправкой – принимается постулат о базовом порядке слов. При этом структурную мотивацию для перемещения в начальную позицию синтаксической структуры (left periphery) усматривают обычно в необходимости заполнить позицию EPP, предшествующую позиции глагола, а коммуникативную мотивацию для перемещения видят в необходимости выбрать тему высказывания (topicalization), при том что русский язык и другие типологически сходные языки с ‘коротким’ скрэмлиномгом разрешают выносы влево большого числа синтаксических категорий. По мнению Дж. Бейлина, все допускающие вынос влево категории являются с точки зрения структуры предложения языка со скрэмлиномгом ‘эквидистантными’ с собственно грамматическим подлежащим, контролирующим согласовательную форму глагола: поэтому принцип EPP в языках типа русского удовлетворяется большим числом категорий предложения, чем в языках без скрэмлиномга, например, в английском. Такая точка зрения заставляет исследовать вопрос и о передвижении самого подлежащего влево, при этом факты русского языка не дают окончательного ответа, необходимо ли постулировать данное перемещение, оставаясь в рамках Минималистской Программы, см. обсуждение вопроса в [Slioussar 2006]. Однако не постулируя гипотетическое

перемещение подлежащего, с позиций минималистского синтаксиса можно описать еще меньше разрешенных словоупорядков в языке со скрэмблингом, если они не считаются коммуникативно маркированными.

В ряде других работ, ср. [Kosta 2006], скрэмблинг трактуется не как перемещение, а как исконное состояние системы порядка слов, разрешающий две и более линейные позиции для всех или некоторых категорий предложения. С синтаксической точки зрения такой подход представляется нам менее интересным. Poleмика между сторонниками описания скрэмблинга как перемещения и их оппонентами частично объясняется неверием части генеративистов в возможность строгого различения т. н. аргументных и неаргументных позиций (A|A-bar), которое играет существенную роль в концепции скрэмблинга как перемещения [Mahajan 1990; Witkoś 2007]. Однако формализация коммуникативного аспекта скрэмблинга полноударных элементов предложений, как кажется, может быть с большим успехом достигнута именно на последнем пути. Как показала работа [Лютикова 2012], в составе русских именных групп имеет смысл выделять разные типы инверсий, при этом часть их подпадает под определение коммуникативно мотивированных перемещений, или, в иной системе понятий – линейно-акцентных преобразований.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ:
ОТ ОПИСАНИЯ К ОБЪЯСНЕНИЮ**

Глава 8

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКОМ АРЕАЛЕ

8.0. Классификация славянских систем порядка слов

Классификации славянских систем порядка слов предложены в работах [Franks, King, 2000; Zimmerling 2006]. Сопоставление романских и славянских систем порядка слов с клитиками проводится в [Cardinaletti 1999; Циммерлинг 2008; Kosta 2009]. Эти работы написаны с разных методологических позиций; вместе с тем, в них обсуждается значительное число одних и тех же параметров.

8.1. Кластеризуемые клитики в славянских языках

Общепризнано деление славянских систем порядка слов на две группы и, одновременно, два ареала. В одной группе, куда входят все южно- и западнославянские языки, есть грамматикализованные ограничения на употребление кластеризуемых клитик, а среди последних всегда имеются специальные кластеризуемые формы местоимений в косвенном падеже – дат. п., вин. п., иногда – род. п. В другой группе, куда относятся восточнославянские языки – русский, белорусский, украинский – таких грамматикализованных ограничений нет. М. Димитрова-Вулчанова и А. Кардиналетти признают релевантным наличие/отсутствие местоименных кластеризуемых клитик, но правильнее брать в качестве диагностического признака наличие кластеризуемых клитик любых разрядов. Между параметрами «наличие местоименных клитик» и «наличие кластеризуемых клитик» в славянских языках есть прозрачная связь:

- Славянские языки, имеющие специальные формы местоименных клитик, имеют и неместоименные кластеризуемые клитики, а славянские языки, не имеющие местоименных клитик, не имеют кластеризуемых клитик вообще.

Различают сентенциальные клитики, сфера действия и область перемещения которых совпадают с границами предложения, и несентенциальные (групповые) клитики, сфера действия и область перемещения которых ограничена некоторой группой предложения (например, ИГ, ГГ и т. д.). В славянских языках кластеризация клитик обусловлена структурой группы: клитики, упорядочиваемые на уровне предикативных групп (clause level), образуют цепочки, а клитики, относящиеся к уровню непредикативных групп (phrase level), – нет. Этот принцип распространяется и на материальные элементы, которые могут выступать и как сентенциальные, и как групповые клитики. В славянском ареале таковы, прежде всего, местоименные клитики дат. п. Если они употребляются как аргументы предиката, они могут образовать цепочки с местоимениями в вин. п. и прочими кластеризуемыми клитиками. Если же они употребляются в качестве посессивных маркеров в ИГ (что имеет место в болгарском и македонском языках и в древнерусском языке¹), они

¹ См. примеры в [Зализняк 2008: 35].

некластеризуемы. Как отмечено в гл. 3 настоящей книги, корреляция между кластеризуемостью и статусом группы довольно типична. То же соотношение между аргументными и притяжательными клитиками, что и в болгарском, наблюдается в осетинском языке. Здесь местоименная клитика вин. п./род. п. образует цепочки с другими клитиками, если она является аргументом предиката, но некластеризуема на уровне ИГ. В то же время, в аравакском языке варекена, где, как и в болгарском и осетинском, одни и те же местоименные клитики могут выступать и качестве аргументов, и в качестве маркеров притяжательности, кластеризация на уровне ИГ возможна. В вакашских языках маках и дитидахт кластеризация клитик возможна как в ИГ, так и на уровне предложения, причем некоторые клитики, такие как показатель прош. вр., образуют цепочки во второй позиции как в предложении, так и в составе ИГ.

Рассмотрим болгарские примеры (1a-c). В (1a) клитика =*ми* 1 л. дат. п. ед. ч. «мне»/«мой», «моя», «мое» относится к уровню ИГ, в (1b) =*ми* – аргумент глагола *доставяше*. В (1c) клитика =*им* 3 л. мн. ч. является аргументом предиката *ясно* и образует цепочку со связочной клитикой 3 л. =*e*.

- (1) болг. а. Естественно, [_{NP} основната=*ми* задача] *бе* добре да =*се* *натренирам*.
 ‘Конечно, [_{NP} *моя* основная задача] была хорошо потренироваться’.
 букв. ‘конечно, [_{NP} основная=*мне* задача] *была* хорошо да=ся *потренирую*’.
- б. Затова пък *играех* интересно и [_{TP} играта=*ми* *доставяше* удоволствие].
 «Зато, с другой стороны, я *играл* интересно, и [_{TP} игра=*мне* *доставляла* удовольствие]».
- с. [_{NP} На хората в шаха]_i = *им*_i = *e* *ясно* кой кандидат с какво може да *допринесе*.
 ‘Людям в шахматах ясно, кто из кандидатов что может привнести’
 букв. «[_{NP} людям в шахматах]_i = *им*_i = *есть* *ясно*, который кандидат что может да привнесет».

В примере (1a) клитика =*ми* присоединяется к опр. форме прилагательного *основната*. С технической точки зрения показатель определенности =*та* – клитика, так как он присоединяется к первому ударному слову ИГ: *основна-та задача* ~ *задача-та основна*. Однако усмотреть в [*основна-та*] = *ми* *задача* цепочку =*та* = *ми* едва ли возможно, поскольку клитизация *-та* относится к морфологическому уровню (ср., с другим показателем, болг. *кой-то* «который» при *кой* «кто»), а во-втором – к синтаксическому. Точно так же, в (1b) *-та* в составе опр. формы существительного *игра-та* не является синтаксическим элементом.

Вторым разрядом славянских клитик, которые в зависимости от статуса группы могут быть как кластеризуемыми, так и некластеризуемыми, являются формы вин. п. Если они употребляются как аргументы предиката, они могут образовывать цепочки с местоимениями в дат. п. и прочими кластеризуемыми клитиками. Если же клитики вин. п. клитизируются к предлогам (что возможно в старославянском языке, древненовгородском диалекте и сербохорватском языке), они теряют кла-

стеризуемые свойства. Д. Чавар и К. Вильдер указывают еще на одно синтаксическое отличие форм вин. п. в составе предложных групп от аргументных форм вин. п.: в отличие от аргументных форм вин. п., формы вин. п., находящиеся в составе предложной группы, не могут перемещаться в вышестоящее предложение и никогда не выносятся из своей группы [Čavar, Wilder 1999: 445].

- (2) срб.-хрв.а. *da=je Ivan računao* [_{pp} *na=me*].
 ‘Что Иван рассчитывал на меня’,
 букв. ‘что=есть Иван рассчитывал [_{pp} *на=меня*]’
 б. *срб.-хрв. *da=me=je Ivan računao* [_{pp} *na* ____].
 ‘Что Иван рассчитывал на меня’,
 букв. ‘что=меня=есть Иван рассчитывал [_{pp} *на* ____]’

Примеры (2а-б) выглядят тривиальными, так как сербохорватский язык не разрешает и вынос существительных из состава предложных групп, но они верно фиксируют синтаксическое ограничение, связанное с клитиками вин. п. в непредикативных группах: материально тождественные клитики *=me*, *=te*, управляемые предикатной вершиной, могут извлекаться из своей группы и перемещаться в вышестоящее предложение.

8.2. Разряды кластеризуемых клитик

Кластеризуемые клитики в славянских языках относятся к одному из четырех разрядов. 1) местоименные аргументные клитики в дат. п., вин. п, род. п., относящиеся к предикатной вершине; 2) местоименные возвратные клитики в вин. п. и дат. п.; 3) связочные клитики – формы служебных глаголов «быть» и, реже, «хотеть» (вспомогательный глагол буд. вр. в некоторых балканских языках); 4) частицы (показатели вопроса и дискурсивные маркеры).

Языки с кластеризацией имеют одновременно все четыре разряда клитик. В большинстве южно- и западнославянских языков реально засвидетельствованы цепочки из клитик всех четырех типов, однако есть исключения. В польском языке формы связки «быть» обычно клитизируются к глаголу и редко образуют общие цепочки с местоименными клитиками. В болгарском и македонском языках, а также в древненовгородском диалекте [Зализняк 2008: 35–36] возвратные клитики попадают в те же клетки, что аргументные местоимения.

Местоименные клитики (аргументные и возвратные) представлены в славянских языках особой серией форм: все или большинство этих форм морфологически отличны от полноударных местоимений, представляющих ту же грамему. Ср. в древненовгородском диалекте пары клитика vs полноударное местоимение (клитика указаны первыми).

Аргументные клитики в дат. п.: 1–2 л. ед. ч. *ми* – *мнѣ*, *ти* – *тобѣ*; 1–2 л. мн. ч. *ны* – *намѣ*, *вы* – *вамѣ*; 1–2 л. дв. ч. *на-нама*; *ва-вама*;

Аргументные клитики в вин. п.: 1–2 л. ед. ч. *ма – мене, та – тебе*; 1–2 л. мн. ч. *ны-нас, вы – васъ*; 1–2 л. дв. ч. *на- наю, ва- ваю*. 3 л. ед. ч. *и – яго, ю – юѣ, ѣ – их, га – ихъ*.

Возвратные клитики: *Си – собѣ* (дат. п.); *са – себе* (вин. п.)².

Древненовгородские серии полноударных местоимений и клитик ассиметричны: из списка видно, что клитик 3 л. дат. п., морфологически отличных от полноударных форм, нет. В современных славянских языках серии полноударных местоимений и клитик дат. п., вин. п, род. п. обычно симметричны.

Из списка видно, что формы местоименных клитик почти всегда короче (и никогда не длиннее) парных им форм ударных местоимений. Кроме того, сегментный состав славянских местоименных клитик на синхронном уровне нельзя объяснить редукцией полноударных форм. По этим двум причинам синтаксисты уделяют местоименным клитикам львиную долю внимания: уже сама морфология этих элементов указывает на их статус клитик, что позволяет отвлечься от их фонетики. Связки и частицы, напротив, обычно либо не имеют полноударных соответствий, либо различие кликтика vs ударная словоформа никак не манифестируется на письме. Поэтому вопрос о том, является ли некоторый связочный элемент клитикой или нет, приходится для древних славянских языков решать с опорой на позиции, которые этот элемент занимает в предложении, а в новых славянских языках – еще и с опорой на просодику фразы.

8.3. Позиция кластеризуемых клитик в предложении

Согласно закону Ваккернагеля [Wackernagel 1892], кластеризуемые клитики в стандартном случае (т. е. при базовом для данного языка порядке слов) занимают второе место от начала финитного (или нефинитного) предложения. Для современных славянских языков это было впервые показано Р. О. Якобсоном [Jakobson 1971] а для древних славянских языков А. А. Зализняком, всесторонне описавшим древненовгородскую систему клитик с законом Ваккернагеля [Зализняк 1993] и сопоставившим ее с другими системами клитик, действовавшими в языке южнорусских памятников [Зализняк 2008]. Точное определение понятия «вторая позиция от начала предложения» и описание производных порядков, где кластеризуемые клитики могут занимать другие позиции, даются в последующих разделах. Общая формула состоит в том, что кластеризуемые клитики стоят после первого ударного слова начальной группы предложения, либо после короткой начальной группы, в зависимости от значения соответствующих параметров [Anderson 1995]: имеются славянские языки (сербохорватский), где одновременно используются обе возможности, см. ниже гл. 10.

Закон Ваккернагеля действует в большом числе неродственных языков, см. [Halpern 1996; Циммерлинг 2002: 75–82], но других европейских языков нового времени, сохраняющих этот закон, нет. Закон Ваккернагеля действовал в древних

² Подробнее см. [Зализняк 1993: 290].

индоевропейских языках, включая древнегреческий, древнеперсидский, санскрит, хеттский, лувийский. Велика вероятность, что он действовал в праславянском языке: часть кластеризуемых славянских клитик (местоименные формы и ряд частиц) старше общеславянского состояния и могли быть унаследованы праславянским из еще более раннего праязыка. Однако сохранение набора клитик или общность такого набора в родственных диалектах сами по себе не объясняют наличие однотишных ограничений, согласно которым клитики группируются в цепочки и помещаются на второе место от начала предложения. Поэтому каждая система порядка слов с законом Вакернагеля должна изучаться отдельно.

Для презентных форм связки «быть» в составе именного сказуемого в славянских языках возможны два основных типа структур, где они имеют свойства клитик – 1) в составе именного сказуемого в личных и безличных предложениях; 2) в составе конструкции аналитического перфекта, т. е. формы с причастием на *-l. В балканских языках презентные формы связки «быть» являются клитиками в структурах обоих типов, при этом их позиции в предложениях с формой перфекта и в предложениях с именным сказуемым мало отличаются. В некоторых западнославянских языках в структурах первого типа связки имеют свойства клитик не в 100 % случаев, или, в иной трактовке, имеют свойства, отличные от свойств кластеризуемых клитик в том же языке. Например, кластеризуемые клитики в чешском и болгарском языках имеют фонетическую характеристику строгих энклитик, т. е. форм, всегда присоединяющих к словоформе-хозяину справа (типах клитик см. ниже, § 3.5) и не могут выноситься в начало предложения. Однако в предложениях с именным предикатом типа чеш. *teplo* «тепло» чешский язык разрешает порядок чеш. *#je=teplo*, в то время как болгарский язык запрещает вынос связки *=e* в начало предложения во всех структурах, поэтому грамматичным порядком будет болг. *#топло=e* «тепло», а не **#e=топло*³. Связочные клитики в славянских языках имеют кластеризуемые свойства не только в предложениях с формой перфекта, но в предложениях с именным сказуемым, в предложениях с формой перфекта набор клитик шире и их порядок жестче фиксирован. Поэтому Правила Рангов, т. е. шаблоны упорядочивания цепочек клитик (см. о них гл. 9), в славистике принято устанавливать с опорой на состав клитик предложения с формой перфекта.

Хотя в балканских славянских языках цепочки клитик, содержащие презентные связки, занимают идентичные позиции в предложениях с формой перфекта и в предложениях с именным сказуемым, место связочных клитик внутри этих цепочек изредка не совпадает. Так, например, в словенском языке частица *=ra* «к тому же», «же», «так же», в предложениях с формой перфекта по Правилу Рангов занимает крайнее левое место в цепочке, а связка *=je* «3 л. ед. ч. наст. вр. индикатива» занимает место в конце цепочки клитик.

³ Примеры, где ударное болг. *e* стоит в начале предложения перед энклитической частицей *ли*, ср. болг. *#Е=ли* *деянието на Костова престъпление и ако=e* *какво?* «Является ли поступок Костовой преступлением, и в чем оно состоит?» [Franks 2008: 100], показывают не энклитику *=e*, а ее графический омоним – полноударный глагол «быть».

- (3) слов. Majdičeva=*je* na ogrevanju padla v jarek ob progi, pri tem {=*pa=si=je*} zlomila štiri rebra.
 ‘Майдичева на обгоне упала в овраг..., при этом сломала себе четыре ребра’.
 букв. ‘...при этом {=*же=себе=есть-3Sg.*} сломала четыре ребра’.
- (4) слов. Slovenci {=*pa=se=bomo*} vedno s ponosom spominjali te velike športnice, ki=*je* ponesla slavo Slovenije v svet.
 «Мы, словенцы, всегда будем с восхищением вспоминать ту великую спортсменку, которая прославилась Словению на весь мир».
 букв. «Словенцы {=*же=ся=будем*} всегда с восхищением вспоминали ту великую спортсменку, которая=*есть-3Sg.* понесла славу Словении в мир».

В предложениях с формой именного сказуемого связка *=je* стоит непосредственно после начальной составляющей, а *=pa* занимает место в конце цепочки:

- (5) слов. To {=*je=pa*} to, ker slovinci ne ločimo med seek in sick, med bitch in beach, med pitch and peach etc.... Ker imamo slovinci samo en ‘i’.
 «Дело в том, что мы, словенцы, не различаем слова seek и sick, bitch и beach, pitch и peach и т. д. У нас, словенцев, только одно “i”».
 букв. ‘то {=*есть-3Sg.* =*опять.же*} то, как словенцы не различаем seek и sick...’

Другую проблему составляет употребление связок 3 л. ед. ч. наст. вр. *je* и 3 л. мн. ч. наст. вр. *sú* в словацком языке. В словацких предложениях с формой перфекта эти формы не употребляются – вместо них используется нулевая связка «быть» (так же, как в древненовгородском диалекте, польском языке и украинском диалекте с. Синевир). В словацких предложениях с именным сказуемым формы *je* и *sú* обычно стоят после начальной группы, при этом нередко возникают последовательности *je/sú* + местоименная энклитика, аналогичные цепочкам кластеризуемых клитик в предложениях в форме перфекта со связочными клитиками 1–2 л. Ср. (6), где местоимение 3 л. ед. ч. ср. р. *to* стоит после связки 3 л. ед. ч. наст. вр. *je* и (7), где местоимение *to* стоит после связки 3 л. ед. ч. наст. вр. *som*: в обоих примерах цепочка *je/som* + *to* стоит после начальной группы предложения.

- (6) слц. [Na nácvik strel’by či prihrávok]=*je=to* ideálne. Namiesto sedenia pri počítači tu budú môcť vystríeť nespočetné množstvo pukov na bránku.
 «Для обучения броскам или игре в мяч это идеально. Вместо сидения за компьютером они смогут тут несчетное количество раз бросить шайбу по воротам».
 букв. ‘[Для обучения броскам или мячу]=*есть=это* идеально...’.
- (7) слц. Mohol=*som=to* urobiť aj ja pre tých, čo na to majú, ale nechcel=*som* íst’ touto cestou.
 «Мог быть это делать <учить детей> и я на те деньги, которые у них есть, но не хотел бы пользоваться этой возможностью слишком часто».
 букв. ‘Мог=*есть=это* сделать и я при тех, что на это имеют, но не хотел бы...’.

Вместе с тем аналогия в употреблении связки «быть» в предложениях с формой перфекта и предложениях с именным сказуемым в словацком языке не абсолютна: связки 3 л. наст. вр. индикатива *je* и *sú* могут выноситься в словацком языке в начало предложения⁴, в то время как связки 1–2 л. наст. вр. в высказываниях в форме перфекта такой возможности лишены:

(8) слц. *#Je=to hlavne o financiách, [pre niektorých rodičov]=je=to momentálne ťažké zvládať.*

«Главный вопрос – о финансах, для некоторых родителей его моментально решить трудно».

букв. «*#Есть=это* главное про финансы, [для некоторых родителей]=*есть=это* моментально тяжело решить».

(9) слц. **#=som=to mohol urobiť aj ja pre tých, čo na to majú*

В словацкой и чешской грамматической традиции обычно делается вывод о том, что формы связки «быть» в предложениях с именным сказуемым вообще не являются клитиками, но это утверждение является слишком сильным. Более продуктивно считать словацкие формы связки «быть» универсальными клитиками, которые могут либо стоять внутри предложения и вести себя как энклитики, см. (6), либо выноситься в начало предложения и вести себя как проклитики, см. (7): оба употребления реально представлены в примере (8).

Общее объяснение примеров типа (3–8) сводится к тому, что в славянских предложениях с формой перфекта, где набор клитик максимален, Правило Рангов является более грамматикализованным и более жестким, чем аналогичные механизмы, упорядочивающие последовательности клитик в предложениях с именным сказуемым. Частное объяснение ситуации в словенском языке состоит в том, что клитики *=ra* и *=je* относятся к наиболее поздним слоям клитизации в Правиле Рангов этого языка. Частное объяснение ситуации в словацком языке состоит в том, что связочные клитики обладают разными просодическими свойствами в предложениях в форме перфекта (где они выступают только как энклитики) и в предложениях с именным сказуемым (где они могут выступать и как энклитики, и как начальные проклитики). Понятия универсальных клитик, энклитик и проклитик подробнее обсуждаются ниже в разделе 8.5.

8.4. Синтаксические и просодические клитики

В работах С. Фрэнкса и Т.Л. Кинг [Franks, King 2000], а также А.А. Зализняка вводится различие «фонетических» и «синтаксических клитик». С. Фрэнкс и

⁴ Равно как и связки 1–2 л. в словацких предложениях с именным сказуемым, ср. *#Som=sklamany z nášho výkonu a z prístupu k šanciam, ktoré=sme mali v zápase.* «Я разочарован нашим исполнением и реализацией шансов, которые были у нас в этой игре», букв. «*#Есть=разочарованный* нашим исполнением и реализацией шансов...». <http://sport.aktuality.sk/clanok/113332/weiss-st-treba-si-dat-dole-ruzove-okuliare/>.

Т. Л. Кинг вводят эти термины для различных аспектов энклизы и проклизы одних и тех же материальных элементов. Напротив, А. А. Зализняк допускает, что «комплекс фонетических характеристик энклитик и комплексе их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц» [Зализняк 2008: 8–9]. Мы разделяем подход А. А. Зализняка. «Просодические клитики» – элементы, которые не могут образовать фонетическое слово (тактовую группу, в терминах В. А. Дыбо и А. А. Зализняка), не сочетаясь с другими словами. Ударность/безударность просодической клитики, наличие у нее высокого/или низкого тона, способность перенимать ударение от словоформы-хозяина – менее важные характеристики, которые противопоставляют разные типы просодических клитик друг другу. «Синтаксические клитики» – элементы, которые занимают синтаксические позиции, специфичные для клитик и недоступные полноударным словоформам.

Как правило, кластеризуемые клитики удовлетворяют как «просодическим», так и «синтаксическим» критериям, но в двух славянских языках соответствие между классами просодических и синтаксических клитик нарушено. Обсуждались факты словенского языка [Golden, Miloević-Sheppard 2002; Dvořák 2006] и закарпатских диалектов украинского языка [Толстая 2000: 143]. В этих языках элементы, с просодической точки зрения являющиеся энклитиками и участвующие в Правиле Рангов (краткие местоимения, презентные формы связки «быть»), в определенных контекстах могут начинать предложение. В то же время, ударные элементы, которые фонетически клитиками не являются, второй позиции предложения не покидают: в словенском языке так ведут себя формы модальных глаголов и формы буд. вр. глагола «быть», а в закарпатских диалектах – вспомогательный глагол «быть» в составе формы плюсквамперфекта.

Нейтральный порядок слов: #XP – CL	Маркированный порядок слов: #CL – Vf
# <i>Rekla</i> (1)= <i>sem</i> , da pridem «Я сказала, что приду»	# <i>Sem</i> (1) <i>rekla</i> (2), da pridem «Я же сказала, что приду»
букв. «сказала (1) <i>есмь</i> 1Sg.(2), что я-приду»	букв. « <i>есмь</i> -1Sg. (1) <i>сказала</i> (2), что я приду»

РИС. 1. Вынос клитик в начало предложения в словенском языке

Ударные формы модальных глаголов *morati*, *smeti*, *moči* почти не перемещаются в начало предложения и не покидают вторую позицию⁵. При этом модальный глагол может стоять как слева, так и справа от инфинитива, которым управляет.

⁵ Некоторые словенские информанты уточняют, что такие линейные порядки не запрещены, но крайне неестественны.

	Порядок слов	Примеры
OK	#Vinf – morati –	#Napisati <i>mora</i> pismo. «Надо написать письмо».
*	??#morati – Vinf –	#?? <i>Mora</i> napisati pismo. «то же»
OK	# XP – morati –	#Janez <i>mora</i> napisati pismo. «Янез должен написать письмо».
*	*# Vinf – YP – morati –	#*Napisati Janez <i>mora</i> pismo. «то же».
OK	# XP – morati –Vinf	#Danes <i>mora</i> napisati pismo. «Сегодня он(а) должен/-а написать письмо».
*	#*XP –Vinf – morati	#*Danes napisati <i>mora</i> pismo. «то же».

РИС. 2. Глагол *morati* как синтаксическая энклитика в словенском языке

Тем самым, словен. *morati* ведет себя как строгая энклитика, закреплённая за второй позицией: неграмматичность (2–2), (2–4) и (2–6) объясняется тем, что *morati* подчиняется закону Ваккернагеля. Парадокс состоит в том, что это ограничение нельзя объяснить требованиями просодии, так как *morati* – ударное слово.

Для анализа систем порядка слов релевантны синтаксические, а не просодические клитики: именно их поведение и разбирается ниже. Условия ритмизации и акцентуации цепочек клитик и групп, содержащих клитики, в данной главе рассматриваться не будут.

8.5. Ориентация клитик как фактор, ограничивающий число позиций.

Существуют попытки целиком вывести синтаксис клитик из их просодии. Однако при этом свойства синтаксических конфигураций, создаваемых клитиками, объявляются фонетическими свойствами самих клитик, ср. такие конструкты, как «начальные энклитики» (initial enclitics) С. Андерсона [Anderson 1995]. В грамматике болгарского языка [Котова, Янакиев 2001: 589] вне связи с концепцией С. Андерсона говорится о «начальных энклитиках» по отношению к примерам юго-зап. болг. диалектов: болг. юго-запад. #*Му=я=e давал той тая кофа* || лит. болг. #*той=му=я=e давал тая кофа* «он давал=*ему=это* ведро». Такое вольное употребление термина, вероятно, опирается на презумпцию о том, что если в литературной норме болгарского языка элементы =*му=я=e* являются энклитиками, набор доступных для них позиций во всех болгарских диалектах должен быть одинаков. Лучше в подобных случаях говорить о «нестрогих энклитиках» или об «универсальных клитиках».

Мы придерживаемся противоположного подхода: классификация систем порядка слов с клитиками не должна быть мотивирована просодическими свойствами самих клитик в исследуемых языках. Именно поэтому нужно вначале указать характери-

стики клитик, ограничивающие их возможность занимать те или иные синтаксические позиции. Для систем порядка слов релевантна ориентация клитик на фонетическое слово-хозяина (clitic host). По этому признаку кластеризуемые клитики славянских языков делятся на три группы – строгие энклитики, нестрогие энклитики и универсальные клитики. Эта классификация носит смешанный характер: в первую очередь она отражает набор позиций, а во вторую очередь – просодию клитик.

А. Строгие энклитики.

Элемент является строгой энклитикой, если он не может начинать предложение, и порядок **#CL ... #* запрещен. Такие свойства имеют кластеризуемые клитики в литературных сербохорватском, болгарском, чешском, словацком языках и древненовгородском диалекте: для этих языков цепочка клитик/одиночная кластеризуемая клитика может реализоваться в предложении, только если начальная позиция предложения занята некоторой группой: *#XP –CL...#*.

В большинстве языков со строгими энклитиками возможно частичное несоответствие фонетического и синтаксического аспекта строгой энклизы. Сербохорватский язык является единственным современным языком со строгими энклитиками, где постановка энклитик после паузы и вставленной парентетической группы невозможна [Radanović-Kocić 1996: 439–441]. Болгарский язык [Mišeska Tomić 2004: 214], [Franks 2008: 100], чешский язык [Avgustinova, Oliva 1997: 32–33], [Čavar, Wilder 1999: 438] спорадически допускают такую постановку. В связи с этим Т. Августинова и К. Олива, которые анализируют факты чешского языка, предлагают считать чешские кластеризуемые клитики не строгими энклитиками а универсальными клитиками, в их терминологии – просодически автономными клитиками (prosodically autonomous clitics). В таком случае окажется, что из всех славянских языков строгие энклитики есть только в сербохорватском и, возможно, в древненовгородском диалекте. Для классификации систем порядка слов с клитиками такое решение терминологически неудобно, поскольку постановка клитик после паузы и вставленной парентической группы в перечисленных языках встречается спорадически, нигде не является обязательной и не связана с выполнением какого-либо коммуникативного задания. При этих условиях фонетические отступления от принципа строгой энклизы проще отнести к уровню речи, чем считать их системной характеристикой.

В. Нестрогие энклитики.

Элемент является нестрогой энклитикой, если он при базовом порядке слов стоит во второй позиции от начала предложения, но при производном порядке слов и выражении строго определенного коммуникативного задания может перемещаться в начало предложения: *#XP –CL...# ⇒ #CL ... #*⁶. Такие свойства имеют местоименные и связочные клитики в словенском языке, а также, видимо, местоименные и связочные клитики в некоторых диалектах болгарского языка [Котова,

⁶ Параметр, разрешающий данное преобразование в языке с нестрогими энклитиками, мы предлагаем назвать термином Clitic Fronting

Янакиев 2001: 589]. Возможно, в эту же группу следует поместить верхнелужицкие клитики, но условия их выноса в начало предложения недостаточно изучены.

С. Универсальные клитики.

Элемент является универсальной клитикой, если для него позиция энклизы и проклизы одинаково приемлемы, и порядки #XP – CL...~ #CL ... # являются одинаково базовыми. Такому определению удовлетворяют местоименные и связочные клитики в македонском языке, где порядок #CL ... # с начальными клитиками, в отличие от словенского языка, не связан с выражением особой коммуникативной семантики.

Все кластеризуемые клитики славянских языков принадлежат к одному из этих трех типов. Строгих кластеризуемых проклитик и нестрогих кластеризуемых проклитик (зеркальное обращение типов А. В.) в славянских языках нет.

Болгарский язык представляет некоторую сложность для предложенной классификации: в нем есть универсальные клитики *не* ‘отрицание’ и *ще* ‘оператор буд. вр.’. Они всегда предшествуют в предложении кластеризуемым строгим энклитикам и могут выноситься в абсолютное начало предложения, тем самым, выступая в качестве единственного просодического хозяина энклитик, создавая порядок #*не/ще* – CL, см. (10b), либо стоять между начальной группой предложения и энклитиками, создавая порядок #XP – *не/ще* – CL, см. (10a).

(10) болг. а. #**Ще**=*им* **бъде** **предоставян** ежедневно [експресен бюлетин [с интересуващата=*зи* информация]].

«Им будет ежедневно предоставляться экспресс-бюллетень с интересующей их информацией».

букв. ‘**Буд.вр.**=*им* **будет предоставлен** ежедневно экспресс-бюллетень...’.

б. #_[*нр*] експресен бюлетин] **ще**=*им* **бъде** **предоставян** ежедневно.

‘Экспресс-бюллетень им будет предоставляться ежедневно’.

букв. ‘_[*нр*] Экспресс-бюллетень] **буд.вр.**=*им* **будет предоставлен** ежедневно’.

В болгаристике элементы *не/ще* принято исключать из цепочки кластеризуемых клитик и постулировать для них особую позицию (что, видимо, правильно) и трактовать как строгие проклитики, что более спорно, в свете примеров типа (10b). Больше оснований трактовать их как универсальные клитики, или как нестрогие проклитики.

Запрет на вынос кластеризуемых клитик в начало предложения часто называют законом Тоблера-Мусафии (Tobler-Mussafia law). Речь реально идет не об особом законе, а о попытке объяснить отдельные аспекты закона Вакернагеля чисто фонетически – а именно, тем, что кластеризуемые клитики являются строгими энклитиками.

В большинстве славянских языков нет ограничения на постановку кластеризуемых клитик на правом краю синтаксической структуры, т. е. в абсолютном конце предложения. Такое ограничение, согласно В. Раданович-Коцич, действует в сербохорватском языке [Radanović-Kocić 1996: 438], см. (11a-d):

- (11) срб.-хрв. а. #Knjigu=*mi* sutra donesi#.
 ‘Принеси мне завтра книгу’.
 букв. ‘Книгу=*мне* завтра принеси’.
- б. #[Knjigu sutra]=*mi* donesi#.
 ‘Принеси мне завтра книгу’.
 букв. ‘Книгу завтра=*мне* принеси’.
- с. #[Knjigu sutra] donesi=*mi* obavezno#.
 ‘Принеси мне завтра книгу обязательно’.
 букв. ‘[Книгу завтра] принеси =*мне* обязательно’.
- д. *#[Knjigu sutra] donesi=*mi*#
 букв. ‘[Книгу завтра] принеси =*мне*’.

Предложенная классификация с выделением строгих энклитик, нестрогих энклитик и универсальных клитик и ее аналоги у наших предшественников-славистов обычно интерпретируются фонетически, а не синтаксически. Однако О. Томич и С. Фрэнкс обратили внимание на то, что в виде исключения болгарские местоименные и связочные клитики, которые из системных соображений выгодно описывать как строгие энклитики, все же могут стоять после паузы.

- (12) блг. Няколко #казва# =*си*=*му* дал?
 ‘Он говорит, что ты дал ему несколько штук’
 букв. ‘Несколько, #говорит#=*еси*-2Sg. =*ему* дал’.

В этом примере О. Томич глагол главного предложения *казва* парентетически вставлен внутрь придаточного с глагольной вершиной *дал*, к которой относятся клитики =*си*=*му*. Все примеры С. Фрэнкса тоже включают парентетические вставки.

- (13) болг. Петко, #един мой приятел#=*му*=*го* даде.⁷
 ‘Петко, один мой приятель, дал мне это’.
 букв. ‘Петко #один мой приятель#=*ему*=*его* дал’.
- (14) болг. Ако някой, #който=*е* с мен#, =*ми* даде няколко чипа...
 ‘Если кто-нибудь в моей компании даст мне пару чипсов’.
 букв. «если кто-нибудь, #который=*есть* со мной#, =*мне* даст несколько чипсов...».

⁷ Пример из [Mišeska Tomić 2004: 214]. В данном предложении имеет место эллипсис союза *че* «что», парентетическая вставка глагола главного предложения *казва* «он говорит» в состав придаточного, и экстрация *няколко* из состава придаточного с перемещением *няколко* левее *казва*.

⁸ Примеры (13)–(14) из [Franks 2008: 100].

Примеры типа (13)–(14), скорее всего, означают, что синтаксическая структура, где строгие энклитики помещены во вторую позицию от начала предложения, не меняется от парентетического внесения, хотя парентетические элементы меняют просодическую структуру фразы.

Собранный нами материал аутентичных болгарских текстов разного жанра подтверждает, что вводные слова и уточняющие причастные обороты трактуются носителями болгарского языка как парантезы, накладывающиеся на уже построенную синтаксическую структуру с расставленными местоименными клитиками. Ср. ряд примеров из рассказа Т. Цанковой (15)–(19), где при озвучивании предложения возвратные клитики *=се*, *=си* и энклитические личные местоимения, произносятся после паузы.

- (15) болг. А реалността беше, че тя, **#без съмнение#**, *=се* беше шегувала.
 ‘а реальность заключалась в том, что <эта девушка>, несомненно, шутила’.
 букв. ‘а реальность была, что та, **#без сомнения#**, *=ся* была потешала’.
- (16) болг. [едната=*й* ръка], **#сгъната в лактя**, *#се*=подаваше над завивката.
 ‘ее согнутая в локте рука высывалась из-под покрывала’.
 букв. ‘[одна из ее рук], **#согнута в локте**, *#ся* выдавала над покрывалом’.
- (17) болг. Сянката, **#останала от гнева**=*му*, *#се* беше изгубила измежду многото други
 нощни сенки.
 ‘тень, оставшаяся от его гнева, исчезла среди многих других ночных теней’.
 букв. «тень, **#оставшаяся от его гнева**, *#ся* растворила среди многих других
 ночных теней».

Как парантезы могут трактоваться также придаточные предложения, относящиеся к начальному слову/группе главного предложения, ср. пример (18), где парентетическая вставка придаточного **#което той познаваше отпреди#** ‘которую он знал раньше’ комбинируется с повтором всей синтаксической группы ИГ + придаточное:

- (18) болг. Момичето, **#което той познаваше отпреди#** и **#момичето, с което разговаряше сега#**, *=си* приличаха както чернобялата репродукция и цветния оригинал на една и съща картина.
 «Девушка, с которой он был знаком раньше, и девушка, с которой он разговаривал сегодня, отличались как черно-белая репродукция и цветной оригинал одной и той же картины».
 букв. «Девушка, **#которую он знал до этого#** и **#девушка, с которой он разговаривал сегодня#**, *=ся* отличали как черно-белая репродукция ...».

В примере (19) парентетический оборот *predi da si legne* «прежде чем лечь»/ «прежде чем она легла» вставлен между подчинительным союзом *че* «что» и местоименной энклитикой *=я* «се»:

(19) болг. <Тя стана, за да я=затвори>. Беше сигурна, че #**[преди да=*си* легне]**,# =я беше затворила добре.

«<Она встала чтобы закрыть [окно]> Она была уверена, что, прежде чем лечь, она его закрыла как следует».

букв. «<Она встала чтобы его закрыть> Была уверена, что, #**[прежде чем улечься]**#, =*его* закрыла как следует».

Такие примеры показывают, что строгая энклитичность – в большей мере системная, нежели чисто фонетическая характеристика. Языком, где просодические и синтаксические признаки строгой энклизы почти везде совпадают, является сербохорватский, где аналоги предложений (12)–(19) невозможны. Напротив, словенский, чешский и словацкий языки в предложениях с парентезой, по-видимому, ведут себя аналогично болгарскому языку, ср. пример из письменного словацкого языка, где парентетическое предложение из 22 слов вставлено в распространяющий оборот *jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov* «один из главных поэтических талантов», также имеющий статус парентезы:

(20) слц. Miroslav Válek (1927–1991), #**[jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov]** # #**(jeho básnické zbierky Dotyky, 1959; Prít'ažlivosť, 1961; Nepokoj, 1963; Milovanie v husej koži, 1965 znamenali jednoznačnú obrodu poézie a boli doslova literárnymi udalost'ami)**#, =*sa* stal ministrom kultúry a obhajoval normalizačnú politiku, hoci s veľkou rezervou pre literárne hodnoty.

букв. «Мирослав Валек (1927–1991), #**[один из главных талантов в поэзии и лидер шестидесятых годов]**# (его поэтические сборники «Прикосновения» (1959), «Притяжение» (1961), «Тревога» (1963) «Любовь с гусиной кожей» (1965) однозначно знаменовали собой победы поэзии и в буквальном смысле стали литературными событиями# = *ся* сделал министром культуры и поддерживал политику нормализация, хотя и с большим резервом для литературного качества»⁹.

Допустимость (синтаксических) энклитик после парентетических вставок коррелирует с параметром, разрешающим постановку кластеризуемых клитик непосредственно после «тяжелых» начальных групп, состоящих из большого числа фонетических слов. Так как письменный словацкий язык разрешает постановку клитик после тяжелых начальных групп, состоящих из 5 и более фонетических слов, появление примеров типа (20*), где между начальной ИГ из четырех фонетических слов и возвратной энклитикой *=sa* вставлены две

⁹ Пример с сайта <http://www.litcentrum.sk/31661>

длинные парентетические группы, закономерно. Напротив, в тех славянских языках, где действует т. н. Правило Барьера (см. ниже), и кластеризуемые клитики регулярно оказываются правее второй позиции от начала предложения в том случае, когда начальная группа является тяжелой и состоит из множества фонетических слов, парентетические вставки могут влиять на конечную позицию клитики. Так, в разговорном словацком языке и в некоторых словацких письменных памятниках, близких к устной речи, в этом случае предпочитается порядок $[_{XP} W^1, W^2, W^3 \dots W^n] - V - CL$, где позицию непосредственно после тяжелой начальной группы $[_{XP} W^1, W^2, W^3 \dots W^n]$ из n фонетических занимает глагольная форма, а клитика $=sa$ клитизируется к ней, см. (20').

(20') слц. Miroslav Válek (1927 - 1991), #*[jeden z najväčších talentov...]*#, (1) *stal=(2)=sa*
(3) *ministrom kultúry*.

букв. «Мирослав Валек (1927–1991), #[один из главных талантов]# (1) сделал
(2) = *ся* (3) министром культуры».

8.6. Основные типы систем порядка слов в славянских языках

Уточнив совокупность свойств кластеризуемых клитик, можно перейти к анализу собственно синтаксических механизмов их упорядочивания в славянских языках.

8.6.1. Стандартные W-системы

Основная масса славянских систем порядка слов языков с цепочками клитик относятся к типу, который мы вслед за [Циммерлинг 2002: 79] назовем W-системой или стандартной системой с законом Ваккернагеля (символ W читается: 'Word' или 'Wackernagel').

- Язык L является W-системой, если в нем нет более грамматикализованного ограничения, чем механизм размещения цепочек синтаксических клитик во второй позиции от начала предикативной группы/предложения.

Закон Ваккернагеля, т. е. механизм размещения цепочек во второй позиции от начала предложения, не является элементарным параметром типологии. Скорее его надо понимать как пучок параметров, макропараметр, включающий такие параметры, как:

- Наличие фиксированного контактного порядка кластеризуемых клитик в цепочках: Правило Рангов (Clitic Template).
- Наличие правил, ограничивающих возможные базисы кластеризуемых клитик и разрешающих либо запрещающих постановку цепочек клитик после первого фонетического слова (1st phonetic word) и первой полной начальной группы (1st spelled-out constituent): Правило Разрыва Составляющей и Правило Сложной Составляющей.
- Наличие правил, смещающих цепочки клитик или отдельные кластеризуемые клитики со своего канонического места – Правил Барьера (Barrier Rules).

Под определение W-систем подпадают сербохорватский, словенский, чешский, словацкий языки, древненовгородский диалект, центральные закарпатские диалекты украинского языка [Толстая 2000], бургенландский хорватский диалект [Browne 2007], русинский язык Воеводины (Vojvodina) [Browne 2008]. К тому же типу относятся большое число языков других групп и семей – пашто [Tegey 1977], осетинский язык [Абаев 1959: 156], древнегреческий, авестийский, древнеперсидский [Wackernagel 1892: 402–405], санскрит [Носк 1996], хеттский [Garrett 1996], лувийский [Jakubovich 2009] (все – индоевропейская семья), варльпири [Nash 1986], дьяру [Tsunoda 1981] и варумунгу [Mushin 2004] (семья пама-нюнга, Австралия), кабийский язык [Айхенвальд 1989], тамазигхт, тарифит [Quali 2010], ахаггар (афро-азиатская семья, Сев. Африка), люмми [Jelinek 1996] (сэлишская семья, Сев. Америка), мака, дитидакт, нуучалнултх [Werle 2002; Werle 2007; Davidson, Werle 2010] (вакашская семья, Сев. Америка), юговосточный тепехуан [Willet 1991], майо [Freeze 1989] и луисеньо [Kaisse 1981] (юто-ацтекская семья, Мексика/США), квини сапотек [Lee 2000] (отомангская семья, Мексика), кавиненья (таканская семья, Боливия) [Guillaume 2008], кампампанган (австронезийская семья, сев. Филиппины) [Kitano 2006: 10].

Типичной чертой стандартных W-систем являются:

- наличие цепочек кластеризуемых клитик в разных типах предложения и
- низкая селективность всех кластеризуемых клитик.

Для славянских W-систем эти два параметра предсказывают, что цепочки клитик должны быть представлены как в главном, так и придаточном предложении, и для каждой кластеризуемой клитики может быть подобрано минимум два разных типа синтаксической категории хозяина (например, существительное и глагол, полная группа и подчинительный союз и т. п.). Нарушение этих двух условий свидетельствует о том, что язык отходит от стандарта W-систем.

8.6.2. W⁺-системы

Имеются W-системы, сочетающие ограничение на размещение цепочек клитик с ограничением на место глагола. Назовем этот тип W⁺-системой (символ W⁺ читается: ‘расширенная W-система’).

- Язык L является W⁺-системой, если наиболее грамматикализованными ограничениями в нем являются механизм размещения цепочек синтаксических клитик во второй/n-й позиции от начала предикативной группы/предложения и механизм помещения глагольных форм в позиции, смежные с позицией клитик.

Под определение W⁺-систем в славянских языках подводятся болгарский и македонский языки. Как указано выше в гл. 1, ограничения на расположение глагола и клитик в болгарском языке формулируются следующим образом:

(iv) болг. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL]; #..... V....#, или, словами:

- цепочки синтаксических клитик всегда стоят во второй позиции;
- при наличии клитик глагол занимает либо первую, либо третью позицию от начала;

- при отсутствии клитик место глагола не фиксировано¹⁰.

Системы порядка слов, подобные данной, представлены в филиппинском ареале. Тем не менее, как указали Л. Биллингс и А. Конопаски, болгарская W^+ -система имеет точную параллель в центральнофилиппинском ареале: ограничение (iv) в равной мере присуще болгарскому и крупным языкам центральнофилиппинской группы – тагальскому, бикол и себуано [Billings, Konopasky 2002], а также, по-видимому, центральнофилиппинским языкам бинукид, мансака, кааган, тагакаулу и дававеню [Peng, Billings 2006]. В других ареалах W^+ -системы болгарско-центральнофилиппинского типа встречаются нечасто, однако они все же представлены в австралийских языках ритхарнгу, джынанг и дьинба (все – семья нама-нюнга), если данные о позиции глагола и клитик в работе [Cysouw 2005] являются репрезентативными.

Конфигурация	Разрешенные варианты	Запрещенные варианты
Клитики стоят на втором месте, глагол стоит контактно с клитиками	# XP – CL – Vf – YP ~ # Vf – CL – YP	
Клитики открывают предложение		*#CL – Vf
Клитики стоят дальше второго места (при отсутствии Барьера)		*#XP – [...] – CL
Клитика стоят на втором месте, глагол стоит дистантно		*#XP – CL – [...] – Vf

РИС. 3. Возможные комбинации клитик и глагола в W^+ -системе болгарско/центральнофилиппинского типа

Македонская система порядка слов отличается от болгарской тем, что болгарские CL – строгие энклитики, в то время как македонские CL – универсальные клитики. Если считать, что запрет выносить клитики в начало предложения (т. н. закон Тоблера-Мусафии) носит несинтаксический характер, македонская W^+ -система – вариант болгарской. Трудность для такого анализа представляет тот факт, что не все македонские клитики фонетически однородны. Вопросительная частица *ли* является в македонском строгой энклитикой, а связочные и местоименные клитики – универсальными клитиками. В силу этого предложение мак. #*Си=му=ги дал парите* = болг. *дал=си=му=ги пари(те)* «Ты дал ему деньги», букв. «еси=ему=это дал деньги.опр.» грамматично, а предложение мак. *#*ли=си=му=ги дал парите?* «дал ли ты ему деньги?», букв. «*ли=еси=ему=это дал деньги.опр.*» неграмматично. В то же время нужно помнить, что наличие начальной группы предложения (XP) ни в болгарско/центральнофилиппинской системе со строгими

¹⁰ Ср. пример, где перед конечным глаголом оказываются 4 группы: подлежащего, дополнения, обращения и обстоятельства: болг. [А нашите българи] (1), [бай Еньо] (2), [кога имат пари] (3), [кьци] (4) *пратят* (Й. Йовков). «[А наши болгары] (1), [почтенный Еньо] (2), [когда у них есть деньги] (3), [жилища] (4) *строят*».

энклитиками, ни в македонской системе с универсальными клитиками невозможно объяснить несинтаксически. Кроме того, синтаксический механизм, позволяющий преодолеть нежелательный порядок слов, в обоих языках общий – это разрыв цепочки клитик с выносом частицы *ли* вправо: мак. #*си=му=зи дал=ли* парите? «дал ли ты ему деньги», букв. «*си=ему=их дал=ли* деньги.опр.».

(vi) мак. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL] ~#[CL–V]; #..... V....#

Конфигурация	Разрешенные варианты	Запрещенные варианты
Клитики стоят на втором месте, глагол стоит контактно с клитиками	# XP – CL – Vf – YP ~ #Vf – CL – YP	
Клитики открывают предложение, глагол стоит на втором месте	#CL – Vf	
Клитики стоят дальше второго места (при отсутствии Барьера)		*#XP – [...] – CL
Клитика стоят на втором месте, глагол стоит дистантно		*#XP – CL – [...] – Vf

РИС. 4. Комбинации клитик и глагола в македонской W^+ -системе

Типологической параллелью македонской W^+ -системе с универсальными клитиками является язык ритхарнгу семьи пама-нюнга, если синтаксис этого языка описан в [Cysouw 2005] верно. Неточной параллелью македонской W^+ -системе являются германские языки с ограничением V2/V1: новоисландский, идиш, древнеанглийский, древневерхнемецкий, древнесаксонский.

Существует еще один тип W^+ -систем, комбинирующих ограничение на размещение кластеризуемых клитик с ограничением V2 или V2/V1 (глагол на втором месте/не далее второго места от начала предложения), но в славянском ареале он не представлен. Образцом W^+ -систем такого рода являются древнеисландский и средненорвежский языки [Циммерлинг 2002: 367, 465]. Основное ограничение в них описывается формулой (vii).

(vii) др.-исл. # XP – [V – CL] ~ #[V – CL];

В W^+ -системах такого типа глагол стоит либо во второй, либо в первой позиции от начала предложения, а клитики всегда стоят после глагола. Согласно М. Димитровой-Вулчановой, первым ученым, который выдвинул тезис о том, что болгарские кластеризуемые клитики по-прежнему подчиняются закону Вакернагеля и стоят во второй позиции от начала предложения, был И. Гылыбов [Gäläbov 1950]. Й. Гылыбов в работе 1950 г. настаивал на том, что позиция болгарских клитик реально не изменилась, а подлинной инновацией болгарской системы является закрепление позиции глагола. М. Димитрова-Вулчанова является приверженцем того же взгляда [Dimitrova-Vulchanova 1999: 86, 94]. Порядок #[V – CL] в славянских языках достаточно частотен, но ограничение V2/V1 ни в одном славянском

языке не развилось: порядок # XP – [V – CL] спорадически возникает в отдельных славянских языках в результате синтаксических перемещений, вызываемых Правилами Барьера (см. о них ниже).

W⁺-системам свойственны все типы синтаксических механизмов, действующих в стандартных W-системах – Правило Ранга, Правила Сложной Составляющей, Правила Барьера. Общей и принципиально важной характеристикой W-систем и W⁺-систем является то, что все кластеризуемые клитики в них, независимо от представляемой ими синтаксической категории, подвержены одним и тем же синтаксическим операциям.

8.6.3. W*-системы

Существуют языки с цепочками синтаксических клитик, где закон Ваккернагеля действует в неполном объеме, но более грамматикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет. Будем называть такие языки W*-системами (символ W* читается ‘разрушенная W-система’).

- Язык L является W*-системой, если механизм размещения цепочек синтаксических клитик во второй позиции от начала предложения не является безусловно господствующим и сочетается с альтернативными механизмами расстановки линейной организации, что приводит к тому, что разные разряды синтаксических клитик упорядочиваются на разных основаниях.

Классические представители W*-систем – старославянский язык и древнерусский язык южных памятников. Здесь клитики-частицы занимают вторую позицию от начала предложения, формы связок стоят контактно с глаголом, а формы местоименных клитик упорядочивают либо так же, как частицы, либо так же, как связки [Зализняк 2008: 87–168]. Еще один представитель этого типа – польский язык. Здесь формы связки «быть» чаще выступают как глагольные энклитики, но могут также составлять цепочки с местоимениями во второй позиции от начала независимого предложения, если в начало предложения вынесен глагол. В этом случае связки предшествуют местоимениям. См. связку 2 л. ед. ч. =eś и местоименные клитики =go=jej в (21).

- (21) пол. Pozbawił =eś=go=jej.
 ‘Ты избавил его от этого’.
 букв. ‘избавил=eśu=ego=ee’.

Если в начале независимого предложения стоит неглагольный элемент, связки и местоименные клитики могут стоять контактно, см. (22a), либо дистантно (22b–c), причем в последнем случае порядок связки и местоименной клитики не важен:

- (22) пол. а. Ты=ś=go widział często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 букв. ‘Ты=eśu=ego видал часто в парке’.

- b. Ty=*go* widział=*eś* często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 букв. ‘Ты=*ego* видал=*eci* часто в парке’.
- c. Ty=*ś* widział=*go* często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 букв. ‘Ты=*eci* видал=*ego* часто в парке’¹¹.

В придаточных предложениях клитики чаще клитизируются к подчинительному союзу и образуют цепочки во второй позиции, но возможен и разрыв цепочек.

- (23) пол. Kiedy=*śmy*=*go* [wteszcie]=*mi* odebrali ...
 ‘Когда мы наконец забрали это у него’.
 букв. ‘когда=*esme.1Pl.*=*ego* [наконец]=*emu* забрали’¹².

Разрыв цепочек при определенных условиях имеет место и в стандартных W-системах и W⁺-системах, но для W*-систем типа польской цепочки из трех и более клитик вообще являются исключением. Кроме того, в W*-системах отдельные разряды клитик могут употребляться только в пределах какого-то одного типа предложений и/или сочетаться с каким-то одним типом категорий-хозяев. И то, и другое стандартным W-системам несвойственно. Польский язык демонстрирует оба отклонения. Клитика =*by* встречается только в придаточном и почти всегда клитизируется к подчинительному союзу, ср (24a-b).

- (24) пол. a. Gdy=*by*=*m* miał czas...
 ‘Если бы я имел время’.
 букв. ‘если=*by*=*esmy* имел время’.
- b. *Gdy miał=*by*=*m* czas.
 букв. ‘если имел=*by*=*esmy* время’.

В (25a-b) цепочка *by*=*śmy* обнаруживает большую синтаксическую свободу и ставится либо после начального союза *że* «что», либо после глагольной группы [_{VP} to zrobili] «сделали это». С диахронической точки зрения соотношение (25a-b) объясняется действием Правила Барьера, перемещающего цепочку клитик вправо. Однако к синхронному состоянию польского языка этот анализ неприменим, так как значения (25a) и (25b) нетождественны.

- (25) пол. a. Powiedział, [_{CP} *że* = *by*=*śmy* [_{VP} to zrobili]]
 ‘Он сказал/велел нам сделать это», «он сказал, чтобы мы это сделали’.
 букв. ‘сказал.он, что=*by*=*esme.1Pl.* [_{VP} это сделали]’.

¹¹ Примеры из [Franks, King 2000: 160].

¹² Пример из [Kosta 2009].

- b. Powiedział, [_{CP} że [_{VP} to zrobili]=*by*=*śmy*].
 'Он сказал, что нам следовало бы это сделать'
 букв. 'Он сказал, что [_{VP} это сделали]=*бы*=*есме*. IPI'¹³.

Верхнелужицкий и нижнелужицкий языки занимают промежуточное положение между стандартными W-системами типа чешской и W*-системами польского типа, но все же ближе к стандартным W-системам. Кашубский язык, описанный в плане синтаксиса клитик недостаточно полно, видимо, является W*-системой.

W*-системы широко засвидетельствованы в языках мира. В основном они встречаются в тех же ареалах и группах языков, что и стандартные W-системы, что наводит на мысль о том, что они являются плодом эволюции W-систем. Наиболее изученные W*-системы: староиспанский [Nishida 1996], старопортугальский [Barbosa 1996; Galves 2001], старофранцузский [Wanner 1996], старокаталанский языки [Fischer 2003] и позднее греческое койнэ [Кисилиер 2009]. Существует точка зрения, что старофранцузский язык, где действовал параметр контактной позиции клитик и глагола, также имел ограничение V2 или был близок языкам с ограничением V2 [Mathieu 2006]. Если это утверждение верно, старофранцузский язык был W⁺-системой, в терминах данной книги.

8.6.4. V-системы

Самым известным и лучше всего описанным случаем W*-систем являются языки, где цепочки клитик локализируются в глагольной группе и не имеют постоянного места в предложении. Такого рода клитики называют термином *head clitics*, т. е. «вершинные клитики», поскольку они вводятся синтаксическими вершинами строго заданного типа, в данном случае – глагольными вершинами, и не сочетаются с вершинами других типов. Клитики могут перемещаться в пределах глагольной группы и переходить из позиции энклизы в позицию проклизы в одном и том же или разных типах предложений [Rouveret 1999: 650]. Место глагола/глагольной группы с клитиками в языках этого типа является нефиксированным [Cardinaletti 1999]. Синтаксические системы подобного рода мы будем называть V-системами (V = 'Verb'): отсутствие запретов на перемещение глагола/глагольной группы в предложении и наличие запрета на дистантное расположение глагольной вершины и клитик и запретов вынос клитик из группы, возглавляемой финитным глаголом, являются важнейшими диагностическими характеристиками V-систем. Классическими образцами V-систем являются современные романские языки Европы – французский, итальянский, испанский, европейский португальский, каталанский, румынский, а также новогреческий и албанский языки. В славянском ареале V-системы практически отсутствуют, что не является само собой разумеющимся фактом, если учесть многовековые контакты южнославянских языков с балканскими V-системами.

¹³ Пример цит. по [Migdalski 2008].

Единственным славянским языком/диалектом, для которого гипотеза о том, что он является V-системой, имеет основания, является моллизеслав (moliseslav) или славизано (slavisano) – бесписьменный язык, на котором говорят потомки хорватских переселенцев в области Молизе, провинция Кампобассо, Италия. Носители языка двуязычны. В финитных предложениях употребляются местоименные проклитики, которые могут стоять в начале предложения. Синтаксические структуры предложений с клитиками в доступных нам примерах повторяют соответствующие итальянские. В языке имеется большое количество корней, заимствованных из итальянского:

(26a) ит. *Mi=capisci?* ||

(26b) моллиз. *Ma=kariš?* или *Ma=tazumiš?*

‘Ты меня понимаешь?’

букв. ‘меня=понимаешь.2Sg’

(27a) ит. *Ti=amo.* ||

(27b) моллиз. *Ta=amam.*

‘Я тебя люблю’

букв. ‘тебя=люблю.1Sg’

(28) моллиз. *Ta=hočam* dobra (|| калька с ит. *ti=voglio* bene)

‘я тебя люблю», букв. «тебе=хочу.1Sg добра’

(29a) ит. *La=disturbo, professore?* ||

(29b) моллиз. *Ta=dišturbam, profeso?*

‘Я вам мешаю, профессор?’

букв. ‘этим=мешаю.1Sg, профессор’¹⁴.

Вопреки периодически высказываемому мнению, македонский язык не является V-системой. Это непосредственно видно из того, что македонский язык сохраняет ограничение на перемещение блока [V – CL] дальше второй позиции предложения: эволюция македонского языка в сторону V-систем возможна только в том случае, если это ограничение исчезнет, и порядки #XP – [...] – [V – CL] станут грамматичны.

8.6.5. Начальная позиция в W-системах и W⁺-системах.

Verb-Adjacent clitics и 2P clitics

С легкой руки С. Фрэнкса и Т. Л. Кинг в зарубежной славистике стало популярным относить болгарско-македонские клитики и кластеризуемые клитики в прочих славянских языках к разным категориям. Первые называются термином Verb-Adjacent clitics, т. е. «клитики, смежные с глаголом», вторые называются термином 2P clitics, т. е. «клитики второй позиции», или Wackernagel clitics, букв. «ваккерна-

¹⁴ Примеры из работы [Kosta 2009].

гелевские клитики» В качестве дескриптивного обобщения систем порядка слов эти термины не лучше и не хуже принятых в данной главе терминов «W⁺-системы» и «W-системы». Но «смежность с глаголом» нельзя понимать как признак самих клитик: этот признак лишь констатирует, что кластеризуемые клитики в болгарском и македонском языках реализуются в контактной позиции с глаголом, но никак не характеризует синтаксическую область клитик. Синтаксической областью болгарских и македонских кластеризуемых клитик является все предложение, где они имеют фиксированную линейную позицию – CL2 (=2P, в нотации Фрэнкса) в болгарском языке и CL2/CL1 в македонском языке. Последнее невозможно в V-системах романского типа, где ни клитики, ни глагольные формы не имеют фиксированной позиции в предложении. Если выводить синтаксические конфигурации из свойств лексических вершин, признак «контактная позиция с клитиками» нужно приписать болгарским и македонским глаголам, но никак не наоборот. В пользу такого решения много доводов:

- болгарские клитики никогда не покидают второй позиции от начала предложения, а болгарские глаголы при наличии клитик имеют две равноправные позиции.
- При отсутствии клитик место болгарского и македонского глагола в предложении нефиксировано.
- Для позиции болгарских и македонских клитик различие между глагольным и именным сказуемым нерелевантно: параметр контактной позиции с клитикой действует для предикатов обоих типов.
- В болгарском и македонском языках нет параметра Clitic Climbing: перенос клитик в вышестоящую предикацию отсутствует. Следовательно, все кластеризуемые клитики принадлежат той синтаксической области, где они порождены.

Для того чтобы обосновать альтернативное решение и приблизить описание болгарско-македонской системы порядка слов к описаниям романских систем порядка слов с проклитиками в контактной позиции финитному глаголу, С. Фрэнкс прибегает к гипотезе о том, что вторая позиция болгарских vs сербохорватских (чешских, словенских и т. п.) клитик объясняется действием разных механизмов: если в тех славянских языках, где нет параметра контактной позиции клитик и глагола, клитики попадают во вторую позицию предложения в результате действия закона Ваккернагеля, который является синтаксическим механизмом и предполагает синтаксическую операцию по заполнению начальной позиции, предшествующей клитикам (XP), то в болгарском языке вторая позиция клитик якобы объясняется действием фонетических факторов [Franks 2008: 94]. Под «фонетическим фактором» С. Фрэнкс и Т. Л. Кинг имеют в виду свойство строгой энклитичности, в силу которого болгарский язык требует постановки группы предложения перед клитиками. Такое употребление термина, как верно заметил П. Коста [Kosta 2009], мистифицирует понятие «фонетика», так как в болгарском языке кластеризуемые клитики, которым С. Фрэнкс и Т. Л. Кинг приписывают строгую энклитичность, как раз могут употребляться сразу после паузы, ср. пример (30):

- (30) болг. Вера #девятнадесетгодишно момиче# =**му** отвори вратата да влезе.
 ‘Вера, девятнадцатилетняя девушка, открыла ему ворота, чтобы он зашел’.
 букв. ‘Вера #девятнадцатилетняя девушка# =**ему** открыла ворота, да зайдет’.

Как бы ни относиться к терминам, ясно, что «строгая энклитичность» болгарских клитик, ссылкой на которую Фрэнкс и Кинг объясняют вторую позицию клитик – системная, а не фонетическая характеристика. Клитики и цепочки в позиции непосредственно после паузы встречаются также в разговорном чешском и в словенском языке: неясно, в чем принципиальное отличие примеров (30) и (31):

- (31) слов. Jaz#, #tvoja mama#, =**sem=ti** obljubila igračko.
 ‘Я, твоя мама, обещала тебе игрушку’.
 букв. ‘Я, #твоя мама#, =**есмь.1Sg.=тебе** обещала игрушку’.

Напротив, в сербохорватском языке, который Фрэнкс выбирает в качестве типологической антитезы болгарского, постановка клитик непосредственно после паузы запрещена:

- (32) срб. хрв. Ja#, #tvoja mama#, #obećala=**sam=ti** igračku¹⁵.
 ‘Я, твоя мама, обещала тебе игрушку’.
 букв. ‘Я, #твоя мама#, обещала =**есмь.1Sg.=тебе** игрушку’.

Тем самым, несоответствие фонетической и системной (=синтаксической) энклизы действительно имеет место, но реальное распределение этих явлений в славянских языках опровергает предсказания Фрэнкса и Кинг. Какие бы фонетические свойства у клитик в примерах (30)–(32) ни были, объяснить ссылкой на них вынос в позицию перед клитиками полноударного элемента предложения, как в (32), нельзя – это собственно синтаксическая операция. В терминах данной книги она определена как Правило Барьера.

С. Фрэнкс верно подчеркивает, что в болгарском языке группа, предшествующая клитикам, не имеет фиксированной длины, поэтому расстояние, отделяющее болгарские клитики от левой границы предложения, нельзя измерить числом ударных слов [Franks 2008: 93]. Но он не упоминает о том, что болгарский язык запрещает постановку неполной группы перед клитиками: тем самым, правильность употребления клитик зависит от синтаксической операции над начальной группой. В терминах настоящей книги эта операция определяется как Правило Сложной Составляющей.

- (33) болг. а. [_{NP}Длъжността супервайзър]=**се въведе** от скоро.
 ‘Должность супервайзера была введена недавно’.
 букв. ‘[_{NP} должность супервайзера]=**ся** ввела недавно’
 б. * [_{NP}Длъжността...]=**се въведе** ... [_{NP}... супервайзър] от скоро.

¹⁵ Примеры (30)–(32) из [Kosta 2009] и [Radanović-Kocić 1996: 437].

Идея об особых свойствах «Verb-adjacent clitics» и тезис о том, что закон Вакернагеля как синтаксический механизм не действует в болгарском языке, должны быть отвергнуты *ipso facto*. Ссылки на фонетические свойства строгих энклитик могут объяснить наличие одной или нескольких словоформ перед ними, но они не могут объяснить ограничения на число синтаксических групп, предшествующих кластеризуемым клитикам. Поэтому наличие таких ограничений автоматически доказывает, что кластеризуемые клитики имеют фиксированное место в предложении и одновременно позволяет анализировать операции по заполнению начальной позиции предложения с клитиками как собственно синтаксические механизмы. Для болгарского языка краткое доказательство этих положений представлено М. Димитровой-Вулчановой и К. Мигдальским. Оно состоит в том, что перифрастические глагольные формы, которые могут состоять из двух и более ударных слов, могут целиком выноситься в позицию перед клитиками, но не могут при этом объединяться с группами других членов предложения, например, с дополнением или подлежащим. Ср. примеры с формой плюсквамперфекта и местоименным повтором (Clitic Doubling).

(34) болг. #_[VP] Купил бих]=я книгата.
 'Я бы купил эту книгу'.
 букв. '[_{VP} Купил бы.я]=ее книгу-опр.'

(35) болг. #_[NP] Книгата]=я бих купил.
 'Я бы купил эту книгу'.
 букв. 'Книга-опр.=ее бы.я купил'.

(36) болг. *Книгата=я купил бих.

(Нарушено требование контактной позиции вершины сказуемого – связки *бих* и местоименную клитики =я).

(37) болг. *_[NP] Книгата [_{VP} купил бих]=я.
 (Две синтаксические группы перед клитикой).

Тот же запрет, что и в (37), распространяется и на предложения с формой перфекта, где презентная связка сама является клитикой.

(38) болг. *_[NP] Книгата [_{VP} [_V дал]=сѣм]=му=я.
 Подразумеваемое значение: 'Я дал ему книгу'.

Еще одно веское доказательство фиксированного места болгарских кластеризуемых клитик в предложении дает соотношение базового и производного порядков в придаточном предложении. В главном предложении порядок V-CL возможен, ср. (39). Базовым порядком для клитик является Comp – CL – V, где клитики непосредственно следуют за подчинительным союзом, см. (40). При производном порядке Comp- [XP] – CL – V коммуникативно выделенные элементы могут вклиниваться между подчинительными союзами и клитиками, см. (41). Вариант (42) исключен

по формальным причинам – цепочка клитик и глагольная вершина стоят дистантно при порядке *Comp – CL – [XP] – V. Порядок *Comp – V – CL – XP в (43) не нарушает этого условия, но предложение (43) все равно неграмматично.

(39) болг. #била дала (1) =му=я= е (2).

‘Она уже дала ему эту это’.

букв. «Была дала (1) =ему=это=есть-3Sg. (2).

(40) болг. Той каза, [_{CP} че (1) =му=я= е (2) била дала книгата].

‘Он сказал, что она ему уже дала эту книгу’.

букв. ‘Он сказал, [_{CP} что (1) =ему=ее= есть-3Sg.(2) была дала книгу-опр.]’.

(41) болг. Той каза, [_{CP} че (1) книгата (2) =му=я= е (3) била дала].

букв. ‘Он сказал, [_{CP} что (1) книгу-опр. (2) =ему=ее= есть-3Sg.(3) была дала]’.

(42) болг. *Той каза, [_{CP} че (1) =му= я= е (2) книгата (3) била дала].

букв. ‘Он сказал, [_{CP} что (1) =ему=ее= есть-3Sg. (2) книгу-опр. (3) была дала]’.

(43) болг. *Той каза, [_{CP} че (1) била дала (2) =му= я= е (3) книгата].

букв. ‘Он сказал, [_{CP} что (1) была дала (2) =ему=ее= есть-3Sg. (3) книгу-опр.]’.

Такое распределение объясняется единственным образом: перемещение глагола в позицию перед клитиками в коммуникативно нейтральных высказываниях возможно только в главном, а не в придаточном предложении. Следовательно, позиции подчинительного союза и начальной группы главного предложения приравняются друг к другу при базовом порядке слов Comp/XP – CL. Т.Л. Кинг и С. Фрэнкс объясняют запрет на примеры типа (43) тем, что болгарские кластеризуемые клитики вроде =му=я=е являются «глагольными проклитиками», а допустимость примеров типа (34) и (39) объясняют тем, что глагол перемещается в препозицию клитикам ради того, чтобы избежать дефектной структуры, где клитики стоят в начале предложения – этот механизм называется «просодической инверсией» (Prosodic Inversion), ср. [Franks 2008: 116]. Но теория просодической инверсии не проясняет двух аспектов синтаксиса глагола: 1) почему в предложениях типа болг. #купил бих=я книгата «я бы купил книгу», #испил бих=я бирата «я бы выпил пива» не допускаются две группы перед клитикой – болг. *[книгата] [купил бих]=я, *[бирата] [испил бих]=я. 2) почему при просодической инверсии глагол не просто выносится в позицию перед клитикой, а попадает в абсолютное начало предложения, и перед ним не может стоять никакая топикализованная группа вроде * $\{_{\text{Topic}} [_{\text{NP}} \text{ бирата}]\}$ <испил бих=я>?

Истоки концепции С. Фрэнкса – Т.Л. Кинг прослеживаются по более ранним работам, которые реферирует М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 89]. Норвежский славист Ч. Ро Хэуге в 1976 г. предположил, что болгарские местоименные клитики синтаксически принадлежат глагольной группе. А. Альперн (1992) предположил, что болгарские кластеризуемые клитики по фонетическим причинам присоединяются к глагольной группе слева (are left-adjoined to VP),

что дает видимость сохранения порядка CL2. М. Л. Риверо (1994) предположила, что болгарские клитики объединяются с функциональной проекцией IP (Inflection Phrase), а в начале предложения не могут стоять из-за действия фонетического закона Тоблера-Мусафии. Все эти объяснения игнорируют или пытаются замаскировать тот факт, что болгарские клитики имеют фиксированное место от начала предложения, соответственно заполнение начальной XP в болгарском языке является синтаксической операцией. Вместо этого М. Л. Риверо вводит спорное понятие «дальнего перемещения вершины» (Long head movement) для обоснования случаев, где глагольная форма в конструкции аналитического перфекта (причастие на -л) перемещается в препозицию связочной клитике, ср. болг. #кунид бих =я t_i книгата «Я бы кунил эту книгу», букв. «кунид бы.я=ее t_i книгу». Однако объяснить подобным способом примеры с пассивизацией вроде ср. болг. #книгата=му беше дадена «Эта книга была ему передана», как замечает М. Димитрова-Вулчанова, нельзя, так как в этом случае не только связка, но и сама лексическая вершина оказывается справа от клитики =му. Остаются два объяснения, и оба вызывают сомнения. Во-первых, можно считать, что пассивизированная ИГ *книгата* топикализована и стоит за рамками основной части предложения. Во-вторых, можно считать, что синтаксический статус выражений, стоящих левее =му, вообще не важен, так как =му не может начинать болгарское предложение и потому стоит после одного или нескольких ударных слов. Ни то, ни то другое объяснение не отвечают на вопрос, почему болгарский язык запрещает две и более группы перед клитикой и почему предложения типа болг. *дадена(1) книгата (2) =му беше, *книгата (1) дадена (2) беше (3) =му аномальны, хотя в них не нарушаются ни принцип контактной позиции клитики =му и глагольной вершины беше, ни запрет на вынос болг. =му в начало предложения. Все это показывает, что попытка замаскировать синтаксическое ограничение там, где оно есть, редко приводит к успеху.

Пока не доказано обратное, мы будем считать, что перемещение болгарского глагола в позицию перед кластеризуемыми клитиками главного предложения является просто частным случаем XP-movement, т. е. перемещения синтаксической группы в начальную позицию XP. Перемещение любой категории предложения в XP в языке с кластеризуемыми клитиками заслуживает названия «просодической инверсии», если в составе предложения есть клитики, но существенно то, что на все эти «просодические» инверсии накладывается формально-синтаксическое условие единственности начальной группы, предшествующей клитикам¹⁶. Отклоне-

¹⁶ Разумный момент теории просодической инверсии А. Альперна и С. Фрэнкса заключается в том, что она объясняет порядок #V –CL в главном предложении как коммуникативно немаркированный только в славянских языках со строгими энклитиками (болгарский, сербохорватский и т. д.). В македонском языке, где кластеризуемые элементы, кроме частицы *ли*, являются универсальными клитиками/нестрогими проклитиками, коммуникативно нейтральные высказывания с начальным глаголом невозможны, так как эту нишу занимают высказывания с начальной проклитикой. Ср. предложение мак. #Си=му=зи=показвала, которое С.Фрэнкс глоссирует '(They say that) you showed them to him', но не

ние от этого принципа в W-системах и W⁺-системах возможно только при отказе от базового порядка слов в пользу производного порядка слов, что будет рассмотрено ниже в разделе 4.3.

8.6.6. Ограничение на число групп в начальной позиции предложения в W-системах и W⁺-системах

Начальная позиция в W-системах и W⁺-системах, как установил еще Я. Ваккер-нагель, не закреплена за какой-то определенной категорией предложения, и, в современной терминологии, является позицией произвольной категории (XP), точно так же, как начальная позиция независимого повествовательного предложения в германских языках V2 и в языке кашмири [Bhatt 1999]. Для того, чтобы W-система /W⁺-система могла функционировать, требуется, чтобы она могла заполняться по крайней мере двумя разными типами категорий¹⁷. «Минимальные» W-системы такого типа известны в других ареалах, где начальная позиция может заполняться глаголом и некоторой другой категорией, после которых употребляется один и тот же набор кластеризуемых клитик: так устроен язык люмми элишской семьи [Jelinek 1996] и некоторые афразиатские языки. В славянском ареале таких систем нет: наиболее часто клитикам предшествуют группы подлежащего, дополнения, обстоятельств, финитные формы глагола, инфинитивы и причастия.

В то же время W-системы и W⁺-системы жестко ограничивают число групп членов предложения, которые могут предшествовать кластеризуемым клитикам:

- В синтаксически непроемких структурах перед кластеризуемыми клитиками в W-системах и W⁺-системах может стоять одна, и только одна группа члена предложения.

В славянских языках критерии замкнутости синтаксической группы до некоторой степени варьируют из-за способности славянских языков образовывать ансамбли¹⁸ в начальной позиции XP. Так, например, чешский язык обычно разрешает постановку перед клитиками единственной группы обстоятельства, однако в коммуникативно маркированных высказываниях, как показали К. Олива и Т. Августинова, в виде исключения допускаются ансамбли из нескольких обстоятельств [Avgustinova, Oliva 1997: 45–46]. В примере (44) ансамбль из трех обстоятельств склеивается коммуникативным значением выделенной множественной темы:

*#показвала=си=му=зи. [Franks 2008: 102]. Однако ничто не мешает объявить любое XP-перемещение в языках со строгими энклитиками «просодической инверсией» и прийти к аналогичному выводу о том, что в большинстве случаев вынос группы в XP не связан с коммуникативным выделением выносимого элемента.

¹⁷ Если все кластеризуемые элементы присоединяются только к одному типу категорий, которая всегда стоит в начале предложения, нет возможности проверить синтаксическую подвижность этих элементов и подтвердить их статус клитик уровня предложения. Такая проблема возникает в отдельных полинезийских языках с начальным глаголом.

¹⁸ Термины «цепочка» или «кортеж» были бы в данной ситуации неправильны, так как славянские языки, разрешающие несколько групп в XP, обычно не фиксируют их порядок.

(44) разг. чеш.

XP	CL	YP
{ _{TopicP} [Minulý týden] [v neděli ráno] [v koupelně]}	=se	Jan nebezpečně zranil
{ _{TopicP} [На прошлой неделе] [в воскресенье] [утром в ванной]}	=ся	Ян опасно поранил (ся)

Возможность/невозможность образовывать ансамбли подобного рода противопоставляет славянские W-системы друг другу и способствует параметрическому варьированию внутри ареала. Так, словацкий язык, близкородственный чешскому, примеров типа (44) не допускает. Следует подчеркнуть, что в системно наиболее важных случаях все славянские W-системы и W⁺-системы исключают начальные ансамбли из двух и более групп членов предложения в XP. Категорически запрещены ансамбли четырех типов:

- Финитный глагол + дополнение *[V_{fin} + O],
- Подлежащее + финитный глагол *[S + Vf_{fin}],
- Финитный глагол + обстоятельство *[V_{fin} + Adv],
- Подлежащее + дополнение *[S+O].

Это позволяет считать, что требование единственности начальной группы, предшествующей клитикам в производных структурах вида #[XP] – CL, в славянских языках не размывается: появление цепочек запрещенного типа является достаточным основанием для исключения языка из множества W-систем и W⁺-систем. Возможность образования ансамблей разрешенного типа служит для славянских языков дополнительным ресурсом, позволяющим вставлять в начальную позицию предложения с клитиками более длинные группы. Подробнее этот параметр обсуждается ниже в гл. 9.

В генеративной славистике принято говорить о выносе элементов в начало предложения, как о синтаксической операции – XP-fronting или XP-movement, т. е. «перемещение в начало предложения». Вынос в XP ансамблей из групп со сходной, но не тождественной категориальной маркировкой, например, ансамблей из двух дополнений, называется термином Multiple Fronting [Dimitrova-Vulchanova 1999]. Признание выноса группы, предшествующей клитикам, собственно синтаксической операцией вытекает из признания помещения клитик во вторую позицию предложения синтаксическим, а не фонетическим механизмом. Те лингвисты, которые, как С. Андерсон [Anderson 1995], считают, что вторая позиция кластеризуемых клитик имеет фонетическое объяснение, могут отрицать, что XP-movement в славянских языках имеет место: такую же трактовку, как было отмечено, отстаивает для болгарского языка С. Фрэнкс, который сохраняет гипотезу об XP-movement для других славянских языков. Поскольку мы убеждены, что позицию кластеризуемых клитик ни в одном славянском языке нельзя объяснить нефонетически, мы настаиваем на том, что заполнение начальной позиции во всех W-системах/ W⁺-системах есть XP-movement.

8.6.7. С-системы

Мы показали, что ограничения на размещение цепочек клитик могут комбинироваться как с ограничениями на размещение других категорий предложения (болгарский, македонский язык и прочие W^+ -системы), так и с отсутствием таковых (прочие славянские языки, отнесенные выше к W -системам и W^* -системам). Однако отсутствие ограничений на размещение цепочек клитик вовсе не означает, что в языке есть какие-то другие грамматикализованные ограничения на расстановку категорий предложения. Доказательством служат восточнославянские языки – русский, белорусский и украинский, где кластеризуемых клитик нет вообще, как нет и ограничений германского или болгарского типа на место глагола и других категорий предложения. Языки данного типа мы назовем S -системами ($S = \text{'communicative'}$).

- Язык L является S -системой, если в нем нет грамматикализованных ограничений на расстановку категорий предложений, реализующихся автоматически независимо от выражаемых коммуникативных значений.

Ответ на вопрос, как подобная система порядка слов вообще может функционировать, уже был намечен выше в гл. 7, в разделе о ЛА-преобразованиях. Сформулируем его в форме имплицативной гипотезы.

- Если язык L является S -системой, линейные и акцентные варианты предложений с общей лексико-синтаксической структурой порождаются направленными преобразованиями, одновременно меняющими место и коммуникативный статус элементов – ЛА-преобразования. ЛА-преобразования действуют на коммуникативные составляющие, границы последних могут не совпадать с границами синтаксических групп.

По отношению восточно-славянским S -системам эта гипотеза уточняется так:

- Славянские S -системы относятся к языкам с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих. В языках с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих имеется тональный алфавит из ограниченного числа синтаксически релевантных просодий, соотношенных со значениями темы, ремы и других базовых коммуникативных статусов.

Классы S -систем и языков с прямым интонационным маркированием не совпадают: интонационное маркирование может сочетаться и с фиксированным порядком слов. Вместе с тем, вероятно, что большинство S -систем имеют интонационное маркирование.

8.7. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале

Праславянский язык с высокой вероятностью был стандартной W -системой, близкой к древненовгородской, ср. [Циммерлинг 2002]. А. А. Зализняк показал, что книжная древнерусская W^* -система выводима из древненовгородской системы, в то время как деривация в обратном направлении невозможна: [Зализняк 2008], ср. обсуждение в [Циммерлинг 2009b]. Согласно М. Димитровой-Вулчановой, Й. Гълыбов был первым

славистом, который интерпретировал болгарскую W^+ -систему как систему с законом Ваккернагеля с наложенным на нее ограничением на место глагола [Gálábov 1950]. Напротив, Р. Якобсон объяснял исчезновение W -систем в восточнославянском ареале фонетическими причинами – изменением характера словесного ударения [Jakobson 1935]. Эта гипотеза не опровергнута, но и не верифицирована. В общем случае, синтаксические ограничения обладают определенной инерцией и не всегда коррелируют просодическими условиями, действующими в синхронии данного языка. Так, болгарский язык имеет фонологическое разноместное ударение и фонетические механизмы выделения ударного слога, а македонский язык имеет фиксированное ударение на третьем слоге от конца, при этом ударный слог фонетически выделен гораздо слабее, чем в болгарском. Однако синтаксические системы болгарского и македонского языков близки.

Наличие однотипных W -систем с разным составом клитик в разных частях славянского ареала не может объясняться параллельным развитием. Становление W^+ -систем – инновация болгарского и македонского языков. Утрата цепочек клитик в истории русского языка тоже является инновацией: еще в XV в. живой древнерусский язык (сев.-зап. диалект) был стандартной W -системой. Выделяются три ареала славянских W -систем, использующих три разных варианта Правила Рангов – балканский (включая болгарский и македонский), западнославянский и древнерусский: эти три ареальных типа Правил Рангов определяются с опорой на место наиболее поздних слоев клитик, получивших место в цепочках уже после распада праславянской общности [Циммерлинг 2009а], см. ниже гл. 10. Отдельные диалекты украинского языка (Закарпатье) в плане синтаксиса клитик близки древнерусскому языку: диалект с. Синевир является хорошо описанной W -системой [Толстая 2000]. Древнечешский язык XV–XVI вв. надежно квалифицируется как W -система западнославянского типа, хотя набор кластеризуемых клитик в древне- и новочешском не совпадают. Старопольский язык в большей мере соответствует характеристике W -систем, чем современный польский. Наиболее древней засвидетельствованной W^* -системой является книжная церковнославянская. Отход от стандартной W -системы в этом языке и в языке древнерусских книжных памятников можно связать с ориентацией на письменную речь и, отчасти, переводной или подражательный характер памятников [Зализняк 2008: 166].

Итак, восстанавливаются следующие направления эволюции:

- 1) W -система → W -система (консервация исходного типа): сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, закарпатский украинский, русинский.
- 2) W -система → W^+ -система: болгарский, македонский языки.
- 3) W -система → W^* -система: польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий языки.
- 4) W -система → C -система: русский язык.

В следующих главах будут рассмотрены параметры, связанные с действием Правил Ранга, Правил Начальной Составляющей и Правил Барьера в W -системах и W^+ -системах.

Глава 9

ПРАВИЛА РАНГОВ

В СЛАВЯНСКИХ СИСТЕМАХ ПОРЯДКА СЛОВ

9.0. Правила Рангов в синхронии и диахронии

Правила Рангов клитик (Clitic Templates) порождают цепочки клитик – объекты, имеющие признаки синтаксических групп. Если кластеризуемые клитики стоят контактно, их перестановка невозможна, и для любых двух кластеризуемых клитик a° и b° действует правило, устанавливающее их относительное расположение: $a^\circ > b^\circ$. Совокупность правил для пар клитик, типа $a^\circ > b^\circ$, $b^\circ > c^\circ$, дает Правило Рангов, устанавливающее контактный порядок для всех кластеризуемых клитик: в этом случае мы будем говорить, что клитика является кластеризуемой и занимает отведенную для нее клетку (slot in a Clitic Template). Если кластеризуемые клитики стоят дистантно, относительное расположение клитик a° и b° может быть различным, в том числе, противоречить порядку, предписываемому Правилем Рангов. Это объясняется тем, что кластеризация происходит в строго определенной позиции: при разрыве цепочки часть клитик оказывается вне канонической позиции кластеризации. Таким образом, для кластеризации важны, во-первых, локализация клитик в определенной синтаксической области, во-вторых, привязка к канонической позиции, где происходит кластеризация. Как было указано выше, для всех славянских языков, имеющих кластеризуемые клитики (W-системы, W⁺-системы, W*-системы), такой позицией является позиция после начальной синтаксической группы предложения/первого фонетического слова (clausal 2nd position). В славянских языках свойство кластеризовываться и образовывать цепочки присуще только сентенциальным клитикам (clause-level clitics) и не присуще клитикам в составе непредикативных групп предложения (phrase-level clitics), однако Правила Рангов славянских языков могут учитывать и клитики, порожденные в составе вложенного предложения, если язык разрешает перенос клитик в состав вышестоящего предложения (параметр Clitic Climbing).

Вставка полноударных слов в цепочку кластеризуемых клитик запрещена по определению. В случае, когда клитики стоят контактно и упорядочиваются Правилем Рангов, между никакими двумя кластеризуемыми клитиками a° и b° не должна допускаться вставка элементов X, Y, не имеющих постоянного места в цепочке. Имеющие отклонения в основном связаны с двумя факторами. Во-первых, кластеризуемые клитики в некоторых языках мира могут просодически объединяться с некластеризуемыми клитиками, а также с атонируемыми элементами, сохраняющими словесное ударение хотя бы в некоторых контекстах. Общая причина такого явления состоит в том, что Правила Рангов могут пополняться новыми элементами: колебания фиксируют такое состояние языка, когда последний слой атонируемых элементов еще не получил постоянные клетки в таблице. Подобные

явления зафиксированы в современном чешском [Avgustinova, Oliva 1997], современном болгарском языке [Franks 2008], также в осетинском и древнегреческом языках. Во-вторых, часть клитик, ранее имевших клетки в Правиле Рангов, могут исключаться из него и закрепляться за синтаксическими позициями, отличными от той, где ранее происходила кластеризация, ср. описание такого случая для местоименных и связочных клитик в языке книжных южнорусских памятников в книге А. А. Зализняка [Зализняк 2008]. Регистрируемые колебания, опять-таки, относятся к периоду, когда этот процесс не закончен, и клитики, имеющие тенденцию стоять вне канонической позиции кластеризации, еще могут образовывать цепочки с клитиками, кластеризуемыми в данной позиции. Оба возмущающих явления прямо связаны с диахроническими процессами и фактором времени, поэтому представляется необходимым разделить параметры, отвечающие за линейное расположение кластеризуемых клитик, на группу параметров, релевантных для синхронной типологии, и группу параметров, релевантных для исторической типологии.

Имеет смысл отдельно рассматривать параметры, связанные с контактным размещением кластеризуемых клитик, т. е. с организацией самого Правила Рангов в конкретном языке, и параметры, разрешающие разрыв цепочек клитик. В данной главе рассматривается только первая группа параметров, связанная с порождением цепочек клитик, поскольку механизмы разрыва цепочек удобно представить как часть более широкого семейства правил (Правила Барьера), порождающих последовательности, при которых все или часть кластеризуемых клитик оказываются вне канонической позиции кластеризации: Правила Барьера рассматриваются ниже в гл. 10.

С формальной точки зрения любые изменения Правила Рангов – как в сторону добавления новых клитик/клеток Правила Рангов и/или изменения порядка существующих клеток, так и в сторону сокращения числа клеток – являются следствием изменения всей синтаксической системы с кластеризуемыми клитиками. Однако реально изменения первого типа, как правило, не ведут к глобальной перестройке синтаксической системы, так как ротация состава клитик, расширение Правил Рангов за счет новых клитик и частичное изменение порядка клеток, по-видимому, является нормальным состоянием системы порядка слов, где принцип кластеризации клитик в той же самой канонической позиции остается в силе. Напротив, сокращение числа клеток, по-видимому, всегда свидетельствует о тенденции к смене синтаксического типа (уменьшении набора кластеризуемых клитик и их комбинаций, смене позиции кластеризации, сужении или расширении синтаксической области клитик и т. п.).

9.1. Синхронная типология

Для синхронной типологии, не учитывающей фактор времени при формировании Правила Рангов, релевантны четыре параметра – 1) порождаются ли кластеризуемые клитики в одном и том же предложении или нет, 2) имеются ли в Правиле Рангов, учитывающего клитики разрядов a° , b° , c° , неперекрещивающиеся зоны для разрядов клитик a° , b° , c° , 3) место возвратной клитики в блоке местоименных

клитик, 4) вариант Падежной Иерархии, используемый для упорядочивания цепочки личных местоимений.

9.1.1. Область порождения клитик

Этот параметр противопоставляет болгарский и македонский прочим языкам. В болгарском и македонском перенос клитик в вышестоящую предикацию (Clitic Climbing) запрещен. Все кластеризуемые клитики порождаются в матричном предложении. В прочих славянских языках окончательное упорядочение цепочки клитик происходит после вставки клитик из нижестоящих предикаций, синтаксический процессор просматривает все дерево предложения.

В то же время, болгарский язык при наличии некоторых условий [Cinque, Krapova 2012] разрешает вынос possessивной местоименной клитики в дат. п. из состава Определенной ИГ (Determiner Phrase, DP) в главную предикацию. Данный параметр принято называть термином «подъем possessора» (Possessor Raising). При этом вынесенная из Определенной ИГ дативная клитика занимает в болгарском Правиле Рангов ту же клетку, что и дативная аргументная клитика, что было впервые указано в работе Л. Шюркс и Д. Вундерлиха [Schürcks, Wunderlich 2003]. Определенные ИГ в болгарском и македонском – группы особого типа: они поддерживаются ограничением, требующим добавления определенного постпозитивного артикля (символ D) к первому элементу атрибутивного комплекса существительное + прилагательное, что дает следующую структуру:

- (1) болг./мак. $[_{DP} [_{NP} N^{\circ}/Adj\ D] CL_{DatPoss} [_{NP} N^{\circ}/Adj]]$.

Атрибутивный комплекс без определенного артикля возможен, но possessивные клитики в дат. п. могут вставляться только внутрь Определенных ИГ: болг. *ужасни-те=си грешки*, *грешки-те=си ужасни*, но не **ужасни=си грешки*, **грешки=си ужасни*. При подъеме possessивной клитики из Определенной ИГ в главную предикацию клитика в дат. п. кластеризуется, ср. вариант (2a) без подъема possessора и (2б) с подъемом клитики *си*.

- (2) болг. а. Тя намери=ли $[_{DP}$ ужасни-те=си грешки]?
 ‘Она обнаружила свои грубые ошибки?’
 букв. ‘Она обнаружила=ли ужасные-те себе ошибки’
 б. Тя намери=ли=си, $[_{DP}$ ужасни-те ___] грешки]?
 ‘Она обнаружила свои грубые ошибки?’
 букв. ‘Она обнаружила=ли=себе ужасные-те ошибки’

По отношению к болгарским примерам типа (2a-b) есть основания считать, что подъем possessора реально является синтаксическим перемещением, так как болгарский язык разрешает извлечение элементов из стандартных ИГ и Определенных ИГ. Менее прозрачно отношение между предложениями (3a) и (3b), которые, по-видимому, сигнализируют одно и то же значение и теоретически могут быть

вариантами одной и той же синтаксической структуры. Трудность представляет тот факт, что в (3а) Определенная ИГ [_{ДР} ухото=*ми*] вложена внутрь предложной группы (ПГ), при том что болгарский язык обычно не разрешает извлечение элементов из ПГ, ср. аномальный пример (4а).

- (3) болг. а. Той =*се* изкряска [_{РР} в [_{ДР} ухо-го=*ми*]].

‘Он крикнул *мне* в ухо’.

букв. ‘Он=*ся* крикнул в ухо-го=*мне*’.

- б. Той =*се*=*ми* изкряска [_{РР} в [_{ДР} ухо-го]].

‘Он крикнул *мне* в ухо’.

букв. ‘Он=*мне*=*ся* крикнул в ухо-го’.

- (4) болг. а. *Аз=*й* мисля [_{РР} за [_{ДР} очи-те ___]].

Подр.знач. ‘Я думаю о ее глазах’.

букв. ‘Я=*ей* думаю о глазах-тех’.

- б. Аз мисля [_{РР} за [_{ДР} очи-те =*й*]].

‘Я думаю о ее глазах’.

букв. ‘Я думаю о глазах-тех=*ей*’.

Г. Чинкве и Г. Крапова (2012) утверждают, что посессивная клитика в грамматичном примере (3б) вообще не входит в состав Определенной ИГ, поскольку иначе пришлось бы допустить возможность выноса из состава ПГ, что как будто исключено, ср. аномальность внешне аналогичного примера (4а). Альтернативой такого анализа является вывод о том, что вынос посессивной клитики и помещение ее в цепочку кластеризуемых клитик возможны в том случае, когда клитику в дат. п. можно одновременно интерпретировать как аргумент предиката и как посессор (ср. рус. *крикнуть кому-либо в ухо* vs *крикнуть в чье-либо ухо*), в то время как в предложениях, где посессивный элемент в дат. п. нельзя представить как семантический актанта предиката (ср. рус. *думать о глазах девушки/ее глазах*, но не **думать девушке/ей о глазах*), болгарский язык блокирует вынос клитики в главную предикацию. В любом случае, имеющиеся факты указывают на то, что и в вероятных случаях выноса посессивной клитики в дат. п. непосредственно из Определенных ИГ (2а-б), и в спорном случае с предполагаемым выносом посессивной клитики в дат. п. из состава Определенной ИГ, вложенной внутрь ПГ (3а-б), посессивная клитика в дат. п. занимает то же место в цепочке кластеризуемых клитик, что и непосессивные клитики в дат. п., так в (3а) местоимение дат. п. *ми* стоит перед местоимением вин. п. *се*, а в (2а) местоимение дат. п. *си* стоит после частицы *ли*, в согласии с Правилом Рангов болгарского языка. Поскольку не только места, занимаемые посессивной клитикой в дат. п. в цепочке, но и логико-семантические отношения между клитикой дат. п. и глагольной вершиной, аналогичны тем, которые возникают при добавлении непосессивных клитик в дат. п. в цепочку клитик главного предложения, мы можем заключить, что в болгарском Правиле Рангов есть только одна клетка для местоименных клитик в дат. п.

В других славянских языках Определенных ИГ того же типа, что в болгарском и македонском, нет, поэтому нет и почвы для прямого сопоставления болгарского/македонского, где есть параметр «подъем possessора», и прочих славянских языков, где параметр «подъем possessора» отсутствует. Вместе с тем, в болгарском и македонском possessивная клитика дат. п. при подъеме possessора занимает ту же клетку в Правиле Рангов, а сочетание двух местоименных клитик в дат. п. в одной цепочке исключено. Это можно связать с более общим параметром, который запрещает комбинацию из двух местоименных клитик в одном и том же падеже даже в том случае, когда они выражают несходные семантические роли и/или синтаксические функции. Проявлением последнего запрета является отсутствие в болгарском и македонском языках цепочек клитик, где возвратная клитика вин. п. болг. *се* мак. *са* сочеталась бы с аргументной клитикой личного местоимения вин. п. Хотя непосредственно отсутствие цепочек типа болг. $*-се=ме \sim *ме=се$, объясняется сочетанием двух разнородных факторов – 1) отсутствием в этих языках прямопереходных возвратных глаголов; 2) отсутствием в данных языках параметра Clitic Climbing, выноса клитик (не только возвратных) в вышестоящую предикацию – конечным результатом взаимодействия, как верно замечает М. Димитрова-Вулчанова, является упрощение Правила Рангов: в болгарском и македонском языках возвратная клитика всегда попадает в ту же клетку, что и личное местоимение в том же падеже [Dimitrova-Vulchanova 1999]. Наоборот, в остальных славянских языках, где параметр Clitic Climbing есть, нет запрета на одновременное использование возвратного и личного местоимений в вин. п., аргументного и possessивного местоимений в дат. п. Более того, в некоторых славянских языках с параметром Clitic Climbing Правило Рангов допускает цепочки из двух невозвратных клитик в дат. п., если первая представляет субъектную форму при безличном глаголе, а вторая – обычное адресатное дополнение, ср. чешский пример (5), где возвратная клитика *se* и аргументная клитика дат. п. *mi* синтаксически относятся к предикату главного предложения, глаголу *poslat*, а аргументные клитики дат. п. *mu* и вин. п. *ho* синтаксически относятся к инфинитиву *poslat*.

(5) чеш. [_{IP}Poslat²⁰ kurýrem] |=*se*¹_{RefAcc} (1)=*mi*¹_{1SubjDat} (2)=*mu*²_{3ObjDat} (3)=*ho*⁻¹_{3SgAcc.M/N} (4) |
dnes nepodařilo⁰¹ <tak snad zítra obyčejnou poštou>.

«Мне сегодня не удалось послать ему это с курьером < так что, может быть, завтра [пошлю] обычной почтой».

букв. «послать²⁰ курьером |=*ся*(1)=*мне*¹(2)=*ему*². (3)=*это* (4) | сегодня не удало⁰¹»¹.

Тем самым, устанавливается следующее распределение параметров Possessor Raising, Clitic Climbing и параметра, разрешающего цепочки из двух местоименных клитик в одном и том же поверхностном падеже:

¹ Пример из [Avgustinova, Oliva 1997: 30].

	Болгарский/ македонский тип	Основной славянский тип
Наличие Определенных ИГ (DP)	+	–
Подъем Посессора (Possessor Raising)	+	–
Clitic Climbing	–	+
Цепочки из двух местоименных клитик в дат. п.	–	+
Цепочки из двух местоименных клитик в вин. п.	–	+

РИС. 1. Вынос клитик в главную предикацию и цепочки из местоименных клитик в одном и том же падеже

9.1.2. Упорядочивание категорий клитик в Правилах Рангов

Этот параметр во всех языках, кроме словенского, принимает общее значение: выделяются зоны трех разрядов клитик – частиц (a^n), местоимений (b^n), связок (c^n), в синтагматике клитики этих разрядов не пересекаются, т. е. цепочки типа частица1 + местоимение + частица2, местоимение1 + связка + местоимение 2 исключены.

В наиболее простом случае Правило Рангов имеет вид (i).

$$(i) \quad [{}_A a^1, a^2 \dots a^n] [{}_B b^1, b^2 \dots b^n] [{}_C c^1, c^2 \dots c^n].$$

Приближением к этому идеальному случаю является древненовгородское Правило Рангов, где все частицы стоят левее местоимений, а все местоимения стоят левее связок.

Частицы					Местоимения		Связка «быть» в наст. времени инд.
1	2	3	4	5	6	7	8
Affirm	Quest	Cause	Evid	Opt	Dative	Accusative	1-2 Sg. Pl. Du.
же	ли	бо	ти	бы	ми, ти си, ны, вы, на, ва	ма, та, са, на, вы, на, ва, и, ю, к, ю, я	късь, къси, късье, късье, късьѣ, къста

РИС. 2. Правило Рангов в древненовгородском диалекте [Зализняк 2008: 28]

В сербохорватском, болгарском и македонском Правилах Рангов имеется частица *ли* (a^0), блок местоимений (b^0) и две дистантно расположенные зоны для связок (c^0): одна из них (C^1) предшествует блоку местоимений, а другая (C^2) следует после, однако вместе C^1 и C^2 не встречаются, поэтому условие непроницаемости зон соблюдается.

$$(ii) \quad [{}_A a^1] [{}_C c^1] [{}_B b^1, b^2 \dots b^n] [{}_C c^2] \sim * [{}_C c^1 [{}_B b^n] {}_C c^2].$$

Частица	Связка 1	Местоимения			Связка 2
1	2	3	4	5	6
да-нет вопрос.	связки наст. вр. глагола «быть», кроме формы 3 л. ед.ч. связки 1-3 л. оптатива глагола «быть». Связки 1-3 л. буд. вр	местоимения в дат. п.; Возвратное местоимение в дат.п. (если используется)	Местоимения в вин. п. и род.п.	Возвр. Местоимение в вин. п.	3 л. ед. ч. связки наст. вр. глагола «быть»
=li	1-2 Sg. =sam, =si; 1-3 Pl. =smo, =ste, =su	1-3. Sg. =mi, =ti, =mu _{3M/NP} =joj _{3P} 1-3 Pl. =Nam, =vam, =im	1-3 Sg.: =me, =te, =ga _{3M/NP} =je _{3P} (~ju _{3P}); 1-3 pl.: =nas, =vas, =ih.	=se	=je
	Sg. =ću, =ćeš, =će; pl. =ćemo, =ćete, =će	Refl. (=si)			
	Sg. =bih, =bi, =bi; Pl. =Bismo, =biste, =bi				

РИС. 3. Правило Рангов в сербохорватском языке по [Browne 2007]²

В словенском Правиле Рангов имеются две зоны для частиц – одна с левого края (a¹), другая – с правого (a²): между ними есть две позиции связок (c¹ и c²) и блок местоимений (bⁿ). Вставка частиц и связок в цепочку местоимений невозможна. Связки c¹ и c² находятся в отношении дополнительной дистрибуции, но a¹ и a² могут встречаться в одной цепочке, что выделяет словенское Правило Рангов на фоне остальных славянских языков.

$$(iii) \quad [{}_A a^1] [{}_C c^1] [{}_B b^1, b^2 \dots b^n] [{}_C c^2] [{}_A a^2] \sim * [{}_C c^1 [{}_B b^n] {}_C c^2] \sim [{}_A a^1 [{}_B b^n] {}_A a^2].$$

² Высказывалось мнение, что срб.-хрв. частица =li не является элементом того же уровня, что местоименные и связочные клитики, так как во многих региональных разновидностях сербохорватского языка =li не может клитизироваться к полной группе и всегда стоит после первого ударного слова [Bošković 2001].

Частицы 1	Связки 1	Местоимения			Связки 2	Частицы 2
1	2	3	5	6	7	8
=pa	связки наст.вр. глагола «быть», кроме формы 3 л. ед.ч.; показатель оптатива	возвратные мест. в вин. п. и дат. п.	личные мест. в дат.п.	личные мест. в вин. п. и род. п. (если есть оба, мест. вин. п. ставится перед местоимением в род. п.	связка 3 л.ед. ч. наст. вр. глагола «быть»; связки буд.вр.;	=že
	1-2 Sg. =sem, =si; 1-3 Du. =sva, =sta, =sta; 1-3 Pl. =smo, =ste, =so	=se; =si	1-3 Sg. =mi, =ti, =mu, =joj; 1-3. Du. =Nama, =vama, =jima 1-3 Pl. =Nam, =vam, =jim	1-3Sg. =me, =te, =ga, =jo _{3FAcc} /-Je _{3PGen} ; 1-3 Du. =naju, =vaju, =ju/jih; 1-3 Pl. =nas, =vas, =jih.	=je	
	=bi			1-3 Sg. =bom, =boš, =bo; 1-3 Du. =bova, =bosta, =bosta; 1-3 Pl. =bomo, =boste, =bodo/bojo		

РИС. 4. Правило Рангов в словенском языке³

В современном чешском языке см. гл. 3, рис. 4 номинально имеет место то же отношение, что и в словенском. Имеются две зоны для частиц: вопросительная частица =li стоит с левого края Правила Рангов, а дискурсивные частицы =už 'уже' / =prý 'говорят' и =asi 'может быть' – с правого. Но =li практически не употребляется в цепочках с другими клитиками.

9.1.3. Место возвратной клитики в блоке местоимений

В славянских языках основной возвратный показатель является местоимением, и возвратная клитика всегда размещается в блоке местоимений. В болгарском, македонском и древненовгородском возвратные клитики вин. п. и дат. п. занимают те же клетки, что и личные местоимения в том же падеже. В прочих языках оно занимает особую клетку, что удлиняет Правило Рангов. Зафиксировано пять вариантов.

[_{CliticP}...[_{Pronouns} [Dat > Acc/Gen] > **Refl**]...]: порядок, при котором возвратное местоимение в форме вин. п. стоит правее блока личных, закреплен в сербохорватском языке и закарпатских диалектах украинского языка.

[_{CliticP}...[_{Pronouns} **Refl** > [Dat > Acc]]...]: порядок, при котором возвратное местоимение предшествует блоку личных местоимений, закреплен в современном чешском и словенском языках.

[_{CliticP}...[_{Pronouns} [Dat] > [**Refl**] > [Acc]]...]: порядок, при котором возвратное местоимение вклинивается между местоимений в дат. п. и вин. п., характерен для языка древнечешских памятников XV–XVI вв.

³ По [Browne 2007] и [Циммерлинг 2002: 81].

[_{CliticP}...[_{Pronouns} [Dat] > [Acc1] > [Refl] > [Acc2]]...]: порядок, при котором возвратное местоимение стоит правее местоимений в дат. п. и вклинивается между двумя клетками для разных местоимений вин. п. и дат. п., характерен для бургенландского хорватского.

[_{CliticP}...[_{Pronouns} [Dat1] > [Refl] > [Dat2] > [Acc]]...]: порядок, при котором возвратное местоимение предшествует местоимениям в вин. п. и вклинивается между двумя клетками для разных местоимений дат. п., характерен для русинского языка Воеводины.

9.1.4. Иерархия Падежа-и-Лица

Перенос возвратного местоимения в главную предикацию в языках с параметром Clitic Climbing – фактор, потенциально усложняющий Правило Рангов, если возвратное местоимение не занимает позицию с левого или правого края блока местоименных клитик, а вклинивается между разными клетками для личных местоимений. Нетривиально устроены два Правила Рангов, выделенные У. Брауном в малых балканских языках – в бургенландском хорватском [Browne 2007] и в русинском языках [Browne 2008]. В этих языках формы разных лиц местоимений вин. п. и дат. п. занимают разные клетки. Это означает, что в данных языках блок местоименных клитик упорядочивается не простой Иерархией Падежа (Case hierarchy), предсказывающей порядок дат. п. > вин. п., а более сложной Иерархией Падежа-и-Лица (Case-and-Person hierarchy). В бургенландском хорватском эта иерархия имеет следующий вид:

(iv) Dat > Acc 1-2. Sg-Pl. > Acc 3 Sg-Pl.

Такое соотношение возникает из-за того, что форма возвратного местоимения =se (учитываемого Правилем Рангов ввиду параметра Clitic Climbing), вклинивается между личными местоимениями вин. п. 1–2 л. и личными местоимениями 3 л.

Частица	Связка 1	Местоимения				Связка 2
		3=Dat	4=Acc1	5=Refl	6=Acc2	
1	2	3=Dat	4=Acc1	5=Refl	6=Acc2	7
да–нет вопрос	связки наст. вр. глагола «быть», кроме формы 3 л. ед. ч.; связки буд.вр.; показатель опатива	личные мест. в дат. п.; возвратное мест. в дат. п.	личные мест. 1 и 2 л. в вин. п. и род. п.	возвратное мест. (в вин. п.)	личные мест. 3 л. в вин. п. и род. п.	связка наст. вр. в 3 л. ед.ч.
=Li	sg. =sam, =si; pl. =sma, =ste, =su sg. =cu, =ces, =ce; pl. =cemo, =cete, =cedu =Bi	sg. =mi, =ti, =mu, ^{3MNS'} =joj ^{3F'} ; pl. =nam, =vam, =(j)im	sg. =me, =te; pl. =nas, =vas	=se	sg. =ga ^{3M'} NGen' =ga ^{3MAcc'} =je ^{3NAcc'} =je ^{3FGen'} =ju ^{3FAcc'} pl. =(j)i(h) ^{Gen'} =je ^{Acc}	=je

РИС. 5. Правило Рангов в бургенландском хорватском [Browne 2007]

В русинском языке Воеводины Иерархия Падежа-и-Лица имеет вид:

(v) Dat 2Sg. > Dat 1,3Sg & 1-3 Sg. > Acc.

Такое соотношение возникает из-за вставки формы возвратного местоимения *=ше*, между личными местоимения 2 л. ед. ч. *=ци* и прочими формами дат. п.

Связка 1	Местоимения				Связка 2
1	2 =Dat1	3=Refl	4=Dat2	5=Acc	6
связки наст.вр. глагола «быть», кроме формы 3 л. ед. ч.; показатель опатива.	Личное местоимение 2 л. ед. ч. дат. п.	Возвратное мест.	Личные мест. дат.п., кроме формы 2 л. ед. ч.	Личные мест. в вин. п. и род. п.	связка наст. вр. в 3 л. ед. ч.
1-2 Sg. = <i>сом</i> , = <i>ши</i> ; 1-3 Pl. = <i>зме</i> , = <i>сце</i> , = <i>су</i>	= <i>йи</i>	= <i>ше</i>	1 Sg. = <i>ми</i> ; 3 Sg. M/N = <i>му</i> , F = <i>ей</i> ;	1 Sg. = <i>ме</i> , 2 Sg. = <i>це</i> , 3 Sg. M/N = <i>зо</i> , 3Sg _{FAcc} = <i>ю</i> , 3Sg _{FGen} = <i>ей</i>	= <i>с</i>
Cond. би			1-3 Pl. = <i>нам</i> , = <i>вам</i> , = <i>им</i>	1-3 Pl. = <i>нас</i> , = <i>вас</i> , = <i>их</i>	

РИС. 6. Правило Рангов в русинском языке Воеводины [Browne 2008]

Действие иерархии Падежа-и-Лица, скорее всего, является причиной отклонений от порядка дат. п. > вин. п. в некоторых хорватских диалектах и региональных вариантах сербохорватского языка, отмеченных в [Čavar, Wilder 1999]. В то же время, в некоторых диалектах словенского языка порядок вин. п. > дат. п. обобщен⁴.

9.1.5. Иерархия Лица

Иерархией Лица (Person hierarchy) называется условие, ограничивающее употребление цепочек, где личные местоимения 3 л. предшествуют местоимениям 1–2 л., а личные местоимения 2 л. предшествуют местоимениям 1 л. [Šimik, Bhatt 2009]. Иерархия Лица не обязательно связана с контактными последовательностями клитик, так, в исландском языке этот же параметр запрещает предложения типа *Ég líkar henni «Я нравлюсь ей», но в славянском ареале он проявляется прежде всего в синтаксисе клитик. В [Котова, Янакиев 2001: 590] отмечается, что болгарское предложение *Иван=ти=ме даде за жена а не за слугиня*, букв. «Иван дал

⁴ Такой разброс систем с порядком клитик дат. п. > вин. п. и систем с порядком клитик вин. п. > дат. п. наблюдается в западнонорвежских диалектах, при том что в древненорвежских памятниках был унифицирован порядок дат. п. > вин. п., см. [Циммерлинг 2002].

тебе меня в качестве жены, а не прислуги» нехорошо, объект действия и адресат действия в этом случае лучше выразить полноударными местоимениями:

(6) болг. Иван **мене даде на тебе** за жена, а не за слугиня.

Иерархия Лица нередко сочетается с Иерархией Одушевленности, т. е. ограничением на употреблении одушевленных ИГ/личных местоимений 1–2 л. в позиции объекта действия. Так, предложение (7а), с порядком 2 л. > 1 л. неграмматично, а предложение (7б), с близким значением и порядком 2 л. > 3 л. допустимо:

(7а) болг. *Иван=**ви=ни** предаде.

Подразумеваемое значение: ‘Иван **вам нас** предал’.

(7б) болг. Иван=**ви=ги** предаде.

‘Иван вам их передал’

9.1.6. Иерархия Лица-и-Падежа

Появлением Иерархии Лица-и-Падежа в славянских языках можно считать дефактность парадигм презентных клитик индикатива связки «быть» и кратких форм личных местоимений 3 л. в древненовгородском ареале: в древненовгородском ареале ненулевых связей 3 л. нет изначально, а местоименные связки 3 л. представлены только формами вин. п. Форм дат. п. м.-ср. р. ед. ч., соответствующим болг., мак., русин. =му, срб.-хрв., слов. =ти, форм. дат. п. ж. р. ед. ч., соответствующим болг., мак. =и, русин. =ей, срб.-хрв., слов. =jej/joj, слов. =jo, и клитик дат. п. мн.ч., соответствующим болг., мак., русин. =им, срб.-хрв., слов. =jit, в древненовгородском языке нет. С учетом состава клитик эту иерархию можно назвать Иерархией Лица и Падежа (Person-and-Case hierarchy).

(vi) [1-2 Sg.Pl] > 3 Sg.Pl. Acc > 3 Sg.Pl.

9.2. Диахроническая типология

Для диахронической типологии существенно, что Правила Рангов складываются поэтапно, и состав элементов часто позволяет эти этапы реконструировать.

9.2.1. Последовательность клитизации

Для древних славянских работ реконструкция этапов клитизации предлагалась в [Циммерлинг 2002: 82] и [Зализняк 2008], ср. обсуждение спорных моментов в [Циммерлинг 2009b]. Оба автора согласны, что праславянское Правило Рангов имело вид близкий к (viii) [_A a¹, a²..aⁿ] [_B b¹, b²... bⁿ] [_C c¹, c²...cⁿ], так как блок А (частицы – клитики) содержит наиболее старые элементы, унаследованные из отдаленного праязыка – частицы =ли, =же, =бо. Блоки ВС (т. е. местоименные и связочные клитики соответственно) должны были быть присоединены позже, в два этапа.

Блок В (местоименные клитики) содержит старые и.-е. формы клитик дат. п. и вин. п., которые невыводимы из полноударных форм славянских местоимений. Од-

нако формы вин. п. серии =*мя*, =*тя* в =*ся* в древних славянских языках обнаруживают ряд свойств, нетипичных для подлинных кластеризуемым клитик, в частности, в древненовгородском диалекте и старославянском языках они могли клитизироваться к предлогам (ср. за=*ся*, по=*нь*), что, по мнению А. Вайяна и А. А. Зализняка, является реликтом их прежнего полноударного статуса – «они стали энклитиками сравнительно поздно» [Зализняк 1993: 285]. Эта формулировка А. А. Зализняка, повторенная в [Циммерлинг 2002: 81–82] и [Зализняк 2008: 32] сейчас кажется нам спорной, но на доказательность общего рассуждения она не влияет: важно не то, были ли краткие местоименные формы вин. п. клитиками в сочетании с предлогом или нет, но то, что способность кратких форм местоимения сочетаться с разными типами составляющих подтверждает, что они специализировались в функции кластеризуемых клитик позже форм дат. п. (которые не сочетаются в славянских языках с предлогами). В этой связи не может быть случайным то, что порядок дат. п. > вин. п. отражает последовательность клитизации, а более поздний слой местоимений – краткие формы вин. п. – стоит в Правиле Рангов древненовгородского диалекта, старославянского и древнерусского языков правее более раннего слоя – кратких форм дат. п. Имеется и надежный ответ на вопрос, почему более поздние клитики присоединились к существующим именно справа, а не слева: слева от местоименных клитик дат. п. в этот период уже стояли частицы =*же*, =*ли*, =*бо*, т. е., элементы, заведомо получившие статус клитик задолго до праславянского состояния⁵. Напротив, правее местоимений в общеславянский период едва ли могли стоять какие-либо клитики, так как в древнейших письменных памятниках славянских языков клитизация связок еще не завершена. Свойственным большинству современных славянских клитик прош. вр. и буд. вр. глагола «быть» и клитики «хотеть» (показатель буд. вр. в болг., мак. и сербохорв. языках) еще нет. Презентные формы служебного глагола «быть» в старославянском и книжном древнерусском или не были клитиками [Зализняк 2008: 128], или вели себя глагольными клитиками в то время, когда частицы и местоимения том же языке образовывали общие цепочки во второй позиции от начала предложения [Циммерлинг 2009а: 274]. Лишь древненовгородский диалект дает неоспоримое свидетельство наличия презентных форм связки «быть», но тут парадигма оказывается дефектной – «связки 3 л. в живом древнерусском языке отсутствовали» [Зализняк 1993: 285]. Все это подтверждает, что в древненовгородской W-системе – наиболее древней из доступных непосредственному наблюдению слависта (см. таблицу на рис. 1 выше), в правой части Правила Рангов каждый последующий элемент представляет более поздний слой клитизации, чем предыдущий.

- (i) XP..... ClDat] → XP..... ClDat + ClAcc]
 (ii) XP..... ClDat + ClAcc] → XP..... ClDat + ClAcc] Cl Aux]

РИС. 7. Последовательность клитизации в древненовгородском Правиле Рангов⁶

⁵ Генетические тождественные элементы имеют статус клитик и в других древних и.е. языках.

⁶ По [Циммерлинг 2002: 82]

9.2.2. Исторический и Категориальный Принципы формирования Правила Рангов

Исторический Принцип формирования Правила Рангов означает, что Правило Рангов поэтапно выстраивается слева направо, и каждый последующий элемент клитизируется позже предыдущего. Его антипод – Категориальный Принцип означает, что блоки клитик упорядочиваются соответственно своей синтаксической категории⁷. В книге 2008 г. А. А. Зализняк объяснил все древненовгородское Правило Рангов исторически: «полноударные слова, переходящие в ходе истории в категорию энклитик, попадают ... в конец уже имеющихся блоков энклитик. Тем самым система рангов оказывается своего рода «окаменевшей историей формирования энклитик» [Зализняк 2008: 47]. Это преувеличение. Исторический принцип действует в древненовгородской системе, как в других славянских W-системах, в пределах блоков клитик – для блока частиц и для блока местоимения + связки: по левой части Правила Рангов, где стоят частицы =же=ли=бо=ти=бы, действительно можно указать, что частица =бы (по просхождению – форма аориста глагола «быть») клитизировалась позже всего, но она стоит в Правиле Рангов перед безусловно более древними местоименными клитиками дат. п. Для частицы =ти «в самом деле» можно допустить, что она моложе частиц =же, =ли, =бо, поскольку в отличие от них она является застывшей падежной формой дат. п. 2 л. ед. ч. в зн. *dativus ethicus*, а лексикализация грамматического элемента требует времени. Но мы ничего не знаем об относительной древности частицы =ти и местоимений дат. и вин. п., или об относительной древности частицы =бы и связки 1 л. ед. ч. =есмь.

Позиции частиц =už ‘уже’, =prý ‘говорят’ и =asi в чешском Правиле Рангов (крайние справа) указывают на то, что они вошли туда позже всего: формы =u+ž и =a+si морфологически производны и представляют собой комбинации двух более ранних клитических элементов. Однако тот факт, что презентные формы связки «быть» стоят в чешском в той же клетке, что и поздняя оптативная частица =by (форма 3 л. аориста «быть», клитизовавшаяся раньше других членов парадигмы), и еще более поздние формы 1–2 л. оптатива =bych, =bys, =bychom, =byste свидетельствует о том, что здесь действовал категориальный принцип, и все имеющие формы связок попали в одну клетку. При этом место клетки связок перед блоком местоимений свидетельствует против гипотезы о том, что последовательность связки (с) > клитики (b) отражает порядок клитизации этих категорий в чешском языке.

(viii) [_A a¹] [_C c¹] [_B b¹, b²... bⁿ] [_C c²] [_A a¹ aⁿ].

⁷ Как отмечено в гл. 4, существует и третий принцип – просодический, когда по Правилу Рангов более короткие и легкие клитики стоят перед более длинными, а категория клитик не важна. Такова ситуация в языке себуано [Billings, Konopasky 2002], см. также [Zimmerling 2009]. В славянском ареале таких систем нет.

Частицы	Связки	Местоимения			Частицы	
		REFL	DAT	ACC	Particle 2	Particle 3
1	2	3	4	5	6	7
=Li	1-2 Sg = <i>jsem</i> , = <i>jsi</i> , = <i>jsme</i> , = <i>jste</i>	= <i>se</i> , = <i>si</i>	I. – noncorrelative: = <i>mi</i> , = <i>ti</i> , = <i>mu</i> , = <i>ji</i>	I. – noncorrelative: = <i>mě</i> ; = <i>te</i> , = <i>ji</i> , = <i>to</i>	<i>tu</i> ‘here’, <i>už</i> ‘already’ <i>prý</i> ‘they say’	<i>Asi</i> ‘maybe’
	1-3 Sg= <i>bych</i> , = <i>bys</i> , = <i>by</i> , 1-2 Pl = <i>bychom</i> , = <i>byste</i>		II – correlative: <i>ná</i>	II – correlative: <i>ná</i>		

РИС. 8. Правило Рангов чешского языка [Hana 2008]

Сформулируем индуктивное обобщение:

- В славянских языках Исторический Принцип выступает инструментом расширения, перестройки уже сложившихся Правил Рангов, но не является принципом сборки Правил Рангов из имеющего в языке инвентаря клитик.

9.2.3. Первичное и вторичное упорядочение

Система порядка слов может сохранять исходный принцип упорядочения Правила Рангов (будь он историческим или категориальным) или менять ее. Есть основания считать, что все Правила Рангов современных славянских языков и диалектов – продукт перестройки: возможно, мы пришли бы к тому же выводу, если бы непосредственно наблюдали предысторию древненовгородской системы. Проиллюстрированное выше под (xiii) Правило Рангов чешского языка, с помещением связок перед блоком энклитик, является результатом перестройки. Эта перестройка произошла достаточно рано – уже в древнечешских памятниках XV–XVI вв. Правило Рангов имеет вид, близкий к современному. Порядок связки 1–2 л. (с) > местоимения (b) обычен и для старопольских памятников того же периода.

- (8) ст.-пол. *A teraz=*eš*=*mi* tę robotę *náznaczył*. (Zwiciadło duchowej laski 1645)
‘И теперь ты поручил мне эту работу’.
букв. ‘И теперь=*ecu.2sg*=*мне* ту работу поручил’.*
- (9) ст.-пол. *Ju-že=*ście*=*się*=*go* došytz *namęczyli*. (Żyvit Pana Jezu Krysta 1522).
‘Вы с ним уже достаточно намучились’.
букв. ‘уже=*ecme.2Pl*=*ся*=*его* достаточно намучили’.*

Порядок связки 1–2 л. (с) > клитики (b) в более древнюю эпоху теоретически мог быть исконным для широкого круга западно- и южнославянских диалектов. Наиболее древний пример – берестяная грамота 731, датируемая сер. 1150-х – сер. 1190-х гг. XII в. Эта грамота написана на диалекте, отклоняющемся от стандартно-

го древненовгородского койнэ⁸, и имеет много западнославянских черт в фонетике и лексике [Зализняк 2004: 392–394].

- (10) др. новг. и да=*есмо*=*су* ему по руку (грамота 731, XII в.)
 ‘А я обещала ему свое согласие’.
 букв. ‘и взяда=*есмы*. *ISg*=*ся* ему за руку’.

В южнославянском и южнорусском ареалах порядок местоимения (b) > связки 1–2 л. (c) > был исконным, а переход к порядку связки 1–2 л. (c) > местоимения (b) произошел уже в ходе письменной истории соответствующих языков. В древнесербских памятниках XIV–XV вв., согласно М. Н. Толстой, модель *=*jesetъ* =*se* вторична по отношению к модели *=*se*=*jesetъ* [Толстая 1991]. В украинском языке спорадические примеры типа ст.-укр. *Записали*=*есмы*=*са*, *стерегли**смы*=*са*, *штож*=*есмо*=*са* *дѣлили*, *иже*=*есмо*=*са* *обовазали*, соответствующие Правилу Рангов в современных закарпатских говорах, зафиксированы в староукраинских грамотах XV в. [Зализняк 2008: 88].

9.3. Связочные клитики 3 л. и ареальные варианты Правила Рангов

Главное отличие балканского ареала от древненовгородского/южнорусского/украинского в синтаксисе связочных клитик состоит в том, что во всех балканских славянских языках, включая русинский язык Воеводины (по изначальной классификации, не относящегося к южнославянской группе) есть клитики 3 л. от основы настоящего времени служебного глагола «быть», а в древненовгородском/южнорусском/украинском ареале таких форм нет, и развилась нулевая связка⁹. Все балканские языки, имеющие полную парадигму презентных клитик от основы «быть», используют для них две дистантные позиции: все связки 1–2 л. и 3 л. мн. ч. предшествуют блоку местоимений, а связка 3 л. ед. ч. стоит после блока местоимений. См. рис. 1, 8, 9, 10, 11 выше для болгарского, сербохорватского, словенского, бургенландского хорватского и русинского языков соответственно. Особый статус связки 3 л. ед. ч. **je* в этих языках (и македонском) объясняется тем, что связка =*je* клитизировалась и получила совокупность свойств кластеризуемых клитик, т. е. постоянное место в Правиле Рангов, позже остальных форм связочной парадигмы. Главной чертой западнославянского типа Правила Рангов, сближающей его с древненовгородским/украинским типом, является отсутствие связочных клитик

⁸ Древненовгородское койнэ XI–XV вв. было не диалектом г. Новгорода в узком смысле слова, но формой междиалектного общения, принятой на территории всего новгородского государства.

⁹ «Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица – это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно, в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев» [Зализняк 2008: 236].

3 л. настоящего времени глагола «быть», а главной чертой, сближающей его с балканским типом – препозиция форм 1–2 л. связки «быть» блоку местоимений.

9.3.1. Балканский тип Правила Рангов

Если проследить историю балканских Правил Рангов ретроспективно, от современного состояния к древности, следует заключить, что связки 3 л. клитизировались уже после того, как в этих языках устоялся порядок **=jesemь =se*, с препозицией связок 1–2 л. местоимениям. Клетка форм 1–2 л. оказалась повсеместно¹⁰ доступна для формы 3 л. мн. ч. **sot*, но недоступна для формы 3 л. **je*: это возможно лишь в том случае, если между клитизацией связок 1–2 л. и клитизацией связки 3 л. ед. ч. был значительный период времени. В результате, связка 3 л. ед. ч. **je*, как наиболее новая на тот момент клитика, в соответствии с Историческим Принципом, помещается на правый край Правила Рангов. Обозначим две зоны презентных клитик Правилах Ранга балканского типа как AUX1 (слева от блока местоимений) и AUX2 (справа от блока местоимений). Дальнейшая история балканских славянских языков показывает, что клетки AUX1 и AUX2 доступны для еще более поздних связочных клитик, которые могут вовлекаться (хотя и не обязательно вовлекаются) в Правило Рангов.

В сербохорватском и бургенландском хорватском клетка AUX1 пополняется формами служебного глагола буд. вр. «хотеть» и формами опатива глагола «быть», а также частицей *bi* (исторически относящейся к той же парадигме опатива аориста глагола «быть»). В словенском и русинском AUX1 пополняется только частицей *bi*. AUX2 не принимает в сербохорватском, бургенландском и русинском никаких новых элементов, в то время как словенский помещает в эту клетку самый поздний слой связок – формы служебного глагола «быть» в буд. вр. Наконец, в болгарском и македонском и AUX1, и AUX2 непроницаемы для новых клитик.

	AUX1	Pronouns	AUX2
Диагностическая категория	1–2 л. ед. ч. «быть», 3 л. мн. ч. «быть»	Dat+Acc+ Refl	3 л. ед. ч. «быть» <i>*=je</i>
Прочие категории	→ 1. Парадигма презентных форм глагола «хотеть» в качестве показателя буд. вр.: сербохорватский, бургенландский хорватский. → 2. полная парадигма опатива глагола «быть»: сербохорватский, бургенландский хорватский. → 3. Частица <i>bi</i> : словенский, русинский.		→ Полная парадигма служебного глагола «быть» в буд. времени: словенский.

РИС. 9. Балканский тип Правила Рангов

¹⁰ Инновация могла возникнуть в каком-то одном балканском славянском языке и затем распространиться на весь ареал.

9.3.2. Западнославянский тип Правила Рангов

Западнославянский тип Правила Рангов имеет только одну клетку для презентных связочных клитик – AUX1. Связочные клитики 3 л. в современных языках отсутствуют. Поздние вторичные клитики – формы опатива глагола «быть» – тоже попадают в AUX1. Так устроены Правила Рангов чешского и словацкого языков, а также польского языка, в настоящее время являющегося W*-системой, древнечешского и старопольского языков. Наиболее ранний образец западнославянского типа, возможно дает пример (50), процитированный выше, но он единичен.

	AUX1	Pronouns
Диагностическая категория	1–2 л. ед. ч. «быть»/частица *by – первоначально форма опатива аориста глагола «быть»	Dat+Acc+ Refl
Прочие категории	→ полная парадигма опатива глагола «быть»: сербохорватский, бургенландский хорватский.	

РИС. 10. Западнославянский тип Правила Рангов

В западнославянском ареале выбор позиции AUX1 в качестве общей позиции всех связочных клитик мог быть мотивирован двумя факторами. Во-первых, позиция AUX2, скорее всего, изначально не была генерализована для связок 1–2 л., поэтому порядок *=*jesemь* =*se*, зафиксированный примером (50), возможно, для данного ареала был исконным. Во-вторых, в западнославянском ареале была сравнительно рано доведена до конца клитизация полной парадигмы опатива глагола «быть»: в древнечешском и старопольском эта серия форм уже стоит в AUX1. Первым этапом этого процесса, как обычно считают, была клитизация формы 3 л. **by*, рано обособившейся в функции частицы. Частица **by*, по правилу (viii) стояла в блоке клитик, который предшествовал в Правиле Рангов блоку местоимений. Относительная хронология клитизация форм индикатива связки «быть» в 1–2 л. и частицы **by* неизвестна. Позиции этих категорий были смежными, так как **by*, как самая поздняя клитика в блоке частиц, по Историческому Принципу занимала в этом блоке крайне правое место, как в древнечешской, так и в географически близкой древненовгородской системе¹¹. Поэтому позиции форм индикатива связки «быть» в 1–2 л. и частицы **by* в равной мере могли быть моделью для последующей унификации клетки AUX1.

¹¹ См. древнечешский пример с тремя клитикам *Li + že + by*, предшествующими возвратной клитике =*se*: др.-чеш. *A trestati=ho budu na každý den, jest-li-že =by=se mému protivil učení, aby mne ve všem poslušen byl*. «А наказывать его буду каждый день, если он будет противиться моему учению, чтобы он был мне во всем послушен», букв. «...если же=*бы*=*ся* моему противил учению». Неясно, относятся ли частицы *Li* и *že* к цепочке, или же они являются частью сложного союза *jest-li-že* «если же», «в том случае, если», но для реконструкции позиции =*by* это не важно.

9.3.3. Древненовгородский тип Правила Рангов

Древненовгородский тип Правила Рангов имеет только одну позицию AUX2. Вторичных клитик, ее заполняющих, нет, так как все клетки Правила Рангов здесь непроницаемы для вставки новых элементов.

	Pronouns	AUX2
Диагностическая категория	Dat+Acc+ Refl	1–2 л. наст. вр. «быть»
Прочие категории	–	∅

РИС. 11. Древненовгородский тип Правила Рангов

Собственно древненовгородская система восстанавливается на основе канонических памятников древненовгородского диалекта – новгородских берестяных грамот. В данном разделе кратко характеризуются также близкие ей древнерусская система, восстанавливаемая на основе памятников других древнерусских диалектов, а также древнерусских памятников с наддиалектными грамматическими характеристиками – к этой группе можно отнести договорные и духовные грамоты Великих князей XIII–XV вв., в том числе договора последних с Великим Новгородом, и система расстановки клитик, действующая в карпатском украинском диалекте с. Синевир. Синевирская система до некоторой степени может рассматриваться как историческое продолжение древненовгородской/древнерусской системы – данный вопрос более подробно рассматривается в следующем разделе.

Древненовгородская система на протяжении XI–XV вв. хорошо сохраняет начальный блок клитик =же=ли=бо=ти=бы: это свидетельствует о том, что клитизация форм аориста опатива глагола *byti не зашла далеко, и что все частицы-клитики сохраняют свою изначальную категориальную характеристику. Древнечешский язык имел блок сходной длины =li=že=bo=ti=by, но порядок клитик в нем восстанавливается в основном по застывшим сочетаниям, так как =bo и =ti к 1500 г. практически исключены из цепочек и встречаются в основном в составе сложных союзов вроде *ne-bo-li-že* «или же». Сложные союзы и наречия с подобным составом есть и в древненовгородских текстах, но древненовгородская система параллельно поддерживает синтаксическую дискретность =же, =ли и =ти в цепочках, которые они образуют вместе с местоименными клитиками и связками: для истории славянских W-систем это нетривиальная черта.

Для древненовгородской и близкой к ней древнерусской системы характерна тенденция к пополнению блока частиц-клитик. Эта тенденция действует даже в эпоху, когда блок местоименных энклитик начинает разрушаться в результате вытеснения кратких местоименных форм. В древнерусских памятниках XVI–XVII вв. имеются дискурсивные частицы *дѣ* (показатель чужой речи) и *реку/рече/рьци* (показатель собственной речи), которые помещаются в конец блока частиц клитик (т. е. правее уже вошедших в Правило Рангов частиц =же=ли=бо=ти=бы). Другая

черта древнерусской системы тоже подтверждает диахроническую устойчивость типа Pronouns + AUX2: поздние клитики плюсквамперфекта *быль, были* стоят непосредственно правее AUX2, но не попадают в эту клетку. Процесс вовлечения *быль, были* в эту эпоху, по утверждению А. А. Зализняка, еще не был завершен [Зализняк 2008: 40], в противном случае нужно постулировать для связок плюсквамперфекта особую позицию AUX4, так как они могли встречаться в одном предложении с презентными связками, стоявшими в AUX2. Такие примеры встречаются уже в XIV в.

(11) др.-рус. а что=*ти=са* =*есмь* = *бы*' вступи' дани (ДДГ, № 11, 1388)

‘Относительно того, что я ранее отказался от дани, уступив тебе это право.’

Нам представляется все же, что постулировать для древнерусской системы клетку AUX4, заполняемую связками плюсквамперфекта (*быль, были* и т. п.) нужно. Критерием для нас служит не просодия форм ряда *быль* и не противопоставление всех употреблений полнозначного глагола «быть» всем неполнозначным употреблениям того же глагола, а особая синтактика связки «быть» в конструкциях с причастием на *-ль*. Тем самым, мы предлагаем использовать для проверки статуса форм ряда *быль* как разряда кластеризуемых клитик древнерусского языка тот же критерий, который обычно используется для проверки статуса презентных клитик от основы «БЫТЬ» в современных славянских языках. Анализ показывает, что в древнерусских памятниках полнозначные формы ряда *быль, были*, ср. *како было при дѣдѣ твоємъ и при отци твоємъ Ярославѣ* (СГГД, № 7, 1305), а также неполнозначные формы ряда *быль, были* в конструкции с инфинитивом могли занимать разные позиции в предложении и были некластеризуемыми элементами, в то время как связки плюсквамперфекта *быль, были* подчинялись закону Ваккернагеля и могли образовывать цепочки с другими кластеризуемыми клитиками. Базовый порядок демонстрирует пример (12) из договорной грамоты князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, с Новгородом от 1265 г. В данной грамоте князя Ярослава призывают отступить от произвола, ранее учиненного князем Александром; в соответствии с ситуацией – ссылка на имевший ранее место прецедент – использована конструкция плюсквамперфекта.

(12) др.-рус. новг. А *пожне, #княже#, что пошло* [_{соп} *тобѣ и твоимъ мужемъ*], то твое; а что=*быль отьяль* *братъ твой Александръ* *пожне, а то=ти, #княже#, ненадобѣ*. (СГГД, № 1, 1265)

К той же ситуации с поздней новгородцы, составлявшие договоры с князем Ярославом Ярославичем, возвращаются еще по меньшей мере трижды. В двух случаях также используется базовый порядок *Comp – CL*, где клитика =*быль* ставится непосредственно после союза *что*, см. (13a) и (13b), а один раз используется производный порядок *Comp – [BARRIER] – V – CL*, где в роли Барьера выступает ИГ [_{NP} *твой братъ*], см. (13c):

- (13) др.-рус. новг. а. А поже, #княже#, что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ;
а что=быль отъяль [_{НР} **братъ твои Александръ**] поже, то=ти ненадобе.
(СГГД, № 2, 1265)
- б. А поже, #княже#, что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ;
а что=быль отъяль [_{НР} **братъ твои Александръ**] поже, то=ти ненадобе.
(СГГД, № 3, 1270)
- с. А что [_{НР} **твои братъ**] отъяль=быль поже у Новгорода,
а того=ти, #княже#, отступи=ся: что Новгородцевъ, то Новгородцевъ;
а что пошло князю, а то княже. (СГГД, № 2, 1265)

Употребление механизма Барьера подтверждает то, что =быль в примерах (12)–(13) является клитикой. Аналогичный пример с Барьером и порядком [Barrier] – V – быль обнаруживается в более поздней грамоте 1388 г., не относящейся к новгородскому диалекту: из нее взят также обсуждавшийся выше пример (11).

- (14) др.-рус. А [_{ВБР} **которыѣ деревни**] отоималъ=быль Князь Володимеръ отъ Лыткинського села **Княгини моее** къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу **моее Княгини**. (СГГД, № 33, 1388).

В предложении от 3 л., при форме на -ль в древненовгородской системе, как подчеркивалось выше, использовалась нулевая связка презенса индикатива глагола «быть», поэтому сочетание двух связок 3 л. *=есть=быль не встречается. То же ограничение выдерживается в корпусе договорных и духовных грамот, не принадлежащих новгородскому диалекту. Чтобы увидеть цепочку связок наст. вр. и прош. вр., нужно обратиться к предложениям с формами 1–2 л. Наиболее ранний пример обнаруживается в грамоте 1307 г.

- (15) др.-рус. новг. А что сель и свободъ Дмитриевыхъ, то дали=есме=быль Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестное цѣлование, а потомъ Новгороду то все; а **тобѣ**, #княже#, в то не вступи=ся. (СГГД, № 10, 1307)

В древнерусском языке, конкретно, – в корпусе духовных и договорных грамот Великих князей XIII–XV вв., откуда взяты примеры (11–15), имеется еще один, не упомянутый А. А. Зализняком, тип связочных клитик, которые могли быть кластеризуемыми в эту же эпоху – связки буд. вр. (буду, будеши, будеть и т. д.). Как и связки прош. вр. (быль, были и т. д.), связки буд. вр. ведут себя как клитики именно в предложениях с формой прич. на -ль. Соответствующие примеры обнаруживаются как в новгородских, так и неновгородских (московских) договорных и духов-

ных грамотах: новгородский и московский диалекты в данном плане, видимо, не противопоставлены¹². Грамоты (16)–(20) относятся к новгородской группе:

- (16) др.-рус. новг. А кто=*будеть* закладень позороваль ко мнѣ, а жива въ Новѣгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступиль=ся=*есмы* Новугороду. (СГГД, № 4, 1295)
- (17) др.-рус. новг. Как истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико=*будеть* далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду. (СГГД, № 7, 1305)
- (18) др.-рус. новг. А про землю и про села, кто у кого=*будеть* купиль, знает своего истьца про куны. (СГГД, № 7, 1305)
- (19) др.-рус. новг. А што=*будеть* дѣдъ твои сильно дѣяль или иной князь на Новѣгородѣ, того=*ти* не дѣяти. (СГГД, № 15, 1327)
- (20) др.-рус. новг. Не *будеть* ѿстьца, целовати ему, како не вѣдаеть ѿстьца, ѿ сколько=*будеть* далъ на селѣ, куны взяти у Новагорода, а земля къ Новугороду. (СГГД, № 15, 1375)

То же обнаруживаем в грамотах московских и тверских князей, ср. в грамоте Дмитрия Донского от 1375 г.:

- (21) др.-рус. А кто=*будеть* боярь и слугъ къ тобѣ брату моему молодшему отъ мене отѣхаль до сего докончанья, или по сѣмъ докончаньи к тобѣ приѣдетъ, на тыхъ=*ми* нелюбья не держати. (СГГД, № 27, 1362).

В примере (22) клитика =*будеть* относится к дистантно стоящей форме *быль*, которую в данном случае следует трактовать как причастие на -ль полнозначного глагола «быть».

- (22) др.-рус. А хто=*будеть* со мною не быль на рати, а у кого *будеть* что взято, а приѣдутъ къ тобѣ, а тымъ=*ти* тако=*же* отдати по исправѣ. (СГГД, № 28, 1368).
- (23) др.-рус. А какъ=*есми* сталъ подь городомъ подь Тфѣрю до Семеня дни за мѣсяць, что=*будешь* у мене взяль войной въ тот мѣсяць, тому всему межи нас погребь; (СГГД, № 28, 1368).

Формы разных лиц связочной клитики буд. вр. (*будеть* и *будешь*) встретились в следующем примере, см. также ниже пример (26):

- (24) др.-рус. А быти=*ти* съ нами вездѣ за одинъ по думѣ, какъ=*ти* будеть годно, безъ хитрости; а гдѣ=*будешь* хотя послалъ на наше лихо, а тамо=*ти* отъслати, а не пристати=*ти* къ Татаромъ ни которою хитростью. (СГГД, № 36, 1402).

¹² Как «новгородские» обычно трактуются и те договорные грамоты, которые были адресованы Великому Новгороду, поскольку имеется вероятность, что эти грамоты были записаны новгородскими писцами.

В цепочках связочные клитики буд. вр. стоят после местоимений вин. п. и возвратной клитики *ся*, ср.:

- (25) др.-рус. а что=*ся=будеть* не *управило* по тому целованью, что=*же* *будеть* взято опосля того на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все *отъдати* по тому целованью, а съ поручниковъ порука *свести*, а нятци *попущати*. (СГГД, № 28, 1368).
- (26) др.-рус. А какъ=*еси* *взяль* Торжекъ, а кто=*ти=ся=будеть* *продаль* пословицею Новоторжанъ одернѣ, или=*будешь* серебро на комъ *дать* пословицею, тѣхъ=*ти* *отпустити* по целованью, а грамоты дерноватыи *подрати*. (СГГД, № 28, 1368)

Данные примеры достаточно ясно показывают, что связочные клитики буд. вр. (*буду*, *будешь*, *будеть* и т. д.) в конструкции с прич. на *-ль* были кластеризуемыми в древнерусском языке конца XIII–XIV в. Вместе с тем, имеется существенное отличие от связочных клитик прош. вр. (*быль*, *были* и т. д.): в древнерусском языке не было конструкции *того=*ся=еси=будешь* *отъступиль*, где личные формы связочных клитик буд. вр. и наст. вр. употреблялись бы одновременно, аналогично конструкции плюсквамперфекта, где комбинация связочных клитик наст. вр. и прош. л. была возможна, ср. пример (11) выше. Таким образом, клитики ряда *буду*, *будешь*, *будеть* должны быть помещены в древнерусском языке в клетку AUX2, в то время как клитики ряда *быль*, *были* стоят в AUX4. См. рис. 12 ниже.

	Pronouns	AUX2	AUX4
Диагностическая категория	Dat+Acc+ Refl	1–2 л. наст. вр. «быть»	1–3 л. пр. вр. «быть»
Прочие категории	-	1–3 л. буд. вр «быть»	-
	= <i>са</i>	= <i>есмь</i>	<i>быг'</i>
	= <i>ти=ся</i>	= <i>будеть</i>	

РИС. 12. Поздний древнерусский тип Правила Рангов

Комбинация связок 1–3 л. плюсквамперфекта и презентных связок 1–2 л. «быть» характерна также для современного украинского диалекта с. Синевир. Синевирская система в ряде отношений продолжает древненовгородский/древнерусский тип, отражением чего служит отсутствие презентных связок 3 л. Вместе с тем, эта система подверглась контактному влиянию западнославянских систем с клитиками (вероятно, старопольской и современной польской), в силу чего презентные связки 1–2 л. переместились из клетки AUX2 (правее блока местоимений) в клетку AUX1 (перед блоком местоимений).

В отличие западнославянского и балканского типов Правила Рангов, в древненовгородском/древнерусском типе блок местоименных клитик практически непроницаем для пополнений новыми формами и ротации местоименных основ. К началу письменной традиции в новгородском диалекте и древнерусском языке отсутствовали местоименные клитики дат. п. 3 л.: к концу древнерусского периода они так и не развились. Характерен порядок слов в примере (27), где местоимение 3 л. ед. ч. ж. р *ее* стоит не рядом с местоименной клитикой *=ми*, а после связки *еси*. С учетом того, что древненовгородское/древнерусское Правило Рангов расширялось в соответствии с Категориальным Принципом (т. е. новые кластеризуемые частицы добавлялись в конец блока уже имеющихся частиц, новые связки плюсквамперфекта помещались после презентных связок 1–2 л. «быть»), данный факт практически доказывает, что форма *ее* в этот период не была кластеризуемой клитикой.

(27) др.-рус. ты=*же*=*ми*=*еси* [ee] ѿстоупил=*са* по волѣ (Ипат. 1195, 236 об.).

‘Ты же добровольно отступился от нее в мою пользу’.

букв. ‘ты=*же*=*мне*=*еси*-2Sg. [ee] отступил=ся по (доброй) воле’.

9.4. Датировка ареальных типов Правила Рангов и внутренняя реконструкция

Наиболее естественная интерпретация данных, изложенных выше, состоит в отнесении этапа клитизации презентных форм индикатива связки «быть» не к общеславянскому, а к диалектному периоду [Циммерлинг 2009b: 274]: этот процесс был завершен лишь после распада славянской общности, не ранее XI–XIV вв. Имело место неравномерность развития. В наиболее быстро развивающихся диалектах – древненовгородский, древнезападнославянские языки – к моменту клитизации презентных форм 1–2 л. индикатива связки «быть» формы 3 л. связки были в живой речи уже утрачены, поэтому эти языки имеют в Правиле Рангов только одну позицию – AUX2 либо AUX1: выбор одной из этих позиций в каждом из названных ареалов определялся тем, насколько стабильны были участки Правила Рангов левее и правее блока местоимений. В древненовгородской системе начальный блок клитик-частиц был стабилен, поэтому предпочтительной для связок позицией было AUX2. В древнечешской системе начальный блок клитик-частиц был менее стабилен, а позиция, занятая частицей **by*, продолжала пополняться спрягаемыми формами опатива глагола «быть». Поэтому предпочтительной для презентных форм связки «быть» позицией было AUX1.

В более консервативной в данном отношении балканской зоне к моменту клитизации форм презентных форм индикатива 1–2 л. связки «быть» формы 3 л. не были утрачены, но их клитизация затянулась. Форма 3 л. мн. ч. **sot* успела занять ту же позицию AUX1, что и формы 1–2 л., но форма 3 л. ед. ч. **je* клитизировалась с запозданием, в период, когда единственно доступной для нее позицией была AUX2. В отличие от западнославянского ареала, где порядок **=jesemь =se* мог быть первичным,

в балканском ареале и в украинском языке он был обобщен в результате вторичного процесса. Временной разрыв между вовлечением связки 3 л. ед. ч. *je в Правило Рангов и предыдущим слоем клитизации связок неизвестен, но это должно было произойти после перестройки $*=s\acute{e}=jesemь > *=jesemь =s\acute{e}$. В большинстве балканских языков позиция AUX2 недоступна для пополнения, т. е. процесс клитизации связок на этапе добавления *je в AUX2 для них завершен. В наиболее радикальном балканском языке – словенском позиция AUX2 открыта и пополняется позднейшим слоем связочных клитик – формами будущего времени глагола «быть»: в словенском языке цикл клитизации связок самый длинный. Наиболее короткий цикл – в болгарском и македонском, где клитизация связок завершается распределением презентных форм связки «быть» по AUX1 и AUX2, после чего обе позиции оказываются закрыты: показатель будущего времени (болг. *ще*, мак. *ќе*) в этих языках не является кластеризуемой энклитикой и не вовлекается в Правило Рангов.

9.4.1. Проницаемость/непроницаемость клеток Правила Рангов

На примере форм связки «быть» было показано, что разные формы лица и числа одного и того же слова могут клитизироваться и вовлекаться в Правило Рангов неодновременно. Итоговые позиции, которые занимают более поздние клитики, зависят от того, доступны ли клетки, уже занятые более ранним слоем клитик, для пополнения или нет. Этот параметр мы называем Проницаемостью/Непроницаемостью клеток Правила Рангом.

В стандартном случае клетки правила Правила Рангов непроницаемы для элементов близких, но не тождественных клитикам, уже учтенным Правилем Рангов: это является условием действия Исторического Принципа расширения Правил Рангов – в противном случае Правила Рангов расшатывались бы неконтролируемым образом, что привело бы к коллапсу синтаксической системы¹³.

Тем не менее есть W-системы, где параметр Проницаемости для отдельных клеток принимает положительное значение. Так устроено Правило Рангов в закарпатском украинском диалекте с. Синевир. Здесь клетка местоименных клитик вин. п. пополнилась предложными формами вин. п. [Толстая 2000: 136, 142]:

(28) укр. диал. No ta kazali=*boo* =*bool*l mami, ščo @rodit'=*u t'a* =*s'a* ože xlopčiče.

Для славянских языков в целом это аномалия, но в данном конкретном диалекте процесс клитизации новых классов элементов по-прежнему активен: наряду с предложными местоименными клитиками диалект расширяет Правило Рангов и новыми типами связочных клитик, ср. маркер плюсквамперфекта – клитику *booli* в том же примере. С учетом того, что в диалекте с. Синевир есть еще один поздний слой связок – полная парадигма опатива «быть» (как в чешском и сербохорватском языках), Правило Рангов этого диалекта прозрачно и предсказуемо. Поздние типы связок занимают позиции AUX2 (связка плюсквамперфекта) и AUX3 (связка опатива) на правом и левом краю соответственно – см. схему на рис 13 ниже.

¹³ Что и происходит при разрушении W-систем.

Позиция AUX1 закреплена за презентными формами 1–2 л. индикатива глагола «быть» и непроницаема для позднейших клитик, поэтому оптативные формы попадают в новую позицию AUX3, находящуюся еще левее AUX1. Поскольку крайне левые и крайне правые позиции в Правиле Рангов доступны лишь для связочных клитик, новые местоименные клитики могут попасть только в находящийся посередине блок местоименных клитик.

М.Н. Толстая разбивает AUX3 на две позиции – спрягаемых форм оптатива 1–2 л. и частицы *boo* (исторически – форму оптатива 3 л.). Мы сохраняем ее нумерацию рангов, хотя в ее статье нет примеров, где формы 1–2 л. оптатива составляли бы общую цепочку с клитикой. Дополнительным доводом в пользу объединения *boo* если не в одной клетке, то в той же зоне AUX3, является наличие в диалекте с. Синевир т. н. спрягаемых союзов, т. е. сочетаний начальных проклитик *o-*, *ko*, *až-* и коннектора *koj-* с оптативной серией форм *boo*, *blm* (*boom*), *bls'*, *blsme*, *blste*: при *ko-* в 3 л. выбирается форма *ko-boo*, 1 л. ед. и мн. ч. числа – формы *ko=blm* (*ko=boom*) и *ko=blsme*, во 2 л. ед. ч. и мн. ч. – формы *ko=bls'* и *ko=blste* и т. д. [Толстая 2000: 135].

AUX3		AUX1	Pronouns			AUX2
1	2	3	4	5	6	7
<i>*byti</i> , оптатив 1–2 л.	Частица/ форма 3л. оптатива <i>*byti</i>	<i>*byti</i> , 1–2 л. связок наст. вр.	личные мест. дат. п.	личные мест. вин. п.	возврат- ное мест.	Связка <i>bool-/</i> <i>boov</i> в плюсквам- перфекте
<i>blm</i> (<i>boom</i>), <i>bls'</i> , <i>bisme</i> , <i>biste</i>	<i>Boo</i>	(<i>ě</i>) <i>m</i> , (<i>ě</i>) <i>s'</i> , <i>sme</i> , <i>ste</i> ;	I – некоррелятивные: <i>mi, ti, si, tu, ji (juj)</i> II – коррелятивные: <i>nam, vam, jim, nim</i>	I – некоррелятивные <i>n'a, t'a, s'a, go, ji</i> ; II – коррелятивные: <i>nas, vas, jix, nix</i> , III – предложно- падежные формы мест. вин. п.: <i>na n'a, u t'a</i> , и т.п.	<i>s'a</i>	<i>Boov</i> , <i>boola</i> , <i>boolo</i> , <i>booli</i>

РИС. 13. Правило Рангов украинского диалекта с. Синевир¹⁴

Синевирская система внешне напоминает балканский тип Правила Рангов¹⁵, но исторически она, скорее, возникла в итоге перестройки древнерусской системы новгородского типа по образцу (и вероятно, под влиянием) западнославянского типа. То, что она исконно относилась именно к древненовгородскому, а не к западносла-

¹⁴ По [Толстая 2000]. М.Н. Толстая пользуется термином «Правило Рангов», но не дает табличной записи.

¹⁵ М.Н. Толстая в недавних работах [Толстая 2012а: 209; Толстая 2012b] прямо сближает синевирскую систему с балканскими системами расстановки клитик.

вянскому типу, доказываемся 1) отсутствием презентных клитик индикатива связки «быть» в 3 л.; 2) тем, что клетка для презентных форм индикатива 1–2 л. связки «быть» непроницаема для пополнения; 3) тем что формы индикатива и опгатива/частицы **by* попадают в разные клетки, а не в одну общую. Главной приобретенной западнославянской чертой является то, что позиция частицы **by* в блоке частиц, стоящем левее блока местоимений, проницаема и доступна более поздним слоям связочных клитик. Этапы развития синевиурской системы раскрыты на рис. 14:

(1)

Particles				Pronouns	AUX2
...	Частица <i>*by</i>	...
Непроницаемы				Непроницаема	Формы 1–2 л. индикатива наст. вр. связки «быть»
					непроницаема

⇓

(2)

Particles		AUX1	Pronouns
...	Частица <i>*by</i>	Формы 1–2 л. индикатива наст. вр. связки «быть»	...
	Проницаема	Непроницаема	

⇓

(3)

AUX3		AUX1	Pronouns
Формы 1–2 л. опгатива	Частица <i>*by</i>	Формы 1–2 л. индикатива наст. вр. связки «быть»	...
(Проницаема)		Непроницаема	

⇓

(4)

AUX3			AUX1	Pronouns	AUX2
Формы 1–2 л. опгатива	Частица <i>*by</i>	...	Формы 1–2 л. индикатива наст. вр. связки «быть»		Формы плюсквамперфекта
Проницаема			Непроницаема	(Проницаема)	Проницаема

РИС. 14. Реконструкция истории синевиурской системы

Современное (зафиксированное записями М. Н. Толстой, сделанными в 1993–1996 гг.) состояние синевирской системы в некотором смысле промежуточное, так как связки плюсквамперфекта *boow*, *boola*, *boolo*, *booli* занимают различное место в предложениях в форме изъявительного и сослагательного наклонения. Это говорит о том, что их клитизация еще не окончена. В предложениях в форме изъявительного наклонения клитики плюсквамперфекта являются единственным типом связок: в этом случае они стоят после местоимений в AUX2 – крайней справа позиции в Правиле Рангов. Контактная/дистантная позиция связок и глагола в общем случае не играет роли¹⁶.

(29) [_{INDICATIVE P} ... [_{CLITIC} ... [Pronouns] > [AUX2]]...].

(29') укр. диал. Ja=*s'a* [ščòs'] [use] yr'ixuju, ščo može vün des'=*s'a=boow* [i] naprw.

В предложениях в форме сослагательного наклонения клитики плюсквамперфекта неизбежно сочетаются со связками опатива/частицей *boo* и стоят перед местоимениями в AUX3. Исключений и альтернативных вариантов при таком составе предложения вообще нет – все глагольные связки контактно группируются в AUX3, связка опатива предшествует связке плюсквамперфекта. Контактная позиция связок и глагола и в этом случае не играет роли – см. пример (26'), где между цепочкой =*boo=booli=s'a* и глаголом *poderžali* стоят два ударных слова – *malo* и *l'ude*.

(30) [_{SUBJUNCTIVE P} ... [_{CLITIC} ... [AUX3] > [Pronouns]]...].

(30') укр. диал. Ntje, kaže, ũ sel'i nijakogo zakona i tèpèr', koj=*boo=booli=s'a* [malo] [l'ude] *poderžali*, ta može=*boo=boolo boolo* mak.

Таким образом, связки плюсквамперфекта *boow*, *boola*, *boolo*, *booli* при наличии других клитик в предложении всегда ведут себя как кластеризуемые клитики¹⁷, но их окончательная позиция в цепочке клитик зависит от типа предложения и от наличия/отсутствия в нем других связок. В предложениях в сослагательном наклонении связка есть всегда – это форма опатива (включая *boo*), поэтому позиция AUX3 проницаема и доступна для форм плюсквамперфекта: в итоге получаем в AUX3 контактную последовательность всех связок глагольного комплекса, ср. =*boo=booli*, *boo=boolo* в примере (28). В предложениях в изъявительном наклонении связка плюсквамперфекта – единственный представитель связок глагольного комплекса, финитная вершина предложения. Так как она является кластеризуемой клитикой, она должна иметь место в цепочке. Но позиция AUX3 для нее недоступ-

¹⁶ Имеются специальные случаи, описанные М. Н. Толстой [Толстая 2000: 139], но мы от них абстрагируемся.

¹⁷ При отсутствии других клитик форма плюсквамперфекта в синевирском диалекте обычно тоже является клитикой, но возможны и альтернативные стратегии ее размещения, см. ниже.

на, так как там нет других связей и частиц. Поэтому связка плюсквамперфекта попадает в другую доступную ей позицию – AUX2, как в примере (29¹): при наличии выбора между AUX3 и AUX2 синеви́рский диалект, как мы видим, предпочитает более старую позицию AUX3 (уже имеющуюся полифункциональную позицию, где могут стоять разные типы связочных клитик) более новой позиции AUX2, где могут стоять только поздние формы плюсквамперфекта.

Мы видим, что при кажущемся разбросе вариантов выбор позиций для нового класса клитик определяется жестким алгоритмом даже в бесписьменном диалекте, где нет давления литературной нормы. Для славистики анализ диалектных систем порядка слов вроде синеви́рской очень важен, поскольку такого рода системы являются активно развивающимися и позволяют воочию наблюдать процессы клитизации и динамику преобразования Правил Рангов.

9.5. Правила Рангов, некластеризуемые клитики и полуклитики

Правила Рангов в W-системах, W⁺-системах, и тем более, W*-системах, где цепочки клитик короче и менее регулярны, нигде не охватывают всего класса клитик. В тех языках, где есть кластеризуемые сентенциальные клитики, всегда есть также групповые клитики, относящиеся к Именной Группе и прочим группам предложения, и/или локальные клитики, связанные с лексическими вершинами определенного типа: обратная импликация неверна.

Известны языки, где кластеризация клитик не связана со статусом группы, и цепочки клитик встречаются как в глагольной группе/на уровне предложения, так и ИГ и прочих группах – язык варекена аравакской семьи [Aikhenvald 1998:259], языке тарьяна аравакской семьи [Aikhenvald 2002: 54–60] и языки маках и дитидахт вакашской семьи [Werle 2002a]. В славянских языках, как подчеркнуто выше, это исключено: кластеризация славянских клитик указывает, что они относятся к уровню предложения, а хозяином клитик в стандартном случае является начальная синтаксическая группа.

Вместе с тем, славянские кластеризуемые энклитики всех разрядов – частицы, местоимения (только вин. п.) и связки – могут параллельно присоединяться к стоящим служебным словам – проклитическим частицам, союзам и предлогам, а также к формам наречий, создавая новые морфологические формы (ср. *на* + *на* > *наъ*) или новые лексические единицы с идиоматическим значением – частицы, служебные слова и наречия. Итогом этого процесса являются такие хорошо известные слова, как рус. *и-ли*, болг. *да-ли*, *на-ли*, рус. *и-бо*, укр. *о-же*, рус. *да-же*, чеш. *jest-li*, пол. *ju-że*, чеш. *ať (<a-ti)* «пускай», *toť (<to-ti)* «разумеется», рус. *у-же*, рус. *а-бы*, рус. *да-бы*, чеш. *jen-ž* «который», *kdy-ž* «когда», *kdy-by* «если бы», *kdy-ko-li* «когда бы то ни было» и т. п. Входя в состав новых лексем, кластеризуемые клитики переходят в разряд лексически связанных (bound) элементов и исключаются из Правила Рангов, хотя в переходный период в текстах могут преобладать предложения, где

линейный порядок всех клитик, связанных и свободных, соответствует Правилу Рангов, ранее действовавшему в данном языке. Такую картину можно наблюдать, в частности, в древнечешских текстах XV–XVI вв. Уменьшение числа частиц в Правилах Рангов современных славянских языков объясняется тем, что эти элементы, стоявшие на левом краю Правила Рангов, устанавливают более тесное отношение с предыдущими словоформами, и происходит переосмысление значения предложения. Само по себе это не приводит к выпадению частиц **li*, **že*, **bo*, **ti* из Правила Рангов, но параллельно возрастанию частотности связанных употреблений частиц возрастает и селективность частиц: они перестают употреблять после начальных глаголов, существительных, прилагательных, закрепляются в сочетаниях с начальным союзом/частицей и становятся синтаксически невычленимы.

В древнерусском языке, где частицы =*ли*, =*же*, =*бо*, =*ти*, =*бы* долго сохраняли статус кластеризуемых элементов и энклитики были возможны после начальных проклитик *a*, *и*, *да*, *нь*, *ци*, *не*, *ни*, круг свободных сочетаний типа начальная проклитика + энклитика, был, по А. А. Зализняку, в основном ограничен сочетаниями *a + ли*, *a + бы*, *a + ти*, *a + бо*, *и + ли*, *и + бо*, *да + же*, *да + ти*, но даже (< *да + же*) эти сочетания с раннего периода обнаруживали сильную тенденцию к лексикализации [Зализняк 1993: 290]. Поэтому синтаксическая вычленимость частицы =*же* в примере (31), датируемым XII в., поддерживается не только наличием длинной цепочки =*же*=*ми*=*са*=*еси*, но и тем, что начальный элемент – союз *ако* уже имеет в своем составе связанную клитику **кѣ*. По этому же примеру видно, что частица =*же* еще может клитизироваться к разным вершинам – союзу, наречию и глаголу.

(31) др.-рус. ны" же, брате, ако же ми са еси самъ вѣркъль, полѣзи же на конѣ
(Ипат., под. 1150 г. л. 147, по Хлебниковскому списку).

(31') ны" [_{КлитикР} =*же*], брате, ако [_{КлитикР} =*же*=*ми*=*са*=*еси*] самъ вѣркъль, полѣзи [_{КлитикР} = *же*]
на конѣ.

Редкий случай, когда W-система поддерживает двойной статус частицы **by-* и спрягаемых форм оптатива глагола «быть» одновременно в качестве компонента начального условного союза со значением «даже если», «если бы» и в качестве кластеризуемой клитики, упоминался в предыдущем разделе: так ведут себя сочетания начальных проклитик *o-*, *ko*, *až-* и коннектора *koj-* с оптативной серией *baa*, *bit* (*boom*), *bis'*, *bisme*, *biste* в диалекте с. Синевир.

История славянских языков позволяет считать, что основной причиной выпадения элементов из Правил Рангов в течение последнего тысячелетия была не потеря ими статуса клитик¹⁸, но потеря ими свойства кластеризуемости: реинтерпретация синтаксических границ групп с в предложениях с двумя и более клитиками разных разрядов приводила к тому, что клитики-частицы переосмыслились как часть на-

¹⁸ При отсутствии других клитик форма плюсквамперфекта в синевирском диалекте обычно тоже является клитикой, но возможны и альтернативные стратегии ее размещения, см. ниже.

чальных союзов и союзных слов. Напротив, основным ресурсом пополнения Правил Рангов в течение последнего тысячелетия был не переход некластеризуемых клитик в разряд кластеризуемых, а клитизация неклитических словоформ, ср. формы плюсквамперфекта в диалекте с. Синевир, формы буд. времени от основы «быть» в словенском языке и презентные формы индикатива глагола «быть» на более ранней стадии развития славянских языков: все эти формы, согласно Историческому Принципу, занимают место либо на правом, либо на левом краю Правила Рангов.

Переход от статуса неклитик к статусу клитик не был мгновенным. Прибегнем к введенному А. Вайяном и А. А. Зализняком термину «полуклитика» и определим полуклитики как элементы, которые ведут себя как канонические представители своего типа в одних конфигурациях и одном порядке слов, но отклоняются от своего типа в других конфигурациях и другом порядке слов. Получается следующая картина:

(ix) Основные направления эволюции синтаксических типов славянских клитик.

- Свободные кластеризуемые клитики ⇒ связанные клитики;
- Неклитики/полуклитики ⇒ Свободные кластеризуемые клитики.

Для кластеризуемых полуклитик главным фактором, способствующим их попаданию во вторую позицию славянского предложения, является наличие в составе предложения других кластеризуемых элементов: последние могут быть как каноническими клитиками, так и полуклитиками. По общему предсказанию, вероятность попадания полуклитики в цепочку элементов, стоящую во второй позиции от начала предложения, выше, чем вероятность ее попадания в ту же позицию вне цепочки. Это предсказание подтверждает дистрибуция презентных форм индикатива связки «быть» в древнерусских памятниках и употребление связок плюсквамперфекта клитик в диалекте с. Синевир. Согласно М. Н. Толстой [Толстая 2000: 138], при отсутствии других клитик связка плюсквамперфекта может иногда трактоваться как полнозначное слово и стоять дистантно с глаголом дальше второй позиции от начала предложения:

(32) укр. диал. Dawno ni išli ni w dekret aj rodila [doma] **boola** sobi.

‘Давно ни выходили в декрет, так родила дома’.

букв. ‘Давно ни шли ни в декрет, так родила [дома] **была** себе’

Полуклитики плюсквамперфекта серии *boov* имеют в диалекте с. Синевир и еще две дополнительные позиции, но только, если в предложении нет других кластеризуемых клитик: одиночные связки плюсквамперфекта могут стоять непосредственно перед и непосредственно после глагола, т. е. вести себя как глагольные клитики романского типа:

[_{VP} V – BOOW]

(33a) укр. диал. Ja sama ruku **boola** ūlomila.

‘Я сама (раньше) сломала руку’.

букв. ‘Я сама руку **была** удомила’

[_{VP} BOOW – V]

- (33b) укр. диал. Та оба хло́пс'і рукоо ūlomili **booli**, ūlomiw **boow** Štefan ruku, pravu, tuj.
 'И оба мальчика (раньше) ломали руку, Штефан тут ломал правую руку'.
 букв. «И оба хлопча руку ломали были, ломал был Штефан руку, правую, тут».

При наличии других кластеризуемых клитик, как указано М. Н. Толстой и подчеркнуто в нашем обзоре выше в § 9.4.1, диалект с. Синевир всегда помещает связки плюсквамперфекта в цепочку клитик второй позиции.

Подобные факты позволяют предложить простое объяснение, почему полуклитики и неклитики пополняют Правила Рангов в славянских языках.

- Для кластеризуемых полуклитик и функциональных слов-неклитик позиция в цепочке клитик второй позиции является предпочтительной потому, что такой механизм уменьшает число доступных линейных вариантов в языке со свободным порядком слов.

9.6. Эволюция возвратной клитики **sę* в славянских языках

Возвратная клитика вин. п. = **sę* изначально была кластеризуемым элементом и помещалась в блок местоимений в составе Правила Рангов. Современные балканские славянские языки и западнославянские языки сохранили это состояние. В этих языках рефлекс *=*sę* по-прежнему являются свободными кластеризуемыми клитиками. В восточнославянских языках с раннего периода = **sę* обнаруживает тенденцию к превращению в связанную глагольную клитику, и в конечном итоге, в глагольную морфему (возвратный постфикс). В древненовгородском диалекте XI–XV вв. этот процесс еще не закончен: к концу этого периода по-прежнему возможны примеры, где **sę* стоит в цепочке клитик и выступает как свободный синтаксический элемент, но частота таких примеров убывает.

А. А. Зализняк убедительно доказал, что вынос **sę* (новг. *са, ся*) из цепочки кластеризуемых клитик и помещение **sę* в контактную постпозицию глагольной форме объясняется действием типичного для W-систем и W⁺-систем механизма, называемого «эффектом ритмико-синтаксического барьера» [Зализняк 1993: 292–296]; в нашей работе используется термин Правило Барьера. Морфологизация связанной клитики =*ся* и превращение ее в глагольную морфему предполагает реанализ производных конфигураций с разрывом цепочки клитик и выносом =*ся* в глагольную группу как базовой. Такой реанализ является диалектной или ареальной чертой древненовгородского и южнорусского ареала.

9.7. Математическое моделирование эволюции Правила Рангов

Эволюция Правил Рангов до известной степени поддается предсказанию и моделированию. Требуется знать, какое значение обсужденные выше в § 9.1–9.6. параметры принимают в конкретном языке с кластеризуемыми клитиками:

- Состав клитик и расстановку блоков клитик внутри Правила Рангов.
- Исторический/Категориальный/Просодический принцип упорядочения клитик внутри блоков.
- Одновременная/неодновременная клитизация разных форм одного слова.
- Проницаемость/непроницаемость клеток Правила Рангов для пополнения однотипными клитиками.
- Наличие/отсутствие реконструкции, т. е. механизма, сдвигающего уже заполненные клетки Правила Рангов в диахронии.
- Консервацию/сокращение исходного числа клеток.
- Альтернативность/безальтернативность выбора позиций для новых клитик.

При владении соответствующей информацией успешное предсказание возможно. Модель перехода систем с Правилами Рангов из одного состояния в другое, описанная выше на материале синевирского диалекта, точно соответствует алгоритму работы одного из классов формальных грамматик – т. н. Автоматам с магазинной памятью (*M*-грамматики), которые могут за один шаг делать только одну операцию на том участке, который в данный момент является рабочим [Гладкий, Мельчук 1969: 136–150]. Рабочему участку *M*-грамматик в нашем материале соответствует та клетка Правила Рангов, которая в данный период времени имеет признак: ‘+ Проницаемость’. Основной вектор обработки – слева направо — задается Историческим Принципом; в том случае, если крайне правая клетка имеет признак ‘– Проницаемость’ для нового класса клитик, выбирается крайне левая клетка¹⁹.

Идеализация в предложенной выше модели состоит в том, что 1) *W*-система в рассматриваемый период времени стабильна и Правило Рангов является в ней инструментом вовлечения новых классов клитик; 2) в один момент времени (т. е. в одном дискретном состоянии системы) Правило Рангов может пополняться только одним новым классом клитик; 3) клитизация форм одного и того же слова может быть неодновременной; 4) новые клитики получают новые клетки в том случае, если ни одна из существующих клеток по своей категориальной маркировке им не подходит; 5) новые клитики могут пополнять уже имеющиеся клетки, если их категориальная маркировка сопоставима с категориальной маркировкой старых клитик; 6) только одна клетка в Правиле Рангов может пополняться, эта клетка имеет признак ‘+ Проницаемость’; 7) Анализатор просматривает Правило Рангов как ленту слева направо несколько раз, до обнаружения подходящей клетки; 8) Правило Рангов состоит из блоков клитик, т. е. из сегментов клитик категорий одного

¹⁹ Выделенный нами алгоритм преобразования Правил Рангов в диахронии очень похож на принцип закона Васильева-Долобо, определявшего место ритмического ударения в тактовых группах с клитиками в синхронии. Если тактовая группа с клитиками и словом определенного типа, называемым энклиноменом, содержала в древнерусском языке энклитики, ударение падало на правый край группы, т. е. последнюю энклитику – ср. др.-рус. *и не на воз же*. Если тактовая группа не содержала энклитик, ударение падало на левый край группы, т. е. на первую из проклитик: ср. *на воз*, *не на воз*, *и не на воз* [Дыбо 1975].

и того же типа (частицы, местоимения, связки и т. п.); 9) Приоритет имеет крайне правая клетка в Правиле Рангов, если она по своим характеристикам не подходит для конкретного класса новых клитик, выбирается крайне правая клетка в блоке, если и она не подходит, открывается новая клетка по принципу смежности с уже существующими клетками одноименных категорий.

Для славянских Правил Рангов такая идеализация оправдана в силу диахронической стабильности W-систем в данном ареале и циклическому характеру процессов клитизации, вовлекающему новые классы слов в Правило Рангов. На W-системах других языков описанная модель пока не опробована, хотя она имеет ресурс внутренней реконструкции и может быть полезна.

Глава 10

ПРАВИЛА НАЧАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

10.1. Ограничение на состав начальной группы

W-системы и W⁻-системы налагают ограничения на длину и структуру начальной группы, но лишь в том случае, если в предложении есть кластеризуемые клитики. Тем самым, присутствие кластеризуемых клитик в предложении является фактором, уменьшающим число допустимых порядков слов. Кластеризуемые клитики могут стоять в славянских языках после начальных элементов (базисов клитик) следующего типа:

- A. Первой ударной словоформы.
- B. Первой полной составляющей.
- C. Начальной проклитики.
- D. Подчинительного союза.
- E. Фразы-цитаты.
- F. Сентенциальной составляющей, не являющейся цитатой.

Словенский язык, единственный в славянском ареале, использует все 6 типов базисов (за исключением случая, когда постановка цепочки клитик после первой ударной словоформы сопряжена с разрывом начальной группы предложения), но большинство языков использует не более 3–4 разных базисов. Наиболее важны опции B и D, так как в главном и придаточном предложениях славянские языки, как правило, используют один и тот же набор кластеризуемых клитик: ср. в связи с этим термин C-oriented clitics «клитики, ориентированные на позицию подчинительного союза» (англ. Complementizer), который конкурировал с термином «клитики второй позиции» (англ. 2P clitics) в работах 1990-х гг. [Progovac 1996; Čavar, Wilder 1999: 435; Dimitrova-Vulchanova 1999: 89; Cardinaletti 1999]. Для чешского языка стандартно такое соотношение опций B и D:

- (1) чеш. a. [Profesor Petr X.] = *se* odstěhoval.
'профессор Петр X. ушел', букв. «[профессор Петр X.] =*ся* удалил».
- b. Helena řikala, že = *se* [profesor Petr X.] odstěhoval.
'Хелена сказала, что профессор Петр X. ушел'.
букв. 'Хелена сказала, что=*ся* [профессор Петр X.] удалил».

Очевидно, что возвратная клитика =*se* в (1a) и (1b) занимает одну и ту же позицию, поэтому естественно предположить, что позиции союза *že* «что» и синтаксической группы *Profesor Petr* тоже идентичны. Справедливость такого анализа мог бы подтвердить запрет на примеры вида ...*že* [XP] = *se*, где между подчинительным союзом и клитикой вклинивается еще одна группа. Такие примеры действи-

тельно порицаются в чешской норме. В разговорном чешском языке они, как показал Й. Хана, возможны, но коммуникативно маркированы [Hana 2008]. Их удобно считать производными от коммуникативно немаркированных примеров типа (1b):

- (1b) чеш. Helena říkala, [_{CP} že (1) = se (2) [profesor Petr X.] (3) odstěhoval] ⇒ (1c) Helena říkala, [_{CP} že (1) [profesor Petr X.]_i (2) = se (3) t_i odstěhoval.]
букв. ‘Хелена сказала, [_{CP} что [профессор Петр X.]_i =ся t_i удалил].’

Трансформация (1b) ⇒ (1c) называется **Правилом Барьера**: Правила Барьера (Barrier Rules) порождают производные линейные порядки в системах к клитиками, и будут рассмотрены ниже, в гл. 7. Базовый же порядок чешского языка для кластеризуемых элементов класса =se определяется двумя другими (параметрами). Первый из них разрешает постановку полной начальной группы (maximal projection, XP) перед =se. Второй запрещает постановку =se после фрагмента начальной группы, иными словами, вставку =se внутрь группы. Первый из этих параметров мы назовем **Правилом Сложной Составляющей** (Complex Constituent Rule), а второй – **Запретом на Разрыв Составляющей** (Constraint on a Split Initial Constituent).

- (1d) чеш. * [_{NP} manželka ...] = se [_{NP} ____ profesora Petra X.] odstěhovala.

Подразумеваемое значение: «Жена профессора Петра X. ушла».

10.2. Общая характеристика базисов клитик и группы Правил Начальной Составляющей

10.2.1. Универсальный базис Comp/XP

Диагностической характеристикой W-систем и W⁺-систем, отличающих их от W*-систем, где принцип постановки кластеризуемых клитик после первой составляющей предложения расшатан, является наличие общего набора кластеризуемых клитик для главного и придаточного предложения¹. Поэтому главным системным требованием является возможность присоединения одних и тех клитик к начальным элементам главного и придаточного предложения – группе первого члена (XP) в главном предложении и подчинительному союзу (Comp) в придаточном предложении.

	Главное предложение	Придаточное предложение
Базовый порядок	# XP – CL	Comp – CL
Производный порядок с Барьером	# [^{Barrier} XP] – YP – CL	Comp – [^{Barrier} XP] – CL

РИС. 1. Кластеризуемые клитики в главном и придаточном предложении

¹ Ср. польскую клитику =by, которая может клитизироваться только к подчинительному союзу в польской W*-системе (§ 3.6.4).

Аналогия между начальной группой (XP) и подчинительным союзом (Comp) не абсолютна. С одной стороны, Comp представляет синтаксическую категорию строго определенного типа – Comp нельзя заменить, например, на сочинительный союз, в то время как группа XP может возглавляться самыми разными категориями – финитным глаголом, существительным, прилагательным, наречием, инфинитивом, причастием – выбор конкретного типа синтаксической категории для постановки клитик не релевантен. С другой стороны, узел Comp заполняется только одной словоформой, которая может быть как ударной (ср. чеш. *jestliže* «если же»), так и безударной (ср. чеш. *že* «что»), в то время XP может быть представлена одной, либо несколькими ударными словоформами. Поэтому тот факт, что W-системы и W'-системы поддерживают параллелизм между узлами Comp и XP, потенциально представляет угрозу для стабильности этих систем порядка слов. Более точно, отождествление Comp и XP в качестве 'универсального базиса' Comp/XP, должно регулироваться дополнительными правилами, регулирующими длину и состав базиса клитик. Такие правила есть в каждом славянском языке с кластеризуемыми клитиками.

Теории Д. Чавара–К. Вильдера и Л. Проговац, прямо отождествляющих позиции Comp и XP, слишком ригористичны, так как такое отождествление заставляет авторов этих теории считать, что славянские кластеризуемые клитики в придаточных предложениях всегда стоят на одном и том же месте и порядок Comp-CL не имеет альтернативы в придаточном [Čavar, Wilder 1999: 435]. Сербохорватская литературная норма, являющаяся непосредственным объектом описания Д. Чавара–К. Вильдера и Л. Проговац, в самом деле, враждебно оценивает спорадически встречающиеся примеры типа срб.хрв. ³Marija misli, [_{CP} da (1) **sutra** (2) =je (3) ključni dan.] «Мария считает, что завтра – решающий день», букв. «Мария считает [_{CP} что (1) завтра (2) =*есть*-3Sg (3) ключевой день]», см. [Progovac 1996: 414]. Однако в других славянских языках частотность предложений с такой структурой и степень их допустимости существенно выше – ср. анализ Й. Ханы [Hana 2008] для современного чешского. Такие предложения есть и в древних славянских языках [Зализняк 1993: 287], поэтому отрицать наличие структурного типа Comp – XP – CL в славянском ареале трудно. Ни в одном славянском языке порядок Comp – XP – CL не генерализован при каком-либо подчинительном союзе. Во всех или почти всех славянских языках предложения со структурой Comp – XP – CL, если они вообще допускаются в данном типе придаточных, коммуникативно маркированы. Поэтому проще не постулировать ad hoc, как это делает Д. Чавар и К. Вильдер, особую группу CompP², состоящую из самого подчинительного союза (вершины) и следующего за ним элемента, предшествующего клитикам [_{CompP} Comp-XP], ради того, чтобы с помощью этого конструкта оправдать существование примеров типа срб.хрв. ³Marija misli, [_{CP} da (1) **sutra** (2) =je (3) ključni

² Конструкт CompP в концепции Д. Чавара и К. Вильдера не следует путать с CP (complement phrase) – стандартным обозначением придаточного предложения в хомскианском синтаксисе.

dan.] и подвести их под базовый порядок слов *Comp/XP – CL*, а открыто признать порядок *Comp – XP – CL* не базовым, а производным. В теории, отстаиваемой в этой книге, производные порядки, где кластеризуемые клитики стоят дальше второго места от начала предложения, объясняются Правилами Барьера, поэтому мы объясняем порядок *Comp – [BARRIER [XP]]_i – CL ... t_i*, как в чешском примере (1c), эффектом Барьера, возникающим в силу синтаксического перемещения элемента придаточного в позицию перед клитикой.

(1c') чеш. *Helena říkala, [CP že (1) [BARRIER [NP profesor Petr X.]]_i (2) = se (3) t_i odstěhoval.]*
 'Хелена сказала, [CP что (1) [BARRIER [NP profesor Petr X.]]_i (2) = se (3) t_i ушел.]'

В то же время, мы солидарны с Д. Чаваром и К. Вильдером в том, что Правила Барьера, порождающие производные порядки в главном и придаточном предложениях, в славянских языках являются разными механизмами: эффект Барьера Главного Предложения связан с вынесением глагола в позицию, предшествующую клитикам *XP-CL* ⇒ *[XP] – V – CL*, в то время как в придаточных предложениях это условие не выполняется. Наш собственный анализ подтверждает соответствующий вывод Д. Чавара и К. Вильдера, сделанный на материале одного отдельно взятого языка – сербохорватского.

Таким образом, для того, чтобы понять параметры, регулирующие выбор базиса клитик при базовом порядке слов *XP – CL*, достаточно данных главных предложений в славянских языках. Будем считать, что альтернативные возможности размещения клитик в славянских придаточных предложениях при базовом порядке *Comp-CL* отсутствуют, и все порядки, где между подчинительным союзом и кластеризуемой клитикой стоит одно или несколько слов, являются производными.

10.2.2. Просодические фильтры

Подчинительный союз (*Comp*) может быть как ударным, так и безударным (проклитикой). Поэтому из системных соображений желательно, чтобы и в главном предложении кластеризуемые клитики могли присоединяться к начальным проклитикам. Такая опция есть в древнейшей из доступных нам *W*-систем – новгородской [Зализняк 1993: 289] и сохраняется в современных словенском и болгарском языках. При этом в болгарском языке начальные проклитики главного предложения, способные присоединять кластеризуемые клитики, относятся к заданным синтаксическим типам – это сентенциальное отрицание *не* и оператор будущего времени *ще*. Другие славянские языки устраняют опцию, разрешающую постановку кластеризуемых клитик после начальных безударных элементов, а наиболее последовательные языки распространяют этот запрет и на безударные подчинительные союзы в придаточном.

Общее просодическое условие, налагаемое на сочетания начальной группы с клитиками, состоит в требовании, чтобы первое фонетическое слово ('такт' в терминах Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо) вида *Comp/XP + кластеризуемые клитики*, имело одно

и только одно ударение. Этому условию удовлетворяют все группы вида проклитика + кластеризуемые клитики (PL – CL) и 1 ударная (точнее, неклитическая) словоформа + кластеризуемые клитики (W^1 – CL). Локус ударения – падает ли оно на левый или правый край фонетического слова с клитиками, определяется в славянских языках достаточно строгими правилами [Дыбо 1975], но для синтаксиса они не важны. Требование, чтобы сочетание базис клитик + кластеризуемая клитик было одним фонетическим словом, мы назовем *основным просодическим фильтром*. Основной просодический фильтр выступает в качестве абсолютно рестриктивного ограничения, исключаящего все базисы клитик с двумя и более ударными элементами, только в одной системе – древненовгородской. В прочих славянских языках основной просодический фильтр выступает в качестве критерия оптимального порядка слов и не носит рестриктивного характера: он не запрещает базисы клитик с двумя и более ударными словоформами, но требует, чтобы выбор такого базиса имел некоторое формально-синтаксическое и/или коммуникативное обоснования, т. е. чтобы базисы типа [$W^1 W^2 \dots W^n$] – CL удовлетворяли некоторым *синтаксическим фильтрам* и/или *коммуникативным фильтрам*.

10.2.3. Основной синтаксический фильтр

Большая часть славянских языков допускает базисы вида [$W^1 W^2 \dots W^n$] – CL с двумя и более ударными словами в XP при условии, что грамматика языка способна распознать последовательность ударных слов $W^1 W^2 \dots W^n$ как замкнутое и законченное синтаксическое целое, имеющее единственную вершину – группу члена предложения. Это условие естественно назвать *основным синтаксическим фильтром*. Основной синтаксический фильтр также может быть рестриктивным и нерестриктивным, в зависимости от дополнительных параметров системы. Систем, где основной просодический фильтр и основной синтаксический фильтр одновременно были бы рестриктивными нет, так как это привело бы к краху порождения предложения. В новгородской системе начальная группа из одного или более ударных слов в обязательной порядке разрывается, и кластеризуемые клитики ставятся после первого ударного слова. Данный параметр называется *Правилем Разрыва Составляющей* (Split-Constituent Rule), далее – ПРС. Обязательность ПРС свидетельствует о том, что при конфликте основного просодического и основного синтаксического фильтров побеждает первый. Большинство славянских языков не имеет ПРС, поэтому клитики при конфликте основного просодического и основного синтаксического фильтров ставятся после последнего слова начальной группы: параметр, требующий постановки клитик после первой полной группы называется *Правилем Сложной Составляющей* (Complex Constituent Rule), далее – ПСС. Отсутствие ПРС при наличии ПСС значит, что при основного просодического и основного синтаксического фильтров побеждает второй. Параметры ПРС и ПСС могут комбинироваться, как в сербохорватском языке. Это значит, что ни основной синтаксический, ни основной просодический фильтр не являются в такой системе рестриктивными.

Отсутствие параметра ПРС нельзя объяснить собственными свойствами начальных групп, так как в общем случае славянские языки допускают разрыв аналогичных групп в неначальной позиции и в предложениях без клитик. Аналогично, способность языка трактовать базис из n ударных слов вида $[W^1 W^2 \dots W^n]$, как единую синтаксическую группу, и применить к ней правило ПСС, на не 100% определяется синтаксическими свойствами словоформ, предшествующих кластеризуемым клитикам. Например, болгарский язык разрешает предложения типа болг. $[[_{N} \text{Иван}] [_{Adv} \text{сигурно}]] = \text{му} = \text{го} \text{ даде}$. « $[[\text{Иван}] [\text{наверняка}]] = \text{ему} = \text{это даст}$ », где объединение элементов $[_N \text{Иван}]$ и $[_{Adv} \text{сигурно}]$ в общую группу в другой позиции было бы необязательно или проблематично. Хотя примеры, где клитикам предшествует ансамбль из разных категорий предложения, в славянских языках редки, сам факт их допустимости означает, что принципы расстановки кластеризуемым клитик нельзя в полной мере вывести из просодических и синтаксических свойств предшествующих им элементов. Таким образом, и ПРС, и ПСС – это глобальные синтаксические ограничения, налагаемые на расстановку клитик, а не локальные правила сборки групп предложения.

10.2.4. Вторичные просодические и синтаксические фильтры

Главной альтернативой базовому порядку слов $\text{Comp/XP} - \text{CL}$, является производный порядок слов с Барьером, где клитики присоединяются не к начальному узлу Comp/XP , а к следующему элементу предложения $[_{Barrier} [\text{XP}]] - \text{YP} - \text{CL}$. Вторичные просодические и синтаксические фильтры указывают на условия, при которых W -системы и W^+ -системы переходят от базового порядка к производному порядку с Барьером. Пороговое значение *длины* начальной группы из нескольких ударных слов $[W^1 W^2 \dots W^n]$, при котором выбор базового порядка без Барьера еще возможен, указывается *вторичными просодическими фильтрами*. Для большинства славянских языков $n < 6$. Пороговое значение *сложности* начальной группы из нескольких слов указывается *вторичными синтаксическими фильтрами*. В большинстве славянских языков эти фильтры запрещают в XP цепочки типа болг. $[[_{N} \text{Иван}] [_{Adv} \text{сигурно}]]$, а также группы с вложенными друг в друга зависимыми и структуры с конъюнцией и перечислением.

Правдоподобно, что вторичные просодические фильтры действуют благодаря ритмическому объединению ударных слов начальной группы и окказиональному или регулярному атонированию некоторых из слов. Для языка древнерусских памятников XII–XV вв. такое объяснение было недавно предложено А. А. Зализняком [Зализняк 2008: 78, 10]. Для целей нашей работы конкретная фонетическая манифестация вторичного просодического фильтра не играет роли, так как синтаксические ограничения в системах порядка слов с клитиками обладают определенной инерцией и не обязательно прямо отражают текущее состояние фонетических параметров в данном языке. Тем не менее, разумно признать, что в языке, регулярно допускающем постановку кластеризуемых клитик после начальной группы из нескольких ударных слов $\#[W^1 W^2 \dots W^n] - \text{CL}$, механизм рит-

мического объединения полной составляющей согласуется с просодической системой данного языка.

10.2.5. Вторичные базисы клитик

Comp/XP и начальные проклитики главного предложения являются в славянских языках основными, т. е. *первичными* базисами кластеризуемых клитик. Кроме того, в словенском и верхнелужицком языках используется еще два типа *вторичных базисов* – фразу-цитату произвольной длины и сентенциальную составляющую произвольной длины (эта опция есть только в словенском). Для вторичных базисов просодический фильтр не действует. Если бы названные языки использовали только вторичные базисы, можно было бы говорить о том, что они утрачивают свойства W-систем. По крайней мере, по отношению к словенскому языку это неверно, так как данный язык параллельно использует все типы первичных базисов.

10.3. ПСС, ПРС и основной просодический фильтр

Есть две основные стратегии размещения кластеризуемых клитик после начальных групп из двух и более ударных слов. Первая стратегия, реализующаяся в чешских примерах (1a-b), состоит в том, что клитика/цепочка клитик ставится после всей начальной группы. Вторая стратегия заключается в том, что клитика/цепочка клитик ставится после первого ударного слова начальной группы. В чешском языке соответствующего параметра нет, поэтому вариант (1d) неграмматичен. Зато в древненовгородском языке такая стратегия является основной, поэтому пример (2a) грамматичен, а вариант (2b) исключен.

(2a) др.новг. *a* [_{pp} и-Суждальской]=ти [_{pp} ___земле] *Новгорода не рядити* (ГВНП, № 1, 1264 г.).

‘а из суждальской земли, тебе не следует управлять Новгородом’.

(2b) др.новг. **a* [_{pp}и-Суждальской земле]=ти *Новгорода не рядити*.

Древненовгородское предложение (2a) порождается ПРС, а вариант (2b) бракуется основным просодическим фильтром (constraint on Multiple Phonetic Words). Древненовгородская и чешская система зеркально отражают друг друга. Чешская система комбинирует разрешительное правило ПСС с запретом на разрыв, а новгородская система комбинирует разрешительное правило ПРС с запретом на вынос группы, содержащей более одного ударного слова. Если бы все W-системы были таковы, как древненовгородская и чешская, их разделение на языки с «клитиками после первого ударного слова» языки с «клитиками после первой составляющей предложения» было бы разумно. Такие дефиниции, с легкой руки С.Андерсона, проникли в славистику³, ср. [Dimitrova-Vulchanova 1999], но на них классификацию

³ Слависты-носители W-систем порой спорят, являются ли кластеризуемые клитики в их языки более «синтаксичными» или более «фонетическими», чем в языке соседей

построить нельзя, так как систем типа новгородской в славянском ареале просто нет. Более того, точных соответствий новгородской комбинации параметров (ПРС & запрет на цепочку ударных слов) в W-системах других ареалов тоже нет: даже бесписьменные австралийские языки варльпири и дьяру, где кластеризуемые клитики чаще стоят после первого ударного слова [Nash 1986: 161], в определенных ситуациях допускают их постановку после первой полной составляющей [Nash 1986: 209]. В бесписьменном боливийском языке кавиненья кластеризуемые клитики стоят после первой полной составляющей [Guillaume 2008: 574]. Системы типа чешской (ПСС & запрет на разрыв) известны, но еще большее число языков комбинирует ПРС с ПСС: в славянском ареале классическим представителем этого типа является сербхорватский. Пометим плюсами и минусами значения параметров ПРС и ПСС: действующий запрет пометим знаком ‘!’, а отсутствие запрета – знаком ‘*’. ПСС (1) и запрет на разрыв (3) – безусловно синтаксические механизмы, их невозможно объяснить фонетически. Запрет на цепочку (4) выглядит в древненовгородском как фонетическое ограничение, формулируемое в терминах числа ударных групп: именно так его толкует и А. А. Зализняк [Зализняк 1993: 288]. Но ПРС (2), т. е. параметр, разрешающий разрыв начальной группы, может быть истолкован как фонетически, так и синтаксически.

	Чешский язык	Сербхорватский язык	Древненовгородский диалект
1. ПСС	+	+	–
2. ПРС	–	+	+
3. Запрет на разрыв	!	*	*
4. Запрет на цепочку	*	*	!

РИС. 2. ПСС, ПРС и ограничения на состав начальной группы

В этих условиях актуальной задачей типологии является не разбиение на языки с ПСС и языки с ПРС, а выведение принципа постановки клитик после полной составляющей из принципа постановки клитик после первого фонетического слова, либо наоборот, т. е. выбор опции, которая может быть признана для W-систем основной. Вывод явно синтаксического принципа (1) из предположительно чисто фонетического ограничения (4), формулируемого в терминах числа ударений в начальной группе, проблематичен. Вывести чешскую и сербхорватскую систему, имеющую ПСС, из новгородской системы, лишенной ПСС, можно ссылаясь на позднейшую аналогию и стадияльное развитие: новгородская система якобы была архаична и отражала принципы устной речи, в то время как позднейшие системы литературных славянских языков были перестроены под воздействием нормативной грамматики, ограничивающей разрывы составляющих. Это явно тупиковый путь. Во-первых, набор кластеризуемых клитик и правила, регулирующие расста-

новку и передвижения этой группы клитик (Правила Рангов и Правила Барьера), в новгородской системе и прочих славянских W-системах почти идентичен, за вычетом отсутствия ПСС в древненовгородской системе. Во-вторых, ПСС, наряду с ПРС имеется в гораздо более ранней древнегреческой системе – первой W-системе, обнаруженной и описанной Я. Ваккернагелем. В-третьих, ПСС действует не только в литературных славянских языках, но и во многих бесписьменных диалектах. Поэтому мы предпочитаем другой путь – объяснить ПРС как параметр того же уровня, что ПСС, которое, помимо фонетического запрета (4), опирается также на собственно синтаксические механизмы.

- Одиночную ударную словоформу, предшествующую кластеризуемым клитикам в W-системе, предпочтительно трактовать как группу, редуцированную до своего вершинного элемента и удовлетворяющую просодическому фильтру, ограничивающему длину группы и число ударных слов в ней.

10.4. ПСС, ПРС и коммуникативный фильтр

Рассмотрим, как ПСС и ПРС действуют в сербохорватском языке. Здесь эти параметры действуют при начальных составляющих разных типов и даже в разных ЛА-вариантах одного предложения. Иногда говорящий может выбирать стратегии с ПСС и ПРС: обычно из получающихся вариантов один основной, а другой – более маркированный, но ни один из них не запрещен. Вариант (3а) порождается параметром ПСС, связка =sam «быть.1 Sg.» ставится после полной начальной группы [_{NP} Tu novu pojednost]. Вариант (3b) порождается параметром ПРС, связка =sam ставится после первого ударного слова первой группы – местоимения tu «эту»:

ПСС	(3a) срб.хрв. [_{NP} Tu novu pojednost] (1)=sam (2) saznao četvrtog dana jutro. «я обнаружил эту новую деталь утром четвертого дня» букв. «[Эту новую деталь] (1) =есмь (2) осознал четвертого дня утро(м)»
ПРС	(3b) срб.хрв. [_{NP} Tu (1)=sam (2) novu pojednost] saznao četvrtog dana jutro. букв. «[_{NP} Эту (1) =есмь (2) новую деталь] осознал четвертого дня утро(м)» Примеры (3)–(6) приведены У. Брауном. Интерпретация и нотация наши. – А. Ц.

РИС. 3. Варьирование ПСС ~ ПРС вне связи с коммуникативной семантикой

Оценка приемлемости в парах типа (3а) и (3b), где выбор прямо не связан с коммуникативной семантикой, видимо, зависит от регионального варианта сербохорватского языка. В региональном хорватском варианте сербохорватской нормы, согласно У. Брауну, предпочтителен вариант с ПРС (3b), а вариант (3а) с ПСС похищается пуристами⁴ [Browne 2007]: в других регионах оценки могут быть иными.

⁴ Что свидетельствует о том, что соответствующее употребление является распространенным.

Очевидно, что группа из трех и более слов вроде [_{NP} Tu novu pojedinnost] создает трудность носителям сербохорватского языка, так как язык оставляет им возможность для колебаний. Поэтому носители сербохорватского языка и других W-систем в подобной ситуации часто прибегают к третьей стратегии – пропуску (skipping) неоднозначной в плане синтаксических свойств группы и постановки клитик после следующей категории, представленной одиночной словоформой: часто такая словоформа оказывается глаголом. Хорватский переводчик «Маленького Принца» выбрал именно такой вариант, см. (3c):

(3c) срб.хрв. [_{NP} Tu novu pojedinnost] (1) saznao (2) =sam (3) četvrtog dana jutro⁵.

Как мы уже знаем, вставка дополнительного элемента между начальной группой и кластеризуемыми клитиками объясняется Правилем Барьера, которое создает производные порядки в W-системах, ср. обсуждение чешского примера (1c). Будем считать, что эффект Барьера, в данном случае – сдвиг клитики =sam на шаг вправо, объясняется присутствием в предложении с клитикой некоторого материального элемента или возникающего в силу его наличия фактора, вследствие которого сохранение исходного порядка #[XP] – CL становится нежелательным, и он заменяется на производный порядок #[^{BARRIER} XP] – YP – CL.

(xvi) #[XPXP] – CL ⇒ #[^{BARRIER} XP] – YP – CL.

Для наглядности мы подчеркнули в записи примера (3c) что клитика =sam стоит на третьем месте от начала предложения, после первых двух групп, но окончательная квалификация ее позиции зависит от процедуры анализа. А. А. Зализняк, С. Андерсон и А. Альперн полагают, что в примерах типа (3c) в W-системах имеет место несовпадение фонетического и синтаксического предложения, а кластеризуемые клитики типа =sam в некотором смысле всегда стоят во второй позиции от начала, так как длинная начальная группа – неподходящий хозяин (bad clitic host) для элементов класса =sam и «пропускается» (is skipped) при переборе оптимальных хозяев =sam, точно так же как в ряде W-систем пропускаются начальные проклитики, если в языке нет параметра, разрешающего ставить клитики класса =sam непосредственно после проклитик [Halpern 1996; Зализняк 2008]. Такое описание лучше подходит для древненовгородского, где линейный порядок с Барьером типа (3c) при начальных группах из двух и более ударных слов обязателен [Зализняк 1993: 289], чем для сербохорватского, где порядок с Барьером факультативен. С другой стороны, в новгородской системе, в отличие от сербохорватской, как раз нет запрета по постановку кластеризуемых энклитик после начальных проклитик *a, u, da, њ, ци, не, ни*. При этом в новгородской системе нет и требования ставить кластеризуемые энклитики после начальной проклитики, что ведет к варьирова-

⁵ A. de Saint-Exupéry, *Mali princ*. Publisher: Leo-Commerce. Place: Rijeka, Croatia. Year: 2000. Translator: Luka Paljetak. Source: <http://www.petit-prince.at/pp-kroat-bgld.htm>, <http://www.petit-prince.at/pp-kroat.htm>.

нию именно в той зоне, где сербохорватский язык всегда пропускает начальные проклитики: новг. *ne*(1) = *ли=јеси* (2) *даль ~ не* (1) *даль* (2) = *ли=јеси* (3). Тем самым, подведение длинных начальных групп и начальных проклитик под общую категорию «плохого хозяина» (bad host) проблематично, так как в одной и той же W-системе оба типа начальных выражений, способных вызывать эффект Барьера и отодвигать клитики вправо, редко блокируются одновременно. Обозначим длинные начальные группы как 'W¹W²...Wⁿ', где W - ударная словоформа, а начальные проклитики как 'PCL'

Базис клитик в XP	Новгородский	Сербохорватский
Длинная начальная группа: [_{XP} W ¹ W ² ...W ⁿ]	Барьер обязателен: #[_{XP} W ⁿ] - Y - CL ~ *#[_{XP} W ⁿ] - CL	Барьер факультативен: #[_{XP} W ⁿ] - Y - CL ~ #[_{XP} W ⁿ] -Y - CL
Проклитика: [₀ PCL]	Барьер факультативен: #[₀ PCL] - Y - CL ~ # [XP] - Y - CL	Барьер обязателен: #[₀ PCL] - Y - CL; *#[₀ PCL] -Y - CL

РИС. 4. «Плохие хозяева» клитик и обязательность Барьера

Итак, пропуск «плохих хозяев» в W-системах действительно имеет место, но фонетическая и синтаксическая однородность случаев, подводимых под категорию Bad Clitic Host, сомнительна. Синтаксическая принадлежность начального союза или частицы может трактоваться по-разному, но ясно, что начальные группы вроде группы дополнения [_{NP} Tu novu rojedinost] в примерах (3a-c) принадлежат к той же синтаксической области, что и клитика =*sam* – вершина финитного предложения, поэтому нет никаких оснований исключать или включать группу дополнения в предложение из-за того, что элементы этой группы стоят без разрыва – см. (3a), с разрывом – см. (3b), контактно с клитиками, или же допускают вставку между собой и клитиками еще одной категории – см. (3c).

ПСС и ПРС также чередуются в сербохорватских предложениях с одним и тем же лексико-синтаксическим составом, но разной коммуникативной семантикой. В этом случае вариант с ПРС и разрывом начальной группы выбирается, если ее первый элемент имеет интонацию ремы или контраста⁶: этот принцип называется «твердым правилом» (англ. very strong rule). В хорватском региональном варианте сербохорватского языка варианты с ПСС в этом случае вообще за-

⁶ У. Браун использует формулировку «if a multi-word constituent is the predicate of the clause, the clitics must be inserted after its first word; they cannot follow the whole constituent», но речь в его примерах идет не о сказуемом в формально-синтаксическом смысле, а о коммуникативном выделении элемента, предшествующего клитикам.

прещены [Browne 2007]. Ср. примеры со связкой =su в составе именного сказуемого⁷, где начальный элемент, прилагательное *hrvatski*, – рема, существительное *filatelisti* – тема предложения, а клитика =su выполняет делимитативную функцию, отделяя их друг от друга. Запрет на вариант с ПСС (3b) связан с коммуникативным условием – фильтром: все элементы начальной группы должны иметь одинаковый коммуникативный статус. В примерах (4a–b) границы коммуникативных составляющих помечены фигурными скобками, а границы формально-синтаксических групп – угловыми.

- (4) срб.хрв./хрв. а. $\{_{\text{FocusP}} [\text{NP Hrvatski...}] \{_{\text{TopicP}} =su [\text{NP filatelisti}]\}$.
 ‘Они – ХОРВАТСКИЕ филателисты’.
 букв. ‘ХОРВАТСКИЕ=*суть*.3Pl филателисты’
 б. $*\{_{\text{NP}} [\text{NP Hrvatski filatelisti}] =su^{\#}$.

Тот же коммуникативный фильтр действует и в сербохорватских предложениях с кластеризуемыми клитиками в составе глагольного сказуемого, но здесь интерпретация, при которой все элементы начальной группы получают один и тот же коммуникативный статус, более осмыслена, поэтому варианты с ПРС и ПСС существуют. Вариант с ПРС – см. (5a), судя по всему, коммуникативно неоднозначен: разрыв составляющей может объясняться как коммуникативным выделением начального элемента, так и просто тем, что это немаркированный порядок слов. Зато вариант с ПСС – см. (5b) коммуникативно однозначен и предполагает, что все элементы начальной группы являются темой.

- (5) срб.хрв./хрв. а. *Hrvatski=su filatelisti radili.* (ПРС)
 ‘Хорватские филателисты работали’.
 букв. ‘хорватские=*суть*.3Pl филателисты работали’.
 б. $\{_{\text{TopicP}} [\text{Hrvatski filatelisti}] \} \{_{\text{FocusP}} =su \text{ radili.}\}$. (ПСС)
 ‘Хорватские филателисты работали’
 букв. ‘[хорватские филателисты] =*суть*.3Pl работали’.

Узвимость сербохорватской системы, где порядки с ПСС и ПРС чередуются в ЛА-вариантах одного предложения, состоит в том, что в маркированном случае – для региональной хорватской нормы таков вариант с ПСС – порядок слов должен удовлетворять коммуникативному фильтру, требующему, чтобы все эле-

⁷ В балканских славянских языках, в отличие от западнославянских языков, презентные формы глагола «быть» в именном сказуемом ведут себя как клитики и помещаются в ту же позицию, что и кластеризуемые клитики-связки при глаголе в прош. вр.

⁸ У. Браун вслед за хорватской традицией выделяет в примерах (4a-b) подлежащее *filatelisti* «филателисты» и сказуемое *hrvatski* «хорватские», однако это не вполне верно. Данные предложения имеют нулевое местоименное подлежащее (pro), а между материально выраженными элементами *hrvatski* и *filatelisti* реализуется отношение Темы и Ремы. При этом рема $\{_{\text{FocusP}} \{_{\text{FP}} \text{hrvatski}\} \}$ оказывается левее темы $\{_{\text{TopicP}} \text{su} \{_{\text{TP}} \text{filatelisti}\} \}$.

менты начальной составляющей имели общую коммуникативную маркировку. Древненовгородская система (в диахроническом плане, разумеется, не являющаяся продолжением сербохорватской) устраняет все начальные группы длиннее одного ударного слова и генерализует ПРС. Унификацию в обратном направлении демонстрирует бургенландский хорватский – диалект или самостоятельный язык хорватского меньшинства в Австрии, который в диахроническом плане тоже не является вариантом хорватской региональной нормы⁹. Здесь устранено ПРС и генерализовано ПСС. Ср. аналоги предложений (3а–с) в бургенландском хорватском. Как указал У. Браун, переводчик на бургенландский хорватский предпочел вариант без Барьера (6а) варианту (6с)¹⁰:

- (6) бург. хрв. а. [_{NP} Tu novu pojedinnost] (1) =sam (2) doznao četvrti dan jutro. (ПСС)
 ‘я обнаружил эту новую деталь утром четвертого дня’.
 букв. ‘[Эту новую деталь] (1) =смы (2) понял четвертого дня утро(м)’.
- б. * [_{NP} Tu(1)=sam (2) novu pojedinnost] doznao četvrtog dana jutro. (*ПРС)
- с. ? [_{NP} Tu novu pojedinnost] (1) doznao (2) =sam (3) četvrtog dana jutro.
 (Правило Барьера) – не запрещено, но хуже чем (6а).

То же касается постановки клитик после рематической/контрастной составляющей: «твердого правила», требующего ПРС после ремы/контраста, в бургенландском нет, и аналоги сербохорватских предложений (5а-б) и (6а-б) имеют следующий вид:

- (7) бург. хрв. а. *Hrvatski=su filatelisti. (*ПРС)
- б. {_{FocusP} [_{NP} [Hrvatski] {_{TopicP} filatelisti]=su}¹¹. (ПСС).
 ‘Они – хорватские филателисты’.
 букв. ‘[хорватские филателисты]=суть.3Pl’.
- (8) бург. хрв. а. *Hrvatski=su filatelisti djelali (*ПРС).
- б. [Hrvatski filatelisti]=su djelali (ПСС).
 ‘Хорватские филателисты работали’.
 букв. ‘[хорватские филателисты]=суть.3Pl работали’

⁹ Как указывает У. Браун, литературная норма сербохорватского языка XIX–XX вв. не влияла на бургенландский хорватский, поскольку на территории Бургенланда не было ее носителей.

¹⁰ A. de Saint-Exupéry, *Mali princ*. Publisher: Hrvatsko Štamparsko Društvo. Place: Željezno / Eisenstadt, Austria. Year: 1998. Translator: Ivan Rotter.

¹¹ Примеры У. Брауна, коммуникативная интерпретация и нотация наша. – А. Ц. У. Браун со ссылкой на оценки информантов сообщает, что еще более обычен вариант с ненулевым местоимением 3 л. В нашей нотации его пример можно записать так: {_{TopicP} [_{NP} Oni]} {_{FocusP} =su [_{NP} hrvatski filatelisti]} «Они – хорватские филателисты», букв. «они=суть.3Pl хорватские филателисты».

10.5. Оценка эффективности систем порядка слов с ПРС и ПСС

Будем считать, что синтаксическая система с базовым порядком слов *эффективна*, если базовый порядок слов и основные ограничения реализуются в максимальном количестве предложений. Для W-систем основное ограничение на порядок слов в предложении, как мы знаем, связано с местом кластеризуемых клитик, поэтому порядок слов $\#[_{XP} x^{\circ} \sim XP] - CL$ для славянских языков будет базовым, при условии, что перед кластеризуемой клитикой (CL) стоит ровно один элемент x° или ровно одна группа XP. Прочие порядки, где кластеризуемая клитика в результате действия Правила Барьера стоит правее второй позиции от начала предложения, мы будем считать производными, при условии, что линейные порядки с Барьером $\#[^{BARRIER} [XP]] - YP - CL$ выводятся из базового порядка $\#[_{XP} x^{\circ} \sim XP] - CL$ на основе формальной процедуры.

Будем считать, что система порядка слов *экономична*, если носитель языка/синтаксический процессор может выбрать наилучший линейный порядок, приложив минимальные вычислительные усилия, т. е. просматривая минимальное количество вариантов и учитывая минимальное количество факторов. Множество свойств начальных элементов/групп, предшествующих клитикам при базовом порядке слов $\#[_{XP} x^{\circ} \sim XP] - CL$, релевантно для оценки экономичности W-систем: чем больше разных характеристик начальных элементов/групп нужно просматривать для того, чтобы выяснить, могут ли они принимать клитики, тем менее экономична система. Для языков с параметрами ПРС и ПСС имеет смысл оценить, которая из комбинаций этих параметров – (ПРС, *ПСС), (ПСС, *ПРС), (ПРС, ПСС) оптимальна с точки зрения эффективности и экономичности.

Системы типа сербохорватской (ПРС, ПСС, ‘– рестриктивный просодический фильтр’), где сохраняется варьирование порядков с ПРС ~ ПСС, эффективны: две опции вместо одной означают менее строгие правила отбора начальных групп, что повышает частотность базового порядка. Однако они менее экономичны, чем системы, устраняющие одну из этих опций, так при доступности порядков как с ПРС, так и с ПСС, носителю языка или синтаксическому процессору приходится учитывать коммуникативную перспективу всего высказывания и проверять, относятся ли все элементы начальной группы длиной в два или более слова к одной и той же коммуникативной составляющей, или нет. Снятие либо ПРС, либо ПСС упрощает линеаризацию предложения, сводя выбор базиса к формальной процедуре.

Новгородская система (ПРС, *ПСС, ‘+ рестриктивный просодический фильтр’) экономична: производный порядок с Барьером автоматически реализуется, если начальная группа имеет более одного ударного слова. Рассматривать внутреннюю структуру начальной составляющей и ее коммуникативную семантику, как правило, не нужно. С другой стороны, новгородская система неэффективна в указанном выше техническом смысле, так как производные порядки с Барьером $\#[^{BARRIER} [XP]] - YP - CL$ частотны и могут встречаться в коммуникативно нейтральных высказываниях просто потому, что начальная группа в них длиннее одного слова.

В системе такого типа у носителя языка две возможности – либо разорвать такую группу и вставить кластеризуемую клитику после первого ударного слова (базовый порядок; ПРС: $\#[_{XP} W^1 \dots] - CL - \dots [_{XP} \dots W^n]$), либо вынести группу в начало предложения целиком, но поставить клитики после следующего элемента (производный порядок, Барьер: $\#[_{XP} W^1 W^2] - CL \Rightarrow \#[_{BARRIER} [XP]] - YP - CL$).

Бургенландская система (ПСС, *ПРС, ‘– рестриктивный просодический фильтр’) представляет собой оптимальное сочетание эффективности и экономичности. Ее эффективность обеспечивается тем, что при одновременном снятии ПРС и просодического фильтра новгородского типа отпадает необходимость в использовании правила Барьера, порождающего производный порядок $\#[_{XP} Barrier] - YP - CL$ при длинных начальных группах. Экономичность бургенландской системы обеспечивается тем, что при устранении варьирования ПРС ~ ПСС, Правило Барьера факультативно, так как базовый порядок с ПСС обслуживает все коммуникативно нейтральные и часть коммуникативно ненейтральных высказываний, см. (6а), (7b). Тем самым, синтаксически производные структуры с Барьером $\#[_{BARRIER} [XP]] - YP - CL$ используются лишь в некоторых (не во всех) коммуникативно производных высказываниях. Напротив, в новгородской и сербохорватской системах порядки с Барьером часто обнаруживаются в коммуникативно нейтральных высказываниях.

Большинство славянских W-систем и болгарская W⁺-система генерализовали ПСС, устранив ПРС и сделав просодический фильтр нерестриктивным, при этом параметрическое варьирование внутри этого подкласса почти целиком сводится к степени допустимой сложности и длины начальной группы: при достижении некоторого порогового для данного языка уровня сложности начальной группы она трактуется как Барьер, до этого предпочитается основной порядок с ПСС.

10.6. Ограничение на длину начальной составляющей

Рассмотрим типы неоднословных развернутых начальных групп, после которых постановка кластеризуемых клитик при базовом порядке слов $\#[_{XP} W^1 \dots W^n] - CL \Rightarrow$ возможна, а производный порядок слов с Барьером $\#[_{BARRIER} [_{XP} XP]] - YP - CL$ либо не представлен вовсе, либо не реализуется автоматически, оставаясь факультативным. Этот параметр не имеет фиксированного значения для всех языков. Скорее можно говорить о континууме W-систем и W⁺-систем с разными пороговыми значениями длины и сложности начальных групп. На одном полюсе находятся древненовгородский и словацкий языки, на другом – словенский и верхнелужицкий языки, в промежутке между ними находятся сербохорватский, чешский и болгарский языки.

10.6.1. Новгородская система

Параметры: (ПРС, *ПСС, ‘+ основной просодический фильтр’).

Барьер: при любой начальной группе из двух и более слов обязателен:

(i) новг. $\#[_{XP} W^1 W^2] - Y - CL \sim \#[_{XP} W^1 W^2] - CL$

	Линейный порядок
ПРС, разрыв начальной группы	(9a) новг. Того (1)= <i>ми=ся=есмь</i> (2) села отъступиль. «Я отступился от того села» (9b) новг. Села (1)= <i>ми=ся=есмь</i> (2) отъступиль того. «Я отступился от того села»
Правило Барьера, разрыв начальной группы отсутствует	(9c) [^{BARRIER} [_{XP} Того села]] (1) <u>отъступиль</u> = <i>ми=ся=есмь</i> (3)
*ПСС, нарушение просодического фильтра	(9d) новг. *[_{XP} Того села] (1)= <i>ми=ся=есмь</i> (2) отъступиль.

РИС. 5. Длина начальной группы как облигаторный Барьер

10.5.2. Словацкая система.

Параметры: (ПРС, ПСС, '+ основной просодический фильтр').

Барьер: при начальной группе из двух и более слов обязателен для возвратных и посессивных клитик, в прочих случаях факультативен.

(ii) слц. #_{XP} W¹W² – Y – CL^{REFL/POSS} ~ *#_{XP} W¹W² – CL^{REFL/POSS}

Словацкая система близка древненовгородской, но просодический фильтр в ней отсутствует: начальные группы из нескольких ударных слов в общем случае разрешены. ПСС – основная стратегия расстановки кластеризуемых клитик, но в одном случае словацкий предпочитает новгородскую стратегию с Барьером. В этом языке контактная постпозиция глаголу обычна для высказываний с возвратными клитиками вин. п. =*sa*, дат. п. =*si* и с посессивной клитикой в дат. п. Если в начале предложения стоит короткая неглагольная составляющая, клитики обоих разрядов извлекаются из глагольной группы и помещаются во вторую позицию, что дает базовый порядок #_{XP} W¹ – CL ...–VP. Контактное/дистантное положение клитики по отношению глаголу не играет роли.

слц.

XP [_{XP} W ¹]	CL	(YP)	VP
Aby Чтобы	= <i>si</i> себе	človek Человек	[predstavil __ srazu] [представил __ сразу]
ťažko тяжело	= <i>mi</i> его	bolo было	[uhádnut' __ vek] [угадать __ возраст]
<začas váhal> či <порой сомневался>, ли	= <i>sa</i> ся	má стоит	vôbec [vôbec vrátiť __ nazad] [вообще возвращать (ся) назад]

РИС. 6. Базовый порядок без Барьера
#_{XP} W¹ – CL ...–VP в словацком языке при одиночной словоформе в XP

Если же в начале предложения стоит длинная, больше одной словоформы, неглагольная составляющая, она выступает как Барьер и всегда отодвигает клитики на шаг вправо, причем между Барьером и клитикой помещается форма глагола, что дает производный линейный порядок $[_{XP} W^1 W^2 \dots W^n] - VP - CL$.

слц.

XP $[_{XP} W^1 W^2 \dots W^n]$	Vfin	CL	YP
Na druhom brehu kanala На другом берегу канала	černeli чернели	=sa =ся	cigánske chatrče цыганские шатры
Vodič autobusu Водитель автобуса	zapálil зажег	=si =себе	cigaretu сигарету
A bjuará piesen' Лихая песенка	zlepšila подняла	=mi =ему/его	náladu настроение
už v predchádzajúci deň уже днем ранее	utiahlo скрыло	=sa =ся	slnko za mračná солнце за тучу
Husté čierne vlasy Густые черные волосы	kaderili кудрявили	=sa = mi =ся=ему/у него	za ušami за ушами ¹

РИС. 7. Производный порядок с Барьером
 $\#[_{XP} W^1] - CL \dots - VP$ при длинной начальной группе в XP в словацком языке

Итак, если начальная группа предложения с возвратной и/или possessивной клитикой состоит из одного вершинного слова, в словацком реализуется базовый порядок, но если расширить ее одним или несколькими зависимыми словами, словацкий язык вынужден прибегнуть к Правилу Барьера, ср. (10) и (11)¹².

- (10) а. слц. $[_{XP} \text{Vodič}](1) = si (2) \text{zapálil} \text{cigaretu}$.
 'Водитель зажег сигарету'.
 букв. 'водитель=себе зажег сигарету'.
 б. ? слц. $[_{BARRIER} [_{XP} \text{Vodič}]](1) (2) \text{zapálil} (2) = si \text{cigaretu}$.
- (11) а. *слц. $[_{XP} \text{Vodič autobusu}](1) = si (2) \text{zapálil} \text{cigaretu}$.
 букв. 'Водитель автобуса=себе зажег сигарету'.
 б. $[_{BARRIER} [_{XP} \text{Vodič autobusu}]] (1) \text{zapálil} (2) = si (3) \text{cigaretu}$.

Такое распределение порядков с Барьером и без него напоминает новгородскую систему, но есть два важных отличия. Во-первых, длина начальной группы в новгородской системе является слепым Барьером (blind Barrier), автоматически воздействующим на все имеющиеся в языке клитики, в то время в словацкой системе длина начальной группы – селективный Барьер (selective Barrier), воздействующий на строго определенные категории клитик. Во-вторых, правило Барье-

¹² Порядки без Барьера характеризуются некоторыми информантами как «чешские».

ра в древненовгородском диалекте не ведет к тому, что следующая за начальной группой позиция заполняется словом какой-то определенной категории¹³, в то время как в словацком языке это требование системы. Оставленная возвратными/поссесивными клитиками вторая позиция предложения всегда заполняется финитными формами глагола: тем самым, Правило Барьера в словацком языке способствует закреплению порядка #...V2 с постановкой глагола после первого члена предложения¹⁴.

Вполне вероятно, смена позиции возвратных и поссесивных клитик как-то связана с их просодией и стремлением избежать их постановки после начальной группы из нескольких ударных слов. Но словацкий механизм Барьера после длинной группы нельзя объяснить чисто просодически – он не только меняет позицию самих клитик, но и включает операции по упорядочению других классов слов.

В прочих славянских языках основной просодический фильтр является нерестриктивным, а максимальная длина начальной группы из двух и более ударных слов определяется дополнительными условиями – вторичными просодическими фильтрами.

10.6.3. Сербохорватская система

Параметры: (ПРС, ПСС, ‘– основной просодический фильтр’).

Барьер: при начальной группе из трех ударных слов факультативен.

(iii) срб.хрв.. #_[хр] W¹W² W³] – Y – CL ~ #_[хр] W¹W² W³] – CL

Для начальных групп из трех ударных слов Правило Барьера необязательно, см. пример (12а) с развернутой группой дополнения:

- (12) Срб.хрв. а. [u njegovu motornom čamcu] (1)= *se* (2) moгу odvesti izvan grada.
 ‘На его моторной лодке можно отправиться из города’
 букв. ‘[на его моторной лодке](1) =*ся* (2) можно отправить из города’
 б. [^{BARRIER}_[хр] u njegovu motornom čamcu]](1) moгу (2)=*se*(3) odvesti izvan grada.

Барьер факультативен и в предложениях с начальной группой подлежащего длиной в три ударных слова:

- (13) срб.хрв. а. [_[хр] Kolutovi plavičastog dima] (1)=*su=se*(2) penjali (3)¹⁵.
 ‘Поднимались голубоватые кольца дыма’.
 букв. ‘[Кольца голубоватого дыма] (1) =*суть=ся* (2) поднимали (3)’.
 б. [^{BARRIER}_[хр] Kolutovi plavičastog dima]] penjali (2)=*su=se* (3).

¹³ См. подборку примеров в [Зализняк 2008: 92-94].

¹⁴ Этот факт впервые отмечен в [Циммерлинг 2002: 86], ср. [Циммерлинг 2008].

¹⁵ Примеры (13а) и (13б) из [Radanović-Kocić 1996: 435].

По примерам видно, что Правило Барьера дает в сербохорватском тот же побочный эффект, что и в словацком: после длинных начальных групп возникает порядок V2. Однако в сербохорватском порядок V2 возникает менее регулярно, чем в разобранный выше словацком идиолекте.

10.6.4. Чешская система

Параметры: (ПСС, *ППС, ‘– основной просодический фильтр’).

Барьер: при начальной группе из пяти слов факультативен¹⁶.

(iv) чеш. $\#[_{XP} W^1W^2 W^3W^4W^5] - Y - CL \sim \#[_{XP} W^1W^2 W^3W^4W^5] - CL$

Чешская система допускает еще более длинные начальные группы, чем сербохорватская, что объясняется отсутствием опции *ППС. Начальные группы из пяти или более ударных слов не являются аномалией при условии, что все слова принадлежат одной и той же группе одного члена предложения:

(14) чеш. $[_{XP} \text{Při naši druhé návštěvě Stockholmu}] (1)=jsme=se (2) \text{ vypravili do Drottningholm} - \text{paláce, ve kterém sídlí švédská královská rodina.}$

«В другой нашей поездке в Стокгольм мы отправились в Дроттнингхольм – дворец, в котором жила шведская королевская семья»,

Букв. « $[_{XP}$ При нашем другом посещении Стокгольма] (1)=*е*ме. *IP*=ся (2) направили в Дроттнингхольм».

По-видимому, цепочки такой длины возникают в чешском языке лишь в подходящем коммуникативном контексте – если отношение контраста или эмпазы затрагивает начальную составляющую [Hana 2008], см. обсуждение ниже в § 6.2.6. В примере (14), как можно думать, отношение контраста задается прилагательным *druhé* «другой», но здесь нас интересует лишь формальная сторона, состоящая в том, что предложения типа (14) не блокируются в чешском языке и не преобразуются автоматически в порядки с Барьером.

Словенский и болгарский языки спорадически допускают несентенциальные начальные группы такой же длины, как и чешский. При этом словенский язык также может присоединять кластеризуемые клитики к сентенциальной составляющей: в этом случае ее длина не фиксирована и может составлять десять ударных слов и более¹⁷.

¹⁶ Мы ориентируемся на тексты с устной перспективой. Т. Августинова и К. Олива приводят гораздо более длинные начальные составляющие (до 11 ударных слов) в письменных чешских текстах [Avgustinova, Oliva 1997: 41]. В приводимых ими примерах после такой группы стоит одиночная кластеризуемая клитика, а не цепочка клитик. Мы затрудняемся сказать, является ли эта деталь релевантной.

¹⁷ Ср. также пример с начальной несентенциальной составляющей из 7 ударных слов в письменном словенском тексте. Слов. [Petra Majdič, najuspešnejša smučarska tekačica vseh časov v Sloveniji], =*je* v tej sezoni naravnost blestela v svetovnem pokalu, v sprintu=*se=je pokazala* kot nepremagljivo. Букв. «[Петра Майдич, самая успешная лыжница всех

10.6.5. Верхнелужицкая система

Параметры: (ПСС, *ПРС, ‘ – основной просодический фильтр’).

Барьер: при начальной группе из шести слов факультативен.

(v) в.луж. $\#[_{XP} W^1W^2 W^3W^4 W^5W^6] - Y - CL \sim \#[_{XP} W^1W^2 W^3W^4W^5W^6] - CL$

Письменный верхнелужицкий язык допускает наиболее длинные несентенциальные группы в XP в славянском ареале. В официальных текстах можно встретить предложения вроде (15), где использовано ПСС, а Барьер отсутствует.

(15) в.луж. $[_{XP} \text{Srbski institute ze sedlom w Budyšinje a wotnožku w Chošebuzu}] (1)=jo=se(2)$
k 1 januaraju 1992 wot Lichotneho stata Sakska gromaže z krajom Bramborska
wutworil.

«Лужицкий институт с резиденцией в Будишине и филиалом в Котбусе был учрежден 1-го января 1992 Свободным Штатом Саксония совместно со Штатом Бранденбург».

букв. «[Лужицкий институт с резиденцией в Будишине и филиалом в Котбусе] (1)=*есть*3Sg=*ся* (2) 1-го января 1992 Свободным Штатом Саксония совместно со Штатом Бранденбург учредил».

В системе такого рода просодия начальной группы как будто вообще не играет роли. Однако в той же группе текстов есть и предложения с Барьером после развернутой начальной составляющей, иногда – меньшей длины, чем в примере (15), см. пример (16):

(16) в.луж. $[^{\text{BARRIER}} [_{XP} \text{Jogo tradicije ako zwenkauniwersitne slěženišćo}] (1) \text{zložuju} (2)$
 $=se(3)$ na Institut za serbski ludospyt.

«Его традиции в качестве научного учреждения заложены Институтом лужицкого языка».

букв. « $[^{\text{BARRIER}} [_{XP} \text{Его традиции в качестве научного учреждения}]] (1)$
опирают (2)=*ся* (3) на Институт лужицкого языка».

10.7. Ограничение на структуру начальной составляющей

Ограничение на *структуру* начальной составляющей, предшествующей кластеризуемым клитикам, часто, но не всегда связано с ограничением на ее *длину*. В новгородской системе, где исключаются все группы длиннее одного слова, тривиальным образом исключаются все группы, где между элементами прослеживаются отношения *вершина* : *зависимое*. То же касается рассмотренной выше словацкой системы, где исключаются все начальные группы длиннее одного слова, в том случае, если в предложении есть возвратные или посессивные клитики. Нетривиальный случай связан

времен в Словении] =*есть*-3Sg в этом сезоне в равной мере блистала в Кубке Мира, в спринте=*ся*=*есть*-3Sg. показала несокрушимость».

с возможностью образования ансамблей в ХР, где с формальной точки зрения могут быть выделены две или более замкнутых группы разных категорий. При этом такие ансамбли по длине, измеряемой в числе ударных словоформ, могут уступать развернутым группам одного члена предложения. Так, болгарский язык разрешает в ХР ансамбли вида подлежащее + наречие, которые не создают в этом языке эффект Барьера:

(17) болг. [_{ХР} [_S Иван] [_{Adv} **сигурно**]] = *ще* = *се върне* на време¹⁸.

‘Иван наверняка вернется вовремя’.

букв. ‘[_{ХР} [_S Иван] [_{Adv} **наверняка**]] = *AuxFut* = *ся вернет* вовремя’.

(18) болг. [_{ХР} [_S Иван] [**може=би**]] = *ще* = *се върне* на време.

‘Иван, быть может, вернется вовремя’.

букв. ‘[_{ХР} [_S Иван] [_{Adv} **может быть**]] = *AuxFut* = *ся вернет* вовремя’.

Как указано в гл. 8, запрещены ансамбли 4 типов – финитный глагол + дополнение *[V_{fin} + O], – подлежащее + финитный глагол *[S + Vf_{fin}], – финитный глагол + обстоятельство *[V_{fin} + Adv], – подлежащее + дополнение *[S+O]: такие ансамбли исключены в любом славянском языке с кластеризуемыми клитиками. Ансамбли других типов редки, но болгарский и чешский языки имеют правила, позволяющие им трактовать начальные ансамбли некоторых категорий так же, как группы одного члена предложения.

10.7.1. Болгарский язык

М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 92] утверждает, что болгарский – единственный славянский язык, допускающий ансамбли в ХР перед кластеризуемыми клитиками. В свете недавних чешских данных, полученных Й. Ханой [Hana 2008], эту формулировку следует уточнить: болгарский – единственный славянский язык, где предложения с ансамблями в ХР являются коммуникативно немаркированными. Рассмотрим основные виды болгарских ансамблей:

Косвенное дополнение + прямое дополнение (O₂ + O₁)

ХР [_{NP} [NP1] [NP2]]	CL	V + YP
<i>На Иван (1) книгата (2)</i> <i>Ивану (1) эту книгу (2)</i>	= <i>сьм</i> = <i>му</i> = <i>я</i> = <i>есъм</i> = <i>ему</i> = <i>е</i>	<i>върназ.</i> Вернул

Вопросительное слово + вопросительное слово (Wh¹ + Wh² + ... Whⁿ)

ХР [_{whp} [wh ¹].. [wh ⁿ]]	CL	V + YP
<i>На кого (1) какво (2) кога (3)</i> <i>«На кого (1) что (2) кога (3)»</i>	= <i>са</i> = <i>му</i> = <i>суть</i> = <i>ему</i>	<i>показали?</i> Показали

¹⁸ Примеры (17)–(18) из [Котова, Янакиев 2001].

Подлежащее + наречие: (S + Adv)

XP [_S [S] [Adv]]	CL	V + YP
<i>Неведнаж (1) горите на Стара Планина (2)</i> Не раз (1) горы на Ст. Планина (2)	=са =суть	<i>еквали от гласа=му.</i> ёкали от его голоса
<i>Сега (1) тя (2)</i> Сегодня (1) она (2)	=ще=му будет=ему	<i>разкажа нещо.</i> расскажет нечто
<i>Но най-често (1) очи на Еньо (2)</i> Но чаще всего (1) глаза (взгляд) Еньо (2)	=се =ся	<i>връщаха върху палто на непознати.</i> останавливались на пальто незнакомца.
<i>[Провеждането [на мача в Турция]] (1)</i> <i>[отлично] (2)</i> Проведение матча в Турции (1) отлично (2)	=се =ся	<i>вписваше във всичко което=се прави за шахмата в тази страна.</i> <i>вписвават</i> во все то, что делают для шахмат в этой стране.

Наречие + Дополнение: (Adv + O)

XP [_{CP} [Adv] [O]]	CL	V + YP
<i>[След по-малко от два месеца] (1)</i> <i>[на Топалов] (2)</i> Меньше чем через два месяца (1) Топалову (2)	=му =ему	<i>предстои да играе мач за короната срещу световния шампион Ананд.</i> <i>предстоит</i> играть матч за корону против чемпиона мира Ананда.

РИС. 8. Ансамбли из двух и более групп в болгарском языке

Данные болгарские примеры коммуникативно нейтральны: начальный ансамбль в них выступает как единая коммуникативная составляющая со значением Темы. Ансамбли иного вида в болгарском языке запрещены. По общему правилу, любые ансамбли вида [ИГ + финитный глагол] исключены. При выносе в начальную позицию причастия на -л, оно не может иметь при себе зависимые слова. Ср. правильные предложения болг. #_{[XP [V Изпил]]} (1)=е/беше (2) бирата (3), букв. «выпил-он (1)=есть/было-связка (2) пиво-опр.(3)», #_{[XP [NP бирата]]} (1)= е/беше (2) изпил (3), букв. «пиво-опр. (1)=есть/было-связка (2) выпил (3)» с неграмматичным #*_{[XP [VP [NP бирата]] (1) [V изпил]]} (2)]=е/беше, букв. «пиво-опр. (1) выпил (2)=есть/было-связка (3)». Сборка полной глагольной группы VP из V^o + NP в начальной позиции недопустима, так как болгарская система порядка слов по тем или иным причинам неспособна трактовать ее как один нечленимый блок. Тем самым, элементы, заполняющие начальную позицию, должны иметь определенную синтаксическую маркировку, а нежелательные комбинации групп запрещены. Придадим этому наблюдению более общий вид.

- В славянских языках, допускающих в ХР ансамбли хотя бы одного вида, Правило Сложной Составляющей всегда рестриктивно и запрещает ансамбли, которые данный язык не может интерпретировать как единую группу.

Кроме того, болгарский язык, согласно М. Димитровой-Вулчановой [Dimitrova-Vulchanova 1999: 99–100], разрешает в ХР сочиненные группы причастий на -л в составе перфекта и сочиненные группы причастий, если они не имеют при себе зависимых слов (не считая самих клитик):

- (19) болг. [_{CoordP} Купил и прочел]=с_ьм=я.
 ‘Я купил и прочел ее’.
 букв. [_{CoordP} Купил и прочел]=ес_ьм-1Sg.=ее».
- (20) болг. [_{CoordP} Купувайки и прочитайки]=я...
 ‘Я купил и прочел ее’.
 букв. [_{CoordP} Купив и прочтя]=ее...».

Высказывания с такой структурой, видимо, не могут быть в болгарском языке коммуникативно нейтральными, так, сочиненные глаголы в (19) имеют выражают значение верификативной ремы. В таком случае, болгарские примеры (19) и (20) могут быть сопоставлены с коммуникативно маркированными высказываниями с начальными ансамблями в чешском языке, которые будут разобраны ниже. При финитной форме глагола помещение сочиненной группы в ХР перед клитиками невозможно. Согласно М. Димитровой-Вулчановой, предложение (21) неграмматично, его можно исправить, лишь повторив общий аргумент двух сочиненных глаголов, см. (22):

- (21) болг. * [_{CoordP} Прочете и разбра]=я добре.

Подразумеваемое значение: «Я прочел и понял ее хорошо».

- (22) болг. [Прочете]=я и [разбра]=я добре.
 букв. ‘[Прочел]=ее и [понял]=ее хорошо’.

10.7.2. Чешский язык

В чешском языке начальные ансамбли перед клитиками появляются в коммуникативно производных высказываниях [Avgustinova, Oliva 1997; Hana 2008], употребление таких ансамблей в коммуникативно нейтральных высказываниях аномально, поэтому в нормативных описаниях чешского синтаксиса, ориентированных только на коммуникативно нейтральные высказывания, порядки с ансамблями перед клитиками игнорируются. Ср. примеры К. Оливы и Т. Августиновой: если предложение начинается с неконтрастной составляющей, ансамбли исключены, если предложение начинается с контрастной темы, ансамбли типа дополнение + обстоятельство и обстоятельство + обстоятельство допустимы [Avgustinova, Oliva 1997: 45–46].

чеш.			
	XP	CL	YP
Нейтр.	<i>U moře</i> У моря	= <i>jsme</i> мы=есме	<i>ve stanu s manželkou <u>bydleli</u> každé léto.</i> в палатке с женой <u>жили</u> каждое лето.
Нейтр.	?? <i>U moře ve stanu</i> <small>NonContr</small> У моря в палатке	= <i>jsme</i>	<i>s manželkou <u>bydleli</u> každé léto.</i>
Нейтр.	* <i>Na chatu v lét</i> <small>NonContr</small> На дачу летом	= <i>jsem</i> есмь	<i>jel s rodinou.</i> уехал с семьей
Ненейтр.	<i>ale na chatu v lét</i> <small>Contr</small> но на дачу летом <small>Contr</small>	= <i>jsme=je</i> нам.бы их	<i>rad ji nepozvali.</i> лучше не приглашать

РИС. 9. Ансамбли из двух групп после контрастной темы в чешском языке

Как бы носители чешской нормы ни оценивали контрастивные высказывания с ансамблями перед клитиками, сама система чешского языка подтверждает, что они порождаются на регулярных основаниях, поскольку *длина* начальной группы (в отличие от значения соответствующего параметра в словацком и новгородском) в чешском языке сама по себе не является Барьером, отодвигающим клитики вправо (см. выше § 10.6.4). Поэтому нет ничего удивительного в том, что и *сложность* начальной группы не является в чешском языке Барьером. Мы склонны согласиться с Й. Ханой в том, что примеры вроде (23)–(25) «демонстрируют не необычный принцип расстановки чешских клитик, а необычный подбор начальной составляющей»¹⁹. Ту же формулировку можно распространить и на примеры К. Оливы и Т. Августиной в таблице на рис. 9 выше.

(23) чеш. {Contr. Topic [_{XP} [Petra] [do Francie]]}=*bych* ještě poslal, ale Martina do Maďarska ani náhodou²⁰.

‘Я бы послал Петра во Францию, но никогда Мартина в Венгрию’.

букв. « [_{XP}[Петра] [во Францию]]=*бы-я* еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что».

Й. Хана указывает, что тот же самый коммуникативный механизм действует и в придаточных предложениях, ср. (24), но в этом случае с формальной точки зрения он уже должен быть интерпретирован как Барьер, поскольку ансамбль, выступающий в роли контрастивной темы, вставляется между клитикой =*bych* и начальным союзом *že* «что», который может принимать клитики в чешском языке.

¹⁹ «These are not exceptional clitic placements, but exceptional frontings» [Hana 2008]. Й. Хана [р.с.], понимает термин *fronting* не как формально-синтаксическую, а как коммуникативную операцию, состоящую в выборе первой коммуникативной составляющей.

²⁰ Примеры Й. Ханы (нотация наша. – А. Ц.).

- (24) чеш. Helena řikala, že (1) {[^{BARRIER} **Petra**] [**do Francie**]} (2)=*bych* (3) ještě poslal, ale Martina do Maďarska ani náhodou.

«Хелена сказала, что Петра во Францию я бы еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что».

букв. «Хелена сказала, что (1) {[^{BARRIER} **Петра**] [**во Францию**]} (2)=*бы.я* (3) еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что».

В высказываниях с контрастивной или эмфатической темой в чешском языке, судя по примерам К. Ханы и К. Оливы, встречаются ансамбли следующих видов: инфинитив + дополнение, причастие + дополнение, подлежащее + обстоятельство, дополнение + обстоятельство, обстоятельство + обстоятельство. Ансамблей вида вопросительное слово + вопросительное слово и косвенное дополнение + прямое дополнение в нашей подборке нет.

Инфинитив + дополнение (Inf + O)

- (25) чеш. [^{Contr.Topic} [_{IP} **Hlídat** [_{NP} **děti**]]]=*bych=ti nepřál* [Novákům.] (ale Hanovi jsou OK).

«Я бы не пожелал тебе присматривать за детьми у Новаков, но в семье Ханы можно».

букв. «{ [^{Contr.Topic} [_{IP} **Глядеть** [_{NP} **за детьми**]]}=*бы.я=тебе не пожелал* для Новаков, (но для Ханы ОК)»²¹.

Подлежащее + обстоятельство (NP_S + Adv)

- (26) чеш. [^{Contr.Topic} [_{NP} **Všichni sny**] [_{Adv} **najednou**]]=*se=mi určitě nesplní*

‘все его сны сразу, конечно, не сбываются’.

букв. ‘{ [^{Contr.Topic} [_{NP} **Все сны**] [_{Adv} **сразу**]] =*ся=ему, конечно, не исполняют*’.

Причастие + дополнение (Part + O)

- (27) чеш. [^{Contr.Topic} [_{IP} **Nucen** [_{PP} **k takovým činům**]]]= *jste nebyl nikdo*.

‘Никто из вас не был понужден к таким действиям’.

букв. [^{Contr.Topic} [_{IP} **понужен** [_{PP} **к таким действиям**]]]=*вы.есте2.Pl. не.был никто*».

Обстоятельство + обстоятельство (Adv 1 + Adv 2 + Adv3)

- (28) чеш. { [^{Contr.Topic} [_{AdvP} [**Minulý týden**]] [_{AdvP} [**v neděli ráno**]] [_{PP} [**v koupelně**]]]=*se Jan nebezpečně zranil*.

‘На прошлой неделе в воскресенье утром в ванной Ян опасно поранился’.

букв. «{ [^{Contr.Topic} [_{AdvP} [**На прошлой неделе**]] [_{AdvP} [**в воскресенье утром**]] [_{PP} [**в ванной**]]]=*ся Ян опасно поранил*».

²¹ Пример (25) имеет коммуникативную структуру: Контрастная Тема – Контрастная Рема.

10.7.3. Ансамбли в ХР и коммуникативные Барьеры

Параметр, разрешающий ансамбли в ХР в чешском и болгарском языках, позволяет им в некоторых случаях расширить границы начальной составляющей и не применять Правило Барьера в независимом предложении. Оба языка имеют комбинацию параметров (ПСС, *ПРС, '+ начальные ансамбли') и запрещают разрыв начальной составляющей, поэтому ни длина, ни сложность начальной группы не делают производный порядок с Барьером обязательным. В болгарском языке, в отличие от чешского, построение цепочек прямо не связано с коммуникативной семантикой, частотность предложений с начальными ансамблями в болгарском языке выше, чем в чешском. Болгарские предложения с ансамблями коммуникативно нейтральны. В то же время, набор ансамблей в чешском языке шире. Кроме того, чешский язык разрешает ансамбли категорий в позиции перед клитиками и в придаточном предложении, что должно трактоваться как факультативный коммуникативный Барьер (Comp – [Barrier] – CL), поскольку в коммуникативно нейтральных предложениях чешский язык сохраняет базовый порядок, где клитики присоединяются непосредственно к подчинительному союзу: Comp – CL. Во всех доступных нам болгарских и чешских примерах совокупность элементов, вынесенных в позицию ХР перед клитиками, выступает как единая коммуникативная составляющая.

То, что чешский язык использует ансамбли именно в коммуникативно маркированных предложениях с контрастной или эмфатической темой, позволяет ему в этом случае не использовать Правило Барьера и поместить клитики непосредственно после начальной контрастной темы. Для славянских языков такая ситуация – редкость, так как обычно отношения контраста, противопоставления и эмфазы служат возмущающим фактором, отодвигающим клитики вправо. Так обстоит дело и в новгородском диалекте, где нет правила ПСС (ПРС, *ПСС), см. примеры (29), (30) и (31), и в болгарском, где правила ПСС есть, а разрыв запрещен (ПСС, *ПРС), см. примеры (32) и (33). В новгородской системе, где есть правило ПРС, порядок с разрывом в этом случае формально возможен, но нежелателен, так как начальная составляющая коммуникативно отмечена²²; в примере (30) Барьером является группа, где всего одно ударное слово. В болгарской системе разрыв невозможен, так как правила ПРС нет, а постановка клитик после полной начальной составляющей возможна, но нежелательна по той же причине.

(29) новг. [^{BARRIER} A_{NR} [стѣе варъварь тѣлица]] (1) сторова (2) =ли (3)? (грамота 657, XII век).

‘Относительно телицы монастыря Св. Варвары: здорова ли она?’

букв. ‘а телица святой Варвары (1), здоровая (2) =ли (3)?’

²² Ср. формулировку А. А. Зализняка: «барьер может быть поставлен любой целой синтаксической группы...если ..отчленяемая таким образом часть предложения а) предполагает по смыслу некоторое противопоставление или эмфазу и/или б)выражает тему высказывания или какое-то обстоятельство, относящееся ко всей остальной части высказывания» [Зализняк 1993: 293].

- (30) новг. [^{BARRIER}_{pp}На молодогъ (1)] далъ (2) = *есть* рубль (грамота 689).
 ‘Относительно солода: я дал на него рубль’
 букв. ‘на солод (1)» дал (2) = *есть*. 1.Sg. (3) рубль’.
- (31) новг. [^{BARRIER}А рожь Петровоу] (1) повелело (2) = *есть* (3) измолотиво Криву дати (грамота 196, XIV в.)
 ‘Относительно ржи Петра: я велел ее смолотить и передать Криву’.
 букв. ‘А рожь Петрову (1) велел (2) = *есть*. 1.Sg (3) измолотив, отдать Криву’.
- (32) болг. [^{BARRIER}_{pp}А около [_{np}формата на Веско]] (1) имате (2) = *ли* (3) притеснения?
 ‘Есть ли у вас претензии к форме Веско?’
 букв. «[^{BARRIER}_{pp}А к [_{np}форме Веско]] (1) имеете (2) = *ли* (3) претензии?’
- (33) болг. [^{BARRIER}_{pp}В [_{np}дробове на умрелия]] (1) имало (2) = *ли=е* (3) вода?
 ‘Была ли вода в легких покойного?’
 букв. ‘В легких умершего (1) имело (2) = *ли=есть*. 3.Sg (3) вода?’

В терминах синтаксической теории болгарские и новгородские предложения с начальным коммуникативным Барьером и клитиками дальше второй позиции от начала предложения подводятся под рубрику производного класса предложений, называемого предложениями с вынесенным топиком/темой. Поскольку в славянских языках с кластеруемыми клитиками порядок # [^{Barrier}_{XP} Contrastive Topic] – Y – CL, является производным, такое соотношение между производными синтаксическими структурами и коммуникативно маркированными высказываниями закономерно и предсказуемо. Напротив, чешский язык, который в силу особого сочетания параметров может присоединять клитики к начальным ансамблям и применяет базовый порядок в коммуникативно маркированных высказываниях, является типологическим исключением.

10.8. Клитки после сентенциальной составляющей

10.8.1. Словенский язык

Параметр, разрешающий подобную расстановку клитик, есть в абсолютном меньшинстве W-систем. В славянском ареале в полной мере он засвидетельствован только в словенском языке. В этом языке параметра ПРС нет, ПСС генерализовано, просодический фильтр на длину начальной составляющей отсутствует (§ 10.2.5). В этом языке действуют параметры Clitic Scrambling и Clitic Climbing, разрешающие вынос кластеризуемых клитик из нижестоящих в вышестоящие предложения (§ 10.3.3). Также регулярно возникают конфигурации, где клитики вышестоящего и нижестоящих предложений не смешиваются. В примере (34) клитики главного предложения *se=je=že* присоединяются к сентенциальной составляющей – придаточному, уже имеющему в своем составе порожденные внутри него другие кластеризуемые клитки =*sno=se*.

(34) слов. [_{TR}[_{CP} ko = smo (1) =se (2) vrnili] = se (1) = je = (2) že = (3) stemnilo].

‘когда мы вернулись, уже стемнело’

букв. [[_{CP} когда =мы (1) =ся (2) вернули] =ся =(1) есть (2) = уже (3) смеркало].

Такой параметр может реализоваться в результате редкого сочетания двух факторов. Первый из них собственно синтаксический: закон Ваккернагеля, т. е. процесс помещения кластеризуемых клитик в синтаксическую составляющую, в словенском языке, в отличие от других славянских языков, носит последовательно циклический характер. Он действует «снизу вверх», начиная с самого нижнего в синтаксической иерархии предложения, и может повторяться несколько раз, пока не дойдет до верхнего в иерархии, матричного предложения.

___XP = [[AdvP1 [CP 2]]	Cl	Sub	VP
[Po izgubi svojega domicila v Steinbachi am Attersee [kjer (1) = je (2) komponiral]]	=je	Gustav Mahler	<u>Iskal</u> miren kraj
[После утраты своего пристанища в Стейнбахе на (озере) Аггерзее [где (1) =связка-3л.ед.ч. (2) он-сочинял музыку]]	Связка-3 л. ед. ч.	Густав Малер	<u>Искал</u> тихое место

РИС. 10. Циклическая расстановка кластеризуемых клитик в словенском языке

Второй фактор не является синтаксическим: словенские кластеризуемые клитики, в отличие, например, от болгарских и сербохорватских, не являются строгими энклитиками и могут употребляться после паузы и в определенных контекстах выноситься в начало предложения, см. примеры в § 4.4, § 4.5. и § 4.6.4. Поэтому позиция после синтаксической составляющей (длина которой не фиксирована) может приравниваться к позиции после паузы: синтаксически клитика относится к предыдущему отрезку предложения, но чисто фонетически между этим отрезком и клитикой может быть пауза, поэтому фонетические характеристики начальной синтаксической составляющей нерелевантны.

Словенский, кроме того, является одним из немногих славянских языков, где постановка кластеризуемых клитик после цитаты произвольной длины нормативна. Это отчасти связано с тем, что словенский принадлежит той группе славянских языков, которые разрешают постановку кластеризуемых энклитик после паузы. Однако не все языки, которые допускают постановку клитик после паузы, возникающей, например, после вставки парентетической группы, допускают постановку клитик после фразы-цитаты, поэтому этот параметр целесообразно учитывать отдельно.

- (35) слов. <Premier Borut Pahor> «Slovenija ima junakinjo, narodno junakinjo, ki=je v športu pokazala, kaj pomeni zmagovalna miselnost,» = se= je poklonil športnici.
 «<Премьер-министр Б. Пахор> “У Словении есть героиня, народная героиня, которая показала в спорте, как...” выразил восхищение спортсменке [премьер-министр]²³»
 букв. «“Словения имеет героиню, народную героиню, которая показала, как...”=ся=есть поклонил спортсменке».

Возможность постановки клитик после цитаты имеется также в верхнелужицком и чешском.

10.8.2. Сербохорватский язык

В ограниченном объеме параметр, разрешающий постановку клитик после синтаксической составляющей, действует в сербохорватском языке, хотя эта возможность реализуется редко и еще реже упоминается в описаниях сербохорватского языка. Известна только одна конструкция, где клитики главного предложения присоединяются к правому краю рестриктивного относительного придаточного.

- (36) срб.хрв. [_{NP}Ona moja sestra [_{CP}koja=je u Sarajevu]]=vas=se sjećā.
 ‘Та моя сестра, которая живет в Сараево, вас помнит’.
 букв. ‘[_{NP}та моя сестра [_{CP}которая=есть-3Sg в Сараево]]=vas=ся помнит’.

В. Раданович-Коцич, которая приводит этот пример, указывает, что рестриктивное относительное придаточное произносится в сербохорватском языке без паузы, в то время как нерестриктивное относительное произносится с паузой, поэтому постановка клитик после такой структуры невозможна [Radanović-Kocić 1996: 437]. См. аномальный пример (37) и выражающий тот же смысл грамматичный пример (38) с Барьером:

- (37) срб.хрв. *[[_{NP}moja sestra [_{CP}koja=je u Sarajevu]] #]=vas=se sjećā.
 ‘Моя сестра из Сараева вас помнит’.
 (38) срб.хрв. [_{NP}moja sestra [_{CP}koja=je u Sarajevu]] # sjećā=vas=se.
 ‘Моя сестра из Сараева вас помнит’.

Если Правило Синтаксической Составляющей действительно ограничено в сербохорватском языке единственным подклассом придаточных относительных и не применяется в других случаях, структуры типа (37) [_{NP}... N^o... [_{CP}koja_i...]]-CL, где придаточное вложено в именную группу, можно трактовать просто как расширенные именные группы. В этом случае отпадает надобность постулировать для примеров типа (37) особый параметр. Но элиминировать таким способом

²³ Фраза в кавычках, которую цитирует автор текста (93), принадлежит премьер-министру Словении Боруту Пахору.

словенские примеры с клитиками после сентенциальной составляющей нельзя, так как в словенском языке возможность постановки клитик не зависит от типа придаточного.

10.9. Кластеризуемые клитики после начальных проклитик предложения

Этот параметр характеризует способность кластеризуемых энклитик конкретного языка образовывать фонетическое слово с начальной проклитикой. В древних славянских языках такие проклитики могли быть либо союзами, либо частицами. В современных языках они являются союзами. При этом позиция кластеризуемых клитик после безударного и ударного подчинительного союза в придаточном в большинстве языков трактуется одинаково. Варьирование внутри ареала касается размещения клитик после безударных сочинительных союзов со значениями «и», «а» и относительных слов. Словенский язык противостоит здесь большинству славянских, сохраняя все эти опции, ср. клитики после начального ударного наречия *tako*, безударного подчинительного союза *da* «что», и безударного сочинительного союза *in* «и» в одном и том же примере (39):

(39) слов. *Tako=pa=je kalkulirala*, [_{CL} DA]=*so* poškodovane mišice v hrbtu od udarca [_{CL} IN]=*je stisnila* zobe.

«Так она тоже смекнула, что мышцы у хребта повреждены от удара и стиснула зубы».

букв. «Так=*же*=*есть*-3Sg. подсчитала, [_{CL} ЧТО]=*суть*-3Pl. повреждены мышцы в хребте от удара [_{CL} И]=*есть*-3Sg. стиснула зубы».

Таким образом, словенский язык располагает полным спектром возможностей постановки кластеризуемых клитик: А. После первого ударного слова (если это не ведет к разрыву начальной составляющей); В. После первой несентенциальной составляющей, состоящей из двух и более ударных слов; С. После начальной проклитики, не являющейся подчинительным союзом – см. пример (39); D. После подчинительного союза; Е. После фразы-цитаты – см. пример (35); F. После сентенциальной составляющей, см. пример (34).

Болгарский язык разрешает постановку кластеризуемых клитик после показателя будущего времени *ще* и сентенциального отрицания *не*, вынесенных в начало предложения. В болгаристике эти элементы трактуются как строгие проклитики, но правильнее считать их универсальными клитиками или нестрогими проклитиками, так как *не* и *ще* могут также занимать место в середине предложения и стоять перед кластеризуемыми клитиками и формами глагола.

Кластеризуемые клитики после начальных сочинительных союзов *i*, *a*, *bo*, *ta*, *taj* характерны также для ужанских и гуцульских карпатоукраинских говоров. В синевирском диалекте этот базис клитик не используется [Толстая 2012a: 209].

Глава 11

ПРАВИЛА БАРЬЕРА И ТИПОЛОГИЯ БАРЬЕРОВ

В этом разделе синтаксически производные структуры вида $\#[\text{BARRIER} \text{XP}] - \text{YP} - \text{CL}$, при которых кластеризуемые клитики оказываются в W-системах и W⁺-системах дальше второй позиции от начала предложения, рассматриваются в рамках теории Барьеров – механизмов, меняющих уже упорядоченные структуры, содержащие цепочки клитик.

11.0. Производные порядки слов в языках с законом Ваккернагеля

Как неоднократно подчеркивалось в лингвистической литературе, основное правило закона Ваккернагеля состоит в том, что кластеризуемые клитики, контактные последовательности которых строго упорядочены, имеют фиксированное место в предложении/предикативной составляющей – после первого ударного слова или первой группы предложения. Выполнение этих двух условий очерчивает класс языков, которые были определены в данной работе как W-системы и W⁺-системы. Два аспекта фиксированной позиции кластеризуемых клитик – по отношению друг к другу и по отношению к предшествующей им части предложения – были подробно рассмотрены в предыдущих разделах – для описания первого аспекта позиции клитик вводилось понятие Правила Рангов, для второго аспекта позиции клитик использовались Правила Начальной Составляющей. Правила обоих классов операциональны и поддаются описанию не только со статистических, но с детерминистских позиций. В славянских языках линейные порядки, создаваемые по Правилам Рангов и Правилам Начальной Составляющей, могут быть успешно предсказаны, если известно значение ограниченного набора параметров, действующих в синтаксических системах этих языков.

В то же время, языков, где клитики, имеющие фиксированное место в предложении, были бы полностью неподвижны, не бывает. Подвижность клитик в их синтаксической области – фундаментально важная характеристика, она подтверждает дискретность и вычленимость клитик как синтаксических элементов: синтаксические операции, влияющие на позицию клитик, часто влияют на позицию других элементов предложения и группы, и наоборот. Наряду с базовым порядком в тех же языках всегда реализуются и производные порядки, при которых все или часть кластеризуемых клитик оказываются вне своей канонической позиции, предсказываемой основным правилом закона Ваккернагеля. Существуют два основных проявления подвижности клитик – *сдвиг* цепочки клитик вправо и *разрыв* цепочки клитик. Теория Барьеров в отстаиваемой здесь версии, опирающейся на работы [Зализняк 1993: 286–288], [Циммерлинг 2002: 84–93] позволяет объяснить оба этих проявления.

В концепции А. А. Зализняка Барьеры, т. е. механизмы, выводящие производные порядки слов с клитиками из базовых, трактуются как ритмико-синтаксические, т. е. относятся к уровню взаимодействия синтаксиса и просодии (*syntax-prosody interface*). А. В. Циммерлинг понимает Барьеры как чисто синтаксические механизмы. В формальной славистике теории Барьеров предпочитают другие объяснения, которые дают худшие результаты. Такое положение объясняется тем, что для минималистской грамматики Хомского (*Minimalist Grammar*) и для Теории Оптимальности (*Optimality Theory*), с позиций которых обычно описывают славянские клитики, описание подвижности клитик представляет значительную трудность, поэтому кластеризуемым клитикам заранее даются определения, исключающие теоретическую возможность менять уже упорядоченные предложения с клитиками. Для учета случаев, где славянские клитики стоят правее второй позиции от начала предложения, предлагались чисто просодические объяснения, ср. [Anderson 1995], чисто синтаксические объяснения [Bošković 2002] и смешанные объяснения [Franks 2008; 2009; Migdalski 2009]. С. Андерсон отрицает, что в конфигурациях с производным порядком слов с клитиками, где А. А. Зализняк и А. В. Циммерлинг постулируют правила Барьера, вообще имеют место синтаксические перемещения. Ж. Бошкович отрицает, что эти конфигурации являются производными, а С. Фрэнкс и К. Мигдальский стремятся объяснить позиции клитик в предложении разными факторами для разных разрядов кластеризуемых клитик. Из этих авторов С. Фрэнкс – единственный, кто предлагает объяснение и для фактов сдвига, и для фактов разрыва клитик. Никто из названных авторов не учитывает древненовгородской системы, подробно описанной А. А. Зализняком, а выборка современных славянских языков, как правило, представлена 3–4 языками: преимущественное внимание уделяется сопоставлению сербохорватского с болгарским, которые сопоставляются с польским.

Трудности формальных теорий сами по себе не являются причиной для изменения типологических описаний, но существует обратная связь: успешные типологические описания помогают совершенствовать формальные модели грамматики. В дальнейшем изложении мы кратко отметим несколько подобных моментов и предложим вариант типологии Барьеров.

Стоит подчеркнуть, что Теория Барьеров не была предложена *ad hoc* для описания клитик в славянских языках: она применима не только к языкам с законом Ваккернагеля (*W*-системам и *W*⁺-системам), но к более широкому классу языков с клитиками, в том числе – к языкам с глагольными клитиками (*V*-системам романского и балканского типа) и прочим языкам, где клитики синтаксически дискретны и сохраняют подвижность внутри своей группы или всего предложения.

Термин «Барьер» нами взят из работы автора теории Барьеров, А. А. Зализняка. Соответствующие явления были известны и раньше и отмечались лингвистами, описывавшими языки с клитиками, начиная с Я. Ваккернагеля, но выдающимся достижением А. А. Зализняка является разработка единого объяснения для фактов сдвига цепочки клитик и фактов разрыва цепочки клитик. Именно это позволило А. А. Зализняку подвести под синтаксические правила многие факты подвижности

клитик, где его предшественники видели лишь хаос и разрушение системы¹. Параллельно исследованиям А. А. Зализняка в области славянского синтаксиса, Н. Хомский для других целей ввел термин «Барьер» в универсальную грамматику. Барьеры Хомского – это условия, ограничивающие перемещения элементов внутри некоторой области – предложении или комплексе предложений [Chomsky 1986]. Между обоими терминами есть пересечения, но мы их не будем подчеркивать, чтобы не вносить путаницу. Понятие Барьера используется также в формальных грамматиках, ср. [Gärtner, Michaelis 2007].

Подробное описание эффектов Барьера в древненовгородском диалекте и в древнерусском языке дано А. А. Зализняком [Зализняк 1993; Зализняк 2008]. Эффекты Барьера в региональном хорватском варианте сербохорватского языка систематически описываются в статье Д. Чавара и К. Вильдера [Čavar, Wilder 1999]: хотя авторы этой работы и не употребляют самого термина «Барьер», предложенная ими модель сдвига сербохорватских клитик вправо очень близка к отстаиваемому нами варианту Теории Барьеров. Ценные наблюдения за эффектами Барьера в европейском португальском языке содержатся в работе А. Рувре [Rouveret 1999]. Типология Барьеров в системах порядка слов с клитиками с классификацией Барьеров, представленных в славянских, германских и романских языках, дается в работах [Циммерлинг 2008; Zimmerling, Kosta 2013]. К сожалению, в описаниях большинства славянских языков и в ряде теоретических работ по славянскому синтаксису предложения с эффектом Барьера нередко игнорируются как нежелательное отклонение от закона Ваккернагеля, помещающего клитики по вторую позицию от начала предложения, либо, напротив, выдаются за доказательство того, что закон Ваккернагеля в них не действует: в результате системы порядка слов, подчиняющихся жестким синтаксическим запретам, позволяющие выделить основной и производный порядок в предложениях с клитиками, и доступные для параметрического описания, предстают в качестве неупорядоченного набора частных фактов и статистических флуктуаций.

11.1. Определение Барьера. Слепые и селективные Барьеры

Определение:

- [Нехомскианский] Барьер – синтаксическая категория (синтаксическая вершина или полная группа, добавление которой в состав предложения меняет позиции отдельной клитики или цепочки клитик.

Для одиночных клитик возможны два сценария – либо Барьер отодвигает клитику a° на n шагов от ее синтаксического хозяина (the host category) в определенном направлении, либо меняет ее ориентацию по отношению к категории-хозяину. Второй сценарий реализуется при перемещении объектных клитик в европейском португальском языке. Подчинительные союзы вроде порт. *que* имеют свойства Барьеров и преобразуют конфигурации с энклизой местоимения

¹ Ср. [Зализняк 2008: 49, 120], где обсуждается работа Г. Гуннарссона.

в конфигурации с проклизой местоимения. Следующие примеры взяты из работы А. Рувре [Rouveret 1999: 663], их интерпретация в терминах теории Барьеров впервые дана нами и [Циммерлинг 2002: 88]

Предложения без Барьера	Предложения с одиночным Барьером
Базовый порядок, энклиза [V – CL _{об}].	Производный порядок, проклиза [CL _{об} – V].
O José (1) <u>ofereceu</u> =o (2) ontem. Жозе (1) <u>дал</u> = <u>это</u> (2) вчера (3)	<Eu sei> [Barrier [Comp que] (1) O José (2) o=ofereceu (3) ontem. <Я знаю> [что] (1) Жозе (2) <u>это</u> = <u>дал</u> (3) вчера.
À Maria (1), O José (2) <u>ofereceu</u> =o (3) ontem. Марии (1) Жозе (2) <u>дал</u> = <u>это</u> (3) вчера.	

РИС. 1. Барьер и объектные клитики в европейском португальском

В языках с законом Ваккернагеля (W-системах и W⁺-системах) Барьеры не могут менять ориентацию клитик, так как кластеризуемые клитики в этих языках обычно не могут начинать предложение: этот параметр называется «законом Тоблера-Мусафии» (Tobler-Mussafia law)². Если же учитывать цепочки клитик, то здесь, как показал А. А. Зализняк, возможны два разных сценария, в зависимости от свойств самого Барьера:

- Барьер может быть «слепым» (blind), или, в иной терминологии, ‘неселективным’, (indiscriminating)³ и воздействовать на все клитики цепочки: в этом случае вся цепочка клитик смещается на *n* шагов вправо.
- Барьеры могут быть «селективными» (category-sensitive, selective, discriminating), т. е. воздействовать на клитики определенного типа: в этом случае происходит разрыв цепочки.

Эта лемма, опирающаяся на тезис А. А. Зализняка [Зализняк 1993: 288] о существовании селективных Барьеров, требует комментария. Связь между наличием

² Обычно закон Тоблера-Мусафии считается чисто фонетическим ограничением. В этом случае непонятно, почему правило Барьеров не может смещать клитики влево в словенском и македонском языках, где кластеризуемые элементы не являются строгими энклитиками. Альтернативу порядков #XP – CL и #CL в словенском языке, типа слов. #Videl =sem=ga «Я его видел», букв. «видел= емь ISg=ego» ~ #sem=ga videl «Да видел я его!» (эмф.), букв. «емь ISg=ego видел» трудно подвести под понятия Барьера, так как в подобных парах словенских предложений нет материально выраженного элемента, присутствие которого меняет ориентацию клитик =sem=ga в коммуникативно маркированных высказываниях.

³ Термин indiscriminating barrier заимствован нами из теории формальных грамматик, где он указывает на аналогичное явление – наличие ограничительного условия, воздействующего на все синтаксические категории предложения. Его антитеза – discriminating barrier – указывает на ограничительное условие, действующее на синтаксические категории заданного типа и не действующее на другие категории.

ем слепого Барьера и сдвигом цепочки клитик абсолютна. Связь между наличием селективного Барьера и разрывом цепочки клитик регулярна, но реализуется не в 100% случаев. Гипотеза А. А. Зализняка о том, что та клитика, на которую воздействует селективный Барьер, всегда выносится из цепочки и присоединяется к последующим словоформам, опирается на презумпцию о том, что Правило Рангов, порождающее цепочки кластеризуемых клитик, непроницаемо для перестановок клитик внутри цепочки. Для подавляющего числа W-систем и для всех славянских языков, кроме болгарского, это действительно так. Однако болгарский язык, помимо разрыва цепочек под воздействием селективного Барьера, имеет и дополнительную опцию – перестановку клитик внутри первого фонетического слова. Эта опция используется в болгарском только для частицы =ли в строго определенных контекстах и при наличии селективных Барьеров особого типа. При этом болгарский язык сохраняет и стандартную стратегию с разрывом цепочки клитик и выносом =ли из цепочки. Таким образом, разрыв цепочки под воздействием селективного Барьера обязателен, если язык с кластеризуемыми клитиками запрещает их перестановку тогда, когда они стоят контактно.

Под понятие селективного Барьера не подпадают морфонологические ограничения на совместное употребление кластеризованных клитик, такие как диссимилиация =le=lo \Rightarrow =se=lo в испанском языке, диссимилиация $\mathbf{Je}_{3F} + \mathbf{Je}_{Aux} > =\mathbf{ju}_{3F} =\mathbf{je}_{Aux}$ в сербохорватском языке и т. д. Там, где это возможно, воздерживаемся от обсуждения сегментного состава, алломорфии клитик и несинтаксических правил модификации клитик в контактных последовательностях вроде исп. *le + lo > se-lo*, бинукид *ku + ka > ku-ikaw, ta-ikaw* [Peng, Billings 2006: 21] и т. п. Такие факты алломорфизма клитик должны рассматриваться за пределами синтаксиса: позиция одной кластеризованной клитики не должна меняться при появлении другой кластеризованной клитики, если обе они упорядочиваются одним и тем же Правилем Рангов. Этот критерий важен для вопроса о включении некоторых проклитик/универсальных клитик в общее Правило Рангов с непосредственно примыкающими к ним кластеризуемыми энклитиками. Так, болг. показатель буд. вр. *ще=* является Барьером для кластеризуемой энклитики =ли. Этот факт достаточен, для того чтобы исключить ще из Правила Рангов, учитывающего ли.

11.2. Основные параметрические типы слепых и селективных Барьеров

Тип Барьера – слепой vs селективный – определяет синтаксическую конфигурацию при производном порядке слов: сдвиг цепочки клитик vs разрыв цепочки/перестановка клитик. Имеются следующие несводимые друг к другу параметры Барьеров, присущие как слепым, так и селективным Барьерам:

- Обязательные vs факультативные Барьеры.
- Лексические vs нелексические Барьеры.
- Грамматикализованные vs коммуникативные Барьеры.

- Кумулятивные Барьеры (два или более Барьера действуют как единичный Барьер) vs привативные Барьеры (добавление второго Барьера отменяет действие первого Барьера).

Первая пара признаков не требует специальных определений.

Лексический Барьер – это материально выраженный элемент предложения, вершина или целая группа. *Нелексический Барьер* – характеристика участка предложения, отвлеченная от лексических, а иногда и синтаксических, характеристик заполняющих его элементов. Так, например, *длина* начальной группы, измеряемая в n ударных слов, при $n \leq 2$ является обязательным барьером для всех новгородских клитик, т. е. *слепым обязательным Барьером* (§ 6.2.5.). Повторим условие (i) в модифицированной записи.

(i) новг. $\#[_{XP} W^1W^2] - CL \Rightarrow \#[^{BARRIER} [_{XP} W^1W^2]] - Y - CL$

В словацкой системе длина начальной группы из n ударных слов, при $n \leq 2$ является обязательным Барьером для возвратных и possessивных клитик, и факультивным Барьером в прочих случаях (§ 6.2.5). Т. о., она является *селективным обязательным Барьером*. Повторим условие (ii) в модифицированной записи и введем помету $BARRIER_a$ для Барьера, воздействующего только на клитику a° , но не на клитику b° .

(ii) слц. $\#[_{XP} W^1W^2] - CL \Rightarrow \#[^{BARRIER_a} [_{XP} W^1W^2]] - (CL^b) - Y - CL^a$

Грамматикализованный Барьер – это либо лексическая вершина, либо группа, либо характеристика участка предложения, присутствие которых или заполнение которых влияет на позицию клитик. Грамматикализованными являются все типы Барьеров, чье воздействие на позицию клитик определяется формой, а не коммуникативной семантикой. Свойства грамматикализованных Барьеров не зависят от конкретного предложения, в котором они присутствуют.

Коммуникативные Барьеры – это составляющие, влияющие на позицию клитик не благодаря своим структурным свойствам, а благодаря выражаемой ими в конкретном предложении коммуникативной семантики. Повторим два примера из приводившихся выше в § 6.2.6. В этих примерах сдвиг клитики на шаг вправо объясняется не тем, что в начале предложения стоит предложная группа, а тем, что эта предложная группа в данных конкретных примерах имеет значение контрастной темы: при такой коммуникативной структуре новгородская и болгарская системы предпочитают не ставить клитику между контрастной темой и последующей частью высказывания.

- (1) новг. $[^{BARRIER} [_{PP} \text{На молодогъ (1)}]] \text{ далъ (2)} = \text{есемь рубель (грамота 689)}$
 ‘Относительно солода: я дал на него рубль’
 букв. ‘на солод (1)» дал (2) = *есемь. ISg (3) рубль*’.
- (2) болг. $[^{BARRIER} [_{PP} \text{А около } [_{NP} \text{формата на Веско}]]] (1) \text{ имате (2)} = \text{ли (3) притеснения?}$
 ‘Есть ли у вас претензии к форме Веско?’
 букв. « $[^{BARRIER} [_{PP} \text{А к } [_{NP} \text{форме Веско}]]] (1) \text{ имеете (2)} = \text{ли (3) претензии?}$ »

Коммуникативные Барьеры с синтаксической точки зрения, по-видимому, всегда являются группами и могут быть описаны как нелексические Барьеры. Однако не все нелексические Барьеры являются коммуникативными, ср. длину начальной группы как Барьер. Грамматикализованные Барьеры могут быть как лексическими, если эта конкретная лексическая вершина, влияющая на позицию всех или некоторых клитик в данном языке – ср. порт. *que* на рис. 1, болг. *ще* – показатель буд. вр. и т. п., так и нелексическими.

Не следует думать, что коммуникативные Барьеры непременно являются факультативными, а грамматикализованные Барьеры всегда являются обязательными. Так, в новгородской/разговорной древнерусской системе обращение в начале предложения – *обязательный слепой коммуникативный Барьер*.

- (3) др.рус. а. [^{BARRIER}[кнѧже] (1)], ты (2) =сѧ (3) на насъ не гнѣваи (Ипат., под 1147 г. л. 126 об.).
 'Князь, не гневайся на нас'.
 б. *кнѧже=сѧ на насъ не гнѣваи.

Македонское отрицание *не* – {+ факультативный & + грамматикализованный & + селективный & – лексический} Барьер, воздействующий только на возвратные клитики (4а-б), но не на связки и личные местоимения (5).

- (4) мак. а. [?]не(1)=се (2) беспокойте! (3)
 «Не беспокойтесь».
 букв. «Не(1) = се (2) беспокойте».
 б. ⇒ [^{BARRIER}[_{NEG} Не]] (1) беспокойте(2)=се(3)
 «то же».
 букв. «Не(1) беспокойте(2)=ся (3)».
- (5) мак. Ти(1) не (2)=си (3)=му (4) споможи(5).
 «Ты не помог ему».
 букв. «Ты (1) не (2)=еси=ему помог».

11.3. Предложения с двумя и более Барьерами

Для предложений более чем с одним Барьером вводится дополнительное различие кумулятивных vs привативных Барьеров.

Кумулятивным Барьером является любой Барьер, добавление которого в предложение, где уже есть Барьер, не привносит нового синтаксического эффекта. В языках с законом Ваккернагеля (W-системах и W⁺-системах) добавление второго, n-го Барьера, просто отодвигает клитику/цепочку от начала (фонетического) предложения на соответствующее число шагов.

- (6) др.рус. [^{BARRIER1}_{VocP}кнѧже]] (1), [^{BARRIER2}_{ContrTopic}мы не на та.]] (2) восталѣ(3)=есмы (4),
 <но не хотим кланатисѧ попадьи> (Ипат., под 1188 г., л. 299 об.).
 ‘Князь, мы восстали не против тебя, <но мы не хотим кланяться попадье>’.

В этом древнерусском примере в начало предложения вынесено обращение⁴, которое само по себе является в этом языке обязательным слепым коммуникативным Барьером. Непосредственно за обращением стоит контрастная тема _{ContrTopic}мы не на та., уточняющая, что говорящие воостали против Y-а, а не против X-а. Такого рода группы в древнерусской системе были факультативным коммуникативным Барьером [Зализняк 1993: 287], но это в данном случае не так важно, так как перед ней уже стоит обязательный барьер. Поэтому клитика =есмы, присоединяется к следующему за последним Барьером слову, глаголу восталѣ: цифра (4), указывающая на то, что клитика =есмы стоит в этом примере после третьего элемента предложения, условна, поскольку последовательность двух Барьеров трактуется в древнерусской системе как один Барьер.

Аналогичные примеры нетрудно найти в современном болгарском языке. Цифры (4) и (5), указывающиеся, что перед клитиками в примерах (7) и (8) стоит, соответственно, четыре элемента предложения, разумеется, условны – для структуры этих предложений релевантно лишь, что клитики стоят после элемента, которому предшествуют один или несколько коммуникативных Барьеров.

- (7) болг. [^{BARRIER1}_{VocP}Димитров]] (1) [^{BARRIER2}_{ContrTopic}през време на следствието]] (2)
 вие (3)=сте=се (4) държали твърде недисциплинирано.
 ‘Димитров, во време следствия вы вели себя очень недисциплинированно’.
 букв. ‘...вы=сте2Pl.=ся держали очень недисциплинированно’.
- (8) болг. [^{BARRIER1} [На нас]] (1), [^{BARRIER2} [помежду ни]] (2), [^{BARRIER3} [условието]] (3)
знаеш (4)=ли (5) как=е?
 ‘Знаеш, какой между нами уговор?’
 букв. ‘У нас (1), между нами (2), условие (3), знаеш (4)=ли (5) какво=е?’

Комбинации из нескольких Коммуникативных Барьеров обычно ведут себя так же, как одиночные коммуникативные Барьеры, т. е. имеют кумулятивные свойства. Комбинации из нескольких грамматикализованных Барьеров и комбинации грамматикализованных и коммуникативных Барьеров, как правило, некумулятивны.

Привативным Барьером является тот Барьер, при добавлении которого в предложение с другим Барьером отменяется эффект первого Барьера, и восстанавливается базовый порядок слов (как если бы в предложении с клитиками вообще не было Барьеров). Этот интересный эффект отмечен А. Рувре на материале европейского португальского языка, Т. Л. Кинг и нами – на материале славянских языков.

А. Рувре констатирует, что в португальской системе с объектными клитиками в глагольной группы, базовым порядком является энклиза объектного местоимения к

⁴ Мы используем здесь помету VocP, т. е. «группа обращения».

форме финитного глагола, $[V - CL_{OBJ}]$, но добавление подчинительного союза *que* «что» всегда обращает этот порядок в придаточном в проклizu $[CL_{OBJ} - V]$. Это значит, что союз *que* в португальской системе является *обязательным грамматикализованным лексическим Барьером*, в терминах настоящей работы. В независимых повествовательных предложениях инвертированное дополнение, стоящее перед подлежащим, Барьером не является, поэтому базовый порядок $O - S - [V - CL_{OBJ}]$ не меняется, см. рис. 30 выше. В составе придаточного инвертированное дополнение, напротив, получает свойства *привативного грамматикализованного Барьера*, превращающего подчинительный союз *[que]* из обязательного Барьера в факультативный. Здесь разрешен как порядок с проклizой, так и порядок с энклizой, что дает альтернатицию $\#Comp \parallel - O \parallel - S - [CL_{OBJ} - V] \sim \#Comp \parallel - O \parallel - S - [V - CL_{OBJ}]$.

Евр. порт.

Второй барьер блокирует первый	Второй барьер объединяется с первым
Базовый порядок, энклiza: $\# [Comp] \parallel - [O] \parallel - S - [V - CL_{OBJ}]$	Производный порядок, проклiza: $\# [Comp \parallel - O \parallel] - S - [CL_{OBJ} - V]$
<Eu sei> <i>[que]</i> (1) \parallel <i>À Maria</i> (2) \parallel O José (3) (3) <i>ofereceu=о</i> (4) ontem «<я знаю> <i>[что]</i> (1) \parallel <i>Марии</i> (2) \parallel Жозе (3) (3) <i>это=передал</i> (3) вчера»	<Eu sei> <i>[que]</i> (1) \parallel <i>À Maria</i> (2) \parallel O José (3) <i>о=ofereceu</i> (4) ontem «<я знаю> <i>[что]</i> (1) \parallel <i>Марии</i> (2) \parallel Жозе (3) <i>это=передал</i> (3) вчера» ⁵

РИС. 2. Эффект привативного Барьера в придаточных предложениях с союзом *que* и инверсией дополнения в европейском португальском

Словацкий язык тоже демонстрирует зависимость между числом Барьеров и препозицией клитики глаголу. Базовый порядок для предложений с возвратной клитикой и единственным ударным словом в начале предложения будет $[XP] - CL \dots V$, однако начальная группа из двух и более ударных слов является в этом языке для возвратных клитик обязательным Барьером. При этом глагол ставится после начального Барьера и возникает обсуждавшийся выше § 4.2.5. порядок с контактной постпозицией возвратной клитики $[^{BARRIER}_{XP} W^1 W^2 \dots W^n] - V - CL$. Поэтому пример (9a) с единственным начальным Барьером – группой подлежащего $[_{NP} \text{Neobuĉajne rekná jeseň}]$ «необычайно красивая осень» правилен, а пример (9b) с возвратной клитикой на втором месте плох:

⁵ Все примеры из [Rouvetret 1999]. Анализ в терминах Барьеров принадлежит нам.

- (9) слц. а. [^{BARRIER}_[NP] Neobyčajne pekná jeseň]] (1) *chýlila*(2)= *sa* (3) *ku koncu*.
 ‘необычайно красивая осень подходила к концу’.
 букв. «[необычайно красивая осень] (1) двигала (2)= ся (3) к концу».
- б. *_[NP] Neobyčajne pekná jeseň] (1) =*sa* (2) *chýlila*(3) *ku koncu*.
 букв. ‘необычайно красивая осень (1) =ся двигала к концу’.

Однако если мы добавим после начальной группы еще один Барьер – модальное слово *akoby* «похоже», базовый порядок CL ...V восстанавливается, см. (10):

- (10) слц. [^{BARRIER1}_[NP] Neobyčajne pekná jeseň]] (1)] [^{BARRIER2}_[ModP] **akoby**]] (2)=*sa*-RefI (3) *chýlila* (4) *ku koncu*.
 букв. «[^{BARRIER1}_[NP] Необычайно красивая осень]] [(1)] [^{BARRIER2}_[ModP] **похоже**]] (2)=ся (3)двигала (4) к концу».

Тем самым, добавление модального слова *akoby* меняет уже порожденный порядок Глагол + Клитика, где глагол *chýlit* (=sa) стоит на втором месте от начала предложения.

В сербохорватском языке, как вытекает из данных Д. Чавара и К. Уайлдера, эффект привативного Барьера возникает в конфигурациях того же типа, что и в словацком. Эти авторы отмечают, что кластеризуемые клитики не могут стоять непосредственно после синтаксической составляющей, поэтому пример (11) аномален:

- (11) хрв. *_[CP] Čim=su=ga *organizirali*] (1) =*je* (2) *bio* (3) *zabranjen*⁶.
 ‘Как только они это организовали, это запретили’.
 букв. *«_[CP] Едва=суть3Pl=это организовали.3Pl] (1)=*есть*3Sg (2) был (3) запрещен».

Начальная синтаксическая составляющая в сербохорватском языке – обязательный Барьер, требующим сдвига клитик вправо и перемещения финитного глагола на второе место от начала предложения. Удовлетворяющее этим условиям предложение (12) грамматично [Čavar, Wilder 1999: 452].

- (12) хрв. [^{BARRIER}_[CP] Čim=su=ga *organizirali*]] (1) *bio* (2)=*je* (3) *zabranjen*
 ‘Едва они это/его организовали, это запретили’.
 букв. «[^{BARRIER}_[CP] Едва=суть3Pl=это/его организовали.3Pl]] (1) был (2)=*есть*3Sg (3) запрещен».

Структура #^{BARRIER} [CP] – Vf – CL в (12) порождается единичным грамматизованным Барьером: длина начальной группы и ее синтаксический статус не зависят от коммуникативной семантики.

Если добавить в сербохорватское предложение второй Барьер, исходный порядок #^{BARRIER1} [CP] [^{BARRIER2} [NP]]– CL восстанавливается, ср. (13).

⁶ Предложения с такой структурой допускаются только в словенском языке.

- (13) хрв. [^{BARRIER1} [_{CP} Ćim=su=ga organizirali]] [^{BARRIER2} [_{NP} sastanak] (1) =je (2) bio (3) zabranjen.

‘Едва они его организовали, митинг запретили’.

- букв. «[^{BARRIER1} [_{CP} Едва=суть3Pl=это организовали.3Pl]] [^{BARRIER2} [_{NP} митинг] (1) =есть3Sg (2) был (3) запрещен».

Теория Барьеров непосредственно объясняет предложения (9)–(13) эффектом привативного Барьера. Д. Чавар и К. Уайлдер дают более сложное объяснение, пытаясь объяснить линейный порядок XP-V_{fin}-CL свойствами глагола, стремящегося занять второе место от начала предложения [Čavar, Wilder 1999: 453]. Однако сербохорватский глагол может занять это место в предложении с кластеризуемыми клитиками лишь при условии, что оно не занято самими клитиками. Приведем еще один пример Д. Чавара и К. Уайлдера, где оба Барьера представлены несентенциальными группами:

- (14) хрв. [^{BARRIER1} [_{ModP} U svakom slučaju]] [^{BARRIER2} [_{NP} Ivan] (1) =je (2) pametan (3).

‘Во всяком случае, Иван умен’.

- букв. «[^{BARRIER1} [_{ModP} Во всяком случае]] [^{BARRIER2} [_{NP} Иван] (1) =есть3Sg. (2) умн (3)».

Если убрать второй Барьер, реализуется порядок с глаголом во второй позиции и клитикой после нее [XP – V].

- (15) хрв. [^{BARRIER1} [U svakom slučaju] pametan (2) =je (1).

‘Во всяком случае, он умен’.

- букв. ‘[^{BARRIER1} [_{ModP} Во всяком случае]] (1) умн (2) =есть3Sg. (3)’.

Болгарский язык тоже демонстрирует эффект привативного Барьера при сочетании двух селективных грамматических лексических Барьеров – *не* и *ще*. Т. Л. Кинг обратила внимание на то, что отрицание *не* и частица буд. вр. *ще*, выступая по одиночке, сдвигают клитику *ли* вправо, т. е. служат для нее селективным Барьером, что ведет к разрыву цепочки:

- (16) болг. а. **не* (1)=*ли*(2) *знае* немски език?

- б. [^{BARRIER} [_{NegP} не]] (1) *знае*(2)=*ли*(3) немски език?

‘Не знает=*ли* он/она немецкий язык?’

- (17) болг. а. **ще* (1)=*ли*(2)=*и*(3)=*го* (4) *представишь* (5)?

- б. [^{BARRIER} [_{FinP} ще]] (1)=*и* (2)=*го* (3) *представишь* (4)=*ли*(5)?

‘Не представишь ли ей его?’

- букв. ‘буд.вр.(1)=*ей* (2)=*его* (3) *представишь* (4)= *ли* (5)?’

Если же в начале предложения стоят оба Барьера сразу, клитика *ли* остается на своем месте, и разрыва цепочки не происходит:

- (18) болг. [$\text{BARRIERE}^1_{\text{NegP}} \text{не}$] (1) [$\text{BARRIERE}^2_{\text{FinP}} \text{ще}$] (2) ||=ли (3)=сте=му=го (4) дали?
 ‘Не отдадите=ли= вы =ему=это?’.
 букв. ‘не (1) буд.вр. (2) =ли (3)=сте2Pl.=ему=это (4) дадите?’

Т. Л. Кинг отмечает, что сочетание #не=ще считается книжным и употребляется в современном болгарском языке редко [King 1997: 81]⁷. В литературных текстах нам встретились и другие примеры с не=ще, не=ще=се и не=ще=ли:

- (19) болг. [$\text{BARRIERE}^1_{\text{NegP}} \text{не}$] (1) [$\text{BARRIERE}^2_{\text{FinP}} \text{ще}$]=ли (3) така да=я засрами? (Т. Влайков).
 «Позволить, что ли, себя так осрамить?»
 букв. ‘не(1) буд.вр. (2)=ли (3) так чтобы=ее посрамит’.

Восстановление базового порядка XP – CL после комбинации не + ще в болгарском можно было бы объяснить тем, что болг. не и ще сами являются клитиками и, сочетаясь друг с другом, в сочетании не=ще из разряда свободных переходят в разряд связанных клитик, теряя при этом свойства Барьеров. Но все структуры с привативным Барьером так объяснить нельзя.

Кроме того, Барьеры подразделяются соответственно той синтаксической области, где они действуют. В общем случае, наличие подчинительного союза является фактором, ограничивающим либо меняющим механизм Правила Барьера. Термины *Барьер Придаточного* и *Барьер Главного Предложения* характеризуют типичные механизмы, характерные для клауз с подчинительным союзом и без него. В славянских языках это разные механизмы.

11.4. Инверсия =ли как грамматикализованный селективный Барьер в болгарском языке.

Правило Рангов, упорядочивающее контактные последовательности клитик и строящее из них группу вида [$\text{Cлитик}^A [a^1 a^2 \dots a^n] [b^1 b^2 \dots b^n] [c^1 c^2 \dots c^n]$], где a^1, a^n – клистизуемые клитики, а A, B, C – их разряды, в общем случае запрещает перестановки клитик внутри контактной цепочки клитик, но разрешает разрыв цепочек. Это означает, что структуры типа (20), где клитика a^1 , в нарушение Правила Рангов, стоит правее клитик $b^1 c^2$, и все эти клитики присоединяются к одному тому же элементу предложения X, запрещены, а структуры типа (21), где a^1 , и $b^1 c^2$ присоединяются к разным элементам предложения X и Y, возможны.

- (20) ** [XP X] = $b^1 c^2 a^1$ (Нарушение Правила Рангов).

- (21) [XP X] = $b^1 c^2$ [YP Y] = a^1 (Разрыв цепочки клитик без нарушения Правила Рангов).

⁷ Из описания современной ситуации в [Котова, Янакиев 2001: 784] можно сделать вывод, что большинство предложений с сочетанием #не ще ли воспринимаются как косвенные речевые акты: болг. [не] [ще] =ли да дойдете? интерпретируется в смысле «Он(а) не хочет, чтобы вы пришли?»

Теория Барьеров хорошо согласуется с этим распределением. Она предсказывает, что в предложениях с базовым порядком слов $\#[XP]=CL$ и в предложениях со слепым Барьером, действующим на все кластеризуемые клитики цепочки $[^{BARRIER}_{abc} [_{XP} X]] - [_{VP} Y] = abc$, разрыв цепочки не возможен, а в предложениях с обязательным селективным Барьером, действующим лишь на часть клитик цепочки, разрыв неизбежен:

- (22) панслав. $*[^{BARRIER}_a [_{XP} X]] = abc \Rightarrow [^{BARRIER}_a [_{XP} X]] = bc - [_{VP} Y] = a$
 (механизм разрыва цепочки под воздействием селективного Барьера, присущий всем славянским языкам).

Запрет на перестановку клитик внутри цепочки проще всего объяснить тем, как это делает А. А. Зализняк для новгородской системы, что кластеризуемые клитики образуют одно фонетическое слово со своим хозяином, а фонетическое слово обычно непроницаемо для перестановок⁸. Для современных славянских языков, где начальная группа, способная принимать кластеризуемые клитики, может состоять из двух и более ударных слов, это требование нельзя понимать буквально, но можно говорить о синтаксической аналогии между группой начального члена предложения и одиночной ударной словоформой, так как все современные славянские языки одновременно разрешают оба принципа постановки клитик, при соблюдении условий, подробно рассмотренных выше в § 6.2. Болгарский язык в наименьшей степени соответствует этой аналогии, поскольку, как было показано в § 6.2.6, он также допускает в начальной позиции предложения ряд комбинаций из групп двух разных членов предложения. Именно в болгарском языке и наблюдается отклонение от главного механизма селективного Барьера, схематически показанного в (22). Наряду с панславянской стратегией с разрывом цепочки клитик под действием селективного Барьера, болгарский располагает и дополнительной стратегией (23), когда клитика, на которую воздействует селективный Барьер, остается в том же фонетическом слове, но сдвигается на шаг вправо внутри своей цепочки.

- (23) болг. $*[^{BARRIER}_a [_{XP} X]] = abc \Rightarrow [^{BARRIER}_a [_{XP} X]] = b a c$
 (механизм инверсии клитик в пределах того же фонетического слова, действует только в болгарском языке).

Болгарский язык прибегает к этой типологически редкой стратегии только для одной клитики – вопросительной частицы $=ли$, и только в строго определенном случае – когда на $=ли$ воздействуют *селективные грамматикализованные Барьеры* – стоящие впереди нее отрицательная частица *не* и оператор буд. вр. *ще*. На

⁸ «В тех случаях, где реализовано данное факультативное правило, первичное предложение как бы распадается на части, каждая из которых начинает функционировать как самостоятельное первичное предложение. Вместе с тем разъединяется также цепочка энклитик, требуемая законом Вакернагеля: происходит своего рода «разгрузка» скопления энклитик» [Зализняк 1993: 288].

болг. =ли могут влиять и другие селективные и слепые Барьеры – в этом случае всегда выбираются панславянские механизмы с разрывом или сдвигом цепочки. Механизм инверсии =ли используется только при добавлении в предложении =ли одиночных грамматикализованных Барьеров *не/ще*: при добавлении обоих элементов сразу, они, как указано в предыдущем разделе, блокируют друг друга вследствие эффекта привативного Барьера.

Рассмотрим инверсию =ли в болгарском подробнее. Эта частица занимает крайне левое положение в болгарском Правиле Рангов (см. *рис. 1). Сентенциальное отрицание *не* и оператор буд. вр. *ще* – селективные Барьеры: они воздействуют только на =ли, но не на местоименные и связочные клитики. Поэтому линейный порядок **не=ли* в (24а) неграмматичен и преобразуется в порядок *не...[]=ли* в (24б). Пометим в нотации, что селективный Барьер BARRIER_a в цепочке клитик =*a*^o=*b*^o воздействует только на клитику *a*^o, а не на клитику *b*^o.

- (24) болг. а. **Не=ли*(1)=*си*(2) ХОДИЛ там?
 ‘Не ходил ли ты туда?’
 букв. ‘*Не=ли* (1)=*еси*2Sg. (2) ХОДИЛ туда?’
 б. ⇒ [BARRIER_a[**Не**]]=*си*^b(2)=*ли*^a(1)ХОДИЛ там?⁹
 букв. ‘*не=еси*2Sg (2)=*ли* (1) ХОДИЛ туда?’

Болг. =ли может также подвергаться действию коммуникативных Барьеров. При базовом порядке слов перед =ли стоит группа с коммуникативным статусом Ремы или части Ремы. Поэтому Барьером для =ли (и цепочки клитик с =ли) будет начальная группа со значением Темы высказывания. В этом случае =ли клитизируется не к первой группе, а к следующей словоформе, которой по законам болгарского синтаксиса должен быть либо глагол, либо вершина именного сказуемого.

- (25) болг. [BARRIER_a{_{TopicP}[_{pp}**В чекмеджито**]}] || имало =ли = *e* пари?
 ‘Были ли деньги в ящике?’
 букв. ‘[BARRIER_a[**В ящике.опр.**]] || имело=*ли*=*есть*3Sg деньги?’

Если в предложении с =ли одновременно присутствуют коммуникативный Барьер и грамматикализованный Барьер *не/ще*, при конфликте двух стратегий расстановки клитик побеждает панславянский механизм с разрывом цепочки, см. (26).

- (26) болг. [BARRIER_a{_{TopicP}[_{NP}**Книгата**]}] (1) [BARRIER_a[**ще**]] (2)=*си*^b (3)=*я*^c (4) || прочел (5)=*ли*
 (6) до утре?
 ‘Ты прочтешь эту книгу к завтрашнему дню?’
 букв. «[BARRIER_a{_{TopicP}[**книга.опр.**(1)]}] [BARRIER_a[**FUT**]] (2)=*еси*2Sg^b (3)=*е*^c (4) прочел (5)=*ли*^a (6) до завтра?»

⁹ Примера М. Димитровой-Вулчановой [Dimitrova-Vulchanova 1999: 95] (нотация наша. – А. Ц.).

Пример (26) тоже показывает эффект привативного Барьера, но в урезанном виде: базовый порядок не восстанавливается, но действие каждого Барьера модерируется – клитики =си=я не отходят вправо (как было бы при одиночном коммуникативном Барьере), а клитика =ли не подвергается инверсии (как было бы при одиночном грамматикализованном Барьере =це).

В некоторых случаях болгарский язык позволяет использовать разные сценарии постановки =ли при наличии не/це. Общим требованием является запрет на контактные последовательности *не=ли, *це=ли. Если предложение начинается с не или це, а цепочка клитик содержит в своем составе =ли, таких последовательностей избежать не удастся, так как =ли стоит в самом начале Правила Рангов. Поэтому базовый порядок слов *_[XP не/це] = ли приведет к аномалии. Чтобы ее избежать, болгарский язык может заменить не другим отрицательным оператором няма, который используется в составе аналитической конструкции няма [...] да V, букв. «несть ...чтобы V». Клитизация =ли к няма возможна, но это влечет разрыв цепочки, так как местоименные и связочные клитики присоединяются к последующему слову – союзу да «чтобы», см. пример (27). Тем самым, болг. няма, не будучи Барьером для болг. = ли, является Барьером для местоименных и связочных клитик.

(27) болг. Яде=им=се.

‘Им хочется есть’.

букв. ‘ест3Sg=им=ся’.

(28) болг. Яде=ли=им=се?

‘хочется ли им есть?’

букв. ‘ест3Sg=ли=им=ся?’.

(29) болг. [^{BARRIER}_{bc} [NegP Няма]] =ли^a да=им^b=се^c яде?¹⁰

‘Не хочется ли им поесть?’

букв. ‘[^{BARRIER}_{bc} [NegP несть]] =ли^a, чтобы=им^b=ся^c ест3Sg?’.

Другой сценарий состоит в перестановке =ли и непосредственно следующей за ней клитикой, что позволяет избежать фонетического разрыва цепочки ценой нарушения ее синтаксической непроницаемости, см. пример (30).

(30) болг. [^{BARRIER}_a [NegP Не]] =им^b=ли^a=се^c яде?

‘Не хочется ли им поесть?’

букв. ‘[^{BARRIER}_a [NegP Не]] =им^b=ли^a=ся^c ест3Sg?’.

¹⁰ При добавлении клаузы с да и расщеплении предложения рядом с отрицательным оператором няма остается только первая клитика цепочки – частица ли, а последующие клитики отходят в клаузу с да. Другое разбиение клитик невозможно: предложения *_[NegP Няма]]=лиа=имб да =сес яде?, *_[NegP Няма]]=лиа=имб=сес да яде? аномальны.

Поскольку инверсия =*ли* и =*им* в (30) обусловлена формальными причинами, а позиция сентенциального отрицания в болгарском предложении фиксирована, пример (30) не выражает контрастивного значения «не ИМ=*ли* хочется поесть?».

Исследования истории болгарского параметра ‘инверсия *ли*’ нам не известны, но данные болгарских диалектов и внутренняя реконструкция побуждают считать, что эта типологически редкая особенность болгарского синтаксиса возникла в силу сочетания двух обстоятельств, которые обусловлены не столько специфическими свойствами частицы =*ли* (иначе – [Franks 2008: 96]), сколько специфическими свойствами болг. *не* и болг. *ще*.

Первое обстоятельство состоит в том, что болг. сентенциальное отрицание *не*, и оператор буд. вр. *ще*, имеют в литературной болгарской норме фиксированную позицию в предложении – перед цепочкой кластеризуемых клитик/вершиной предиката [Dimitrova-Vulchanova 1999]. В близкородственном македонском языке и в части болгарских диалектов позиция сентенциального *не* не фиксирована.

Второе обстоятельство состоит в том, что болг. *не/ще* являются селективными Барьерами и не влияют на позицию местоименных и связочных клитик, поэтому эти клитики не покидают второй позиции от начала предложения при добавлении *не/ще*.

Отмеченные в [Котова, Янакиев 2001: 590] синтаксические системы болгарских диалектов имеют более гармоничное сочетание параметров, чем болгарская норма. Часть болгарских диалектов делает *не* слепым Барьером, действующим на все клитики. Отрицательным ответом на вопрос болг. *Виждаш=ли Тодора?* в лит. норме будет *не=я виждам*, «я ее не видел», букв. «не=*ее* видел.я». В западных болгарских диалектах этому соответствует порядок с Барьером [^{BARRIER}**не**] *виждам=я*, букв. «не видел.я=*ее*» – ук. *соч*.

В этой же группе болгарских диалектов принцип фиксированной позиции отрицания *не* перед цепочкой клитик не действует, поэтому лит. болг. Той [**не**]=*ти вярва* «Он тебе не верит», букв. «Он [**не**]=*тебе* верит» соответствует порядок зап. болг. Он=*ти не веруе*, где отрицание стоит перед глаголом, ср. рус. *Он тебе не верит*.

Как указывают авторы болгарской грамматики, в литературной норме имеются отзвуки состояния с нежестко фиксированной позицией сентенциального *не*, правда лишь в предложениях с именным сказуемым. В этом случае отрицание *не* трактуется как приставка и ставится непосредственно перед вершиной сказуемого, а не перед клитиками.

(31) болг. [Всички [трудоещи= *се*]] =*са* недоволни.
‘Все трудящиеся недовольны собой’.

(32) болг. [Всички [трудихи= *се*]] = *са* недоволни.
‘Все трудившиеся недовольны собой’.

Еще более показательны предложения с формами болгарских депричастий и вставленным предложением, вводимым союзом *да* «чтобы». В этом случае возможен вариант, где *не* остается во вставленном предложении, где оно предшествует вершине этого предложения: в примере (31) это – глагол *обиди*.

- (33) болг. Той говореша, [старасйки=се [да **не** обиди никого]].
'Он говорил, стараясь никого не обидеть',
букв. «Он говорил, стараясь [чтобы **не** обидит никого].

Допустим также вариант, где *не* стоит перед вершиной вышестоящего предложения (в примере (33) это деепричастие *стараейки*), а клитика уходит на шаг дальше. Это значит, что *не*, как и в западноболгарских диалектах, является в (34) барьером для =ся.

- (34) болг. Той говореша, [^{BARRIER}_[Neg]**не**] [старасйки =се [да __обиди никого],

Наконец, болг. *не* и =се могут быть упорядочены по основной схеме главного предложения, где отрицание не является Барьером для местоименных клитик. Это даст вариант (35).

- (35) болг. Той говореша **не** =се [стараейки =се [да __обиди никого].

Можно констатировать, что порядок, где *не* имеет фиксированное положение во всех предикативных составляющих, еще не стал безальтернативным в болгарских предложениях без финитного глагола. Это позволяет предположить, что фиксированная позиция *не/ще* перед кластеризуемыми клитиками финитного предложения является для болгарского языка относительной недавней инновацией.

Глава 12

СЛАБЫЕ И СИЛЬНЫЕ КЛИТИКИ И РАЗРЫВ ЦЕПОЧЕК

12.0. Клитики и картография предложения

В последние десятилетия в генеративной грамматике приобрела популярность т. н. картография функциональных категорий, ср. [Rizzi 2004a; Cinque 2004]. По существу, утверждается, что все функциональные, т. е. нелексические категории предложения на уровне универсальной грамматики сосредоточены в левой части предложения в проекциях CP (группа придаточного, финитное предложение) и IP (предикативное ядро предложения) и упорядочены табличным способом аналогично Правилам Рангов клитик в поверхностном синтаксисе¹, так что для любой пары функциональных категорий α и β , например, «тема» и «рема», «иллокутивная сила», «субъектно-предикатное согласование», «наклонение», «время», «вид» и т. п., можно указать порядок, в котором они развертываются. Универсальную иерархию категорий предлагается восстанавливать по ограничениям на расположение синтаксических показателей данных категорий – клитик и служебных слов – в конкретных языках: служебные слова вроде рус. или болг. *ли* признаются маркерами иллокутивной силы, частицы вроде рус. *же* – маркерами Ремы/контраста, частицы вроде *бы* – маркерами категории наклонения и т. д. В хомскианском синтаксисе такие маркеры принято помещать в вершины функциональных категорий²: теоретическая альтернатива – постулировать для клитик особый статус «неветвящихся элементов» (non-branching elements), которые одновременно являются фразами и вершинами (XP/X^o), см. [Bošković 2004: 77], менее ясна. Предполагается, что все категории предложения, функциональные и лексические, образуют единую иерархию, при этом порядок их появления соответствует месту в дереве предложения: чем ближе к началу предложения стоит категория, тем выше ее место в дереве предложения. Тем самым, и синтаксические маркеры функциональных категорий

¹ Л. Рицци открыто признает эту аналогию, см. [Rizzi 2004b: 11].

² Механизмы расстановки клитик и перемещения клитик обычно отделяют от перемещения стандартных полноударных категорий предложения (α -movement) и объясняют как перемещение вершин (Head movement). Смысл такого решения состоит в том, что клитики анализируются как дефектные синтаксические элементы, которые являются не полными составляющими (они не могут иметь при себе зависимые слова), но вершинами, которые могут вставляться в вакантные позиции вершин вышестоящих синтаксических категорий. Спорный момент заключается в том, что цепочки клитик анализируются так же, как одиночные некластеризуемые клитики, т. е. как вершины. Тем самым, при стандартном анализе в рамках Минималистской Программы Н. Хомского, механизмы образования цепочек, Правила Рангов, и операции над цепочками, меняющие их окончательное место в предложении, остаются за пределами собственно синтаксиса.

темы, ремы, иллокутивной силы, согласования, и категории, которые они представляют, имеют фиксированные места в структуре предложения.

Достоинством картографического подхода к клитикам является то, что Правило Рангов клитик можно представить не только как факт поверхностного синтаксиса, но и как иерархию функциональных категорий. Например, тот факт, что в большинстве славянских Правил Рангов частица *li* предшествуют формам наст. вр. связки «быть», а последние предшествуют формам аргументных клитик дат. п. и вин. п., (см. § 5.1.) предлагается объяснять тем, что категория «иллокутивной силы» (Force), которую представляет частица в иерархии категорий предложения, стоит выше категории «согласование» (Agreement), которую представляют формы связки «быть», а категория «субъектно-предикатного согласования», в свою очередь, стоит выше категории «глагольная группа» (VP), где локализуются лексическая часть глагольного предиката и его аргументы в дат. п. и вин. п. Наличие общих цепочек из связочных и аргументных клитик и запреты на разрыв таких цепочек в болгарском языке при желании можно объяснить тем, что в болгарском языке местоименные аргументные клитики на самом деле являются показателями объектно-предикатного согласования, вследствие чего и должны объединяться со связками как показателями субъектно-предикатного согласования: такой тезис отстаивает С. Фрэнкс [Franks 2008]. Преобладание порядка аргументная клитика дат. п. > аргументная клитика вин. п. легко объяснить тем, что формы дат. п. в цепочке дополнений находятся в отношении структурного приоритета (с-command) по отношению к формам вин. п. [Slavkov 2008; Šimik, Bhatt 2009], а обратное отношение аргументная клитика вин. п. > аргументная клитика дат. п. в том же или соседнем языке/диалекте нетрудно объяснить тем, что формы вин. п. могут занимать в функциональной иерархии две разные позиции – одну ниже дат. п. (обычный случай), а другую – выше дат. п. (исключение): тем самым картографический принцип оказывается неуязвим [Manzini, Savoia 2004: 224]. Очевидно, что таким способом можно объяснить какие угодно линейные последовательности, но – как и в прочих уже известных нам случаях применения табличных схем – за счет постулирования разных позиций для разных вхождений одного и того же элемента/категории элементов (см. гл. 1).

Недостатки картографического подхода к описанию кластеризуемых клитик тоже очевидны. Правила Рангов не всегда устроены в соответствии с Категориальным Принципом, так что блоки разных категорий клитик стоят строго один за другим по схеме (viii), приближением к которой является новгородское Правило Рангов.

(viii) $[_{C_{\text{китер}}} [_A a^1, a^2..a^n] [_B b^1, b^2... b^n] [_C c^1, c^2...c^n]]$.

Механизмы расширения Правил Рангов в диахронии, рассмотренные выше в § 9.2, в еще меньшей степени соответствуют категориальному/картографическому принципу, так как уже заполненные клетки Правил Рангов обычно непроницаемы для новых слоев клитик. Но главная трудность для картографического подхода

состоит в определении причины контактного расположения кластеризуемых клитик и обоснования причин разрыва цепочек клитик. Наблюдения за работами приверженцев картографического подхода показывают, что решить обе эти задачи одновременно в рамках данного подхода трудно. Во всяком случае, С. Фрэнкс и К. Мигдальский предпочитают вообще не объяснять факт кластеризации синтаксически и сосредоточивают усилия на объяснении порядков, где кластеризуемые клитики-частицы стоят дистантно с местоименными и связочными клитиками. При этом С. Фрэнкс ищет причины, по которым болгарскую и македонскую частицу =*ли* можно исключить из цепочки клитик в этих языках: по его мнению, частица *ли* в этих языках является «фонетической энклитикой», которая попадает во вторую позицию от начала предложения по несинтаксическим факторам, в то время как местоименные и связочные клитики являются в болгарском и македонском приглагольными клитиками (verb-adjacent clitics), таким образом, их объединение не имеет отношения к синтаксису [Franks 2008]. Напротив, К. Мигдальский, сопоставляющий клитизацию в старославянском и старопольском языках, исключает из цепочек «клитик второй позиции» местоимения и связки и утверждает, что подлинными клитиками второй позиции (2P-clitics) в этих языках являются частицы, в то время как связки и местоимения обычно остаются в составе глагольной группы, где они порождаются, и объединяются с подлинными «клитиками второй позиции», т. е. частицами, лишь спорадически. Причину того, что местоименные и связочные клитики якобы редко образуют общие цепочки с клитиками-частицами, Мигдальский усматривает в том, что размещение частиц в левой части предложения, проекции CP, имеет мотивацию, так как славянские клитики-частицы естественно соотносятся с функциональными категориями в левой части CP, в то время как перемещение связочных и местоименных клитик во вторую позицию от начала предложения синтаксически избыточно, бессмысленно [Migdalski 2009]. Различие между двумя рядами кластеризуемых клитик формулируется в терминах «силы/слабости»: сила признака в Теории Принципов и Параметров, к которой прибегает Мигдальский, трактуется как характеристика, необходимая для того, чтобы некоторое перемещение осуществилось на поверхностно-синтаксическом уровне (PF-movement), см. [ФНСАЛ 1997: 54]. Клитики, привязанные ко второй позиции от начала предложения механизмом синтаксического перемещения, К. Мигдальский объявляет «сильными», а прочие клитики, способные образовывать общие цепочки с ними, – «слабыми».

Любопытно, что С. Фрэнкс отказывается считать механизмы, помещающие болгарскую частицу *ли* после начальной составляющей предложения, собственно синтаксическими, в то время как К. Мигдальский, наоборот, признает синтаксическую мотивацию только в помещении частиц-клитик во вторую позицию в других славянских языках. Общим же в их концепциях является то, что они усматривают синтаксическую мотивацию лишь для части кластеризуемых клитик, упорядочиваемых по Правилам Рангов, причем разделение оба проводят по линии частицы vs [местоимения + связки]. По их мнению, цепочка клитик (clitic cluster), включа-

ющая и частицы и местоимения/связки, в лучшем случае, – просодическая, а не синтаксическая реальность: в плане формального синтаксиса, по Мигдальскому и Фрэнксу, речь идет, скорее, о фонетическом объединении двух блоков смежных, но синтаксически разнородных элементов. Если вообще пользоваться представлением об одном из этих блоков как о цепочке, т. е. синтаксической группе, то диагностическими контекстами для исключения из нее инородных элементов будут, где цепочка разрывается, и клитика, не соответствующая прочим по своей категориальной характеристике, ставится дистантно: в связи с этим Мигдальский и Фрэнкс охотно цитируют примеры разрыва цепочек, содержащих частицу **li*.

Будем считать «картографической» любую теорию клитик, которая оперирует понятием силы/слабости клитик и удовлетворяет следующему условию:

- Существует единая иерархия категорий клитик для дистантных и контактных порядков, такая что «слабые» клитики всегда стоят после «сильных» клитик и при дистантном, и при контактном порядке, и при контактном порядке блоки сильных и слабых клитик не перекрещиваются.

Концепции С. Фрэнкса и К. Мигдальского очевидно картографичны. Картографическая теория кластеризуемых клитик в их изложении является зеркальным обращением Теории Барьеров. Если Теория Барьеров берет за основу цепочки клитик при базовом порядке слов и выводит из них производные порядки слов с разрывом цепочек (для славянских W -систем и W^+ -систем это всегда значит, что выносимая из цепочки клитика стоит дальше второй позиции от начала предложения), картографическая теория Мигдальского берет за основу порядки с разрывом, где разные группы клитик присоединяются к разным элементам. Тем удивительнее тот факт, что автор Теории Барьеров, А. А. Зализняк, в книге 2008 г. предложил, по сути дела, картографическую концепцию древнерусских клитик. В книге А. А. Зализняка почти нет ссылок на работы современных славистов, но выдвинутое им разделение кластеризуемых клитик на сильные и слабые [Зализняк 2008: 51] и ход его рассуждений разительно напоминают концепции К. Мигдальского и С. Фрэнкса. Как и К. Мигдальский, А. А. Зализняк стремится объяснить тот факт, что в старославянской (и сходной с ней книжной древнерусской) системе часто возникают конфигурации с дистантным расположением кластеризуемых клитик. Он констатирует, что стоящие в Правиле Рангов слева клитики-частицы *же*, *ли*, *бо*, *ти*, *бы* «лишь весьма редко смещаются вправо от главного места для блока энклитик», в то время как стоящие правее их местоименные и связочные клитики смещаются вправо «сравнительно часто», и называет клитики-частицы «сильными энклитиками», а прочие кластеризуемые клитики – «слабыми энклитиками». Как и для К. Мигдальского, для А. А. Зализняка метафора силы клитик связана со степенью регулярности их появления во второй позиции от начала предложения. И для К. Мигдальского, и для А. А. Зализняка сила клитики обратно пропорциональна регулярности ее синтаксического перемещения из исходной позиции. Разница между ними состоит в том, что А. А. Зализняк признает для местоименных и связочных клитик вторую позицию от начала предложения исходной и, соот-

ветственно, постулирует для них перемещение вправо под воздействием Барьера, в то время как К. Мигдальский признает исходной для местоименных и связочных клитик позицию внутри глагольной группы, и соответственно, анализирует предложения, где эти клитики занимают второе место от начала предложения, как факультативное перемещение влево. Нельзя не поразиться тому, что два лингвиста с совершенно разными теоретическими установками независимо друг от друга выдвинули почти идентичную концепцию.

В эмпирическом плане между работами А. А. Зализняка и К. Мигдальского громадная разница. Гипотеза А. А. Зализняка о том, что «слабые» клитики перемещаются вправо под воздействием Барьера, оказалась верной и позволила вывести W^* -системы типа книжной древнерусской и старославянской из W -системы типа новгородской: предположение, что в W^* -системах типа старославянской Правила Барьера действительно чаще действуют на слабые энклитики, чем на сильные, что постепенно ведет к обобщению порядков с разрывом [Зализняк 2008: 121–128; 225–235]. Изначальная ошибка К. Мигдальского была в том, что он взял за основу W^* -системы типа старославянской и современной польской: естественного пути, как из этих систем получить стандартную W -систему типа древненовгородской или современной сербохорватской, не существует. Но разница в доказательной силе теорий А. А. Зализняка и К. Мигдальского не отменяет значительного сходства между ними. Нас интересует, надежен ли «картографический» подход с разделением кластеризуемых клитик на сильные и слабые сам по себе, если абстрагироваться от направления перемещения клитик и от хода эволюции славянских языков.

Примеры, которые приводит сам А. А. Зализняк, немедленно заставляют в этом усомниться. Возможны конфигурации, где «сильная» клитика при разрыве цепочки оказывается дальше «слабой». Ср. пример с вопросительной частицей *ли*, которая под воздействием начальной группы *оу королева мужа*, имеющей коммуникативную семантику Темы, смещается на шаг вправо и клитизируется к следующему за этой группой элементу – глаголу *слышалъ*. При этом связка 2 л. ед. ч. *еси*, представитель самого «слабого» ранга древнерусских клитик, остается на месте, и по правилам древнерусской системы, имевшей параметр ПРС, ставится после первого ударного слова начальной группы. Это классический случай селективного коммуникативного Барьера, рассмотренного выше в § 6.3.1:

- (1) др.рус. а [$\text{BARRIER}_a^1 \text{Topic} [\text{PP} \text{ оу королева=еси}^b \text{ мужа}]]$] слышалъ=*ли* в томъ чѣтномъ крѣте?
(Ипат., под 1152, л. 166 об.)³
«разве ты не слышал о том честном кресте от человека короля?»
букв. «а у королева=*еси*-2Sg человека слышалъ=*ли* о том честном кресте?».

- (1') [$\text{BARRIER}_a^1 [\text{XP} \text{ X}]]$] = b^b [$\text{YP} \text{ Y}$] = a^a

³ Пример цит. по [1993: 288] (нотация наша. – А. Ц.).

А. А. Зализняк подчеркивает, что такие примеры в древнерусских памятниках редки [Зализняк 2008: 52], но не исключено, что в памятниках просто мало контекстов, где *ли* употреблено в предложении, где начальная группа имеет статус контрастной Темы. Ср. цит. выше почти аналогичный пример из современного болгарского языка:

- (2) болг. [^{BARRIER}_a {^{TopicF}_{NP} [Книгата]}] (1) [^{Barrier}_a [ще]] (2)=*си*^b (3)=*я*^c (4) || прочел (5)=*ли*_a (6) до утре?
 ‘Ты прочтешь эту книгу к завтрашнему дню?’
 букв. «[^{BARRIER}_a {^{TopicF} [книга.опр.(1)]] [^{Barrier}_a [FUT]] (2)=*еси*.2Sg^b (3)=*е*^c (4) прочел (5)=*ли*^a (6) до завтра?»

Главное отличие болгарского примера (1) от древнерусского примера (2) – формального свойства: древнерусский язык XII в., в отличие от болгарского, не имел параметра ПСС, разрешавшего ставить кластеризуемые клитики после полной составляющей. При этом можно усомниться, релевантно ли для выноса *ли* в древнерусской системе, стоит ли в одной цепочке с *ли* слабая клитика, т. е. местоимение или связка, или же другая частица, т. е. сильная клитика. Ср. еще один указанный А. А. Зализняком древнерусский пример с выносом *ли* вправо. Здесь частица =*бы*, являющаяся наиболее поздней из клитик-частиц, остается во второй позиции, разбивая начальную группу обращения *тобѣ брате* ⇒ *тобѣ*=*бы* *брате*, а клитика =*ли*, которая предшествует =*бы* в Правиле Рангов, исключается из цепочки и выносится вправо по аналогичной причине: начальная группа имеет статус контрастной Темы, что нарушает условия употребления *ли* в предложении. Как и в (1), начальная группа *тобѣ брате* действует на =*ли* как селективный коммуникативный Барьер, поэтому вставка =*ли* внутрь этой группы нежелательна⁴.

- (3) др.рус. [^{BARRIER}_a {^{TopicF} [Тобѣ]=*бы*^b, [брате]}] *любю*=*ли*^a, а быхомъ мы бра^c твоего держали? (Ипат. под 1147 г., л. 127).
 ‘А вот тебе, брат, было бы по праву, если мы удерживали твоего брата?’

Эффект селективного коммуникативного Барьера, создающего конфигурацию с разрывом, прослеживается и во всех других раннедревнерусских примерах с выносом одной из клитик из цепочки, указанных А. А. Зализняком. Мы уже цитировали примеры с разрывом $X^{\circ}=\text{еси} + Y^{\circ}=\text{ли}$, $X^{\circ}=\text{бы} + Y^{\circ}=\text{ли}$. В прямой речи светских персонажей древнерусских летописей зафиксированы также примеры вида $X^{\circ}=\text{же} + Y^{\circ}=\text{есмь}$, $X^{\circ}=\text{ми} + Y^{\circ}=\text{еста}$, $X^{\circ}=\text{есте} + Y^{\circ}=\text{мя}$. В последнем случае имеет место нарушение «картографического» принципа, когда местоименная клитика вин. п. *ма*, предшествующая связочной клитике =*есте* в Правиле Рангов, отходит вправо дальше *есте*, несмотря на то, что связки являются еще более «слабыми»

⁴ Возможна альтернативная трактовка, где Барьером считается только обращение [*брате*], а не начальное местоимение *тобѣ*, но такой анализ не объясняет, почему =*бы* стоит в (3) левее [*брате*].

клитиками, чем местоимения вин. п., т. е. чаще покидают вторую позицию от начала предложения⁵. Для некартографического описания это не проблема, так как при дистантном расположении клитик Правило Рангов не соблюдается.

- (4) др.рус. [^{BARRIER}_a {_{Focus}[_{NP} **Вы**]}=*есте*^b] *нарекли*=*ма*^a во своемь племени во володимерь старѣшаю (Ипат. под 1195 г. л. 236)
 ‘**Вы сами** назвали меня старшей (главной) в своем племени во Владимире’.

Точные условия разрыва цепочки =*ма* =*есте* не до конца ясны ввиду малого числа примеров, но общая причина восстанавливается четко – в предложении (4) имело место коммуникативное противопоставление, и начальное подлежащее местоимение 2 л. мн. ч. *вы* получило какой-то выделительный акцент⁶. Можно предположить, что начальное местоимение *вы* в (4) имело статус контрастной ремы, а прочая часть высказывания относилась к теме. В предложениях такого рода говорящие/рассказчики, видимо, воспринимали одну из клитик как нейтральную, не вносящую особой коммуникативной семантики в значение высказывания, а другую трактовали как вовлеченную в коммуникативные противопоставления, и сдвигали вправо. Связка =*есте* при наличии местоимения *Вы* в составе предложения плеонастична, поэтому рассказчик трактовал ее как нейтральную и не вынес из цепочки, а местоименную клитику =*ма* трактовал уже как часть тематической составляющей, открывающейся глаголом *нарекли*, и, соответственно, поместил в эту группу, поставив после глагола.

Зафиксировано и обратное соотношение, когда в цепочке местоимение + связка местоимение остается на месте, а связка выносится вправо. В примере (5) разрыв цепочки =*ми*=*еста* можно связать с тем, что начальная группа *досыти пересердия* «вдоволь волнений» является инвертированной частью Ремы. Говорящий/рассказчик посчитал возможным вставить в такую группу только клитику =*ми*, а клитику =*еста*, единственный в данном предложении показатель согласования с лице и числе при опущенном подлежащем, т. е. аналог поверхностного местоимения [Зализняк 1993: 290], переместил в контактную постпозицию глаголу *оучинила*. Причина разрыва, разумеется, не в том, что местоименная клитика =*ми* «мне» рематична – она в коммуникативном плане нейтральна, а в том, что связочная клитика =*еста* «вы двое есть» там, где она выступает как аналог поверхностного местоимения, тематична, и потому помещается в состав темы.

⁵ «Слабые энклитики образуют простую градацию: ‘пограничный’ ранг 6 (*ми, ти, си* и т. д.) – переходный по силе; ранг 7 – (*ма, та, са* и т. д.) – просто слабый; ранг 8 (связки) – слабейший» [Зализняк 2008: 51].

⁶ Об этом свидетельствует сам факт наличия подлежащего местоимения в этом примере: в коммуникативно немаркированных предложениях в формах 1–2 л. местоименные подлежащие в светских древнерусских памятниках народного стиля обычно опускались. Таким образом, местоимение *вы* является здесь эмфатическим.

- (5) др. рус. [^{BARRIER}_b {_{FocusP} [_{QuantP} **досыти=ми^a пересердия**]}] *оучинила=еста^b* (под 1148 г. л. 133 об)
 ‘Вы оба доставили мне вдоволь волнений’
 букв. ‘[^{BARRIER}_b {_{FocusP} [_{QuantP} **вдоволь=мне^a волнений**]}] *причинили=Aux2Du^b*’

Если наш анализ правилен, и в (5) селективным коммуникативным Барьером является инвертированная группа со статусом Ремы, базовой для (5) структурой без инверсии Ремы и без разрыва цепочки клитик должно быть признано предложение типа (6):

- (6) др.рус. {_{TopicP} *оучинила=ми=еста*} {_{FocusP} [_{QuantP} **досыти пересердия**]}.

В таком случае, (5) и (6) связаны ЛА-преобразованием, фонетическая сторона которого нам недоступна, а структурно-семантический аспект ясен. Разрыв цепочки клитик *ми=еста* в производной структуре (5) является побочным следствием инверсии рематической группы *досыта пересердия*, которая в начальной позиции обретает свойства селективного коммуникативного Барьера, сдвигающего вправо те клитики, которые по своим характеристикам примыкают к Теме, а не к реме.

Мы видим, что картографический подход не может объяснить примеры типа, (3), (4), (5) с коммуникативно обусловленным разрывом цепочек клитик: относительная «слабость» или «сила» клитики вообще не играет роли при ее выносе из цепочки, существенно то, что в некоторых коммуникативно маркированных и/или синтаксически производных предложениях – см. (4), (5) – сами клитики тоже вовлекаются в коммуникативные противопоставления: коммуникативно нейтральные при данном составе и порядке слов предложения клитики остаются в исходной позиции, а другие клитики, при данном составе и порядке слов соотносящиеся с тематической или рематической составляющей, выносятся из цепочки, если начальная группа имеет иные коммуникативные характеристики.

12.1. Селективные Барьеры и коммуникативно маркированные предложения с кластеризуемыми частицами

Теоретическая важность примеров с селективными Барьерами вроде (1)–(5) состоит в том, что они доказывают частичную проницаемость цепочек клитик для коммуникативных факторов. Обычно считается, что кластеризуемые клитики, и в частности, краткие формы местоименных клитик исключены из коммуникативных и логико-семантических противопоставлений типа отрицания, сочинения термов, контраста, эмпазы [Зализняк 1993: 290–291]. А. Звики и А. Кардиналетти признают это основными таксономическими свойствами клитик вообще [Zwicky 1977; Cardinaletti 1999: 34]. Это условие явным образом распространяется и на Правила Рангов клитик: поскольку кластеризация сентенциальных клитик – грамматикализованный механизм, естественно считать, что контактная последовательность кластеризуемых клитик характерна прежде всего для наиболее частотных и коммуни-

кативно немаркированных предложений. Говоря о парах местоименных клитик и полноударных местоимений в славянских языках, А. А. Зализняк пишет: «энклитики – это самым простой, обычный способ выразить соответствующее значение. Они употребляются везде, где какая-то особая причина этому не препятствует» [Зализняк 2008: 130]. В общей форме с этим едва ли стоит спорить, но наличие факультативных селективных коммуникативных Барьеров, действующих лишь на часть клитик цепочки, побуждает считать, что кластеризуемые клитики и цепочки клитик в силу их широкого распространения в W-системах, попадают и в часть коммуникативно маркированных примеров. В этих случаях в древних славянских языках варианты с разрывом цепочки и без можно найти в одном и том же памятнике. Особенно показательны примеры, где выделительная частица *же* или *бо* стоит сразу после начальной ИГ/ударного местоимения. В этом случае начальная коммуникативная выделенная ИГ может быть Барьером для других клитик (7), а может и не иметь свойств Барьера при почти такой же структуре (8).

- (7) др.рус. [^{BARRIER}_b {[_{NP}язь]}=*же*^a] тобѣ=*есмь*^b дал волость лѣпшыю (Ипат. под 1196 г., л. 240 об.)
'{Я же} отдал тебе волость лучше'.

На соседней странице находим пример без Барьера в аналогичной ситуации.

- (8) др.рус. а {[_{pp}про кого]}=*же* =*та*=*есмь* и на конь всадилъ (Ипат., под. 1196 г., л. 241).

Ср. также пример, где цепочка клитик, состоящая из двух частиц, не разрушается, несмотря на то, что лишь первая из этих частиц – *же* – коммуникативно выделяет начальное местоимение:

- (9) др.рус. не поѣдешь=*ли* вонь, {*я*=*же*}=*ти* боудоу помочникъ бра⁷ своему на та (Ипат., под 1289 г., л. 305 об.)
'...Я же ведь буду на стороне своего брата против тебя'.

В «Житии Андрея Юродивого», памятнике в ряде отношений переходном между древнерусскими текстами народного и книжного стиля, А. А. Зализняк тоже нашел примеры с разрывом цепочки после начального выделенного ударного местоимения, непосредственно за которым следует выделительная частица:

- (10) др.рус. {[_{NP}Азь]}=*бо* люблю=*та* (ЖАЮ С 11).
'Потому что я тебя люблю'.
- (11) др.рус. {[_{NP}Азь]}=*бо* молил=*ся*=*есмь* своему вл⁷цѣ (ЖАЮ 60г)⁷.
'Потому что я молился своему владыке'.
букв. 'я=*потому что* молил=*ся*=*есмь* своему владыке'.

⁷ Примеры из [Зализняк 2008: 61].

В древнерусских предложениях, где *же* и *бо* клитизируются к начальному глаголу, см. (9), или к начальному союзу, см. (10) и (11), разрывов цепочек обычно не возникает, так как коммуникативная мотивация для такого разрыва и применения Правила Селективного Барьера отсутствует.

(12) новг. избивъ роуки, поустить=*же*=*ма*, и иноую пояль (9, конец XII в.).

«Ударив по рукам, в знак новой помолвки, он меня прогнал, а другую взял в жены».

(13) др.рус. да=*же*=*ти*=*ми* боудете дѣбр[о] (Смол. 12, XII в.).

‘Да отнесетесь ко мне хорошо’.

(14) др.рус. ны^н=*же* брате, ако=*же*=*ми*=*ся*=*еси* самъ върекль, полѣзи=*же* на конѣ (Ипат., под 1150 г., л. 147 Хлебн. список).

‘Ныне же, брат, как ты мне сам сказал, полезай же на коня’.

Весьма вероятно, что сохранение базового порядка слов без разрывов в части древнерусских предложений с начальной ИГ/ПГ типа (8) {[_{pp} про кого]=*же*}=*та*=*есмь* и на конь всадить обусловлено не тем, что начальная ИГ/ПГ в этих предложениях менее контрастна, чем в предложениях с разрывом, а симметрией системы, требующей, чтобы одинаковые цепочки клитик, построенные по Правилу Рангов, были возможны как в главном, так и в придаточном предложениях, после начальных составляющих разного типа – глаголов, союзов, ИГ, ПГ и т. д. Кроме того, для стабильного воспроизводства W-систем, где часть кластеризуемых клитик может выделять начальную составляющую, важно, чтобы селективные коммуникативные Барьеры, разрывающие цепочки клитик, не имели бы обязательной силы и оставались факультативными. Два этих условия можно записать так.

- Идентичные цепочки, упорядоченные по Правилу Рангов, в W-системах встречаются в коммуникативно немаркированных и в части коммуникативно маркированных высказываниях с двумя и более кластеризуемыми клитиками.
- Селективные Барьеры, способные разрывать цепочки клитик при коммуникативном выделении начальной составляющей, в стабильной W-системе должны оставаться факультативными и иметь меньшую степень обязательности, чем грамматикализованные Правила Рангов, не зависящие от коммуникативной семантики предложения.

Древненовгородская W-система удовлетворяла двум данным условиям и удерживала максимальный набор кластеризуемых частиц =*же*=*ли*=*бо*=*ти*=*бы* до конца XV в. В близких ей книжной древнерусской и церковнославянской системах, описанных в [Зализняк 2008], было несколько факторов, отделяющие механизмы линейаризации частиц от механизмов линейаризации местоименных и связочных клитик. Два из них непосредственно касаются самих частиц. Во-первых, как указывает А. А. Зализняк, происходил активный реанализ сочетаний начальная проклитика + энклитическая частица типа #*да*=*же* в примере (13) как новых лексем с характерным для них идиоматическим значением, типа рус. *даже*: список

древнерусских примеров, где энклитическая частица, стоящая непосредственно за начальной проклитикой, перестает быть кластеризуемой и находится на пути превращения из синтаксического элемента в связанную морфему, приводится в [Зализняк 2008: 76–78]. Другим фактором, на котором А. А. Зализняк подробно не останавливается, была постановка селективного Барьера в сочетании начальная ИГ/ПГ + выделительная частица, типа *азь=же* в (7), (10) и *азь=бо* в (11)), что вело к разрыву цепочек и, в перспективе, – к отделению выделительных частиц типа *же*, *бо* от прочих кластеризуемых клитик.

12.2. Селективные Барьеры и кластеризуемые частицы в диахронической перспективе

Включение кластеризуемых частиц в Правило Рангов с большой вероятностью означает, что на них распространяются в точности те же параметры, предсказывающие их расположение относительно начальной составляющей (ПРС vs ПСС) и способность сдвигаться вправо (слепые и селективные Барьеры). В общей форме это условие можно выразить так.

- В славянских W-системах и W⁻-системах включение кластеризуемых частиц в общее Правило Рангов с местоименными и связочными клитиками означает, что на частицы и прочие кластеризуемые распространяется, либо в недавнем прошлом распространялась одна и та совокупность Правил Начальной Составляющей и Правил Барьера.

В древненовгородской системе тождество этих параметров для кластеризуемых частиц и кластеризуемых местоимений/связок проявляется в синхронии: подтверждением этого являются обсуждавшиеся выше Правила селективного Барьера, действовавшие на все типы клитик. В прочих славянских языках может наблюдаться некоторое несоответствие между параметрами, действующими в синхронии, и параметрами той эпохи, к которой относится становление Правила Рангов данного языка в его окончательном виде. Это обстоятельство и дает повод для появления теорий С. Фрэнкса и К. Мигдальского, где объединение частиц с блоком кластеризуемых местоимений и связок признается фактом просодии фразы, а не синтаксиса. Масштаб различий в правилах расстановки частиц и местоимений/связок в современных языках, сохранивших кластеризуемые частицы, в концепциях С. Фрэнкса и К. Мигдальского преувеличен, но неравномерность изменения значения параметров Начальной Составляющих действительно могла быть одной из причин выпадения частиц из Правил Рангов в древних славянских языках. Для того чтобы это проверить, нужно сперва исключить из рассмотрения возмущающий фактор, касающийся употребления местоименных клитик.

В новгородском диалекте, старославянском и раннем древнерусском языках действовало следующее тривиальное соотношение между краткими/полными формами личных и возвратных местоимений и клитиками/неклитиками:

(xxii) пан.слав.

краткая форма местоимения = клитика

полная форма местоимения = ударная словоформа.

Условие (xxii) означает, что краткие и полные формы местоимений находятся в дополнительной дистрибуции: краткая форма местоимения не может использоваться в синтаксических позициях, характерных для полноударных словоформ, а полная форма местоимения, напротив, не может употребляться в позициях, специфичных для местоименных клитик, в частности, не может подменять краткую форму в цепочках клитик, занимая то же место, что и краткая форма. Условие (xxii) выдерживается в современных южно- и западнославянских языках (кроме, возможно, польского языка, [Kosta 2009a]), хотя в древнечешских текстах XV–XVI вв. современное распределение полных и кратких форм личных местоимений еще не вполне устоялось. В древнерусских памятниках, начиная с определенного периода, соотношение полноударных местоимений и клитик расшатывается: краткие формы расширяют сферу употребления и обретают большую подвижность в предложении⁸, а полные формы, изначально обладавшие подвижностью, перестают быть эмфатическими [Зализняк 2008: 133]. В результате различие полных и кратких форм становится синтаксически и морфологически избыточным, в русском, белорусском и украинском языках и большей части их диалектов унифицируются полные формы, а краткие формы устраняются. Для анализа изменений Правил Начальной Составляющей применительно к кластеризуемым частицам и кластеризуемым местоимениям, релевантны только те памятники, где краткие формы местоимений по-прежнему являются клитиками, не смешиваются с полными формами, образуют цепочки и имеют фиксированное место в предложении.

12.2.1. Сербохорватская/древнерусская система с ПРС, ПСС

Одним из древнерусских памятников, удовлетворяющих приведенному выше условию, является «Житие Андрея Юродивого» (списки XIV в.): за вычетом местоименной клитики 3 л. м. р. вин. п. =и, язык памятника хорошо сохраняет набор кратких местоименных форм. Синтаксическая система этого памятника близка к современной сербохорватской: в ней одновременно имеются параметры ПРС, ПСС, т. е. кластеризуемые клитики могут стоять как после первого ударного слова, так и после полной начальной составляющей.

А. А. Зализняк приводит два примера с разрывом цепочки, где кластеризуемые частицы *ли* и *бо* разрывают начальную группу, а кластеризуемые связки и местоимения стоят после этой группы [Зализняк 2008: 80].

(15) др.рус. [нр Сему=ли вкушению] =са=юси оудивиль (ЖАЮ 76)

⁸ Сходные тенденции отмечают при описаниях кратких местоимений в современном польском языке.

(16) др.рус. [_{NP}Тем=бо образом]=с.а авиль акоже стари синець (ЖАЮ 56)

Предложения типа (15) и (16) можно при желании истолковать как нетипичный случай селективного Барьера, действующего только на местоименные и связочные клитики и не действующего на частицы. Но положение глагола в этих примерах доказывает, что здесь действовал не Барьер, а правило постановки клитик после полной составляющей (ПСС): клитики =с.а=юси в (15) и =с.а в (16) стоят непосредственно после начальной составляющей из двух ударных слов. Такие примеры есть и в старославянских памятниках⁹. В «Житии Андрея Юродивого» ПСС действует только для местоименных и связочных клитик, в то время как частицы *ли* и *бо* упорядочиваются только на основе ПРС, что ведет к разрыву цепочек =ли=с.а=юси и =бо=с.а ⇒ [_{XP}W¹=ли W²]=с.а=юси, [_{XP}W¹=бо W²]=с.а, при том что глагол в этих предложениях не меняет своего места и не перемещается в контактную постпозицию в начальной группе, как в стандартном случае Правила Барьера – см. выше пример (161) из того же памятника: др.рус. {[_{NP}Азь]=бо} молил=с.а=юс^{мь} своему вл^цѣ (ЖАЮ 60г).

В «Житии Андрея Юродивого» есть бесспорные случаи, где вся цепочка клитик целиком стоит после полной начальной группы. А. А. Зализняк предлагает для них просодическое объяснение – ритмическое объединение полноударных слов при атонировании одного из них, т. н. энклиномена [Зализняк 2008: 78]. Оно правдоподобно, но не избавляет от необходимости дать и синтаксическое объяснение, поскольку в новгородской системе тот же самый просодический механизм не мог отменить параметр ПРС¹⁰. Кроме того, в «Житии Андрея Юродивого», как указывает А. А. Зализняк, есть и примеры, где клитики стоят после начальной группы, где энклиноменов вообще нет, т. е. атонирование полноударного слова носит не системный, а окказиональный характер, ср. (19). Синтаксическое объяснение, не обязательно противоречащее гипотезе А. А. Зализняка о регулярном или окказиональном атонировании элементов начальной группы, тривиально: в «Житии Андрея Юродивого», в отличие от новгородской системы, уже действует параметр ПСС.

⁹ См. также похожий пример с разрывом цепочки в болгарском языке начала XX в.: болг. арх. [Какъв=ли дар]=ми=е приготовил? (Елин Пелин) «Приготовил ли мне он какой-нибудь подарок?», букв. «[какой=ли подарок]=мне=есть приготовил?» В современном болгарском языке предпочтителен порядок без разрыва, так как частица *ли* здесь подчиняется правилу ПРС: [Какъв подарък]=ли=ми=е приготовил?

¹⁰ В корпусе берестяных грамот есть всего два примера с кластеризуемой клитикой после сочетания энклиномен + полноударное (т. н. ортогоническое) слово – грамоты 765 и 322. [Зализняк 2008: 78]. Заметим, что оба эти примера, которые цитирует А. А. Зализняк для иллюстрации тезиса об атонировании – *н<ъ> на цеме=с.а кормити 765* и *а жеребец // нь тоу =ть ни коунах ни верши 322* – не доказательны и допускают альтернативный анализ, так как в них присутствует отрицание *нь*, которое в других славянских языках в похожих случаях выступает как грамматикализованный Барьер. Кроме того, в грамоте 322 *нь тоу* вообще можно трактовать как единую лексику, что сам А. А. Зализняк и сделал в 1-м издании «Древненовгородского диалекта».

- (17) др.рус. и ркУть тогда жидове, **яко** [_{NP}того дѣла]=с_А=ес_ь съблазнили’ (ЖАЮ, С165).
- (18) др.рус. **яко** [_{PP}въ нже днѣ]=м_А=ес_и видить и зл^а раздають=ес_и (ЖАЮ, 346в).
- (19) др.рус. и [_{PP}в болшо печаль] =с_А=ес_и вложить (ЖАЮ, С172).

Возможно, на выбор варианта с ПСС, а не с ПРС (ср. теоретически возможные, а в новгородской системе и необходимые порядки с разрывом [_{NP}того...]=с_А=ес_ь [_{NP}...дѣла], [_{PP}въ нже...]=м_А=ес_и [_{PP}...днѣ], [_{PP}в болшо...]=с_А=ес_и [_{PP}... печаль]) рассказчика подтолкнуло нежелание разрывать начальную группу цепочкой из двух клитик. Во всяком случае, в том же памятнике есть бесспорные случаи, где одиночная связочная клитика разрывает начальную группу, т. е. упорядочивается по правилу ПРС:

- (20) др.рус. **яко** [_{AdjP}велми...]=ес_и [_{AdjP}мерзкъь...] (ЖАЮ, 38а).
- (21) др.рус. [_{NP}Овца]=ес_ь [_{NP}...словеснага твоего стада] (ЖАЮ, 46б)

Синтаксическая система «Житие Андрея Юродивого» имеет ту же комбинацию параметров, что и современный сербохорватский язык:

	«Житие Андрея Юродивого»	Сербохорватский язык
Кластеризуемые частицы	ПРС, *ПРС	ПРС, *ПРС
Кластеризуемые местоимения и связки	ПРС, ПСС	ПРС, ПСС
Правила Барьера	общие для всех кластеризуемых клитик	
Основной Просодический Фильтр (исключение порядков *[W ¹ W ²] – CL)	Нет	Нет
Вторичные Просодические Фильтры ¹¹	Есть	Есть
Число кластеризуемых частиц	(5): =же, =ли, =бо, =ти, =бы	(1): =li

РИС. 1. Параметры ПРС и ПСС для частиц и местоимений/связок в системе порядка слов сербохорватского/древнерусского типа¹¹

Главное отличие сербохорватской системы от системы «Жития Андрея Юродивого» зафиксировано в последней строке таблицы: сербохорватский язык имеет единственную кластеризуемую частицу – показатель да/нет вопроса *li*. На *li* в сербохорватском параметр ПСС не распространяется, см. (23a-b).

- (22) срб.хрв. купио=je [_{NP} zeleno avto].
 ‘Он купил зеленую машину’
 букв. ‘купил-3Sg.M.=есть3Sg [_{NP} зеленую машину]’

¹¹ В терминах А.А. Зализняка, параметр, разрешающий «просодическое объединение» многосложной начальной группы, принимающей клитики.

- (23a) срб.хрв. $[_{NP} \text{ zeleno}] = li [_{NP} \text{ avto}] \text{ kupio?}$
 ‘Зеленую ли он купил машину?’
 букв. ‘зеленую=ли купил-3SgM. машину?’

- (23b) срб.хрв. $*[_{NP} \text{ zeleno avto}] = li \text{ kupio?}$

Ж. Бошкович не считает срб.хрв. *li* синтаксическим элементом того же уровня, что и сербохорватские местоименные и связочные клитики вроде *=je* ввиду того, что на *=li* параметр ПСС не действует, а на клитики класса *=je* может действовать. Он заключает, что срб.хрв. *li* – фокусирующая частица, которая употребляется строго после первого ударного слова предложения (= параметр ПРС, в терминах нашей работы. – А. Ц.) и используется в да/нет вопросах (yes/no questions) и конструкциях с рематическим выделением начального слова (focus construction) [Bošković 2001: 26–27]. Последняя часть утверждения Бошковича справедлива, но нужно добавить, что не все типы начальных групп в сербохорватском языке вообще допускают разрыв [Progovac 1996: 418], и что в конструкциях с рематическим выделением большинство носителей сербохорватской нормы осуждает употребление в о б щ е в с е х клитик (включая *=je*) после полной начальной группы:

- (24) срб.хрв. $*\{_{FocusP} [_{NP} \text{ zeleno avto}]\} = je \text{ kupio.}$
 подр. значение « $\{_{FocusP} [_{NP} \text{ ЗЕЛЕНУЮ МАШИНУ}]\} \{_{TopicP} \text{ он купил}\}.$ »

Итак, в конструкциях с рематическим выделением и разрывом особой разницы в дистрибуции срб.хрв. *=li* и срб.хрв. *=je* нет. Тем самым, возможность одновременного применения ПРС и ПСС в предложении, где есть и *=li*, и прочие кластеризуемые клитики, ограничена да/нет вопросами без эмфатического выделения начального слова многосложной составляющей:

- (25) срб.хрв. $? [_{NP} \text{ tu...}] = li [_{NP} \text{ ...novuju pojedinnost}] = si \text{ soznao četvrtog dana jutro?}$
 «Утром четвертого дня ты понял именно эту новую деталь?»
 букв. « $[_{NP} \text{ эту...}] = li [_{NP} \text{ ...новую деталь}] = eci-2Sg.$ понял четвертого дня утром?»

Подобные примеры спорадически могут возникать, хотя сербохорватский язык располагает альтернативной стратегией, позволяющей избежать одновременного применения ПРС и ПСС – Правило Барьера:

- (26) срб.хрв. $[_{NP} \text{ tu...}] = li [_{NP} \text{ ...novuju pojedinnost}] \text{ soznao} = si \text{ četvrtog dana jutro?}$
 ‘Утром четвертого дня ты понял именно эту новую деталь?’

После односложных начальных групп в главном предложении и после подчинительных союзов в придаточном кластеризация *=li* с местоименными и связочными клитиками практически обязательна:

- (27) срб.хрв. *Da=li=mi=ga=je možda Goran dao?*¹²
 ‘Горан, наверное, передал это ему’.
 букв. ‘Что=*ли*=ему=*это*=*есть*-3Sg. может быть Горан дал.он’.
- (28) срб.хрв. *Da=li=si=mi=se smejaо?*
 ‘Ты, что ли, над ним смеялся?’
 букв. ‘что=*ли*=*еси*-2Sg.=ему=*ся* смеял’.

Можно заключить, что ни малое количество кластеризуемых частиц в Правиле Рангов, ни сосуществование ПРС и ПСС на синхронном уровне, ни связь частицы =*li* с рематическим выделением непосредственно предшествующего ей элемента предложения сами по себе не являются поводом для исключения частиц типа =*li* из цепочки клитик в сербохорватском языке, поэтому для исключения **li* из цепочек кластеризуемых клитик нужны более веские доводы, нежели те, которые приводят Ж. Бошкович и ссылающиеся на него лингвисты.

12.2.2. Частица *ли* в современной болгарской W^+ -системе

В болгарском языке *ли* тоже является единственной кластеризуемой клитикой. М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 93–99], Ж. Бошкович [Bošković 2004: 77] и большинство болгаристов учитывают ее в Правиле Рангов и считают принципы ее постановки в предложения в целом синтаксическими. Однако С. Фрэнкс, используя примерно ту же аргументацию, что Ж. Бошкович для сербохорватского, исключает болг. *ли* из цепочки, трактуя *ли* как плавающую частицу ремы/контраста, которая ставится непосредственно после рематического элемента якобы независимо от того, сколько групп предложения стоит перед ней [Franks 2008: 95, 111]. Для такой трактовки болгарский язык дает еще меньше оснований, чем сербохорватский и древнерусский, так как здесь параметр ПСС обобщен для всех кластеризуемых клитик, ср. (29):

- (29) болг. [_{XP}[_{NP}Вие] [_{PP} в този завод]] =*ли работите?* (ПСС)
 ‘Вы на этом заводе работаете?’
 букв. ‘Вы [_{PP} на этом заводе] =*ли* работаете?’
- (30) болг. *Вие в този=*ли* завод работите? (ПРС)
 ‘Вы на этом заводе работаете?’
 Букв. ‘Вы [_{PP} на этом заводе] =*ли* работаете?’

Сам С. Фрэнкс цитирует примеры, где перед болг. *ли* стоит полная составляющая, объясняя это тем, что *ли* в этом случае является маркером контрастивной Ремы (*li* is used to mark contrastive focus), см. (31a), (32a). Эти случаи тоже непосредственно подпадают под действие параметра ПСС: важно, что отношение семантического контраста в болгарской системе, в отличие, например, от новгород-

¹² Примеры (177)–(178) из [Progovaс 1996: 420].

ской или современной русской, не является условием, разрешающим ставить =ли после первого слова контрастной составляющей.

(31a) болг. [_{NP}Новата кола]=ли продаде?

‘Ты/он/она продала(а) новую машину?’

букв. ‘[новую машину] = ли продал’.

(31b) *болг. новата=ли продаде кола?

(31c) рус. новую=ли машину ты продал?

Значение: 1) ‘верно ли, что ты продал новую машину?’; 2) «ты продал именно новую машину?».

(31d) рус. *¹³ [Новую машину]= ли ты продал?¹³

(32a) болг. [_{whp}Кой какво]=ли=ми=е купил?

‘<Я не знаю>, кто что мне купил’.

Букв. ‘[_{whp}Кто что]=ли=мне=есть-3Sg купил?’

(32b) болг. *Кой=ли какво=ми=е купил?

(33a) болг. [_{whp}Какъв подарък]=ли=ми=е приготвил?

‘Приготовил ли он мне какой-нибудь подарок?’

букв. ‘[_{whp}Какой подарок]=ли=мне=есть приготовил?’

(33b) болг. *¹⁴Какъв=ли подарък =ми=е приготвил?¹⁴

При употреблении *ли* в отрицательном предложении с болг. *не* допустим вариант (34), т. е. применение Правила грамматикализованного Барьера и контактная постпозиция *ли* к вынесенному вслед за [не] глаголу, однако такое предложение будет коммуникативно маркированным. Напротив, вариант (35) без выноса глагола оценивается как странный [Котова, Янакиев 2001: 674].

(34) болг. Вие [^{BARRIER} [_{NegP} **не**]] работите =ли [_{pp} в този завод]?

‘Получается, вы не работаете на этом заводе?’ (маркированное прочтение’)

букв. ‘Вы [^{BARRIER} [_{NegP} **не**]] работаете=ли на этом заводе?’

¹³ Вариант рус. *[новую машину]=ли ты продал? в русской литературной норме полностью исключен в качестве вопроса. Большинство носителей языка отвергают его и в косвенных речевых актах, но некоторые информанты считают подобные употребления допустимыми в контексте перечисления: рус. ?*новую книгу ли ты прочел, поехал ли на дачу, потренировался ли в зале – все одно удовольствие.*

¹⁴ Соответствующий пример встретился нам в архаическом болгарском тексте: [_{whp}Какъв=ли дар]=ми=е приготвил? (Елин Пелин). Возможно, запрет на одновременное использование ПРС и ПСС в одном предложении для разных кластеризуемых клитик установился в болгарском языке сравнительно недавно.

(35) болг. ¹⁵Вие **не** [_{pp} в този завод] =ли работите?

Ясно, что при наличии неотрицательных предложений типа (31а), (32а), (33а), (34), где *ли* подчиняется параметру ПСС, аномальность отрицательных предложений типа (35) объясняется не тем, что в них =ли нарушает ПСС, а тем, что сентенциальное отрицание [*не*] является в болгарской норме облигаторным грамматикализованным Барьером, требующим вынесения глагола перед кластеризуемыми клитиками. Как указывают Н. Котова и М. Янакиев, в речевом акте вопроса комбинация [*не*] + *ли* вообще нежелательна. Стандартным способом выразить смысл «Вы не сходите ли на следующей остановке?» в болгарском языке будет комбинация оператора буд. вр. [*ще*] + *ли*, которые ставятся дистантно, так как *ще* в болгарской норме тоже является облигаторным грамматикализованным Барьером для *ли*, см. (36).

(36) болг. [BARRIER_{Фур} **Ще**] слизате =ли на следната спирка?
 ‘Вы не сходите на следующей остановке?’
 букв. ‘[BARRIER_{Фур} **будет**] выходит =ли на следующей остановке?’

Использование комбинации [*не*] + *ли* превращает предложение из вопроса в косвенный речевой акт, см. сильно маркированное предложение (37)

(37) болг. Вие [BARRIER_{Негр} **не**] слизате =ли на следващата спирка?¹⁵
 ‘Так, получается, Вы сходите на следующей остановке?!’
 букв. ‘Вы [BARRIER_{Негр} **не**] сходите =ли на следующей остановке?’

В плане синтаксиса предложения (36) и (37) аналогичны: в них реализуется грамматикализованный Барьер и порядок [BARRIER] – V – *ли*. Это синтаксически производные структуры, образованные по Правилу Барьера от непродвижных структур типа [XP] – *ли*, где болг. *ли* стоит после первой составляющей. Следовательно, мнение, будто болг. =ли не имеет фиксированного места в предложении и стоит после единственной рематической словоформы, которую выделяет – миф. Последний аргумент С. Фрэнкса в пользу изгнания болг. =ли из Правила Рангов мотивирован тем, что болгарские цепочки клитик обычно разрываются только по линии болг. *ли* vs местоимения/связки, в то время блок из местоимений и связок не разрывается никогда. Действительно, в болгарской системе, в отличие, например, от новгородской и древнерусской, нет селективных Барьеров, которые отрывали бы возвратную или связочную клитику от аргументных местоименных клитик в вин. п. или дат. п. от цепочки и ставили бы ее дистантно в пределах той же клаузы: это говорит прежде всего о том, что разрывы такого рода в болгарской системе коммуникативно неоправданны, в то время как разрыв по линии болг. *ли* vs местоимения/связки всегда имеет коммуникативную нагрузку¹⁶. Имеется два основных

¹⁵ Пример из [Котова, Янакиев 2001: 674].

¹⁶ Тем не менее, сам С. Фрэнкс приводит в примечании на с. 116 один пример с разрывом цепочки связок и местоимений из разговорного болгарского языка. Он указывает, что

случая разрыва цепочек с болг. *ли*. В первом случае *ли* стоит правее прочих клитик и клитизируется к глаголу. Такая возможность реализуется при нетривиальном сочетании двух Барьеров – начальному коммуникативного Барьера – группы с коммуникативным статусом Темы и грамматикализованных Барьеров [не/ще], после которых клитика =ли не может стоять контактно. Повторим пример, уже обсуждавшийся выше в гл. 2 и § 11.4.

- $X^{\circ} = [{}_{\text{CLiticP}} \text{Pronouns} + \text{Auxiliaries}] \dots Y^{\circ} = [{}_{\text{CLiticP}} \text{ли}]$.
- (38) болг. [$\text{BARRIER}_{\text{a}} \{ {}_{\text{TopicP}} \}$] [$\text{Barrier}_{\text{a}} [\text{не/ще}]$] $\text{CL}^{\text{b}} = \text{CL}^{\text{c}} \parallel V = \text{ли}^{\text{a}}$
- (39) болг. [$\text{BARRIER}_{\text{a}} \{ {}_{\text{TopicP}} [{}_{\text{NP}} \text{Книгата}] \}$] (1) [$\text{Barrier}_{\text{a}} [\text{ще}]$] (2) = *си*_b (3) = *я*_c (4) \parallel прочел (5) = *ли*_a (6)
до утре?
'Ты прочтешь эту книгу к завтрашнему дню?'
букв. «[$\text{BARRIER}_{\text{a}} \{ {}_{\text{TopicP}} [\text{книга.опр.}(1)] \}$] [$\text{BARRIER}_{\text{a}} [\text{FUT}]$] (2) = *еси*_b (3) = *ее*_c (4)
прочел (5) = *ли*_a (6) до завтра?»

Напомним, что в силу специфических особенностей болгарской системы одиночного грамматикализованного Барьера болг. [не/ще] для того, чтобы вырвать болг. =ли из цепочки клитик, недостаточно: в этом случае болгарский язык прибегает к инверсии клитики =ли внутри цепочки: **ще=ли=си=я прочел?* \Rightarrow [$\text{Barrier}_{\text{a}} [\text{ще}]$] # *си =ли^a=я прочел?* Точно так же, начальная топикальная группа в качестве одиночного Барьера достаточна только для того, чтобы сдвинуть всю цепочку клитик вправо, но не достаточна, для того, чтобы эту цепочку разорвать:

- (40) болг. [$\text{BARRIER}_{\text{abc}} \{ {}_{\text{TopicP}} \}$] $\parallel V = \text{ли}^{\text{a}} = \text{CL}^{\text{b}} = \text{CL}^{\text{c}}$
- (41) болг. [$\text{BARRIER}_{\text{abc}} \{ {}_{\text{TopicP}} [{}_{\text{NP}} \text{Книгата}] \}$] \parallel даде=ли^a=му^b=я^c?
'Дал ли ты ему книгу?'.
букв. '[$\text{BARRIER}_{\text{abc}} \{ {}_{\text{TopicP}} [{}_{\text{NP}} \text{Книга-опр.}] \}$] \parallel дал.ты =ли^a=ему^b=ее^c?'

Обратная комбинация, где *ли* остается во второй позиции от начала предложения, а блок местоименных и связочных клитик уходит вправо, тоже возникает в результате действия селективного коммуникативного Барьера, но более простого: если начальный элемент является ремой/основным компонентом вопроса, болг. *ли* остается на месте, а прочие клитики уходят на шаг вправо и клитизируются к глаголу.

некоторые носители болгарского языка признают допустимыми примеры со вставкой ударной связки *бил*, относящейся к сложной форме плюсквамперфекта между презентной клитикой «быть» и блоком местоимений: болг. Ти=си БИЛ=му=го дал «(Они говорят, что) ты ДАЛ ему это», букв. «Ты=еси БЫЛ=ему=это дал» [Franks 2008: 116]. В этом примере разрыв цепочки может быть мотивирован выражением коммуникативного значения верификативной ремы.

$X^\circ = [\text{CLiticP } \text{ли}] \dots Y^\circ = [\text{CLiticP } \text{Pronouns} + \text{Auxiliaries}]$.

(42) болг. [_{XP}[_{NP} Пенка] [_{AdvP} вчера]] = му = я дала книгата на Иван.

‘Пенка вчера дала книгу Ивану’.

букв. ‘[_{XP}[_{NP} Пенка] [_{AdvP} вчера]] = е му = е е дала книгу-опр. Ивану’.

(43) болг. [_{BARRIER}_{bed} {_{FocOMP}[_{AdvP} **вчера**]}] = ли* Пенка = му^b = я^c = е^d дала книгата на Иван?

‘Вчера ли Пенка дала Ивану книгу?’

Таким образом, обе конфигурации, где болгарский язык разрешает отделить болг. *ли* от блока местоименных и связочных клитик, синтаксически производны и порождаются Правилами Барьера в коммуникативно маркированных контекстах, где нетривиальное коммуникативное членение и/или комбинация нескольких селективных Барьеров заставляет разорвать обычно устойчивую цепочку клитик. Болгарский язык не только не демонстрирует тенденции к обособлению =*ли* от прочих клитик цепочки, но и показывает обратную тенденцию к выравниванию синтактики *ли* и прочих кластеризуемых клитик. Во-первых, болгарский язык распространил действие параметра ПСС на частицу *ли*, см. (41а), (42а), (43а), (44). Во-вторых, болгарский язык грамматикализовал уникальный в славянском ареале механизм инверсии *ли* внутри цепочки, позволяющий *ли* не уходить из второй позиции от начала предложения даже тогда, когда на *ли* действует грамматикализованный Барьер болг. [не/ще]: **ще*=*ли*=*си*=*я* прочел? ⇒ [_{BARRIER}_s [ще]] # *си*=*ли*^a=*я* прочел? Становление этих ограничений в истории болгарского языка заслуживает специального исследования. В синхронных описаниях болгарского языка предпочтения заслуживают концепции, где цепочка клитик, включающая *ли*, трактуется как синтаксическая группа. Из двух известных нам формальных моделей, оперирующих понятием перемещения болгарских клитик – С. Фрэнкса и Ж. Бошковича – точка зрения Бошковича [Bošković 2004: 76], полагающего, что позиция болг. *ли* синтаксически релевантна, а блок местоименных и связочных клитик присоединяется к *ли* справа (moves as unit to *li* in the syntax), заслуживает предпочтения по сравнению с точкой зрения Фрэнкса, утверждающего, что позиция болг. *ли* синтаксически нерелевантна, а блок местоименных и связочных клитик не имеет фиксированной позиции в болгарском предложении¹⁷.

12.2.3. Частица *ли* в македонской системе и «просодическая инверсия»

Параметры, регулирующие дистрибуцию частицы =*ли* в македонской W*-системе, описаны менее детально, чем соответствующие параметры в болгарском языке. Мы опираемся прежде всего на работы О. Мишески-Томич [Mišeska Tomić

¹⁷ Наша оценка касается продуктивности подхода, а не степени ее приспособленности к той или иной догме. Трудности, которые подход Бошковича представляет для минималистской программы Хомского, обсуждаются в [Franks 2008: 108-111], [Mišeska Tomić 2004: 214, 232].

1996; 2004] и изданную ей же грамматику [Mišeska Tomić 2012] Известно, что македонская W^+ -система отличается от близкой ей болгарской W^+ -системы, главным образом, снятием двух ограничений (i–ii), действующих в болгарской литературной норме, и наложением ограничения (iii), отсутствующего в болгарской норме.

- (i) Местоименные и связочные клитики могут стоять в начале предложения.
- (ii) Механизм инверсии *ли* в внутри цепочки отсутствует.
- (iii) Отрицание *не* является барьером не только для *ли*, но и для местоименных клитик.

Имеются болгарские диалекты с параметрами, близкими к македонской норме, и, по-видимому, имеются македонские диалекты с параметрами, близкими к болгарской норме, но это тема отдельного исследования. Литературные нормы македонского и болгарского языков должны описываться как разные, хотя и близкие синтаксические W^+ -системы с базовым ограничением на контактную позицию кластеризуемых клитик и глагола.

Мак. *ли*, в отличие македонских местоименных и связочных клитик, не может стоять в начале предложения и является строгой энклитикой. В отличие от болгарского языка, в македонском невозможна инверсия *ли* внутри цепочки. Поэтому в альтернативных вопросах с мак. *ли*, разрыв цепочек клитик неизбежен.

- (44) мак. #*Си=му=ги дал* парите.
 ‘Ты дал ему деньги’.
 букв. ‘#*Еси-2Sg.=ему=их дал* деньги’.
- (45a) мак. # *Си=му=ги дал=ли* парите?
 ‘Ты ему дал деньги?’
 букв. ‘#*Еси-2Sg.=ему=их дал =ли* деньги?’
- (45b) мак. #**Ли=си=му=ги дал* парите?
- (46) мак. #*Му=я даде=ли* Ана?
 ‘Дала ли Ана ему это?’
 букв. ‘*Ему=это* дала=*ли* Ана?’

В общеславянской перспективе отход мак. *ли* вправо, с контактной поспозицией глаголу, является правилом селективного Барьера. Элементы *=си=му=ги* вводят уже ранее активированную информацию и могут быть формально квалифицированы как ослабленная (безударная) Тема: как мы помним, наличие тематической группы в начале предложения является в славянских языках стандартным условием для применения правила коммуникативного Барьера и отхода клитик, маркирующих Рему, вправо. Проблема в том, что начальная тематическая группа в (45) и (46) является безударной, поэтому возможны и другие объяснения. С. Фрэнк говорит в подобных случаях о «просодической инверсии» (Prosodic Inversion): символ ω в его записи читается «фонетическое слово».

- (46') мак. [[*му=я*] [*даде*]] ω [Ана] ω (собран блок клитик и присоединен к глагольной словоформе-хозяину, частица *ли* отсутствует)
 ⇒ *ли* [[*му=я*] [*даде*]] ω [Ана] ω (частица *ли* добавлена в предложение, но не линейаризована)
 ⇒ #[[*му=я*][*даде*]ω=*ли*][Ана] (частица *ли* добавлена в предложение, предложение упорядочено и линейаризовано).

К отдельным деталям этой записи можно придаться – непонятно, например, почему значком ω помечено только ударное слово, а не вся группа с клитиками, но в целом она вполне возможна. Другое дело, что попытка С. Фрэнкса вывести болгарскую систему из македонской тем же способом, добавив еще один цикл просодических операций, выглядит намного более натянуто, так как помимо операций с безударными словами, приходится допустить действие просодической операции над полноударным словом, якобы перемещающимся в начальную позицию только для того, чтобы спасти болгарские строгие энклитики от появления на левом краю предложения [Franks 2008: 104]:

- (47) мак. ⇒ болг. [[*му=я*] [*даде*]ω = *ли*] [Ана] ω (частица *ли* добавлена в предложение, предложение упорядочено и линейаризовано с достаточной для македонской системы точностью)
 ⇒ #[[[*даде*]ω = *ли*][*му=я*]][Ана]ω#*ν* (глагол переместился в начальную позицию, для того чтобы *ли* и блок местоименных клитик не стояли на левом краю предложения, предложение линейаризовано с достаточной для болгарской системы точностью).

В алгоритмическом объяснении Фрэнкса остаются загадкой две вещи:

1) почему, если мак./болг. *ли* действительно добавляется в предложение позже местоименных и связочных клитик, оно всегда предшествует местоименным и связочным клитикам в тех случаях, когда они в македонском языке стоят контактно?

2) если болгарский порядок с начальным глаголом и контактной последовательностью =*ли*=*му=я* действительно является производным от македонского порядка, где =*ли* стоит дистантно, клитизируясь к неначальному глаголу, каким образом частица *ли* перемещается справа налево, если она изначально не принадлежала глагольной группе, а механизм «просодической инверсии» меняет не положение безударной клитики *ли*, но только место ударного глагола?

Гипотеза Фрэнкса о Просодической Инверсии изящна, но сталкивается с непреодолимыми трудностями при попытке доказать, что болг. и мак. *ли* попало во вторую позицию от начала предложения случайно, где случайно объединилось с блоком местоименных и связочных клитик. Недостоверно и предположение, что вынос глагола в начало предложения в славянских языках, где базовый порядок слов соответствует формуле SVO¹⁸, объясняется единственной потребностью спа-

¹⁸ Или SOV, что можно предположить для верхнелужицкого языка.

сти клитики от появления на правом краю предложения и не несет никакой коммуникативной нагрузки.

Ж. Бошкович предлагает чисто синтаксическое объяснение для позиции мак. *ли*: он признает, что *ли* изначально стоит во второй позиции от начала предложения и постулирует перемещение всего расширенного глагольного комплекса, включающего оператор отрицания мак. *не*, местоименные и связочные клитики [Bošković 2004: 76].

- (48) мак. [Не=*си*=*му*=*еи* дал]_i = *ли* *t*_i парите?
 ‘Ты разве не дал ему деньги?’
 букв. ‘[Не=*еси*-2Sg.=*ему*=*их* дал] = *ли* *t*_i деньги-опр.’
- (49) мак. [Не=*ми*=*го* даде]_i = *ли* *t*_i вчера?¹⁹
 ‘Не дал ли ты/он/она их вчера?’
 букв. ‘[Не=*еси*-2Sg.=*ему*=*их* дал] = *ли* *t*_i деньги-опр.’

Такой анализ логичен, но его существенный минус состоит в том, что мак. =*ли* и его аналоги в других славянских языках никогда не клитизируются к развернутым глагольным комплексам – ни в начальной позиции, ни где-либо еще. Таким образом, анализ македонских предложений (44), (45) и (48) и (49) с разрывом цепочки клитики как результата действия Правила селективного Барьера, все-таки лучше альтернативных объяснений С. Фрэнкса и Ж. Бошковича, поскольку на основе этих объяснений трудно восстановить порядок слов в тех предложениях, где *ли* стоит контактно с прочими кластеризуемыми клитиками.

О. Томич, которая не пользуется понятием Барьера, тоже исключает мак. =*ли* из цепочек, ссылаясь на примеры с разрывом:

- (50) мак. #*би* = (*си*)=*му*=*го* дала=*ли* перото?²⁰
 ‘Ты не желаешь отдать ему ручку?’
 букв. ‘Бы=(*еси*-2Sg.)=*ему*=*это* даш=*ли* ручку-опр.’
- (51) мак. #*ке* =*му*=*го* дадеш=*ли* перото?
 ‘Ты отдашь ему ручку?’
 букв. ‘Будет=*ему*=*это* даш=*ли* ручку-опр.’

¹⁹ Пример Ж. Бошковича (op.cit). Мы затрудняемся сказать, насколько он идиоматичен, так как македонская норма в общем случае запрещает постановку местоименных клитик после отрицания мак. *не*: можно было бы ожидать варианта без разрыва: мак. [^{BARRIER}_{[NegP} Не]] даде *ли* = *ми*=*го* вчера?

²⁰ Как указывает О. Томич, одновременно употребление частицы *би* и презентной клитики «быть» встречается редко и характерно в основном для юго-западных диалектов македонского языка [Mišeska Tomić 2004: 225]. В диахроническом плане сочетание **by*=**esi* является реликтом общеславянского состояния, где частица *би* предшествовала презентным формам связки «быть» в Правиле Рангов.

В этих примерах связочные и местоименные клитики стоят после начальных проклитик/универсальных клитик *би/ке* (мак. *ке* = болг. *це*). М. Димитрова-Вулчанова отделяет мак. *ке* / болг. *це* от блока аргументных и связочных клитик в этих языках [Dimitrova-Vulchanova 1999: 103], но О. Томич включает *би* и *ке* в цепочку клитик, так как эти безударные элементы имеют те же просодические свойства, что и македонские аргументные и связочные клитики – они могут стоять и в начале предложения, и внутри него. Мак. частица *би* в этом плане объединяется не с мак. частицей *ли*, которая ведет себя как строгая энклитика, а со связочными клитиками, которые ведут себя как универсальные клитики/нестрогие проклитики: это едва ли удивительно, так как мак. *би* занимает то же место, что и показатель буд. вр *ке* – обе эти клитики при желании можно называть и модальными частицами, и модальными глаголами. Для того чтобы окончательно решить вопрос, входит ли *ке* в Правило Рангов, нужно выяснить, допускает ли македонский язык сочетание *ке=ли*: понятно, что одна кластеризуемая клитика по определению не может быть Барьером для другой, если обе они упорядочиваются одним и тем же Правилем Рангов. К сожалению, мы не располагаем соответствующей информацией. О. Томич указывает, что мак. отрицание *не*, которое не является кластеризуемой клитикой и действует на мак. *ли* как Барьер, в македонской норме является также Барьером для местоименных клитик:

- (52) мак. [^{BARRIER}_{NegP} **He**] давай=му ништо!
 ‘Не давай ему ничего!’.
 букв. ‘[^{BARRIER}_{NegP} **He**] давай=ему ничего!’.
- (53) мак. [^{BARRIER}_{NegP} **He**] давай=му=го!
 ‘Не давай ему этого!’.
 букв. ‘[^{BARRIER}_{NegP} **He**] давай=ему=это!’.

Данный Барьер является селективным и не действует на связочные клитики, ср. (48) выше и пример М. Димитровой-Вулчановой (54):

- (54) мак. Ти не=си=му споможид!
 ‘Ты ему не помог’.
 букв. ‘ты не=еси=ему помог!’.

В северо-западных македонских диалектах отрицание *не*, согласно О. Томич, не является Барьером для местоименных клитик, поэтому аналогом (52) и (53) здесь будут предложения (55) и (56), где местоименные клитики присоединяются непосредственно к оператору отрицания [Mišeska Tomić 2004: 237]:

- (55) мак. сев.-зап. Не=му давай ништо!
 ‘Не давай ему ничего!’.
- (56) мак. сев.-зап. Не=му=го давай!
 ‘Не давай ему этого’.

С. Фрэнкс, который считает большинство конфигураций с Барьером базовыми, а не производными, предложил для (52)–(53) и (55)–(56) интересное объяснение: он предположил, что отрицание *ne* притягивает (attracts) македонские глагольные формы в смежные позиции для создания глагольного комплекса [Neg] + [V]. Если отрицание является функционально «сильным», то глагол перемещается на поверхностном уровне (raises to Neg), как в македонской норме, если отрицание является функционально «слабым», как в северо-западных диалектах македонского языка, синтаксического перемещения глагола (Verb raising) не происходит. Критикуя эту гипотезу, О. Томич справедливо замечает, что она не помогает понять, почему при перемещении глагола не=*му*=*зо* давай ~ не давай=*му*=*зо* клитики =*му*=*зо* оказываются по разные стороны от глагола²¹. Теория Барьеров позволяет решить все эти трудности. Она вначале определяет, что македонские клитики имеют фиксированное место в предложении (CL1/CL2, контактное расположение кластеризуемых клитик), а затем объясняет сдвиг всех или нескольких клитик правее CL1/CL2 эффектом слепого или селективного Барьера: в данном случае, отрицание мак. [*ne*] является селективным грамматикализованным Барьером для македонских местоименных клитик, что порождает производный порядок [^{BARRIER}[*ne*]] – V – CL. Трудности С. Фрэнкса и его последователей вызваны спорными допущениями, которые они принимают до начала анализа. С. Фрэнкс изначально отказывается признавать закон Ваккернагеля как синтаксический принцип фиксированной позиции кластеризуемых клитик в предложении для болгарского и македонского языков, и объявляет кластеризуемые клитики (по крайней мере, те, которые подходят под его критерии) «синтаксическими глагольными проклитиками» (Verb-adjacent proclitics). Он также отказывается признавать Теорию Барьеров и считает конфигурации с разрывом клитик производными, а не базовыми. Наконец, в тех случаях, когда конфигурация с разрывом/сдвигом цепочки клитик связана с перемещением глагола, Фрэнкс стремится объяснить изменение позиции клитик и глагола одним и тем же механизмом. Эмпирические результаты, которые получаются при приложении такой концепции к материалу балканских славянских языков, не всегда убедительны, несмотря на теоретическую ценность самой концепции.

Можно констатировать, что македонский язык отошел от общеславянского типа в отношении позиции *ли* дальше, чем другие славянские языки, но что Теория Барьеров при описании разрывов цепочки клитик в македонском языке, тем не менее, дает лучшие предсказания, чем альтернативные концепции.

12.2.4. Частица *li* в древнехорватской церковнославянской системе

Церковнославянская древнехорватская система глаголических памятников чакавского диалекта XII–XVI вв. обсуждается в статье М. Михалевица [Mihaljević 1997]. Автор статьи не приводит датировки памятников и не сообщает о динамике

²¹ См. ее возражение, сформулированное в виде вопроса: «why... the clitics do not procliticize to the verb (if they cannot encliticize to a weak *ne*) and have to lower» [Mišeska Tomić 2004: 238]

изменения параметров, что ограничивает возможность использования его материала для исторической реконструкции. В плане синхронной типологии можно сделать такие выводы: 1) частица *=li* кластеризуется с местоименными и связочными связками, см. (57)–(59), но примеры с разрывом обычны, ср. (60), (61); 2) *=li* клитизируется к начальному глаголу либо к начальной неглагольной словоформе, стоящей в ХР; 3) если начальная группа перед *=li* содержит два слова, она разрывается и используется правило ПРС, см. (60); 4) отрицание *ne*, в отличие от ситуации в древненовгородской и современной болгарской системы, не является обязательным Барьером для *=li*, начальное сочетание *#ne=li* возможно; 5) *Ne* может быть факультативным грамматикализованным Барьером для *=li*, что приводит к вариации в списках одного памятника: *ne=li ~ [BARRIER [Negp ne]] – Y – li*, см. (63)–(64). 6) Если *Ne* выступает как Барьер для *=li*, а следующая группа содержит два ударных слова, могут применяться как ПРС (66), так и ПСС (65), в предложениях без Барьера ПСС, видимо не применяется.

- (57) др.хрв. *Ti=li=esi c(ěsa)рь iüděiski? Mt. 27, 11²².*
 ‘Ты ли царь иудейский?’
 букв. ‘Ты=*ли*=*еси*-2Sg. царь иудейский?’
- (58) др.хрв. *Prorok=li=esi ti? J 1, 21*
 ‘Это ты пророк?’
 букв. ‘Пророк *ли*=*еси*-2Sg ты?’
- (59) др.хрв. *Aće budet .l. pravdnik v gradě, pogubiši=li=e vkupь? Gn 18, 24.*
 ‘Если в городе найдется 50 праведников, погубишь ли всех?’
 букв. ‘если будет 50 праведников в городе, погубишь=*ли*=*их* вкупе?’
- (60) др.хрв. *Oči=že eū dr’žasta=se da ne ego poznacta L 24, 16.*
 ‘Но очи их были закрыты, чтобы они не узнали его’.
 букв. ‘Очи=же их держали-аор.3Du. =ся, да не его познают-3Du’.
- (61) др.хрв. *Ne=li malost’ dьni moiъ iskončacet’ =se v’ krat’ce? Job 10, 20*
 ‘Не кончатся ли скоро мои дни?’
 букв. ‘Не=*ли* малость дни моих закончит=ся вкратце?’

В примере (62) представлен случай дублирования оператора отрицания *ne*.

- (62) др.хрв. *Ne=li ne az’ g(ospo)дь i nešt’ inь kromě mene. Is 45, 21.*
 ‘Не я ли Господь, и нет иного Бога, кроме меня’.
 букв. ‘не=*ли* **не** я Господь и нет иного кроме меня’.

²² Вывод о том, что форма *esi* здесь является клитикой обосновывается тем что *esi* стоит в позиции кластеризуемой клитики вместе с *=li*.

В паре (63a-b) наличие Барьера перед *li* не приводит к восстановлению контактной последовательности клитик =*li*=*se*:

(63a) др.хрв. Ne=*li* ti boiši=*se* Boga jako v tomžde osuždenii=*jesi*? L 23, 40.

‘Неужели ты не боишься Бога, пребывая в том же осуждении?’

букв. ‘не=*ли* ты боишь=*ся* Бога, яко в том же осуждении=*еси*?’.

(63b) др.хрв. [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] ti =*li* boiši=*se* Boga jako v tomžde osuždenii=*jesi*? L 23, 40.

«Неужели ты не боишься Бога, пребывая в том же осуждении?»

букв. «[^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] ты=*ли* боишь=*ся* Бога, яко в том же осуждении=*еси*?».

В паре (64a-b) наличие Барьера перед *li* приводит к восстановлению контактной последовательности клитик =*li*=*te*.

(64a) др.хрв. Ne=*li* az' viděh'=*te* vь vr'tpě s nimъ? J 18, 26

«Разве я не видел тебя в саду вместе с ним?»

букв. «не=*ли* я видел=*тебя* в вертепе с ним?»

(64a) др.хрв. [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] az' =*li*=*te* viděh' vь vr'tpě s nim'?

«Разве я не видел тебя в саду вместе с ним?»

букв. « [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] я=*ли*=*тебя* видел в вертепе с ним?»

В (65) после Барьера перед *li* ставится полная ИГ из двух ударных слов, т. е. применяется правило ПСС. В (66) в аналогичной ситуации ИГ разрывается и применяется правило ПРС.

(65) др.хрв. [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] [_{NP} mater svoju]=*li* toliko govore suću blaženu?

‘Разве они сами не говорили, что их мать наделена благодатью?’

букв. ‘не [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] [_{NP} мать свою]= ли говоря существу блаженну?’

(66) др.хрв. [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] [[_{NP} ruka=*li* moja] sъtvori sva ... [_{NP} sija]]? A 7, 50

‘Разве не моя рука сотворила все это?’

Букв. не [^{BARRIER} [_{NegP} **ne**]] [_{NP} рука=*ли* моя] сотворила все .. [_{NP} сия]?»

На основе статьи М. Михалевича трудно сделать вывод, представлены ли все случаи параматрического варьирования (контактные порядки vs порядки с разрывом цепочки клитик, ПРС vs ПСС, отрицание *ne* как Барьер vs отрицание *ne* как хозяин клитики *li*) в одном и том же идиолекте или нет, но в предварительном порядке можно предположить, что если описанная им древнехорватская церковно-славянская система едина, *li* упорядочивается в ней на основе ПРС и ставится после первого слова начальной группы, ср. (61). Правило ПСС в предложении с *li* применяется только при наличии начального Барьера *ne*, см. (65), но ПРС возможно и в этой ситуации.

12.2.5. Частица *li* в чешском языке

В современном чешском языке вопросительная частица *li* может клитизироваться только к начальным глагольным словоформам. Она практически не может употребляться после начальных элементов других категорий, на нее не распространяется параметр ПСС, действующий для прочих кластеризуемых клитик чешского. На чеш. *li* не действует правило Барьера, оно не может отходить вправо [Avgustinova, Oliva 1997: 30]. Поэтому есть основания исключить чеш. *li* из цепочки клитик, по крайней мере, если цепочка клитик рассматривается как синтаксическая группа.

12.2.6. Частицы в поздней древнерусской системе XVI–XVII вв.

Синтаксические работы, посвященные частицам в поздних древнерусских текстах, отсутствуют. Материал для анализа приводится в книге А. А. Зализняка, который сделал выборку кластеризуемых частиц в письмах Василия Грязного, Ивана Грозного и «Жития Протопопа Аввакума [Зализняк 2008: 39–47]. Наиболее важные факты касаются 1) сохранения полного набора новгородских/древнерусских кластеризуемых частиц *же, ли, бо, ти, бы*. 2) появление новой кластеризуемой частицы *дѣи (дѣ)* «говорят» (показатель чужой речи). В Правиле Рангов *дѣи* занимало место после *бы*, то есть стояло в конце блока клитик [Там же: 43]. 3) тенденции к вовлечению в Правило Рангов связки плюсквамферфекта *быль, были*: др.рус. *велел=деи=был* царь тебе о Дивее писати (Вас. Грязной), др.рус. а мы=*были* пожаловали брата твоего Ирина (Ив. Грозный). В основном *деи* и *быль* подчиняются правилу ПРС, но имеется несколько спорных примеров, где *быль/были* стоит после группы ударных слов, ср. и [прежние твои]=*были* у ростовских владык служили (Ив. Грозный). А. А. Зализняк допускает, что в последнем примере *были* выступает как полноударное слово [Там же: 40], но возможно, что здесь реализуется правило ПСС, и форма *были* является энклитикой.

Примеры применения правила ПСС к вопросительной частице =*ли* в памятниках этого периода нам неизвестны. Такие примеры sporadически встречаются в поздних исторических песнях: [Господин наш Горчаков] =*ли* /В то время с нами не бувал / [Господин наш Горчаков] =*ли* / Нам приказы отдавал (XIX в.). В современной русской норме применение ПСС в вопросительных предложениях с *ли* исключено.

12.2.7. Поздние кластеризуемые частицы в славянских языках

Термин «поздняя кластеризуемая частица» в этом разделе характеризует период существования частицы в качестве элемента Правила Рангов конкретного языка в его современном состоянии, а не общий стаж элемента в качестве клитики в группе родственных языков. Эти характеристики могут не совпадать. Так, например, словенский язык использует кластеризуемые частицы *pa* и *že*: по крайней мере, одна из них, частица *že*, была вовлечена в Правила Рангов древнейших засвидетельство-

ванных славянских языков – старославянского и новгородского. Однако современное слов. *že* не является непосредственным продолжением раннеславянского *že*, что вытекает из места, которое они занимают в Правилах Рангов. Раннеславянское *že* стояло в начале цепочек, в блоке частиц **že*, **li*, **bo*, **ti*, **by*, предшествовавшем блоку местоименных и связочных клитик (см. выше § 9.2). Напротив, слов. *že* стоит в самом конце Правила Рангов, непосредственно за позднейшим слоем словенских связочных клитик: это свидетельствует о том, что современное слов. *že* представляет самый поздний слой клитизации Правила Рангов этого языка.

М. Милоевич-Шепшард и М. Голден [Golden, Miloević Sheppard 2002] и, вслед за ними, О. Томич, отмечают два интересных факта, касающихся употребления словенских клитик в предложениях с глаголом в форме императива. Во-первых, хотя словенские кластеризуемые клитики являются нестрогими энклитиками и в определенных контекстах могут появляться на левом конце предложения (см. выше § 4.4), при глаголе в форме императива они ведут себя как строгие энклитики и никогда не выносятся в начало предложения [Mišeska Tomić 2004: 236].

(67) слов. #=*Mi=ga=boš dal?*

‘Так ты отдашь это мне?’.

букв. ‘*мне=это=будешь дал*’.

(68) слов. #=*Sem=ti=ga=že dal.*

‘Да я тебе уже отдал их’.

букв. ‘*есмь-1Sg.=тебе=это=же дал*’.

(69) слов. #*=*Mi=ga daj!*

Подразумеваемое значение: ‘Отдай=мне=это!’

Такое распределение может свидетельствовать о том, что вынос кластеризуемых клитик (независимо от того, есть ли среди них частицы) влево, в начало словенского предложения, вносит эффект, аналогичный добавлению эпистемических и модальных частиц в предложение. В предложениях в повелительном наклонении это неуместно, так как императив глагола сам по себе выражает основную иллокутивную силу высказывания, поэтому пример (69) плох. Тем не менее, если в предложении с императивом глагола есть вынесенный в начало предложения топиализованный элемент, часть клитик может присоединиться к нему. Здесь возможен вариант с разрывом цепочки =*mi=že* (70b):

(70а) слов. #*Knigo daj=mi=že danes!*

‘Книгу-то мне же сегодня отдай!’.

букв. ‘Книгу дай=мне=же сегодня!’.

(70b) слов. #*Knigo=mi daj=že danes!*

‘Книгу-то мне же сегодня отдай!’.

букв. ‘Книгу=мне дай=же сегодня!’.

Вопрос недостаточно изучен даже экспертами по словенскому языку, но в порядке предположения можно выдвинуть гипотезу, что вариация (70a-b) объясняется факультативным Барьером – начальной группой с коммуникативным статусом Темы (мы глоссировали ее рус. *Книгу-то <отдай>*). В таком случае мы имеем дело с тем же самым механизмом, который уже встречался нам в языке древнерусских памятников. Клитики в цепочке при нетипичном коммуникативном членении ранжируются по шкале коммуникативно нейтральный...коммуникативно отмеченный элемент. Если один из элементов трактуется как нейтральный, а другой как отмеченный, после начального коммуникативного Барьера со значением Темы нейтральная клитика остается на месте, а ненейтральная сдвигается вправо. Клитика *že* в примерах (70a-b) трактуется как маркер Темы, поэтому она в обоих случаях отходит вправо после начальной тематической группы [^{BARRIER}_{ab} {_{TopicP} [_{NP} Knigo]}]. Местоименная клитика *mi* может отойти вправо вместе с *že*, если коммуникативное ранжирование клитик цепочки отсутствует. Это дает линейный вариант (70a). Местоименная клитика *mi* может также остаться на месте, так как ее сдвиг вправо коммуникативно немотивирован. Если происходит ранжирование клитик, то реализуется вариант (70b). Таким образом, и (70a), и (70b) порождаются Правилем Барьера, но в (70a) этот Барьер слепой и действует на обе клитики цепочки одновременно, а (70b) коммуникативный Барьер селективный и действует только на *že*. Повторим структурные репрезентации этих примеров.

Слепой коммуникативный Барьер

(71a) слов. [^{BARRIER}_{ab} {_{TopicP} [_{NP} Knigo]}] *daj=mi^a=že^b danes!*

Селективный коммуникативный Барьер

(71b) слов. [^{BARRIER}_b {_{TopicP} [_{NP} Knigo]}] =*mi^a daj=že^b danes!*

Ряд модальных и пространственных частиц в позднее время закрепляется также в словацком и чешском языках. Данные об употреблении кластеризуемой дискурсивной словацкой энклитической частицы =*už* «уже», «еще», которая занимает крайне правое положение в словацком Правиле Рангов, приводятся выше в гл. 4. В чешском языке частица *už*, согласно большинству описаний, еще не имеет постоянного места в Правиле Рангов.

12.3. Выводы к главе 12

Коммуникативно маркированные порядки с разрывом цепочки клитик в древних и новых славянских языках успешно предсказываются Теорией Барьеров. Механизм селективных Барьеров существенно не зависит от параметров, регулирующих состав начальной составляющей (ПСС, ПРС). Эволюция этих параметров может привести как к обособлению вопросительной клитики **li* от блока местоименных и связочных клитик (македонский язык), так и к их дополнительному сближению (болгарский язык). Совмещение параметров ПРС и ПСС в сербохор-

ватско-древнерусской системе не препятствует кластеризации *li* с местоименными и связочными клитиками. Материальный состав блока кластеризуемых частиц и древность последних нерелевантны для их синтаксиса. Поздняя словенская клитика *že* подвержена действию тех же самых синтаксических механизмов, что и древнерусские клитики индоевропейского происхождения. Наиболее интересным объектом описания являются факультативные коммуникативные Барьеры, воздействующие на часть клитик цепочки, как в примерах (4), (5), (7), (39), (61) и (70b). В этом случае происходит ранжирование клитик цепочки с разделением ее на коммуникативно нейтральные и отмеченные клитики. Отмеченные клитики, чья характеристика несовместима с коммуникативным статусом начальной группы – Барьера, сдвигаются вправо, что ведет к разрыву цепочки. Ни один славянский язык не генерализует этого типа селективного Барьера, но подобные примеры возникают в разных языках в разную эпоху при разном составе клитик. Стандартной стратегией является обобщение слепого коммуникативного Барьера, когда все клитики в цепочке трактуются как коммуникативно однородные. Это не всегда возможно с предложениями с вопросительной частицей **li*, поэтому славянские языки выработали дополнительные стратегии расщепления цепочек на **li* + блок местоименных и связочных клитик. Неверно, что все случаи разрыва цепочек с **li* связаны с перемещением самого *li*, во многих случаях (а именно, после начальной составляющей со значением Ремы) имеет место перемещение блока местоименных и связочных клитик вправо. Анализ С. Фрэнкса, отрицающего синтаксическое объединение **li* с местоименными и связочными клитиками и анализирующего конфигурации, где **li* стоит дистантно, ведет к эмпирически неверным предсказаниям.

Глава 13

БАРЬЕРЫ ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

13.0. Правила Барьера и узел Comp

Правила Барьера действуют в славянских языках и в придаточном, и в главном предложении. Различие между ними состоит в том, что в придаточном предложении кластеризуемые клитики при базовом порядке слов присоединяются к подчинительному союзу (Comp), в то время как в главном предложении те же самые клитики при базовом порядке присоединяются к начальной группе (XP), которая может быть представлена одной или несколькими ударными словоформами, в зависимости от значения, принимаемыми параметрами ПРС и ПСС в данном языке. Соответственно, производный порядок слов с Барьером в главном предложении предполагает вставку между начальной группой и клитиками еще одного элемента. При одиночном Барьере им почти всегда оказывается глагол, что дает порядок [XP] – V – CL. Тем самым, в главном предложении, перед клитиками оказываются две группы – сам Барьер и следующий за ним элемент. В придаточном предложении производный порядок слов с Барьером предполагает вставку между подчинительным союзом и клитикой еще одной группы, синтаксическая категория которой строго не задана (XP), что дает порядок Comp – [XP] – CL. Тем самым, в придаточном предложении перед клитиками оказывается одна группа, способная разворачиваться (узел подчинительного союза Comp лексически разворачиваться не может). Эта асимметрия отражена в следующей таблице.

	Главное предложение	Придаточное с подчинительным союзом
Базовая структура	XP – CL	Comp – CL
Производная структура с Барьером	[XP] – V – CL	Comp – [XP] – CL

РИС. 1. Одиночные Барьеры и порядки слов в главном и придаточном предложении в славянских языках

Системная аналогия между начальной группой главного предложения (XP) и подчинительным союзом (Comp) имеет основополагающее значение для W-систем и W⁺-систем, поскольку она подтверждает фиксированное место клитик в предложениях всех типов – после начального синтаксического элемента. Однако помимо формального фактора имеется коммуникативный: он состоит в том, что коммуникативная семантика полноударных элементов влияет на расположение клитик и при наличии подчинительного союза. Если синтаксическая система языка вообще допускает отход клитик от подчинительного союза вправо, клитики присо-

единяются к вставленной группе, которая порой оказывается коммуникативно выделенной: такой принцип линейризации нетипичен для главного предложения в славянских языках.

Разница в частоте применения Правила Барьера в главном и придаточном предложении зависит от того, допускает ли язык постановку клитик после полной начальной составляющей при базовом порядке слов, или нет. В новгородской системе (ПРС, *ПСС, основной просодический фильтр), в главном предложении при базовом порядке слов перед клитиками допускается ровно одна ударная словоформа. Тому же просодическому фильтру удовлетворяет и подчинительный союз. Поэтому особой разницы в применении Правила Барьера в главном и придаточном в новгородской системе (за вычетом особого случая, связанного с употреблением вопросительных и относительных союзных слов, см. ниже) нет. В современных славянских языках, где есть правило ПСС и в главном предложении допустимы группы из нескольких ударных слов, асимметрия заметна. Запрет или ограничение на порядки слов с Барьером в придаточном предложении проще всего объяснить действием основного просодического фильтра: последовательность из нескольких ударных слов в придаточном не допускается или ограничивается предложениями со строго определенными союзами.

13.1. Сербохорватская система.

Сербохорватский язык комбинирует параметры ПРС и ПСС в главном предложении. В главном предложении основной просодический фильтр не действует. В придаточном предложении основной просодический фильтр действует почти без исключений. В большинстве описаний сербохорватского языка подчеркивается, что порядок Comp – [XP] – CL невозможен. В. Раданович-Кочиц, однако, указывает один тип придаточных, вводимых союзом *jer* «поскольку», после которого порядок Comp – {_{ФокусР}[XP]} – CL возможен, если между *jer* и клитиками вклинивается элемент с коммуникативным статусом Ремы или части Ремы [Radanovic-Kocić 1996: 434].

- (1a) срб.хрв. Raduj=se [_{CP} jer=ti=je došao brat].
 ‘Радуйся, что к тебе пришел брат’.
 букв. ‘Радуй=ся [_{CP} поскольку=тебе=есть3Sg. пришел брат]’.
- (1b) срб.хрв. Raduj=se [_{CP} jer {došao} =ti=je brat].
 букв. ‘Радуй=ся [_{CP} поскольку {пришел} =тебе=есть3Sg. брат]’.
- (1c) срб.хрв. Raduj=se [_{CP} jer {brat} =ti=je došao].
 букв. ‘Радуй=ся [_{CP} поскольку {брат} =тебе=есть3Sg. пришел]’.
- (1d) срб.хрв. Raduj=se [_{CP} jer=ti=je brat došao].
 букв. ‘Радуй=ся [_{CP} поскольку=тебе=есть3Sg. брат пришел]’.

Из примеров видно, что Ремой придаточного является составляющая $\{_{\text{FocusP}} \text{brat došao}\}$ «брат пришел», элементы которой могут стоять в любом порядке, но выносятся в позицию перед клитиками только один из них – либо глагол došao, либо подлежащее brat. При помещении клитик между этими элементами возникает маркированная коммуникативная структура, которая в русской лингвистической традиции называется дислокацией ремы: $\{\underline{\text{došao}}\} = ti = je \{\text{brat}\} \sim \{\underline{\text{brat}}\} = ti = je \{\text{došao}\}$. Точно такая же структура может реализоваться в сербохорватских главных предложениях. Необычным в примерах (192a-d) является то, что коммуникативный фактор в данном случае возобладал над формальным требованием ставить клитики после подчинительного союза.

В целом, сербохорватский является примером языка, где Правила Барьера в главном предложении применяются регулярно, а в придаточном – спорадически. Наоборот, чешский является примером языка, где Правила Барьера в придаточном предложении применяются более регулярно, чем в главном.

13.2. Чешская система

Традиционные описания чешского языка утверждают, что порядок Comp – [XP] – CL в литературном языке невозможен, или, в крайнем случае, ограничен придаточными с несколькими союзами, прежде всего, союзом *že* «что» [Daneš et al. 1987; Uhlířová 1987; Veselovská 1995]. Й. Хане удалось показать, что это не совсем так: коммуникативно нейтральные высказывания с порядком Comp – [XP] – CL действительно неуместны, но коммуникативно маркированные высказывания Comp – [XP] – CL вполне обычны в разговорном чешском языке. Если клитики присоединяются к коммуникативной составляющей со значением контрастной темы, то такая составляющая даже может быть представлена ансамблем из двух групп:

- (2) чеш. *Ptal=*se*, [_{CP} jestli [Petr]=*mu=to nedal*].
 Подразумеваемое значение: ‘Он спросил, дал ли ему это Петр’.
 букв. ‘Осведомил=ся, [_{CP} если [Петр]=*ему=это не дал*’.
- (3) чеш. Ptal=*se*, [_{CP} jestli $\{_{\text{TopicP}} [\text{třeba}] [\text{Petr}]\} = \text{by} = \text{mu} = \text{to nedal}$].
 ‘Он спросил, дал ли ему это Петр’.
 букв. ‘Осведомил=ся, [_{CP} если $\{[\text{может быть}] [\text{Петр}]\} = \text{ему} = \text{это не дал}$ ’.
- (4) чеш. Psali, [_{CP} že $\{_{\text{TopicP}} [\text{od pátku}] [\text{do neděle}]\} = \text{se zde narodilo pět miminek}$].
 ‘Писали, что с пятницы по воскресенье здесь родилось пять младенцев’.
 букв. «Писали, [_{CP} что $\{[\text{от пятницы}] [\text{до воскресенья}]\} = \text{ся}$ здесь народило пять младенцев]».

- (5) чеш. Helena říkala, [_{CP} že {_{Contr.Topic} [Petra] [do Francie]} = *bych* ještě poslali, ale Martina do Maďarska ani náhodou].
 «Хелена сказала, что Петра во Францию она бы еще послала, но Мартина в Венгрию ни в коем случае».
 букв. «Хелена сказала, [_{CP} что {_{Contr.Topic} [Петра] [во Францию]} = *бы.я* еще послала, но Мартина в Венгрию ни в коем случае]».

Традиционно считалось, что при порядке слов *Comp* – [XP] – *CL* чешский язык не допускает постановки глагола перед клитиками. Й. Хана показал, что помещение глагола в позицию [XP] между подчинительным союзом и клитиками неуместно только в том случае, если оно не привносит особого коммуникативного содержания, ср. (6). Если же глагол является Ремой высказывания, порядок *Comp* – [XP] – *CL* вполне возможен, ср. (7).

- (6) чеш. [_{CP} *že *nedal* = *by* = *mu* = *to*].
 Подразумеваемое значение «что он бы ему это не давал».
 букв «что не.дал = *бы* = *ему* = *это*».
- (7) чеш. Špičkovou pantomimou = *jí vysvětlil*, [_{CP} že {_{Focus[V]} *pil*}] = *by*].
 «Он доходчиво объяснил ей пантомимой, что выпил бы».
 букв. «Дходчивой пантомимой = *ей* объяснил, [_{CP} что {_{Focus[V]} ПИЛ}] = *бы*».

Й. Хана не использует понятия трансформации и перемещения, хотя для его примеров анализ в терминах перемещений уместен: глагол перемещается в позицию XP между подчинительным союзом и клитиками только в том случае, когда он является Ремой (7). Точно также, перемещение наречий и существительных в препозицию клитикам оправдано только в том случае, когда они имеют статус контрастной Темы, а часть придаточного, остающаяся правее клитик, относится к реме – примеры (3), (4), (5). По своим таксономическим характеристикам преобразования, порождающие чешские и сербохорватские примеры с Барьером в придаточном, являются не просто линейными перемещениями, но ЛА-преобразованиями, т. е. механизмами, одновременно меняющими синтаксическую позицию и коммуникативное значение элементов. К сожалению, мы не располагаем сведениями о фразовых акцентах в примерах (1)–(7), но логично предположить, что выбор правильной интонации играет важную роль в признании коммуникативно нейтральных чешских и сербохорватских предложений с Барьером грамматичными. Что касается позиции самих клитик в ЛА-преобразованиях, приводящих к появлению коммуникативных Барьеров в придаточном, то клитики после действия Правила Барьера оказываются между Темой и Ремой высказывания, выступая в качестве своего рода делимитативных маркеров. Такое место в коммуникативной структуре типично для клитик, поскольку они представляют ранее активированную, известную информацию.

В главных предложениях чешского языка, как убедительно показал Й.Хана, те же самые кластеризуемые клитики могут употребляться в той же самой позиции в коммуникативной структуре, ср. (4), (5), и их аналоги без подчинительного союза (8), (9).

- (8) чеш. $\{_{\text{TopicP}} [\text{od pátku}] [\text{do neděle}]\} = se\ zde\ \underline{\text{narodilo}}\ pět\ miminck.$
 «С пятницы по воскресенье здесь родилось пять младенцев».
 букв. « $\{_{\text{TopicP}} [\text{от пятницы}] [\text{до воскресенья}]\} = ся\ здесь\ \underline{\text{народило}}\ пять\ младенцев$ ».
- (9) чеш. $\{_{\text{Contr.Topic}} [\text{Petra}] [\text{do Francie}]\} = bych\ ještě\ poslala,\ ale\ Martina\ do\ Maďarska\ ani\ náhodou.$
 «Петра во Францию я бы еще послала, но Мартина в Венгрию ни в коем случае».
 букв. « $\{_{\text{Contr.Topic}} [\text{Петра}] [\text{во Францию}]\} = бы.я\ еще\ послала,\ но\ Мартина\ в\ Венгрию\ ни\ в\ коем\ случае.$

Й. Хана заключает, что в примерах (4)–(5) и (8)–(9) реализуется не «необычная позиция клитик, а необычный подбор начальной составляющей», и что начальные контрастные составляющие типа $\{_{\text{Contr.Topic}} [\text{Petra}] [\text{do Francie}]\}$ в придаточном и главном предложении стоят в одной и той же позиции: «X [– Барьер в придаточном. – А. Ц.] patterns similarly as 1P in matrix clauses» [Hana 2008: 6]. Нам кажется, что это рассуждение ошибочно, и полного параллелизма придаточных и главных предложений в чешской системе упорядочения клитик нет:

- В придаточном предложении чешского языка производный порядок с Барьером $\text{Comp} - [\text{BARRIER}\{\{XP\}\}] - \text{CL}$ сам по себе сигнализирует, что предложение является коммуникативно ненейтральным, а группа, вынесенная перед клитиками, коммуникативно противопоставлена прочей части высказывания. В коммуникативно нейтральных высказываниях всегда выбирается базовый порядок без Барьера: $\text{Comp} - \text{CL}$.
- В главном предложении чешского языка базовый порядок $XP - \text{CL}$ омонимичен: он реализуется автоматически и в том случае, когда предложение является коммуникативно нейтральным, и в том случае, когда предложение ненейтрально, а начальная группа коммуникативно противопоставлена прочей части высказывания. Наличие коммуникативно маркированной (контрастной, эмфатической и т. п.) начальной группы в чешских главных предложениях не является Барьером и не сдвигает клитики вправо.

Итак, современный чешский язык, с одной стороны, ожидаемо подтверждает, что порядок $\text{Comp} - \text{CL}$ в нем остается базовым, а с другой – парадоксальным образом ограничивает действие правил Барьера в главном предложении, распространяя базовый порядок $XP - \text{CL}$ на коммуникативно ненейтральные предложения с контрастной или эмфатичной начальной группой.

13.3. Болгарская система

Болгарский язык допускает факультативный Барьер в придаточном. Базовый порядок $\text{Comp} - \text{CL} - V$ альтернирует с производным порядком $\text{Comp} - [XP] - \text{CL} - V$.

Comp – CL – V

(10) болг. Той каза, [_{CP} че (1)=сѣм=му=я (2) бил дал книгата].

‘Он сказал, что уже отдал ему эту книгу’.

букв. «Он сказал, [_{CP} что (1)=есѣм-1Sg.=ему= ee(2) отдал.ранее книга-опр.]».

Comp – [XP] – CL – V

(11) болг. Той каза, [_{CP} че (1) {_{Topic}[_{NP} книгата] } (2)=сѣм=му=я (3) бил дал].

букв. «Он сказал, [_{CP} что (1) {_{Topic}[_{NP} книгата] } (2)=есѣм-1Sg.=ему= ee (3) отдал.ранее]».

В болгарской W⁺-системе требование контактной позиции кластеризуемых клитик и глагола не нарушается ни в главном, ни в придаточном предложении.

(12) болг. *Той каза, [_{CP} че (1)=сѣм= му =я (2) книгата бил дал].

Если бы параллелизм между главным и придаточным предложением в болгарском языке был бы полным, то позиция Comp могла бы хотя бы спорадически пропускаться, и глагол перемещался бы в препозицию клитикам, поскольку в главном предложении это частный случай основного правила XP–CL:

(13) болг. #бил дал/дадох=сѣм=му=я книгата.

‘Я бы отдал/отдал ему эту книгу’.

Однако в придаточном перемещение глагола в позицию левее клитик как будто невозможно, т. е. порядок Comp – [_{XP} V] – CL, маргинально возможный в чешском и сербохорватском, шлох в болгарской W⁺-системе, более жестко ограничивающей перемещения глагола в предложении с клитиками.

(14) болг. *Той каза, [_{CP} че {_{Focus}[бил дал] } (1)=сѣм= му =я (2) книгата].

Если запрет на порядок Comp – [_{XP} V] – CL выдерживается в болгарском языке последовательно хотя бы в одном типе глагольного сказуемого, это неопровержимо доказывает, что механизм помещения кластеризуемых клитик типа сѣм=му=я во вторую позицию от начала предложения – чисто синтаксическое, а не фонетическое ограничение, поскольку допустимость примера (13) свидетельствует о том, что вставка неглагольной группы между подчинительным союзом и клитиками возможна, т. е. запрета на дистантное положение Comp и CL в болгарском языке нет.

Носители болгарского языка единодушно осуждают предложения типа (235) с выносом перифрастической глагольной формы типа бил дал в позицию перед клитиками в придаточном, но расходятся в оценке предложений, где одиночная форма причастия на -л в составе формы перфекта перемещается левее связочной клитики наст. вр. сѣм/е в придаточном, ср. болг. Децата казват [_{CP} че {_{FocusProper} [_v ГЛЕДАЛИ] }=са филма] «Дети говорят, что они смотрели фильм», букв. Дети говорят [_{CP} что {_{FocusProper} [_v СМОТРЕЛИ] }=суть-3Sg. филма]. Часть информантов

считает такие примеры аномальными, а часть допускает их в верификативных контекстах. Возможно, речь должна идти не просто о придаточном, а несобственной прямой речи. В русском языке вне контекста несобственной прямой речи предложение с инвертированным глаголом – верификативной ремой в придаточном тоже выглядит странно, ср. а) рус. Дети говорят: « $\{_{\text{FocusProper}} [\backslash \backslash \text{Смотрели}]\}_i$ мы $\{_{\text{TopicP}} \text{этот фильм } t\}_i$ », б) рус. дети говорят, что $\{_{\text{FocusProper}} [\backslash \backslash \text{Смотрели}]\}_i$ они $\{_{\text{TopicP}} \text{этот фильм } t\}_i$ (семантически: = а). В значении «Дети говорят, что р верно» уместны другая коммуникативная структура и другой порядок слов: рус. Дети говорят, что $\{_{\text{TopicP}} \nearrow \text{они этот фильм}\} \{_{\text{FocusP}} \{_{\text{FocusProper}} \backslash \text{смотрели}\}\}$. В болгарском предложении между компонентами дислоцированной ремы вставляется относящаяся к теме связочная клитика =са, в русском предложении с аналогичной структурой эквивалентом болг. =са является тематическое местоименное подлежащее *мы/они*.

13.4. Новгородская система

В новгородской W-системе базовым порядком слов в придаточном была постановка кластеризуемых клитик непосредственно после начального ударного союза или союзного слова: *Comp – CL*. В главном предложении параметра ПСС не было, основной просодический фильтр запрещал ставить клитики после начальных групп из двух и более элементов: $*[_{\text{XP}} W^1 W^2] – CL$. Возможна была постановка клитик после начальной группы, представленной единственным ударным словом, т. е. $[_{\text{XP}} W^1] – CL$, либо разрыв начальной группы из двух или более слов по правилу ПРС, помещающего клитики после первого ударного слова разорванной начальной группы: $[_{\text{XP}} W^1 \dots CL \dots_{\text{XP}} W^2 \dots W^n]$. Такая комбинация параметров, как подчеркнуто выше, нивелирует разницу между постановкой клитик в главном и придаточном предложении при базовом порядке слов.

При производном порядке слов постановка Барьера в главном предложении приводит к сдвигу чувствительных к нему клитик вправо (всегда) и помещению их в контактную постипозицию глагола (в преобладающем числе случаев), что дает порядок $[XP] – V – CL$. Более точно условия, в которых новгородский глагол перемещается в контактную препозицию клитикам, обсуждаются в следующем параграфе. Однако имеется механизм сдвига новгородских клитик вправо, который не связан с перемещением глагола и не подпадает под определение Правила Барьера Главного Предложения, но при этом типологически сходен с Правилами Барьера придаточных предложений в современных славянских языках. При наличии в составе предложения вопросительного или относительного союзного слова (местоимения или наречия) и клитик новгородский диалект явно предпочитает производный порядок *Comp – [XP] – CL*, возникающий за счет перемещения вопросительных/относительных слов в XP.

А. А. Зализняк характеризует этот тип Барьера как «практически обязательный», но приводит ранний пример (15), где кластеризуемая клитика стоит непосредственно после начального условного союза *аж*:

Comp – CL ... WH-word.

- (15) новг. [_{CP} Аже=*ва* **цѣто** *надобѣ*], а *солита* ко мнѣ (Грамота 422, сер. XII в.)¹.
 ‘Если вам двоим что-нибудь надо, то шлите ко мне’.
 букв. ‘[_{CP} если=*вам.двоим. что надо*], а *шлите-2Du. ко мне*’.

Гораздо чаще в предложениях с подобным составом реализуется перемещение вопросительного/относительного слова в позицию перед клитиками, ср. еще более ранний пример (16):

Comp – [^{BARRIER} { [_{XP} WH-word }]] – CL.

- (16) новг. [_{CP} Али, [^{BARRIER} { [_{XP} **чимо** }]]=*есемо* *виновата*], а *восоли* отроко (Грамота 644, начало XII в.).
 ‘Если же я что-нибудь должна, то пришли слугу [сказать об этом]’.
 букв. ‘[_{CP} если же, { [^{BARRIER} [_{XP} чем] }]=*есемь-1Sg. должна*], а *вышли* слугу’.

В техническом смысле перемещение вопросительного/относительного слова не связано в новгородском только с придаточным предложением и наличием подчинительного союза. Тот же самый механизм реализуется и в предложениях с начальным сочинительным союзом, ср. рус. *или* в примере (17).

- (17) новг. Или { [^{BARRIER} { [_{XP} **что** }]]=*ми=сѧ=еси* *отъступи*¹ Бѣжыцкаго Верха... (ДЦГ, No. 30а, 1433 г., с. 76)
 «Или ты так и не отступился от Бежицкого Верха в мою пользу?»
 букв. ‘Или { [^{BARRIER} { [_{XP} **что** }]]=*мне=сѧ=еси-2Sg. отъступил* (от) Б.В.’.

Часть примеров А. А. Зализняка, призванных иллюстрировать сдвиг новгородских клитик вправо в предложениях с вопросительным/относительным словом, по нашему мнению, реализуют иной, хотя и внешне сходный механизм – перемещение топикализованной группы или рематичного глагола левее вопросительного/относительного слова в коммуникативно маркированных высказываниях. Формулировка А. А. Зализняка «Перед вопросительным или относительным местоимением или наречием (даже если эта точка не совпадает с границей первичного предложения), факультативно ставится барьер» (Зализняк, ук. соч.), только маскирует различие между этими двумя случаями. Она констатирует, что в предложениях с вопросительным/относительным словом кластеризуемые клитики часто оказываются дальше второго места от начала предложения, но не объясняет, за счет чего это происходит.

- (18) новг. А женоу=*ти* *биди*, { [^{BARRIER} { [_{FocusP} [_V [_{NegP} **не**] [_V *измоучили*]]] } [_{XP} **чего**]]]=*же?*
 (Грамота 156, сер. XII в.).
 «А вот женщину-то *биди*, почему же не поставили ее на пытку?»

¹ Примеры (15)–(18) из [Зализняк 1993: 287] (нотация и анализ наши. – А. Ц.).

Для таких примеров можно было бы предложить механизм двойного перемещения влево – выдвигание вопросительного слова в начало предложения (wh-movement, wh-raising) и перемещение коммуникативно выделенной составляющей левее вопросительного слова (Topicalization, Focalization, Left-Dislocation). Такое решение уместно в формализме Минималистской Программы Н. Хомского. Для анализа линейной позиции самих новгородских клитик этот вопрос не имеет первостепенного значения. Более важно решить следующую дилемму:

- (i) трактуется ли материал предложения, предшествующий кластеризуемым клитикам в примерах вроде (18), как единый ансамбль, целиком помещающийся в XP, или
- (ii) лишь одна из групп, предшествующих кластеризуемым клитикам в примерах вроде (18), подвергается перемещению.

Выбор объяснения (i) приравняет начальные последовательности вроде новг. *не измоучили чего* к начальным ансамблям в коммуникативно маркированных высказываниях чешского языка типа (9) чеш. $\{_{\text{Contr.Topic}} [\text{Petra}] [\text{do Francie}]\} <= \text{bych ještě poslala, ale Martina do Maďarska ani náhodou.}>$ и к начальным ансамблям из двух или более категориям в XP в болгарском языке тип (*83) болг. $[_{\text{XP}} [_{\text{S}} \text{Иван}]] [_{\text{Adv}} \text{сигурно}] <= \text{ще} = \text{се върне на време}>$. Такое решение является тушиковым, так как новгородская система, в отличие от чешской и болгарской, не имеет правила ПСС и запрещает любые начальные группы из двух и более ударных слов, не говоря уже об ансамблях. Поэтому подведение порядка слов в новгородских примерах вроде (18) под Правило Барьера – техническая необходимость, если мы хотим показать, что такие высказывания порождаются на регулярных основаниях.

В большей степени интуиции о производном статусе линейного порядка $[_{\text{YP}}] - [_{\text{WH-word}}] - \text{CL}$ соответствует представление о том, что он возникает за счет перемещения топиальных или рематичных элементов левее вопросительных относительных слов, в то время как последние просто остаются на своем исконном месте в начале вопросительного или относительного предложения. Тем самым, непроизводная структура, которая могла послужить источником предложения (18), должна была иметь вид (19a) или (19b).

$$[_{\text{XP}} \text{WH-word}] - \text{CL} \dots \{[_{\text{YP}}]\} \Rightarrow [_{\text{XP}} \text{W} \text{чего}] - \text{CL} \dots \text{t}_i$$

(19a) новг. а чего=*же* не измоучили женоу?

‘Почему же не поставили женщину на пытку?’.

(19b) новг. а чего=*же*=ю не измоучили?

‘Почему же ее не поставили на пытку?’.

(19c) новг. $\{[_{\text{YP}} \text{не } \underline{\text{измоучили}}]\}_i - [_{\text{XP}} \text{чего}] = \text{же} \dots \text{t}_i?$

Перемещенная начальная группа со значением Темы, по-видимому, имеется в следующем примере: ср. типичное для славянских языков в таких случаях употребление союза *a*.

(20) др.рус. **а в роуской землѣ, кто=ны=с.а встанеть?** (Ипат., под. 1193 г., л. 234).
 'А в русской земле, кто из нас (нынче) останется?'

(20') $\{_{\text{TopicP}} \text{А} [_{\text{PP}} \text{в роуской землѣ}]\}, \{_{\text{FocusP}} [_{\text{whP}} \text{кто}]\} = \text{ны} = \text{с.а} \text{встанеть} \text{t}_i?$

Если коммуникативная структура примера (20) раскрыта нами верно, такие примеры порождались ЛА-преобразованиями, одновременно менявшими линейную позицию и коммуникативный статус перемещенного элемента². В данном примере, скорее всего, произошла топикализация элемента, входившего в исходном предложении (21) в состав рематической составляющей.

(21) новг. $\{_{\text{FocusP}} [_{\text{whP}} \text{кто}]\} \{_{\text{TopicP}} = \text{ны} = \text{с.а}\} \{_{\text{FocusP}} \text{встанеть} \cdot \{_{\text{FocusP}} [_{\text{PP}} \text{в роуской землѣ}]\} \}?$ ³

Правомерность вывода, о том, что в примерах типа (18)–(21) вопросительное/относительное слово стоит в своей исконной позиции, ХР, подтверждается тем, что при наличии нескольких вопросительных/относительных слов, их последовательность разбивается клитиками, т. е. применяется правило ПРС. Это свидетельствует о том, что группа из нескольких вопросительных/относительных слов ведет себя в новгородской системе точно также, как любые другие группы из двух ударных слов.

(22) др.рус. И поклажаи гдѣ=есма что вziali, и наⁿ то все ѿтдати (ДДГ, № 46, 1447 г., с. 141).

(22') $\{_{\text{TopicP}} \text{И} [_{\text{NP}} \text{поклажаи}]\} [_{\text{whP}} \text{гдѣ} = \text{есма} [_{\text{whP}} \text{что}] \text{вziali, и на}^n \text{то все ѿтдати}$.

В болгарском языке, где действует правило ПСС, клитики в подобном случае ставятся после последнего слова группы вопросительных слов.

(23) болг. $[_{\text{whP}} [_{\text{whP}} \text{На кого}] (1) [_{\text{whP}} \text{какво}] (2) [_{\text{whP}} \text{кога}] (3)] = \text{са} = \text{му} \text{показали?}$
 'Кому(1) что (2) когда (3) =суть-3Sg.=ему показали?'

Тем самым, и в болгарской, и в новгородской системах способность группы вопросительного слова принимать клитики, объясняется не тем, что сама эта группа является Барьером (это гипотеза опровергается материалом), а тем, что она занимает позицию ХР при базовом порядке слов в вопросительных и относительных предложениях. Разница в конечной позиции клитик объясняется тем, что болгарский язык применяет правило ПСС, что дает порядок $[_{\text{whP}} [\text{wh}^1] \dots [\text{wh}^n]] = \text{CL}$, в то время как новгородский диалект применяет правило ПРС, что дает порядок $[_{\text{whP}} [\text{wh}^1] = \text{CL} \dots [\text{wh}^n]]$: опять-таки, эти параметры непосредственно не мотивирова-

² И, во всей вероятности, фразовые акценты, которые мы не можем реконструировать.

³ На основе одного письменного текста в данном случае трудно определить носителя собственно рематического акцента. В современном русском языке при аналогичном порядке слов и подборе элементов носителем рематического акцента может быть как начальное вопросительное слово, так и группа *в русской земле*.

ны спецификой группы вопросительного слова и распространяются на все виды групп, способных заполнять XP в этих системах.

Сосуществование порядков $Comp - CL$ и $Comp - [XP]_i - CL - t_i$ ставит вопрос о том, как в славянских языках отсчитывается вторая позиция от начала придаточного: занимают ли кластеризуемые клитики при базовом порядке $Comp - CL$ ту же самую позицию, что и перемещенные группы при производном порядке $Comp - [XP]_i - CL - t_i$, или же это две разные позиции, и левый край придаточного лучше представлять формулой $Comp - [XP] - CL$, где позиция $[XP]$ трактуется как мишень для перемещения коммуникативно выделенных элементов в начало придаточного? На этот вопрос можно отвечать по-разному, в зависимости от выбранной формальной теории и ее аксиоматики. С точки зрения Теории Барьера, стремящейся объяснить соотношение базового и производного порядков в языках с фиксированной позицией клитик в предложении, важно прежде всего то, что при перемещении в позицию $[XP]$ коммуникативно выделенных элементов придаточного перемещения самих клитик не происходит: точно так же, выбор начальной группы главного предложения и ее помещение в позицию $[XP]$ перед клитиками никак не меняет позицию самих клитик. Напротив, сдвиг кластеризуемых клитик главного предложения вправо с помещением их в контактную постпозицию глаголу $[XP] - CL..V \Rightarrow [XP] - V - CL$ явно является собственно синтаксической операцией над самими клитиками.

Таким образом, Барьеры главного предложения и Барьеры придаточного предложения – разные синтаксические механизмы, которые ведут к общему итогу – реализации кластеризуемых клитик правее второй позиции от начала предложения. Барьеры главного предложения порождают порядок $\#^{[BARRIER[XP]]} - V - CL$ за счет перемещения самих клитик вправо. Барьеры придаточного предложения порождают порядок $Comp - [^{[BARRIER[XP]_i}] - CL - t_i$ без перемещения самих клитик вправо, за счет перемещения коммуникативно выделенных элементов влево, в позицию перед клитиками. Барьеры главного предложения «отталкивают» от себя клитики, заставляя их перемещаться вправо. Барьеры придаточного предложения «притягивают» к себе клитики, которые присоединяются к правому краю перемещенной группы.

13.6. Выводы к главе 13

Основной механизм Барьера в придаточном предложении в славянских языках отличается от основного механизма Барьера в главных предложениях. Он связан не с перемещением клитик в контактную постпозицию глаголу, а с перемещением коммуникативно выделенных – топикализованных или рематичных – составляющих в позицию после подчинительного союза. Это перемещение факультативно и используется, главным образом, в коммуникативно маркированных предложениях: базовым порядком слов в придаточном для всех рассмотренных славянских языков является $Comp - CL$. В новгородской системе было два механизма, близких

к Барьерам придаточного предложения. В одном случае вопросительное/относительное слово само выступало в качестве Барьера придаточного предложения и перемещалось в позицию XP, непосредственно следующую за позицией Comp:

$$\text{Comp} - [_{\text{XP}} \dots] - \text{CL} \dots [_{\text{WH-}} \text{WH-word}] \Rightarrow \text{Comp} - [^{\text{BARRIER}} [_{\text{XP}} [_{\text{WH-}} \text{WH-word}]_i]] - \text{CL} - t_i$$

Во втором случае вопросительное/относительное слово изначально стояло в XP в структуре без подчинительного союза, а эффект Барьера возникал из-за того, что коммуникативно отмеченные элементы перемещались левее XP:

$$[_{\text{XP}} \text{WH-word}] - \text{CL} \dots [Y\text{P}] \Rightarrow [Y\text{P}]_i - [_{\text{XP}} \text{WH-word}] - \text{CL} - t_i$$

В коммуникативном плане оба новгородских механизма с Барьером придаточного предложения устроены так же, как коммуникативно маркированные предложения с Барьером придаточного в современных чешском, сербохорватском языках и предложения с начальными цепочками в современном болгарском языке. То же самое касается параллелизма коммуникативно маркированных главных и придаточных предложений с начальными ансамблями, которые исследовал Й. Хана. Однако формально-синтаксическое отождествление этих случаев невозможно.

Глава 14

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГЛАГОЛА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С БАРЬЕРОМ

Общей характеристикой славянских предложений со слепыми и селективными Барьерами является то, что клитики, покидающие вторую позицию от начала предложения и сдвигающиеся вправо, регулярно попадают в контактную постпозицию глаголу [Зализняк 1993; Циммерлинг 2008; Зализняк 2008]. Тем самым, Правило Барьера способствует распространению порядков слов со второй позицией глагола (Verb-second orders), что подчеркнуто в [Ćavar, Wilder 1999; Циммерлинг 2002: 372–374; Zimmerling, Kosta 2013]. По причинам, указанным в предыдущей главе, этот механизм реализуется в главном предложении, а не в придаточном.

14.1. Древнерусская система

В современных славянских языках Правило Барьера порождает порядки со второй позицией глагола с большей регулярностью, чем в древних славянских языках, если судить по обширной коллекции новгородских, древнерусских и старославянских примеров, собранных А. А. Зализняком в книге 2008 г. В то же время, отдельные зарегистрированные им исключения и отклонения от прогноза $[XP] - CL..V \Rightarrow [BARRIER[XP]] - V - CL$ могут оказаться кажущимися, если применить более жесткие критерии отбора предложений с Барьером и уточнить категорию элементов, к которым присоединяются сдвинутые вправо клитики при производном порядке. Для того чтобы понять, действительно ли глагол в этих языках регулярно перемещается во вторую позицию предложения, освобожденную клитиками в результате действия Правила Барьера главного предложения, нужно отсеять следующие типы синтаксических структур:

- 1) Примеры с Барьером придаточного предложения.
- 2) Предложения с дистантным расположением кластеризуемых клитик и парентетическими вставками между ними, где исходный порядок с контактным расположением клитик на синхронном уровне однозначно не восстанавливается.
- 3) Предложения, где имеет место инверсия носителя Линейно-акцентное преобразование с инверсией зависимого элемента рематичной глагольной группы.

Во-первых, исключим из рассмотрения все случаи Барьера Придаточного, так как место глагола здесь в общем случае нерелевантно: перемещающаяся в XP категория предложения может быть глаголом, как в (1), но может им не быть, как в (2) и (3).

- (1) новг. А женоу=*ти* били, {[^{BARRIER} {_{FocusP} [_{vP} [_{NegP} **не**] [_v **измоучили**]]]} [_{XP} **чего**]} =*же*?
 ‘А вот женщину-то били, почему же не поставили ее на пытку?’
- (2) др.рус. {[^{BARRIER} {_{TopicP} **А** [_{pp} **в роуской земль**]}]}, **кто=ны=са** встанеть?
 (Ипат., под. 1193 г., л. 234).
 ‘А в русской земле, кто из нас (нынче) останется?’
- (3) др.рус. [^{BARRIER1} [_{vocP} **Чадо**]], [^{BARRIER2} {_{TopicP} [_{AdvP} **онои ноши**]}]}, **кдѣ**=*же*= *исвъ* ходила
 оба в темны храмы адовы (ЖАЮ, 40в)
 ‘Дитя, в ту ночь, когда вы оба ходили в темные адские храмы...’

Во-вторых, нужно уточнить условия, при которых применяются Правило Барьера любых типов. А. А. Зализняк исходит из эксплицитно не выраженной, но четко восстанавливаемой презумпции, что если a° и b° -кластеризуемые клитики в языке L, имеющем закон Ваккернагеля (т. е. языке, входящем в множество W-систем и W^{+} -систем), любой порядок $X = a^{\circ} \dots Y = b^{\circ}$ или $Y = b^{\circ} \dots X = a^{\circ}$, где клитики a° и b° стоят дистантно в пределах единого предложения и присоединяются к разным категориям X и Y, порожден селективным Барьером, разрывающим цепочку клитик. Часто это именно так, но в общем случае не может быть уверенности, что у кластеризуемых клитик нет иных функций в предложении, кроме как стоять в цепочке контактно в коммуникативно немаркированных предложениях при базовом порядке слов XP – CL или дистантно при селективном Барьере, извлекающем одну из клитик. Для того чтобы это проверить, надо применить трансформационный критерий к производным порядкам слов с Барьером.

- Правило Барьера может связывать базовые и производные предложения с клитиками на синхронном уровне только в том случае, когда у них идентичная лексико-синтаксическая структура и набор позиций, и когда существует синтаксическое перемещение, порождающее производный порядок с Барьером.

Нам кажется, что некоторые примеры А. А. Зализняка этому условию не удовлетворяют. Так, например, для примеров (4) и (5) гипотетическая исходная структура с тем же составом, но контактной позицией клитик, не просматривается.

- (4a) др.рус. Ныⁿ =*же*, брате, сея весны помози=*на*. (Ипат. 1151 г., 152)

‘Ныне же, брат, помоги нам двоим этой весной’.

букв. ‘Ныне=*же*, брат, этой весной, помоги=*нам.двоим*’.

- (4b) ⁿ Нынѣ =*же*=*на* сея весны помози, брате.

- (4c) *брате=*же*=*на* нынѣ сея весны помози¹.

Для таких предложений А. А. Зализняк вводит понятие «полуобязательного барьера», которое отражает то эмпирическое наблюдение, что после обращения,

¹ «Ритмико-синтаксический Барьер обязательно ставится после... начинающей клаузу ино-родной актанта группы (обращения, междометия, вводного слова)» [Зализняк 2008: 54]

вставленного внутрь предложения, клитики в новгородском диалекте и древнерусском языке обычно не ставятся. Поэтому группы [*brate*], [*сея весны*] и даже сам глагол *помози*, по А. А. Зализняку, надо рассматривать как Барьеры, что следует из разъяснения на стр. 55: «– *нынѣ же // брата // помози ми* (факультативный барьер перед *brate* порождает барьер после *brate*)²». Интерпретация всех элементов, которые разделяют дистантно стоящие кластеризуемые клитики, как Барьеров для нас неприемлема, равно как и анализ самого глагола как Барьера. Категория, которая принимает сдвинутую вправо клитику, является не Барьером, т. е. причиной перемещения, а его целью, поскольку она делает некоторую позицию в производной структуре доступной для клитики. Причиной эффекта Барьера в той концессии, которая отстаивается в этой книге, является другая категория предложений, реализация которой в конкретной позиции при данном порядке слов делает присоединение клитик к этой категории невозможной, вследствие чего клитика уходит вправо. Так, отрицание *не* само по себе не является Барьером в новгородской системе, но становится таковым, перемещаясь в начальную позицию. Начальное обращение автоматически становится слепым Барьером в новгородской/древнерусской системе [Зализняк 2008: 54]. Неначальное обращение есть вставка в структуру уже построенного предложения, т. е. парентеза: полагать, что перестановка парентезы разрывает цепочку в уже линейризованном предложении с тем же составом странно. Если же неначальное обращение *brate* просто добавлено в предложение без обращения *Нынѣ =же=на сея весны помози*, деривационные отношения в паре предложений *Нынѣ =же=на сея весны помози* \Rightarrow *Нынѣ =же=на сея весны помози* + [_{vocp} *brate*] не удовлетворяют трансформационному критерию. Можно допустить, что и сделал А. А. Зализняк, что добавление [_{vocp} *brate*] в правую часть предложения, т. е. в любое место правее начальной группы *Нынѣ =же* в примере (246) влияет на относительное расположение группы глагол + местоименная клитика (*помози=ми* vs ...=*ми*... *помози*), т. е. является Барьером для местоименной клитики *ми*. Но трудно понять, как добавление парентезы может влиять на клитики левее нее. Если бы А. А. Зализняк ограничился утверждением, что добавление *brate* меняет гипотетическую исходную последовательность ...*сея=на весны помози* букв. «этой нам двоим весной помощи» + [_{vocp} *brate*] на порядок с Барьером \Rightarrow [^{BARRIER}_{vocp} *brate*] *помози=на*, «брат, этой весной помощи нам», это утверждение можно было принять и перевести его на язык трансформационной грамматики. Но его идея о том, что добавление неначального обращения *brate* не только сдвигает местоименную клитику =*на*, но еще и разрывает цепочку =*же=на*, неверифицируема и не доказывает ни наличия самой этой цепочки в базовом предложении, ни разрыва этой гипотетической цепочки в производной структуре. Мы отвергаем анализ А. А. Зализняка в той части, где он постулирует исходные порядки без разрыва для всех предложений вида $X = a^\circ \dots Y = b^\circ$ или $Y = b^\circ \dots X = a^\circ$: при строгом синхронном анализе предложений типа (4а), начальную группу

² Знак // в записи А. А. Зализняка символизирует присутствие Барьера.

типа Нынѣ =же, отделенную длинными синтаксическими группами от последующей части предложения, не следует принимать во внимание вообще.

Аналогичные сомнения возникают при разборе примера (5а) с возвратной клитикой. А. А. Зализняк тоже говорит здесь о «разделении энклитик» [Зализняк 2008: 112], что в его системе терминов означает реконструкцию контактного порядка кластеризуемых клитик и постулирование Правила Барьера, этот порядок разрушающего.

(5а) др.рус. нынѣ=же, [_{vocp}̄ще], [_{NP}того всего] каюса пред Бмь и пре³ тобою (Ипат. 1150 г., л. 151 об.)

‘ныне же, отец, каюсь во всем этом перед Богом и пред тобою’.

букв. ‘ныне=же, [_{vocp}отче], [_{NP}того всего] каю =ся...’.

(5b) ³нынѣ=же=са, каю[_{NP}того всего], [_{vocp}̄ще].

Здесь А. А. Зализняк помечает как Барьеры группу обращения [_{vocp}̄ще] и ИГ [_{NP}того всего], которые отделяют клитику же от возвратной клитики =ся, в этот период еще являвшуюся свободным синтаксическим элементом. Этот шаг не вызывает возражений, хотя на позицию =ся (контактная позиция к глаголу) наличие обращения [_{vocp}̄ще] едва ли влияет, так как постановка кластеризуемых клитик после группы из нескольких ударных слов исключена –* [_{NP}того всего]=ся каю, а разрыв такой группы реализовался редко³. Группа [_{NP}того всего] сама по себе была достаточной причиной для перемещения =ся в контактную постпозицию глаголу: * [_{NP}того всего]=ся каю ⇒ [^{BARRIER}[_{NP}того всего]] каю=ся. Все, что находится левее Барьера [^{BARRIER}[_{NP}того всего]] для синтаксиса =ся на синхронном уровне нерелевантно, так как едва ли существует путь, выводящий реальный пример (5а) из сомнительного конструктора (5b).

Установленный А. А. Зализняком факт регулярного сохранения дистантного порядка кластеризуемых клитик, соответствующего действовавшему в древнерусской W-системе Правилу Рангов, не может быть случайным. Мы допускаем, что все или почти все дистантные порядки вида X= a°... Y= b° ~ X= a°=b°, где клитика =b°, стоящая в Правиле Рангов дальше клитики =a°, при дистантном порядке оказывается дальше =a°, в диахронической перспективе действительно возникли в результате действия Правил селективного Барьера, действовавших на правую часть древнерусского Правил Рангов, т. е. на местоимения и связки («слабые» клитики, в терминах А. А. Зализняка). Но неполное разграничение диахронического и синхронного соответствия, при отсутствии проверочного трансформационного критерия, снижает доказательную силу новаторской концепции А. А. Зализняка. Парадоксальным образом, дистантные порядки Y= b°...X= a°, где более «слабая» клитика оказывается перед более «сильной», описываются Теорией Барьеров в версии А. А. Зализняка надежней, так как в этом случае диахро-

³ Почти полный список древнерусских примеров, где возвратная клитика =ся разрывает начальную группу, приводится в [Зализняк 2008: 187].

ническое соответствие нарушено, и селективный Барьер, воздействующий на =а° и выносящим ее из цепочки, является единственно возможным на синхронном уровне объяснением.

В третьих, необходимо уточнить категориальную маркировку того элемента, в контактную позицию к которому попадает сдвинувшаяся вправо кластеризуемая клитика. В языке древнерусских памятников это может быть не только глагольная словоформа, но и вершина именного сказуемого. Этот случай можно прямо отождествить с контактной позицией глагола и клитик; на тождестве линейной позиции глагола и вершины именного сказуемого держится, например, современная болгарская W⁺-система, где требование контактной позиции глагола и клитик распространяется на любую лексическую вершину сказуемого, именного либо глагольного. Тем самым, примеры (6)–(7) не могут служить контраргументом против гипотезы о том, что в предложениях с Барьером во вторую позицию от начала предложения перемещается финитный глагол или его синтаксический эквивалент.

(6) др.рус. [^{BARRIER} [_{pp} **ѿ рожения мое^о**]] не вхвотивъ=*есмь*=*быль* на кровопролитие (Ипат., под 1151 г.)⁴

‘Я с рождения не был охоч до кровопролития’.

букв. ‘[^{BARRIER} [_{pp} от рождения моего]] не охоч=*есмь*-1Sg. был на кровопролитие’.

(7) др.рус. [^{BARRIER1} Но [_{ModP} **вбаче**]], [^{BARRIER2} [_{VocP} **ѿце**]], [^{BARRIER3} [_{NP} **твои щит и мои**]] не разно=*еста* (Ипат., под 1150 г., л. 141).

букв. [^{BARRIER1} Но [_{ModP} **однако**]], [^{BARRIER2} [_{VocP} **отче**]], [^{BARRIER3} [_{NP} **твои щит и мои**]] не разное=*вы.есть*-2Du.»

Реальное отклонение от принципа перемещения клитик в постпозицию глаголу демонстрирует пример (8), где сдвинутые клитики попадают в глагольную группу, но не доходят до контактной постпозиции глаголу оучинилъ. Мы склонны объяснить это тем, что данный глагол в сочетании *оучинилъ ворогъ* «сделался врагом» выступал как полузнаменательный, при этом группа глагола была ремой высказывания, а ее наиболее информативная часть – предикативный атрибут *ворогъ* – переместился влево, пересекая узел своей управляющей категории. В современном русском языке соответствующее ЛА-преобразование квалифицируется как Left Focus, т. е. вынос носителя собственно рематического акцента влево. Ср. рус. {_{TopicP} он {_{TopicProper} ↗ *нынче*} {_{FocusP} *заделался* {_{FocusP} *моим* {_{FocusProper} ↘ *врагом*}}}} ⇒ {_{FocusProper} {_{FocusP} ↘ *Врагом*} *моим*} {_{TopicP} он *нынче* {_{FocusP} *заделался*}}! К сожалению, синтаксист не имеет права размечать фразовые акценты там, где для их реконструкции в мертвом языке нет данных. Но реальный древнерусский пример из прямой речи персонажа древнерусской летописи в плане коммуникативной структуры выглядит прозрачным:

⁴ Примеры (6)–(7) из [Зализняк 1993: 287] (нотация и интерпретация наши. – А. Ц.). Мы полагаем, что связку прош. вр. *быль* в конструкции плюсквамперфект в данном примере уже можно трактовать как кластеризуемую клитику.

- (8) др.рус. {_{TopicP} [_{NP} **Сѡнь**]=же [_{AdvP} **нынѣ**]} {_{FocusP} [_{VP} {_{FocusProper} **ворогъ**}=ми=са оучинилъ]}
 (Ипат. 1196 г. л. 241)
 ‘Он же нынче сделался моим врагом’.
 букв. ‘{_{TopicP} [_{NP} **он**]=же [_{AdvP} **ныне**]} {_{FocusP} [_{VP} {_{FocusProper} **ВРАГ**}=мне=ся сделал]}’.

Хотя этот пример XII в. звучит разговорно и с большой вероятностью демонстрирует ЛА-преобразование, сходное с теми, которые действуют в современном русском языке, он все же отклоняется от принципа постановки перемещенных клитик непосредственно после глагольной вершины всего предложения. Особый вопрос, какая категория в (8) является Барьером, смещающим =ми=ся вправо. Нам представляется, что релевантным Барьером является эмфатическое местоимение Сѡнь, вводящее тему высказывания.

А. А. Зализняк, комментируя сходный пример из «Жития Андрея Юродивого», относит его к рубрике «смещенная препозиция» глаголу. В его терминах это значит, что все, что предшествует неглагольной словоформе, присоединяющей клитику, на уровне синтаксиса игнорируется – «в случае смещенной препозиции все, что имеет какое-то значение для размещения энклитик, ограничено уже рамками соответствующей квази-клаузы... энклитика.. расположена внутри фразы так, как если бы предбарьерной части... во фразе не было» (выделено нами. – А. Ц.)⁵.

- (9) др.рус. Да ци [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{NP} **Б(ог)ъ нашъ**]}] {_{FocusP} {_{FocusProper} **велмѣ**}=ся печеть о томъ}
 (ЖАЮ 37в).
 ‘Пусть наш Бог как следует попечется о том’.
 букв. «Да ведь [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{NP} **Б(ог)ъ нашъ**]}] {_{FocusP} {_{FocusProper} **СИЛЬНО**}=ся печет о том}».

Для примеров типа (9), где нет разрыва цепочки/дистантного расположения кластеризуемых клитик, объяснение А. А. Зализняка проходит. Но примеры типа (8), где после селективного Барьера стоит кластеризуемая клитика, так объяснить нельзя – по крайней мере, если мы хотим объяснить дистантное расположение клитик в др.рус. онѣ=же ныне ворогъ=ми=ся оучинилъ как эффект того же самого Барьера. Линейная и коммуникативная структура (8) и (9) идентичны – в них клитика, сдвинутая вправо под воздействием Барьера, разрывает глагольную группу с инвертированным зависимым элементом – существительным *ворогъ* «враг» в (8) и наречием *велмѣ* «сильно» в (9). Есть основания полагать, что эти элементы несли главный речитический акцент: это могло побудить рассказчиков их инвертировать и прибегнуть к маркированному порядку слов. Аналогичный пример есть и в раннем старославянском тексте:

- (10) ст.сл. [^{BARRIER} {_{TopicP} **И паже** [_{NP} **сватына прѣкъви**]}] {_{FocusP} [_{VP} {_{FocusProper} **съ ратиѣж**}=исте прѣъмили]}; и ты оставивше, внѣ град(а) прѣбываите (Суипр., 100 об.)

⁵ [Зализняк 2008: 63].

Если записать примеры (8)–(10) с инверсией носителя рематического акцента с помощью следов, указывающих на первоначальное место перемещенного элемента, и одновременно пометить с помощью следа гипотетическую исходную позицию клитик, их структуру можно представить так:

(8*) $\{_{\text{TopicP}} [_{\text{NP}} \text{Гонь}] = \text{же} = t_j [_{\text{AdvP}} \text{пынѣ}]\} \{_{\text{FocusP}} [_{\text{VP}} \{_{\text{FocusPropet}} \text{ВОРОГЪ}\}_i = [\text{ми} = \text{са}] \text{оучинилъ } t_j]\}$

(9*) Да ци $\{_{\text{TopicP}} [_{\text{NP}} \text{Б(ог)ъ нашъ}]\} t_j \{_{\text{FocusP}} [_{\text{VP}} \{_{\text{FocusPropet}} \text{ВЕЛМІ}\}_i = \text{ся}_j \text{печеть о томъ } t_j]\}$.

(10*) $\{_{\text{TopicP}} \text{И паже } [_{\text{NP}} \text{сватыа цркъви}]\} = t_j \{_{\text{FocusP}} [_{\text{VP}} \{_{\text{FocusPropet}} \text{СЪ РАТИЖ}\}_i = \text{есте прѣшли}] t_j\}$.

Непосредственно очевидно, что перемещение клитик в глагольную группу в (8)–(10) осуществляется уже после того, как в ней произошла инверсия носителя рематического акцента: клитики вставляются в уже порожденный линейный порядок, но не меняют его. В формальных моделях синтаксиса уместен и более определенный вывод об очередности операций над коммуникативной структурой и цепочками клитик:

- Перемещение кластеризуемых клитик вправо в результате действия Барьера блокирует дальнейшие синтаксические операции в той области, куда перемещаются клитики, в том числе ЛА-преобразования, т. е. операции, одновременно меняющие линейный порядок и коммуникативный статус элементов.
- Грамматикализованные механизмы перемещения клитик имеют приоритет над факультативными ЛА-преобразованиями, такими механизмами перемещения носителя рематического акцента левее глагольной вершины (Left Focus Movement).

В большинстве контекстов коммуникативные факторы не настолько сильны, чтобы менять линейный порядок с уже выбранными темой и ремой прежде, чем клитики займут свое окончательное место в глагольной группе⁶. Поэтому обычно мы наблюдаем в древних славянских языках нейтральный порядок $V^{\circ} + \text{Compl}$, где все зависимые слова (дополнения, обстоятельства) стоят после глагола: после перемещения клитик глагольная группа приобретает вид $\dots[V^{\circ} = \text{CL} - \text{Compl}]$. При стандартном выборе носителя рематического акцента в группе им будет зависимое глагола. Есть две основные причины такого выбора. Во-первых, в универсальной иерархии акцентоносителей глагол занимает последнее место, т. е. является наименее вероятным кандидатом на роль носителя основного фразового акцента [Янко 2001]. Во-вторых, древние славянские языки имели базовый порядок слов $V^{\circ} - O$, $V^{\circ} - \text{Adv}$, т. е. зависимое слово стояло в конце группы, поэтому там, где глагольная группа стояла в конце предложения, была высока вероятность, что носителем основного акцента всего предложения будет выбран один из последних элементов глагольной группы. Если глагол в группе $V^{\circ} + \text{Compl}$ сам получал главный ремати-

⁶ В С-системах типа современной русской перемещение инвертированной Ремы влево (Left Focus movement) осуществляется шире, чем в древнерусском, как можно думать, именно потому, что оно не ограничивается никакими синтаксическими условиями на перемещение клитик.

ческий акцент, порядок $V^{\circ}=CL - \text{CompI}$ все равно реализовался, так как в новгородской, древнерусской и старославянской системах не было запрета на постановку клитик после рематических элементов.

В редких случаях (контексты с эмфазой и т. п.) коммуникативный фактор побеждал формально-синтаксический и носитель главного рематического акцента инвертировался и перемещался в позицию перед глаголом до того, как клитики под воздействием начального Барьера главного предложения перемещались вправо. Это и дает линейный порядок $[BARRIER] - [\text{CompI}=CL - V^{\circ}]$. Предложения с таким порядком не аномальны, но реализуют запасную стратегию размещения клитик.

14.1.1. Предложения с одиночным Барьером

В подавляющем большинстве примеров с одиночным Барьером главного предложения новгородские, древнерусские и старославянские памятники XI–XV вв. в главных предложениях демонстрируют предсказанный порядок $[BARRIER[XP]] - V - CL$. Одиночным Барьером в этих W-системах является любая начальная составляющая из двух и более ударных слов, если она имеет статус выделенной Темы (т. е. если последующая часть высказывания относится к реме, инвертированным компонентом Ремы, или является обращением). Прочитируем примеры А. А. Зализняка в слегка измененной нотации.

- (11) новг. $[BARRIER_{\{TopicP[PP] \text{ Оу Сменка оу Савина}}]\{FocusP_{\text{ВЗАТЬ}}=\text{исемь поло короби Овса}\}$ (Грамота 689п.).
- (12) новг. $[BARRIER_{\{TopicP \text{ А [PP] до моего живота}}]\{FocusP_{\text{ПОСОБНИКЪ}}=\text{исемь тобѣ х[з]а твоѣ [д] об[р]о}\}$ (Грамота 749п)⁷.
- (13) др.рус. $[BARRIER_{\{FocusP \{FocusPropet [NP \text{ И всю жизнь}]\} \text{ погубила}\}}]=\text{еста}$ (Ипат. 1146 г. 122).
- (14) др.рус. $[BARRIER_{\{TopicP \text{ А [PP] со ярославомъ с Черниговьскимъ}}]\{FocusP_{\text{ЦЕЛОВАТЬ}}=\text{есемь крѣть}\}$ (Ипат. 1196, 239 л.).
- (15) др.рус. $[BARRIER1_{[VocP \text{ Брате и сватоу}]], [BARRIER2_{\{TopicP [NP \text{ ѿчиноу нашо и хлѣбъ наш}]\}}]\{FocusP_{\text{ВЗАТЬ}}\}=\text{еси}$ (Ипат. 1196, 240 л.).
- (16) др.рус. $[BARRIER_{\{TopicP \text{ И [PP] къ своему Бѣ}}]\{FocusP_{\text{ПРИВЕЛЬ}}\}=\text{еси}$ (ЖАЮ С40 об.).
- (17) др.рус. $[BARRIER_{\{TopicP [NP \text{ Истиньнокъ възданиѣ праведныѣ}}]\}\{FocusP_{\text{ПОЗНАЛ}}\}=\text{еси}$ (ЖАЮ С25).
- (18) ст.сл. $[BARRIER_{\{FocusP \{FocusPropet [NP \text{ Мнозѣхъ пѣтиць}}]\}}]\{FocusP_{\text{СОУЛѢШИИ}}\}=\text{есте}$ (Мар. Ев. Лк. 12, 7)⁸.

⁷ Клитика стоит в постпозиции вершине именного сказуемого, существительному *пособникъ*.

⁸ Клитики присоединяются к именной вершине предложения – предикативному прилагательному *соулѣшии*.

(19) ст.сл. [BARRIER₁ [_{VocP} Окаане], [BARRIER₂ {_{FocusP} {_{FocusProper} [_{NP} зълоу бѣсоу}]} прѣодолель]}=еси (Супр. 58).

(20) ст.сл. [BARRIER {_{TopicP} И [[_{PP} многа ради}]} {_{FocusP} достоинь}=еси живь быти} (Супр. 66).

(21) ст.сл. [BARRIER {_{TopicP} И [[_{NP} чины воиньскыа}]} {_{FocusP} измениль]}=еси (Флав. 381 г.).

(22) ст.сл. [BARRIER {_{TopicP} И [[_{NP} И всю вазнь}]} {_{FocusP} преводить}=еси на римляны} (Флав. 416а).

Можно заключить, что в новгородском диалекте, древнерусском и старославянском структуры с одиночным Барьером главного предложения действительно порождаются за счет перемещения глагола. Этот механизм имеет два аспекта:

- Все кластеризуемые клитики или их часть под влиянием начального Барьера, стоящего в XP, перемещаются вправо, освобождая вторую позицию предложения и делая ее доступной для перемещения глагола.
- Глагол, при базовом порядке слов XP – CL не имеющий фиксированного места в предложении, перемещается во вторую позицию предложения при производном порядке [BARRIER] – V – CL.

Перемещение кластеризуемых клитик вправо под влиянием начального Барьера и компенсирующее передвижение глагольной вершины влево в структурах с Барьером главного предложения почти всегда предполагают друг друга, но все же эта корреляция реализовалась в древнерусской системе не в 100 % случаев. Примеры (8), (9), (10) показывают, что в редких случаях перемещение глагольной вершины могло блокироваться другим перемещением внутри рематичной глагольной группы. В коммуникативном плане эти примеры близки стандартным примерам с перемещением глагола в позицию, непосредственно следующую за позицией начальной топиализованной группы, имеющей статус Барьера. В плане формально-синтаксиса эти случаи лучше не смешивать.

Предпосылкой для грамматикализации механизма Барьера главного предложения было, что при базовом порядке слов XP – CL в W-системах (которыми были новгородский диалект и древнерусский язык) глагол сохранял подвижность и не был привязан к определенному месту в предложении. В современной болгарской W⁺-системе перемещения глагола в предложениях с клитиками ограничены двумя позициями, смежными с позицией клитик, поэтому основной механизм Барьера главного предложения может реализоваться в этом языке лишь при разрыве цепочки клитик, когда разные группы клитик оказываются по разные стороны от глагола:

болг. [BARRIER₁] – Cl^a – V – CL^b.

В древних славянских языках, по-видимому, нет эффекта Привативного Барьера, когда добавление второго Барьера отменяет эффект первого. Древнерусские и старославянские предложения с несколькими Барьерами требуют дополнительного анализа.

14.2. Сербохорватская система

Факты постановки сербохорватских кластеризуемых клитик дальше второго места от начала предложения (late placement of clitics) обсуждались в работах Д. Чавара и К. Уайлдера [Čavar, Wilder 1999], Л. Проговац [Progovac 1996], У. Брауна [Browne 2007] и В. Раданович-Коцич [Radanović-Kocić 1996: 435]. В. Раданович-Коцич последовательно объясняет все случаи late placement просодически, в то время как авторы двух работ, названных первыми, последовательно объясняют случаи late placement синтаксическими факторами. Необходимо отметить, что авторы всех перечисленных работ применяют гипотезу о late placement только для тех предложений, которые заведомо нельзя объяснить с помощью Правила Сложной Составляющей, т. е. на основе гипотезы о том, что последовательность ударных слов $[W^1 W^2 \dots W^n]$, предшествующая кластеризуемым клитикам, образует единую синтаксическую группу, интерпретируется как один элемент: $[_{XP} W^1 W^2 \dots W^n] - CL$. Тем самым, разные теоретические интерпретации сербохорватских предложений вида $[XP] - YP - CL$, где перед кластеризуемыми клитиками оказываются две (или более) синтаксических группы, определяются возможностью анализировать начальную группу $[XP]$ либо как находящуюся за пределами области, где локализируются клитики, либо как часть этой области. В. Раданович-Коцич выбирает первое решение, а Д. Чавар–К. Уайлдер и Л. Проговац – второе.

Современная социолингвистическая ситуация заставляет уточнить, что непосредственным объектом изучения Д. Чавара–К. Уайлдера и У. Брауна является хорватская региональная норма сербохорватского языка, а непосредственным объектом изучения В. Раданович-Коцич и Л. Проговац – боснийская региональная норма сербохорватского языка. Важно, что авторы перечисленных работ, несмотря на имеющиеся между ними теоретические расхождения, не расходятся в оценке приемлемости сербохорватских предложений с late placement.

14.2.1. Предложения с одиночным Барьером

Сербохорватские предложения с одиночным Барьером и порядком [BARRIER] – V – C рассмотрены в статье [Čavar, Wilder 1999], где показано, что перемещение клитик, равно как и перемещение глагола во вторую позицию от начала главного предложения в сербохорватском языке нельзя объяснить несинтаксически. Д. Чавар и К. Вильдер прямо не используют представление о перемещении кластеризуемых клитик слева направо, но предложенная ими модель эквивалентна Теории Барьера.

В. Раданович-Коцич, которая объясняет позицию сербохорватских клитик просодически, приводит два примера, где после длинной начальной составляющей следует не глагол, а другой элемент предложения, к которому присоединяются кластеризуемые клитики [Radanović-Kocić 1996: 435]:

- (23) срб.хрв. [_{NP} Jezičke razine više od rečenice] [_{AdvP} vrlo] =su...
 ‘Лингвистические единицы выше предложения очень...’.
 букв. ‘[Лингвистические единицы выше предложения] [очень] =*суть-3Pl*...’.
- (24) срб.хрв. [_{NP} Svoje probleme i dileme] [_{NP} lingvistika] =će rešavati.
 ‘Лингвистика решит свои проблемы’.
 букв. ‘[_{NP} Свои проблемы и дилеммы] [_{NP} лингвистика] =*будет-3Sg* решать’.

По ее мнению (выраженному не вполне эксплицитно), такие примеры свидетельствуют о том, что клитики «пропускают» полную начальную составляющую и присоединяются к первой составляющей, которая представлена одиночной словоформой. Д. Чавар и К. Вильдер, которые объясняют структуры с Барьером синтаксически, полагают, что аналогичные примеры разрешены потому, что сербохорватский язык допускает постановку клитик после обстоятельственной группы (clausal/phrasal adjunct) и группы подлежащего (overt subject NP). Первая из этих групп, по их мнению, стоит вне основной части предложения (Left Dislocation) и потому не учитывается при постановке клитик [Čavar, Wilder 1999: 453]. Повторим уже цитировавшиеся выше примеры из их статьи.

#[^{BARRIER} [CP]] – Vf – CL

- (25) срб.хрв. хрв. [^{BARRIER} [_{CP} Ćim=su=ga organizirali]] (1) bio (2)=je (3) zabranjen.
 ‘Едва они это/его организовали, это запретили’.
 букв. «[^{BARRIER} [_{CP} Едва=*суть3Pl*=*это/его* организовали.3Pl]] (1) был (2)=*есть3Sg* (3) запрещен».

#[^{BARRIER1} [CP]] [^{BARRIER2} [NP_S]] – CL

- (26) срб.хрв. хрв. [^{BARRIER1} [_{CP} Ćim=su=ga organizirali]] [^{BARRIER2} [_{NP} sastanak]] (1)=je (2) bio (3) zabranjen.
 ‘Едва они его организовали, митинг запретили’.
 букв. «[^{BARRIER1} [_{CP} Едва=*суть3Pl*=*это* организовали.3Pl]] [^{BARRIER2} [_{NP} митинг]] (1) =*есть3Sg* (2) был (3) запрещен».

- (27) срб.хрв. хрв. [^{BARRIER1} [_{ModP} U svakom slučaju]] [^{BARRIER2} [_{NP} Ivan]] (1)=je (2) pametan (3).
 ‘Во всяком случае, Иван умен’
 букв. «[^{BARRIER1} [_{ModP} Во всяком случае]] [^{BARRIER2} [_{NP} Иван]] (1) =*есть3Sg* (2) умен (3)».

До известного предела гипотезы Раданович-Коцич и Чавара–Вильдера совместимы. Последние обращают внимание на то, что перемещения глагола во вторую позицию нет, если подлежащее стоит перед клитиками: в их примерах группа подлежащего представлена единственной словоформой – *sastanak* в (26) и *Ivan* в

(27), поэтому на них, а также на пример (25), распространяется и просодическое объяснение Раданович-Коич. Но гипотеза Чавара-Вильдера не объясняет пример (23), где длинная группа подлежащего стоит первой. В свою очередь, просодическое объяснение Раданович-Коич ставится под сомнение примерами вроде (28), где обе начальные группы, предшествующие клитикам, насчитывают два или более ударных слова – [_{pp} Kroz pola godine] и [_{np} situacija u klubu]. В региональном хорватском варианте сербохорватского языка это означает, что каждая из таких групп, взятая по отдельности, может быть Барьером и порождать порядок [BARRIER] – V – CL. Тем не менее, в примере (28), где использованы обе группы, порядок [BARRIER1] – [BARRIER2] – CL...V.

(28) срб.хрв. хрв. [_{pp} Kroz pola godine] [_{np} situacija u klubu]=se naglo pogoršala.

‘Но через полгода ситуация в клубе резко ухудшилась’.

букв. «[_{pp} Через пол года] [_{np} ситуация в клубе]=ся резко ухудшила».

Стройность гипотезы Чавара-Вильдера подрывается еще тем, что в группе [BARRIER1] – [BARRIER2] подлежащее может стоять не только после второстепенного члена, но и перед ним, ср. пример (23) выше. Наконец, порядок [BARRIER1] – [BARRIER2] – CL...V может реализоваться в сербохорватском даже в том случае, когда ни один из Барьеров не является подлежащим. Приведем еще два предложения из того же текста, откуда взято предложение (28)⁹.

Дополнение + обстоятельство (O + Adv)

(29) срб.хрв. хрв. [^{BARRIER1}_{TopicP} Ali [_{pp} od svih njegovih vrlina]] [^{BARRIER2}_{FocusP} {_{FocusProper} [_{AdvP} najviše}]}]=mi=se dopada to što on iskreno voli nogomet.]

‘Но больше всех этих качеств я ценю то, что он искренне любит футбол’.

букв. «[^{BARRIER1}_{TopicP} Но [_{pp} из всех его качеств]] [^{BARRIER2}_{FocusP} {_{FocusProper} [_{AdvP} выше всего}]}]=мне=ся нравит то, что он искренне любит футбол».

Дополнение + предикатив (O + Pred)

(30) срб.хрв. хрв. [^{BARRIER1}_{TopicP} [_{NP} Glavnu ulicu Banga Road]] [^{BARRIER2}_{FocusP} [_{AdvP} prikladnije]}]=bi=bilo nazvati Ulica Košmar – duga=je tek nekih 500 metara, po da=biste=je prošli s jednoga konca na drugi treba=vam 45 minuta.

«Центральную улицу Банга Роуд лучше было бы назвать улицей Кошмар – она тянется всего метров на 500, но чтобы пройти ее от начала до конца, надо потратить минут 45».

букв. «[^{BARRIER1}_{TopicP} [_{NP} Главную улицу Банга Роуд]] [^{BARRIER2}_{FocusP} [_{AdvP} лучше]}]=бы=было назвать Улица Кошмар...».

⁹ Автором этого текста является хорватский спортсмен, уроженец г. Загреб.

Таким образом, гипотезы Раданович-Коцич и Чавара–Вильдера в полной мере не объясняют, почему в предложениях с двумя начальными Барьерами перемещения глагола в позицию перед клитиками нет. Для того чтобы объяснить этот эффект, мы ранее в § 11.3 ввели понятие Привативного Барьера: при добавлении второго Барьера отменяется эффект первого. Этот механизм демонстрируют Примеры с (26) по (30). Последние два примера интересны тем, что выступающие в роли Барьеров группы второстепенных членов предложения соотносятся между собой как Тема и Рема/компонент Ремы. Первый Барьер можно считать находящимся вне основной части предложения, если ориентироваться только на позицию клитик, но поскольку в этой позиции может стоять и подлежащее – см. (26), и дополнения – см. (29), (30), требуется обоснование, почему эти категории исключены из той области предложения, где реализуются клитики.

14.2.2. Предложения с двумя и более Барьерами

Мы провели пилотное исследование с целью выяснить, насколько регулярно в сербохорватском языке реализуется Правило Привативного Барьера. С этой целью мы выписали все клаузы из текста того автора, в диалекте которого Правило Привативного Барьера заведомо есть – см. примеры (28)–(30). В блоге, который этот автор вел в 2009 и 2010 гг., мы насчитали 305 клауз с кластеризуемыми энклитиками, из 76 клауз являются придаточными: во всех 76 случаях в них представлен базовый порядок Comp-CL, производный порядок с Барьером Придаточного Comp – XP – CL не встретился ни разу. Из 229 клауз с клитиками в главном предложении 164 представляют тривиальный случай, когда кластеризуемые клитики присоединяются к начальной группе, состоящей из единственной ударной словоформы: [_{XP} W¹] – CL. Таким образом, непосредственным объектом для анализа представляют 65 клауз главного предложения, где кластеризуемые клитики стоят после нескольких ударных слов. Из этих 65 клауз 29 демонстрируют правило ПСС, где клитики стоят после полной начальной группы: длина этой группы в данном тексте составляет от 2 до 4 ударных слов: [_{XP} W¹ W² W³ W⁴] – CL. 3 клаузы демонстрируют правило ПРС, клитики разрывают начальную группу: во всех трех встретившихся примерах ее длина составляет 2 ударных слова – [_{XP} W¹ – CL – W²]. Еще в четырех примерах в начале клаузы стоят модальные слова *dođušē* «правда», *orći* «вообще» и *oćito* «видимо», которые в этих примерах не влияют на место глагола, что дает порядок [ModP] – [XP] – CL, см. (31) и (32).

- (31) срб.хрв. [_{ModP} *Dođušē*], [_{NP} *jela*] = *su priliče masna*.
 ‘Правда, блюда [в этой кухне] очень жирные’.
 букв. ‘[_{ModP} Правда], [_{NP} блюда] = *суть-3Pl.* очень *мясные*’.
- (32) срб.хрв. [_{ModP} *oćito*], [_{NP} *čurčhela*] = *je bila vrlo ukusna*.
 ‘Видимо, чурчхела была очень вкусной’.
 букв. ‘[_{ModP} видимо], [_{NP} чурчхела] = *есть-3Sg.* *была* очень вкусна’.

В идиолекте автора текста слово *očito* «видимо» может также выступать как факкультативный Барьер. В этом случае реализуется порядок [^{BARRIER}[_{XP} ModP]] – V – CL с перемещением глагола во вторую позицию от начала предложения, см. (33).

(33) срб.хрв. [^{BARRIER}[_{ModP} Očito]], *bio*=*sam* u krivu...

‘Видимо, я ошибся’.

букв. ‘[^{BARRIER}[_{ModP} Видимо]], *был*=*есмь-1sg.* не прав...’.

Всего в тексте 9 примеров с одиночным начальным Барьером и порядком [^{BARRIER}[XP]] – V – CL. В одном из них Барьером является начальное обращение. Длина начальной группы, выступающей в качестве Барьера, в данном тексте составляет от 1 до 4 ударных слов, то есть начальная группа в некоторых предложениях с одиночным Барьером и порядком [^{BARRIER}[XP]] – V – CL короче начальной группы в предложениях без Барьера, с ПСС и порядком XP – CL. Ср. пары (34) vs (35).

Одиночный Барьер, порядок [^{BARRIER}[XP]] – V – CL

(34) срб.хрв. [^{BARRIER}[_{NP} Ženja i ja]] *živjeli*=*sмо* blizu – u klupskom treningu kampu.

‘Мы с Женей жили недалеко друг от друга – на базе’.

букв. ‘[^{BARRIER}[_{NP} Женя и я]] *жили*=*есме-1Pl.* рядом’.

ПСС, порядок XP – CL.

(35) срб.хрв. [_{NP} S Eduardom, Modrićem i Čorlukom]=*sam* igrao u «Interu» iz Zaprēšića.

‘С Эдуардо, Модричем и Чорлукой я играл в “Интер” из города Запрешич’.

букв. «[_{NP} С Эдуардо, Модричем и Чорлукой]=*есмь-1Sg.* *играл* в “Интер” из Запрешича».

Обратное соотношение длины начальной группы в предложении с ПСС и предложении с одиночным Барьером представлено в следующей паре:

ПСС, порядок XP – CL.

(36) срб.хрв. [_{PP} Poslije toga]=*su dobili* pozive u reprezentaciju, a to=*je* već *bio* uzlet u raj.

‘Потом получили вызов в сборную, и это уже был их взлет к раю’.

букв. ‘[_{PP} после того]=*суть-3Pl.* *добыли* вызов в сборную...’.

Одиночный Барьер, порядок [^{BARRIER}[XP]] – V – CL

(37) срб.хрв. [^{BARRIER}[_{PP} poslije svega toga]] *bilo*=*mi*=*je* potrebno samo ležati na pijesku.

‘после всего этого нужно было просто лежать на песочке’.

букв. «[^{BARRIER}[_{PP} после всего этого]] *было*=*мне*=*есмь-3Sg.* нужно только лежать на песке».

Очевидно, что, по крайней мере, в идиолекте автора данного текста нет фатальной зависимости между длиной начальной группы и выбором порядка с Барьером. Порядок [^{BARRIER}[XP]] – V – CL в (34) и (37) выбирается, вероятно, потому, что после начальной группы автор текста ориентировался на произнесение с паузой:

[_{NP} **Ženja i ja**]# živjeli=*smo* blizu. Наличие паузы после начальной группы, в свою очередь, определяется тем, что такая группа интерпретируется как единая коммуникативная составляющая, противопоставленная прочей части высказывания. В (34) и (37) начальная группа является Темой, а последующая часть – Ремой.

(34') {_{TopicP} [_{NP} **Ženja i ja**]} {_{FocusP} živjeli=*smo* blizu}.

(37') {_{TopicP} [_{PP} **poslije svega toga**]} {_{FocusP} bilo=*mi=je* potrebno samo ležati na pijesku}.

В двадцати примерах в начале клаузы стоят две разные синтаксические группы, наличия одной из которых, а иногда наличия каждой из которых, достаточно для того, чтобы реализовался порядок с одиночным Барьером и перемещением глагола: [^{BARRIER}[XP]] – V – CL. Гипотеза о Привативном Барьере предсказывает, что при наличии двух Барьеров возникает реконструирующий эффект, и исходный порядок без перемещения глагола восстанавливается: [^{BARRIER1}[XP]] [^{BARRIER2}[XP]] – CL. Реальное распределение материала оказалось таким:

- I. [^{BARRIER1}[XP]] [^{BARRIER2}[XP]] – CL (эффект привативного Барьера): 15 примеров.
- II. [^{BARRIER1}[XP]] [^{BARRIER2}[XP]] – V – CL (нет эффекта привативного Барьера, два Барьера трактуются так же, как одиночный Барьер): 4 примера.
- III. [^{BARRIER1}[XP]] [^{BARRIER2}[XP]] – Y – CL – V (Особый случай – клитика присоединяется не к последнему Барьеру и не глаголу, а к иной категории): – 1 пример.

Уже этого распределения (3 к 1) достаточно для подтверждения гипотезы о привативном Барьере. В действительности, правило привативного Барьера соблюдается в описываемом хорватском идиолекте гораздо строже, так как все примеры группы II включают парентетическую группу. Отсутствие реконструирующего эффекта и сохранение порядка с глаголом на втором месте мы объясняем именно тем, что механизм привативного Барьера игнорирует парентетические внесения, которые добавляются в уже построенные и упорядоченные куски синтаксической структуры. Парентетическая группа может стоять как в начале последовательности Барьеров, см. (38), (39), так и в ее конце, см. (40). В (41) как парентеза трактуется вынесенная левее клитик группа [_{AdvP} *prije ili kasnije*] «рано или поздно»:

(38) срб.хрв. [[_{CP} **Ako budeš istrajan**]], {^{PARENTESE} [_{AdvP} *prije ili kasnije*]} vratit=*će=se* sve na svoje mjesto.

‘Если будешь упорным, рано или поздно все вернется на свои места’.

букв. «[[_{CP} **Если будешь упрям**]], {^{PARENTESE} [_{AdvP} *рано или поздно*]} вернст=буд. *вр.*=ся все на свое место».

В (39) парентезой является корректирующее замечание (Afterthought) *a tako misle i drugi* «а так думают и другие». Начальная модальная группа [_{ModP} *Po tom*

mišljenju] «по моему мнению» в данном случае вызывает эффект Барьера с перемещением глагола¹⁰.

(40) срб.хрв. [_{ModP} **Po mom mišljenju**] {^{PARENTESE} (~~a tako misle i drugi~~)} odigrao=sam dobro, mada nisam pokazao ništa posebno.

«По моему мнению и мнению остальных, я сыграл хорошо, хотя ничего особенного не показал».

букв. «[_{ModP} **Помоему мнению**] {^{PARENTESE} (~~атакдумаютидругие~~)} отыграл=есмь-1Sg. хорошо, хотя не-есмь показал ничего особенного.»

В (41) парентезой является начальная вводная группа [_{ModP} Na primjer] «например»:

(41) срб.хрв. {^{PARENTESE} [_{ModP} **Na primjer**]}, [_{AdvP} **vrlo dugo**] govorio=sam ne «Do svidanjija!» («dovidenja»), a «Na svidanjije!» («izlazak»).

‘Например, я очень долго говорил не “До свиданья!”, а на “На свиданье”’.

букв. «{^{PARENTESE} [_{ModP} **например**]}, [_{AdvP} **очень долго**] говорил=есмь не «до свиданья», а ‘на свидание!’

В примере (42) эффект привативного Барьера не возникает потому, что синтаксический механизм игнорирует аппозитивную группу, следующую за подлежащим. Нестандартность примера состоит в том, что клитика присоединяется к группе из нескольких ударных слов, но в описываемом идиолекте это не является препятствием (вероятно, при отсутствии паузы после такой группы).

(42) срб.хрв. [_{NP} **Ženja Savin**], {^{PARENTESE} [_{NP} **napadač «Krilja Sovjetov»**]}, =je ročetkom rujna postao obiteljski čovjek.

«Женя Савин, нападающий “Крыльев Советов”, пополнил общество семейных людей еще в начале сентября»

букв. ‘[_{NP} **Женя Савин**], {^{PARENTESE} [_{NP} **нападающий «Крыльев Советов²**]}, =есмь-3Sg. в начале сентября стал семейный человек».

В 15 примерах группы I. [^{BARRIER1} [XP]] [^{BARRIER2} [XP]] – CL, с эффектом привативного Барьера, нет ни одного предложения, где один из Барьеров мог бы трактоваться как парентеза. Категориальные характеристики комбинаций Барьеров, при которых реконструируется порядок без перемещения глагола, таковы:

Ia. AdvP/PP/O + S: 8 примеров.

Ib. O + AdvP: 1 пример – см. (29) выше.

Ic. O + Pred: 1 пример – см. (30) выше.

¹⁰ Альтернативой такому анализу является несколько экзотическое допущение о том, что комбинация двух парентез может вести себя как одиночный Барьер. У нас нет данных, способных верифицировать такой механизм.

Id. AdvP + AdvP: 3 примера.

Ie. To + CP (придаточное подлежащее, стоящее после им. п. ед. ч. местоимения to «это»): 2 примера.

Из клауз подгруппы Ia, где подлежащее (S) стоит после второстепенного члена (AdvP/PP/O), наибольший интерес представляют три примера, где группа подлежащего состоит из нескольких ударных слов: к таким примерам уже нельзя применить фонетическое объяснение В. Раданович-Коцич. Один из примеров – (28) разобрался выше. Вот еще одно предложение с аналогичными характеристиками.

(43) срб.хрв. [_{AdvP} **Par puta u Moskvi**] [_{NP} **Malhaz, David Mudžiri i ja**]=*smo išli* u gruzijski restoran i probavali jela njihove kuhinje.

«Пару раз мы с Малхазом и Давидом Муджири ходили в Москве в грузинский ресторан и пробовали их блюда».

букв. «[_{AdvP} **Пару раз в Москве**] [_{NP} **Малхаз, Давид Муджири и я**]=*есме-1Pl. шли* в грузинский ресторан...».

В плане коммуникативной структуры все восемь примеров с комбинацией Барьеров AdvP/PP/O + S устроены одинаково: оба Барьера относятся к Теме высказывания, а прочая часть предложения – к Реме.

(43') срб.хрв. {_{TopicP} [^{BARRIER1} [_{AdvP} **Par puta u Moskvi**]] [^{BARRIER2} [_{NP} **Malhaz, David Mudžiri i ja**]]}=*smo išli* u gruzijski restoran.

В подгруппе Ie. тоже нашлся один пример, где при комбинации AdvP + AdvP вторая группа обстоятельства состоит более чем из одного ударного слова.

(44) срб.хрв. {_{TopicP} [^{BARRIER1} [_{AdvP} **Po svršetku sezone**]] [^{BARRIER2} [_{AdvP} **jedan tjedan**]]}=*sam proveo* kod kuće u Zagrebu, a [poslije toga]=*se zaputio* na Thailand.

«Сезон закончился, я неделю побыл дома – в Загребе, – а потом отправился в Таиланд».

букв. «{_{TopicP} [^{BARRIER1} [_{AdvP} **по завершению сезона**]] [^{BARRIER2} [_{AdvP} **одну неделю**]]}=*есмь-1Sg. провел* в доме в Загребе».

Оба примера из подгруппы Ie. демонстрируют ту же характерную особенность идиолекта автора – в его системе нет запрета на постановку клитик непосредственно после комбинации Барьеров, создающей привативный эффект, даже если второй Барьер состоит из нескольких ударных слов, как в (28), (43), (44) и (45). Подчеркнем, что в предложениях без Барьеров в его тексте не встретилось ни одного случая постановки клитик после начального придаточного или иной сентенциальной составляющей. Таким образом, приходится заключить, что в примере (45) условием клитизации местоимения =*ga* к правому краю придаточному служит наличие перед придаточным еще одной синтаксической группы – местоименного подлежащего to «это».

- (45) срб.хрв. {_{TopicP}[^{BARRIER1}[_{NP} **To**]] [^{BARRIER2} [_{CP} **što=je učinio s Akinfejevim i mojim drugom Gabulovim**]]} = *ga* уопће не krasi.

«То, что он сделал с Акинфеевым и моим другом Габуловым, не красит его, конечно».

букв. «{_{TopicP}[^{BARRIER1}[_{NP} **то**]] [^{BARRIER2} [_{CP} **что=есть-3Sg, учинил с Акинфеевым и моим другом Г.**]]} = *ego* вообще не красит».

- (46) * [_{CP} **što=je učinio s Akinfejevim i mojim drugom Gabulovim**]] = *ga* уопће не krasi.

Мы не беремся утверждать, что представленное распределение полностью репрезентативно для современного состояния региональной хорватской разновидности сербохорватской нормы, и тем более не рискуем оценивать примеры (28)–(46) с точки зрения пуриста. Однако сам факт существования хорватских идиолектов, где Правило Привативного Барьера полностью грамматикализовано, и выбор порядков [^{BARRIER1} [XP]] [^{BARRIER2} [XP]] – CL...V ~ [^{BARRIER1} [XP]] [^{BARRIER2} [XP]] – V – CL осуществляется на основе строго синтаксической процедуры, мы считаем доказанным. В идиолектах такого типа перемещение глагола во вторую позицию от начала главного предложения ограничено структурами с одиночным начальным Барьером и структурами, где только одна из начальных групп трактуется как релевантный Барьер.

Уникальный пример группы III – см. (47) – не имеет статистической ценности для анализа данного хорватского текста. Он важен тем, что позволяет установить связь между условиями перемещения глагола в древнерусской и современной сербохорватской системах. В примере (47) наш современник прибег к стратегии, которая спорадически использовалась в старославянских и древнерусских текстах XI–XV вв. – постановке вынесенных вправо клитик после инвертированного компонента глагольной группы.

- (47) срб.хрв. {_{TopicP}[^{BARRIER1} [_{PP} **Uoči utakmice «Rubin» – «Krilja Sovjetov»**]] (1) [^{BARRIER2} [_{PP} **u svom blogu na Sports.ru**]] (2) [^{BARRIER3} [_{NP} **vezist «Lokomotive» Tomislav Dujmović**]] (3)} {_{FocusP} [_{VP} **otvoreno=se obraća napadaču iz Samare Jevgeniju Savinu**]]}.

«[Накануне матча “Рубин” – “Крылья Советов”] (1) [в своем блоге на Sports.ru] (2) [полузащитник “Локомотива” Томислав Дуймович] (3) выступает с открытым обращением к самарскому нападающему Евгению Савину».

букв. '[...] Открыто=ся обращает нападающему из Самары Е.С.’.

В (47), точно так же, как в древнерусских примерах (8), (9) и старославянском примере (10), перемещение клитики из второй позиции от начала главного предложения вправо произошло уже после того, как в глагольной группе, имеющей коммуникативный статус Ремы, произошла локальная инверсия с перемещением

зависимого элемента левее глагола: $V^{\circ} - \text{Compl} \Rightarrow [\text{Compl}]_i - V^{\circ} - t_i$. В примере (47) это преобразование выглядит так: $\{_{\text{FocusP}} [_{\text{VP}} \text{obraća} \{_{\text{FocusProper}} \text{otkryto}\} \dots]\} \Rightarrow \{_{\text{FocusP}} [_{\text{VP}} \{_{\text{FocusProper}} \text{OTKRYTO}\}_i \text{obraća } t_i \dots]\}$. По неясным причинам автор примера (47) не прибег к имевшемуся в его идиолекте Правилу Привативного Барьера и не восстановил базовый порядок XP–CL в левой части предложения. Это вынудило его перемещать клитику вправо внутрь глагольной группы. Прочие аспекты порождения этого предложения ясны, и их можно представить в виде различных стадий деривации.

- I. Первичное упорядочение предложения при данном составе категорий. Построение дерева предложения. Формально-синтаксические правила линейаризации: выбор базового порядка развертывания в группах предложения, выбор базового порядка развертывания предложения – основного синтаксического ограничения XP – CL. Первичный выбор коммуникативной структуры с различением элементов, относящихся к Теме, и элементов, относящихся к реме. Предсказание: реализация базового порядка слов XP – CL без Барьеров.
- II. Реализация основного синтаксического ограничения XP–CL: помещение клитик во вторую позицию от начала главной клаузы (в генеративной грамматике может описываться как Clitic Movement, т. е. перемещение клитик/перемещение группы кластеризуемых клитик) и помещение элементов предложения в начальную позицию XP (в генеративной грамматике должно описываться как XP-movement, т. е. перемещение синтаксических групп в XP). Предсказание: реализация базового порядка слов XP–CL или производного порядка XP–V–CL с Барьером и перемещением клитик.
- III. Вторичное коммуникативное упорядочение: группировка всех тематических элементов в XP, в области левее клитик, а всех рематических элементов – в области правее клитик. Предсказание: реализация производного порядка слов с Барьером XP–V–CL, с перемещением глагола, либо применение правила Привативного Барьера с реконструкцией базового порядка XP – CL...V, без перемещения глагола.
- IV. Вторичное коммуникативное упорядочение с локальной инверсией внутри рематичной глагольной группы и перемещением глагольного зависимого в начало рематичной глагольной группы. Неопределенность в выборе типа Барьера. Предсказание: реконструкция базового порядка без перемещения клитик и глагола или перемещение клитик в глагольную группу.
- V. Выбор порядка с Барьером и перемещением клитики в глагольную группу. Предсказание: перемещение клитики в глагольную группу с одновременным перемещением глагола левее клитики или перемещение клитики вправо без перемещения глагола влево.
- VI. Конечный порядок: [BARRIER]...otvoreno=se obraća ... (перемещение клитики без перемещения глагола влево). Причина выбора конечного порядка: перемещение глагольной вершины блокируется другим перемещением внутри глагольной группы.

14.3. Выводы к главе 14

Стандартный механизм Барьера Главного Предложения в славянских языках предполагает не только перемещение клитик вправо, но и лексической вершины глагольной группы влево, в позицию перед клитикой. Перемещения глагола отсутствуют в двух основных случаях: а) когда отсутствует перемещение самих клитик б) когда вынос глагола из глагольной группы блокируется локальным перемещением внутри самой глагольной группы. Вариант а) реализуется в предложениях с двумя Барьерами, если язык имеет Правило Привативного Барьера. В этом случае второй Барьер отменяет действие Первого, и клитика остается на месте. Вариант б) спорадически реализуется в предложениях с инверсией носителя основного речитического акцента и его выносом в начало глагольной группы, левее глагола. В этом случае перемещенная вправо клитика разрывает элементы глагольной группы, а перемещения глагольной вершины не происходит. Вариант а) грамматикализуется в сербохорватском языке, вариант б) не грамматикализуется нигде.

Окончательный порядок в предложении с кластеризуемыми клитиками и Барьерами зависит от последовательности действия формально-синтаксических и коммуникативно-синтаксических механизмов. Правила перемещения клитик и глагола и, отчасти, правила заполнения начальной позиции (ХР) носят формально-синтаксический характер, правила, перемещающие ударные элементы предложения с заданной коммуникативной характеристикой, носят коммуникативно-синтаксический характер.

ГЛАВА 15

ФАКТОРЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ПЕРЕХОДНЫЕ СИСТЕМЫ XIV ВЕКА

15. 1. Синхронная и диахроническая типология

В заключительной главе книги рассматриваются две системы расстановки клитик, распределение параметров в которых указывает на имевшие место сдвиги – появление новых разрядов кластеризуемых клитик, закрепление новых типов Барьера, расширение синтаксической области расстановки клитик и т. п. Одна из указанных систем зафиксирована древнейшим крупным нарративным памятником чешского языка – «Далимиловой Хроникой» (середина XIV в.), другая отразилась в корпусе древнерусских договорных и духовных грамот великих князей конца XIII–XV вв. По ряду причин данные системы не получили систематического освещения, хотя примеры из соответствующих памятников нередко цитируются в работах славистов. Данные системы относятся к примерно одному периоду, но имеют разную диахроническую перспективу. Древнерусская система духовных и договорных грамот XIII–XV вв. относится к древненовгородскому ареальному типу Правила Рангов (см. гл. 9), ориентиром для нее служит более древняя древненовгородская система, детально описанная на материале более ранних памятников XI–XIII вв., см. [Зализняк 1993; 2008]. В то же время, поскольку современный русский язык утратил кластеризуемые клитики и стал С-системой, среди современных славянских языков нет системы расстановки клитик, которая находилась бы с системой языка древнерусских договорных и духовных грамот XIII–XV вв. в отношении генетической преемственности. С системой «Далимиловой хроники», которая с оговорками может быть отнесена к западнославянскому ареальному типу Правила Рангов, ситуация обратная – в истории чешского языка более древнее состояние непосредственно не засвидетельствовано. В то же время, современная чешская система расстановки клитик (см. о ней гл. 3 и 8), хоть и не является непосредственным продолжением системы «Далимиловой Хроники», сопоставима с ней по ряду параметров, что *de facto* признается, например в «Историческом синтаксисе чешского языка» Ф. Травничка [Trávníček 1956: 147–152], где на материале памятников древнечешского периода обсуждаются правила размещения цепочек в предложении и порядок клитик внутри цепочки.

Как подчеркнуто в гл. 2 и 10, системы порядка слов с кластеризуемыми клитиками (W-системы, W⁺-системы и W*-системы), делятся на три большие группы – А) языки, имеющие параметр ПРС (клитики/цепочки клитик ставятся после первого фонетического слова клаузы и разрывают начальную составляющую, состоящую из более чем одного фонетического слова) и лишённые параметра ПСС, В) языки, имеющие параметр ПСС (клитики/цепочки клитик ставятся после первой полной

составляющей) и лишённые параметра ПРС, С) Языки, имеющие одновременно параметры ПРС и ПРС и допускающие постановку клитик/цепочек как после первого фонетического слова, так и после первой полной составляющей. Более точный анализ, как отмечено выше в гл. 3, учитывает синтаксическую категорию начальной составляющей, которую могут разрывать кластеризуемые клитики/цепочки, в частности, тот факт, ведут ли себя ИГ, состоящие из нескольких фонетических слов, в данном плане аналогично Сочинённым Группам (CoP) и Группам Вопросительного Слова (WhP).

Ограничимся в данной главе материалом стандартных W -систем и не будем рассматривать славянские W^+ -системы с дополнительным ограничением на контактную позицию глагола и клитик. Для первичной классификации W -систем достаточно оценить диагностические свойства клитик/цепочек по отношению к начальным ИГ, если таковые допускаются в языке. Поскольку, в отличие от таких языков как люмми, кабийский и тамазигхт (W_1 -систем в терминах данной книги), во всех славянских языках в начале клаузы, в позиции, непосредственно предшествующей позиции кластеризуемых клитик/цепочек, могут стоять ИГ, все эти языки попадут в класс W_2 -систем. Параметрические настройки подтипов А (+ ПРС, – ПСС) и В (+ПСС, – ПРС) зеркально отображают друг друга и представляют полюса шкалы, а опция С (+ ПРС, + ПСС) служит промежуточным вариантом между ними¹.

W ₂ -системы			
Клитики после начальных ИГ возможны			
Подтип	W ₂ -А	W ₂ -В	W ₂ -С
Распределение параметров	Клитики после первого фонетического слова {+ ПРС, – ПСС }	Клитики после первой полной группы {+ ПРС, – ПСС }	Клитики после первого фонетического слова или первой группы {+ ПРС, + ПСС }
Базовый порядок	X-CL, *XP-CL	XP-CL, *X-CL	XP-CL, X-CL
1. Неславянские языки	хеттский др.греческий санскрит	пашто кавиненья осетинский кашибо-какатайбо	варьльпири варумунгу луисеньо
2. Славянские языки	древненогородский	чешский, словацкий, словенский, верхнелужицкий, бургенландский хорватский	сербохорватский, древнерусский (язык договорных грамот XIII–XV вв.), древнечешский (система «Далимиловой хроники»)

РИС. 1. Таксономия W_2 -систем: славянские языки

¹ Четвертая возможная комбинация параметров (– ПРС, – ПСС) будет означать, что либо в языке нет кластеризуемых клитик, либо они не имеют фиксированной позиции в клаузе. В таком случае язык также не является W -системой.

Большинство современных славянских языков относятся к подтипу W_2 -В, в то время как древненовгородская система является каноническим представителем подтипа W_2 -А. Как показал анализ, и система «Далимиловой хроники», и система языка древнерусских договорных и духовных грамот XIII–XV вв. относятся к промежуточному подтипу W_2 -С. Синтаксические характеристики общеславянского языка не даны нам вне реконструкции. Не доказано, что для всех древних славянских диалектов, как и для древненовгородского, исходным состоянием оказалась бы W_2 -А-система, если бы они были представлены сопоставимым корпусом синтаксически репрезентативных памятников оригинального жанра, записанных в XI–XIII вв. Но в плане синхронной типологии настройка параметров {+ ПРС, + ПСС}, т. е. W_2 -С-система, реализует промежуточное состояние между последовательными W_2 -А-системами (древненовгородский, хеттский т. п.) и последовательными W_2 -В-системами (современный чешский, словацкий, пашто, кавиненья и т. п.). Предположение о переходном характере системы «Далимиловой Хроники» и системы корпуса русских договорных и духовных грамот XIII–XV вв. подтверждается уже при беглом рассмотрении используемых ими Правил Рангов, поскольку последние, как будет показано ниже, включают клетки для новых разрядов клитик – связок плюсквамперфекта, а в случае системы «Далимиловой Хроники» – еще и новых (в качестве клитик) местоименных форм.

В данном случае диахроническая типология может помочь синхронной, поскольку при сугубо синхронном рассмотрении отнесенность языка с клитиками к W_2 -А-системам, W_2 -D-системам, либо W_2 -С-системам принимается за данность, и непонятно, за счет чего один подтип может трансформироваться в другой. Письменная история родственных языков с близкими синтаксическими системами дает шанс понять детали подобных переходов. В индоевропеистике бытует убеждение, что исконным состоянием для языка с законом Ваккернагеля является постанова клитик после первого фонетического слова, поскольку древнейшие индоевропейские языки с клитиками – хеттский и древнегреческий, а также санскрит были W_2 -А-системами, а принцип поставки клитик после первой полной составляющей и иные отступления от канонической хеттской, санскритской и древнегреческой систем якобы являются отклонением или даже сменой синтаксического типа. Отзвуки такого подхода есть и в славистике. Авторы ряда работ признают эталоном древненовгородскую W_2 -А-систему, где постанова клитик/цепочек после первого фонетического слова *о б ъ з а т е л њ а* (при базовом порядке слов без Барьера); эталоном для современных славянских языков признается сербохорватская W_2 -С-система, где постанова клитик/цепочек после первого фонетического слова возможна. М.Н. Толстая, автор превосходного обзора систем карпатоукраинских энклитик, трактует отступления от сербохорватской системы как нарушение закона Ваккернагеля [Толстая 2012а: 201, 209], а А.А. Зализняк, автор фундаментального исследования древнерусских энклитик, во многих местах своей монографии подчеркивает, что закон Ваккерна-

геля отражает свойства устной речи², а сужение сферы его действия и многочисленные отклонения, в числе которых упоминается и несоблюдение принципа постановки клитик/цепочек после первого фонетического слова³ в истории русского языка объясняются возмущающим воздействием письменной традиции [Зализняк 2008: 127–128, 165–168, 170–171, 264, 266, 270]. Для истории славянских языков эта перспектива может быть, в целом, верной⁴, но для типологии языков с кластеризуемыми клитиками она не годится – см. такие бесписьменные неиндоевропейские языки с законом Ваккернагеля, как кавиненья [Guillaume 2008] и кашибо-какатайбо [Zariquey Biondi 2011], и такие младописьменные индоевропейские языки с законом Ваккернагеля, как пашто [Tegey 1977; Roberts 1997] и осетинский [Абаев 1959], где принцип постановки клитик/цепочек после первого фонетического слова не действует. Главная проблема – не в терминологии, не в том, стоит ли ограничить употребление термина «закон Ваккернагеля» тем материалом, на базе которого он был впервые открыт (а это, в нашей номенклатуре, W_2 -А-системы), а в том, что механизмы постановки клитик/цепочек после первой полной составляющей (W_2 -В-системы) и после первого фонетического слова (W_2 -А-системы) в равной степени являются базовыми для разных языков мира и не должны представляться в качестве отклонений от какого бы то ни было языка, признаваемого эталоном. Поэтому надо объяснять, за счет каких внутриграмматических факторов подтипы W_2 -А и W_2 -В могут трансформироваться друг в друга. Существует считанное число работ, где проблемы изменения Правил Рангов и иных параметров систем порядка слов с клитиками рассматриваются на материале одного славянского языка, ср., прежде всего, [Толстая 1991] и [Marković 1962] для древнесербского, и [Зализняк 2008] для древнерусского, а работы сопоставительного характера, учитывающие разные ареальные типы Правила Рангов, отсутствуют вовсе.

15.2. Древнечешская система «Далимиловой хроники»

Ф. Травничек перечисляет комбинации клитик в корпусе «Далимиловой хроники» и других древнечешских памятников XIV–XVII вв., но не указывает отдельно порядок клитик для каждого памятника. Кроме того, преобладают статистические обобщения вроде «перед прочими клитиками (кроме -li и buch) обычно ставится глагол jsem ср. [Trávníček 1956: 151–152], при этом в тех же параграфах приводятся примеры обратного порядка. По изложению Ф. Травничка нельзя понять, поддается ли вообще порядок клитик в древнечешский период табличному описанию или нет. Наш анализ показал, что для корпуса «Далимиловой хроники» Правило Рангов может быть выделено, но оно включает необычно большое число клеток – 12. Кроме того, были выявлены три частных недочета описания Ф. Травничка.

² Ср. характерную цитату: «Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что закон Ваккернагеля – это один из автоматизмов живой речи» [Зализняк 2008: 170].

³ В терминах А. А. Зализняка – тактовой группы.

⁴ Обсуждение деталей см. в нашей рецензии [Циммерлинг 2009b].

- Ф. Травничек утверждает [ук. соч., § 114.1], что в древнечешском местоименные клитики дат. п. и вин. п. могли стоять контактно как в порядке Dat-Acc, так и в порядке Acc-Dat. Для такого вывода нет почвы, поскольку в цитируемых примерах Ф. Травничек не различает рефлексивную клитику вин. п. *se* и аргументные местоимения вин. п. Наш анализ подтвердил, что в Правиле Рангов «Далимиловой хроники», как и в современном чешском Правиле Рангов, *se* и местоимения в вин. п. занимают разные клетки. При этом в Правиле Рангов «Далимиловой хроники» аргументные местоимения дат. п. всегда стоят перед аргументными местоимениями вин. п.
- Ф. Травничек не различает древнечешскую частицу ti_1 «действительно», «на самом деле» и местоимение 2 л. ед. ч. в дат. п. ti_2 «тебе», полагая, что обе клитики представляют употребления местоимения 2 л. [Trávníček 1956: 65]. Анализ показал, что это ошибка, поскольку в древнечешском Правиле Рангов частица $=ti_1$ стоит в блоке частиц перед диагностической позицией Aux1, а местоимение $=ti_2$ «тебе» стоит правее Aux1, в блоке местоимений. Примеры см. ниже.
- В блоке частиц Ф. Травничек [ук. соч., 151] проигнорировал частицу *že*, занимающую крайне левое положение в Правиле Рангов. Анализ показал, что в корпусе «Далимиловой Хроники» *že* еще функционировало как свободный синтаксический элемент, имеется достаточное количество контекстов, где *že* нельзя интерпретировать как часть союзного элемента или локальную некластеризуемую клитику.

15.2.1. Общая характеристика Правила Рангов

Правило Рангов построено по Категориальному Принципу, складывается из трех блоков клитик трех таксономических категорий Part (Частицы), Pron (Местоимения) и Aux (Связки) и включает 12 клеток Правила Рангов.

(i) [_{СлiтiсP} PART1 AUX1 [_{АргP} DAT1 ACC1] REFL [_{АргP} to] PART2 AUX2 [_{АргP} DAT2 ACC2].

Частицы, попадающие в Part1 (три первые клетки, заполняемые частицами *že*, *li*, *ti*) и клетку Part2 (ранг 9), составляют два непересекающихся множества. Единственную клетку имеют также рефлексив *se* (*sě*) и неодушевленные местоимения ср. р. в имен.-вин. п. (*to*, *co*). Данные кластеризуемые элементы составляют стержень Правила Рангов – выделено серым на рис. 2. Вместе с тем, связочные клитики 3 л. ед. ч. презенса индикатива имеют по две доступных им клетки – AUX1 и AUX2, по две клетки приходится вводить также для аргументных клитик в дат. п. (DAT1, DAT2) и в вин. п. (ACC1, ACC2).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Part 1			Aux1	Dat1	Acc1	Refl	Nom-Acc. Sg.N.	Part2	Aux2	Dat2	Acc2
že ⁵	li	tí, (t')	Презенс индикатива «быть»: sem, si (-s), sme (-my), ste, sú je jest, (-j), Оптатив «быть»: bych, by, bysme, byste, bysta	mi, tí, (t'), mu, jěj, nem (nám), vem (vám), jim, jima	mě, tě, jej, ho, ji, ny (nás), vy (vás), jě, vy, ny	sě,	to, ⁶ co	tu, tám, pak	3 л. ед. ч. презенса индикатива jest, je Претерит «быть»: byl, byla, bylo, byli	mne, tobe, jemu, jiej	jeho, jich

РИС. 2. Древнечешское Правило Рангов, по корпусу «Далимиловой Хроники»

Исторический Принцип упорядочения (более новая клитика занимает в Правиле Рангов место перед более старой) действует в пределах блоков Part (клетки 1–3), и Pron (клетки 5–6), но по длине всего Правила Рангов не соблюдается, так связочные клитики, попадающие в клетку AUX1, явно представляют более поздний слой клитизации, чем краткие местоименные формы, попадающие в клетки DAT1 и ACC1 непосредственно правее AUX1. Древнечешское Правило Рангов может быть отнесено к западнославянскому ареальному типу, в нем есть ненулевые формы 3 л. связки презенса индикатива глагола «быть», а основной мишенью для них является позиция AUX1, стоящая левее блока кластеризуемых местоимений. Ненулевые формы 3 л. презенса индикатива связки «быть» могут попасть в ту же клетку AUX1, что и формы 1–2 л. презенса индикатива связки «быть». Вместе с тем, для них есть дополнительная позиция AUX2 правее блока кластеризуемых местоимений, AUX2 замещается также связками прош. вр. (byl, byli и т. п.). Имеется дополнительная клетка PART2 (No 8) для клитик-частиц, вовлеченных в Правило Рангов в более поздний период – дейктических частиц *tu, tám* и дискурсивной частицы *pak*. Кластеризуемые местоимения дат. п. и вин. п. имеют по две клетки – левее клетки возвратного местоимения (DAT1, ACC1) и правее возвратного местоимения и клетки AUX2 (DAT2, ACC2). Клетки DAT2, ACC2 чаще заполняются просодически более тяжелыми формами (выделены полужирным на рис. 2), но однозначного соответствия между сегментным составом/просодией кластеризуемых местоимений и их местом в Правиле Рангов нет.

⁵ Имеется также локальное *že₁*, и связанное *že₂* в составе союзных слов.

⁶ Имеется синтаксический омоним – локальная клитика *to_{2<}*.

Объем памятника позволяет проверить, не является ли выделенное Правило Рангов из 12 клеток фикцией описания и хорошо ли оно упорядочивает цепочки клитик. В «Далимиловой Хронике» мы насчитали 730 клитик в подкорпусе CLUSTER (цепочки), приходящиеся на 350 клауз. Кроме того, в подкорпус SINGLE (одиночные кластеризуемые клитики) попало 1067 клауз. Анализ показал, что Правило Рангов в языке памятника работает без сбоев, что не самоочевидно при столь большом числе клеток. Как и предсказано статистической моделью, обоснованной выше в гл. 4, кластеризуемые клитики в корпусе «Далимиловой Хроники» характеризуются неравномерной частотностью. Ядерным элементом, с точки зрения статистического профиля, следует признать прежде всего рефлексив *sě* (клетка 7), который встретился в памятнике 402 раза.

15.2.2. Блок частиц

15.2.2.1. Частицы *že* и *li*

В блоке PART1 имеется три кластеризуемые частицы *že*, *li*, *ti*, которые в эпоху памятника могли быть свободными кластеризуемыми элементами уровня предложения и комбинироваться в цепочках в указанном порядке. Комбинация свободных частиц =*že* (1) = *li* (2) в «Далимиловой Хронике» не засвидетельствована, но в других древнечешских памятниках она представлена, см. пример (1).

Ранг 1 + Ранг 2: свободное ZHE + LI

- (1) др.чеш. *Každý nás své hoře vida, (p)roch=z=j'mu (Alexandrovi) živu býti kdy (da), (p) roch=z=li juž meškati vie(cc)?* AlxH. 10, 34

В том же памятнике находим комбинацию клитик рангов 2, 4, 7 на том же базисе клитик *proč* <*proch*>, см. (2)⁷. Тем самым, есть подтверждение того, что сочетание <*proch=z*> в примере (1) еще не стало сложным союзом.

Ранги 2 + 4 + 7: LI + AUX1 + REFL

- (2) др.чеш. *Pověz=mi, zcemu=jest Ježůš smutek plodil, proč=ly=je=sě otcí modlil?* t. 47^a

Приведем пример комбинации *že=ti*, (ранги 1 и 3) из корпуса «Далимиловой хроники»:

⁷ См. также комбинацию клитик =*li=se=jemu=to* в примере из другого памятника.

- (i) др.чеш. *poče mysliti, we fnie=li=se=jemu=to zdá czy=li na jevě* OpMus. 22^a

В данном примере двусложная форма местоимения дат. п. *jemu*, которая по меркам современного чешского языка была бы интерпретирована как неклитика, стоит в позиции кластеризации между возвратным местоимением =*sě* и местоимением имен.-вин. п. =*to*. Пример отклоняется от Правила Рангов «Далимиловой хроники», так как форма *jemu* стоит в позиции DAT2 перед местоимением =*to*.

- (3) др.чеш. Sderad málo s lepšími otjěde, jedno= \check{z} = t^1 prach nad kněžě vznide. (Dal, kap. 52)
 ‘Сдерад недалеко отъехал с лучшими <воинами>, как сразу же действительно над князем <войском князя> поднялась пыль’.

В комбинациях с начальным союзом, ср. др.чеш. *jak-ž* «как», «в той мере как», и вопросительно-относительным словом, ср. др.чеш. *kto-ž*, частица = $\check{z}(e)$ в эпоху памятника, возможно, находилась на пути грамматикализации и превращению в часть сложного союза, но еще была синтаксически вычленима, так как в тех же контекстах допускались варианты с тем же союзом, но без = $\check{z}(e)$. В следующих двух примерах после = $\check{z}(e)$ в цепочке клитик стоит связка, замещающая узел AUX1: то, что последняя попадает именно в AUX1, а не AUX2, надежно проверяется благодаря тому, что после связочной клитики в цепочках стоят клитики рангов 7 (рефлексив *se*) и 8 (местоимение 3 л. ср. р. ед. ч. *to*). В примере (3) возвратная клитика *se* извлечена из состава зависимой инфинитивной клаузы и перемещена в главное предложение (параметр Clitic Climbing), где образует цепочку с клитиками главного предложения = \check{z} =*sú*.

Ранги 1 + 4 + 7
 ŽE + AUX1 + REFL

- (3) др.чеш. Jak= \check{z} =*sú* =*sě*₁ oni *směli* k nám [_{IP} *zavražditi* t₁], [tiem právem] *může-my my* svých přátel mstiti. (Dal, kap. 19)⁸
 ‘как =*же* = AUX.3Pl = REFL они смели пойти на нас войной, [тем правом] можем=мы.CL мы за своих друзей мстить’.

Формы презенса индикатива связки «быть» изредка клитизируются к глаголу, выступая в качестве источника новой флексии. Основной стратегией размещения связок презенса индикатива является кластеризация с местоимениями и частицами. В первой клаузе примера (3), связка 3 л. мн. ч. =*sú* стоит в цепочке, занимая клетку AUX1. Во второй клаузе связка =(s)*my* клитизируется к глаголу и стоит вне позиции кластеризации. В примере (4) ниже клетка AUX1 занята формой опатива 3 л. = *by*, правее которой стоит местоимение 3 л. ед. ч. ср. р. *to* (ранг 8).

1 + 4 + 8
 ŽE + AUX1 + TO

- (4) др.чеш. Kto= \check{z} =*by*=*to* *zrušili*, ti₁ biskupem kleti *biechu*.⁹ (Dal, kap. 44)
 ‘Кто *же бы это* нарушил(и), те были епископом прокляты’.

⁸ Рефлексивная клитика *sě* в примере (3) извлечена из вложенной нефинитной клаузы (параметр Clitic Climbing).

⁹ В примере (4) представлена не клитика t₁ или t₂, а ее омоним – ударное местоимение 3 л. мн. ч. t₃.

15.2.2.2. Частица ti_1

Как и в древнерусском языке, в древнечешском следует выделять дискурсивную частицу ti_1 со значением «действительно», «на самом деле». В чешской лингвистике господствует мнение, что соответствующие употребления следует трактовать как *dativus ethicus*, т. е. как одно из употреблений падежной формы местоимения, ср. [Trávníček 1956: 65]. Однако кластеризуемая частица ti_1 обладает особой семантикой и иными дистрибутивными свойствами на синхронном уровне, нежели кластеризуемое местоимение 2 л. ед. ч. $=ti_2$ «тебе». В Правиле Рангов «Далимиловой Хроники» частица $=ti_1$ стоит в блоке Part, перед диагностической позицией Aux1, а местоимение $=ti_2$ «тебе» стоит в блоке Prop правее Aux1. Кроме того, частица $=ti_1$ сочетается в предложении с другими местоимениями дат. п., что невозможно для местоименных форм, представляющих те же граммы.

Приведем диагностические контексты, где ti_1 стоит перед клеткой AUX1. В примерах (5) и (6), клитика ti_1 , кроме того, встречается в смежных клаузах.

Ранги 3 + 4

ti_1 + AUX1

- (5) др.чеш. Povědě $=t'$, kak $=t'$ =je ta země k Čechám přišla. (Dal, kap. 26)

‘Следует, *в самом деле*, рассказать о том, как та земля *действительно* отошла к чехам’.

- (6) др.чеш. Pozval $=t'$ =je král na hody svého děda. Bude $=t'$ i malým i velikým do čas běda. (Dal, kap. 56)

‘Позвал, *в самом деле*, король в поход своего деда. Скоро, *действительно*, начнутся несчастья и для малых, и для великих’.

- (7) др.чеш. Doňadž $=t'$ =sem živ, musí $=mi$ Čechův žel býti. (Dal, kap. 76)¹⁰

‘*Воистину*, откуда я жив, мне надлежит радеть о чехах’.

Ср. также пример (8), где ti_1 стоит в цепочке клитик непосредственно перед энклитическим местоимением дат. п. Непосредственно очевидно, что в подобных примерах клитика ti_1 не может быть местоимением.

Ранги 3 + 5

TI_1 + DAT1

- (8) др.чеш. To $=t'$ =vem beze lsti povědě. (Dal, kap. 4)¹¹

‘Это я вам поведаю *нелицеприятно*’.

¹⁰ Частица $=ž$ в данном примере, возможно, не является кластеризуемой и входит в состав сложного союза *doňadž, donyudz, donevadz* ‘до тех пор, пока’, поэтому мы ее не отмечаем как часть цепочки, хотя в этот же период сохраняется и неосложненная форма союза *doňad, donyud*.

¹¹ Для гипотезы о том, что t' в примере (8) является частью союза $to=ti$, нет оснований, поскольку в (8) начальное местоимение *to* стоит в позиции дополнения глагола *povědě*.

Показательны также примеры (9) и (10), где одиночная клитика t_i не может быть адресатным местоимением в дат. п., так как позиция адресата уже занята ИГ в дат. п.

(8) др.чеш. Já=*r'* biskupstva přěji bratru mému. (Dal, кап. 51)

‘Я действительно желаю епископства своему брату’.

(9) др.чеш. Já=*r'* Svatoplukovi nechci slúžiti, a však pravdu muši mluvití. (Dal, кап. 56)

‘Я действительно не хочу служить Святоплуку и должен молвить правду’¹².

Энклитические частицы *tu*, *tám* и *pak*, занимающие клетку PART2 (ранг 9) мы специально рассматривать не будем. Они обладают невысокой частотностью, но важны для уточнения позиций смежных с ними связочных и местоименных клитик. Если связка или аргументное местоимение стоит левее энклитик *tu*, *tám*, *pak*, ее позиция интерпретируется, соответственно, как AUX1 и DAT1, ACC1. Если связка или аргументное местоимение стоит правее энклитик *tu*, *tám*, *pak*, ее позиция интерпретируется, соответственно, как AUX2 и DAT2, ACC2. Кластеризуемые энклитики *tu*, *tám*, *pak* имеют синтаксические омонимы в виде некластеризуемых начальных проклитик *tu*, *tám*, *pak*. В данном отношении система «Далимиловой хроники» напоминает современную словацкую систему, разобранный выше в гл. 4. В обоих случаях дейктические частицы представляют поздние слои клитизации.

В просодическом плане старые клитики общеславянского происхождения *že*, *li*, t_i , ведут себя в корпусе «Далимиловой Хроники» как строгие энклитики и не могут стоять в начале клаузы и после парентетической вставки (т. е. после паузы). На местоименные и связочные клитики это ограничение, в общем случае, не распространяется. Трудно проверить, связан ли данный контраст с сегментной редуцированностью названных клитик, часто реализующихся без вокалического ядра, или же с тем, что они являются именно частицами: первое более вероятно, так как местоименная клитика дат. п. t_i , являющаяся омонимом t_i , тоже ведет себя как строгая энклитика в корпусе «Далимиловой Хроники».

15.2.3. Связки и местоимения

15.2.3. 1. AUX1 и AUX2

Клетка AUX1 замещается формами оптатива/кондиционала (имеется полная парадигма личных форм) и индикатива глагола «быть», имеется полная парадигма, включая ненулевые формы 3 л. презенса индикатива (= *jest*, = *je*). Есть основания считать, что оба ряда форм представляют сравнительно недавние слои клитизации. Ф. Травничек приводит многочисленные примеры, где в начале клаузы стоят связки оптатива [Trávníček 1956: 56–60] и индикатива [ук. соч.: 77]. Корпус «Далимиловой Хроники» дает ту же картину: формы оптатива связки «быть» (*bych*,

¹² Адресатом высказывания не являются Святоплук или его люди.

by, byšte и т. д.) регулярно стоят в начале клаузы. При этом нередко в другой части условного периода формы оптатива с тем же самым сегментным составом используются в качестве энклитик, см. пример (10).

(10) др.чеш. *fka: #Bych u tebe seděl bliže, postavil=bych tvój stolec níže.* (Dal, kap. 79)

‘Если бы я сидел к тебе ближе, поставил бы я твой престол ниже’.

Проще всего трактовать первое и второе *bych* ‘1 л. ед. ч. опт.’ как синтаксические омонимы – кластеризуемую энклитику (*bych* во второй клаузе) и некластеризуемый элемент, вынесенный в начало клаузы. В некоторых случаях находится внешнее подтверждение того, что форма оптатива (*bych, by* и т. п.), начинающая клаузу, не является частью какой-либо цепочки, так как за ней следует кластеризуемая клитика рангов 1, 2, 3, которая предшествует *bych/by*, если та занимает AUX1 (ранг 4). См. пример (11), где к начальному *by* клитизируется частица *tí* (ранг 3).

(11) др.чеш. *#By=ť=byl pobyl živ ten kněz déle.* (Dal, kap 94)

‘Если бы тот князь действительно пожил еще некоторое время.’¹³

Если же после начального *bych/by* стоит клитика рангов 5–12, доказать, что начальное *by* не стоит в AUX1 и не является частью цепочки, трудно, ср. пример (12), где после базиса *by* стоит клитика вин. п. ранга 6: во второй клаузе примера клитика *=by* является кластеризуемым элементом и разрывает ИГ *mój=by rod* «мой род».

(12) др.чеш. *#By=mě u prvém boji pobily, mój=by rod nepřítelé skóro zbili.* (Dal, kap 11)

‘Если бы меня побили в первом же бою, враги бы вскорости истребили мой род’.

букв. ‘**бы**=меня в первом бою побили, мой=**бы** род враги быстро истребили’.

Ради строгости описания мы не считали начальное *bych/by* в примерах вроде (12) частью цепочки. В перспективе современного чешского языка такие примеры могут трактоваться и как конструкция с нулевым базисом, т. е. с присоединением энклитик к концу предыдущей синтагмы в потоке речи или внутри связного текста – данный параметр, действующий также в верхнелужицком языке, рассмотрен выше в гл. 5. Поскольку проверить просодию начального *bych/by* в примерах типа (10–12) на материале неакцентуированного письменного текста нельзя, приходится ограничиться гипотезой о том, что формы оптатива *bych/by* в эпоху «Далимиловой Хроники» не были строгими энклитиками и были возможны после паузы. Данная гипотеза поддерживается примерами, где *bych/by* стоит на левой границе вставленного предложения или парентетической вставки, а пре-

¹³ Толкование *=ť* как местоимения в дат. п. *=ť₂* здесь исключено. Контекст примера таков: рассказчик призывает чехов не горевать о недавно погибшем князе и говорит, что если бы тот действительно (компонент значения, вносимый частицей *=ť₁*) *пожил бы* еще некоторое время, стране пришлось бы несладко.

дыдущее фонетическое слово находится в главной клаузе – в этом случае между ним и *bych/by* должна была быть просодическая граница (пауза).

(13) др.чеш. *Mniech, #by=mi=bylo v Čechách dědiny jmieti, a již musí na dřevě visěti.* (Dal, кап. 23)

«Было дело, я думал о том, как **бы** мне получить поместье в Чехии, а теперь вот я должен висеть на дереве».

букв. ‘мнил.я, #бы=мне=было в Чехии поместье иметь...’

В литературе приводятся и древнечешские примеры, где на левый край клаузы вынесена связка индикатива в конструкции перфекта, ср. др.чеш. *#sem=li ten pes ukradl Rožmb.* «Украл ли я того пса?» [Trávníček 1956: 77], где форма *#sem* ‘1 л. ед. ч. наст. вр. индикатив’ трактуется не как кластеризуемая энклитика, а как энклиномен либо проклитика/универсальная клитика, служащая базисом для строгой энклитики *li*¹⁴. В корпусе «Далимиловой хроники» таких примеров нет, а распределение энклитических и неэнклитических форм глагола *jsem*, в целом, соответствует различению неполнозначных употреблений глагола «быть» в функции связки (прежде всего – в конструкции перфекта) и его полнозначных употреблений¹⁵.

Связки плюсквамперфекта (*byl, byla, bylo, byli*) занимают AUX2. Эти формы тоже не были строгими энклитиками в эпоху памятника. В языке «Далимиловой Хроники» в конструкции плюсквамперфекта они имеют две основных позиции – AUX2 в цепочке кластеризуемых энклитик и позиция в начале клаузы, где *bylo* не являлось кластеризуемым элементом¹⁶, ср. пример (14):

(14) др.чеш. *A byly-li=sú=to samy zamyslily.* (Dal, кап.13)

‘А сами ли они это придумали, или нет...’

букв. ‘а были=ли=суть=это сами замыслили’.

Случай, где *byl/bylo/byli* стоит в AUX2 внутри цепочки, иллюстрирован примером (11) выше.

Разряды связочных клитик, занимающих AUX1 и AUX2 в системе «Далимиловой хроники», распределены следующим образом: 1) связки конъюнктива (*bych,*

¹⁴ Данный механизм напоминает инверсию *=li* в македонском языке, см. гл. 12. От выноса универсальных клитик в начало клаузы в словенском языке типа слов. *Videl=sem=ga* «Я его видел» → *# Sem=ga videl* «Да видел я его», разобранных выше в гл. 3 и 8, соотношение линейных вариантов др.чеш. **ukradl=li(1)=sem (2) ten pes* → *#sem (2)=li (1) ten pes ukradl*, отличается тем, что при выносе связки на край клаузы нарушается порядок кластеризуемых клитик *=li* (ранг2) = *sem* (ранг 4).

¹⁵ Ср., например логическое выделение начального *jest* в следующем примере:

Otáza král: «Jest-li=to slovo vaše?» (Dal, кап. 51)

‘Король спросил: это и есть ваше слово?’

¹⁶ Поскольку связки плюсквамперфекта в Правиле Рангов «Далимиловой Хроники» имеют ранг 10, постановка вслед за начальным *byl/bylo/byli* свободных кластеризуемых клитик рангов 1–9, как в примере (14), сразу подтверждает, что *byl/bylo/byli* в данной позиции не является частью цепочки.

bys, by, bysme, byšte) всегда занимают AUX1; 2) 1–2 л. ед. ч. связки презенса индикатива (*sem/jsem, si/-s/jsi, sme/j sme; ste/jste*) 3 л. мн. ч. связки презенса индикатива (*sú/jsú*) и 3) связки прош. вр. (*byl, byla, bylo, byli*) всегда занимают AUX2; 4) форма 3 л. связки презенса индикатива (*je/jest*) может занимать как AUX1, так AUX2. Процедура верификации предсказаний (1–4) на материале цепочек такова:

- Между AUX1 (ранг 4) и AUX (ранг 10) размещается 5 клеток Правила Рангов – клитики рангов 5, 6, 7, 8, 9 – см. выше рис. 2. Клитки, попадающие в клетки 7 (REFL), 8 (местоимение ср. р. *to*), 9 (PART2), не могут занимать другие клетки, поэтому наличие в цепочке любой связочной формы и клитика рангов 7, 8, 9 служит сильным подтверждением того, стоит ли кластеризуемая связка в AUX1¹⁷ примеры или в AUX2¹⁸.
- Местоименные клитики в дат. п. и вин. п., попадающие в клетки 5 (DAT1) и 6 (ACC1), могут также стоять в клетках 11 (DAT2) и 12 (ACC2), поэтому однозначное соответствие между клеткой Правила Рангов и подмножеством кластеризуемых клитик в системе «Далимиловой Хроники» здесь нарушено. Тем самым, наличие в цепочке связочной клитики и следующей за ней местоименной клитики, способной занимать DAT1, ACC1, в отсутствие противоречащих данных служит слабым подтверждением того, что связка стоит в AUX1, а обратный порядок местоименная клитика + связочная клитика служит слабым подтверждением того, что связка стоит в AUX2.
- На практике значительное большинство местоименных клитик, включая почти все краткие местоименные формы, стоят в корпусе «Далимиловой Хроники» в DAT1 и ACC1, а позиции DAT2 и ACC2 являются резервными.

Описанная система с выделением особого статуса связочных клитик 3 л. ед. ч. презенса индикатива глагола «быть» (*jest, je*) напоминает Балканский тип Правила Рангов, где *je* тоже трактуется иначе, чем прочие формы презенса индикатива глагола «быть» (см. выше гл. 3 и 9). Но этот особый статус в языке «Далимиловой Хроники» манифестируется иначе, чем в современных балканских славянских языках, где связка 3 л. ед. ч. *je* закреплена за клеткой AUX2: в системе «Далимиловой Хроники», напротив, *jest/je* является единственной связочной клистикой, которая подвижна и может появляться как в AUX1, так и в AUX2.

Позиции	AUX1	AUX2
Подмножества клитик	<u>Связки опатива:</u> <i>bych, bys, by, bysme, byšte, by</i>	<u>Связки прош.вр.:</u> <i>byl, byla, bylo, byli</i>
	<u>Связки наст. вр. индикатива</u> 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч.: <i>sem/jsem, si/s/jsi, sme/j sme,</i> <i>ste/jste, sú/jsú</i>	
	Связка 3 л. ед. ч. презенса индикатива: jest/je	

РИС. 3. Распределение связочных клитик в системе «Далимиловой Хроники»

¹⁷ См. примеры (3), (4), (7), (14).

¹⁸ См. примеры (6), (11), (13).

Случай, где связка *jest* замещает AUX1, демонстрирует пример (15), а случай, где связка *jest* замещает AUX2, демонстрирует пример (16).

- (15) др.чеш. To=*jest=byla* pro to *zděla*: neb *jest* mezi Pražany přátely *jměla*. (Dal, kap. 22)
 ‘Потому-то она так и поступила; не иначе как имела друзей из числа Пражан’.
 букв. ‘это=*есть*=*была* за то *сделала*...’
- (16) др.чеш. Jak=*ž=vám=jest* Libušě *řekla*, té=*ž=vám povědě*. (Dal, kap. 6)
 ‘Как вам Либуше сказала, так Вам и отвечу’.
 букв. ‘как=*же*=*вам*=*есть* Либуше *сказала*, так=*же*=*вам* *поведаю*’.

15.2.3.2. Местоименные клитики

Как было показано, рефлексивная клитика *sě* имеет в Правиле Рангов «Далимиловой Хроники» ранг 8 и занимает клетку REFL, а аргументные местоименные клитики могут занимать места как слева от REFL – клетки DAT1 (ранг 5) и ACC1 (ранг 6), так и справа от REFL – клетки DAT2 (ранг 11) и ACC1 (ранг 12). Однозначного соответствия между подмножествами клитик в дат. п. и вин. п. и занимаемыми ими клетками нет, тем не менее полезно уточнить следующие тенденции:

- Полные, просодически тяжелые местоименные формы, вовлекаемые в Правило Рангов позже кратких форм, могут стоять как в DAT1/ACC1, так и в DAT2/ACC2.
- Почти все краткие местоименные формы, имеющие более долгую историю клитизации, стоят в DAT1/ACC1, но система не исключает их постановки в DAT2/ACC2.

Имеется по меньшей мере два бесспорных примера, где краткая местоименная форма стоит в DAT1. В них представлена форма дат. п. 3 л. ед. ч. м. р. =*mi*, образованная в диалектный период из полной формы *jemu*¹⁹.

- (17) др.чеш. ale {_{ТематР}[_{NP} Metlida]}, #lombarská králová#, *ě₁*=*sě=mi* pomáhati²⁰. (Dal, kap. 51)
 ‘Но Метлида, ломбардская королева, стала ему помогать’.
 букв. ‘но Метлида... *приняла*=*ся*=*ему* помогать’.

В целом, для языка «Далимиловой Хроники» еще в меньшей степени, чем для современного чешского, характерна корреляция между длиной/сегментным составом кластеризуемого элемента и его статусом синтаксической клитики. Нередуцированные формы местоимений, ср. =*jemu* 3 л. ед. ч. м. р. дат. п., тоже могут кластеризоваться. В отличие от современного чешского языка =*mi* и =*jemu*, =*ho* и =*jeho* 3 л. ед. ч. м. р. вин. п., могут занимать одни и те же клетки Правил Рангов. В то

¹⁹ Аналогичным образом возникла краткая форма вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. *ho* < *jeho*, которая в списках памятника употребляется наряду с более ранней клитикой вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. *jej* (|| др.рус. *и*)

²⁰ В примере (17) подлежащее *Metlida*, вводящее новую информацию, выступает как Барьер Главного Предложения, в силу чего возникает порядок [BARRIER] – V – CL.

же время, т. е. коэффициент энклитичности Зализняка²¹, т. е. процент употребления энклитических местоимений, а не полноударных форм в парах =*mi* ~ **mne**, =*ti*₂ ~ **tobe**, =*net* ~ **nám**, =*vet* ~ **vám**, =*ny* ~ **nás**, =*vy* ~ **vás**, =*ji* ~ **ije**, =*jej*/*ho* ~ **jeho**, =*jě* ~ **jich**, для корпуса «Далимиловой Хроники» достаточно высок, что подтверждает ориентацию данного памятника на разговорный язык. Архаичной чертой следует признать сохранение старой формы клитики вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. = *jej* (ср. др.рус. = *u*), которая встречается на порядок чаще новой формы = *ho* < = *jeho*.

Коснемся отдельных параметров, регулирующих употребление местоименных клитик.

Клитки после парентезы. Местоименные клитики в корпусе «Далимиловой Хроники» нельзя признать строгими энклитиками, так как они могут стоять после паузы (парентетических вставок) и спорадически присоединяются к предшествующей синтаксической составляющей. Примеров, где кластеризуемые местоимения стояли бы в начале первой клаузы полипредикатного комплекса, нет. Вставку парентез между клиткой и ее хозяином, как отмечено в гл. 8, естественно объяснить как добавление речевых вставок в уже построенную структуру с позицией клитик. Под эту формулировку подходят примеры (18), где рефлексивная клитика = *sě* присоединяется к начальной словоформе *kněz*, а между ними вклинивается парентетический оборот #*to vida*#:

(18) др.чеш. *Kněz, #to vida#, =sě smějješe ni jim pro to kdy co dieše.* (Dal, kap. 100)

‘Князь, видя это, смеялся, и ничего им за это не делал.’

‘Князь, #это видя# = ся засмеял...’

Клитки после синтаксической составляющей. Синтаксическая структура самой парентезы не играет роли – это может быть нефинитная клауза, как в примере (18), финитное предложение, отдельное фонетическое слово, полная группа и т. п. Иначе следует трактовать примеры типа (19), где кластеризуемая клитика *nu* присоединяется к правому краю предшествующей синтаксической составляющей: здесь синтаксическая структура отрезка, предшествующего кластеризуемой клитке, релевантна.

(19) др.чеш. [*chtiece= nás uživati*] #=*ny* v hromadu *vadie*. (Dal, kap. 54)

‘Они, желая нас истребить’.

Таким образом, в языке «Далимиловой Хроники» есть как параметр, разрешающий постановку клитик после парентез²², так и параметр, разрешающий постановку клитик после синтаксической составляющей (как в современном словенском языке, см. выше гл. 10). Первый параметр – не собственно синтаксический, он указывает на то, что кластеризуемые клитики (по крайней мере, кластеризуемые связки и местоимения) в древнечешском языке не были строгими энклитиками. Второй параметр – собственно синтаксический.

²¹ См. [Зализняк 2008: 134].

²² См. выше аналогичные примеры со связочными клитками.

Clitic Climbing. Аргументные и рефлексивные клитики могут извлекаться из нефинитных оборотов и перемещаться в вышестоящую клаузу (обычно – в главное предложение), где они кластеризуются с клитиками этой клаузы. Данный параметр распространяется на рефлексивную клитику (ранг 7) и на аргументные клитики рангов 5, 6, 8, 11, 12, в том числе, на просодически тяжелые местоимения и на форму ср. р. ед. ч. *to*, когда она стоит в позиции управляемого элемента нефинитного глагола и получает синтаксический вин. п. Извлечение факультативно, но варианты с Clitic Climbing статистически преобладают. Ср. примеры с рефлексивной клитикой. В примере (20) Clitic Climbing имеет место в двух соседних полипредикатных комплексах – и в главном, и в придаточном предложениях.

(20) др.чеш. *Mohl=by=sěj=byl kněz [пр. domysliti t_i], že strašivému s udatným zlo=sěj [пр. raditi t_j].*
(Dal, kap. 19)

‘Князь мог бы и своим умом догадаться, что боязливому негоже совещаться с храбрым’.

букв. ‘мог=бы=ся_i=был князь [пр. догадать t_i], что...’

(21) др.чеш. *a muži=sěj chtěla [пр. posmievati t_i].* (Dal, kap. 22)

‘И она хотела высмеять мужа’.

букв. ‘и над мужем=ся хотела [пр. посмеять t_i].’

(22) др.чеш. *aby=sěj mohl lépe [пр. koupiti t_i].* (Dal, kap. 53)

‘Чтобы <ты> мог удобнее купаться’²³.

букв. ‘чтобы=ся мог лучше [пр. купать t_i].’

Примеры с аргументными клитиками см. ниже.

(23) др.чеш. *A však=by=mi chtěl stříbro [пр. dáti t_i].* (Dal, kap. 69)

‘И однако он хотел бы мне дать серебро’.

букв. ‘и однако=бы=мне, хотел серебро [пр. дать t_i].’

(24) др.чеш. *musil=bych=to [пр. zrušiti t_i].* (Dal, kap. 43)

‘Я бы должен был это разрушить’.

букв. ‘должен=бы.я=это [пр. разрушить t_i].’

(25) др.чеш. *#bylo=by=jim=to, u pokání ot kněze [пр. přijíci t_i].* (Dal, kap. 84)

‘Им бы следовало в порядке покаяния принять это от князя’.

букв. ‘было=бы=им=это, в покаяние от князя [пр. принять t_i].’

(26) др.чеш. *chtěl=by=jemu, zajtra užitečně [пр. posloužiti t_i].* (Dal, kap. 86)

‘Он бы хотел ему завтра хорошо послужить’.

букв. ‘хотел=бы.он=ему, [пр. разрушить t_i].’

²³ По контексту примера восстанавливается значение 2 л.

Направляется вывод о том, что система «Далимиловой Хроники» отражает диахронические процессы, затронувшие кластеризуемые местоимения в древнечешском языке.

- 1) Рефлексивная клитика *se* получает фиксированное место в Правиле Рангов (ранг 7), отличное от мест аргументных местоимений в вин. п. и дат. п.
- 2) Произошла частичная ротация аргументных местоименных клитик, причем новые, просодически тяжелые кластеризуемые местоимения к середине XIV вв. могли замещать не только новые клетки DAT2 и ACC2 (клетки 11–12 на правом краю Правилы Рангов), но и старые клетки DAT1 и ACC1 (ранги 5–6), которые в системе «Далимиловой Хроники» локализируются между AUX1 и REFL в левой части Правилы Рангов.
- 3) Синтаксической сферой действия кластеризуемых местоименных клитик, в отличие кластеризуемых связок и частиц, была не отдельная клауза, а полипредикатный комплекс, что подтверждается значением параметра Clitic Climbing.

15.2.4. Правила начальной составляющей

Как отмечено в гл. 10, в славянских языках зафиксировано шесть типов базисов кластеризуемых клитик, которые могут стоять после:

- A. Первой ударной словоформы.
- B. Первой полной составляющей.
- C. Начальной проклитики.
- D. Подчинительного союза.
- E. Фразы-цитаты.
- F. Сентенциальной составляющей, не являющейся цитатой.

В корпусе «Далимиловой Хроники» представлено 4 из них – опции A, B, D, F. Опция C – постановка цепочек/кластеризуемых клитик после начальных проклитик не представлена, по крайней мере, примеров клитизации цепочек к начальным соединительным союзам нет. Опция E тоже не представлена, но это может быть связано с особенностями самого текста. Опция F проиллюстрирована выше, см. пример (19).

Для славянских языков, как отмечено в гл. 3, нормой является сочетание базисов A/B в главных клаузах и D в зависимых клаузах с подчинительным союзом (Comp). Это позволяет представить в качестве универсального первичного базиса кластеризуемых клитик X/XP – Comp. Фактором нестабильности древнечешской системы клитик являются разные настройки параметров, разрешающих выбор начальных категорий предложения, служащих просодическими хозяевами клитик.

- Общеславянские кластеризуемые частицы (*že, li, ti*) не могут стоять после начальной группы, состоящей из двух и более фонетических слов $*[_{XP} W^1, W^2, \dots W^n] - CL_{PART}$ в то время как кластеризуемые местоимения и связки могут.
- Это обуславливает варьирование порядков с разрывом и без разрыва начальной составляющей $[_{XP} W^1, W^2, \dots W^n] - CL_{PRON/AUX} \sim [_{XP} W^1 = CL_{PRON/AUX} \dots W^2 \dots W^n]$.

Как и в предыдущих главах, будем называть параметр, разрешающий постановку цепочек/одиночных кластеризуемых клитик после первой полной группы клаузы *Правилем Сложной Составляющей (ПСС)*, а параметр, разрешающей разрыв начальной группы клаузы цепочками/одиночными кластеризуемыми клитиками – *Правилем Разрыва Составляющих (ПРС)*. Параметры ПРС и ПСС действуют на одни и те же типы начальных групп – ИГ, Количественные Группы (QuantP), Группы Вопросительного Слова (WhP), Сочиненные Группы (CoP), что обуславливает варьирование, см. примеры (27a) и (27b) из одного и того же абзаца.

ПРС

- (27a) др.чеш. [_{NP} **Obyčejě** [_{СДР} =sě] **zlého**] **přijímáchu** a dobrého nic **netbáchu**. (Dal, kap. 98)
 ‘Они набрались дурных обычаев, а ничего хорошего не восприняли’.
 букв. ‘[_{NP} **обычая**=ся.. **дурного**] **набрали**...’

ППС

- (27b) др.чеш. Ale [_{PP} **ot** [_{PP} **zlého nečestného obyčejě**]= **sě přijeti**]. (Dal, kap. 98)
 ‘Но набраться от дурных нечестных обычаев’.
 букв. ‘но [_{PP} **от** [_{NP} **дурного нечестного обычая**]] =ся **набрать**’.

Клаузы с ПРС иллюстрируются также следующими примерами (28)–(29).

- (28) др.чеш. [_{PP} **z** [_{WHP} **které** [_{СДР} =nem] **země**]] **radíš** kněze **vzieti**. (Dal, kap. 3)
 ‘Из которой земли ты велишь нам взять князя?’
 букв. ‘[_{PP} **Из** [_{WHP} **которой**] [_{СДР} =нам] **земли**] **вслишь** князя **взять**?’
- (29) др.чеш. **Aby** **bliz** **les nebyl**, [_{QP} **ijeden** [_{СДР} =by=byl] **z mužův**] **nezbyl**. (Dal, kap 11)
 ‘Кабы рядом не было бы леса, никто бы из мужиков не выжил’.
 Букв. ‘[_{QP} **и.один**] [_{СДР} =бы=был] **из мужиков**] **не.выжил**’.

Типологически редкий случай, когда в результате действия параметра ПРС клитика присоединяется не к первому фонетическому слову разрываемой начальной группы клаузы, демонстрирует пример (30). Впрочем, форма *knězě* в данном примере могла атонироваться, в этом случае исключение является мнимым.

- (30) др.чеш. [_{PP} **v** [_{NP} **knězě Jaromírovu** [_{СДР} =sě] **řěč**]] **uváza**. (Dal, kap 51)
 ‘Он поддержал дело (букв. речь) князя Яромира’.
 ‘букв. [_{PP} **в** [_{NP} **князя Яромирову** [_{СДР} =ся] **речь**]] **ввязал**’.

Имеется определенная корреляция между длиной начальной группы, состоящей из нескольких фонетических слов, и выбором базового порядка [_{XP} W¹, W², ... Wⁿ] – CL_{PRON/AUX}, порождаемого правилом ПРС: по достижении определенного порогового значения часто порождается производный порядок с Барьером и перемещением глагола на второе место от начала клаузы: {^{BARRIER}[_{XP} W¹, W², ... Wⁿ]} – V – CL. Вместе с тем, длина начальной группы и количество фонетических

слов в ней не является в системе «Далимиловой Хроники» автоматическим фактором для перемещения глагола, так в древнечешском языке для кластеризуемых связок и местоимений действовал параметр, разрешавший постановку цепочек и одиночных кластеризуемых клитик после первой полной группы клаузы, ср. примеры постановки клитик после начальных тяжелых (т. е. состоящих из двух или более фонетических слов ИГ, ПГ, Количественных и Сочиненных групп):

ИМЕННАЯ ГРУППА

- (31) др.чеш. а. [_{NP} **Kněz český**] = *sě* na Uhry vrátí. (Dal, kap. 85)
 [_{NP} **Князь чешский**] = *ся*.CL.REFL на угров поворотил.
 ‘Чешский князь обратился против венгров’.
- б. *Když skrzě Medulán jedieše*, [_{NP} **mediolánská obec**] = *ji* [_{VP} [_{IP} zabiti t]_{chtieše}]. (Dal, kap. 49)²⁴
 ‘Когда сквозь Милан ехали, [_{NP} **миланская община**]’ = *ее*.CL.ACC.SG.F. <дружину> [_{VP} [_{IP} забить t]_{хотела}’.
- с. [_{NP} **Ta túha**] = *sě* sta den svatého Rufa u pátek. (Dal, kap. 86)
 [_{NP} Та беда] = *ся*.CL.REFL. случила в день святого Руфа в пятницу.
 ‘Это несчастье случилось в пятницу, день святого Руфа’.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРУППА

- (32) др.чеш. а. [_{Quantif} **Sto tisícov stříbra**] = *jim* hřiven rozděli. (Dal, kap. 48)
 [_{Quantif} **Сто тысяч серебра**] = *им*.CL.DAT.PL. гривен разделил.он.
- б. *Vlaši kněže u věži vsadichu* a [_{pp} za [_{Quantif} **sedm let**]] = *jej* hladem a smradem mučichu. (Dal, kap. 60)
 ‘Влахи (итальянцы) князя в башню (тюрьму) посадили и [в течение семи лет] = *его*. CL.ACC.SG.M. голодом и смрадом мучили’.

СОЧИНЕННАЯ ГРУППА

- (33) др.чеш. *Jiní, ot kněže vidúce, kde-ž uzřiechu Němce jdúce, jako na vlka vyzvoláchu*, [_{Cor} **uši a nosy**] = *jim* řezáchu. (Dal, kap. 68)
 ‘Иные, видя настроение князя <букв. ..от князя видя>, где увидят, как идут немцы, как на волка на них напускались, [_{Cor} **уши и носы**] = *им*.DAT.PL. резали’.

Можно сделать общий вывод о том, что кластеризуемые клитики в системе «Далимиловой Хроники» не обладают совокупностью единых для всех них про-содических и синтаксических свойств, что подтверждает предсказание, сделанное для цепочек клитик в гл. 5.

²⁴ Клитика вин. п. ед. ч. ж. р. = *ji* в данном примере подверглась операции Clitic Climbing и была извлечена из вставленного инфинитивного оборота в матричное предложения, где она стоит после начальной группы клаузы.

	Просодический тип	Правила Начальной Составляющей	Синтаксическая область
Старые частицы: <i>že, li, ti</i> ₁	строгие энклитики	+ ПРС	клауза
Местоимения	универсальные клитики	+ ПРС, + ПСС	полипредикатный комплекс
Связки	универсальные клитики	+ ПРС, + ПСС	клауза
Новые частицы: <i>tu, tám, rak</i>	универсальные клитики/ полуклитики	+ ПРС, +ПСС	клауза

РИС. 4. Параметры описания кластеризуемых клитик в языке «Далимиловой хроники»

15.2.5. Правила Барьера и перемещение глагола

Правила Барьера порождают производные порядки слов в языках с кластеризуемыми клитиками, где все или часть клитик цепочки оказывается вне канонической позиции кластеризации в результате действия некоторого синтаксического правила – вставки категории предложения, имеющей свойства Барьера, см. гл. 2 и 11 выше. В языке «Далимиловой Хроники» встречается большинство типов Барьера, выделенных нами ранее на материале других славянских языков. Напомним, что общая таксономия Барьеров такова:

- Обязательные vs факультативные Барьеры.
- Лексические vs нелексические Барьеры.
- Грамматикализованные vs коммуникативные Барьеры.
- Кумулятивные Барьеры (два или более Барьера действуют как единичный Барьер) vs привативные Барьеры (добавление второго Барьера отменяет действие первого Барьера).
- Слепые Барьеры (действуют на все клитики в цепочки) vs селективные Барьеры (действуют на некоторые клитики цепочки и разрывают ее).

Лексический Барьер – материально выраженный элемент предложения, вершина или целая группа. *Нелексический Барьер* – характеристика участка предложения, отвлеченная от лексических, а иногда и синтаксических, характеристик заполняющих его элементов. *Грамматикализованный Барьер* – либо лексическая вершина, либо группа, либо характеристика участка предложения, присутствие которых или заполнение которых влияет на позицию клитик. Грамматикализованными являются все типы Барьеров, чье воздействие на позицию клитик определяется формой, а не коммуникативной семантикой. Свойства грамматикализованных Барьеров не зависят от конкретного предложения, в котором они присутствуют. *Коммуникативные Барьеры* – это составляющие, влияющую на позицию клитик не благодаря своим структурным свойствам, а благодаря выражаемой ими в конкретном

предложении коммуникативной семантике. Наиболее интересны факультативные коммуникативные барьеры, которые не действуют автоматически, но зависят от коммуникативной семантики или иных факторов дискурсивного плана.

Для языка «Далимиловой Хроники», кроме того, уместно выделять Барьеры Главного (см. гл. 11) и Барьеры Придаточного Предложения (см. гл. 12). Барьеры Главного Предложения порождают порядок {BARRIER} – V – CL, а Барьеры Придаточного предложения порождают порядки, где цепочки/кластеризуемые клитики/цепочки отделены от подчинительного союза (Comp) некоторой категорией Y: Comp – {Y} – CL.

- Параметр контактного расположения цепочек клитик и глагола не играет роли в предложениях с базовым порядком слов #X/XP – CL...V, однако контактный порядок [V – CL] часто возникает за счет перемещения глагола (verb movement) в производных предложениях с Барьером Главного Предложения.
- Барьеры Главного Предложения основаны на передвижении глагола в позицию перед клитиками.
- $X/XP - CL... V > \{BARRIER [X X]\} V_i - CL \dots t_i$,
- Барьеры Придаточного связаны со вставкой элементов предложения между узлом Comp и клитиками Comp [YP] – CL.
- Имеется ряд промежуточных случаев – Барьеры Главного Предложения без перемещения глагола (по крайней мере, на поверхностном уровне).
- Выделяются селективные Барьеры, действующие на определенные клитики и выносящие их из цепочки.

Длинные начальные группы из нескольких фонетических слов часто выступают в качестве коммуникативных Барьеров.

- (34) др.чеш. [^{BARRIER}_{TopP}[_{PP} **От Čech až právě do Hlohova**];] *neslyšal=by=byl* polského slova. (Dal, кап. 44)
 ‘[^{BARRIER}_{TopP}[_{PP} **От Чехии до самого Глогова**];] не было бы слышно польского слова.’ (букв. От Ч. до Г. не слышал=бы=был...).

С другой стороны, эффект Барьера Главного Предложения (с перемещением глагола в позицию перед клитиками) наблюдается и в клаузах, где Барьером является группа, состоящая из единственного, часто короткого, фонетического слова. Тем самым, решающим фактором в механизме коммуникативного Барьера в древнечешском языке является не просодия (число фонетических слов в начальной группе, число слогов в первом фонетическом слове и т. п.), но коммуникативная перспектива высказывания, т. е. соотношение между формальными и коммуникативными составляющими и порядок линеаризации последних.

Обоснованная в гл. 13 гипотеза о том, что Барьеры Главного Предложения предполагают перемещение глагола в позицию перед клитиками и создание конфигурации [XP] – V_i – Cl...t_i, подтверждается материалом, однако не во всех клаузах с коммуникативным начальным Барьером кластеризуемым клитикам предшествует именно глагол, т. е. перемещение глагола в клаузах с Барьером главного предложе-

ния является факультативной, а не обязательной операцией. Поверхностное перемещение глагола в клаузах с начальным коммуникативным Барьером, имеющим статус темы, может быть частным случаем предположительно более универсальной операции – перемещения рематического элемента влево.

Вероятные рематические элементы перед клитиками

Коммуникативным Барьером может быть как начальная группа из нескольких фонетических слов, так и группа из одного фонетического слова.

- (35) др.чеш. Neb [^{BARRIER} {_{TOPP} [_{NP} jejie písafi]}] **nevelmi**=*sú* snažni **byli**. (Dal, пролог)
 ‘Либо [^{BARRIER} {_{TOPP} [_{NP} ее писари]}] **не шибо** = AUX.3PL ловки **были**’.
- (36) др.чеш. [^{BARRIER} {_{TOPP} [ty]}] **šlechetně** =*sú* toho ciesaře **pobily**. (Dal, kap. 11)
 ‘[^{BARRIER} {_{TOPP} [Те]}] **доблестно** =AUX.3PL. того императора **побили**’.

Подтверждением того, что древнечешский язык использовал сдвиг рематического элемента влево, служит, например, вынос рематического элемента левее глагола (Left Focus movement) в клаузе без клитик:

- (37) др.чеш. neb [_{NP} ten moc]=*jeho* všecku] **vědieše** a [_{PP} v jeho vojscě] **přátely**, **jmějieše** t.
 (Dal, kap. 86)
 ‘Либо [ту мощь] =*его* всю] **видели**, и [в его войске] **друзей**, **имели** t.’.

Механизм Барьера Придаточного иллюстрирует пример (38), где между подчинительным союзом и клитикой вклинивается группа подлежащего, которую можно трактовать как вставленный топиальный Барьер:

- (38) др.чеш. [_{CP} že {_{TOPIC} [_{NP} **múďří**]}]=*sú* za příslovie **jměli**]. (Dal, kap. 9)
 ‘что {_{TOPIC} [_{NP} **мудрые**]}=3л. ед.ч. за присказку **имели**’.

В примере (38) перемещение глагола не имеет места, а перемещенным элементом можно признать подлежащее *múďří*, хотя такое объяснение может показаться натяжкой, поскольку древнечешский язык имеет порядок SV: пример демонстрирует конфликт двух факторов – порождать базовый порядок SV, где подлежащее стоит перед финитным глаголом, и порождать порядок Comp – Cl, где кластеризуемая клитика стоит непосредственно после подчинительного союза. То, что перемещение подлежащего в предфинитную позицию реально может повлечь за собой перемещение глагола, показывает пример (39), который фактически реализует механизм Главного Предложения, хотя и в составе придаточного. При этом внимательный разбор обнаруживает в примере (39) еще одно перемещение – клитика *mě*, отодвигаемая Барьером на шаг вправо, сама попадает в состав вышестоящей клаузы (придаточного) из вставленного инфинитивного оборота благодаря параметру Clitic Climbing.

- (39) др.чеш. [_{CP} že {_{TOPIC} [_{NP} **vy lovci**]}] **chcete**=*mě* t_i [_{IP} zabiti t_j]?) (Dal, kap. 55)
 ‘[_{CP} что {_{TOPIC} [_{NP} **вы, ловцы**]}] **хотите**=*меня*.вин. п. ед.ч. t_i [_{IP} забить t_j]?’.

Примеры типа (39) показывают, что в древнечешском языке не было полной структурной асимметрии главного и придаточного предложения в плане синтаксиса клитик: отголоски этого положения прослеживаются и в современном чешском языке, что отмечено выше в гл. 12. Пример поучителен еще тем, что он демонстрирует, как разные виды перемещений элементов предложения верифицируют друг друга и указывают вероятный алгоритм линеаризации предложения:

- (1) Местоименная клитика *mě* благодаря параметру Clitic Climbing извлекается из состава зависимого оборота и перемещается в вышестоящую клаузу (придаточное предложение), в позицию кластеризации.
- (2) В позицию после подчинительного союза перемещается коммуникативно выделенное топиальное подлежащее $\{_{\text{TopicP}} [_{\text{NP}} \text{vy lovci}]\}$, что вызывает эффект Барьера.
- (3) В позицию перед клитикой перемещается финитный глагол *chcete*, что дает порядок $\{_{\text{TopicP}} [_{\text{NP}} \text{vy lovci}]\} \text{chcete}_i = m\check{e}_j t_1 \dots t_1^{25}$.

Подытоживая раздел, можно заключить, что Правила Барьера в древнечешской системе «Далимиловой Хроники», с одной стороны, имеют формально-синтаксический аспект и поддаются интерпретации в терминах перемещения – перемещения глагола и клитик в клаузах с Барьером взаимосвязаны, с другой – имеют коммуникативную мотивацию и связаны с Линейно-Акцентными преобразованиями, в первую очередь, с топиализацией и с выносом носителя рематического акцента влево (Left Focus Movement), т. е. с механизмами, которые характерны не только для языков с кластеризуемыми клитиками.

15.2.6. Выводы

Была рассмотрена система линеаризации клитик в раннем древнечешском языке на материале корпуса «Далимиловой Хроники» (нач. XIV в.). В данном памятнике четко восстанавливается Правило Рангов кластеризуемых клитик (Clitic template), включающее клитики трех основных таксономических категорий – Частицы (Particles), Местоимения (Pronouns) и Связки (Auxiliaries). Исключение частиц из древнечешского Правила Рангов не обосновано, блок старых частиц, унаследованных из праславянского состояния, стоит с левого края Правила Рангов. Следует признать существование эпистемической кластеризуемой частицы t_1 , отличной от формы дат. п. t_2 , также являющейся клитикой – данные формы занимают разные клетки (slots), как и в древненовгородском Правиле Рангов. Древнечешский язык

²⁵ Данный сценарий, основанный на презумпции о том, что для стабильных W-систем, примером которых является древнечешский язык, начальным шагом синтаксической деривации всегда будет порождение базового порядка X/XP/Comp-CL в предложении, где есть кластеризуемые клитики, не является единственно возможным. В формальных моделях, использующих понятие перемещения (movement), возможны и другие решения. Так как пример (39), все-таки, демонстрирует сбой деривации (механизм Барьера Главного Предложения в зависимой клаузе), можно допустить, что перемещение тематического подлежащего происходит до извлечения клитики из зависимой предикации.

является W_2 -системой в терминах [Циммерлинг 2012a], т. е. такой системой порядка слов с цепочками клитик уровня предложения (clause-level clitics), имеющими фиксированное положение относительно левой границы клаузы, где хозяевами клитик могут быть группы (XP, maximal projections).

Древнечешское Правило Рангов с оговорками может быть отнесено к западнославянскому ареальному типу, основной мишенью для связочных клитик является позиция AUX1, стоящая левее блока кластеризуемых местоимений. Вместе с тем, есть дополнительная позиция AUX2 правее блока кластеризуемых местоимений и клетки частиц *tu, tam, pak*. Кластеризуемые местоимения дат. п. и вин. п. имеют по две клетки – левее клетки возвратного местоимения (DAT1, ACC1) и правее возвратного местоимения и клетки AUX2 (DAT2, ACC2). Клетки DAT2, ACC2 чаще заполняются просодически более тяжелыми формами, но однозначного соответствия между сегментным составом/просодией кластеризуемых местоимений и их местом в Правиле Рангов нет. Анализ подтвердил, что Правило Рангов языка «Далимиловой Хроники», несмотря на значительную длину (12 клеток) и просодическую и синтаксическую неоднородность кластеризуемых клитик, стабильно и без сбоев упорядочивает цепочки клитик, что является теоретически важным результатом. При этом наличие клеток сравнительно низкочастотных клитик рангов 8 (местоимение *to*) и 9 (поздние частицы-клитики *tu, tám, pak*) важно для стабильного функционирования системы, так как наличие в цепочках клитик рангов 8 и 9, а также рефлексивных клитик ранга 7 позволяет непротиворечиво охарактеризовать позиции кластеризуемых связок (клетки AUX1 и AUX2) и аргументных местоимений дат. и вин. п. (DAT1/ACC1 ~ DAT2/ACC2). Вместе с тем, система «Далимиловой Хроники» имеет отчетливые признаки переходного синтаксического типа и отражает активно протекавшие диахронические тенденции: появление новых клеток Правила Рангов мотивировано появлением новых разрядов клитик, а закрепление особой клетки за рефлексивной клитикой в вин. п. связано с переориентацией системы с монопредикатной клаузы на полипредикатный комплекс. Фактором нестабильности древнечешской системы клитик являются разные настройки параметров, разрешающих выбор начальных категорий предложения, служащих просодическими хозяевами клитик. Общеславянские кластеризуемые частицы (*že, li, ti*) не могут стоять после начальной группы, состоящей из двух и более фонетических слов $*[_{XP} W^1, W^2, \dots W^n] - CL_{PART}$ в то время как кластеризуемые местоимения и связки могут. Это обуславливает варьирование порядков с разрывом и без разрыва начальной составляющей $[_{XP} W^1, W^2, \dots W^n] - CL_{PRON/AUX} \sim [_{XP} W^1 = CL_{PRON/AUX} \dots W^2 \dots W^n]$.

Древнечешские кластеризуемые клитики не имеют единой просодической характеристики: часть из них подчиняется закону Тоблера-Мусафии и может быть охарактеризована как строгие энклитики, а часть, включая формы связок – нет. Кластеризуемые клитики представлены в древнечешском в позиции после парентезы. Операция Clitic Climbing факультативна. Имеются примеры постановки кластеризуемых клитик непосредственно после правой границы синтенциальной составляющей. Параметр контактного расположения цепочек клитик и глагола не играет роли в пред-

ложениях с базовым порядком слов #X/XP – CL...V, однако контактный порядок [V – CL] часто возникает за счет перемещения глагола (verb movement) в производных предложениях с Правилами Барьера (Barrier rules). Выделяются несколько типов Правил Барьера – Барьеры главного предложения, основанные на передвижении глагола в позицию перед клитиками X/XP – CL... V > {BARRIER [_X X]} V_i – CL ..._t, Барьеры придаточного предложения, связанные со вставкой элементов предложения между узлом Comp и клитиками Comp [YP] – CL и ряд промежуточных случаев.

15.3. Древнерусская система духовных и договорных грамот XIII–XV вв.

Понятие «древнерусский период» применительно к синтаксическим системам не имеет однозначного определения. По отношению к памятникам древненовгородского диалекта релевантно различие раннедревнерусского (домонгольского) и позднедревнерусского периодов (начиная с середины XIII в.). В этом смысле рассматриваемые в данном разделе грамоты относятся к позднему древнерусскому языку. Язык грамот клиширован, и они могут частично отражать синтаксические нормы более раннего периода. Вместе с тем, стереотипность и шаблонность жанра, ориентация писца на предшествующий образец, с нашей точки зрения, в известной мере являются плюсом для лингвиста, поскольку дают возможность проследить варьирование микропараметров при воспроизводстве одних и тех же конструкций – такие черты, как выбор краткой местоименной энклитики vs ее полноударного дублета, выбор базового порядка слов vs производного порядка с Барьером и т. п. В той мере, в которой это варьирование поддается предсказанию на основе объяснительных моделей синтаксиса, оно дает ценный материал и для истории русского языка.

Для анализа мы выбрали издание (СГГД 1813), несмотря на его несовершенную систему передачи древнерусской графики. Мы сохранили проведенное в издании разграничение новгородских (написанных новгородцами или адресованными Великому Новгороду договорных грамот) и неновгородских (прежде всего – московских) грамот, хотя в наши задачи не входило создание синтаксических портретов новгородского и московского диалектов по корпусу данных грамот. В рамках данной работы мы скорее склонны воспринимать их как образцы наддиалектного позднедревнерусского синтаксиса, с локальными особенностями разных скрипториев. В плане синтаксических «новгородизмов» договорные грамоты Великого Новгорода 1265–1400 гг., по предварительному впечатлению, больше отличаются от современных им новгородских берестяных грамот, чем от московских грамот того же периода.

15.3.1. Правило Рангов

Правило Рангов для раннего древнерусского периода выведено А. А. Зализняком на основе эталонных памятников древненовгородского диалекта – берестяных грамот и эталонного памятника южнорусского диалекта – прямой речи персонажей в Ипатьевской летописи за XII в. [Зализняк 2008: 56–90]. Цель анализа А. А. Зализняка – показать, что оба диалекта изначально имели почти идентичные

Правила Рангов, за вычетом единичных отклонений – в корпусе берестяных грамот полностью отсутствует частица *бо* (ранг 3, по А. А. Зализняку), а в новгородских памятниках редко встречается частица *ти*₁ (ранг 4, по А. А. Зализняку). Действительно, памятников, где одновременно встречаются кластеризуемые частицы *бо* и *ти*₁, мало, а цепочки *бо=ти*₁ почти нет²⁶. В «Вопрошании Кириковым», написанном новгородским писателем Кириком в середине XII в. и сочетающем в себе элементы книжного и разговорного стиля, частица *=бо* встречается часто, при этом начальные группы из более чем одного фонетического слова неизменно разрываются вставкой *=бо* (параметр ПРС), см. (40).

(40) др.рус. [_{NP}Та [_{СIP}=*бо*] рота] *гоубить* землю сию. (Вопрош. Кир., И22²⁷)

В тексте Кирика несколько раз встретилась и частица *ти*₁, но лишь в одном контексте она бесспорно является свободным кластеризуемым синтаксическим элементом.

(41) др.рус. *есть=ли*, рече, то [г]рѣхъ? *есть=ти*₁, око[и] *помолча* (Вопрош. Кир., 20).
'А есть ли в этом, грех? – **Получается**, что вроде как есть <сказал X>'.
 * [_{PP} В [_{NP} свои *=бо=ть* женѣ]] *нѣтоу* грѣха ~ [_{PP} В [_{NP} свои женѣ]] *нѣтоу=бо=ть* грѣха, что вряд ли является случайностью.

В примере (42) встречаются одновременно и *бо*, и *ти*₁, но цепочки *бо=ти*₁ нету и здесь: *бо*, в соответствии с ожиданиями, разрывает начальную группу (параметр ПРС), а *ти*₁ присоединяется к предикату *нѣтоу*: это можно интерпретировать либо как эффект Барьера, либо как доказательство того, что в *нѣтоу=ть* частица *ти*₁ воспринималась Кириком уже не как свободная, а как лексикализованная связанная клитика, компонент эмфатического отрицания «нет». В любом случае, автор забраковал контактные порядки * [_{PP} В [_{NP} свои *=бо=ть* женѣ]] *нѣтоу* грѣха ~ [_{PP} В [_{NP} свои женѣ]] *нѣтоу=бо=ть* грѣха, что вряд ли является случайностью.

(42) др.рус. [_{PP} В [_{NP} свои *=бо* женѣ]] *нѣтоу=ть* грѣха. (Вопрош. Кир., И21)
'**Поскольку** в собственной жене, на самом деле, греха нет'.

Если для памятников раннедревнерусского периода одновременное выделение клеток *=бо* и *=ти*₁ выглядит возможным, хотя и необязательным решением, для памятников позднедревнерусского периода оно излишне. В просмотренных нами духовных и договорных грамотах XIII–XV вв. ни та, ни другая энклитика в качестве свободного кластеризуемого элемента вообще не встретилась²⁸. Так или иначе, левая часть позднедревнерусского Правила Рангов в выбранном нами корпусе памятников может быть сокращена с пяти клеток до трех, заполняемых частицами *же*, *ли*, *бы*. Цепочек, где одновременно стояли бы аргументное местоимение в

²⁶ А. А. Зализняк [ук. соч.: 31] приводит только один бесспорный пример из «Жития Феодосия»: *сице=бо=ти*₁ *бѣ* тѣщание блаженааго и доуховнааго оца нашего Феодосиа. (Феод. 42в.)

²⁷ Номер указывает на главу памятника, а буквы С и И – на т. н. Саввины и Ильину главы.

²⁸ Что не означает, разумеется, что их не было вообще в идиолектах писцов, поскольку договорные и духовные грамоты отражают не все регистры употребления языка.

вин. п. и рефлексивное местоимение =ся, нет, поэтому постулировать для рефлексивов отдельную клетку Правила Рангов не нужно. Парадигма спрягаемых клитик опатива не достраивается, клетка частицы *бы* не притягивает к себе формы связок опатива и индикатива, что является характерной чертой Древненовгородского/древнерусского ареального типа Правила Рангов, как указано в гл. 9. Другой характерной чертой Древненовгородского/древнерусского ареального типа Правила Рангов является отсутствие связок 3 л. презенса индикатива глагола «быть»²⁹. В то же время, новые формы связочных клитик, вовлекаемые в Правило Рангов позже, имеют ненулевые формы 3 л. А. А. Зализняк полагает, что словоформы *быль*, *были* к концу древнерусского периода еще не стали полноценными клитиками [Зализняк 2008: 40], но в 9.3.2 мы привели аргументы в пользу того, что не только связки плюсквамперфекта *быль*, *были*, но и связки буд. вр. *будеть*, *будеши* в конструкции с причастием на -ль уже были кластеризуемыми элементами в корпусе духовных и договорных грамот Великих Князей XIII–XV вв. При этом связки буд. вр. попадали в ту же клетку AUX2, что формы 1–2 л. презенса индикатива, а связки прош. вр. создали дополнительную позицию AUX4 на правом краю Правила Рангов.

Итак, восстанавливается Правило Рангов из трех непересекающихся блоков Part (частицы), Pron (местоимения) и Aux (связки) и всего семи клеток. Примеры со связочными клитиками рангов 6, 7 уже приведены выше в 9.3.1.

Part			Pron		Aux	
1	2	3	4	5	6	7
же	ли	бы	DAT	ACC/REFL	AUX2	AUX4
<i>же</i>				<i>ся</i>		
<i>же</i>					<i>будеть</i>	
		<i>бы</i>		<i>ся</i>	<i>еси</i>	
			<i>ти</i>	<i>ся</i>	<i>есмь</i>	<i>был</i>
			<i>ти</i>	<i>ся</i>	<i>будеть</i>	
				<i>мя</i>	<i>еси</i>	
				<i>тя</i>	<i>есмь</i>	
			<i>вы</i>	<i>ся</i>		
				<i>ся</i>	<i>есмь</i>	
					<i>есме</i>	<i>быль</i>

РИС. 5. Правило Рангов позднего древнерусского периода (по данным духовных и договорных грамот Великих Князей сер. XIII–XV в.)

²⁹ Та же черта, напомним, характерна для современного словацкого языка и карпатоукраинских диалектов.

³⁰ Цепочки с частицей *ли* в просмотренном материале не встретились, но представлена одиночное =*ли* в качестве элемента уровня предложения. Материал других древнерусских памятников того же периода не дает оснований сомневаться в принадлежности др.рус.

По просодической ориентации все клитики первых пяти рангов являются строгими энклитиками. В клаузах с парентетическими вставками клитики неизменно стоят до парентез, а не после них, ср. др.рус А мы=*ти=ся*, #господине княже#, клянясь. (СГГД, № 1, 1265), варианты типа * А мы, #господине княже# =*ти=ся* клянясь, где парентеза вклинивается между словоформой-хозяином и клитикой, не встретились ни разу³¹. Противоречащих этому параметру примеров со связочными клитиками рангов 6, 7 в просмотренном корпусе тоже нет, хотя поздние клитики буд. вр. и прош. вр. должны были иметь несколько иные просодические свойства.

15.3.2. Правила Начальной Составляющей

Нормой для описанной системы является разрыв начальной группы, состоящей более чем из одного фонетического слова (параметр ПРС): [_{XP} W¹= CL ... W² ... Wⁿ]. Постановка клитик после первой полной составляющей (параметр ПСС) новгородской части корпуса не встретилась ни разу, а в неновгородской порядок [_{XP} W¹, W², ... Wⁿ] – CL встретился по разу в грамотах московского и рязанского князей.

(43) др.рус. Суженое не посужати, суженое положеное дати; [_{NP} **холопа, робу, должника, поручника, татя, розбойника, душегубца**]=*ны* выдати по исправе. (СГГЯ, №, 32, 1381)

(44) др.рус. [_{PP} **На** [_{NP} **семь на всемь**]] =*есмы* целовали крестъ межи собя, по любви, безъ хитрости. (СГГЯ, №, 37, 1405)

Правило ПРС, вероятно, разрывало все начальные группы более чем из одного слова (кроме Предложной Группы), но в корпусе представлены примеры разрыва ИГ (в том числе, вложенных в ПГ и Сочиненные Группы), Сочиненных Групп (CoP) и Групп Вопросительного Слова (WhP). Что касается набора самих клитик, разрывающих начальные группы, в корпусе нет примеров, где начальные группы разрываются связками, что может объясняться как небольшим объемом корпуса, так и другими факторами.

(45) др.рус. А [_{PP} въ [_{NP} **твой=ми удѣль**]] данниковъ своихъ и приставовъ не всылати; (СГГД, № 27, 1362).

(46) др.рус. [_{WhP} **сыну=ли которому**] дасть, по души=*ли* дасть; а **дѣти мои въ то** не въступают=ся. (СГГД, № 34, 1389).

(47) др.рус. А [_{PP} **ись** [_{NP} **Коломенскихъ**]=*же* [_{PP} **изъ** [_{NP} **моихъ сель**]] мои Княгинѣ Оглоблино... (СГГД, № 38, 1405)³²

ли к числу кластеризуемых клитик или постулировать для него иное место в Правиле Рангов.

³¹ То же самое характерно и для более ранней системы «Вопрошания Кирикова», ср. др.рус. Достоит=ли, #рече#, испрати платъ иже-то лежить на трапезѣ согбеный (Вопрош. Кир, 63).

³² В примерах (47) и (52) имеет место повтор вершины предложной группы, т. е. самого предлога, что затрудняет упрощенную нотацию группы при помощи скобок. Мы

- (48) др.рус. А [_{NP} **численыхъ=ны людии**] блности съ одного; (СГГД, № 35, 1389).
 (49) др.рус. А что слобода противъ Боровска, [_{NP} **та=ны слобода**] свести; (СГГД, No. 35, 1389).

Стандартная вставка клитики в Сочиненную Группу представлена в примере (50).

- (50) др.рус. А [_{CoP} **вывода=ны и рубежа**] межѣ собѣ не замышляти; а кто замыслитъ, того выдати по справе. (СГГД, № 32, 1381)

В примере (51) из грамоты 1368 г. в двух соседних клаузах кластеризуемое местоимение *ти₂* (повторенное писцом) разрывает Сочиненную и Именную Группы, вторая из которых является вложенной:

- (51) др.рус. А [_{CoP} **къ Ольгерду=ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ и къ его братаничемъ**] целованье сложити, а [_{CoP}[_{NP} **мытовъ=ти новыхъ**] и пошлингъ] не замышляти. (СГГД, № 28, 1368)

В той же грамоте находим пример, где название Новгорода трактуется как группа [_{NP} *Новыи Городъ*], которая разрывается по правилу ПРС. Дополнительный интерес для синтаксиста пример представляет тем, что данная ИГ вложена в Сочиненную Группу [_{CoP} [_{NP} *Новыи Городъ*] и *Торжскъ*]], которая, в свою очередь, вложена в Предложную Группу [_{CoP} съ [_{NP} *Новымъ Городомъ*] и *Торжскомъ*]].

- (52) др.рус. А [[_{PP} съ [_{CoP} [_{NP} **Новымъ=ти городомъ**] и *pp* съ **Торжскомъ**]]] жити въ старинѣ и въ миру. (СГГД, № 28, 1368).

15.3.3. Правила Барьера

В просмотренном корпусе Правила Барьера используются весьма широко и влияют на клитики всех трех блоков – кластеризуемые частицы, местоимения и связки. Преобладает механизм Барьера Главного Предложения, с перемещением глагола в позицию перед клитиками при наличии в клаузе категории-Барьера: {BARRIER} – V – CL. Барьеры Главного Предложения часто используются, если клауза открывается начальной группой из нескольких фонетических слов: альтернативой, как было указано в предыдущем параграфе, является разрыв начальной группы по правилу ПРС. В корпусе есть контексты, где в пределах одной группы грамот при реализации одной и той же конструкции (например, при повторе формулы договора) возникает варьирование и порядки с Барьером и ПРС конкурируют друг с другом. Так, например, в двух договорных грамотах князя Михаила Александровича Тверского с Новгородом, от 1270 и 1295 гг. (СГГД, № 4–5), несколько раз повторяется следующий пункт договора – см. (53a) и (53b). В грамоте

предпочли не отмечать скобками, что повтор предлога разрывает группу, вложенную в ПГ, но отметили повторное вхождение предлога нижним индексом.

1270 г. писец прибег к Правилу Барьера и сохранил ИГ [_{NP} **тѣ всѣ**], поставив глагол *отступити* (=ся) на второе место в клаузе. В грамоте 1295 г. всплывает тот же пункт, но на сей раз писец прибег к ПРС и разорвал группу, вставив в нее цепочку клитик =*ти*=ся.

(53) др.рус. новг.

БАРЬЕР

а. А кто=*будеть* закладень позороваль ко мнѣ, а жива въ Новгородской волости, [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{NP} **тѣхъ всѣхъ**]}] отступилъ=ся=*есмь* Новугороду. (СГГД, № 4, 1270)

ПРС

б. А кто=*будеть* закладень позороваль **къ тобѣ**, а жива въ Новгородской волости, [_{NP} **тѣхъ** = *ти*=ся **всѣхъ**] отступити Новугороду. (СГГД, № 5, 1295)

Как и в системе «Далимиловой Хроники», длина начальной группы не является автоматическим фактором для применения Правила Барьера: начальные группы клаузы из двух и более фонетических слов могут быть разорваны по правилу ПРС, что наглядно показывает предыдущая пара примеров, между тем как в роли Барьера может выступать и категория предложения, представленная единственным фонетическим словом, как в первой клаузе примера (54).

(54) др.рус. А что, #княже#, [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{NP} **грамоты**]}] посудилъ=*еси* отца своего и брата своего, а [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{NP} **свое грамоты**]}] подаять =*еси* на ты грамоты; ты грамоты отымати, а старые оправливати. (СГГД, № 3, 1270).

Барьеры в клаузах с Left Focus Movement.

Еще одно сближение с системой «Далимиловой Хроники» состоит в том, что в позицию перед клитиками при Барьере Главного Предложения может перемещаться не только глагол, но и рематический элемент. Данный ресурс реализуется нечасто, ср., однако, примеры (55) и (56), где, по-видимому, возникает следующее соотношение коммуникативной и формально-синтаксической структур:

Барьер (Выделенная тема предложения) – Компонент Глагольной Группы (перемещенный носитель рематического акцента) – Клитики (акцентно подавленная вторая тема) – Остающаяся часть Глагольной Группы (несобственная часть ремы).

(55) др.рус. новг. А [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{PP} до [_{NP} Владыкы отча нашего]]}] **гнѣва**₁ =*ти* не держати ₁. (СГГД, № 3, 1270).

(56) др.рус. и [^{BARRIER} {_{TopicP} [_{PP} на Имоловолозьскомъ погосте]]}] **куны**=*ти* имати ₁ и на Важаньскомъ. (СГГД, № 39, 1406).

Если наш анализ верен, и древнерусские примеры с (55–56), а также близкие древнечешские примеры (35–37) действительно порождаются за счет перемещения рематического элемента сказуемого левее управляющей глагольной вершины, данная разновидность Правила Барьера порождает «картографическую конфигу-

рацию» с позициями выделенной темы (Topic) и акцентоносителя ремы (Focus Proper), предшествующей позиции клитик и предикатной вершины, которую универсалисты постулируют для разных языков с ограничениями V2 и Cl2, см. выше обсуждение в 6.4.3. (для языка кашмири) и гл. 12.

	Topic	Focus Proper	T _{wack}	[Focus]	Afterthought
Формально-синтаксический статус	Барьер	Перемещенный влево элемент	CL	[_{VP} ...]	Адьюнкт
др.рус.	До владыки отча нашего	гнѣва _i	= <i>mi</i>	не <u>держати</u> t _i	
др.рус.	на Имоловольскомъ погосте	куны _i	= <i>mi</i>	<u>имати</u> t _i	и на Важанскомъ
др.чеш.	ty	šlechtně _i	= <i>sú</i>	toho ciesařě <u>pobily</u> t _i	
др.чеш.	a v jeho vojscě	přátely _i		<u>jmějieše</u> t _i	

РИС. 6. Картография предложения в клаузах с коммуникативным Барьером и перемещением рематического элемента

Множественные Барьеры. В клаузах более чем с одним коммуникативным Барьером перемещение глагола было менее регулярным. Материал не дает однозначного ответа, какое значение параметра «Множественный Барьер» было характерно для позднерусской системы – **кумулятивный Барьер** (два и более Барьера трактуются как один Барьер, что, в частности постулирует А. А. Зализняк для раннедревнерусского состояния, ср. [Зализняк 1993: 286], либо **привативный Барьер** (второй Барьер отменяет действие первого), что, как мы показали в настоящей книге в гл. 11 и 14, характерно для нескольких современных славянских языков, включая идиолекты словацкого и сербохорватского языков. Механизм привативного Барьера в древнерусский период явно не был грамматикализован, тем не менее, эволюция в данном направлении была возможна, что показывают два примера из грамоты 1368 г. Вариант без Clitic Climbing и без извлечения рефлексивной клитики =ся из состава вложенной нефинитной клаузы показывает пример (57).

- (57) др.рус. <А кто Боярь и слугъ отъехалъ отъ насъ к тобѣ или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ во Великомъ Княженъи, или въ твоиѣи вотчинѣ во Тффри>, [BARRIER₁ {_{TopicP} [PP **въ ты села**]}] (1) [BARRIER₂ [{_{TopicP} [Cop **намъ и тобѣ**]}] (2) [BARRIER₃ {[_{NegP} **не**]}] (3) въступати=ся. (СГТД, № 28, 1368)

В примере (58), однако, Clitic Climbing имеет место, и в той же конструкции с отрицанием и двумя коммуникативными Барьерами клитика *ся* извлекается в главную клаузу и присоединяется к правой границе второго Барьера, что можно

истолковать как эффект привативного Барьера, см. аналогичные примеры в сербохорватском языке в гл. 11.

- (58) др.рус. <А что **Ивановы** села **Васильевича** и **Нѣкоматовы**>
 $[^{BARRIER1}_{TopicP} \text{ а } [_{PP} \text{ вь ты села}]] [^{BARRIER2}_{TopicP} \text{ тобѣ}]] = \text{ся не вьступати,}$
 а имь не надобѣ, тѣ села **миѣ**. (СГТД, № 28, 1368)

Стандартный пример на значение «кумулятивного Барьера», где сочетание двух коммуникативных Барьеров не блокирует перемещение глагола, обнаруживается в той же самой грамоте.

- (59) др.рус. <на кого помолвить>, $[^{BARRIER1}_{TopicP} [_{NP} \text{ виноватыи}]] (1) [^{BARRIER2}_{TopicP} [_{TopicP} [_{PP} \text{ передь правымь}]]] \text{ поклонит} = \text{ся, а взятое отьдасть.}$ (СГТД, № 28, 1368)

Можно сделать вывод о том, что если бы русский язык сохранил кластеризуемые клитики и параметр Множественного Барьера, система клитик позднерусского периода оставляла возможность эволюции в разных направлениях.

15.3.4. Копирование клитик

В данной книге защищается тезис о том, что копирование клитик (Clitic Copying) является разновидностью синтаксического перемещения, при котором в исходной позиции сохраняется не след перемещения (t_i), а материально выраженная копия клитики. Направление перемещения в разных формальных моделях может определяться по-разному. В настоящей книге мы отстаиваем точку зрения о том, что в конфигурациях с Барьером в W-системах и W⁺-системах клитика перемещается из канонической позиции кластеризации вправо, что отражено в нотации (60a-c).

Базовый порядок X/Comp - CL

- (60) др.рус. а. Что=ся учинило **нелюбе** князю Михаилу съ Новымъ городомъ.
 Производный порядок с Барьером X/Comp t_i - [V] - CL_i
 б. Что t_i учинило=сь, **нелюбе** князю Михаилу съ Новымъ городомъ.
 Производный порядок с копированием клитики X/Comp -CL_i- [V] - CL_i
 с. Что=ся учинило=сь **нелюбе** князю Михаилу съ Новымъ городомъ.
 (СГТД, № 17, 1375).

(60с) является эталонным примером копирования клитики, когда и левое, и правое вхождение клитики приходятся на одну и ту же клаузу. В этом случае тесная связь между вариантом с Барьером (ср. 60b) и вариантом с копированием (ср. 60с) не нуждается в доказательстве. Менее прозрачны примеры, где левое и правое вхождение клитики приходятся на разные, иерархически связанные клаузы. В примере (61a-c) представлены варианты с Clitic Climbing (61a) и извлечением клитики *ся* из нефинитной клаузы, без Clitic Climbing (61b) и с копированием (61с), где клитика *ся* стоит и в главной, и во вложенной нефинитной клаузе.

Clitic Climbing

(61) др.рус. а. Как=*ся*, имуть [_{CP} печаловати *t_i*].

Без Clitic Climbing

b. Как имуть [_{CP} печаловати =*ся*].

Копирование клитики

c. Как=*ся*, имуть [_{CP} печаловати=*ся*]. (СГГД, № 39, 1406)

Блокирование операции Clitic Climbing (или, наоборот, разрешение Clitic Climbing) можно приписать эффекту Барьера, т. е. некоторому контекстному фактору, влияющему на синтаксическую деривацию. Однако не очень ясно, какая именно категория в примерах типа (61a-c) играет роль Барьера, поэтому такой анализ не выглядит естественным.

Наряду с рефлексивной клистикой в просмотренных текстах наиболее часто копируется местоимение дат. п. 2 л. ед. *ти₂*, см. пример (62), где левое вхождение *ти₂* приходится на каноническую позицию кластеризации, в данном случае определяемую с поправкой на действие параметра ПРС, разрывающего начальную группу

(62) др.рус. новг. А [_{NP} рубежь=*ти*, #княже#, межю Суждальскою землею и Новгородскою] дати=*ти* старый, како было при дѣдѣ твоємъ и при отци твоємъ Ярославѣ. (СГГД, № 7, 1305)³³

Имеются основания предполагать, что в позднедревнерусский период было возможно и копирование связочных клитик. Материал требует дополнительного изучения.

15.3.5. Дублирование клитик (местоименный повтор).

Термином Clitic Doubling в славистике часто называют другой механизм избыточного (с точки зрения принципов экономии языкового материала) употребления местоименных клитик, кореферентных синтаксическому аргументу, выраженному ИГ или ударным местоимением. Считается, что Clitic Doubling в первую очередь характерно для круга языков, которые иногда называют «языками с местоименными аргументами». Кандидатами на вхождение в этот класс являются романские V-системы, см. [Cardinaletti 1999], а также балканские W⁺-системы – болгарский и македонский языки, где, как принято считать, местоименный повтор более грамматикализован, чем в других славянских языках, ср. [Slavkov 2008; Radeva-Bork 2011]. В то же время, сходные конфигурации встречаются и в других славянских языках. Нет недостатка в примерах и в исследованных нами позднедревнерусских текстах. Особенно любопытны случаи, когда клитика дублирует (т. е. кореферентна) группе, включающей полное ударное местоимение и идентификацию референта. Ср. пример с местоимением 2 л.:

³³ Данная фраза, и тоже с копированием клитики *ти*, повторяется в грамоте (СГГЯ, № 8, 1305), связанной с теми же участниками переговоров. Возможно, обе грамоты записывало одно и то же лицо.

- (63) др.рус. А [_{vocp} **тобѣ** [_{np} **брату моему молодшему Князю Володимеру Андрѣвичю**]]_i держати=*ти*_i подо мною княженъе мое великое честно и грозно. (СГГД, № 27, 1362)³⁴

В другой грамоте, связанной с теми же договаривающимися сторонами (Дмитрий Донской и его двоюродный брат Владимир Андреевич), в аналогичном контексте употреблено местоимение 1 л.:

- (64) др.рус. Тако=*же* и [_{vocp} [_{np} **мнѣ брату твоему молодшему**]]_i въ вотчину въ твою и въ удѣль, **данщиковъ**=*ми*_i **своихъ** не всылати ни приставовъ, ни закладный=*ми*_i не держати. (СГГД, № 29, 1371)

Нормой является местоименная реприза, когда кореферентное клитике ИГ/ударное местоимение стоит левее нее. Один раз встретилась и местоименная антиципация, когда клитика, наоборот, предшествует ударному местоимению, которую она кореферентна.

- (65) др.рус. то волости Новгородскихъ, [_{np} **тѣхъ**=*ти*_i **волостии**], #княже#, **тобѣ**, своими мужи не держати, держати мужи Новгородскими; а даръ **тобѣ**, #княже#, имати отъ тѣхъ волостии. (СГГД, № 15, 1327).

В данном примере плеоназм выражен еще и в наличии обращения #княже#, которое кореферентно местоимениям *ти*₂/*тобѣ*_i и оформлено как парентеза. В связи с этим уместно кратко обсудить синтаксис особых групп, состоящих из личного местоимения и развернутой дескрипции-идентификатора типа, [_{vocp} [_{np} **мнѣ брату твоему молодшему**]] ~ [_{vocp} **тобѣ** [_{np} **брату моему молодшему**]]. Мы с долей условности обозначим их как Группы Обращения (VocP), имея в виду, что исходным контекстом для них является ситуация обращения, а типичной формой – 2 л.

Имеются следующие варианты.

1. Обращение оформлено как парентеза. В этом случае нормой для договорных грамот начала позднерусского является употребление клитики 2 л., а не ее полноударного дублета, ср. др.рус. А мы= *ти*_i=*ся*, #господине княже#, кланяемъ. (СГГД, № 1, 1265). Парентеза трактуется как позднее речевое внесение в уже построенную структуру с клитикой. Тем самым, клитика *ти*_i и обращение #господине княже# не образуют единой составляющей, хотя и стоят рядом. Наш анализ подтвердил ранее высказывавшееся мнение о том, что в стабильной системе с местоименными клитиками выбор в пользу полноударных местоименных дублетных форм первоначально должен иметь некоторую мотивировку, например, выражение контраста, верификации, эмфазы, значения включения во множества или противо-

³⁴ Фраза (и тоже с Clitic Doubling) повторяется с небольшими вариациями еще в одной договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем: [_{np} **Тебе брату моему молодшему и моему сыну Володимеру Андрѣвичю**]]_i держати=*ти*_i подо мною и подь моимъ сыномъ подь Княземъ подь Васильемъ, и подь моими дѣтми Княженъе мое Великое честно и грозно – (СГГД, № 33, 1388).

поставления и т. п. Ср., например, характерный контекст из грамоты 1270 г., где полноударное местоимением **тобе** сочинено с несколькими ИГ, поэтому выбор в пользу полноударного местоимения, а не клитики, не является отступлением от раннедревнерусской нормы:

(66) др.рус. А въ Бжичяхъ **тобе**, #княже#, **ни твоей Княгини**, **ни твоимъ Бояромъ**, **ни твоимъ слугамъ** сель не держати, ни купити, ни даромъ примати и во всей волости Новгородьской. (СГГД, №3, 1270).

2. Местоимение и идентификатор образуют синтаксическую группу. Этот вариант предпочтителен, если непосредственно перед местоимением стоит управляющий им финитный глагол. В этом случае выбирается полноударная форма, ср. др.рус. А приказываю [_{vocP} **тобѣ** [_{NP} **сыну своему Семену**]] браться твою младшую и Княгиню свою съ меншими дѣтьми, по Бозѣ ты имь будеши печальникъ. (СГГД, № 21, 1328). С течением времени этот вариант утверждается и в инфинитивных клаузах. Дополнительным фактором в пользу выбора полноударной формы служит эксплицитно или имплицитно выраженное значение контраста, как в примере из грамоты 1389 г., где [_{vocP} **миѣ** [_{NP} **Князю Великому**]] противопоставлено **тобѣ**, см. (67):

(67) др.рус. А гдѣ [_{vocP} **миѣ** [_{NP} **Князю Великому**]] всѣсти на конь, и **тобѣ** всѣсти на конь; а гдѣ=*ми*_i **самому**_i не всѣсти, и **миѣ**,# брата#, **тобе** послати, а **тобѣ** всѣсти безъ ослушанья. (СГГД, № 35, 1389)

Распределение полных форм местоимений и местоименной клитики =*ми* в примере (67) вполне соответствует нормам раннедревнерусского периода в том, что касается коммуникативной мотивации употребления полноударных местоимений и использования =*ми* в непервой клаузе, в позиции повторной номинации. Вместе с тем, с клитикой =*ми* соотнесено предикативное определение **самому**, что выглядит как отклонение от более ранних норм и побуждает предположить, что отрезок =*ми* **самому** либо трактовался писцом как составляющая, либо как структура с Clitic Doubling, где только один из элементов занимает аргументную позицию, а другой является кореферентным ему адьюнктом либо предикативным определением. В любом случае, жесткое противопоставление сфер употребления клитики и ее полноударного дублета снимается, так как в данной позиции возможно и полноударное местоимение, см. выше пример (66). В той же грамоте есть еще один пример, где =*ми* и *самому* разделены обращением-парентезой, см. (68).

(68) др.рус. Тако=*же* и городная осада, оже=*ми*_r, #брате_i #, **самому**_i сѣсти въ городѣ, а **тобе**=*ми*_i послати изъ города. (СГГД, № 35, 1389)

Колебания в выборе клитики и ее полноударного дублета начинаются в более раннюю эпоху, ср. пример из грамоты 1305 г., где в первой клаузе употреблено =*ти*, и выбрана стратегия с парентезой, а во-второй, т. е. в позиции повторной

номинации, напротив, использована полноударная форма **тобѣ** и стратегия с созданием группы обращения.

- (68) др.рус. новг. А въ Ладогу=*ти*₁, #княже₁ #, слати осетръника и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава; а ездити [_{вср} **тобѣ**₁, #княже₁ #], въ Ладогу на третиее лѣто. (СГГД, № 9, 1305)

Еще одним явным отступлением от раннедревнерусской нормы является употребление клитики *ти*₂ в зоне, где изначально было закреплен полноударный дублет, а именно – в контекстах, где местоимение 2 л. сочинено с ИГ, то есть может трактоваться как часть Сочиненной Группы, ср. (69).

- (69) др.рус. а что=*еси* поималъ въ Торжку воиною или грабежомъ, или что [съ людей]=*еси* поималъ и по волостемъ опосле нашего целованья Святого Апостола Петра, то= *ти*₂ дати [_{нр} и твоимъ **Бояромъ**] по исправѣ; а не будеть исправы, инѣ возьмутъ по целованью. (СГГД, № 28, 1368)

Примеры типа (68)–(69), в принципе, можно примирить с правилами выбора в парах клитика vs полноударное местоимение за счет допущения, что в них клитика является не частью Группы Обращения – см. (68) или Сочиненной Группы – см. (69), а частью конфигурации с Clitic Doubling. Однако неясно, насколько такое описание эмпирически оправдано, поскольку нет никаких независимых подтверждений того, что механизм Clitic Doubling был грамматикализован в древнерусском языке рассматриваемого периода.

Можно сделать вывод о том, что конфигурации с местоименным повтором и близкие к ним структуры с местоименной клистикой и конъюнктами в виде ИГ в языке позднедревнерусских духовных и договорных грамот имеются, и что одним из факторов их распространения является нивелирование логико-семантических правил выбора в парах полноударное местоимение vs клитика. Рассмотренный материал показал, что сокращение функциональной сферы, первоначально характерной только для одного члена данных пар, ведет к грамматической избыточности, которая может преодолеваться разным способом, в том числе – за счет устранения местоименных клитик из системы языка.

15.3. 6. Выводы

Рассмотренная древнерусская система клитик в корпусе духовных и договорных грамот Великих князей XIII–XV вв. имеет ряд переходных черт и показывает результаты диахронических сдвигов, хотя и не столь радикальных, как в случае рассмотренной в разделе 15.2 древнечешской системы «Далимиловой Хроники». Система духовных и договорных грамот Великих князей XIII–XV вв. последовательно воплощает древненовгородский/восточнославянский ареальный тип, на что указывает отсутствие кластеризуемых клитик 3 л. презенса индикатива глагола «быть» и отсутствие спрягаемых связок опатитива глаго-

ла «быть». Индуцирующей является клетка AUX2, которая пополняется связками буд. вр.; в то же время, связки прош. вр., используемые в конструкции плюсквамперфекта, открывают дополнительную клетку AUX4 на правом краю Правила Рангов. Рефлексивная клитика *ся* не получает особой клетки, операция Clitic Climbing факультативна.

Главными тенденциями развития является сдвиг от W_2 -А системы (+ ПРС, – ПСС) к W_2 -С-системе (+ ПрС, + ПСС), в силу появления к концу рассмотренного периода возможности ставить клитики после полных начальных групп – Правило Сложной Составляющей, ПСС: [_{XP} W¹, W², ... Wⁿ] – CL, а также более частое использование производных порядков с Барьером в клаузах, где возможен разрыв начальной группы по Правилу Разрыва Составляющей, ПРС: [_{XP} W¹ = CL ... W² ... Wⁿ]. В результате действия данных двух факторов цепочки/одиночные кластеризуемые клитики регулярно оказываются далеко от начала клаузы, после скопления нескольких фонетических слов, а порой и нескольких групп. Правила Барьера действуют регулярно, механизм Барьера Главного Предложения перемещает глагол (предикатную вершину) на второе место от начала клаузы, создавая порядок [BARRIER] – V – CL. В типичном случае в роли Барьера выступает начальная группа со значением выделенной темы. Правила Барьера имеют коммуникативную мотивацию и могут быть связаны с Линейно-Акцентными преобразованиями, действовавшими на категории предложения, представленные полноударными словами. Засвидетельствованы механизмы Копирования Клитик (Clitic Copying), большая часть случаев копирования клитик удовлетворительно объясняется в терминах перемещения глагола, т. е. аналогично механизму Барьера Главного Предложения. Засвидетельствованы также конфигурации, напоминающие механизм местоименного повтора (Clitic Doubling), что частично объясняется снятием жестких правил выбора местоименной клитики и ее полноударного дублета, в силу чего клитика и ее полноударный дублет к концу рассматриваемого периода могли использоваться в некотором числе общих для них контекстов, отсюда колебания писцов в выборе форм и синтаксических конструкций. В целом, рассмотренная позднерусская система языка духовных и договорных грамот Великих Князей в XIII–XV вв., судя по распределению ее параметров, могла развиваться в разных направлениях, в том числе – в сторону устранения местоименных клитик.

15.4. Древнесербская система грамот XIV – начала XV в.

Полученными нами результаты побуждают сравнить проанализированные нами две переходные системы западнославянского и восточнославянского ареальных типов с описанной М. Н. Толстой [Толстая 1991] современной им древнесербской системой грамот XIV–XV вв., принадлежащей балканскому ареальному типу. М. Н. Толстая не рассматривает Правила Начальной Составляющей и Правила Барьера, поэтому мы ограничимся анализом древнесербского Правила Рангов и попытаемся показать, что оно может быть интерпретировано табличным способом

за счет введения дополнительных клеток для новых слоев кластеризуемых клеток, т. е. так же, как нам удалось в разделе 15.2.2 описать древнечешскую систему «Далимиловой Хроники».

М. Н. Толстая не дает единой табличной записи, но отмечает, что в языке древнесербских грамот XIV–XV вв. отражены принципы как более старой системы предшествующего периода, так и более новой системы, в целом, соответствующей современной сербской норме, где все формы презенса индикатива связки «быть», кроме формы 3 л. ед. ч. *je* стоят перед кластеризуемыми местоимениями³⁵.

Отраженные в древнесербских грамотах XIV–XV вв. диахронические сдвиги, согласно М. Н. Толстой и предшествующим работам [Грицкат 1972; Младеновић 1964; Marković 1962], состоят в следующем.

1) Появляются новые кластеризуемые формы – просодически тяжелые местоимения 1 и 2 л. мн. ч. *nam, nas, vam, vas*, которые могут стоять как после связок и возвратного местоимения *se*, так и после них. Данное изменение может показаться незначительным, но следует иметь в виду, что новые (т. е. не общеславянские, а развившиеся в диалектную эпоху) формы местоимений 3 л. дат. п. ед. ч. м. р. =*mu*, 3 л. дат. п. ед. ч. ж. р. =*joj*, 3 л. дат. п. мн. ч. =*im*, 3 л. вин. п. мн. ч. =*ih*, кластеризовались еще в предшествующий период, т. е. для древнесербского языка в XIV в. М. Н. Толстая [ук. соч.: 201] уже отмечает их в числе «старых» кластеризуемых местоимений³⁶.

2) Формы презенса индикатива связки «быть» могли стоять в позиции после блока (старых) кластеризуемых местоимений – данная позиция в терминах настоящей книги идентифицируется как AUX2, что соответствует более старой норме древнесербского языка. В более новой норме древнесербского языка, соответствующей и норме современного языка, все формы презенса индикатива связки «быть», кроме формы 3 л. ед. ч. *je*, могли стоять перед блоком (старых) кластеризуемых местоимений, в позиции, которая в терминах настоящей книги идентифицируется как AUX1. Тем самым, диахронический сдвиг, о котором пишет М. Н. Толстая и ее предшественники, состоит в том, что подмножество клитик презенса индикатива связки быть {1 Sg. *сам*, 2 Sg. *си*, 1 Pl. *смо*, 2 Pl. *сте*, 3 Pl. *су*} в истории сербского языка перемещается из AUX2 и AUX1.

По поводу пункта 2) необходимо сделать оговорку о том, что, строго говоря, приведенной М. Н. Толстой материал не позволяет установить однозначно, отражают ли цепочки типа =*je*=*нам* или =*je*=*вас* последовательность клитик [AUX2 – DAT2/ACC2] либо [AUX1 – DAT1/ACC1], поскольку поздние клитики др.срб. *нам, нас, вам, вас* в древнесербском могут попадать в позицию перед формами презенса индикатива 1–2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. связки «быть», т. е. теоретически возможны как

³⁵ Правило Рангов для современной сербохорватского языка приводилось нами выше в гл. 9.

³⁶ Напомним, что аналогичная древнечешская формы *jich*, а также формы *jetu > tu, jeha > ho, jiej, jie*, при разборе Правила Рангов «Далимиловой Хроники» (XIV в.) рассматривались нами в числе «новых» кластеризуемых местоимений.

цепочки типа =су=нам, так и цепочки типа =нам=су³⁷. Аналогичные проблемы, как мы помним, возникают и при определении клеток кластеризуемых связей и местоимений в системе «Далимиловой Хроники», где отдельные формы могут попадать более чем в одну клетку, поэтому, если в цепочке нет третьей диагностической клитики, однозначно соотношенной со своей клеткой (например, возвратного местоимения др.чеш. *sě*, др.срб. *се*), с и л ь н о г о подтверждения гипотезы о том, что 3 л. ед. ч. наст. вр. = *je*₂ стоит в древнесербском именно в AUX2, а не AUX1, нет. Тем не менее, есть с л а б о е подтверждение того, что позиция связки 3 л. ед. ч. наст. вр. = *je*₂ во всем корпусе М. Н. Толстой во всех примерах может быть непротиворечиво истолковано как занимающее AUX2, а альтернативная гипотеза о том, что связка 3 л. ед. ч. наст. вр. = *je*₂ в древнесербских цепочках занимает AUX1, ведет к противоречиям. Поскольку примеров, где «старые» местоименные клитики {дат. п. *ми, ти, си, му, јој, ни, ви, им*; вин. п. *ме, те, га, ју, ни, ви, је, их*} и возвратная клитика *се* стояли бы в цепочке перед связкой 3 л. ед. ч. наст. вр. = *je*₂ нет, логично принять, что связка 3 л. ед. ч. наст. вр. = *je*₂ всегда стоит в древнесербской системе в AUX1. Данное решение, вытекающее из анализа комбинаторики кластеризуемых клитик, вполне подтверждается данными исторического синтаксиса и внешним сопоставлением – в современной сербохорватской системе = *je*₂ всегда стоит в AUX2, кроме того, позиция AUX2 в славянских языках неизменно является мишенью связочных клитик позднего происхождения, что подтвердил разбор системы «Далимиловой Хроники» и системы древнерусских договорных и духовных грамот XIII–XV вв. в данной главе книги.

Итак, уместно принять, что в древнесербской системе XIV–XV вв. = *je*₂ всегда стоит именно в AUX2 и не попадает в AUX1. Сделав этот шаг, мы можем верифицировать тезис М. Н. Толстой о том, что в примерах типа (70) новые местоименные клитики стоят в цепочке именно в DAT1/ACC1 (т. е. в исконной позиции местоименных клитик – номенклатура позиций наша. – А. Ц.).

ACC1 – AUX2

(70) др.срб. Много = *нась* =*с* приправи учинити о^неи ствари

DAT1 – AUX2

кое =*нашь* =*с* река 337.46–47.

Для прочих клитик презенса индикатива связки «быть» {1 Sg. *сам*, 2 Sg. *си*, 1 Pl. *смо*, 2 Pl. *сте*, 3 Pl. *су*}, напротив, можно доказать, что они регулярно могли попадать и в AUX1, и AUX2, и что это является не сбоем, а характерной чертой синтаксической системы переходного типа. М. Н. Толстая предпочитает интерпретировать подвижность клитик презенса индикатива в древнесербском языке как отражение столкновения «старого» и «нового» порядков [ук. соч.: 203]. По сути,

³⁷ М. Н. Толстая [ук. соч.: 204] приводит два примера (нотация и анализ наш. – А. Ц.):

⁽ⁱ⁾ др.срб. Ђчи ко^е=*нашь*=*си*, поручиль 497.3–5. Наиболее вероятно – [DAT1 + AUX2].

⁽ⁱⁱ⁾ др.срб. лүди да=*вашь*=*су* свидоци 456. Наиболее вероятно – [DAT1 + AUX2].

в перспективе исторического синтаксиса это именно так, однако при синхронном анализе стандартной W-системы, где Правило Рангов непротиворечиво и эффективно³⁸ позволяет упорядочивать цепочки клитик, несмотря на то, что некоторые клитики имеют более одной доступной для них клетки, такое описание крайне нежелательно. В одном из примеров М. Н. Толстой (432.62) в двух соседних клаузах писец внезапно меняет предположительный «старый» (клитика =*би* стоит в AUX1) на предположительно «новый порядок» (клитика =*су* стоит в AUX1): гораздо естественней предположить, что носитель языка держал в сознании табличную схему, где клитики из того подмножества, куда входило *би* {1Sg. *бих*, 2Sg. *би*, 3Sg. *би*, 1Pl. *бисмо*, 2Pl. *бисте*, 3Pl. *би*} всегда занимали AUX1, а клитики из того подмножества, куда входило *су* {1 Sg. *сам*, 2 Sg. *си*, 1 Pl. *смо*, 2 Pl *сте*, 3 Pl. *су*} не имели одной уникальной для них позиции, и их можно было поставить как в AUX1 (что писец и сделал), так и AUX2.

(71) др.срб. Тко=*ли*=*би*=*се* потвориль или порекаль, да=*су*=*се* все клетви на немь извршьиле 431.62

Тем самым, возможность поставить клитику *су* (и прочие элементы указанного подмножества) либо в AUX1, либо в AUX2, не приводило к хаотическому распределению клитики *би* (и других клитик из того подмножества, к которому оно принадлежало). Разумеется, мы не можем восстановить психолингвистические механизмы в головах славян XIV в. и доказать, что выделенные нами Правила Рангов были в 100 % психолингвистической реальностью для них. Зато мы видим результат – непротиворечиво упорядоченные цепочки клитик в древнесербской и древнечешской системах, где Правила Рангов претерпели исторические изменения за сравнительно короткий отрезок времени. Для синтаксиста, по крайней мере, для автора данной книги, это гораздо важнее.

Мы показали, что W-системы в условиях диахронических сдвигов, когда появляются новые слои клитик и открываются новые клетки Правила Рангов, вполне могут оставаться в стабильном состоянии, что, собственно, и обеспечивает воспроизводство (с неизбежными модификациями) этих систем в течение последних 1000 лет в большей части славянских языков. Стабильность W-системы, как показал анализ, зависит от соблюдения двух условий:

- Появление клитик, ориентированных более чем на одну клетку Правила Рангов, не приводит к хаотическому распределению всех клитик, занимающих те же клетки.
- В Правиле Рангов сохраняются клетки, однозначно соотносящиеся только с одним подмножеством клитик, элементы которого не попадают в другие клетки.

Подводя предварительные итоги, покажем, что данные условия в древнесербской системе, судя по данным М. Н. Толстой, не нарушаются.

1. Только на AUX1 ориентированы связки опатива {1Sg. *бих*, 2Sg. *би*, 3Sg. *би*, 1Pl. *бисмо*, 2Pl. *бисте*, 3Pl. *би*}.

³⁸ М. Н. Толстая указывает всего два исключения.

- Только на AUX2 ориентированы связки буд. вр. {1Sg. *ћу*, 2Sg. *ћеи*, 3Sg. *ће*, 1Pl. *ћемо*, 2Pl. *ћете*, 3Pl. *ће*} и связка 3 л. ед. ч. наст. вр. = *је₂* (*јест*), представляющие поздние слои клитизации.
- Связки 1–2 л. ед. ч. и 1–3 мн. ч. наст. вр. индикатива глагола {1 Sg. *сам*, 2 Sg. *си*, 1Pl. *смо*, 2Pl. *сте*, 3Pl. *су*} могут занимать как в AUX1, так в и AUX2.
- Частица *ли* (ранг 1) и возвратное местоимение *се* (ранг 5) занимают клетки, зарезервированные только для них.
- «Старые» (т. е. вовлеченные в древнесербское Правило Рангов до XIV в.) аргументные местоимения дат. п. {дат. п. *ми*, *ти*, *си*, *му*, *јој*, *ни*, *ви*, *им*} и вин. п. {*ме*, *те*, *га*, *ју*, *ни*, *ви*, *је₁*, *их*} могут занимать только клетки DAT1 и ACC1 соответственно. Данные клетки расположены между AUX1 (ранг 2) и клеткой REFL (ранг 5).
- «Новые» аргументные местоименные клитики дат. п. {*нам*, *вам*} и вин. п. {*нас*, *вас*} могут занимать те же клетки DAT1 и ACC1, соответственно, либо занимать дополнительные клетки DAT2, и ACC2, соответственно. Клетки DAT2 (ранг 7) и ACC2 (ранг 8) расположены правее AUX2 (ранг 6). Тем самым, мы имеем следующую ситуацию: клетки DAT2 и ACC2 специфичны для «новых» аргументных местоименных клитик, но те же местоимения могут занимать и клетки DAT1, ACC1.

PART	AUX1	DAT1	ACC1	REFL. ACC	AUX2	DAT2	ACC2
<i>ли</i>	Связки оптатива: <i>бих</i> , <i>би</i> , <i>би</i> , <i>бисмо</i> , <i>бисте</i> , <i>би</i>	<i>ми</i> , <i>ти</i> , <i>си₂</i> , <i>ни</i> , <i>ви</i> , <i>му</i> , <i>јој</i> , <i>имь</i>	<i>ме</i> , <i>те</i> , <i>ни</i> , <i>ви</i> , <i>га</i> , <i>ју</i> , <i>ихь</i> , <i>је₁</i>	<i>се</i>	Связки буд. вр.: <i>ћу</i> , <i>ћеи</i> , <i>ће</i> , <i>ћемо</i> , <i>ћете</i> , <i>ће</i>	<i>*нам</i> <i>*вам</i>	<i>*нас</i> <i>*вас</i>
					Связка 3 л. ед. ч. наст. вр. индик. <i>је₂</i> , <i>јест</i>		
	Связки 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч. наст. вр. индикатива: <i>сам</i> , <i>си₁</i> , <i>смо</i> , <i>сте</i> , <i>су</i>	<i>*нам</i> , <i>*вам</i>	<i>*нас</i> , <i>*вас</i>		Связки 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч. наст. вр. индик.: <i>сам</i> , <i>си₁</i> , <i>смо</i> , <i>сте</i> , <i>су</i>		
1	2	3	4	5	6	7	8

РИС. 7. Древнесербская система по данным грамот XIV–XV вв.³⁹

Рис. 7 наглядно показывает, что древнесербская система XIV–XV вв. относилась к балканскому ареальному типу Правила Рангов, для которого характерно по-

³⁹ Серым выделены подмножества кластеризуемых клитик, соотношенных более чем с одной клеткой, серым – подмножества клитик, соотношенные ровно с одной клеткой, а также же клетки, соотношенные с единственным подмножеством клитик.

мещение формы связки 3 л. ед. ч. презенса. индикатива связки «быть» (je, jest) в AUX2, при другой локализации прочих форм презенса индикатива в Правиле Рангов. От похожей древнечешской системы «Далимиловой Хроники» она отличается тем, что в последней, напротив, форма 3 л. ед. ч. je, jest, обладает подвижностью, в то время как прочие формы презенса индикатива закрепились в AUX1. От древненовгородского/древнерусского ареального типа Правила Рангов обе системы отличаются тем, что в последней вообще отсутствуют ненулевые связки 3 л. презенса индикатива, а позиции AUX1 в Правиле Рангов нет. Таким образом, в XIV в. все три славянских ареальных типа Правил Рангов уже сформировались, хотя и манифестировались несколько иначе, чем в современных языках. В заключение раздела, приведем некоторые цепочки древнесербских клитик, интерпретировав примеры М. Н. Толстой с помощью табличной схемы.

1	2	3	4	5	6	7	8
PART	AUX1	DAT1	ACC1	REFL.ACC	AUX2	DAT2	ACC2
ли	би			се			
ли		му	га				
ли		им			су		
		ни			је		
		им		се			
	си		се				
		им			су		
		ви	их				
		му	их		смо		
		ми		се	јест		
		ми	га		сте		
		ни	га		је		
		си	га		ке		
				се	смо		
				се	су		
		ми		се	кемо		
				се	је		
	сам			се			
	сте			се			
	сте			се			
	смо			се			
	су			се			
	смо		те				
	смо	им					
	су		га				
					је	вам	
					је	нам	
					је		нас
					је		вас
				се		нам	
					су	вам	
					су		вас
					смо		вас
					ке		нам
		нам			је		
			нас		је		
		вам			је		
		нам			је		
		нам		се			
		нам	га				
		нам			си		
		вам			су		

15.5. Выводы к главе 15

Были рассмотрены три переходных славянских системы с клитиками XIII–XV вв., две из них – впервые. Не повторяя частных выводов к разделам главы, подчеркнем главные итоги анализа. К XIV в. все три ареальных типа Правила Рангов – западнославянский, балканский и древнерусский/древненовгородский уже сформировались. Диагностическим признаком служит трактовка форм 3 л. презенса индикатива связки «быть», особенно – формы 3 л. ед. ч. *je, jest*, что связано с последовательностью клитизации связок в разных частях славянского ареала.

- В древненовгородском/древнерусском ареале ненулевые связки 3 л. исчезли еще до начала кластеризации форм презенса индикатива глагола «быть», а все оставшиеся форма презенса индикатива глагола *быть* попадают в AUX2. Позиция AUX1 не открывается, кластеризации спрягаемых форм оптатива глагола «быть» не происходит. Позиция AUX2 является индуцирующей и может пополняться связками буд. вр., в то же время связки прош. вр., используемые в конструкции плюсквамперфекта, открывают новую позицию AUX4.
- В западнославянском и балканском ареалах ненулевые связки 3 л. сохраняются к началу периода кластеризации форм презенса индикатива глагола «быть», и происходит кластеризация всей парадигмы оптатива глагола «быть», клитики оптатива следует признать эталонными представителями клетки AUX1.
- Для древнечешской системы «Далимиловой Хроники» можно допустить одновременную кластеризацию форм оптатива и 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч. презенса индикатива глагола «быть», поскольку указанные формы презенса индикатива глагола «быть» не обладают в языке памятника подвижностью и всегда занимают AUX1. Второй слой клитизации представляет связка 3 л. ед. презенса индикатива *je, jest*, которая может занимать и AUX1, и AUX2, а третий – связки прош. вр. (*Byl, byli*), которые могут стоять только в AUX2.
- Для древнесербской системы по данным грамот XIV–XV вв. следует реконструировать более раннюю кластеризацию форм оптатива, которые всегда стоят в AUX1, по сравнению с формами 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч. презенса индикатива глагола «быть», которые могут замещать как AUX1, так AUX2. Во всяком случае, именно позиция AUX1 является индуцирующей по отношению к AUX2 и перетягивает к себе большинство клитик индикатива, а не наоборот. Третий слой клитизации представляют связка 3 л. ед. презенса индикатива *je, jest*, и формы связки буд. вр. от глагола *хтети*, которые всегда стоят в AUX2⁴⁰.

⁴⁰ В ходе дальнейшей истории сербского языка, как известно, формы связки буд. вр. передвинулись в AUX1.

Этап кластеризации	1	>> 2	>> 3
Доступные позиции	AUX1	AUX1 ∨ AUX2	AUX2
Разряд клитик	1. Связки опатива & 1–2 л. ед. ч. 2. Связки 1–3 л. мн. ч. связки презенса индикатива	связка 3 л. ед. ч. презенса индикатива je, jest	связки прош. вр.

РИС. 8. Реконструируемая последовательность кластеризации связок в древнечешском языке, западнославянский ареальный тип

Этап кластеризации	1	>> 2	>> 3
Доступные позиции	AUX1	AUX1 ∨ AUX2	AUX2
Разряд клитик	1. Связки опатива & 1–2 л. ед. ч.	1. Связки 1–3 л. мн. ч. связки презенса индикатива	1. связка 3 л. ед. ч. презенса индикатива je, jest 2. связки буд. вр. глагола <i>xтети</i> .

РИС. 8. Реконструируемая последовательность кластеризации связок в древнесербском языке, балканский ареальный тип

В том, что касается функционирования систем переходного периода с клитиками, наиболее важным теоретическим результатом мы считаем доказательство положения о том, что Правило Рангов может эффективно упорядочивать цепочки при большом числе клеток, при отсутствии однозначного соответствия между отдельными клетками Правила Рангов и подмножествами кластеризуемых клитик, а также при просодической и синтаксической неоднородности кластеризуемых элементов. Достаточным условием для стабильного функционирования переходной степени подобного рода является наличие клеток Правила Рангов, однозначно соотносённых с подмножествами клитик, а также наличие подмножеств кластеризуемых клитик, соотносённых с единственно возможной клеткой: в этих условиях наличие отдельных клитик, способных замещать по две клетки, не является фатальным. Парадоксальным образом, наличие поздних слоев клитик, не обладающих высокой частотностью (ср. др.чеш. *to*, др.чеш. *tu*), но соотносённых с единственной клеткой Правила Рангом, может служить ресурсом, облегчающим упорядочение цепочек.

Полученные результаты можно применить и к другим системам с кластеризуемыми клитиками, запечатлённым в момент синтаксических сдвигов. Например, описанные М.Н. Толстой ужанские карпатоукраинские диалекты обнаруживают «значительные колебания во взаимном расположении возвратного *s'a* (*sa*) и энклитических личных местоимений» [Толстая 2012: 204], а в гуцульских диалектах, согласно оценке той же М.Н. Толстой, «место возвратного *su* в блоке по отношению к энклитическим местоимениям в просмотренном ...материале не определяется правилом рангов» [ук. соч.: 207]. Возможно, применённая в данной главе модель

описания позволит выявить в этих диалектах за внешне хаотичными колебаниями стабильное Правило Рангов переходного типа, с дополнительными клетками для аргументных или рефлексивных местоимений, либо, наоборот, докажет, что в данных диалектах наметилась смена синтаксического типа от чистых W-систем к W*-системам польского типа. Кроме того, древнесербскую систему необходимо описать в полном объеме, с учетом Правил Начальных Составляющих и Правил Барьера. Но это – задачи будущих исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование систем порядка слов в славянских языках показало, что для большинства древних и новых славянских языков релевантны наличие и позиция синтаксических объектов, названных в работе цепочками клитик. В славянских языках цепочки могут создаваться только элементами уровня предложения, что характерно для более широкого класса языков мира. Имеется всего 4 типа систем порядка слов с цепочками клитик, выделенных в работе под названием W-систем, W⁺-систем, W^{*}-систем и V-систем: большинство этих типов встретилось в славянских языках. Кластеризуемые и некластеризуемые клитики являются элементами с разными категориальными свойствами. Принципы выделения цепочек синтаксических объектов предположительно носят универсальный характер, при этом теория цепочек не должна прямо зависеть от выбора того или иного описания некластеризуемых клитик. Для славянских языков характерен скрэмблинг полноударных категорий предложения. В части славянских языков имеется прямое интонационное маркирование коммуникативных составляющих, что позволяет построить исчисление линейно-акцентных преобразований, связывающих между собой высказывания с общим составом, но разным линейным порядком и разной коммуникативной перспективой. Применяемые для описания фрагментов синтаксической структуры модели т. н. табличных схем, представляющих собой приложения А-грамматик, в примерно равной степени пригодны для описания языков с фиксированным порядком элементов предложения и для описания внутреннего упорядочения цепочек клитик. Большинство алгоритмов линейризации, используемых естественными языками, опирается не на один параметр, но на иерархию параметров и/или трансформационных правил. Иерархия параметров внутреннего упорядочения цепочек клитик необходима в силу того, что в цепочке могут встретиться клитики с одинаковой просодической или морфосинтаксической маркировкой. Выделенные в настоящей книге контекстно-зависимые Правила Барьера создают кластеризуемым клитикам дополнительные синтаксические позиции в предложении и, тем самым, поддерживают их независимость в качестве элементов синтаксиса. На примере синтаксических систем переходного периода, претерпевающих разного рода диахронические сдвиги (появление новых разрядов клитик и утрата старых разрядов, появление дополнительных клеток Правила Рангов и новых базисов клитик и т. п.), было показано, что переход системы порядка слов с цепочками клитик от одного стабильного состояния к другому необязательно проходит через стадию хаотического варьирования порядков клитик. При определенных условиях наличие в системе отдельных кластеризуемых клитик, соотнесенных более чем с одной клеткой Правила Рангов, не является препятствием для эффективного и непротиворечивого упорядочения цепочек.

Принципы внутреннего упорядочения клитик в цепочках (internal clitic ordering) и внешнего упорядочения клитик/цепочек клитик в клаузе (external clitic ordering) имеют разную теоретическую перспективу, что не до конца осознано в предшествующей литературе.

Механизмы кластеризации клитик, как было показано в книге, строятся на относительно простых и предположительно универсальных принципах сборки сложных синтаксических объектов с математическими свойствами упорядоченных множеств (кортежей). Вполне вероятно, что эти принципы порождают не только цепочки клитик, но и цепочки иных языковых единиц, однако цепочки, состоящие не из клитик, а из других языковых объектов пока в полном объеме не описаны. Математическому моделированию до некоторой степени поддаются также алгоритмы преобразования (в сторону расширения) Правил Рангов в диахронии: имеются некоторые основания полагать, что эти алгоритмы носят пошаговый характер. Сами Правила Рангов, интерпретируемые в терминах табличных схем, являются наиболее упорядоченными языковыми объектами, порождаемыми А-грамматиками. При определенных условиях (наличие у некоторых классов слов твердых фиксированных мест, находящихся на заданном расстоянии от границ клаузы или от позиций других категорий) табличный метод может быть использован и для шаблонов линеаризации предложения и ИГ. Продуктивность такого подхода зависит от свойств конкретного языкового материала.

Принципы расстановки клитик и цепочек в клаузе (*external clitic ordering*), как показал анализ, связаны с двумя типами операций. Операции первого типа – Правила Барьера, извлечение клитики в вышестоящую клаузу (*Clitic Climbing*), ограничения на постановку клитик у левой и правой границ клаузы объясняются уникальными синтаксическими и просодическими свойствами самих клитик. Анализ в этом направлении можно было бы по имени первопроходца назвать «линией Звики». Операции второго типа – Правила Начальной Составляющей, а отчасти и Правила Барьера в значительной степени отражают комбинаторику полноударных категорий предложения, способных служить хозяевами клитик, а также ограничения на перемещение глагола/предикатной вершины предложения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Глоссы

ACC – accusative	LOC – locative
ADD – additive	M – masculine
ADV – adverbial	N – neutrum
AUX – auxiliary	NEG – negation
CL – clitic	NOM – nominative
CNTRF – counterfactual	NPS – non-present static
COMP – complementizer	NPST – non-past
COND – conditional	PCL – particle
CONJ – conjunctive	PI – past imperfective
CONTR – contrastive	PL – plural
DAT – dative	PR – preposition
DEF – definite	PROX – proximal
DET – determiner	PRF – perfective
DU – dual	PRS – presence
ENCL – enclitic	PST – past tense
ERG – ergative	PURP – purposive
EXCL – exclusive	PV – preverb
F – feminine	Q – question marker
GEN – genitive	REFL – reflexive
IMP – imperative	SG – singular
IPFV – imperfective	TR – transitive
INCH – inchoative	TOP – topical
INCL – inclusive	T/A – tense/aspect
INTR – intransitive	[...] – formal constituent
ITER – iterative	{...} – communicative constituent

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Англ. – английский	Молиз. – молизеслав
Блр. – белорусский	Мудб. – мудбурра
Бин. – бинукид	Нем. – немецкий
Болг. – болгарский	Н-луж. – нижнелужицкий
Варл. – варльпири	Осет. – осетинский
В-луж. – верхнелужицкий	Пан.слав. – панславянский
Гот. – готский	Пол. – польский
Гур. – гуринди	Рум. – румынский
Дат. – датский	Рус. – русский
Др.исл. – древнеисландский	Слов. – словенский
Др.новг. – древненовгородский	Слц. – словацкий
Др.рус. – древнерусский	Срб.хрв. – сербохорватский
Др.срб. – древнесербский	Ср.норв. – средненорвежский
Др.хрв. – древнехорватский	Ст.пол. – старопольский
Др.чеш. – древнечешский	Ст.сл. – старославянский
Евр. порт. – европейский португальский	Там. Диал. – тамазигхт, диалект.
Исп. – испанский	Чеш. – чешский
Ит. – итальянский	Укр. – украинский
Каб. – кабилский	Хетт. – хеттский
Кав. – кавиненья	Хрв. – хорватский
Кашм. – кашмири	Ю-в.-тепех. – юго-восточный тепехуан
Лат. – латинский	
Лит. – литовский	
Мак. – македонский	

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого. По кн. А. М. Молдаван. Житие Андрея Юродивого в Славянской письменности. М., 2000.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть I. Москва, в типографии Н. А. Всеволожского, 1813.

Ипат. – Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 1998.

Мар. Ев. Лк. – ???

Супр. – Супрасльская летопись

Флав. – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.

Вопрош. Кирик. – Вопрошание Кириково.

Dal. – *Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila.*

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1949 – *Абаев В. И.* Ритмика осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Абаев 1959 – *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Ахвледиани 1969 – *Ахвледиани Г. В. (ред.)* Грамматика осетинского языка. Т. II: Синтаксис. Орджоникидзе: СОИГСИ, 1969.
- Айхенвальд 1989 – *Айхенвальд А. Ю.* Порядок слов в кабыльском языке // Очерки типологии порядка слов / И. Ф. Вардуль (отв. ред.). М.: Наука, 1989. С. 123–134.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М.: Наука, 1983.
- Борисова 2005 – *Борисова А. Б.* Местоименный повтор дополнения: синтагматический и парадигматический аспект. КД, СПб., 2005.
- Борисова 2006 – *Борисова А. Б.* Местоименный повтор дополнения в новогреческом языке: прагматика vs грамматикализация. Проблемы балканской филологии: Сб. статей / А. Е. Русаков (ред.). СПб., 2006.
- Борисова 2007а – *Борисова А. Б.* Некоторые синтаксические особенности Кипрской хроники Леонтиоса Махераса (XV в.) // Мат-лы 36 Междунар. филол. конф. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Борисова 2007б – *Борисова А. Б.* Препозиция и постпозиция местоименной клитики в среднегреческом языке // Мат-лы Конф. молодых исследователей «Синтаксические структуры». М.: РГГУ, 2007.
- Ганенков и др. 2012 – *Ганенков Д. С., Ландер Ю. А., Майсак Т. А.* Удинский язык без эндоклитик. М., 2012.
- Гладкий, Мельчук 1969 – *Гладкий А. В., Мельчук И. А.* Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Градинарова 2008 – *Градинарова А.* Словорасположение в русском и болгарском языках. Позиция прямого дополнения // Болгарская русистика. № 3–4. 2008. С. 5–21.
- Григорьев 1999 – *Григорьев Ф. А.* Сопоставительный анализ позиционной структуры независимого повествовательного предложения в немецком и датском языках. Дипломная работа. М.: МГУ, 1999.
- Грицкат 1972 – *Грицкат И.* Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд, 1972.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова (ред.). М.: Наука, 1970.

- Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1982.
- Дыбо 1975 – *Дыбо В. И.* Закон Васильева-Долобо в древнерусском языке на материале Чудовского завета // *International journal of linguistics and poetics*. Vol. 18:1. С. 7–81.
- Зализняк 1985 – *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М.: Наука, 1993. С. 191–319.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: ЯСК.
- Зализняк 2008 – *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Зализняк, Падучева 1975 – *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* К типологии относительного предложения. *Семиотика и информатика*. Вып. 6., С. 51–100.
- Иванова и др. 2011 – *Иванова Е. Ю., Шанова З. К., Димитрова Д.* Болгарский язык. Курс для начинающих. СПб.: КАРО, 2011.
- Иванова-Лукьянова 2004 – *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура Устной Речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Кисилиер 2009 – *Кисилиер М. Л.* Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койнэ: двусложные местоимения в «Луге духовном» Иоанна Мосха // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингв. иссл.* / Н. Н. Казанский (отв. ред.). Т. II. Ч. 1. СПб., 2009. С. 116–133.
- Касевич 2006 – *Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. СПб., 2006.
- Кротовская и др. 2005 – *Кротовская Я. А., Каишкюревич Л. Г., Лесная Г. М., Селиванова Н. В.* Практический курс польского языка. М.: Восток-Запад, 2005.
- Ковтунова 1976 – *Ковтунова И. И.* Современный Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Кодзасов 1996 – *Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // *Просодический строй русской речи*. М., 1996.
- Кодзасов 1996а – *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // *Просодический строй русской речи*. М., 1996.
- Котова, Янакиев 2001 – *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: МГУ, 2001.
- Кузнецов 1984 – *Кузнецов С. Н.* Теоретическая грамматика датского языка. I: Синтаксис. М., 1984.
- Курилович 2000 – *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. Биробиджан, 2000.

- Лютикова 2012 – *Лютикова Е.А.* О двух типах инверсии в русской именной группе // *Русский язык в научном освещении.* № 24 (2). М., 2012. С. 65–106.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл – Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39.* М.; Вена, 1995.
- Мельчук 1997 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997.
- Младеновић 1964 – *Младеновић, А.* (1964). О народном језику Јована Рајића. Нови Сад, 1964.
- Мудра, Петр 1983 – *Мудра И., Петр Я.* Учебник верхнелужицкого языка. Bautzen: VEB Domowina Verlag, 1983.
- Настасенко 1997 – *Настасенко О.А.* Грамматика румынского языка в таблицах. Кишинэу: Вирт, 1997.
- Николаева 1982 – *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Оде 1995 – *Оде С.* Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // *Проблемы фонетики.* Вып. II. М., 1995. С. 200–215.
- Оде 2003 – *Оде С.* Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов // *Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: К 70-летию проф. Л.В. Бондарко.* СПб., 2003.
- Павлова 2007 – *Павлова А.В.* Психолингвистический аспект инверсии // *Вопросы психолингвистики.* Т. 4. М., 2007. С. 73–80.
- Павловић 2011 – *Павловић С.* Distribucija enklitika u starosrpskim poveljama i pismina XII i XIII veka // *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku LIV/2,* 2011, 31–52.
- Падучева 1984 – *Падучева Е.В.* Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // *Научно-техническая информация.* Сер. 2. № 10., 1984.
- Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 2008 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенностью с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В.А. Успенский. Изд. 5-е, испр. М.: ЛКИ, 2008.
- Пешковский 1938 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Плунгян 2000 – *Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.
- Савова 2012 – *Савова Д.* Предикативная структура высказывания в болгарском языке // *Вопросы языкознания,* № 3, 2012, С. 69–90.
- Светозарова 1993 – *Светозарова Н.Д.* Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // *Проблемы фонетики.* Вып. 1. М., 1993. С. 189–198.

- Свешникова 2003 – *Свешникова Т.Н.* Синтаксис румынского языка. Конъюнктив и его трансформы. М.: ИнСлав РАН, 2003.
- Толстая 1991 – *Толстая М.Н.* Система энклитик в сербских грамотах XIV–XV вв. Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика»: К 60-летию со дня рожд. В. А. Дыбо: Тезисы докл. М., 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 – *Толстая М.Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1988–1999. XIV. М., 2000. С. 134–143.
- Толстая 2012a – *Толстая М.Н.* Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Балто-славянские исследования. М., 2012. С. 190–211.
- Толстая 2012b – *Толстая М.Н.* К описанию карпатоукраинских систем изменяемых энклитик // 2-я конференция «Типология морфосинтаксических параметров». М.: МГТУ им. М. А. Шолохова и Ин-т языкознания РАН. 14–16 ноября 2012. <http://ossetic-studies.org/msp2012/ru/programme/>.
- ФНСАЛ 1997 – Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М.: МГУ, 1997.
- Хомский 1962 – *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в Зарубежной Лингвистике. Т. II. М., 1962. С. 412–527.
- Хомский 1972 – *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. Публикации ОСиПЛ. Серия переводов. Вып. 1. М.: МГУ, 1972.
- Циммерлинг 2002 – *Циммерлинг А.В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Циммерлинг 2006 – *Циммерлинг А.В.* Отношение свободного порядка слов и модели инверсии // Труды международного семинара «Диалог 2006: компьютерная лингвистика и информационные технологии». М., 2006. С. 541–544.
- Циммерлинг 2006b – *Циммерлинг А.* Типология языков со свободным порядком слов. Лекция, прочитанная в Институте литовского языка (Lietuviu kalbos institutas). Вильнюс, 14.06.2006.
- Циммерлинг 2006c – *Циммерлинг А.* Порядок слов как явление грамматики. Лекция, прочитанная на Третьей Междунар. летней лингвистической школе в пос. Салос, Литва (Academia grammaticorum salensis tertia). 02.08.2006.
- Циммерлинг 2006d – *Циммерлинг А.* Подлежащее и сказуемое. Лекция, прочитанная на Третьей Междунар. летней лингвистической школе в пос. Салос, Литва (Academia grammaticorum salensis tertia). 03.08.2006.
- Циммерлинг 2006e – *Циммерлинг А.* Синтаксис и просодия фразы. Лекция, прочитанная на Третьей Междунар. летней лингвистической школе в пос. Салос, Литва (Academia grammaticorum salensis tertia). 04.08.2006.

- Циммерлинг 2007 – *Циммерлинг А. В.* Локативная инверсия в языках со свободным порядком слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 6 (13) по мат-лам Междунар. конф. «Диалог 2007». М., 2007. С. 542–549.
- Циммерлинг 2007а – *Циммерлинг А. В.* Порядок слов в русском языке // Текст, Структура и семантика: Доклады XI Междунар. конф. М.: МГГУ, 2007. С. 138–151.
- Циммерлинг 2007б – *Циммерлинг А. В.* Синтаксические ошибки в письменных текстах в русских СМИ // Труды Междунар. конф. «Культура Речи». Звенигород, 14–17 октября 2007 г.
- Циммерлинг 2008 – *Циммерлинг А. В.* Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14) по мат-лам Междунар. конф. «Диалог 2008». М., 2008. С. 551–562.
- Циммерлинг 2008а – *Циммерлинг А. В.* Порядок слов в славянских, германских и романских языках // От имен к фактам (Славяно-германские исследования, 3) / А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг (ред.). СПб.: Aleteia, 2008. С. 165–239.
- Циммерлинг 2008с – *Циммерлинг А. В.* Порядок слов как естественно-научный объект // Вестник РГНФ. 2008. № 3. С. 162–107.
- Циммерлинг 2009а – *Циммерлинг А. В.* Элементы предложения и синтаксические позиции в языках современной Европы // Язык и речевая деятельность. 8. 2009. С. 36–88.
- Циммерлинг 2009б – *Циммерлинг А. В.* Клитики в древнерусском пространстве: по поводу книги А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики» (М.: Языки славянской культуры, 2008. – 280 с.) // Русский язык в научном освещении. Вып. 17 (1). М., 2009. С. 259–277.
- Циммерлинг 2012а – *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. № 4. М., 2012. С. 3–38.
- Циммерлинг 2012б – *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов с клитиками в славянских языках // Вопросы языкознания. № 5. М., 2012. С. 3–37.
- Шайкевич 2005 – *Шайкевич А. Я.* Введение в лингвистику. М., 2005.
- Янко 1991 – *Янко Т. Е.* Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 7. , 1991.
- Янко 2001 – *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Янко 2001а – *Янко Т. Е.* Повествовательные предложения с препозицией глагола // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001. С. 371–382.

- Янко 2007 – Янко Т.Е. Актантная структура как фактор фразовой просодии. Три принципа выбора акцентоносителя коммуникативно релевантного акцента // Типология языка и теория грамматики: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С.Д. Кацнельсона. СПб., 2007.
- Янко 2008 – Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Abraham 1985 – Abraham W. Erklärende Syntax des Deutschen, Studien zur deutschen Grammatik, Bd. 25, Tübingen, 1985.
- Abraham 1995 – Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachvergleich, Grundlegung einer typologischen Syntax des Deutschen. Studien zur deutschen Grammatik. Bd. 41. Tübingen, 1995. 41.
- Agbayani, Golston 2010 – Agbayani B., Golston Ch. Second-position is first-position. Wackernagel's Law and the role of clausal conjunction <http://zimmer.csufresno.edu/~chrisg> // Indogermanische Forschungen. 2010.
- Agee 1993 – Agee D. A. Modal clitics in San Jeronimo Mazatec // SIL-Mexico Workpapers. Vol. 10. 1993.
- Aikhenvald 1998 – Aikhenvald A. Y. Warekena // Handbook of Amazonian Languages / D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.). 4. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, P. 225–433.
- Aikhenvald 2002 – Aikhenvald A. Y. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // Word: a cross-linguistic typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Cambridge: Cambridge UP. P. 42–78.
- Aissen 1975 – Aissen J. Presentational-*there* insertion: A cyclic root transformation // Chicago Linguistic Society. 11. P. 1–4.
- Alexiadou, Anagnostopoulou 1998 – Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Parametrizing AGR: Word Order, V-movement and EPP-checking // Natural Language and Linguistic Theory. 16. 1998. P. 491–539.
- Anderson 1993 – Anderson S. P. Wackernagel's revenge: clitics, morphology, and the syntax of second position // Language. 69. 1993. P. 68–93.
- Anderson 1995 – Anderson S. P. Toward an Optimal Account of Second-Position Phenomena // Optimality Theory: Phonology, Syntax, and Acquisition / J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds). Oxford: OUP, 1995. P. 302–333.
- Anderson 2005 – Anderson S. P. Aspects of the theory of clitics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Arts 1992 – Arts, B. Small Clauses in English. The Nonverbal Types. (Topics in English Linguistics, 8). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Askedal 1986 – Askedal J. O. Topologisk feltanalyse, koderingsystemer og pragmatiske funksjoner. En kontrastiv fremstilling på grunnlag av norsk, tysk, japansk of

- russisk // Sætningskemaet og dets stilling – 50 år efter. København: Akademisk Forlag. 1986. P. 18–57. (Nydanske Studier, 17.)
- Avgustinova, Oliva 1997 – *Avgustinova T., Oliva K.* On the Nature of the Wackernagel Position in Czech // *Formale Slavistik / U. Junghanns, G. Zybatow (eds).* Frankfurt am Main: Vervuert, 1997. P. 25–47.
- Babby 2002 – *Babby L.* Subjectlessness, External Subcategorization, and the Projection Principle // *Journal of Slavic Linguistics.* 10. 2002. P. 341–388.
- Babyonyshev 1996 – *Babyonyshev M.* Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese. MIT, 1996.
- Bailyn 2004 – *Bailyn J. F.* Generalized inversion // *Natural Language and Linguistic Theory.* 22. 2004. P. 1–49.
- Barbosa 1996 – *Barbosa P.* Clitic placement in European Portuguese and the position of subjects // *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena.* /A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 1–40.
- Bašić 2007 – *Bašić M.* Split Phrases in Slavic // *Formal Description of Slavic Languages / P. Kosta, L. Schürcks (eds).* Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2007. P. 103–116
- Bayer, Kornfilt 1994 – *Bayer J., Kornfilt J.* Against scrambling as an instance of Move-alpha // *Studies on Scrambling. Movement and Non-movement Approaches to Free Word Order Phenomena (Studies in Generative Grammar 41).* New York: Mouton de Gruyter, 1994. P. 17–60.
- Bayer, Obenauer 2010 – *Bayer J., Obenauer H.-G.* Discourse particles, Clause structure and Question Types / *Cambridge Occasional Papers in Linguistics.* Vol. 6 (in press).
- Belyaev 2010 – *Belyaev O.* Evolution of Case in Ossetic // *Iran and the Caucasus.* 14 (2). P. 287–322.
- Beninca, Poletto 2004 – *Beninca P., Poletto C.* Topic, Focus, and V2: Defining the CP Sublayers // *The Structure of CP and IP. The Cartography of Syntactic Structures.* Vol. 2. L. Rizzi (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 52–75.
- Bhatt 1999 – *Bhatt R. M.* Verb Movement and the Syntax of Kashmiri // *Studies in Natural Language and Linguistic Theory.* Vol. 46. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999.
- Billings, Konopasky 2002 – *Billings L., Konopasky A.* The role of morphology in ordering verb-adjacent clitics: from syntax to prosody in Bulgarian and Tagalog // *Linguistics in Potsdam / A. Alexiadou et al. (eds).* 19. Potsdam: Institut für Linguistik, Universität Potsdam, Potsdam, 2002. P. 1–26.

- Birner 1992 – *Birner B. J.* The discourse function of inversion in English. Evanston, IL: Northwestern University dissertation. 1992.
- Bošković 2001 – *Bošković Ž.* On the nature of the syntax-phonology interface. Amsterdam: Elsevier, 2001.
- Bošković 2002 – *Bošković Ž.* Clitics as nonbranching elements and the linear correspondence axiom // *Linguistic Inquiry*. 33.2. 2002. P. 329–340.
- Bošković 2004 – *Bošković Ž.* Clitic placement in South Slavic // *Journal of Slavic Linguistics*. 2004. Vol. 12. № 1–2. P. 39–90.
- Bresnan 1994 – *Bresnan J.* Locative Inversion and the architecture of Universal Grammar // *Language*. Vol. 70. № 1. P. 72–131.
- Browne 2007 – *Browne W.* Word Order in Burgenland Croatian: clitics // Talk at the Third Southeast European Studies Association Conference. April 26–28, 2007. (Talks Commemorating the 10th Anniversary of the Naylor Professorship.)
- Browne 2008 – *Browne W.* Porjadok Klitikox u Vojvodjaskim Rusinskim. Шверлоц. 3. Novi Sad, 2008. P. 351–362.
- Butt, Bögel 2009 – *Butt M., Bögel T.* Urdu Ezafe – Phrasal Affix or Clitic? // Workshop on morphosyntactic categories and the expression of possession. Univ. of Manchester. 3–4 April, 2009.
- Cardinaletti 1999 – *Cardinaletti A.* Pronouns in Germanic and Romance languages: An overview // *Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5)* / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York: Mouton, 1999. P. 63–82.
- Cardinaletti, Starke 1999 – *Cardinaletti A., Starke M.* The Typology of Structural Deficiency // *Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5)* / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York: Mouton, 1999. P. 245–273.
- Ćavar, Wilder 1999 – *Ćavar D., Wilder Ch.* Clitic Third in Croatian // *Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5)* / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York: Mouton, 1999. P. 429–467.
- Cetnarowska et al. 2008 – *Cetnarowska B., Pysz A., Trugman H.* How Fixed is the Postnominal Position of classificatory Adjectives in Polish? // 3rd Annual Conference of the Slavic Linguistic Society, SLS 3. Ohio, June 10–12, 2008.
- Chomsky 1977 – *Chomsky N.* On wh-movement // *Formal Syntax* / P. Culicover, T. Wasow, A. Akmajian (eds). New York: Academic Press, 1977. P. 71–132.
- Chomsky 1986 — *Chomsky N.* *Barriers*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1986.
- Chomsky 1993 – *Chomsky N.* A Minimalist Program for Linguistic Theory // *The view from building 20* / K. Hale, S. L. Keyser (eds). Cambridge: Mass. MIT Press, 1993.
- Chomsky 1995 – *Chomsky N.* *The Minimalist Program*. MIT, 1995.

- Chomsky 2000 – *Chomsky N.* Minimalist Inquiries: The Framework // Step by Step: Essays in Honor of Howard Lasnik / R. Martin et al. (eds). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Chomsky 2001 – *Chomsky N.* Derivation by Phase // Ken Hale: A Life in Language / M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Chomsky 2005 – *Chomsky N.* Three factors in language design // Linguistic Inquiry. 36. 2005. P. 1–22.
- Cinque 2004 – *Cinque G.* Issues in adverbial syntax // *Lingua*. 11, 2004. P. 683–710.
- Cinque, Krapova 2012 – *Cinque G., Krapova I.* The Case for Genitive Case in Bulgarian // The Structure of NP and Beyond (Studies in Generative Grammar) / L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou, P. Kosta (eds). Berlin; London: de Gruyter.
- Close 1979 – *Close, R.A.* A Reference Grammar for Students of English. Moscow: Prosveshcheniye, 1979.
- Cooper 1999 – *Cooper K.* On the nature and distribution of Zurich German pronominal clitics // Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5) / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York, 1999. P. 711–729.
- Coyne 2012 – *Coyne E.* Hutsul clitics. A new look on Frequency and Ordering // The 7th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society. Lawrence, Kansas. 27–27 August, 2012.
- Croft 1991 – *Croft W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Cysouw 2005 – *Cysouw M.* Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // Morphology and its demarcations: Selected papers from the 11th Morphology Meeting, Vienna, February 2004 / W. Dressler (ed.). John Benjamins, 2005. P. 41–104.
- Daneš ed alii 1987 – *Daneš, František, Miroslav Grepl and Zdeněk Hlavsa.* Mluvnice češtiny 3 – Skladba. Ed. By Jan Petr. Praha:Academia, 1987.
- Davidson, Werle 2010 – *Davidson M., Werle A.* Makah texts and analysis // Papers from the 45th International Conference on Salish and Neighbouring Languages / J. Dunham, J. Lyon (eds). University of British Columbia Working Papers in Linguistics, 2010. P. 140–154.
- Delbrück 1911 – *Delbrück B.* Germanische Syntax, II. Das Stellung des Verbuns. Leipzig, 1911. S. 76.
- Den Besten 1983 – *Den Besten H.* On the Interaction of Root Transformations and Lexical Deletive Rules // On the Formal Syntax of the Westgermania / W. Abraham (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 47–138.

- Diderichsen 1946 – *Diderichsen P.* ElementFr Dansk Grammatik. Krbenhavn. 1. 1946. (3. 1976.)
- Diesing 1990 – *Diesing M.* Verb Movement and Subject Position in Yiddish // *Natural Language and Linguistic Theory*. 8. 1990. P. 41–79.
- Dimitrova-Vulchanova 1999 – *Dimitrova-Vulchanova M.* Clitics in the Slavic languages // *Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5)* / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York: Mouton, 1999. P. 83–121.
- Donohue 2000 – *Donohue M.* One phrase structure // *Proceedings of ALS2k, the 2000 Conference of the Australian Linguistic Society*. <http://www.als.asn.au/proceedings/als2000/donohue.pdf>.
- Dryer 1996 – *Dryer M.S.* Focus, pragmatic presupposition, and activated propositions // *Journal of Pragmatics*. 26. 1996. P. 475–523.
- Dryer 2005a – *Dryer M.S.* 2005. Order of object and verb // *The World Atlas of Language Structures*, edited by Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil, and Bernard Comrie. Oxford University Press. P. 330–333.
- Dryer 2005b – *Dryer M.S.* 2005. Order of adposition and noun phrase // *The World Atlas of Language Structures*, edited by Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil, and Bernard Comrie. Oxford University Press.
- Dryer, Haspelmath 2013 – *Dryer M., Haspelmath M.* The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info>, Accessed on 2013-12-20.)
- Ekerot 1995 – *Ekerot L.-J.* Ordföljd. Tempus, Bestämthet. Lund: Gleerups, 1995.
- Embick, Noyer 1999 – *Embick D., Noyer R.* Locality in Post-Syntactic Operations // *Papers in Morphology and Syntax, Cycle Two* (= MIT Working Papers in Linguistics) / D. Embick, R. Noyer (eds). 34. Cambridge, Mass: MIT, 1999. P. 265–317.
- Engel 1994 – *Engel U.* Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1994.
- Ershler 2008 – *Ershler D.* Clitics and Possession Marking in Iron Ossetic: Iranian Heritage versus Caucasian Influence. Iranian seminar. 28 March, 2008.
- Evans, Levinson 2009 – *Evans N., Levinson S. C.* The Myth of Language Universals. Language Diversity and its Importance for Cognitive Science // *Behavioral and Brain Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Everett 1996 – *Everett D. L.* Why there are no clitics. An alternative perspective on pronominal allomorphy // *S.I.L. and University of Texas at Arlington, Publications in Linguistics*. 123. 1996.
- Faarlund et al. 1997 – *Faarlund J. T., Live S., Vannebo K. I.* Norsk Referansegrammatikk. Oslo: Universitetsforlaget, 1997.
- Fischer 2003 – *Fischer S.* Rethinking the Tobler-Musafia law: Data from Old Catalan // *Diachronica*. 20/2. 2003. P. 259–288.

- Fontana 1996 – *Fontana J. M.* Phonology and syntax in the interpretation of the To-blér-Mussafia law // *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena.* / A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 41–84.
- Fourquet 1938 – *Fourquet J.* L'ordre des JIm“nts de la phrase en germanique ancien. Itudes de syntaxe de position. Paris, 1938.
- Franks 2001 – *Franks S.* The Internal Structure of Slavic NPs, with Special Reference to Bulgarian // *Generative linguistics in Poland: Syntax and morphosyntax /* A. Przepiórkowski, P. Bański (eds). Warsaw: Instytut Podstaw Informatyki PAN, 2001. P. 53–69.
- Franks 2008 – *Franks S.* Clitic placement, Prosody and the Bulgarian verbal complex // *Journal of Slavic linguistics.* 16 (1). 2008. P. 91–137.
- Franks 2009 – *Franks S.* Clitics in Slavic // *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation /* S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds.). I. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 725–738.
- Franks, Junghanns, Law 2005 – *Franks S., Junghanns U., Law P.* Pronominal Clitics in Slavic // *Journal of Slavic Linguistics.* 12 (2004). 2005. P. 1–36.
- Franks, King 2000 – *Franks S., King T.* A handbook of Slavic clitics. New York: Oxford University Press, 2000.
- Freeze 1989 – *Freeze R. A.* Mayo de los capomos, Sinaloa. México // *Archivo de lenguas indígenas de México,* 1989.
- Gălăbov 1950 – *Gălăbov I.* Zur Frage der bulgarischen Enklitika // *Zeitschrift für slavische Philologie.* Bd. XX. Hefte 2. 1950. S. 417–418.
- Galves 2001 – *Galves Ch.* Agreement Predications and Pronouns in the History of Portuguese. MS, Unicamp, Brésil, 2001.
- Gärtner, Michaelis 2007 – *Gärtner H., Michaelis M. J.* Some remarks on the Locality Conditions and Minimalist Grammars // *Interfaces + Recursion = Language? Chomsky's Minimalism and the View from Syntax and Semantics.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. S. 162–195.
- Garrett 1996 – *Garrett A.* Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite // *Approaching Second. Second Position Clitics and Related Phenomena /* A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 85–133.
- Gazdar, Klein, Pullum, Sag (1985) – *Gazdar G., Klein E., Pullum G. and Ivan Sag.* Generalized Phrase Structure Grammar. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.
- Golden, Milojević Sheppard 2000 – *Golden M., Milojević Sheppard M.* Slovene pronominal clitics // *Clitic phenomena in European languages /* F. Buekema, M. den Dikken (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 191–201.

- Greenberg 1963 – *Greenberg J.H.* Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements // *Universals of language*. Cambridge, Mass., 1963. P. 73–113.
- Grønnum 1992 – *Grønnum N.* The Groundworks of Danish Intonation. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992.
- Guillaume 2008 – *Guillaume A.* A Grammar of Cavineña (Mouton Grammar Library 44). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Halpern, Zwicky 1996 – *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena* / A. L. Halpern, A. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996.
- Halpern 1996 – *Halpern A.L.* Introduction // *Approaching second: Second position clitics and related phenomena* / A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. ix—xxiii.
- Hana 2008 – *Hana J.* The position of Czech clitics // *Talk at the 3rd Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society, SLS 3*. Columbus, Ohio, June 10–12, 2008.
- Harris 2002 – *Harris A. C.* Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: OUP, 2002.
- Harizanov 2011 – *Harizanov B.* Non-initiality within Spell-Out Domains. Unifying the Post-Syntactic Behaviour of Dative Clitics // *Morphology at Santa-Cruz. Papers in Honor of Jorge Hankamer*. <http://escholarship.org/uc/item/9c84q1bz>.
- Haspelmath 2010 – *Haspelmath M.* Comparative Concepts and Descriptive Categories in Cross-Linguistic Studies // *Language*. 86, 2010.
- Hawkins 1983 – *Hawkins J.* Word Order Universals. New York, 1983.
- Heltoft 1986 – *Heltoft L.* Topologi og syntak. En revision af Paul Diderichsens sætningskemaer // *Sætningskemaet og dets stilling – 50 år efter*. København: Akademisk Forlag, 1986. P. 105–130 (*Nydanske Studier*, 17).
- Heltoft 1992 – *Heltoft L.* The Topology of Verb Second and SVO languages: A Study in the Sign Functions of Word Orders // *Two Studies on Central Issues in the Syntax of Danish and French* / M. Herslund (ed.). København: Nyt Nordisk Forlag, 1992. P. 13–64. (*Copenhagen Studies in Language*. Vol. 15.)
- Herd 2003 – *Herd J.* Deriving prosodic inversion: clitics, cyclicity and the organization of post-syntactic interfaces // *Toronto working papers in linguistics*. 21. 2003. P. 61–79.
- Hoekstra, Mulder 1990 – *Hoekstra T., Mulder R.* Unergatives as copular verbs: Locational and existential predication // *Linguistic Review*. 7. 1990. P. 1–79.
- Hock 1996 – *Hock H.H.* Who's on First? Toward a Prosodic Account of P2 Clitics // *Approaching second: Second position clitics and related phenomena* / A. Halpern, A. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 429–448.
- Hoffmann 1994 – *Hoffmann U.* Untersuchungen zur Topologie im Mittelfeld. Pronominale und nominale Satzglieder. München, 1994.

- Holmberg 1986 – *Holmberg A.* Word Order and Syntactic Features in the Scandinavian Languages and English. Stockholm: Department of General Linguistics, University of Stockholm, 1986.
- Holmberg, Platzack 1995– *Holmberg A., Platzack Ch.* The Role of Inflection in Scandinavian Syntax. New York: Oxford University Press, 1995.
- Jakobson 1935 – *Jakobson, R.* Les enclitique slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935. Перепечатано в кн. Jakobson, R. Selected Writings. Vol. II. The Hague-Paris, 1971. P. 16–22.
- Jakobson 1971 – *Jakobson R.* Les enclitiques slaves // Selected Writings. II: Word and Language. The Hague; Paris, 1971. P. 16–22.
- Jakubovich 2009 – *Jakubovich I.* Sociolinguistics of the Luvian language. Brill's Studies in Indo-European languages and Linguistics. 2. Leiden: Brill, 2009.
- Jelinek 1996 – *Jelinek E.* Definiteness and second position clitics in Straits Salish // Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena. /A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 271–298.
- Jelinek 2000 – *Jelinek E.* Predicate Raising in Lummi, Straight Salish // The Syntax of Verb Initial Languages (Oxford Studies in Comparative Syntax) / A. Carnie, E. Guilfoyle (eds). Oxford: university press, 2000. P. 212–233.
- Jones, Church 1985 – *Jones T. E., Church A. D.* Personal Pronouns in Guelavia Zapotec. SIL-Mexico Workpapers. Vol. 7. 1985.
- Joshi 1985 – *Joshi A. K.* Tree adjoining grammars: How much context-sensitivity is required to provide reasonable structural descriptions? // Natural Language Parsing. Psychological, Computational, and Theoretical Perspectives / D. R. Dowty, L. Karttunen, A. M. Zwicky (eds). New York: Cambridge University Press, 1985. P. 206–250.
- Kaisse 1981 – *Kaisse E. M.* Luiseño particles and the universal behaviour of clitics // Linguistic inquiry. 12. 1981. P. 424–434.
- Kayne 1991 – *Kayne R.* Romance clitics, verb movement, and PRO // Linguistic Inquiry. 22. 1991. P. 647–686.
- Kayne 1994 – *Kayne R.* The Antisymmetry of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Kempgen, Kosta, Berger, Gutschmidt 2009 – Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation / S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds). Bd. I. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009.
- King 1995 – *King T. L.* Configuring Topic and Focus in Russian. CSLI, Stanford, 1995.

- King 1997 – *King T.H.* Some Consequences of a Prosodic Inversion Account of Slavic Clitic Clusters // *Formale Slavistik / U. Junghanns, G. Zybatow (eds).* Frankfurt am Main: Vervuert, 1995. P. 75–86.
- Kitano 2006 – *Kitano H.* Transitivity and Pronominal Clitic Order in Kamampangan. Paper presented at Tenth Conference on Austronesian Linguistics (10-ICAL) 17–20 January 2006. Puerto Princesa City, Palawan, Philippines. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>.
- Klavans 1985 – *Klavans J.L.* The independence of syntax and phonology in cliticization // *Language*. Vol. 61. 1985. P. 95–120.
- Kobele, Michaelis 2005 – *Kobele G., Michaelis J.* Two type 0-variants of Minimalist Grammars // *FG-MOL 2005: Proceedings of the 10th conference on Formal Grammar and the 9th Meeting on Mathematics of Language / G. Jäger, P. Monachesi, G. Penn, S. Wintner (eds).* Edinburgh, Scotland, 2005.
- Kosta 2006 – *Kosta P.* On Free Word Order Phenomena in Czech as Compared to German // *Zeitschrift für Slawistik*. 51. № 3. P. 306–320.
- Kosta 2009a – *Kosta P.* Targets, Theory and Methods of Slavic Generative Syntax: Minimalism, Negation and Clitics // *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation / S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds).* I. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 282–316
- Kosta 2009b – On the prosody of light elements (particles/pronominal and auxiliary clitics) from the point of view of Minimalism and Optimality: the problem of syntax-prosody-interface. IWOBA 5. Opava. 8–11 Juli 2009.
- Kosta, Krivochen 2011 – *Kosta P., Krivochen D.* Some (Radically Minimalist) Thoughts on Merge // *The Minimalist Program: Quo Vadis? – Newborn, Reborn, or Stillborn?* Potsdam: University of Potsdam. October 3rd to 6th, 2011.
- Kosta, Schürcks 2009 – *Kosta P., Schürcks L.* Word Order in Slavic // *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation / S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds).* I. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 654–684.
- Kosta, Zimmerling 2013 – *Kosta P., Zimmerling A.* Slavic Clitic Systems in a Typological Perspective // *The Structure of NP and Beyond (Studies in Generative Grammar) / L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou, P. Kosta (eds.)* Berlin; London: de Gruyter.
- Källgren, Prince 1989 – *Källgren G., Prince E.F.* Swedish VP-topicalization and Yiddish Verb-Topicalization // *Nordic Journal of Linguistics*. 12. 1989. P. 47–58.

- Lavine 1998 – Lavine J. Null Expletives and the EPP in Slavic: A Minimalist Analysis // FASL VI: The Connecticut Meeting, Michigan Slavic Publications / S. Franks et al. (eds.) Ann Arbor, Michigan, 1998. P. 212–230.
- Lavine, Freidin 2001 – Lavine J., Freidin R. The Subject of Defective Tense in Russian // Journal of Slavic Linguistics. 9 (1–2). P. 253–290.
- Lee 2006 – Lee C. Clitic Pronouns in Masbatenyo. Paper presented at Tenth Conference on Austronesian Linguistics (10-ICAL) 17–20 January 2006. Puerto Princessa City, Palawan, Philippines. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>.
- Lee 2000 – Lee F. VP Remnant Movement and VSO in Quiavini Zapotec // The Syntax of Verb Initial Languages (Oxford Studies in Comparative Syntax) / A. Carnie, E. Guilfoyle (eds). Oxford: UP, 2000. P. 143–162.
- Levin 1991 – Levin B. Locative inversion: A problem for the unaccusative hypothesis? Evanston, IL: Northwestern University, 1991.
- Marušić 2007 – Marušić F. Positioning Slovenian clitics // SLS 2 conference. Berlin, 22–26.08.2007.
- Mahajan 1990 – Mahajan A. On the A-A' Distinction. Doctoral dissertation. Cambridge: MIT, Cambridge, Mass., 1990.
- Manzini, Savoia 2004 – Manzini, Rita and Leonardo M. Savoia (2004). Clitics. Cooccurrence and Mutual Exclusion Patterns. // The Cartography of Syntactic Structures / Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 211–250.
- Marković 1962 – Marković S. Međusobni položaj glagolskih i zameničkih enklitika u jeziku Ivana Ančica // Zbornik Mатице Српске за филологију и лингвистику. IV—V. Нови-Сад, 1961/1962. P. 207–211.
- Mathieu 2006 – Mathieu E. Stylistic Fronting in Old French // Probus. 18. 2006. P. 219–266.
- McConvell 1996 – McConvell P. The Functions of Split-Wackernagel Clitic Systems: Pronominal Clitics in the Ngumpin Languages (Pama-Nyungan family, Northern Australia) // Approaching second: Second position clitics and related phenomena / A. Halpern, A. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 299–331.
- Mel'cuk, Pertsov 1987 – Mel'cuk I., Pertsov N. Surface Syntax of English: A Formal Model in the Meaning-Text Framework. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987.
- Migdalski 2007 – Migdalski K. On the emergence of the second position cliticization in Slavic / Formal Description of Slavic Languages FDSL-7. Leipzig, 2007. P. 69–71.
- Migdalski 2009 – Migdalski K. Interaction between Verb Movement and Negation in South Slavic // Formal Description of Slavic Languages / P. Kosta, L. Schürcks

- (eds). Frankfurt-am Main – Berlin – Bergn – Bruxelles – New York – Bern: Peter Lang, 2009, 283–296.
- Mihaljević 1997 – *Mihaljević M.* The interaction of *li* and negation in Croatian Church Slavonic // *Formale Slavistik / U. Junghanns, G. Zybatow* (eds). Frankfurt am Main: Vervuert, 1997. P. 87–92.
- Miller, Sag 1997 – *Miller P.H., Sag I.A.* French clitic movement without clitics or movement // *Natural Language and Linguistic Theory*. 15. 1997. P. 573–639.
- Mišeska Tomic 1996 – *Mišeska Tomic O.* The Balkan Slavic Nominal Clitics. Approaching second: Second position clitics and related phenomena / A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 511–536.
- Mišeska Tomić 2004 – *Mišeska Tomić O.* The South Slavic Pronominal Clitics // *Journal of Slavic linguistics*. 12 (1–2), 2004. P. 213–248.
- Mišeska Tomić 2012 – *Mišeska Tomić O.* A grammar of Macedonian. Bloomington, Indiana, 2012.
- Mushin 2004 – *Mushin I.* Second-Position Clitic Phenomena in North-Central Australia: Some pragmatic Considerations // *Proceedings of the 2004 Conference of the Australian Linguistic Society*, 2004.
- Mushin, Simpson 2008 – *Mushin I., Simpson J.* Free to Bound to Free? Interactions between Pragmatics and Syntax in the Development of Australian Pronominal Systems // *Language*. Vol. 84. № 1. 2008. P. 566–596.
- Nash 1986 – *Nash D. G.* Topics in Warlpiri Grammar. (Outstanding dissertations in linguistics). Cambridge, MA: MIT, 1986.
- Nespor, Vogel 1986 – *Nespor M. Vogel I.* Prosodic phonology. Dordrecht: Foris, 1986.
- Nishida 1996 – *Nishida Ch.* Second position clitic pronouns and Categorical Grammar Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena. /A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 333–374.
- O'Connor 2002 – *O'Connor R.* Clitics and Phrasal Affixation in Construction Morphology. Proceedings of the LFG02 Conference // CSLI Publications. Stanford, 2002. P. 315–332.
- Pancheva 2006 – *Pancheva R.* The position of Tense in the Old Church Slavonic Clause // 1st Meeting of the Slavic Linguistic Society, SLS-1. Bloomington, 8–10 September 2006.
- Partee 1979 – *Partee, B.H.* Subject and Object in Modern English. (Outstanding dissertations in linguistics). New York & London: Garland, 1979.
- Peng, Billings 2006 – *Peng A., Billings L.* Binukid Pronominal Clitics. Paper presented at Tenth Conference on Austronesian Linguistics (10-ICAL) 17–20 Jan-

- uary 2006. Puerto Princesa City, Palawan, Philippines. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>.
- Perekrestenko 2007 – *Perekrestenko A.* A note on the complexity of the recognition problem for the Minimalist Grammars with unbounded scrambling and barriers // *Trabajos del XXIII Congreso de la Sociedad Española para el Procesamiento del Lenguaje Natural*. Sevilla, 2007.
- Perekrestenko 2008 – *Perekrestenko A.* Minimalist Grammars with unbounded scrambling and non-discriminating barriers are NP-hard // *Language and Automata Theory and Applications [Lecture Note on Computer Science]* / C. Martin-Vide, O. Friedrich, H. Fernau (eds). Springer Verlag, 2008. P. 321–432.
- Pierrehumbert 1980 – *Pierrehumbert J.B.* The Phonology of English Intonation. M.I.T. Doctoral dissertation, 1980.
- Platzack 1986 – *Platzack Ch.* Comp, Infl, and Germanic Word Order // *Topics in Scandinavian Syntax* / L. Hallen, K. K.Christensen (eds). Dordrecht: Reidel, 1986.
- Platzack 2008 – *Platzack Ch.* The Edge Feature on C. The University of Lund.
- Pollard, Sag 1994 – *Pollard C., Sag I.A.* Head-Driven Phrase Structure Grammar. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Pollock 1989 – *Pollock, Y-I.* (1989). Verb Movement, Universal Grammar, and the structure of NP // *Linguistic inquiry* 20 (1989), 365–424.
- Postal 1977 – *Postal P.* About a ‘nonargument’ for raising // *Linguistic Inquiry*. 8. 1997. P. 141–154.
- Progovac 1996 – *Progovac L.* Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the second position // *Approaching second: Second position clitics and related phenomena* / A. Halpern, A. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 411–428.
- Quali 2010 – *Quali H.* Verb Movement and Pronominal Clitic Distribution in Berber. http://www.sitemaker.umich.edu/hamid.ouali/files/verb_movement_and_object_pronominal_clitic_distribution.pdf.
- Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1972 – *Quirk R., Greenbaum S., Leech G. N., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. London: Longman, 1972.
- Pennington 2010 – *Pennington J.J.* Kombinovanje objekta adnominalnog poseivnog dativa s dopunama glagola u jednoj klauzi u bosansko-hrvatsko-srpsko-crnogorskom. University of Ohio.
- Radanović-Kocić 1996 – *Radanović-Kocić V.* The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach // *Approaching second: Second position clitics and related phenomena* / A. Halpern, A. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 429–448.

- Radford 1995 – *Radford A.* Transformational Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Rå Hauge 1976 – *Rå Hauge K.* The Word Order of Predicate Clitics in Bulgarian // *Journal of Slavic Linguistics*. 7 (1). 1976. P. 89–137. (Originally appeared as *Meddelelser* 10, Oslo: Slavisk-baltisk institutt, Universitetet I Oslo).
- Radeva-Bork 2011 – *Radeva-Bork Th.* (Proper) Clitic Doubling and Other Relatives in Bulgarian. SLS 6. 1–3 September 2011, Aix-en-Provence.
- Ramat, Ricca 1998 – *Ramat P., Ricca D.* Sentence adverbs in the languages of Europe // *Adverbial Constructions in the Languages of Europe* / J. Van der Auwera (ed.). Berlin: de Gruyter, 1998. P. 187–275.
- Rambow 1994 – *Rambow O.* Formal and Computational Aspects of Natural Language Syntax. PhD thesis. IRCS Technical Report, University of Pennsylvania, 1994.
- Reinhart 1983 – *Reinhart T.* Anaphora and semantic interpretation. London: Croom Helm, 1983.
- Rizzi 1978 – *Rizzi L.* A restructuring rule in Italian syntax // *Recent Transformational Studies in European Languages* / S.J. Keyser (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1978. P. 113–158.
- Rizzi 1989 – *Rizzi L.* Speculations on Verb-Second. Ms. University de Geneve, 1989.
- Rizzi 1990 – *Rizzi L.* Relativized Minimality. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Rizzi 2004a – *Rizzi L.* The Structure of CP and IP. *The Cartography of Syntactic Structures* / L. Rizzi (ed.). Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Rizzi 2004b – *Rizzi L.* On the Cartography of Syntactic Structures // *The Structure of CP and IP. The Cartography of Syntactic Structures* / L. Rizzi (ed.). Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3–15.
- Roberts 1997 – *Roberts T.* The optimal second position in Pashto. MIT. Ms., 1997. <http://roa.rutgers.edu/files/174-0297/174-0297-ROBERTS-0-0.PDF>.
- Ross 1967 – *Ross J.S.* Constraints on Variables in Syntax. Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, 1967.
- Rouveret 1999 – *Rouveret A.* Clitics, Subjects and Tense in European Portuguese // *Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20-5)* / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York: Mouton, 1999. P. 639–678.
- Rutkowski 2002 – *Rutkowski P.* Noun/pronoun asymmetries: Evidence in support of the DP hypothesis in Polish // *Jezikoslovje*. 3 (1–2), 2002. P. 159–170.
- Rutkowski 2008 – *Rutkowski P.* From Apposition to Classification: Polish vs. Lithuanian // *Issues in Slavic Syntax and Semantics* / A. Smirnova, M. Curtis (eds). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 1–13.

- Sadock 1991 – *Sadock J.M.* Autolexical syntax: A theory of parallel grammatical representations. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Sadock 1995 – *Sadock J.M.* A multi-hierarchy view of clitics // *CLS* 31. Part 2., 1995. P. 258–279.
- Schürcks, Wunderlich 2003 – Schürcks L., Wunderlich D. Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP // *From NP to DP* / M. Coene, Y. D'hulst (eds). Vol. 2: The Expression of Possession in Noun Phrases. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 121–139.
- Selkirk 1995 – *Selkirk E.* The prosodic structure of function words // *University of Massachusetts Occasional Papers 18: Papers in Optimality Theory* / J.N. Beckman, L. Walsh Dickey, S. Urbanczyk (eds). Amherst: University of Massachusetts, 1995. P. 439–470.
- Óewc-Schuster 1976 – *Óewc-Schuster H.* Gramatika hornjoserbskeje r ...e. 2 zwjazk-syntaksa. BudyÓin, 1976.
- Šimik, Bhatt 2009 – *Šimik R., Bhatt R.* Variable binding and the Person Case Constraint. // *The 8th European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL)*. University of Potsdam. December 2–5, 2009.
- Slavkov 2008 – *Slavkov N.* Formal Consequences of Dative Clitic Doubling in Bulgarian // *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 16. № 1. 2008. P. 139–165.
- Slioussar 2006 – *Slioussar N.* Mysterious nature of the Russian EPP // *SLS 1 Conference*. Bloomington, 8–10 September 2006.
- Stabler 1997 – *Stabler E.P.* Derivational minimalism // *Logical Aspects of Computational Linguistics* / Ch. Retore (ed.). Springer, 1997. P. 68–95.
- Stabler 1998 – *Stabler E.P.* Acquiring languages with movement // *Syntax*. 1, 1998. P. 72–97.
- Stabler 1999 – *Stabler E.P.* Remnant movement and complexity // *Constraints and Resources in Natural Language Syntax and Semantics* / G. Bouma, G.-J.M. Kruijff, E. Hinrichs, R.T. Oehrle, (eds). Stanford, CA: CSLI Publications, 1999. P. 299–326.
- Stabler 2001 – *Stabler E.P.* Recognizing head movement / de Groote et al. (eds). P. 245–260.
- Szucsich 2007 – *Szucsich L.* (Non)Agreement, Case Licensing and Argument Structure. Little *v* in Slavic Languages // *Formal Description of Slavic Languages* / P. Kosta, L. Schürcks (eds). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2007. P. 371–388.
- Taszycki 1955 – *Taszycki W.* Wybór Tekstów Staropolskich XVI–XVIII wieku. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1955.

- Tegey 1977 – *Tegey H.* The grammar of clitics: evidence from Pashto and other languages. Unpublished Ph.D. dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1977.
- Tisheva 2007 – *Tisheva J.* On Right Dislocation and Marginalization in Bulgarian // Linguistic Investigations into «Formal Description of Slavic Languages» / P. Kosta, L. Schürcks (eds). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2007. P. 389–398.
- Tseng 2003 – *Tseng J.* Phrasal affixes and French morphosyntax // Proceedings of Formal Grammar / G. Jager, P. Monachesi, G. Penn, S. Wintner (eds). Stanford: CSLI publications 2003. P. 177–188.
- Testelefs 2003 – *Testelefs Ya.* Are there Strong and Weak Pronouns in Russian? // Formal Approaches to Slavic Linguistics № 11: The Amherst Meeting 2002 / W. Browne, Ji-Yung Kim, B.H. Partee, R.A. Rothstein (eds). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. P. 515–538.
- Thráinsson 1986 – *Thráinsson H.* V1, V2, V3 in Icelandic // Verb Second Phenomena in Germanic Languages / H. Haider, M. Prinzhorn (eds). Dordrecht: Foris, 1986. P. 169–194.
- Thurmayr 1989 – *Thurmayr M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer, 1989.
- Trávníček 1956 – *Trávníček F.* (1956). Historická mluvnice česká, III. Skladba. Praha.
- Tsunoda 1988 – *Tsunoda T.* The Djaru language of Kimberly, Western Australia. (Pacific Linguistics, Series B – № 78). The Australian National University, 1988.
- Uhlířová 1987 – *Uhlířová, L.* (1987). Knižka o slovosledu. Praha: Academia, 1987.
- Veselovská 1995 – *Veselovská L.* Phrasal Movement and X-morphology: Word Order Parallels in Czech and English Nominal and Verbal Projections. PhD thesis. Olomouc, Czechia: Palacký University, 1995.
- Vogel 2004 – *Vogel R.* Correspondence in OT Syntax and Minimal link effects // Minimality Effects in Syntax / A. Stepanov, G. Fanselow, R. Vogel (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 401–441.
- Vogel 2009 – *Vogel, R.* Wh-Islands: A View from Correspondence Theory // Modeling Ungrammaticality in Optimality Theory/ C. Rice & S. Blaho (Eds.). London: Equinox, 2009. P. 267–292.
- Wackernagel 1892 – *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1, 1892. P. 333–436.
- Wanner 1996 – *Wanner D.* Second position clitics in Medieval Romance Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena. / A.L. Halpern, A. M. Zwicky (eds). Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 537–578.

- Werle 2002a – *Werle A.* Southern Wakashan Clitics Order // University of British Columbia Linguistics Department Colloquium, 2002.
- Werle 2002b – *Werle A.* Sonority-determined clitic order // WECOL 2002. Amherst: MIT, 2002.
- Werle 2007 – *Werle A.* Second-position clitics and second-position suffixes in Southern Wakashan // SSILA Annual Meeting, 7 January 2007.
- Willet 1991 – *Willet Th. L.* A Reference Grammar of Southeastern Tepehuan // A Publication of The Summer Institute of Linguistics and The University of Texas at Arlington, 1991.
- Witkoś 2007 – *Witkoś J.* Polish and A-type Scrambling // Formal Description of Slavic Languages / P. Kosta, L. Schürcks (eds). Frankfurt am Main. Peter Lang, 2007. P. 165–180.
- Yokoyama 2001 – *Yokoyama O.* Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // Die Welt der Slaven. XLVI., 2001. P. 1–26.
- Zariquiey Biondi 2011 – *Zariquiey Biondi R.* A grammar of Kashibo-Kakataibo. La Trobe University, 2011.
- Zikánová 2006 – *Zikánová Š.* Slovosled ve Starší Čestině (1500–1620): Postavení Syntetického Přisudku ve Větě Hlavní. Dizertační práce. Praha, 2006.
- Zimmerling 2006 – *Zimmerling A.* Encoding Strategies in Word Order: the Evidence of Slavic Languages // The 1st meeting of the Slavic Linguistic Society. Bloomington, 8–10 September 2006.
- Zimmerling 2007a – *Zimmerling A.* Topic-Focus Articulation, Verb Movement and the EPP in Russian // Slavic Linguistics Conference, SLS 2. Berlin, 2007.
- Zimmerling 2007b – *Zimmerling A.* Zero lexemes and derived sentence patterns // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 69, 2007. P. 457–469.
- Zimmerling 2008a – *Zimmerling A.* The Emergence of the 2nd Position Clitics in the Slavic Languages and the Order of Cliticization // 3rd Annual Conference of the Slavic Linguistic Society, SLS 3. Ohio, 10–12 June 2008.
- Zimmerling 2008b – *Zimmerling A.* Topic-Focus Articulation and Word Order Calculus: Minimalist vs Non-Minimalist Approaches // Syntactic structures. II. M., Russian University for the Humanities, RGGU, 03.04.2008.
- Zimmerling 2008c – *Zimmerling A.* Locative Inversion and Right Focus Movement in Russian. M., 2008. Manuscript.
- Zimmerling 2008d – *Zimmerling A.* The Null-Subject Parameter, Overt Expletives and Zero Subjects in Scandinavian Languages // Revisiting parameters: Holmberg & Platzack reloaded. Lund, 16–17 October, 2008.

- Zimmerling 2008e – *Zimmerling A.* Clitic-Second Languages and Verb-Second languages in a diachronic perspective // *Syntax of the World's languages*. 3. Berlin: Freie Universität Berlin, 25–28 September 2008.
- Zimmerling 2009 – *Zimmerling A.* Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // *Formale Slavistik* / P. Biskup, U. Junghanns, D. Lenertova, L. Szusic, G. Zybatow (eds). 7. Frankfurt-am Main: Peter Lang, 2009. P. 253–265.
- Zimmerling 2010 – *Zimmerling A.* Clitic Particles and the Typology of 2P languages. Ms. Particle Workshop. Downing College, Cambridge, UK, 30–31.11.2008. Ms.
- Zimmerling 2012 – *Zimmerling A.* A unified analysis of clitic clusters in world's languages // *Computational linguistics and intellectual technologies*. Issue 11 (18). 2012. P. 726–738.
- Zimmerling, Kosta 2013 – *Zimmerling A., Kosta P.* Slavic Clitics: A typology // *STUF*, 66. (2013). Vol. 2, 178–214.
- Zimmerling, Yanko 2007 – *Zimmerling A., Yanko T.* Locative Inversion and Verb Movement in Russian // *British Association of Slavonic and East European Studies*, BASEES 2007. Cambridge, UK, 31 March – 2 April 2007.
- Zwicky 1977 – *Zwicky A.M.* On Clitics. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1977.
- Zwicky 1985 – *Zwicky A.M.* Clitics and particles // *Language*. Vol. 61. № 2. 1985.

УКАЗАТЕЛЬ

- Акцент фразовый: 18, 52, 184, 186, 191, 199, 263–282, 320, 408, 436, 442, 446, 449–452, 464, 487, 494, 495
- Алломорфия: 51, 55, 389
- Ансамбли начальных групп: 114, 118–119, 318, 319, 375–380
- Антисимметрии гипотеза: 56
- Атонирование элементов предложения: 19, 52, 265, 266, 275, 277, 278–283
- Базы клитик (catalysts): 57, 115–117, 127
- Базисы клитик: 108–109, 126, 305, 354–365, 368, 475, 481, 510;
- Универсальный базис Comp/XP: 161, 316, 354–356, 358, 360–361
- Вторичные базисы клитик: 109, 129, 361
- Начальные проклитики: 50, 55, 57, 63, 107, 109, 129, 317, 384, 475
- Фраза-цитата: 109, 126, 156, 157, 355, 361, 382–384, 481
- Сентенциальные базисы: 104, 109, 123, 126, 153–162, 361, 373, 379–384, 394, 479, 481, 488
- Вершина синтаксическая (Head): 19–25, 28, 33–36, 38, 45–47, 51, 53, 55, 57, 58, 59, 61, 64, 76, 89, 94, 99, 105, 121, 135, 137, 146, 165, 176, 181–184, 200–204, 240–247, 249, 251, 254–262, 278, 280, 285, 286, 293, 302, 311, 313, 316, 317, 325, 348–350, 357, 359, 363, 365, 371, 387, 390, 391, 398, 400, 402, 450–453, 463, 464, 484, 492, 494, 501, 511
- Ветвление: 26–27, 55, 63, 204, 242, 244
- Левое: 26–27, 178, 181, 182
- Правое: 26–27, 167
- Грамматикализация: 12, 22, 27, 28, 35, 55–57, 71, 76, 103, 124, 193, 201, 208, 244–250, 251, 255, 284, 291, 297, 305, 306, 309, 320, 409, 411, 421, 451, 464, 472, 500
- Группы синтаксические:
- Бинарные: 25 – 26
- Расширенные: 36
- Лексических категорий: 26
- Функциональных категорий: 26
- Именные группы (NP): 24, 26, 36–39, 45, 50, 51, 56, 57, 62, 64, 65, 71, 73, 74, 86, 90, 91, 93, 98, 104, 106, 117, 123, 127, 132, 138, 139, 163, 167, 168, 175, 178–181, 184, 187, 190, 195, 200–205, 210, 214, 222, 224, 227, 228, 230–234, 237–244, 254, 255, 257, 258, 266, 273, 277, 280, 291, 303, 304, 317, 324, 332, 340, 375, 376, 410–412, 428, 448, 466, 474, 475, 482, 483, 492–494, 497–500, 511
- Глагольные группы (VP, vP): 24, 26, 76, 78, 165, 167, 169, 178, 184, 197, 200, 208, 213, 216–218, 223, 237, 240, 244, 255, 266, 270, 280–282, 310, 311, 315–317, 348, 349, 366, 370, 376, 392, 403, 404, 406, 423, 424, 426, 438, 445, 449–451, 453, 462, 463, 464, 494
- Предложные/послеложные группы (PP): 24, 26, 45, 58, 68, 69, 105, 114, 115, 131, 133, 177, 183, 202, 204, 221, 229, 244, 258, 293, 325, 361, 379, 381, 390, 398, 406, 410, 415, 417–419, 430, 442, 449, 452, 453, 456, 458–462, 482, 483, 485, 486, 490, 492, 493, 494–496
- Адъективные группы (группы прилагательного, AP): 24, 26, 225
- Группы вопросительного слова (WhP): 99, 179, 191–193, 195, 196, 214–216, 219–221, 225–238, 341, 375, 418, 440, 441–444, 466, 482, 492
- Сочиненные группы (CoP): 91, 340, 377, 466, 482, 483, 492, 493, 495
- Группа обстоятельного слова: (AdvP): 18, 19, 159, 172, 173, 379, 382, 421, 446, 451, 450, 451, 455, 456, 459, 460, 461
- Группа модального слова (ModP): ModP: 394, 395, 449, 455, 457–460
- Группа детерминатора (Определенная группа, DP): 34, 45, 66, 69, 74, 82, 99, 105, 114, 115, 158, 205, 206, 324, 325, 327
- Группа количественного слова (QP): 205, 206, 409, 482, 483
- Группа отрицательного слова (NegP): 26, 69, 99, 116, 218, 231, 246, 395, 396, 399, 401, 418, 419, 424, 425, 427, 428, 440, 446, 495
- Группа клитик (CliticP, ClP): 38, 42, 66, 67, 69, 70, 79, 83, 94, 100, 101, 101, 110,

- 113, 116, 141, 150, 243, 246, 260, 329–330, 348, 350, 396, 403, 420, 421, 469, 482, 490
- Группа обращения (VocP): 118, 392, 446–449, 452, 453, 498–499
- Группа комплементаризера (CompP): 97, 138, 357
- Локативная группа (LocP): 227–230, 232, 233
- Дублирование клитик (Clitic Doubling): 22, 56, 60, 64, 98, 117, 317, 427, 497–501
- Зависимое (Complement): 17, 20, 24, 25, 57, 210, 278, 285, 387
- Закон Васильева – Долобо: 52, 353
- Закон Ваккернагеля: 49, 61, 62–66, 71, 76, 84, 121, 125, 258, 259, 294, 295, 299, 301, 305, 308, 313, 321, 382, 385–388, 391, 426, 446, 467, 468
- Закон Тоблера- Мусафии: 121–123, 127, 156, 159, 160–162, 301, 307, 317, 388, 488,
- Иерархия грамматических признаков: 49, 152, 510
- Иерархия групп предложения: 17, 26, 38, 40, 94, 137, 141, 151, 165, 196, 205–206, 213, 243, 247, 254, 259, 270, 382, 402, 403, 405, 496,
- Иерархия акцентоносителей: 270–273, 451
- Иерархии функциональных категорий: 402
- Иерархия Лица: 70, 331,
- Иерархия Падежа: 112, 324,
- Иерархия Падежа-И-Лица: 112, 330, 331
- Иерархия Лица-И-Падежа: 332
- Иерархия Одушевленности: 332
- Коммуникативная иерархия: 275
- Иерархия принципов: 144
- Инверсия: 27, 36, 54, 99, 115, 207, 209, 216, 217, 222–240, 241, 253, 280, 282–287, 393, 408–409, 439, 450–52, 462–464
- Инверсия *ли*: 115–117, 396–400, 420–421,
- Локальная инверсия, Left Focus movement; 462–464
- Локативная инверсия: 217, 222, 223, 229–234, 236, 238, 240, 253, 267
- Просодическая инверсия: 316–318, 421–423, 464
- Интонация: 262, 269–283, 365, 436
- Интонационное маркирование: 124, 226, 248, 263, 320, 402, 409, 494, 495, 510
- Картография предложения: 39–40, 188–190, 407–430, 495
- Кластеризация: 44, 47, 65, 67, 78, 84, 86–88, 101–104, 125, 140, 147, 149–151, 154, 292, 293, 322, 323, 349, 409, 416, 432, 471, 472, 484, 487, 496, 507, 508, 511
- Кластеризуемые клитики: 12, 23–25, 27, 38, 42, 44, 46, 47, 63–71, 74, 75–76, 78, 80–87, 88, 90, 91, 93, 98, 101–103, 105–111
- Кластеризуемые местоимения:
- Аргументные местоимения: 38, 49, 85, 103, 104, 107, 108, 109, 154, 293–294, 324, 403, 419, 425, 469, 474, 478, 480, 481, 488, 490, 499, 505, 509
- Возвратные местоимения: 95, 96, 103, 104, 107, 108, 112, 113, 117, 123, 125, 130, 135, 141, 148–151, 156, 157, 247, 248, 260, 261, 293, 294, 303, 304, 323, 326, 328–331, 338, 352, 355, 370–372, 374, 390, 391, 393, 412, 419, 448, 469, 470–472, 478–481, 488, 491, 495, 497, 501–503, 505, 509
- Посессивные местоимения: 324–327, 370
- Кластеризуемые связочные клитики:
- Позиция AUX1: 110, 111, 148, 150, 335, 337, 338, 343, 344–347, 469–478, 481, 488, 502–508
- Позиция AUX2: 110, 111, 150, 337–340, 343–349, 409, 469, 470, 471, 474, 476, 478, 488, 491, 501–508
- Позиция AUX3: 345–349
- Позиция AUX4: 340, 343, 491, 501, 507
- Кластеризуемые местоимения:
- Кластеризуемые частицы:
- Позиция PART1: 111, 469, 471,
- Позиция PART2: 111, 469, 470, 474, 477
- Коммуникативная перспектива: 13, 124, 262–285, 368, 485, 510
- Коммуникативно маркированные предложения: 30, 75, 79, 114, 115, 118, 156, 186, 190, 191, 194, 199, 202, 271, 272, 287, 298, 317, 356, 357, 363, 369, 377, 388, 409–411, 418, 419, 421, 431, 432, 435, 436, 437, 440, 441, 443, 444, 450
- Коммуникативно нейтральные предложения: 25, 30, 99, 100, 156, 181, 186, 190, 194, 200, 201–204, 238, 267, 268, 273, 274, 276, 279, 298, 316, 317,

- 366, 368, 369, 375, 376, 377, 380, 408, 410, 431, 435, 437, 446, 451
- Коммуникативные составляющие: 13
- Коммуникативные статусы: 202
- Тема (Topic, TopicP): 69, 114, 115, 191, 222, 225, 227, 232, 265, 316, 319, 366, 367, 398, 406, 407, 409, 416, 420, 431, 435, 437, 438, 439, 442, 446, 449–453, 456, 456, 459, 461, 462, 471, 478, 486, 487, 494–496
- Рема (Focus, FocusP): 191, 222, 225, 227, 232, 265, 366, 367, 408, 409, 416, 421, 434–436, 438–440, 442, 446, 449–453, 456, 459, 463,
- Переход (Transition): 278
- Собственно Рема (Focus Proper): 236, 264, 265, 278, 438, 439, 449–451, 453, 456, 495
- Собственно Тема (Topic Proper): 264, 265, 278, 449
- Контрастная Рема (Contrastive Focus): 99, 417
- Контрастная Тема (Contrastive Topic): 22, 75, 79, 114, 115, 117, 118, 222, 378, 379, 381, 392, 436, 437, 441
- Копирование клитик (Clitic Copying): 56, 64, 101, 117, 496, 497, 498
- Коэффициент кластеризуемости: 148–150
- Подкорпус CLUSTER: 146–152, 471
- Подкорпус SINGLE: 146–152, 471
- Линеаризация: 28
- Clitic-External Ordering: 44
- Clitic-Internal Ordering: 44
- Линейная свобода клитик: 56
- Линейно-акцентные преобразования: 263–282, 449, 486
- Left Focus: 266, 267, 281, 283, 449, 451, 486, 487, 494
- Right Focus: 266, 280–283
- Дислокация ремы: 274, 275, 280–281, 435, 439
- Инверсия темы и ремы: 282
- Рематизация глагола: 282
- Топикализация глагола: 281, 282
- Извлечение вершины: 283
- Мезоклитики (интраклитики): 54, 61–62, 247
- Морфемы: 23, 50, 53, 54, 56, 61, 104, 352, 412
- Аффиксы: 49, 53, 54, 56, 58, 87
- Корни: 53–54, 56, 57, 58, 81, 312
- Превербы, приставки: 26, 54, 58, 62–64, 170, 178, 184, 400
- Неветвящиеся категории (non-branching elements, XP/X°): 23, 46, 47, 146, 402
- Несентенциальные (локальные, групповые) клитики: 58, 104, 129, 132, 291, 349, 469, 470
- Нулевая акцентная маркировка: 278, 279,
- Нулевая категория: 155, 162, 182, 211, 212, 230, 251, 278, 341, 346, 366
- Нулевая связка: 151, 296, 336
- Нулевые базисы клитик: 115–117, 155–157, 162, 475, 476
- Ортотонические слова: 52, 414
- Парентезы (парентетические вставки): 119–123, 127, 158, 160, 169, 188, 300–305, 382, 445, 447, 459, 460, 474, 475, 479, 488, 492, 498–500
- Парсинг: 17, 38, 152, 368
- Перемещения синтаксические: 20, 24, 33, 48, 324
- α -movement: 24
- Перемещение глагола: 443–462, 484–486, 511
- Wh-перемещение: 99, 179, 191–193, 195, 196, 214–216, 219–221, 225–238, 341, 375, 418, 440, 441–444, 466, 482, 492
- Перемещение вершин (Head movement): 47, 278, 281–283, 286, 317, 402
- Дальнее перемещение вершин (Long Head Movement): 317
- Перемещение клитик: 24, 463, 464
- Извлечение в вышестоящую группу (Extraction, Raising): 30–31
- Подъем посессора: 324–327
- Принципы грамматики: 49
- Принцип Расширенной Проекции (EPP): 211, 279, 286
- Полуклитики, клитикоиды: 134, 135, 144, 154, 286, 349–352
- Принципы построения цепочек: 130–152
- Принцип Независимости Правила Рангов (Independent Templatic Principle): 135, 139, 151, 152,
- Принцип Единственности Синтаксической Области (One Domain Principle): 136, 137, 139, 151, 152

- Условие Встроенных Областей (Condition on Embedded Domains): 137, 139, 151, 152
- Принцип Одного Уровня (One-Level-Condition): 138–140, 141–152
- Принцип Столбца Правила Рангов (Template-and-Slots-Principle): 142, 151–152
- Условие Гомогенности (Homogeneity Condition): 130, 134, 135, 140, 143, 145, 146, 152
- Категориальный Принцип (Categorial Principle): 65, 110, 113, 137, 140, 141, 144, 334, 335, 403, 469,
- Исторический Принцип (Diachronical Principle): 113, 144, 334, 335, 338, 345, 351, 353, 470
- Просодический Принцип (The Principle of Prosodic Weight): 113, 144, 353
- Правила грамматики:
- Локальные правила: 11, 13, 17–43, 53, 167, 178, 181, 204, 242, 272, 273, 283, 360, 362, 364
- Глобальные правила: 11, 13, 17–43, 178,
- Правила Начальной Составляющей: 62–64, 356–384
- Правило Сложной Составляющей, (ПСС): 62–64, 359–381, 407, 412–419, 421, 427–429, 431, 433, 434, 439, 441, 442, 457, 458, 465–467, 482, 484, 492, 501
- Правило Разрыва Составляющей, (ПРС): 62–64, 305, 359–381, 406, 412–418, 427–429, 431, 433, 434, 439, 442, 457, 465–467, 482–484, 490–492, 494, 501
- Правила Барьера: 98–100, 113–117, 383–400, 431–442, 484–496
- Слепые Барьеры: 67–68, 101, 118, 371, 387, 397, 398, 400, 412, 426, 431, 432, 445, 447, 484
- Селективные Барьеры: 67, 68, 101, 118, 371, 387, 384–430, 431, 445, 484
- Барьеры Главного Предложения: 114, 358, 396, 433, 439, 443, 445, 452, 453, 462–464, 478, 485–487, 489, 493, 494, 501
- Барьеры Придаточного: 113, 431–443, 485, 489
- Коммуникативные Барьеры: 67–69, 75, 99, 114–115, 118, 126, 380–381, 390–392, 398, 407, 409–411, 420–422, 431, 432, 437, 439, 442–444, 450–453, 463, 484–496, 501
- Грамматикализованный Барьер: 67–69, 76, 99, 115, 116, 118, 384–400, 414, 418–420, 426, 427, 484
- Кумулятивные Барьеры: 117, 118, 390–391, 392–394, 484, 495, 496
- Правила Рангов: 25, 40–42, 46, 47, 63, 65, 70, 74, 80, 83, 84, 87, 94–98, 101, 102, 106–108, 110–113, 117, 125–128, 133–153, 248, 249, 259, 261, 286, 295, 297, 305, 321, 322–354, 365, 383, 389, 396, 398, 399, 402–405, 407–409, 411, 412, 417, 419, 424, 425, 429–431, 448, 465, 467, 468–475–492, 501–509, 511
- Арсальные типы Правила Рангов: 110, 336–337
- Произвольная категория предложения (XP): 22, 31, 41, 42, 58, 164, 166, 169, 174, 184, 187, 190, 197, 318,
- Разрыв групп: 36–39, 62, 63, 64, 66, 67, 69, 70, 77, 90, 92, 101, 109, 115, 121, 139, 143, 160, 164, 165, 167, 178, 180, 183, 184, 186, 195, 200, 242, 244, 254, 258, 267, 277, 305, 308, 310, 322, 323, 345, 352, 355, 356, 359, 360–362, 365, 366, 370, 380, 384–386, 389, 395–399, 403–417, 419–432, 439, 446, 447, 448, 450, 453, 457, 464–466, 475, 481, 483, 484, 488, 490, 492, 493, 497, 501
- Селективность клитик: 56–57
- Клитики с высокой селективностью: 57, 350
- Клитики с низкой селективностью: 56, 57, 62, 306
- Сентенциальные клитики: 18, 38–40, 71, 72, 76, 104, 196, 261, 284, 291, 305, 306, 309, 322, 349, 409
- Сентенциальное отрицание: 26, 28, 41, 43, 164, 165, 185, 213, 230, 231, 358
- Сентенциальное наречие: 174, 175, 209, 210, 237, 384, 398, 400, 409
- Сентенциальная составляющая: 95, 170, 171, 173, 178, 186, 212, 394
- Скрэмблинг: 242, 258–266, 282;
- Ближний & локальный скрэмблинг: 252;
- Дальний & локальный скрэмблинг: 252
- Дальний & неограниченный скрэмблинг: 257–257

- Ближний & неограниченный скрэмблинг: 278–258
- Скрэмблинг клитик (Clitic Scrambling): 259–282, 381
- Clitic Climbing: 56, 79, 96, 112, 131, 136, 137, 155, 158, 161, 259–262, 282, 313, 322, 324, 326, 327, 330, 472, 480, 481, 483, 487, 488, 495–497, 501, 511
- Синтаксические ограничения: 12, 13, 21, 28, 32, 33, 35–37, 39, 44, 45, 47, 48, 52, 53, 60, 61, 70, 71, 73, 83, 84, 86, 87, 88, 100, 102, 103, 106, 108, 121, 123–126, 130, 131, 135, 140, 142, 163, 175, 181, 183, 186, 193, 196, 197, 206, 207, 208, 222, 231, 239, 242, 244, 251, 262, 284–286, 291, 293, 295, 301, 305, 307, 309, 312, 315, 317, 318, 320, 321, 324, 341, 355, 359, 362, 373, 368, 374, 385, 387, 396, 402, 421, 422, 434, 438, 451, 453, 462, 466, 474,
- Ограничение V2: 27, 48, 49, 64, 72, 169, 173, 174, 175, 178, 181, 188, 190, 193, 195–198, 200, 234, 308, 311, 495
Residual V2: 27–28, 216
- Ограничение V2/V1: 72, 73, 175, 284, 308, 309,
- Ограничения на смежность элементов: 23, 53, 58, 60, 61, 72, 79, 92, 94, 126, 159, 210, 247, 306, 312, 313, 338, 354, 426, 453, 747
- Системы порядка слов: 13, 44
- Стандартные W-системы: 13, 44, 52, 71, 73, 74, 79–81, 86, 88–90, 93, 100, 102, 106–109, 113, 115, 117–120, 123–127, 155, 157, 159, 305, 306, 309–313, 318–322, 333, 334, 345, 349, 350, 352–365, 368, 369, 381, 385, 386, 388, 389, 391, 405, 406, 410–412, 433, 439, 446, 448, 453, 465, 466, 487, 496, 504, 509, 510
- W₁-системы: 90, 93, 465
- W₂-системы: 90–92, 466
- W₂-A-системы: 91, 93, 466
- W₂-B-системы: 93, 466
- W₂-C-системы: 93, 466
- W⁺-системы: 13, 44, 71, 73, 74, 79, 81, 86, 92, 93, 107–109, 159, 306–308, 313, 320, 322, 355, 357, 360, 385, 422, 497,
- Филиппинский тип: 73, 92, 93, 106, 320
- Германский тип: 73, 78, 92, 93, 107, 123, 320
- W*-системы: 13, 44, 76, 79, 80, 81, 84, 86, 88, 93, 125, 126, 144, 309–311, 406, 465
- V-системы: 13, 44, 76, 80, 81, 84, 86, 88, 93, 103, 311–312, 497
- C-системы: 13, 86, 123–126
- Следы перемещений (traces): 33, 34, 199, 201, 235–236, 253–258, 260–262, 265–267, 441, 444, 451, 484–486, 494, 496
- Словоформы: 17, 21–23, 36, 40, 45, 50–52, 67, 87, 104, 108, 165, 240, 271, 278, 294, 295, 298, 315, 351, 355, 357, 359, 360, 363–365, 389, 397, 398, 413, 419, 423, 427, 429, 433, 449, 450, 456, 479, 481, 491, 492
- Слабые местоименные формы: 51–52
- Сильные местоименные формы: 52
- Спецификатор (Spec): 24, 84, 196, 285
Табличная схема предложения: 31, 162–249
- Табличная схема ИГ: 34–35, 166–167, 179–183, 199–205, 240–243
- Тактовая группа (см. *фонетическое слово*): 40, 50, 52, 398, 453, 468
- Тмесис: 54, 62, 64 (см. *разрыв групп*)
- Топикализация: 69, 74, 98, 100, 115, 138, 139, 188, 191, 195, 213, 216, 221, 229, 234, 235, 238, 240, 279, 316, 317, 420, 440–442, 453, 486, 487
- Трансформации: 48, 56;
- Auxiliary Support: 216–219, 226, 237
- Универсальная Грамматика: 13, 40, 47, 49, 51, 53, 61, 76, 84, 94, 140, 142, 175, 181, 191, 193, 196, 206, 207, 211, 219, 227, 230, 234, 239, 387, 402, 451, 510, 511
- Условия реализации порядков слов с клитиками (фильтры): 358–383
- Просодические фильтры:
Основной: 358–359
Вторичные: 360–381
- Синтаксические фильтры: 359–360
- Коммуникативный фильтр: 363–369
- Фокализация (рематизация): 37, 99, 224, 232, 238, 265, 279, 441
- Фразовые аффиксы: 56, 81–84, 87, 146, 283, 322, 260, 414, 482
- Цепочки клитик: 23, 46, 65

- Уровня предложения: 45,
Уровня группы: 45, 65
- Фонетическое слово: 38, 50, 62–64, 66,
70, 73, 85, 88, 89–91, 93, 94, 98, 115, 116,
119, 123, 127, 139, 161, 243, 245, 258,
262, 304, 305, 322, 353–372, 384, 397, 422,
465–468, 476, 481, 482, 483, 485, 488,
490, 492–494, 501
- Фонетическая дефектность: 52
- Фонетические клитики: 51, 55, 58, 61, 64,
97, 119–121, 120–122, 125, 127, 131, 138,
140, 151, 154, 158, 161, 243, 245, 247,
297–304, 307, 313–314–317, 319, 321, 382,
388, 391, 399, 404, 405, 409, 465
Строгие энклитики: 55, 119–122, 127,
132, 154, 295, 300–303, 315, 317, 318,
423, 474, 488
Нестрогие энклитики: 109, 119–121, 160,
299, 300–303, 382, 388, 430, 476
Универсальные клитики: 119–121, 299,
300–302, 307, 317, 384, 425, 479, 484
Строгие проклитики: 81, 121–122, 301,
384
- Формальные грамматики: 11–13, 20
Минималистская Программа Хомского:
11–13, 18, 20, 24, 25, 39, 45, 51, 87, 100,
129, 179, 196, 199, 206, 207, 211, 213, 225,
232, 239, 268, 284–287, 402, 421
Минималистские грамматики Стейблера:
20, 24, 48, 100, 129, 206, 207, 277, 282,
285
HPSG: 48, 82, 87
LFG: 82, 87
Модель ЛА-трансформаций: 273–283
- Эндоклитики: 53–54, 61
- Энклиномены: 52, 353, 414, 476
- Языки мира;
Славянские: 27, 62–63
Болгарский: 22, 23, 28, 29, 30, 35, 40–45,
49–51, 55, 56, 59–61, 63, 66–69, 71–73,
75, 85, 86, 90, 104, 106, 107, 109, 111,
113–127, 154–156, 158, 159, 196, 254, 259,
284, 291, 292, 293, 295, 299–304, 306–
308, 312–317, 319–321, 323–327, 329,
331–333, 336, 337, 345, 349, 358, 360,
369, 373, 375–377, 380–382, 384, 386,
389–392, 395–404, 407, 414, 417–423,
425–427, 436–439, 441–443, 453, 497
Белорусский: 29, 37, 41, 103, 123, 291, 320
Бургенландский хорватский: 90, 103, 106,
111, 112, 306, 330, 336–338, 367, 369, 466
Верхнелужицкий: 25, 35, 90, 106, 111, 120,
150, 156, 157, 159, 196–204, 212, 311, 321
Древненовгородский: 39, 51, 62, 63, 65,
67, 68, 73, 79, 85, 89, 90, 95, 97, 101,
103–106, 110, 113, 114, 117, 120, 124, 130,
132, 138–141, 145, 148, 150, 258, 259,
261, 292–294, 296, 300, 306, 320, 327,
329, 332–336, 338–344, 346, 352, 359,
361–364, 365, 367–372, 374, 378, 380,
381, 386, 387, 390, 391, 397, 403, 406,
411, 412, 414, 415, 417, 419, 427, 429,
430, 434, 439, 440–447, 452, 453, 465,
466, 467, 485, 489–491, 494, 497, 500,
501, 507
Древнерусский: 26, 52, 62, 64, 67, 69, 77,
79, 80, 90, 101, 104, 105, 107, 110, 118,
124, 125, 258, 291, 309, 320, 321, 333,
339–341, 343, 345, 346, 350, 351, 353, 360,
387, 391, 392, 405–408, 410–413, 415,
417, 419, 429, 431, 432, 445, 447–449,
451–454, 462, 465–468, 473, 489–501,
503, 506, 507
Древнесербский: 113, 336, 468, 499–509
Древнечешский: 90, 105, 111, 255, 321, 329,
335, 338, 344, 350, 413, 465–489, 494,
495, 500, 502–504, 506–508
Древнехорватский: 426–428
Нижнелужицкий: 198–200, 244, 311, 321
Кашубский: 90, 107, 311
Македонский: 35, 43, 51, 56, 59, 72, 75, 106,
107, 121, 307, 308, 311, 317, 324, 326, 332,
333, 345, 391, 422–426
Молизеслав: 108, 121, 312
Польский: 27, 29, 34–35, 77–78, 80, 90, 104,
107, 111, 113, 114, 125, 126, 150, 163,
164, 168, 180, 184, 201, 293, 296, 309,
310, 311, 338, 343, 349, 356, 386, 406, 413,
509
Русинский Воеводины: 90, 103, 106, 111–
113, 259, 260, 306, 330–332, 336, 337
Русский: 19, 20, 26, 29–34, 37, 49, 55,
57–58, 82, 123, 184, 191, 201, 211, 212,
253–258, 265–269, 271–274, 277, 279,
280–283, 325, 340, 349, 400, 402, 411, 418,
431, 439, 440, 449

- Синевирский диалект: 90, 103, 106, 126, 296, 343, 345, 46, 348, 351, 352
- Сербохорватский: 18, 30, 38–39, 51, 56, 62, 63, 67, 68, 71, 73, 75, 82, 85, 90, 94, 101, 105, 106, 109, 111, 112, 118, 120–122, 126, 131, 132, 139, 140, 148, 157, 158, 259, 260, 262, 292–294, 300–302, 306, 312–314, 317, 321, 327–330, 336–338, 345, 357–359, 362–369, 372, 373, 382–395, 406, 413, 415–417, 426, 434, 435, 436, 438, 444, 455–465, 495, 496, 503
- Сербский: 507
- Словацкий: 29, 67, 68, 96, 97, 101, 111, 118, 120, 122, 123, 126, 132, 133, 137, 139–142, 148–151, 159, 296, 297, 300, 304–306, 319, 321, 338, 369–373, 378, 390, 393, 394, 431, 436, 467, 474, 491, 495
- Словенский: 18, 19, 30, 39, 90, 95, 96, 103, 106, 109, 111, 113, 120, 126, 136, 155, 156, 160, 161, 259, 261, 262, 295, 296–300, 306, 314, 327–329, 331, 332, 336, 337, 345, 351, 355, 358, 361, 369, 373, 374, 381–384, 388, 394, 430–432, 466, 476, 479
- Старопольский: 90, 107, 108, 111, 125, 321, 335, 338, 348, 404
- Старославянский: 25, 77, 80, 90, 105, 107, 111, 292, 309, 333, 404–406, 412, 414, 430, 445, 450, 452–454, 462
- Староукраинский: 336
- Украинский: 29, 37, 41, 103, 106, 123, 291, 320, 336, 345, 349, 413
- Украинские диалекты: 123, 125, 298, 306, 321, 384, 467, 491, 508
- Хорватский: 113, 331, 394–395, 455–464
- Чешский: 26, 29, 39, 51, 62, 73, 75, 90, 105, 106, 109, 111, 113–115, 118–120, 122, 125, 133, 150, 157, 159, 212, 252, 253, 262, 284, 295, 304, 311, 313, 314, 318, 319, 321, 323, 326, 334, 335, 338, 345, 349, 355–358, 361, 362, 364, 369–375, 377–380, 381, 383, 429, 431, 435–437, 441, 444, 464–467, 471, 475, 478, 487
- Германские языки: 27, 32, 73, 174, 175, 181, 184, 186, 188, 195, 198, 200, 208, 308, 387
- Английский: 28, 49, 58, 82, 128, 164, 170, 181, 185, 190, 203–238, 239, 240, 244, 286, 308
- Бернский диалект немецкого языка: 78, 80
готский: 54, 58
- Датский: 28, 31, 48, 50, 163–170, 174, 175, 178, 180, 184–186, 188, 194, 209, 210, 238, 239, 244, 269
- Древнеисландский: 71, 72, 73, 92, 93, 284, 308
- Древневерхнемецкий: 308
- Древнесаксонский: 308
- Западнонорвежские диалекты: 113, 311
- Идиш: 175, 308
- Немецкий: 26, 48, 49, 57, 164, 169–181, 184–189, 194–198, 216, 238–239, 249, 254, 255, 269
- Нидерландский: 26, 169, 175, 178
- Новоисландский: 48, 175, 308, 331
- Норвежский: 164, 169, 170, 174, 175, 209, 239
- Средненорвежский: 72, 93, 308
- Фарерский: 48, 175
- Шведский: 48, 164, 169, 170, 174, 175, 188, 209, 212, 239
- Цюрихский диалект немецкого языка: 78, 80
- Индо-иранские: 62
авестийский: 89, 306
древнегреческий: 51, 61, 62, 63, 64, 89, 90, 93, 101, 295, 306, 323, 363, 466, 467
древнеперсидский: 295, 306
Кипрский диалект: 79, 80
Новогреческий: 52, 76, 89, 93, 100, 108
Позднее койне: 79, 80, 89, 93, 311
Санскрит: 62, 140, 144, 295, 306, 466, 467
Урду: 82
- Дардские языки: 26, 73, 181
- Кашмири: 26, 48, 49, 73, 169, 174, 178, 179, 180–196, 238, 239, 249, 318, 495
- Иранские языки: 62
Осетинский: 54, 55, 58, 62, 63, 65, 92, 93, 107, 144, 145, 292, 306, 323, 466, 468,
пашто: 46, 51, 54, 62, 63, 71, 73–75, 79, 92–95, 109, 306, 466–468
- Романские языки: 51, 76, 84, 244, 245, 291, 311, 313, 351, 387, 497
- бразильский португальский: 72, 76, 80
европейский португальский: 55, 67, 68, 76, 92, 99, 100, 118, 311, 387, 388, 392, 393
испанский: 51, 56–58, 76, 80, 89, 311, 389
итальянский: 76, 82, 108, 312
каталанский: 80
румынский: 55–56, 80, 137, 163, 245–250, 311

- старокаталанский: 311
староиспанский: 73, 311
старопортугальский: 72, 92, 311
старофранцузский: 73, 92, 93, 311
французский: 55, 76, 80, 83, 89, 212, 213, 311
Прочие индоевропейские языки:
Албанский: 76, 80, 89, 311
Латинский: 64
Литовский: 25, 35, 58, 64, 163, 208
Лувийский: 295, 306
Хеттский: 56, 57, 59, 63, 73, 89–91, 93, 101, 116, 295, 306, 466, 467
Неиндоевропейские языки:
Австронезийские языки: 306
Центральнофилиппинские языки: 67, 71, 74, 89, 93, 94, 144, 307
бинукид: 51, 60, 63, 65, 66, 68, 69, 74, 92, 94, 109, 307, 389
тагальский: 60, 63, 71, 73, 74, 81–83, 92–94, 109, 140, 141, 307.
таусуг: 60, 75
себуано: 71, 73, 92, 93, 94, 144, 307, 334
бикол: 71, 73, 92, 93, 144, 307,
мансака: 307
кааган: 307
тагакаулу: 307
дававень: 307
масбатень: 75, 92
Севернофилиппинские языки:
Кампанпанган: 70, 306
Прочие австронезийские языки:
Индонезийский: 81–82
Маори: 65, 71, 73, 74, 89
Языки семьи Пама-нонга: 62, 72, 79, 80, 133, 138, 306, 308
варльпири: 46, 47, 54, 62, 63, 65, 71, 73, 75, 85, 89, 91, 95, 97, 98, 119, 138, 139, 140, 306, 362
варумунгу: 62, 73, 75, 91, 93, 94, 133, 306, 466
дьяру: 62, 79, 116, 306, 362,
группа вик:
кугу-нганьчара: 58, 60, 80,
группа нгумпин: 67, 79
билинара: 68, 79
вальмадьяри: 79
варнман: 79
мудбурра: 79, 80, 89, 100, 116, 117
гуринди: 79, 80, 89, 100
ритхарнгу: 72, 73, 81, 307, 308
группа йолнгу: 72
дьянанг: 60, 72, 73, 92, 307
дьянба: 72, 73, 92, 307
Аравакские языки: 54, 79, 292, 349
Тарьяна: 79, 80, 89, 349
Варекена: 54–56, 79, 80, 292
Афроазиатские языки: 62–63, 65, 90, 306, 318
Кабильский: 62, 63, 71, 73, 74, 90, 93, 306, 466
Сива: 80
Тамазигхт: 62, 69, 71, 73, 89, 93, 306, 466
Тарифит: 62, 306
Туарег ахаггар: 65
Вакашские языки: 58, 62–63, 65, 101, 292, 306, 349
Кваквала: 58
Мака: 62, 101, 292, 306, 349
Дитидахт: 62, 101, 292, 306
Нуучалнутх: 62, 306
Нахско-дагестанские языки:
Удинский: 53
Языки семьи Пано: 62, 130
Кашибо-какатайбо: 62, 120, 130, 137, 148, 160, 466, 468
Отмангские языки: 55, 62, 65, 80, 306
Кьявини сапотек: 62, 63, 89, 306
Гелавиа сапотек: 55, 80
Сэлишские языки: 306, 318
Люмми: 62, 63, 71, 73, 85, 90, 93, 306, 318, 466
Таканские языки: 62, 136, 306
Кавиненья: 62, 63, 65, 73, 89, 92, 93, 95, 136, 139–140, 160, 306, 362, 466–468
Юто-ацтекские языки: 62, 160, 306
Луисень: 62, 306
Майо: 62, 306
Юго-восточный тепехуан: 62, 160
Языки семьи торричелли:
Оне: 36–37, 163–164, 238–243

Циммерлинг Антон Владимирович

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Корректор Н. Полякова
Оригинал-макет подготовил Б. Голишников
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 12.12.2013. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 43,86. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрег. 1037739918449.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)